

~~Нар. Библ. Сербия~~

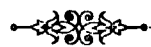
Учен. зап., т. 1, к. 1

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ.

В. Успенскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 80

1891.

~~14713~~

1284

Извѣстїе изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенїа, 1891 г.

I.

Константинопольскій соборъ 842 года и утверждение православія.

Введеніе: Синодикъ въ недѣлю православія, задачи изученія его. — Исторіе-графія собора 842 года: Г. Амартотъ, Генесій, Продолжатель Теофана, Симеонъ Метафрастъ и Левъ Грамматикъ, I. Скилица. — Слово на перенесеніе мощей патріарха Никифора. — Акты VII вселенскаго собора. Выводы изъ разсмотрѣнія источниковъ. — Литература житій: житіе царицы Теодоры, Ѳ. Студита и его учениковъ; основныя мотивы, развиваемыя въ житіяхъ. — Отдѣльныя сказанія. — Повѣствованія синаксарныя. — Матеріалы въ анналахъ Баронія. — Взаимное отношеніе иконоборческой и православной партіи по смерти Теофила. — Восточный (армянскій) элементъ при дворѣ и въ администраціи. — Протестъ противъ усиленія этого элемента, исторія Теофова, опасеніе Теофила за судьбу династій. — Участіе политическаго элемента въ возстановленіи православія. — Патріархъ Іоаннъ VII, какъ представитель восточныхъ вліяній; легенды. — Патріархъ Меодій: западное и національное византійское направленіе. — Отношенія Меодія къ Риму. — Дѣло самозванца Ѳомы: этнографическій принципъ. — Протестъ противъ иконоборства. — Политическая окраска Меодія при Теофилѣ. — Нестроенія въ вѣдрахъ православной церкви при Меодіи. — Житіе Іоанникия.

Всякому извѣстенъ совершаемый въ недѣлю православія чинъ провозглашенія вѣчной памяти ревнителямъ православія и анаематствованія еретикамъ. Этотъ церковный чинъ имѣетъ древнее происхожденіе и весьма сложную исторію. Въ первый разъ, въ 842 году, онъ совершался въ Константинополѣ безъ особенныхъ приготовленій. Тогда не могло быть ни мѣста, ни времени для устройства обрядовой стороны совершенія его, ибо православіе восторжествовало надъ иконоборствомъ лишь за нѣсколько дней до перваго воскресенья великаго поста. Можно, такимъ образомъ, полагать, что въ 842 году чинъ православія состоялъ въ прочтеніи соборныхъ актовъ, которыми отлучены были отъ церкви иконоборцы и узѣнчаны похвалами и про-

возглашеніемъ вѣчной памяти подвижники и ревнители иконопочита- нія. Съ теченіемъ времени въ церкви нарождались новые вопросы, вызывавшіе примѣненіе строгихъ мѣръ, отвергались иномыслия по предметамъ вѣроученія и появлялись новые еретики, которые были опасны не менѣе иконоборцевъ; тогда свѣтское и церковное прави- тельство, въ борьбѣ съ новшествами, по мѣрѣ надобности, соста- вляло новые соборы, постановленіями которыхъ постепенно увеличи- вался составъ ежегодно читаемаго въ недѣлю православія Синодика. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно должна была развиваться обрядовая сторона совершенія чина православія. До самаго паденія Константи- нополя наблюдается развитіе и нарощеніе въ частяхъ этого памят- ника. Можно сказать, что Синодикъ ближайшей во времени турецкаго завоеванія эпохи, или Синодикъ полного состава, представляетъ собой всю исторію болѣзни, которая по временамъ захватывала ви- зантійскую церковь, и заключаетъ живыми красками написанную кар- тину борьбы изъ-за богословскихъ, философскихъ и близкихъ къ нимъ вопросовъ. Разумно не отвлеченные вопросы, интересующіе только клиръ церковный, но такіе, которыми занималось все общество, о ко- торыхъ велись бесѣды на площадяхъ и въ частныхъ собраніяхъ. Ма- териалъ, находящійся въ Синодикѣ, не ограничивается предметами вѣроученія въ тѣсномъ смыслѣ, но распространяется на широкую область философскаго мышленія, общественной морали, политическихъ идеаловъ и т. п. Отсюда можно понять, какъ этотъ матеріалъ инте- ресенъ съ точки зрѣнія культурной исторіи Византіи. Формальная цѣнность этого матеріала доказывается тѣмъ, что большинство со- борныхъ актовъ утрачено безслѣдно, между тѣмъ какъ вносимыя въ Синодикъ статьи вырѣзывались на камнѣ и хранились въ церкви св. Софіи.

Три мраморныя плиты, каждая въ три сажени длины и въ двѣ ширины, оставались на своемъ мѣстѣ до XVI вѣка, когда султаны воспользовались ими для украшенія своихъ усыпальницъ. Докумен- тальное значеніе Синодика усматривается еще изъ того, что онъ былъ официальнымъ памятникомъ, предназначеннымъ для употребленія въ церкви, списывался для потребностей мѣстныхъ церквей и имѣлъ широкое распространеніе. Довольно древніе списки его хранятся въ разныхъ заграничныхъ бібліотекахъ, восходя къ XI и XII вв. Рядомъ съ оригинальными греческими синодиками должны быть поста- влены русскіе переводные. Первое мѣсто между этими послѣдними за- нимаетъ московскій синодикъ патріаршей бібліотеки (№ 667), при-

надлежащій основной своей частью въ XV вѣку; за нимъ слѣдуютъ два синодика XVI вѣка, изъ коихъ одинъ, хранящійся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, представляетъ любопытнѣйшія вставки русскаго происхожденія. Не говорю здѣсь о безчисленномъ множествѣ русскихъ синодиковъ, находящихся въ библиотекахъ и въ частныхъ собраніяхъ, которые представляютъ особый отличный типъ отъ разсматриваемыхъ здѣсь синодиковъ.

Можно понять на основаніи сказаннаго, что въ настоящее время возможна постановка вопроса объ изученіи Синодика, какъ историко-литературнаго памятника, по его происхожденію и составу. Въ составѣ Синодика ясно распознаются четыре слоя, отмѣчающіе четыре эпохи въ Византійской исторіи. Первый и основной, редакція котораго дана протоколами VII вселенскаго собора, выражаетъ торжество получившей перевѣсъ православной партіи при царствѣ Θεодорѣ и Михаилѣ III въ 842 году. Эта основная часть, въ которой иконоборцы и иконопочитатели занимаютъ главное мѣсто, болѣе двухъ столѣтій оставалась безъ существенныхъ измѣненій и только въ XI вѣкѣ получила литературную переработку и значительную прибавку въ началѣ, разсматриваемую въ позднѣйшихъ спискахъ, какъ предисловіе Синодика. Нельзя, однако, думать, чтобы въ теченіе указаннаго періода церковь ни разу не встрѣчала необходимости употребить въ дѣло практику, узаконенную въ 842 году. Можно догадываться, что были случаи какъ внесенія въ Синодикъ новыхъ именъ, такъ и исключенія. Очень распространено и извѣстно сказаніе о томъ, какъ изглажено было изъ Синодика имя царя Θεофила; сказаніе это получило извѣстную литературную форму въ серединѣ X вѣка.

Въ иконоборческую эпоху выдвигались, хотя и остались не порѣшенными, вопросы общаго характера, которые потомъ снова выступили на очередь и оставили по себѣ слѣды въ позднѣйшихъ насловніяхъ. Виѣсть съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что періоды распространенія нашего памятника новыми статьями совпадаютъ съ періодами особеннаго напряженія умовъ въ Византіи и знаменуютъ собой глухую и мало отмѣченную писателями внутреннюю борьбу. Такъ какъ эта борьба отправлялась изъ важныхъ принциповъ: національность и космополитизмъ, свобода научнаго изслѣдованія, выработка новыхъ формъ гражданственности и, наконецъ, вопросъ о духѣ и буквѣ свѣтскихъ и церковныхъ писателей,—то, повѣрно, что такіе вопросы придаютъ особенную цѣну Синодику. На основаніи Синодика

является возможным прослѣдить эволюцію византійскаго общества, и тѣмъ любопытнѣе получаемые здѣсь выводы, что ихъ можно поставить въ связь и по нимъ провѣрить параллельное развитіе западно-европейскихъ народовъ.

Второе, главное наслоеніе, не говоря здѣсь о небольшихъ вставкахъ, относится ко времени царя Алексѣя Комнина; оно выражаетъ результатъ всего научнаго и общественнаго развитія XI вѣка. Съ философской точки зрѣнія на очереди стоялъ вопросъ о сравнительномъ авторитетѣ еллинской, то-есть, языческой мудрости и христіанскихъ церковныхъ учителей; въ богословскомъ смыслѣ—теорія міро-зданія, переселеніе душъ, ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ. Это суть тѣ самые вопросы, которые въ ту же эпоху выдвигаются въ западной философіи и богословіи. Безъ сомнѣнія, здѣсь представляется обязательной задачею параллельнаго изученія развитія философскаго и богословскаго самосознанія на западѣ и въ Византіи. Существеннѣйшія положенія, выдвинутыя учеными схоластиками XII и XIII вв. основывались, между прочимъ, на матеріалѣ, доставляемомъ византійскою ученостью; отсюда можно заключать, какія важныя проблемы открываются для сравнительнаго изученія философскаго мышленія среднихъ вѣковъ.

Третій слой Синодика относится по времени царя Мануила. Онъ представляетъ въ себѣ результаты богословской борьбы, которая однако не кончилась въ царствованіе Мануила, но продолжалась и при слѣдующей династіи Ангеловъ. Внесенныя въ синодикъ постановленія соборовъ 1157 и 1166 года должны быть разсматриваемы какъ новое торжество православнаго большинства надъ меньшинствомъ, стремившимся отстаить принципъ свободнаго изслѣдованія въ приложеніи къ вѣроученію.

Четвертый и послѣдній слой оставилъ въ Синодикѣ XIV вѣкъ. Сюда относятся положенія противъ еретиковъ Варлаама и Акиндина, явившіяся результатомъ продолжительной и ожесточенной борьбы, главная роль въ которой принадлежит со стороны православныхъ извѣстному солунскому митрополиту Григорію Паламѣ. Трудно было бы понять внутреннія причины этой ожесточенной борьбы, еслибы мы ограничились свой кругозоръ сухими фактами богословской полемики о ѳаворскомъ свѣтѣ и не поискали тѣхъ пружинъ, которыя вызвали самую богословскую борьбу. Здѣсь умѣстно указать одно общее положеніе, выдвигаемое большинствомъ противъ меньшинства: почти всѣ еретическія мнѣнія національная партія въ Византіи клеймитъ име-

номъ или „латинскій“ и „италианскій“, или вообще иноземный. I Италъ въ XI в. — представитель италіанскаго или латинскаго неправомыслия; Дмитрій XII в. напитался зловредными идеями вслѣдствіе частыхъ путешествій на западъ; въ XIV в. Варлаамъ есть сѣятель тоже западныхъ сорныхъ травъ. Въ высшей степени любопытно, что православная византійская партія есть въ то же время національная, и что въ борьбѣ православныхъ съ еретиками приобрѣтеть значеніе національный элементъ. Изученіе послѣдней части синодика приводитъ къ заключенію, что жизненнымъ нервомъ всей борьбы, сосредоточенной около имени Варлаама, было западничество въ самомъ широкомъ значеніи слова — въ политикѣ, въ роученіи, и что побѣда Григорія Паламы должна быть признана побѣдою національной партіи надъ латинствующей и западнической.

Указанныя, послѣдовательно вошедшія въ Синодикъ, части не развиваютъ, а только намѣчаютъ богословскіе, философскіе и политическіе сюжеты. Въ Синодикѣ мы имѣемъ дѣло не съ системами, а съ краткими характеристиками системъ, составленными завѣдомо лицами противоположнаго направленія, не имѣвшими никакого интереса подробно говорить объ отвергнутыхъ церковью мнѣніяхъ. Рѣдко какая-либо случайность сохранила то или другое еретическое сочиненіе, весьма у не многихъ православныхъ писателей можно находить безпристрастіе въ изложеніи системъ противниковъ. А достанетъ ли словъ изобразить ту ревность, съ которою православные уничтожали еретическія сочиненія и, съ своей стороны, еретики вырывали страницы, подкаблывали и совсѣмъ уничтожали сочиненія православныхъ? Въ Дѣяніяхъ седьмого вселенскаго собора приводятся вещественныя доказательства порчи книгъ. Можно еще удивляться, что сохранилось хоть что-нибудь изъ письменныхъ памятниковъ того времени. Изъ этого легко понять, что не всегда возможно довести до ясности тѣ намеки, которые находимъ въ синодикѣ. Сказаннаго считаю достаточно, чтобы объяснить благосклонному читателю какъ важность представляемаго Синодикомъ матеріала для культурной исторіи Византіи, такъ и способъ обработки этого матеріала.

Въ смыслѣ общенсторическихъ выводовъ, изученіе Синодика убѣждаетъ, что византійская исторія имѣетъ свои стадіи развитія, представляющія параллелизмъ съ западно-европейскимъ развитіемъ. Черезъ всю исторію Византіи проходитъ живая и упорная борьба изъ-за религиозныхъ и философскихъ идей. Эта борьба, часто совсѣмъ не отгнѣченная историками, можетъ быть изучаема на основаніи или по-

лемических, или ораторских произведений, восполняющих до некоторой степени недостаток летописи и утрату философских элементов. Логическая последовательность между старыми и вновь выдвигавшимися вопросами служит показателем известного наступательного движения в развитии византийского общества.

Основная часть Синодика в недѣлю православія выражает торжество православія надъ иконоборчествомъ и поэтому должна быть изучаема на основаніи историко-литературныхъ данныхъ иконоборческаго періода. Къ изслѣдованію о Синодикѣ можно бы предъявить требованіе, чтобы оно представляло полную исторію борьбы, нашедшей себѣ конечное выраженіе въ вопросѣ о почитаніи святыхъ иконъ; но мы не преслѣдуемъ такой широкой задачи, которая едва ли совмѣстима съ предѣлами комментарія къ Синодику, какъ историко-литературному памятнику. Отдѣленный отъ протоколовъ соборныхъ, Синодикъ переживалъ свою особенную исторію въ редакціяхъ, спискахъ и переводахъ на другіе языки, и эта исторія сама по себѣ представляетъ благодарный матеріалъ для разныхъ историческихъ и литературныхъ темъ. Синодикъ привлекаетъ къ себѣ научное вниманіе, какъ памятникъ мало изслѣдованный съ точки зрѣнія времени и историческихъ обстоятельствъ его происхожденія и почти совсѣмъ не затронутый со стороны его состава и разности редакцій. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ и когда составленъ Синодикъ, какой былъ первоначальный составъ его, какъ происходили въ немъ постепенные наросты и прибавки,—на эти вопросы нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта.

Хотя въ византийской летописи, описывающей время царицы Феодоры и Михаила III, находимъ упоминанія о соборѣ 842 года, на которомъ было учреждено торжество православія, но эти упоминанія слишкомъ недостаточны, ибо выдають въ себѣ черты, отличающія въ летописцахъ либо незнаніе дѣйствительнаго положенія дѣла, либо легковѣрное довѣріе къ чужимъ словамъ, кромѣ же того, полны трудно примиримыхъ противорѣчій. Что Синодикъ во всемъ своемъ составѣ носитъ характеръ соборныхъ опредѣленій, въ этомъ нельзя сомнѣваться въ виду того, что для большей части заключающагося въ немъ содержанія можно отыскать оригиналъ въ соборныхъ протоколахъ. Уже этого было бы достаточно, чтобы и въ разсужденіи тѣхъ частей, для которыхъ не открытъ оригиналъ въ известныхъ соборныхъ дѣяніяхъ, признать вѣроятнымъ положеніе о соборномъ ихъ происхожденіи. Въ смыслѣ такой вѣроятности можно

говорить о первой части Синодика, относящейся къ торжеству православія надъ иконоборствомъ. Должно думать, что эта часть во всемъ своемъ составѣ примыкаетъ къ собору 842 года и почерпнута изъ его дѣяній. Но актовъ этого собора не сохранилось, и такимъ образомъ утрачена возможность критическаго изученія Синодика въ главной и основной его части. Отсюда вытекаетъ потребность собрать объ этомъ соборѣ возможно полныя свѣдѣнія, которыя бы съ одной стороны могли объяснить условія, при какихъ происходило въ первый разъ торжество православія, съ другой—дать матеріалъ къ сужденію о томъ, что послѣдовало на этомъ соборѣ.

Въ виду утраты протоколовъ этого собора, особенную цѣнность получаютъ прямыя и косвенныя указанія, находящіяся въ византійской исторической литературѣ. Но и въ этомъ направленіи изслѣдователя ожидаетъ полное разочарованіе. Хотя самыя популярныя лѣтописцы, послужившіе примѣромъ и давшіе богатый матеріалъ для своихъ собратьевъ X, XI и XII вѣковъ, жили именно въ IX вѣкѣ, но для занимающаго насъ періода, въ особенности же для собора 842 года, они имѣютъ весьма маловажное значеніе. Лѣтопись Теофана доведена до 813 года, лѣтопись Георгія монаха до 842 года. Цѣлый рядъ писателей-лѣтописцевъ, извѣстныхъ по имени и анонимныхъ, которые примыкаютъ къ двумъ названнымъ лѣтописцамъ и слѣдуютъ продолжателями ихъ, продолжая безъ перерыва разказъ Теофана и Георгія,—приступили однако къ своимъ изложеніямъ событій не ранѣе половины X вѣка и, слѣдовательно, вообще не могутъ быть разсматриваемы, какъ источникъ первой руки. Относительно продолжателей Теофана и Георгія и другихъ лѣтописцевъ X и послѣдующихъ вѣковъ, касающихся событій отъ нихъ отдаленныхъ, историческая критика должна прежде всего поставить и рѣшить вопросъ объ источникахъ, на основаніи которыхъ они составляли свою исторію.

По отношенію къ занимающему насъ періоду, вопросъ объ источникахъ представляется въ такомъ видѣ. Лучшій лѣтописецъ, пережившій эпоху торжества православія, Георгій, остановился въ своей лѣтописи на 842 годѣ и сообщилъ о событіяхъ этого года очень скудными, скажемъ даже, весьма сбивчивыми свѣдѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, перечитывая заключительныя страницы лѣтописи Георгія, посвященныя Михаилу и Теодорѣ, приходишь въ изумленіе передъ жалкимъ, съ точки зрѣнія словеснаго искусства, способомъ изложенія мыслей у этого якобы знаменитаго и образцоваго писателя, у котораго учились

писатели послѣдующихъ вѣковъ. Чтобы не быть голословными, позволимъ себѣ сдѣлать анализъ относящагося къ собору 842 года мѣста ¹⁾).

Послѣ Θεοφιλα воцарился Михаилъ съ матерью своею Θεοдорой. Оня, по принятіи отеческаго царства, весьма благочестиво стрякнувъ богопротивное новое ученіе, привнесенное въ церковь и много бѣдъ надѣлавшее, торжественно объявилъ искони Богомъ установленную, свѣтую и православную вѣру. Θεοдора же такъ была вѣрна и православна, что еще и при жизни мужа тайно чтла и поклонялась святымъ иконамъ. Она по собственному рѣшенію, по предложенію же и убѣжденію канцлера и логовета Θεоктиста, изгоняетъ изъ церкви и изъ города патріарха Іоанна съ его единомышленниками, указавъ ему для обитанія Къидій, что на Босфорѣ,—говорить, что онъ былъ ей кумъ. Вводитъ же святаго Меѳодіа монаха и ставитъ его патріархомъ, и всѣхъ Θεοфиломъ сосланныхъ монаховъ и епископовъ соединивъ, православную утвердила вѣру и церковь умирала въ первое воскресеніе великаго поста. Ибо хотя царь и былъ еще младенцемъ, но тотъ, который изъ утробы младенецъ и ссущихъ совершилъ хвалу, самъ и его приготовилъ воспѣть истину божественнаго догмата. Ибо онъ собралъ соборъ въ Константинополѣ изъ святыхъ и боговдохновенныхъ отцовъ, которыми тщательно изобличена была злая ересь злыхъ и отвратительныхъ иконоборцевъ и краснорѣчиво опровергнута гнусная болтовня еретиковъ, свѣтло просіяло слово православія какъ бы изъ нѣкоторыхъ тайныхъ и непроходимыхъ лабиринтовъ и мрачныхъ ущелій проклятой и презрѣнной ереси. И такъ вождь и учитель ея съ единомышленными ему гонителями и насильниками, какъ противники истины и защитники лжи, какъ хищные волки и участники гнуснаго и дьявольскаго манихейскаго служенія... изгоняются, возводится же общимъ избраніемъ и божественнымъ изволеніемъ и благодатію блаженный Меѳодій, защитникъ православія, который всѣ извѣсты и пагубныя противъ святыхъ иконъ умыслы и нечистое пустословіе ересеначальниковъ и послѣдователей ихъ суетловія и помраченія предрасно и со всею ясностью изобличилъ и опровергъ, какъ никто другой*...

Слѣдуетъ похвала патріарху Меѳодію и его подвигамъ при царѣ Θεοфілѣ, при чемъ лѣтописецъ снова возвращается къ 842 году. „И такимъ образомъ сей божественный мужъ, по благословенію Божию, припалъ церковь; и при содѣйствіи богоносныхъ отцовъ домъ Божій,

¹⁾ Изд. Муралята (С.-Пб. 1859), р. 718—719.

общество православных направлялось и Божиею силою укрѣплялось и украшалось словомъ и дѣломъ, совѣтъ же еретичествующихъ, иудейское по истинѣ сѣмя и сообщество, въ конецъ постыжденное ослабѣло, явно обуздываемое и ежедневно опровергаемое. И скоро по царскому повелѣнію возвращены изъ ссылки и восстановлены содержавшіеся въ заключеніяхъ отцы и многіе монахи и не малое число благочестивыхъ свѣтскаго званія“...

Таково лѣтописное свидѣтельство современника, котораго, безъ сомнѣнія, весьма занимали событія 842 года и который не былъ лишенъ средствъ сообщить о нихъ точныя данныя. Для благочестиваго и вѣрующаго въ простотѣ сердца читателя здѣсь, можетъ быть, отыщется достаточно назидательнаго матеріала. Но, если отнестись къ приведенному мѣсту Георгія съ нѣкоторыми требованіями научной критики, то оно представитъ слишкомъ сомнительный по достоинству научно-историческій матеріалъ, изъ котораго нельзя ничего построить. Прежде всего настоятъ потребность объяснить составъ лѣтописнаго извѣстія въ томъ его видѣ, какъ онъ читается въ изданіи Муральта, а затѣмъ обращаться съ запросами къ самому лѣтописцу.

Въ изданномъ текстѣ монаха Георгія бросаются въ глаза несообразности, обнаруженіе которыхъ можетъ дать намъ ключъ къ уразумѣнію задачъ критики въ разсужденіи какъ Георгія, такъ и другихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Подразумѣваемые несообразности заключаются въ слѣдующемъ:

1) Михаилъ или Θεодора возстановили православіе? Въ текстѣ монаха Георгія находимъ рядъ выраженій, выставляющихъ на первый планъ Михаила и приписывающихъ ему созваніе собора ¹⁾. Но у того же лѣтописца рядомъ выставляется и царица Θεодора и ей, какъ впрочемъ и слѣдуетъ, приписана главная роль въ созваніи собора и утвержденіи православія ²⁾. Намъ могутъ сказать, что изъ этого нельзя еще дѣлать особенныхъ заключеній, такъ какъ лѣтописецъ имѣлъ въ виду двухъ царствующихъ лицъ и потому имѣлъ право приписать тому и другому созваніе собора, утвержденіе православія, низложеніе одного патріарха и возведеніе другаго. Этими

¹⁾ ὁτις τὴν πατριὰν βασιλείαν διαβεβαίωσεν... τὴν ἱερὰν τε καὶ ὀρθοτάτην πίστιν ἀνικηροῦσε... εἰ γὰρ καὶ νῆπιος ἐτοχυάμεν ὁ βασιλεὺς, ἀλλ' αὐτὸς (то-есть, Богъ) καὶ τοῦτον παρακλώσασε τὴν ἀληθείαν τοῦ θεοῦ δόγματος ἀνηνύσασιν... σύνεδον συναθροίσας... и проч.

²⁾ Ἡ δὲ Θεοδώρα οὕτως ἦν πιστὴ καὶ ὀρθόδοξος... ἐβεβαίωσε πίστιν καὶ τὴν ἐκκλησίαν εἰρήνευσεν.

соображеніемъ, если не всматриваться въ дѣло глубже, дѣйствительно можно объяснить до нѣкоторой степени то обстоятельство, что лѣтописецъ неслучайно изложилъ матеріалъ, разъ приписавъ распоряженія Михаилу, а потомъ тѣ же самыя распоряженія—*Θεοδору*. Но, если обратить вниманіе на то, что часть повѣствованія, приписывающая означенныя распоряженія *Θεοδору*, является не отдѣльною, а заключенною въ повѣсть о Михаилѣ, то, очевидно, что повтореніе одного и того же разказа два раза не можетъ быть объяснено тѣмъ соображеніемъ, какое представляется вѣроятнымъ на первый взглядъ. Если лѣтописецъ хотѣлъ сдѣлать честь снуду и матерѣ, то ему весьма естественно было всё распоряженія о созваніи собора и проч. налагать отъ двухъ царей, иначе говоря, глагольными формами *ἀναχίροισι, ἀββαγαίωσι, εὐφύγεουσιν, συναδρούσας*—должны бы были быть употреблены во множественномъ числѣ.

2) Когда былъ изложенъ патриархъ Іоаннъ и возведенъ Меоодій, до собора или послѣ собора? Съ точки зрѣнія изданнаго текста *Γεωργία* этотъ вопросъ никоимъ образомъ не можетъ быть разрѣшенъ. Въ той части повѣсти, которая выставляетъ *Θεοδору* на первый планъ, распоряженія ея налагаются въ такой послѣдовательности: а) изложеніе Іоанна, б) возведеніе Меоодія, в) созваніе собора и утвержденіе православія. Въ той же части, гдѣ дѣйствія приписываются Михаилу, событія изложены въ такомъ порядкѣ: а) созваніе собора, б) изложеніе Іоанна, в) избраніе Меоодія, г) возвращеніе изъ ссылки православныхъ духовнаго и свѣтскаго званія. Спрашивается, возможна ли подобная сбивчивость въ лѣтописи, составленной современникомъ и сдѣлавшейся извѣстною въ царствованіе Михаила III, то-есть, до 867 года?

3) Всматриваясь въ текстъ *Γεωργία*, мы замѣчаемъ въ немъ кромѣ двойнаго или даже тройнаго повторенія одной и той же мысли съ нѣкоторыми стилистическими отлчачіями въ развитіи, еще ту странность, что манера изложенія автора мѣняется въ каждомъ отдѣльномъ предположеніи. Примѣровъ на небольшомъ отрывкѣ, избранномъ нами, можно указать не одинъ.

εὐαγάει δὲ τὸν ἐν ἁγίοις Μεθόδιον,
μοναχὸν ὄντα, καὶ πατριάρχην ἀπο-
καθιστά...

ἀντιπαύεται δὲ κοινῇ ψήφῳ καὶ
θειᾷ προεβολῇ τε καὶ χάριτι Μεθό-
διος ὁ αἰδίδμος καὶ τῆς ὀρθοδοξίας
πρόμαχος...

σύνοδον... συναθροίσας, ὑφ' ὧν ἡ τῶν κακῶν καὶ δυσωνόμων εἰκονομάχων κακίστη αἴρεσις ἀκριβῶς ἐλεγχθεῖσα καὶ τὰ βδελυρὰ τούτης ληρήματα διαρρήδην ἀνατραπέυσα...

ὅς γε (Μεθοδίου) πάσας.. τὰς διαβολὰς καὶ τὴν ὀλέθριον κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων μεθοδεῖαν καὶ τὴν βέβηλον κενοφωνίαν τῶν αἰρεσιάρχων καὶ φοιτητῶν τῆς ἐκείνων κενοφωνίας καὶ φρενοβλαβείας ἄριστα καὶ σαφέστατα ἐλέγξει καὶ ἀντιτρέψας..

Ненужныя повторенія объ одномъ и томъ же и проуски важныхъ и любопытныхъ фактовъ, школьническое упражненіе въ приемахъ развитія данной мысли на нѣсколько ладовъ, переходы отъ простаго лѣтописнаго изложенія къ напыщенному ораторскому тону, напоминающему вступленія или заключенія къ житіямъ святыхъ или церковныя проповѣди X—XII вѣковъ, — вотъ что представляетъ намъ текстъ Георгія о такомъ важномъ въ церкви событіи, какъ торжество православія в соборѣ 842 года.

Что же предстоитъ исторической критикѣ предпринять въ приложеніи къ подобному матеріалу? Можно ли пользоваться такимъ источникомъ, который такъ явно выдаетъ свои недостатки?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить авторитетъ монаха Георгія, нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній на изданіе Муральта. Въ сущности и все то, что мы выше говорили, какъ будетъ сейчасъ ясно, относится не къ лѣтописцу Георгію, а къ издателю его. Здѣсь мы, впрочемъ, уступаемъ слово прекраснымъ знатокамъ рукописнаго лѣтописнаго матеріала, знакомство съ трудами которыхъ обязательно теперь для византиниста. Издатель лѣтописи Теофана, Де Бооръ ¹⁾ говорить объ изданіи Муральта: Подъ именемъ лѣтописи Георгія Монаха, Муральтъ издалъ какой-то хаосъ, въ которомъ представляются два или три различныхъ слоя переработки оригинала. Другой византинистъ, авторъ сочиненія о византійской историографіи IX и X вѣковъ, Гиршъ, на основаніи изученія рукописей Георгія, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Мы имѣемъ двѣ различныя редакціи хроники Георгія: одну краткую, другую — болѣе богатую фактическимъ матеріаломъ“. Что касается взаимнаго отношенія той и другой редакціи, то ученый изслѣдователь высказывается въ такомъ смыслѣ: Краткій текстъ долженъ считаться первоначальнымъ, а обширная редакція есть результатъ позднѣй-

¹⁾ De Boor, Theophanis Chronographia II. S. 360.

шихъ прибавокъ. Именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пространныя редакціи рукописей имѣютъ дополненія (рукописи Московская, Мюнхенская и Парижская), встрѣчаются такія фразы, которыя указываютъ на позднѣйшее ихъ происхожденіе. Такъ, въ жизнеописаніи Θεοφιλα ¹⁾ повѣствуется, что онъ украсилъ усмалъницу своей любимой дочери Маріи серебромъ, но что царь Левъ снялъ эти украшенія. Этотъ царь Левъ царствовалъ отъ 886 до 912 года, и приведенное мѣсто могло быть написано не ранѣе X вѣва. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 708) въ повѣствованіи о патріархѣ Іоаннѣ и о построенномъ имъ дворцѣ Труллѣ сказано, что этотъ домъ и доселѣ называется Труллою. Ясно, что писавшій это не былъ современникомъ Θεοφιλα и Михаила. Такимъ образомъ, какъ эти, такъ и другія мѣста написаны не Георгіемъ, но составляютъ вставки, сдѣланныя въ послѣдующее время, и что въ подробныхъ редакціяхъ мы имѣемъ позднѣйшую переработку хроники Георгія, въ которой текстъ оригинала иногда сокращенъ, а обыкновенно распространенъ большимъ числомъ извѣстій. Дальнѣйшее доказательство этого заключается въ томъ, что грубыя ошибки встрѣчаются въ такихъ мѣстахъ, которыя совершенно невозможно объяснить въ примѣненіи къ современнику—Георгію.

Приведенныя мнѣнія о состояніи рукописей Георгія монаха и объ изданномъ Муральтомъ текстѣ должны послужить руководящимъ началомъ для историковъ въ ихъ будущихъ изысканіяхъ. То обстоятельство, что популярнѣйшіе историки, сохранившіеся въ значительномъ количествѣ рукописей, представляютъ сокращенныя и дополненныя редакціи, замѣчено было уже ранѣе и высказано десять лѣтъ назадъ пишущимъ эти строки по поводу рукописей Никиты Акомината. Это наблюденіе теперь должно быть распространено на значительную часть византійскихъ лѣтописцевъ, которые испытали ту же судьбу, что и Никита Акоминатъ.

Итакъ, возвращаясь къ страннымъ риторическимъ упражненіямъ, изданнымъ Муральтомъ подъ 842 годомъ, мы не можемъ разсматривать ихъ, какъ произведеніе Георгія; здѣсь дѣйствительно сведены два или три слова разновременныхъ приписокъ, размышленій, объясненій и дополненій, сдѣланныхъ читателями оригинальнаго произведенія нашего лѣтописца и неразборчивымъ переписчикомъ сведенныхъ въ одно цѣлое. Дѣло ученой критики при изданіи писателя было—

¹⁾ Изданіе Муральта, стр. 704.

разобрать и отдѣлить подлинное отъ неподлиннаго, чего Муральтъ не сдѣлалъ.

По нашему мнѣнію, въ первоначальномъ произведеніи Георгія о занимающемъ насъ фактѣ былъ весьма сухой разказъ, подобный тому, который находимъ въ предисловіи лѣтописи (Муральта, р. 3): «4-я книга повѣствуетъ о Константинѣ благочестивѣйшемъ и первомъ христіанскомъ царѣ и о слѣдующихъ за нимъ до послѣдняго Михаила, сына Теофилова, который, воцарившись ребенкомъ, посредствомъ божественнаго синода, снова возстановилъ и утвердилъ православную вѣру». До нѣкоторой степени есть вѣроятность предполагать, что въ собственноручной рукописи лѣтописца не было того отдѣла, который приписываетъ утверженіе православія «царицѣ Теодорѣ¹⁾», а это обстоятельство, въ свою очередь, можетъ указывать на время, когда окончена Георгіемъ лѣтопись. Имя Теодоры выпущено было писателемъ и внесено его читателями на томъ основаніи, что возстановленіе православія дѣйствительно принадлежало ей; но Георгію нельзя было хвалить царицу Теодору, вслѣдствіе извѣстныхъ неудовольствій между сыномъ и матерью, кончившихся тѣмъ, что послѣдняя была лишена власти и сослана въ монастырь. Совмѣстное правленіе Михаила и Теодоры продолжалось 15 лѣтъ; съ 857 до 23 сентября 867 г. Михаилъ правилъ одинъ, послѣдній годъ и 3 мѣсяца въ сотовариществѣ съ Василиемъ. Сочиненіе Георгія, такимъ образомъ, окончено было между 857 и 26-мъ мая 866 года, когда былъ коронованъ Василій, о чемъ въ первоначальномъ текстѣ не было упоминанія. Сказанное можетъ также служить объясненіемъ, почему Георгій ограничился сухимъ указаніемъ факта торжества православія, уклонившись отъ сообщенія подробностей, которыхъ онъ не могъ не знать. Онъ не могъ съ похвалою говорить о царицѣ Теодорѣ, чтобы не оскорбить царя; подробностей не могъ сообщить, ибо онѣ связаны съ именемъ царицы.

Если, такимъ образомъ, авторитетнѣйшій лѣтописецъ IX вѣка оставилъ насъ почти въ невѣдѣніи относительно важнаго въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи переворота, послѣдовавшаго по смерти Теофила, то задача изученія этого переворота встрѣчаетъ почти непреодолимые затрудненія.

Калимъ путемъ сохранились извѣстія о соборѣ 842 года и объ утвержденіи православія, которые читаются въ хроникахъ составлен-

¹⁾ Hirsch Byzant. Studien S. 14, Coisl. Handscr.

ныхъ въ X и послѣдующихъ вѣкахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ спеціальное значеніе для первыхъ страницъ Русской лѣтописи. Не только по отношенію къ собору 842 года, но и по отношенію къ другимъ событіямъ, падающимъ на царствованіе Михаила III, мы находимъ въ литературѣ X вѣка указанія, которыя возбуждаютъ въ высшей степени научное любопытство, но источникъ которыхъ до сихъ поръ не удалось опредѣлить съ достаточной ясностью.

Благодаря прекрасному изслѣдованію Гирша, мы имѣемъ болѣе или менѣе отчетливое представленіе о ходѣ лѣтописной традиціи въ IX и X вѣкѣ и можемъ возстановить степень зависимости одного писателя отъ другаго. Что касается продолжателя Георгія, или логоета, какъ онъ названъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, доведшаго лѣтопись до смерти Романа I (948 г.), то и эта лѣтопись сохранилась въ двухъ редакціяхъ, полной и краткой. Для рѣшенія вопроса, какая изъ этихъ редакцій—первоначальная, Гиршъ сопоставляетъ лѣтописи X вѣка: продолжателя Теофана, Симеона Магистра и Льва Грамматика. Первый въ изложеніи событій со времени Льва VI и до смерти Романа обнаруживаетъ сильное сходство съ продолженіемъ Георгія, и именно съ полной его редакціей, хотя независимо отъ этого представляеть и такого рода извѣстія, которыхъ нѣтъ у продолжателя Георгія и которыя указываютъ, что онъ пользовался, кромѣ этого послѣдняго, еще другими источниками. Симеонъ Магистръ находится въ близкомъ родствѣ какъ съ Георгіемъ, такъ и съ его продолженіемъ. Особенность его однако та, что онъ не слѣдуетъ исключительно одной редакціи краткой или распространенной, представляя близкое родство то съ Московской рукописью, то съ Ватиканской. Хроника Льва Грамматика въ своей позднѣйшей части есть не что иное, какъ взвѣченіе изъ Георгія и его продолжателя. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этого источника, оказываются въ болѣе близкомъ родствѣ съ Московской и Парижской рукописями. Если эти лѣтописи, въ основаніи которыхъ лежитъ продолженіе Георгія, примыкаютъ то къ краткой, то къ полной редакціи его, то изъ этого можно заключить, что ни одна редакція не соотвѣтствуетъ первоначальному оригиналу, но обѣ суть переработки его. Въ Московской, Парижской и Мюнхенской рукописяхъ этотъ оригиналъ значительно сокращенъ: Ватиканская передаетъ его полнѣе, но также содержитъ и чуждыя вставки, ибо не всѣ данныя, заключающіяся въ ней, происходятъ изъ продолженія Георгія, но нѣкоторыя почерпнуты изъ другаго источника. Уже Муральтъ замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста взяты

изъ лѣтописи Генесія, и это замѣчаніе имѣетъ всю справедливость въ приложеніи къ исторіи Михаила III и Василія.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ продолжатель Георгія названъ логооетомъ, то вопросъ о времени происхожденія этой лѣтописи сводится во времени жизни не названнаго по имени логооета. По этому вопросу въ наукѣ не достигнуто еще утвердительнаго заключенія ¹⁾. Довольно твердымъ основаніемъ къ выводамъ можетъ служить то соображеніе, что лѣтописи X вѣка, въ которыхъ положительно засвидѣтельствовано знакомство съ продолженіемъ Георгія, окончены при Никифорѣ Фокѣ (963—969),—слѣдовательно, нашъ логооетъ долженъ былъ написать свою лѣтопись раньше этого времени, или, какъ думаетъ Гиршъ (54), онъ писалъ въ началѣ царствованія Никифора Фоки. Можно далѣе заключить, что логооетъ писалъ отдѣльную лѣтопись, не намѣреваясь продолжать Георгія; онъ соединенъ съ лѣтописью Георгія уже переписчиками. Это доказывается однимъ мѣстомъ въ началѣ хроники, гдѣ есть ссылка на исторію Теофила, но какъ этого мѣста въ хроникѣ Георгія не оказалось, то всѣ вѣроятія говорятъ за то, что логооетъ писалъ и о царѣ Теофилѣ, но что эта часть хроники до насъ не сохранилась ²⁾.

У лѣтописцевъ второй половины X (продолженіе Теофана, Симеонъ Магистръ) и начала XI вѣка (Левъ Грамматикъ) большинство извѣстій о времени Михаила III, не почерпнутыхъ изъ продолжателя Георгія, имѣетъ для себя объясненіе въ лѣтописи Генесія. Понятна поэтому важность для насъ этого послѣдняго писателя. Генесій писалъ свою исторію по предложенію Константина Порфиророднаго; какъ заявляетъ онъ въ предисловіи, писалъ на основаніи свидѣтельствъ очевидцевъ и сохранившагося преданія. Говоря вообще, это еще не особенно важная причина, чтобы выдѣлять Генесія изъ другихъ лѣтописцевъ, писавшихъ о времени Михаила III во второй половинѣ X вѣка. Но въ Генесіи мы имѣемъ типъ лѣтописца, который могъ имѣть хорошія свѣдѣнія о занимающей насъ эпохѣ по фамиліи преданія. Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ былъ сыномъ того Константина Армянина, который начальствовалъ отрядомъ царскихъ тѣлохранителей при Михаилѣ III, былъ товарищемъ его и любимцемъ и игралъ выдающуюся роль въ событіяхъ, стоящихъ въ связи съ

¹⁾ Hirsch, Byzant. Studien, S. 52 и слѣд.—В. Г. Васильевскій, Симеонъ Метаористъ, въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.*, часть 212, отд. 2

²⁾ Hirsch, S. 54. Anmerk.

утвержденіемъ православія и съ низверженіемъ патріарха Іоанна ¹⁾. У Скуляды-Кедрина прямо названъ историкъ Іосифъ Генесій, въ рукописныхъ чтеніяхъ продолжателя Георгія, приводимыхъ у Гирша ²⁾, Генесій прямо названъ сыномъ Константина Армянина, у Симеона Магистра и Льва Грамматика повторено это извѣстіе — ясный признакъ, что оно читалось въ той редакціи хроникъ логогета, которою пользовались означенные писатели.

Содержаніе лѣтописи Генесія подтверждаетъ указанный рукописный намекъ: авторъ любовно относится къ Константину, сообщая равныя подробности объ его происхожденіи и служебной карьерѣ, защищаетъ его противъ обвиненій въ жестокости и хвалитъ его за умственные и душевные качества. Можно думать, что Генесій составилъ свою хроникъ въ первые годы единодержавія Константина VII (945 — 959), такъ какъ слѣды заимствованій изъ Генесія замѣтны въ составленной самимъ императоромъ жизни Василія; дальнѣйшее тому доказательство усматривается изъ того, что авторъ, говоря о занятіи Крита арабами, прибавляетъ, что островъ и до сихъ поръ находится въ ихъ власти, чего онъ не могъ бы сказать, еслибы писалъ послѣ 961 года, когда Критъ снова былъ возвращенъ подъ власть имперіи. Такимъ образомъ, значеніе Генесія объясняется двумя особенностями: 1) близостью его къ Константину, принимавшему участіе въ событіяхъ 842 года, и возможностью располагать хорошими семейными преданіями; 2) тѣмъ обстоятельствомъ, что его лѣтопись, появившаяся при Константиѣ Порфирородномъ, могла служить и дѣйствительно послужила источникомъ для продолженія Теофіла, Симеона Магистра и Льва Грамматика. Въ частности, для нашего вопроса Генесій представляется старшимъ по времени лѣтописцемъ, закрѣпившимъ письменное и устное преданіе о событіяхъ 842 года и давшимъ первый матеріалъ для лѣтописныхъ извѣстій, которыми можетъ располагать наука. Въ особенности въ виду совершенно скудныхъ данныхъ, находимыхъ у Георгія, Генесій является первымъ по времени лѣтописцемъ, котораго историкъ долженъ изучать для разъясненія событій 842 года.

Находимыя у Генесія данныя о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Теофіла, заключаются въ слѣдующемъ:

За малолѣтствомъ Михайла III во главѣ управленія стояло ре-

¹⁾ *Georgii Contin.*, p. 747.

²⁾ *Hirsch*, SS. 39, 48, 118 Aum. 2.

генство, состоящее изъ царицы Θεοδори, патриция Θεοκτισта и протомаистра Мануила. Всѣ распоряженія, относящіяся къ восстановленію православія, исходятъ отъ членовъ регентства (οἱ τῆς ἐπιτροπίας). Въ частности дѣло представляется въ такой послѣдовательности:

А. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, наступившими со смертію Θεοφιλα, преданные православію люди ищутъ случая произвести церковную реформу.

1) Во главѣ этого направленія стоятъ два члена регентства: Θεοκτιστὴς и Мануилъ;

а) послѣдній еще колебался, но и онъ сталъ искреннимъ приверженцемъ почитанія иконъ, когда студійскіе монахи, посѣтивъ его въ тяжкой болѣзни, предсказали ему выздоровленіе, если онъ обѣщаетъ содѣйствовать восстановленію иконъ ¹⁾.

2) Чудесно освободившись отъ болѣзни, Мануилъ настоятельно представляетъ царицѣ Θεοδорѣ необходимость восстановленія иконопочитанія,

а) указывая ей въ противномъ случаѣ на опасность, угрожающую ей власти.

3) Царица и сама не чужда была этихъ мыслей,

а) такъ какъ и сама была боголюбива

б) и была къ тому поощряема своей матерью и патриціями— двоюродными братьями;

в) но боялась сдѣлать рѣшительный шагъ и давала уклончивыя отвѣты, ссылаясь то на трудность реформы, то на уваженіе къ памяти мужа ²⁾.

В. Убѣжденная доводами Мануила, царица открыто становится въ число приверженцевъ православія и принимаетъ слѣдующее мѣропріятіе:

1) Разрѣшаетъ православнымъ собираться во дворцѣ канцлера ³⁾,

---

¹⁾ Въ этомъ извѣстіи у Генесія, lib. IV, p. 79, есть одна любопытная фраза: καὶ προσελθόντες τῇ κλινῇ τῶν μοναζόντων τινος... περὶ ᾧν ἤδη ἀνωτέρω μνησίων πεποιήμεθα. Такъ какъ выше никакого упоминанія не встрѣчается, то въ этой фразѣ мы находимъ слѣдъ источника, которымъ здѣсь пользовался Генесій. Место это взято изъ студійскаго житія.

²⁾ *ibid.*, p. 80: ἀλλ' ἀντίκειπεν αὐτῆ... εἴτε διὰ τὴν τοῦ τηλικούτου μετάθεσιν κρήματος, εἴτε διὰ φίλανδριαν ἰσως παράλογον... εἰρήκει γὰρ πρὸς Μανουὴλ ὡς ὁ ἐμὸς ἀνὴρ σοφία: ἀρχαίως εἰσεύετο, καὶ οὐδεν τῶν θεόντων αὐτῷ ἐλελήθει...

³⁾ τοὺς ὀρθοδόξους τοῖς τοῦ κανικαίου ἐνδικαιτήμασιν ἀγείρωσθαι διὰ θεοσμοθετησεν.

чтобы совѣстно обсудить вопросы касающіеся православія (τά περί ὀρθοδοξίας προβλήματα та καί δογματά).

В. Послѣ внимательнаго изслѣдованія возстановляются святые иконы и устрояется церковный чинъ: священники и архіерей, придерживающіеся нечестія и противящіеся православію, лишены своихъ мѣстъ, и прежде всѣхъ нечестивый патриархъ Іоаннъ.

1) Посылаютъ къ нему знатныхъ мужей, начальниковъ царской стражи, чтобы взять его изъ патриархіи, но онъ не уступилъ ихъ требованію и остался во дворцѣ; донесеніе посланныхъ разжигаетъ сильный гнѣвъ противъ него ¹⁾.

2) Патрицій Варда отправляется для производства дознанія и узнаетъ,

а) что патриархъ Іоаннъ получилъ нѣсколько ранъ въ животъ.

б) По показаніямъ самого патриарха, эти раны нанесены ему людьми царской стражи — язычниками; въ особенности жестоко обращался съ нимъ Константинъ Армянинъ, начальникъ отряда экскувитовъ;

в) но Варда, произведя дознаніе, нашелъ это показаніе ложнымъ и возгорѣлся гнѣвомъ на обманщика,

г) почему Іоаннъ справедливо лишень былъ патриаршаго трона.

Г. Возводится благочестивый патриархъ Меодій, которому ввѣрили ²⁾ священный якорь,

1) съ одобреніемъ богоносныхъ мужей, въ Византіи живущихъ и отовсюду собравшихся въ столицу.

Д. Назначенъ былъ день для ихъ собранія,

1) въ который божія церковь облакалась въ свое благолѣпіе;

2) съ тѣмъ чтобы громко возвѣститъ православіе,

а) сошлись изъ знаменитой горы Олимпа, Аэона и Иды и изъ Кимини (κατά Κορινθῶν),

б) удостоились царскихъ почестей и подарковъ и возвратились во-своиасы.

Чтобы имѣть представленіе о совокупности свѣдѣній, которыми располагалъ Генесій, нужно прибавить еще два-три замѣчанія. Онъ сообщаетъ о судьбѣ названнаго патриарха Іоанна, какъ онъ, заклю-

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что у Генесія, р. 80—81, мѣры противъ патриарха Іоанна выписаны изъ письменнаго источника: ταῦτα τοῦ ἀποστόλλου... διὰ περί γε τοῦτου τοῖς ἀποσταίλοι ἀπαγγέλλουσι καί κατ'αὐτοῦ πλείονα τήν ὀργήν διεβάπτουσι, особенно ниже ὡ ἀχρησταί, ясно выдающее или рѣчь или житіе.

²⁾ τοῦτο τὰς ἀρχιερατικὰς ἀρχάς ἐπέβραυ, — сравни выше выраженіи о мѣрахъ противъ патриарха Іоанна.

ченныи въ монастырѣ, приказалъ своему служителю выколоть глаза на святыхъ иконахъ и какъ царица хотѣла наказать его за это ослѣпленіемъ, но, по ходатайству нѣкоторыхъ, ограничилась наказаніемъ его 200 ударовъ. Далѣе, есть довольно пространное извѣстіе о козняхъ еретиковъ противъ патріарха Меѳодія: враги патріарха подкупили женщину, которая заявила, что патріархъ находится съ ней въ преступномъ сожителствѣ. Но Меѳодій, человѣкъ подвижнической жизни, далъ очевидныя доказательства ложности взведеннаго на него обвиненія, а магистръ Мануилъ и логоветъ Теокистъ произвели слѣдствіе по этому дѣлу и привели женщину къ сознанию, что она подкуплена. Это извѣстіе имѣетъ для насъ то значеніе, что изъ него можно заключить, что отлученные отъ церкви еретики не были лишены средствъ продолжать борьбу съ православными. Рядомъ съ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ, Генесій сообщаетъ слѣдующій фактъ, имѣющій отношеніе къ торжеству православія. Съ тѣхъ поръ было постановлено (*ἔκτοτε διατίθει*), чтобы въ годовщину дня православія еретики шли со свѣчами впереди процессіи, направляющейся изъ церкви Богоматери Влахериской. И этотъ обычай продолжался долгое время: иномыслящіе обязаны были при собраніи въ великой церкви выслушивать себѣ анаематствованіе.

Теперь бросимъ общій взглядъ на извѣстія Генесія. Важнѣйшими фактами, почерпаемыми единственно у этого писателя, нужно признать: а) указаніе обстоятельствъ подготовлявшихъ торжество православія; б) предварительное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся церковной реформы, въ собраніяхъ у канцлера Теокиста; в) прокъ патріарха Іоанна, и наконецъ, г) хотя не прямое, но довольно прозрачное указаніе на время составленія собора: онъ происходилъ если не въ самый день установленія торжества православія, то въ весьма близкое время. Обладая сравнительно хорошими свѣдѣніями, Генесій можетъ возбуждать противъ себя сомнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ затронута фамиліальная честь. Съ этой стороны нуждаются въ разсмотрѣніи ближайшимъ образомъ факты, въ которыхъ игралъ роль его отецъ, а равно гдѣ затронуты служебныя связи его отца.

Ближайшимъ къ Генесію лѣтописцемъ нужно считать Продолжателя Теофана. Хотя четвертая книга его, посвященная царствованію Мизаила III, также написана при Константиѣ VII и по его предложенію и даже на основаніи предоставленныхъ царемъ въ распоряженіе автора матеріаловъ, но неизвѣстный по имени Продолжатель

Феофана, хотя онъ имѣлъ подъ рукой исторію Генесія, вообще справился съ своей задачей весьма неудовлетворительно.

Трудно найдти писателя такъ неуксуснаго въ изложеніи своихъ мыслей, такъ малоспособнаго даже хорошо передавать вычитанное у другихъ. Но, при сравненіи его исторіи съ Генесіевымъ трудомъ, оказывается, что первый располагаетъ нѣсколько иными свѣдѣніями, чѣмъ второй, вслѣдствіе чего знакомство съ нимъ необходимо для опредѣленія совокупности лѣтописной традиціи о времени Михаила III и Теодоры. Попытаемся наглядно представить ходъ мыслей у нашего автора. Регентство (*τροπικταί καί ἐπίτροποι*) по случаю малолѣтства наслѣдника престола, назначенное самимъ Теофиломъ ¹⁾, состояло изъ Теоктиста, патриція Варды—брата царицы и магистра Мануила, родомъ изъ Арменіи, дяди царицы.²⁾

А. Мысль о церковной реформѣ занимала членовъ регентства.

1) Мануиль впасть въ тяжкую болѣзнь, къ нему приходили студійскіе монахи и общали выздоровленіе, если онъ будетъ содѣйствовать возстановленію иконъ. О томъ же просили и другіе монахи, получившіе къ нему доступъ со времени исправленія имъ должности стратига въ арменской еемѣ.

2) Чудесно освободившись отъ болѣзни, Мануиль входитъ въ соглашеніе съ членами регентства и привлекаетъ ихъ на свою сторону,

а) сообщаетъ царицѣ Теодорѣ свои намѣренія,

б) она же и сама постоянно имѣла это на умѣ,

в) но боялась сдѣлать рѣшительный шагъ, такъ какъ многіе сенаторы и высшіе сановники преданы ереси, въ особенности же за нее стоитъ вліятельное духовенство и самъ патриархъ ²⁾;

г) убѣждаетъ царицу, что нѣтъ опасности приступить къ возстановленію православія.

Б. Царица принимаетъ слѣдующія мѣры:

1) призываетъ друнгарія виглы Константина и чрезъ него даетъ знать патриарху,

а) что собравшіеся отовсюду благочестивые и монахи внесли просьбу о возстановленіи святыхъ иконъ:

---

¹⁾ Подчеркиваемъ свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ у Генесія.

²⁾ Слѣдуетъ вставка о вредномъ вліяніи патриарха на царя Феофила, которая, впрочемъ, не представляетъ оригинальнаго взгляда нашего автора.

б) или патриархъ долженъ согласиться на эту просьбу и тогда православіе будетъ восстановлено,

в) или пусть оставитъ престолъ и ждетъ въ загородномъ помѣстьи,

г) пока созванъ будетъ соборъ, который разберетъ и обсудитъ заблужденія еретиковъ.

2) Патриархъ принялъ царскаго посла въ Фессальской залѣ,

а) пораженный неожиданнымъ требованіемъ, отвѣтилъ, что ему нужно обдумать дѣло и отослалъ посланнаго,

б) сватилъ ножъ и нанесъ себѣ раны въ животъ съ такимъ расчетомъ, чтобы опасности для жизни не было, но чтобы изліяніе крови возбудило переполохъ и вселяло къ нему состраданіе.

в) Смятеніе распространилось въ церкви и во дворцѣ, такъ какъ молва о происшествіи дошла до дворца еще до возвращенія друнгарія: молва гласила, что патриархъ убитъ по личному приказу царицы.

3) Для производства слѣдствія отправленъ патрицій Варда;

а) онъ обнаружилъ, что раны сдѣланы умышленно;

б) о томъ, какъ происходило дѣло, дали показаніе слуги, представлено было и орудіе, которымъ произведено пораненіе;

в) поему Іоаннъ, обвиненный въ покушеніи на свою жизнь, лишенъ престола и сосланъ въ помѣстье Психа.

В. Возводится Богомъ и царицей для управленія церковью Меѳодій.

Г. Рѣчь царицы къ отцамъ собора:

1) соглашаясь на восстановленіе святыхъ иконъ, она проситъ отъ собора прощенія и амнистіи для Теофила, иначе отказывается содѣйствовать его цѣлямъ.

2) Меѳодій отвѣчалъ, что не во власти собора давать прощеніе умершимъ безъ покаянія.

3) Θεодора, подогрѣваемая любовью къ мужу, съ клятвою утверждала, что Теофиль передъ смертью раскаялся и любявалъ святыхъ иконы.

4) Услыхавъ это и горя желаніемъ восстановить иконы, отцы по общему рѣшенію постановили дать отпущеніе въ этомъ грѣхѣ (Теофилу) и выдать въ томъ удостовѣреніе Θεодорѣ.

Д. Затѣмъ, въ первое воскресенье великаго поста, отслуживъ всемогущее бдѣніе въ церкви Влахернской богородицы, утромъ съ цари-

цей совершаютъ процессію съ литіей въ великую церковь. И церковь снова получаетъ свою красоту

1) посредствомъ совершенія торжественной литургіи,

2) низверженія всѣхъ еретиковъ и архіерея ихъ:

а) Свѣдѣнія о патріархѣ Іоаннѣ: онъ происходилъ изъ хорошаго рода и родился въ Константинополѣ, пользовался расположеніемъ Михаила Трапала и Θεοφιλα, послѣдняго даже училъ; проходилъ должность синкелла, потомъ назначенъ патріархомъ; извѣстенъ гаданіями и ворожбой;

б) примѣръ его гаданія—три князя языческаго племени.

в) Братъ Іоанна, патрицій Арсавиръ; дворець его въ обители св. Фоки, гдѣ патріархъ предавался своимъ занятіямъ волшебствомъ и непогрѣбствами.

Въ заключеніе приведено извѣстіе о козняхъ еретиковъ противъ святыхъ иконъ: Іоаннъ приказалъ выколоть глаза на одной иконѣ, за что подвергся наказанію бичами. Меѳодій оклеветанъ предъ Θεοδорой и регентами въ незаконной связи съ одной женщиной. Назначенное по этому дѣлу слѣдствіе ¹⁾ и судъ привлекли массу зрителей. Но радость клеветниковъ была преждевременна, ибо Меѳодій торжественно доказалъ свою неспособность къ сожитію съ женщиной. Что здѣсь продолжатель Θεοφана, хотя у него находимъ больше живыхъ подробностей, чѣмъ у Генесія, въ сущности пользовался тѣми же матеріалами, что и этотъ послѣдній, или, можетъ быть, только развилъ разказъ Генесія, видимъ изъ заключенія. Клеветники, въ качествѣ наказанія, обязаны были каждый годъ въ годовщину православія участвовать въ процессіи изъ Влахернской церкви въ Софійскую и выслушивать собственными ушами анаѳематствованіе на нихъ ²⁾, что установлено было продолжать до конца ихъ жизни. Наконецъ, независимо отъ Генесія, продолжатель Θεοφана сообщаетъ объ угощеніи во дворцѣ, устроенномъ для собравшихся отцовъ и о неприятомъ объясненіи между царцей и братьями Θεοδоромъ и Θεοφаномъ Начертанными.

Сопоставляя извѣстія Генесія и продолжателя Θεοφана, нельзя не приходять къ заключенію, что послѣдній пользовался, кромѣ матеріаловъ доступныхъ Генесію, еще особыми источниками. Такъ, въ

¹⁾ βῆμα γούν εὐθέως καὶ κριτήριον φρίκης γέμον ἐκ πολιτικῶν ἀνδρῶν συκροτούμενον καὶ ἐκκλησιαστικῶν (lib. VI, p. 158).

²⁾ ὁ καὶ πηραίνετον ἐφάνη ἐπὶ πολὺ καὶ τῆς αὐτῶν μέχρι ἐταπεινῆς ζωῆς (p. 160).

группѣ данныхъ, обозначенныхъ нами подъ буквой А, встрѣчаемъ слѣдующіе факты, неизвѣстные Генесію:

Назначеніе регентства самимъ Теофиломъ; участіе въ регентствѣ, кромѣ Θεоктиста и Мануила, патриція Варды; доступъ къ Мануилу и вліяніе на него, кромѣ студійскихъ монаховъ, еще другихъ, съ которыми онъ сошелся во время своей службы на востокѣ; предварительные переговоры съ членами регентства о церковной реформѣ. Продолжатель Θεофана выражается конкретнѣе Генесія о томъ, что могло останавливать Θεодору при мысли о возстановленіи православія: она боялась того, что существующій порядокъ вещей отстаивали сенаторы и многіе изъ высшаго духовенства. Все это свѣдѣнія важныя, которыми едва ли могъ пренебречь Генесій, еслибы они были въ его источникахъ. Что касается достовѣрности этихъ свѣдѣній, они не всегда могутъ быть подтверждены. Такъ, прежде всего, на счетъ установленія регентства самимъ Теофиломъ и на счетъ участія Варды въ этомъ регентствѣ—не находимъ подтвержденія въ традиціи. Можетъ быть, что составитель лѣтописи помѣстилъ Варду въ число регентовъ только на основаніи выдающейся роли, которую игралъ этотъ царедворецъ въ малолѣтство Михаила. Что на Мануила вліяли не только студійскіе, но и восточные монахи, это не можетъ основываться на официальныхъ данныхъ; вообще весь разказъ о болѣзни Мануила, по нашему мнѣнію, введенъ въ исторію изъ житій святыхъ и изъ чудесъ студійскихъ и другихъ подвижниковъ. Разговоръ Мануила съ Θεодорою вполнѣ выражаетъ положеніе дѣла и можетъ считаться заслуживающимъ полного довѣрія.

Рядъ извѣстій, относящихся къ группѣ В, вызываетъ слѣдующее замѣчаніе. Въ общемъ этотъ разказъ ближе къ истинѣ, чѣмъ помѣщенный въ лѣтописи Генесія. Онъ изложенъ съ такой простотой и подробностями, что даетъ достаточныя данныя для критики взгляда самого автора. Словомъ, мы думаемъ, что въ повѣсти о дѣлѣ патриарха Іоанна, мы имѣемъ слѣды официального акта, которымъ авторъ пользовался и который воспроизвелъ довольно полно. Такимъ образомъ, предполагая, что друнгарій царской стражи Константинъ отправился къ Іоанну съ письменнымъ предложеніемъ отъ царицы, находимъ возможнымъ видѣть въ словахъ „собравшіеся отовсюду благочестивые и монахи внесли просьбу о возстановленіи святыхъ иконъ“ реальный мотивъ, которымъ начиналось предложеніе Θεодоры. Но если это такъ, то вся группа извѣстій объ Іоаннѣ поставлена у нашего автора не на мѣстѣ. Православные могли обратиться къ ца-

тицѣ съ просьбой тогда, когда она открыто высказалась за реформу и дала имъ позволеніе собираться во дворцѣ Θεодиста для обсужденія относящихся къ восстановленію православія вопросовъ, какъ объ этомъ читается у Генесія. Но совершенно невѣроатно, чтобы первый шагъ Θεодоры былъ направленъ прямо противъ Іоанна.

Ближайшее мѣсто по времени къ разсмотрѣннымъ лѣтописцамъ занимаютъ Симеонъ Метафрастъ и Левъ Грамматикъ. Время жизни перваго изъ нихъ и масса весьма интересныхъ и для русской исторіи вопросовъ, связанныхъ съ хроникой Симеона магистра и Метафраста, достаточно выяснены въ прекрасномъ изслѣдованіи В. Г. Васильевскаго ¹⁾. Хроника Симеона составлена въ послѣдней четверти X вѣка; авторъ могъ, слѣдовательно, пользоваться трудами названныхъ выше лѣтописцевъ, неизвѣстныхъ имъ матеріаловъ у него не было въ распоряженіи, а потому для нашего вопроса онъ не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ. Еще меньше значенія имѣетъ Левъ Грамматикъ, написавшій свою хронику въ 1013 году, о чемъ и заявлено въ концѣ его труда. Онъ даже не воспользовался лѣтописной традиціей и ограничился по отношенію къ событіямъ 842 года самыми общими и скудными данными.

Повидимому, съ большимъ вниманіемъ къ лѣтописной традиціи отнесся Іоаннъ Скилица, котораго сочиненіе до сихъ поръ извѣстно лишь въ лѣтописи, носящей имя Кедрина, представляющей на самомъ дѣлѣ дословное воспроизведеніе Скилицы. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому, скажемъ прямо, что Кедринъ только тѣмъ и извѣстенъ въ исторической литературѣ, что вновь издалъ подъ своимъ именемъ Скилицу. Это былъ высокопоставленный государственный человекъ, носившій титулъ куропалата и званіе великаго друнгарія царской стражи ²⁾. Онъ жилъ въ XI вѣкѣ, довелъ хронику до 1057 года, занимаясь ею въ концѣ XI вѣка. Нѣкоторыя изъ его сочиненій относятся ко времени царя Алексѣя Комнина (1081—1118).

Едва ли можно во всей полнотѣ раздѣлять мнѣніе Гирша, что Скилица относительно времени Михаила III пользовался только Генесіемъ и продолжателемъ Θεофана.

Изъ разбора его извѣстій мы выносимъ убѣжденіе, что кругъ его

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., часть 212, огд. 2; см. также Hirsch, Byzant. Studien S. 303 и слѣд.

²⁾ Hirsch, S. 358 и сл.

наблюденій былъ нѣсколько шире, чѣмъ у его предшественниковъ Х. вѣка, что нѣкоторымъ событіямъ онъ даетъ иное освѣщеніе, чѣмъ его предполагаемые непосредственные источники. Отметимъ эти особенности въ традиціи, переданной у Скилицы. Сказавъ о регентствѣ, назначенномъ Теофиломъ изъ магистра Мануила и патриція Теокиста, онъ далѣе сообщаетъ объ ихъ рѣчи къ народу и войску; эта рѣчь была сказана въ пещерѣ и сопровождалась присягой.

А. По принатіи царства, Теодора по внушенію благочестивыхъ мужей обратилась къ разсмотрѣнію вопроса объ ереси иконоборцевъ.

1) Этой мысли сочувствовалъ Теокистъ, но Мануилъ колебался.

а) Никто не смѣлъ явно высказываться за восстановленіе иконъ, такъ какъ ересь поддерживали большая часть сената и синода и самъ патріархъ;

б) рѣшился на это одинъ Мануилъ по Божьему содѣйствію: болѣзнь и предсказаніе студійскихъ монаховъ.

2) Чудесно освободившись отъ болѣзни, Мануилъ отправляется на конѣ во дворецъ и входитъ къ царицѣ,

а) убѣждаетъ ее всѣми мѣрами восстановить иконы,

б) она же и сама давно искала въ тому случая,

в) такъ какъ давно уже побуждали ее мать ея и дяди—патриція,

г) но дѣлала Мануилу возраженія, ссылаясь то на данную мужу клятву, то на силу и численность еретиковъ и, наконецъ, говорила: еслибы въ православіи не было чего-либо противнаго священному писанію, то мужъ мой не изгналъ бы его изъ церкви.

9) Мануилъ поставилъ ей на видъ, что если не будетъ восстановлено православіе, то угрожаетъ переворотъ и лишеніе царства какъ ей, такъ и сыну.

Б. Убѣжденная доводами Мануила, Теодора

1) разрѣшаетъ собраться во дворцѣ Теокиста членамъ сената и синода, украшеннымъ разумомъ и ученіемъ для обсужденія вопросовъ, касающихся православія.

а) Собравшись и высказавшись и приведши свидѣтельства изъ священнаго писанія, православная партія одержала перевѣсъ;

б) составлено опредѣленіе о восстановленіи святыхъ иконъ;

в) архіереи и монахи и члены сената, прежде державшіеся ереси, въ большинствѣ примкнули къ православію, остальные же сосланы въ ссылку.

В. Мѣропріятія протавъ патріарха Іоанна изложены согласно Генесію, только короче:

1) дозваніе Варды закончилось тѣмъ, что онъ силою взялъ Іоанна изъ патріархіи.

Г. Возводится Меводій

1) съ одобренія благочестивыхъ іереевъ, свѣтскихъ и монаховъ и подвижниковъ съ горъ, пришедшихъ въ столицу.

Д. Они единогласно предали вѣчной анаемѣ ересь иконоборцевъ

Затѣмъ Свилица сообщаетъ извѣстныя свѣдѣнія объ Іоаннѣ, названномъ 200 ударовъ за то, что онъ выпарапалъ глаза на иконѣ, о происхожденіи его, о служебной карьерѣ при Михаилѣ Травлѣ и о волшебствѣ; послѣднее подтверждено случаемъ съ тремя языческими князьями. Далѣе помѣщена повѣсть о влостномъ навѣтѣ еретиковъ на Меводія; наконецъ, объ ующеніи во дворцѣ и о разговорѣ царицы съ братьями Начертанными.

Приведенными данными, можно сказать, исчерпывается лѣтописная традиція по отношенію къ собору 842 года и къ вопросамъ, близко съ нимъ соприкасающимся. Эти данныя далеко не освѣщаютъ событія съ надлежащей полнотою, мало характеризуютъ главныхъ дѣятелей и вообще не удовлетворяютъ многихъ запросовъ, которые могутъ быть предъявлены со стороны историка. Но что всего болѣе печально, — предыдущее разысканіе должно убѣдить, что въ лѣтописной традиціи не сохранилось указанія на два факта: а) когда и какъ происходилъ соборъ, чѣмъ онъ занимался и какіе результаты его дѣяній, и б) совпадаетъ ли соборъ съ торжествомъ православія, или представляетъ собой отдѣльный актъ. Ясно, что пока не рѣшены эти вопросы, такъ темно обозначенные въ традиціи, было бы преждевременно приступать къ изложенію исторіи собора.

Намъ необходимо расширить поле изученія и обратиться за поисками въ другія области. Византійская историографія, не представляющая за иные періоды ни одного лѣтописца, который бы могъ быть названъ современнимъ писателемъ, находитъ себѣ иногда весьма важную подмогу въ произведеніяхъ духовнаго или свѣтскаго краснорѣчія и въ обширной литературѣ житій. Многія событія византійской исторіи, остававшіяся малозвѣстными или недостаточно объясненными, раскрыты при помощи данныхъ почеркнутыхъ изъ названнаго рода литературы. Что довольно бѣдный современными историческими писателями IX вѣкъ можетъ также собрать хорошую жатву изъ памятниковъ ораторскаго искусства и въ особенности въ

литературѣ житій, въ этомъ нельзя сомнѣваться уже потому, что бурная эпоха иконоборческаго движенія выдвинула цѣлый рядъ очень популярныхъ дѣателей, имя которыхъ пользовалось широкой извѣстностью въ различныхъ краяхъ имперіи. Борьба между православной и еретичествующею партіями, попеременно получавшими преобладаніе, подняла на ноги провинціальное населеніе, заставивъ его группироваться около того или другаго героя, подвижника или исповѣдника. Ссылка на поселеніе, закрытіе монастырей, отнятіе свободы слова и запрещеніе письменнаго изложенія мнѣній—все это, конечно, должно было подавляющимъ образомъ дѣйствовать на тогдашнюю литературу. Трудно далѣе сказать, православная или иконоборческая партія обнаруживала больше энергіи по истребленію литературныхъ памятниковъ въ эту эпоху. Далѣе мы увидимъ, съ какимъ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, получившая перевѣсъ партія старалась уничтожить въ книгахъ основанія, имѣющія значеніе для противной партіи и съ какимъ суровымъ фанатизмомъ уничтожались цѣлыя библиотеки и портились рукописи. Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что мавія книгоистребленія погубила всю производительность того времени. Многое унесено было заблаговременно въ южную Италію, многое сохранено въ частномъ владѣніи.

Герои и подвижники за идею православія, дѣятельность которыхъ падаетъ на IX столѣтіе, и потому уже оставили въ литературѣ болѣе или менѣе ясный слѣдъ своей дѣятельности, что послѣ 842 года наступило для нихъ полное торжество, что возобладавшая наконецъ православная партія имѣла всю возможность воздать имъ должную похвалу за ихъ подвиги и страданія. Послѣ утвержденія православія патріахъ Меѳодій торжественно переносить въ Константинополь останки суроваго и непреклоннаго аскета Ѳ. Студита и патріарха Никифора. Ученики и почитатели исповѣдниковъ собираютъ свѣдѣнія объ ихъ жизни и составляютъ разказы о житіи, страданіяхъ и чудесахъ ихъ, и эти разказы быстро распространяются по отдаленнымъ мѣстамъ, гдѣ еще помнили подвижниковъ. Такимъ образомъ, агіографическая литература можетъ дать нѣкоторыя новыя черты въ выясненію нашего вопроса. Но мы имѣемъ кромѣ того въ произведеніяхъ церковнаго краснорѣчія живыя и едва ли не современныя событіямъ указанія.

Особенно цѣнныя черты, могущія выдержать состязаніе съ любымъ изъ разсмотрѣнныхъ выше лѣтописныхъ изложеній касательно событій 842 года, находимъ въ церковномъ словѣ, сказанномъ, какъ можно су-

дять по надписанію, по случаю перенесенія останковъ патриарха Никифора въ Константинополь ¹⁾). Такъ какъ перенесеніе мощей Никифора происходило еще при жизни Меѳодія, то для насъ эта рѣчь независимо отъ всего прочаго, имѣетъ значеніе почти современнаго памятника. Авторомъ ея названъ Теофанъ пресвитерь и преподаватель. Въ сожальствію, она напечатана въ латинскомъ переводѣ, что и лишаетъ насъ возможности прямо поставить ее въ связь съ гѣтовыми неложеніями.

Передаемъ содержаніе той части рѣчи, которая относится къ событіямъ 842 года.

Послѣ того какъ по смерти Теофила имперія перешла къ женоугодному еѳеодору и къ Михаилу, эта женщина съ усердіемъ обратилась къ благочестію. Понимая, что ничто такъ не будетъ способствовать безопасности имперіи, какъ окончаніе церковной смуты, она, соединившись съ вѣсными сановниками государства, призвала тѣхъ, которые отличались своимъ вліаніемъ между монахами и предложила имъ на обсужденіе вопросъ о возстановленіи иконъ. Когда затѣмъ увидѣла, что они всѣ согласны и что ежедневно горятъ однимъ желаніемъ, болятъ сердцемъ о перемѣнѣ религіи, потребовала отъ нихъ, чтобы они выбрали мѣста изъ святоотеческихъ книгъ въ подтвержденіе истины, указала мѣсто во дворцѣ, гдѣ долженъ собратися назначенный соборъ, и обратилась съ манифестомъ къ народу. Собрались такое множество, что нельзя было перечестъ, ибо были не только тѣ, которые сохранили чистый умъ во время невольнаго отечья, но и многіе изъ тѣхъ, что сочувствовали врагамъ благочестія и были назначены на духовныя мѣста еретиками; перемѣнивъ свои мысли, эти послѣдніе подвергли проклятію враговъ святыхъ иконъ.

При этомъ быстромъ и неожиданномъ оборотѣ дѣлъ тѣмъ патриархъ Іоаннъ, имавъ въ изумленіе и удивленіе, не возложилъ на себя руки. Онъ былъ иновникомъ до конца, но не имѣлъ вредное вліаніе на цара Теофила. Послѣ чего императрица съ общаго согласія и по опредѣленію великихъ вѣнчаныхъ и церковнаго собора, избранъ съ общаго одобренія Меѳодій.

Тогда утверждены были второй Никейскій соборъ, свѣдѣніи котораго утверждены были въ императрицей Иринею и блаженнымъ патриархомъ Тарасіемъ одобренны всѣ его опредѣленія. Тогда всѣ церкви возприняли красоту и славу свѣдѣніи святыхъ иконъ; на мѣсто тѣхъ, которые

сквернили ихъ, поставлены священники и правители, придерживающіеся истиннаго ученія.

Здѣсь мы не имѣемъ всѣхъ занесенныхъ въ лѣтопись свѣдѣній о событіяхъ 842 года, но что сообщается въ словѣ на перенесеніе мощей Никифора, имѣетъ характеръ достовѣрности и выдерживаетъ сравненіе съ лучшими лѣтописными источниками. Собственно въ словѣ сообщаемыя свѣдѣнія обнимаютъ только ту группу событій, которая касается мѣръ, принятыхъ царицей къ возстановленію православія; по смыслу и тону эти извѣстія всего ближе соотносятся съ данными Скилицы—Кедрина. Но нашъ источникъ независимъ отъ всей лѣтописной литературы по заключительной части, дающей ему свой опредѣленный характеръ. Онъ даетъ понять, что мѣра протавъ патріарха Іоанна предпринята была во время засѣданій собора, о чемъ не даетъ подозрѣвать ни одинъ другой источникъ. Далѣе, онъ даетъ намъ ключъ къ сужденію о томъ, что происходило на соборѣ, о чемъ тоже не сообщаютъ лѣтописныя изложенія. Согласно возрѣнію слова, отцы Константинопольскаго собора отправлялись въ своихъ сужденіяхъ и опредѣленіяхъ отъ актовъ VII вселенскаго собора. Утвердивъ опредѣленія этого собора, они и въ своихъ дѣйствіяхъ должны были сообразоваться съ тѣмъ, что происходило на VII вселенскомъ соборѣ.

Что акты VII вселенскаго собора могутъ быть привлечены въ качествѣ матеріала для возстановленія протоколовъ константинопольскаго собора 842 года, эта мысль, представляющая въ себѣ большую долю достовѣрности, утверждается главнѣйше на приведенномъ словѣ. Если принять безъ оговорокъ это свидѣтельство, то нельзя не допустить и необходимыхъ заключеній, изъ него вытекающихъ. Не имѣя актовъ собора 842 года, мы имѣемъ то, что до нѣкоторой степени является замѣною ихъ, или что съ нѣкоторой вѣроятностью можетъ быть принимаемо за утраченные акты,—разумѣемъ первую часть Синодика въ недѣлю православія. Разсмотрѣнная выше литература лѣтописей останяваетъ насъ въ полномъ недоумѣніи по отношенію къ принятымъ на соборѣ рѣшеніямъ. Синодикъ въ недѣлю православія въ существѣ есть рядъ краткихъ соборныхъ постановленій, которые явились результатомъ дѣятельности собора 842 года. При этихъ двухъ положеніяхъ сейчасъ найденное третье получаетъ большую цѣну и важность. Если отцы собора 842 года въ своихъ рѣшеніяхъ отправлялись отъ актовъ VII вселенскаго собора, то очевидно, что, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая

касаясь почитанія святыхъ иконъ, утраченные протоколы собора 842 года должны были совпадать съ протоколами VII вселенскаго собора (въ той же части). Это заключеніе въ свою очередь ведетъ къ другому: первая часть Синодика можетъ находить себѣ подтвержденіе въ Дѣяніяхъ VII вселенскаго собора.

Изъ предыдущаго ясно, что Синодикъ, если только подтвердится его зависимость отъ актовъ VII вселенскаго собора, самъ по себѣ долженъ быть разсматриваемъ въ смыслѣ источника для изученія собора 842 года. Здѣсь необходимы сличенія и сопоставленія въ доказательство соборнаго происхожденія первой части Синодика. Предварительно скажемъ нѣсколько словъ о формальномъ дѣлопроизводствѣ на соборахъ.

По Дѣяніямъ вселенскихъ соборовъ ¹⁾ легко составить себѣ идею объ общей формѣ созыва и дѣлопроизводства на соборахъ. Въ разсужденіи вишней формы созыва соборовъ должно дѣлать различіе между соборами вселенскими и помѣстными. Для первыхъ требовались продолжительныя приготовленія, сношенія съ восточными патріархами и Римомъ, для вторыхъ этого не требовалось. Иконоборческая эпоха выработала въ этомъ отношеніи свою практику. Когда въ началѣ 815 года патріархъ Никифоръ узналъ о намѣреніи Льва Армянина вновь поднять вопросъ о почитаніи иконъ, то съ цѣлью удержать царя отъ этого шага, патріархъ собралъ соборъ изъ 270 отцовъ (епископовъ, игуменовъ и монаховъ). Весьма вѣроятно, что патріархъ Никифоръ собралъ только живущихъ въ Константинополѣ и окрестностяхъ ревнителей православія, ибо для оповѣщенія отдаленныхъ епархій онъ не имѣлъ времени. Нельзя далѣе не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ протоколахъ засѣданій соборовъ мы не имѣемъ генетическаго развитія мыслей и выработки положеній. Все заставляетъ, напротивъ, предполагать, что на соборъ вносились готовые доклады, составленные предварительно избранными на то комиссіями или отдѣльными лицами, уполномоченными къ тому. Эта система докладовъ бросается въ глаза при чтеніи Дѣлній VII вселенскаго собора. Что касается до формальнаго дѣлопроизводства, объ этомъ можно сдѣлать слѣдующія наблюденія: иконоборческій соборъ 815 года, на которомъ предсѣдательствовалъ преемникъ патріарха Никифора. Θεодотъ Касситера, рѣшалъ весь

¹⁾ Есть русскій переводъ, сдѣланный Казанскою духовною академіей.

вопросъ противъ святыхъ иконъ въ три засѣданія, при чемъ на послѣднемъ были прочтены уже готовые постановленія и отобраны подписи. Правда, мы знаемъ, что собору 815 года слѣдовало лишь возвратиться къ постановленіямъ собора 754 года, и новыхъ постановленій не предстояло дѣлать. Но все же противники православія должны были считаться съ тѣми положеніями, которыя выставляемы были противъ нихъ. Само собой разумѣется, еслибы собравшіеся были не подготовлены къ вопросу, то въ три дня едва ли могли придти къ рѣшеніямъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что весь матеріалъ подготовленъ былъ анагностомъ Іоанномъ, будущимъ патріархомъ, который по порученію царя занимался этимъ дѣломъ съ мая по ноябрь 814 года ¹⁾. Переноса теперь эти соображенія къ разсмотрѣнію Синодуса, какъ акта постановленій собора 842 года, мы приходимъ къ тому предположенію, что и здѣсь общія идеи развиты были не отцами собора, а выработаны или въ предварительной комиссіи, или отдѣльными докладчиками. Этотъ соборъ также, по всей вѣроятности, только утвердилъ обработанный ранѣе матеріалъ, ибо онъ не могъ имѣть много засѣданій. Въ разсмотрѣнныхъ выше лѣтописныхъ изложеніяхъ, въ особенности въ Похвалѣ патріарху Никифору, мы имѣли случай отмѣтить ту сторону, которая объясняетъ дѣло съ формальной точки зрѣнія. Прежде всего ревнители православія получили отъ царицы разрѣшеніе собираться и разсмотрѣть вопросъ о возстановленіи иконопочитанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда же взялъ въ свои руки теоретическую подготовку вопроса будущій патріархъ Меѳодій, который былъ несомнѣнно въ Константинополѣ въ это время. Второе обстоятельство, отмѣченное Похвалою, рѣшаетъ всѣ сомнѣнія насчетъ самостоятельности и трудности задачи, предстоявшей какъ предварительной комиссіи, такъ и собору. Задача собора, а слѣдовательно и предварительной комиссіи и отдѣльныхъ докладовъ, сводилась къ постановленіямъ собора 787 года: утвержденъ VII вселенскій соборъ и одобрены всѣ его опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, это единственный и правильный шагъ, какой могли сдѣлать ревнители православія: какъ иконоборцы начинали съ анаематствованія VII вселенскаго собора, такъ православные должны были утвердить авторитетъ этого собора, которымъ въ свое время утверждено было православіе.

¹⁾ Прекрасныя данныя къ этому вопросу см. *Incerti auctoris, Vita Leonis Armeni* въ бонискомъ изд. в у Минн.

Новых постановлений не приходилось дѣлать, ибо на VII вселенскомъ соборѣ тщательно собрана была литература вопроса, при томъ же онъ имѣлъ высшій авторитетъ, какъ утвержденный вселенскою церковью. Единственный новый предметъ, котораго нельзя было обойти въ 842 году, касался принятія въ нѣдра церкви раскаявшихся иконоборцевъ духовнаго чина. Практика давала и въ этомъ отношеніи твердыя правила: на VII вселенскомъ соборѣ почти не отказывали бывшимъ иконоборческимъ епископамъ въ принятіи къ единенію съ церковью, если они торжественно заявляли раскаяніе. Патриархъ Меодій былъ, кажется, въ этомъ отношеніи весьма снисходителенъ, вѣрилъ раскаянію иконоборцевъ и оставилъ ихъ на мѣстахъ. Въ свое время увидимъ, что онъ подвергся за это нареканіямъ со стороны болѣе суровыхъ Студійскихъ монаховъ. Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что акты собора 842 года должны опираться на постановленія VII вселенскаго собора, что въ нихъ нельзя искать личнаго творчества или авторства Меодія, или кого либо изъ близкихъ къ нему лицъ. Съ этой точки зрѣнія мы попытаемся сопоставить краткую редакцію Синодика съ актами VII вселенскаго собора.

Извѣстно, что VII вселенскій соборъ состоялся при императрицѣ Иринѣ. Цѣль его была въ восстановленіи православія, отвергнутаго постановленіями иконоборческаго собора 754 года. Сотрудникомъ Ирины и предсѣдателемъ на этомъ соборѣ былъ патриархъ Тарасій, при самомъ избраніи своемъ уже поставившій условіемъ—возвращеніе церкви къ иконопочитанію (784 г.). Обстоятельства подготовленія и составленія этого собора были необычны. Прежде всего потребовалось больше полутора года на сношенія съ представителями патриаршихъ кафедръ и на созваніе уполномоченныхъ изъ Рима и съ востока. Затѣмъ, когда соборъ открылся въ августѣ 786 года, приверженцами иконоборчества обнаружена была такая активная оппозиція, опирающаяся на расположенныя въ Константинополѣ войска, что православные принуждены были уступить угрозамъ и разойтись изъ храма св. Апостоловъ. Можно догадываться, что къ этому времени правительство достаточно убѣдилось,—въ какихъ элементахъ населенія и въ какихъ сословіяхъ преимущественно сильна оппозиція. Согласно съ этимъ принять было рядъ мѣръ, чтобы ослабить враждебную партію въ Константинополѣ. Въ высшей степени важно при этомъ историчу отмѣтить то, что царица Ирина произвела передвиженіе военныхъ частей: бывшія въ столицѣ войска размѣстила по провинціямъ, въ Константинополь же приказала

заваться отрядамъ изъ провинцій. За всѣмъ тѣмъ прошелъ еще цѣлый годъ, прежде чѣмъ Ирвина рѣшилась открыть засѣданія собора въ сентябрѣ 787 года и при томъ не Константинополѣ, а въ Никее. Было всего 8 засѣданій, съ недѣльными промежутками.

Для исторіи соборовъ, и въ частности того, которымъ мы занимаемся, практика VII вселенскаго собора можетъ быть принята какъ типъ, по которому вообще складывалось какъ дѣлопроизводство, такъ и отношенія партій православной и иконоборческой. Всего интереснѣе на нашъ взглядъ отношеніе собора къ иконоборческимъ епископамъ, о которыхъ завѣдомо знали, что они при открытіи собора 786 года употребляли всѣ средства для возбужденія толпы и устрашенія правительства. Теперь, при обсужденіи вопроса о принятіи въ общеніе съ церковью иконоборческихъ епископовъ, заявившихъ готовность отречься отъ заблужденій, нѣсколько возраженій сдѣлано было лишь противъ тѣхъ, которые сильно замѣшаны были въ гоненіи противъ православныхъ, и еще представился довольно деликатный вопросъ объ епископѣ Неокесарійскомъ, предсѣдательствовавшемъ на иконоборческомъ соборѣ 754 года. Но какъ относительно первыхъ, такъ и послѣдняго рѣшеніе собора склонилось въ пользу принятія ихъ къ общенію и оставленію на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

На соборѣ предъявлены были дагѣ матеріалы за и противъ иконопочитанія: первые взяты были изъ постановленій собора 754 года, вторые изъ отеческой литературы и изъ сочиненій защитниковъ иконопочитанія. Вся та часть Дѣяній, гдѣ предъявлялись документы и предлагались положенія иконоборцевъ и иконопочитателей, имѣетъ большой историческій и литературный интересъ, такъ какъ при этомъ дѣлались ссылки на такія сочиненія, которыя теперь уже утрачены, и такъ какъ при этомъ выяснилось, какъ иконоборцы и иконопочитатели взаимно относились къ историческимъ справкамъ и литературнымъ доказательствамъ. Есть, между прочимъ, ссылки на апокрифы, есть указанія на испорченныя или уничтоженныя сочиненія. Нѣсколько мѣстъ здѣсь не будутъ излишни въ буквальной передачѣ. Діаконъ и скевофилакъ Дмитрій заявляетъ ¹⁾: „Осматривая святую и великую церковь константинопольскую, я нашелъ тамъ утраченными двѣ книги, которыя были снабжены серебряными изображениями. При

¹⁾ *Labbe, Sacrosancta Concilia VII*, p. 372; Дѣянія вселенскихъ соборовъ, т. VII, стр. 408 (русскій переводъ, Казань, 1873).

разсѣдованіи оказалось, что еретики бросили книги въ огонь и сожгли ихъ. Еще я нашелъ книгу Константина хартофилака, въ которой говорилось объ иконахъ, но злонамѣренные люди вырѣзали листы, гдѣ было мѣсто объ иконахъ, и вотъ теперь эта книга у меня въ рукахъ и я заявляю ее святому собору¹. Честнѣйшій Леонтій секретарь къ этому прибавилъ: „Нужно удивляться еще другому въ этой книгѣ; она въ серебряномъ окладѣ, какъ видите, и съ обѣихъ сторонъ украшена изображеніями всѣхъ святыхъ. И вотъ въ чемъ уже крайнее безуміе: оставивъ этотъ окладъ съ изображеніями, вырѣзали то, что было написано объ этихъ изображеніяхъ“. По этому же поводу Левъ епископъ Фокейскій сказалъ: „Въ представленной книгѣ пропало нѣсколько листовъ, а вотъ въ моемъ городѣ предано сожженію больше 30 книгъ“. Діаконъ Косма сказалъ: „Вотъ эта книга, найденная мной въ патриархѣ, содержитъ Ветхій завітъ, въ ней были присоединены сколіи, и между прочимъ, одна въ защиту святыхъ иконъ, но навѣтники истины выскоблили эту сколію. Посмотрите это мѣсто, тутъ не много еще можно разобрать². Онъ же показалъ другую книгу, повѣствующую о подвигахъ мучениковъ и о нерукотворной иконѣ Камуліанской, но въ ней вырѣзаны листы объ иконахъ³). Инокъ Стефанъ показалъ книгу, въ которой два мѣста были выскоблены. Патриархъ Тарасій указалъ на книгу Лимонарь, въ которой оказались вырѣзанными листы о святыхъ иконахъ. Отцы собора старались подыскать другіе экземпляры испорченныхъ книгъ и по нимъ восстановить текстъ испорченныхъ мѣстъ. Можно было бы ожидать, въ виду представленія столькихъ случаевъ безжалостнаго истребленія книгъ, что сами отцы собора съ большей осторожностью отнесутся къ доказательствамъ противной партіи. Въ крайнему сожалѣнію, нельзя однако скрыть, что на томъ же соборѣ былъ поданъ голосъ противъ всѣхъ сочиненій, написанныхъ противъ иконъ; этотъ голосъ требовалъ уничтоженія ихъ огнемъ и анаематствованія⁴). До какой степени дошло въ иконоборческую эпоху варварское обращеніе съ такъ называемыми историческими справками, видимъ изъ общаго огульнаго обвиненія въ плагиатѣ и полнаго недовѣрія къ приводимымъ изъ книгъ мѣстамъ. Лучшимъ и краснорѣчивымъ подтвер-

¹) Labbe, VII, p. 377; Dvaina VII, стр. 413.

²) Labbe, VII, p. 368: καὶ ἕτερον βιβλίον ἐκ παλαιῶν ἀναγόμενον, ἵνα πάντα τὰ συγγραμματα ταῦτα κατὰ τὸν ἀριθμὸν εἰκόνας γινόμενα μετὰ ἀναθεματισμοῦ λεγόμενα, ἢ τῶ περι παραδοθέντα, καὶ περι τοῦτου ἀποβρῆν ἐκφυγῆσαι ὡς δοκεῖ τῇ ἱερᾷ συνέδῳ. Ἡ ἀγία σύνοδος εἶπεν γινέσθαι.

жденіемъ тому служить состязаніе между царемъ Теофиломъ и братьями Θεοδορομъ и Θεοφάνομъ Начертанными ¹⁾. Θεοφάνъ привелъ одно мѣсто изъ пророчества Исаи, Θεοφίλъ возразилъ ему, что мѣсто это не такъ читается и, раскрывъ находившуюся у него книгу, подтвердилъ справедливость сказаннаго. Θεοφάνъ же сталъ кричать, что онъ перепортилъ и эту книгу, и всѣ другія, какія только попадались ему подъ руку; пусть, присовокупилъ онъ, принесутъ ту книгу, которая находится въ патриархіи и лежитъ въ библіотекѣ на такомъ-то мѣстѣ, тогда я повѣрю. Послали за этой книгой и скоро принесли ее. Царь, развернувъ книгу, не могъ скоро попасть на нужное мѣсто, соблаждая его протянулъ руку и сказалъ: нужно перевернуть три листа, и тамъ найдешь искомое мѣсто.—Лѣтописецъ разказываетъ далѣе, какъ разгнѣванный такой дерзостью царь наказалъ братьевъ.

Въ протоколахъ VII вселенскаго собора сохранился обильный матеріалъ въ защиту иконопочитанія и въ доказательство исконности обычая поклоненія святымъ иконамъ. Для отцовъ собора 842 года не предстоило необходимости вновь переработывать этотъ матеріалъ. Въ особенности важными для насъ оказываются протоколы 6-го засѣданія. Въ этомъ засѣданіи Левъ асиритъ сдѣлалъ предложеніе рассмотреть акты иконоборческаго собора 754 года ²⁾ и выслушать составленное уже заранее опроверженіе постановленій этого собора. Какъ можно догадываться, опроверженія сдѣланы были соборною комиссіей, работа которой въ общемъ была уже тогда извѣстна ³⁾. Докладъ въ этомъ засѣданіи раздѣленъ былъ между епископомъ Неоцесарійскимъ Григоріемъ и діаконами Іоанномъ и Епифаніемъ. Первый прочитывалъ, статья за статьей, опредѣленія иконоборческаго собора, послѣдніе докладывали опроверженія на каждую статью, прочитанную Григоріемъ. Но послѣ сличенія этой части протоколовъ VII вселенскаго собора съ Синодикомъ нельзя не придти къ заключенію, что въ послѣднемъ мы имѣемъ не воспроизведеніе опредѣленій VII собора, а сокращенное ихъ изложеніе. Слѣдовательно, никакъ нельзя допустить безъ значительныхъ оговорокъ ту мысль,

¹⁾ *Theophanis Contin.* III, с. 14.

²⁾ *Labbe*, VII, р. 392: τήμερον δὲ μετὰ χειρᾶς ἔχομεν αὐτῶν τῶν χριστιανοκατηγόρων τὴν ἐγγραφὴν βλασφημίαν, ἣρουν τὸ ἀλλόκοτον καὶ εὐανάτροπον καὶ αὐτέλεχτον ὄρον τοῦ ψευδοσυλλόγου.

³⁾ ἀλλὰ καὶ τὴν ἐντεχὸν καὶ δραστηκωτάτην αὐτοῦ ἀνατροπὴν, ἣν τὸ πνεῦμα τοῦ Ἁγίου παρέχεται· εἶδει γὰρ αὐτὸν ἠριαμβεοῦσθαι σοφῆς ἀντιρρήσεως καὶ σπαραχθῆναι ἰσχυραῖς ἀναλύσει, ἣν καὶ ὑποβάλλωμεν πρὸς τὸ παριστάμενον.

что соборъ 842 года ограничился утверженіемъ и принатиемъ опредѣленій VII вселенскаго собора. Въ дошедшей до насъ редакціи Синодника замѣчается частію личное творчество, частію выборъ матеріала изъ соборныхъ актовъ. Предлагаемый ниже подробный анализъ содержанія Синодника дастъ намъ случай возвратиться къ этому вопросу, здѣсь же достаточно отмѣтить тѣ положенія, которыя несомнѣнно представляются дословно заимствованными изъ актовъ VII вселенскаго собора. Само собой разумѣется, во первыхъ, сюда относятся имена иконоборцевъ, отлученныхъ отъ церкви; во вторыхъ, имена подвижниковъ православія, которые поминаются съ провозглашеніемъ вѣчной памяти; наконецъ, третьихъ, нѣсколько общихъ положеній противъ иконоборцевъ, неоднократно повторенныхъ на VII вселенскомъ соборѣ и неизмѣнно появляющихся во всѣхъ спискахъ Синодника. Сюда относятся анафематствованія, произнесенныя на седьмомъ и восьмомъ засѣданіи собора 787 года, имѣющія общій характеръ ¹⁾: *ὄλοκ τοῖς αἰρετικοῖς;—τῷ φροαζάνῳ συνεβρίῳ κατὰ τῶν σεπτῶν εἰκόνων;—τοῖς ἐκλαβάνουσι τὰς παρὰ τῆς θείας γραφῆς ῥήσεις κατὰ τῶν εἰδῶλων εἰς τὰς σεπτὰς εἰκόνας.* Лишь подъ однимъ условіемъ можно принять мысль о тѣсной зависимости первой части Синодника отъ актовъ VII вселенскаго собора, если предположить, что первоначальная редакція этой части, составленная въ 842 году, была короче, чѣмъ та редакція, въ которой Синодикъ дошелъ до насъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что Синодикъ, по самой цѣли своей служить знаменемъ церкви торжествующей, имѣлъ постоянную тенденцію развѣваться и обновляться въ обѣихъ своихъ составныхъ частяхъ: положительной и отрицательной, то-есть, какъ въ той, гдѣ провозглашается вѣчная память, такъ и въ той, гдѣ произносится анафема. Нароставшіе элементы распознаются по несомнѣннымъ признакамъ: это—имена лицъ, жившихъ послѣ эпохи утверженія православія; распространеніе Синодника объясняется также привнесеніемъ въ него мѣстныхъ епархіальныхъ элементовъ. Принявъ это въ соображеніе, можно допустить, что Синодикъ находился въ постоянномъ процессѣ развитія и пополненій, и что древнѣйшая дошедшая до насъ редакція его, относящаяся къ XI вѣку, уже не совпадаетъ съ первоначальною, современною торжеству православія. Чтобы хотя до нѣкоторой сте-

¹⁾ *Lalbe*, VII, p. 576, 592; *Дьянія* (русскій перев.), VII, стр. 610, 627—628, и послѣдующія четыре или пять положеній, которыя будутъ отмѣчены въ своемъ мѣстѣ.

цели возродить эту последнюю, мы можем сослаться на протоколы собора 869 года, бывшего при патриархе Фотии. Въ заседанияхъ этого собора обсуждался, между прочимъ, вопросъ о новыхъ иконоборцахъ, имена отлученныхъ отъ церкви въ 842 году присоединены къ тѣмъ, которые отлучены были въ 842 году. При этомъ диаконъ и нотарій Стефанъ отъ лица собора произнесъ тѣ статьи анатематствованія, которыя мы находимъ въ протоколахъ VII вселенскаго собора и въ Синодикѣ ¹⁾ и которыя, очевидно, нужно считать основными и несомнѣнно принадлежащими къ древнѣйшей редакціи.

Разсмотрѣніе лѣтописной традиціи о соборѣ 842 года приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ сохранившихся изложеніяхъ, относящихся большей частью къ X вѣку, недостаетъ живаго и нагляднаго представленія объ общемъ ходѣ дѣлъ по смерти царя Теофила. Съ значительными затрудненіями удастся отыскать только нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ звеньевъ въ цѣпи событій, восстановить же причинную связь и послѣдовательность между фактами оказывается невозможнымъ. При такомъ состояніи источниковъ нельзя излагать исторію собора 842 года, а можно лишь ограничиться подведеніемъ итоговъ въ разборъ лѣтописной традиціи.

Починъ въ церковной реформѣ принадлежалъ византійскому духовенству, которое при посредствѣ регента Мануила нашло возможнымъ дѣйствовать на царицу, приводя ей на видъ политическіе и религіозные мотивы въ пользу восстановленія православія. Убѣжденная доводами Мануила и совѣтами родственниковъ, Теодора поручила приверженцамъ реформы выработать проектъ восстановленія православія. Когда выяснилось при обсужденіи этого проекта (*τὰ κερὶ ὀρθοδοξίας προβλήματα τε καὶ δογματά*), что иконоборческая партія бездѣйствуетъ и не можетъ быть опасною, предпринять былъ смѣлый шагъ противъ патриарха Іоанна VII. Приверженцы реформы отправили къ царицѣ петицію, которая для нея послужила мотивомъ къ мѣрамъ противъ иконоборческаго патриарха. Можно думать, основываясь на аналогіяхъ въ исторіи патриарховъ Игнатія и Фотія, что процессъ патриарха Іоанна былъ ранѣе собора, восстановившаго православіе, ибо иначе къ патриарху была бы отправлена соборная коммиссія, а не другарій Константинъ со стражей. Меѳодій возведенъ въ патриархи послѣ низверженія Іоанна, и подъ его предсѣдатель-

¹⁾ Labbe, VIII, p. 1357: Τῶ φραζαμένῳ συνεδρίῳ κατὰ τῶν ἑπτῶν εἰκόνην; τοῖς ἐλαφβάουσι τὰς γραφικὰς ῥήσεις κατὰ τῶν εἰδῶν εἰς τὰς ἑπτὰς εἰκόνας, κ. α. α. α.

ствомъ состоялся соборъ, возстановившій православіе. Соборъ не имѣлъ нужды въ многочисленныхъ засѣданіяхъ, ибо матеріалы для него подготовлены были на совѣщаніяхъ во дворцѣ канцлера Теофтиста, при томъ же какъ на предварительныхъ совѣщаніяхъ, такъ и на соборѣ предстояло только выбрать статьи въ опроверженіе иконоборцевъ изъ актовъ VII вселенскаго собора. Отцамъ встрѣтилось, однако, важное затрудненіе по отношенію къ имени недавно умершаго царя Теофила. Какъ иконоборецъ, Теофилъ долженъ былъ подвергнуться церковному отлученію на ряду со своими предшественниками, но естественное чувство уваженія къ мужу и отцу Михаила III, именемъ котораго царствовала Теодора, препятствовало ей подписать соборное опредѣленіе, въ которомъ произнесена анаѳема Теофилу. По всей вѣроятности, имя Теофила не подвергалось на соборѣ отлученію; изъ уваженія къ царицѣ отцы собора принуждены были пройти молчаніемъ это имя. Въ лѣтописяхъ отмѣченъ этотъ фактъ дарованія Теофилу соборной амнистіи, но недостаточно выясненъ и обставленъ. Подвѣйшая традиція съ любовью занялась этимъ сюжетомъ и развила его въ связанный и послѣдовательный разказъ. Таковы въ общихъ чертахъ довольно скудные результаты, какіе мы могли получить изъ разсмотрѣнія лѣтописи. Но есть возможность расширить область изученія занимающаго насъ вопроса посредствомъ ознакомленія съ лицами, принимавшими участіе въ событіяхъ 842 года.

Періодъ иконоборчества, блѣдно изображенный въ лѣтописи, имѣетъ рядъ героев и безстрашныхъ борцовъ за православіе, имена которыхъ окружены ореоломъ святости. Довольно богатая литература житій, посвященная подвигамъ ревнителей православія, не могла не касаться утвержденія православія въ 842 году и не выставлять заслуги и такихъ лицъ, о которыхъ мало знаетъ лѣтопись. Нельзя, конечно, предъявлять къ жизнеописаніямъ святыхъ тѣхъ же требованій, какъ къ лѣтописи, и ожидать отъ нихъ пополненія фактическаго матеріала, но мы замѣтили при изученіи агиографической литературы занимающаго насъ періода ту особенность, что она стремится къ переработкѣ самаго фактическаго матеріала, переданнаго лѣтописью X вѣка, и вліяетъ на лѣтописныя изложенія XI и XII вв. Съ этой точки зрѣнія литература житій не можетъ не представлять своего интереса.

Синодикъ воздастъ провозглашеніе вѣчной памяти слѣдующимъ лицамъ, кромѣ царей, царицъ, патріарховъ и епископовъ: Теоодору Студиту, Теофану Великія Ограды, Исаакію чудотворцу, Иоаннію

пророчесвенному, Иларіону Далматскому, Симеону Стилиту. Въ житіяхъ святыхъ принимаютъ участіе въ подготовленіи торжества православія и присутствуютъ на соборѣ 842 года подвижники: Иоанникій и Арсакій, ученики Θεодора Студита, затворникъ Исаія, Θεοφанъ исповѣдникъ, Михаилъ Святоградецъ, Θεοφанъ и Θεοдоръ Начертанный и многіе другіе. Лѣтопись приписываетъ заслугу возстановленія православія царяцѣ Θεοдорѣ, членамъ регентства Мануилу и Θεοκτισту и патриарху Μεθοδίю, агиографія выставляетъ рядъ менѣе извѣстныхъ дѣятелей, которымъ приписываетъ починъ и вліяніе на самого Μεθοдіа. Агиографическая литература выдвигаетъ затѣмъ новыя элементы въ изложеніи обстоятельствъ утвержденія православія; съ теченіемъ времени этими элементами воспользуется лѣтопись и поставитъ ихъ рядомъ съ фактами, переданными лѣтописцами X вѣка.

Первое мѣсто въ ряду житій должно быть отдано жизнеописанію царицы Θεοдоры. До сихъ поръ извѣстное житіе Θεοдоры ¹⁾, какъ составленное на основаніи лѣтописной и житійной литературы позднѣйшаго времени, не можетъ идти въ сравненіе съ новымъ, открытымъ В. Э. Регелемъ и печатаемымъ въ изданіяхъ Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ ²⁾. Это житіе составлено въ IX вѣкѣ, что можно заключать изъ прямыхъ указаній автора на современность его съ описываемыми лицами; къ тому же заключенію приводитъ и особенная близость житія съ лѣтописными изложеніями, свидѣтельствующая о томъ, что надъ авторомъ не возобладалъ еще тотъ матеріалъ, который развить въ позднѣйшей агиографической литературѣ. Жизнеописатель, вмѣстѣ съ лѣтописными извѣстіями, выставляетъ царицу Θεοдору ревностною христіанкой и тайной почитательницей иконъ. Она боялась только гнѣва и жестокостей своего мужа, который жестоко преслѣдовалъ иконопочитателей. Вмѣстѣ съ другими приверженцами православія она ожидала только благоприятнаго времени, чтобы заявить о своемъ образѣ мыслей. Между переданными православію отличались въ то время: Иоанникій, получившій даръ предсказанія, Никифоръ патриархъ, Θεοдоръ игуменъ Студійскаго монастыря, Μεθοдій исповѣдникъ, Михаилъ равноангельный и великій исповѣдникъ Θεο-

¹⁾ *Acta sanctorum*, Febr., XI, p. 554.

²⁾ *Vita v. Theodorae Imperatricis*. Благодаря особенной любезности г. Регеля, предоставившаго въ наше распоряженіе корректурные листы, мы имѣемъ возможность ознакомиться съ этимъ житіемъ ранѣе выхода въ свѣтъ изданія Академіи Наукъ.

фанъ ¹⁾ Великія Ограды, братья Феодоръ и Теофанъ Начертанныя и многіе другіе.

О ближайшихъ обстоятельствахъ, стоящихъ въ связи съ возстановленіемъ православія, почерпаемъ въ житіи Феодора слѣдующее. Нечестивый и коварный Теофиль впалъ въ дисентерію ²⁾ и отъ нея умеръ такимъ образомъ.

Передъ смертію у него открылись уста, такъ что видны были внутренности; царица плакала, а онъ страшно мучился. Разъ, не много валявшись во снѣ, царица увидѣла Богородицу съ младенцемъ на рукахъ, окруженную сонмомъ ангеловъ, которые немилостиво были и поругались надъ царемъ Теофиломъ ради св. иконъ, что продолжалось довольно долгое время. Царь Теофиль, безпокойно двигая головой, проговорилъ съ усліемъ: увы мнѣ, несчастному, за иконы я мучюсь и истязажься! И было страшно это слышать предстоящимъ и плачущимъ. Между ними былъ и канцлеръ Теоктистъ; у него, когда онъ въ смятеніи побѣжалъ, выпалъ изъ-за пазухи крестъ, носимый имъ тайно. Царь, увидѣвъ цѣпочку, висающую на шеѣ его, и на ней изображеніе всевышняго, сталъ указывать на него пальцемъ, желая чтобы Теоктистъ приблизился. Этотъ въ страхъ побѣжалъ прочь, но его задержали и подвели къ царю. Всѣ думали, что царь велитъ вырвать его волосы ³⁾, но онъ схватился пальцемъ за цѣпочку и привлекъ крестъ къ устамъ своимъ. Когда же онъ лобызалъ изображеніе Спасителя, вдругъ соединились уста его и лицо приняло прежній видъ и прекратились стоны и мученія. Вскорѣ онъ уснулъ, исповѣдуя спасительность почитанія св. иконъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ въ мирѣ ⁴⁾.

О возстановленіи православія изложено въ общихъ чертахъ, и при томъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ изложеніе Г. Амартола.

Царь же Михаилъ ⁵⁾, принявъ отеческое царство виѣсть съ матерью Феодорой, богоненавистную и душевредную иконоборческую ересь сокрушилъ и предалъ анаемѣ, боголюбезную же и богоустановленную, святую и душеспасительную вѣру утвердилъ и дерзновенно про-

¹⁾ ὁ τοῦ Μεγάλου Ἀγροῦ.

²⁾ Vita, p. 9, 22: δύο καὶ δεκά χρόνους καὶ μῆνας τρεῖς τῆς βασιλείας κρατήσας, δυσεντερικῆ νόσῳ περιπεσὼν τον τῆδε μεθ' αὐτοῦ βίον.

³⁾ Vita, p. 10: καὶ τῶν μὲν νομισάντων, ὅτι τὰς τρίχας αὐτοῦ τίλει κελύει.

⁴⁾ Vita, p. 11. 8: τοῦτων δὲ ὁβτω; προβάντων, μετὰ τινὰς ἡμέρας ἀποπεύσας ὁ βασιλεὺς Θεόφιλος ἐκοιμήθη ἐν εἰρήνῃ.

⁵⁾ πάντε ἡμῖσι ἐτῶν ὑπάρχων.

возгласилъ по созволенію и внушенію честной и святой своей матери Теодоры. Итакъ, по божественной волѣ и царскому повелѣнію въ присутствіи всѣхъ святыхъ и православныхъ отцовъ, подвижниковъ и исповѣдниковъ, злая ересь нечестивыхъ иконоборцевъ тщательно изобличена и суетныя ея ученія опровергнуты, свобода же и православіе воссіало во всей вселенной. И вредоносныя звѣри уничтожены и слово православія воссіало всему міру... въ первую недѣлю святаго поста—по волѣ православныхъ и великихъ царей и преблаженныхъ отцовъ: Іоаннікія и Арсакія, Исаи и Меодія и другихъ многихъ, собранныхъ для этого.

Тогда же съ безчестіемъ низводится съ престола начальникъ и учитель ереси Іоаннъ и предается проклятію виѣсть съ единомышленниками его, возводится же по благодати божіей и по общему избранію всѣхъ православныхъ Меодій, блаженный исповѣдникъ и борецъ православія, который все ухищреніе діавола на святыхъ иконы и все суесловіе ересіарховъ и учениковъ ихъ ясно обличилъ и опровергнувъ, утвердилъ и укрѣпилъ православную нашу вѣру ¹⁾, за что претерпѣлъ многія и другія преслѣдованія и опасности, и тяжелыя стѣсненія и наказанія отъ иконоборцевъ и отъ коварнаго Теофила.. По царскому повелѣнію возвращены были всѣ и освобождены отъ узъ въ изгнаніи бывшіе и въ жестокихъ око-вахъ томившіеся отцы и монашествующіе и не малое число благочестивыхъ мірянъ, которыхъ нечестивый Теофилъ присудилъ къ изгнанію, отнявъ имущество ихъ, а иныхъ, подвергнувъ наказаніямъ, заключилъ въ темницы.

Боголюбивая же царица Теодора, видя православную вѣру христіанскую цвѣтущую и сіяющую, радовалась и веселилась; сорадовалась ей и Теокистъ логоветъ и канцлеръ, жаркій ревнитель православной вѣры ²⁾, а къ нему былъ враждебно расположенъ кесарь Варда братъ царицы, который и убилъ его безвинно.

Хотя въ жизнеописаніи царицы Теодоры нельзя указать новыхъ дѣяній въ дополненіе нашихъ свѣдѣній о соборѣ 842 года, за то

¹⁾ Vita, p. 13. 8: ὅστις πᾶσαν τοῦ διαβόλου, τοῦ αἰεὶ βλαπτικόντος τοῦ γένους ἡμῶν τὴν ὀλιθήριον κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων μεθοδεῖαν καὶ τὴν βεβήλον κενοφωνίαν τῶν αἰρεσιάρχων καὶ φοιτητῶν τῆς ἐκείνων κακονοίας καὶ φρενοβλαφείας ἄριστα καὶ σαφέστατα ἀνατρέψας καὶ διελέγξας.

²⁾ Vita, p. 14. 17: συνέχευε δὲ καὶ συνεκρότει ἐπὶ τοῦτοις τῇ αὐγοῦσῃ καὶ Θεόκιτος ὁ λογαθέτης, ὁ καὶ κανίκελος, ἄριστος τῆς ὀρθοδόξου πίστεως ζηλωτὴς τυγχάνων.

кто пустынно-жительствоуетъ и спасается въ горахъ ¹⁾). Слова и рѣчи **Θ. Студита** были событіемъ и быстро разносились съ одного конца имперіи на другой. Въ одномъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ объ этомъ: «Недавно я говорилъ нѣчто о таинственномъ и сейчасъ же распространилось мое слово отсюда до Константинополя, оттуда до Пруссы; тѣсно мнѣ и говорящему и молчащему! ²⁾). Особенность направленія **Θ. Студита** должна была создать особенную школу среди его учениковъ и почитателей. Въ высшей степени любопытно обстоятельство, отмѣченное въ его жизнеописаніи ³⁾, что изъ-за устава **Θ. Студита** была борьба между монашествомъ. Одна часть стояла за авторитетъ **Студита**, другая не признавала его. Такъ какъ въ данномъ случаѣ протестъ идетъ со стороны сиракузскаго духовенства, то мы имѣемъ здѣсь, можетъ быть, намекъ на партіи, заявившія себя при патриархахъ Месодіѣ и Игнатіѣ.

Дѣятельное участіе учениковъ и почитателей **Θ. Студита** въ эпоху восстановления православія весьма выразительно отмѣчается въ литературѣ житій. Здѣсь слѣдуетъ напомнить тотъ мотивъ, слабо намѣченный въ лѣтописи, что инициатива въ дѣлѣ восстановления православія принадлежала регенту Мануилу, который подъ вліяніемъ студійскихъ монаховъ, исцѣлившихъ его отъ болѣзни, неоднократно дѣлалъ представленія царяцѣ о необходимости возста- новленія православія. Этотъ мотивъ, будучи, по всей вѣроятности, заимствованъ изъ житій, развитъ въ агиографической литературѣ, и именно—въ чудесахъ, приписываемыхъ подвижникамъ Студійскаго монастыря. Такъ, въ жизнеописаніи Николая Студита сообщается чудо, содѣянное святымъ надъ патриціемъ Мануиломъ. Разъ Мануиль, приговоренный врачами къ смерти, обратился за помощью къ святому. Этотъ предсказалъ ему выздоровленіе и присовокупилъ, что

¹⁾ *Ibidem*, p. 93: Ἐχάτω οὖν ὁ πατήρ Ἰωαννίκιος οὖν τοῖς ὑποταγέσι τὴν ἐρημίαν καὶ τὴν ὀρεινὴν οὐ στέργε τὴν ὑποταγὴν καὶ τὴν ξενίαν. Ἐκαίνοσ ἐν τῷ νῦν καιρῷ οὐ διδίσκται, οὐ δὲ διδισχημένος ἔνεκεν δικαιοσύνης... τοῦτους ζῆλου καὶ μὴ τοὺς ἐρημικοὺς.

²⁾ *Nova PP. Bibl.*, IX, p. 274: καὶ στενά μοι ἰκατέρωθεν καὶ λαλοῦντι καὶ μὴ λαλοῦντι.

³⁾ *Ibid.*, t. VI, c. 56. См. также Творенія св. отца нашего преподобнаго **Θ. Студита**, перев. съ греческаго С.-Пб. дух. академіи. С.-Пб. 1867, ч. 1, стр. 81. По взгляду почитателей его, **Θеодоръ Студитъ** есть „одна изъ апостоловъ Христовыхъ и богодарованный учитель католической церкви“.

его ожидает высокая служебная карьера ¹⁾. Подобная же черта отмѣчена въ жизни С. Студита. Благодать испѣленія адѣсь сообщена, впрочемъ, Вардѣ, брату царицы Θεодоры, когда онъ былъ военачальникомъ на востокѣ ²⁾.

Въ литературѣ житій отмѣченъ, далѣе, тотъ фактъ, что святымъ подвижникамъ на Олимпѣ открыто было заранѣе имѣющее вскорѣ послѣдовать возстановленіе православія ³⁾, вслѣдствію чего они, по внушенію свыше, отправились въ Константинополь и рассказали о видѣніи патриарху Меодію, убѣждая его принять завѣщанія отъ него предварительныя мѣры. Здѣсь благочестивыя сказанія сосредоточиваются около имени пророчесвеннаго Іоаннікія и Арсакія. Первому приписывается даръ предсказанія во многихъ случаяхъ. Онъ предсказалъ Игнатію возведеніе его въ высшій духовный санъ ⁴⁾; святой Ирина, посѣтившей его на пути въ Константинополь, предсказала онъ поступленіе въ иноческій санъ ⁵⁾, что въ особенности свидѣтельствовало объ его дарѣ прозрѣнія, такъ какъ Ирина была вызвана по царскому приказу, повелѣвавшему явиться въ Константинополь всѣмъ знатымъ и красивымъ дѣвицамъ для выбора изъ нихъ невесты царю Михаилу.

Въ житіяхъ, наконецъ, главнѣйше развитъ съ особенными подробностями едва замѣчаемый въ лѣтописи мотивъ о предсмертномъ раскаяніи и посмертномъ прощеніи Θεοφιλα. Мы видѣли уже развитіе его въ жизнеописаніи царицы Θεодоры, встрѣчаемъ его также въ жизни святой Ирины ⁶⁾. Окончательную обработку получалъ этотъ мотивъ уже въ синаксаряхъ.

¹⁾ Acta Sanctorum, Februarii, t. I, p. 550. Николай сказалъ: magistratum praefecturae Dei munere administraturus sis.

²⁾ Nova PP. Bibl., VI, с. 45, 46. Творенія С. Студита, I, стр. 69—71.

³⁾ Греческіе и русскіе синаксари; объ нихъ будетъ ниже.

⁴⁾ Мадридская Национальная Библиотечка. Cod. O. 29 fol. 43: Ἐπο τοῦ ἐγκωμίου τοῦ εἰς τὸν ἅγιον Ἰγνατίου τὸν γεγονότα πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως συνειδέντος παρὰ Μιχαὴλ μοναχοῦ καὶ συγγέλλου. — Οὐ διελίπε ἑπιλήων (то-есть, Игнатій) διορατικῶ Ἰωαννικίῳ καὶ τῷ θαυματούργῳ καὶ ὁμολογητῇ Θεοφάνῃ τῷ τοῦ Μεγάλου Ἀγροῦ, οἱ καὶ ἀρχιερεῖα τοῦτον γενήσεσθαι προεφῆτευσαν, ὃ δὲ καὶ γέγονε.

⁵⁾ Acta Sanctorum, Iulii, t. VI (dies XXVIII), с. 6, 7.

⁶⁾ Ibid., с. 4 и 5. Сказавъ кратко о возстановленіи православія, авторъ житія отмѣчаетъ въ немъ только внѣшнюю сторону — установленіе торжественной литіи. Θεοδора, желая освободить мужа отъ адскихъ мученій, созываетъ отцовъ и проситъ ихъ разрѣшить его. Отцы написали имъ Θεοφιλα вмѣстѣ съ другими еретическими именами и по истеченіи дней молитвы отарыли τὸν τόπον и не нашли въ немъ имени Θεοφιλα.

Говоря объ окончательной обработкѣ сейчасъ указаннаго мотива, мы имѣемъ въ виду распространенныя сказанія, развивавшіеся отдѣльно отъ лѣтописи и отъ житій и посвященныя исключительно обращенію Теофила. На греческомъ лучшемъ представителемъ этихъ сказаній являются тексты, издаваемые В. Э. Регелемъ ¹⁾. По этимъ сказаніямъ оказывается, что сама царица Теодора въ послѣдніе часы жизни Теофила, открывъ хивоть, гдѣ у ней были крестъ и образъ Богоматери, заставила Теофила, противъ воли его, приложиться къ нимъ. Затѣмъ мадридскій списокъ выставляетъ участіе пустынниковъ въ дѣлѣ восстановленія православія. Іоанникій, Арсакій и Нисаія, по внушенію слыше, пошли въ Константинополь и побудили Меѳодія свергнуть еретиковъ и восстановить православіе ²⁾.

О восстановленіи православія сообщается слѣдующее. Смерть Теофила еще не лишила преобладанія иконоборческую партію. Но Меѳодій съ благочестивыми епископами рѣшается обратиться къ Теодорѣ съ просьбой о восстановленіи честныхъ иконъ, и Богъ устроилъ такъ, что это было хорошо въ двойномъ смыслѣ: солѣнствовало спасенію Теофила и публичному выраженію православныхъ чувствъ царицы, которыя она доселѣ скрывала. Ибо когда Меѳодій уваженно просилъ царицу возвратитъ церкви ея благодѣліе, Теодора отвѣтила ему: „православныя твои мысли, святой отецъ, я хорошо знаю; да будетъ же тебѣ извѣстно, что я сама отъ предковъ научена поклоненію святыхъ иконъ“,—и сейчасъ же внимаетъ изъ-за лавуки врестъ и изображеніе Богоматери и предъ всѣми лобызаетъ ихъ. Отличіе мадридскаго пересказа заключается только въ томъ, что въ немъ обращеніе Меѳодія къ царицѣ обусловлено предварительнымъ водвѣдствіемъ на самаго Меѳодія со стороны означенныхъ выше пустынниковъ.

Заявивъ публично свою преданность иконопочитанію, царица обращается съ своей стороны съ просьбою къ патриарху: помолитесь

¹⁾ Въ изданіяхъ Академіи Наукъ. Тексты издаются по двумъ спискамъ, найденнымъ въ Лондонѣ и Мадридѣ. *Διγγραφοὶ ψυχωφελῆς πάντοτε Θεοφίλου τοῦ βασιλέως, ὅπως ὁ φιλόανθρωπος καὶ πολυεύσπλαχνος Θεός—συγγνώμην δέδωκεν τῷ αὐτῷ Θεοφίλῳ καὶ ἴψαισι ἁμαρτιῶν.*

²⁾ *τοῖταροῦν τὸ τηρικαῦτα ἐν Θεῷ ἐλλάμψεως ἐφάνη τῷ βασιφ καὶ μεγάλῳ Ἰωαννικίῳ φιλοσοφούντι ἐν τοῖς ὅρεσι τοῦ Ὀλύμπου ὁ ἅγιος Ἀρσάκιος... λέγων πρὸς αὐτὸν ὁ Θεός... παρακαλεῖσθεαι σοὶ δι' ἐμοῦ παραγενέσθαι ἐν τῷ κύρηφ Νικομηδείας — πρὸς τὸν ἐκλεκτὸν αὐτοῦ θεράποντα Ἠσαΐαν, ὅπως τὰ τῷ Θεῷ φίλας καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ ἀρμολογῶντα οἱ ἀμφότεροι σὺν ἐμοῖ τελήσῃτε (p. 24—25).*

Господу, чтобы онъ простилъ Теофилу его прегрѣшенія, въ особенности его поруганіе св. иконъ. Мееодій обѣщается назначить постъ и молитву и просить также самоѣ царицу распорядиться о томъ же по всему дворцу. Затѣмъ въ Великой церкви собраны были епископы и монахи и пустынники, между послѣдними Іоанникій изъ Олимпна ¹⁾, Теодоръ исповѣдникъ и игумень Студійскій и Теофанъ исповѣдникъ и игумень Великаго поля, Михайлъ исповѣдникъ и свикелль агіополить, Теодоръ Грапъ и Теофанъ митрополить Никійскій, поэтъ и Грапъ. Всѣ они предались общей молитвѣ и бѣднiю съ постомъ въ первую седмицу св. четыредесатницы, умоляя Бога простить царя Теофила ²⁾. Тоже самое исполнила во дворцѣ Теодора. Наконецъ, въ концѣ первой седмицы, когда пришло утро пятницы, царица въ утомленіи заснула. Ей привидѣлася сонъ: будто она стоитъ на форумѣ близъ колонны Константина и видитъ большую толпу народа, спѣшно проходящую по площади; у многихъ въ рукахъ были различныя орудія пытки, и среди толпы находится обнаженный со связанными назадъ руками и подгоняемый ударами бича Теофилъ. Признавъ его въ этомъ ужасномъ положеніи, царица будто пошла за нимъ съ плачемъ и, прошедши Мѣдныя ворота, увидала мужа вѣкоего великаго и страшнаго, сидящаго на тронѣ передъ страшнымъ и святымъ образомъ Господа нашего І. Христа. Приведши сюда Теофила, поставили его передъ этимъ мужемъ, а царица упала къ ногамъ возсѣдающаго на тронѣ и умоляла его за своего мужа. Послѣ того какъ она много убивалась и плакала, страшный этотъ мужъ сказалъ: „о, жена! велика вѣра твоя, за твои слезы и вѣру и за просьбы іереевъ моихъ дамъ прощеніе Теофилу мужу твоему“. И тотчасъ же приказалъ предстоящимъ и держащимъ Теофила ангеламъ: „развяжите его и отдайте женѣ его“. Она же встала и ушла въ радости.—Таковъ былъ сонъ. Между тѣмъ св. Мееодій въ началѣ молитвъ съ своей стороны сдѣлалъ слѣдующій опытъ. Вписавъ въ книгу имена всѣхъ еретическихъ императоровъ и присоединивъ къ нимъ имя Теофила, онъ положилъ эту книгу на святой престолъ подъ покровъ. Сдѣлавъ это, во время молитвы разъ видитъ во снѣ ангела говорящаго ему: „услышана молитва твоя и прощеніе получилъ Теофилъ, не утруждай болѣе этимъ Бога“. Патриархъ,

¹⁾ Мадр.: съ Арсакіемъ.

²⁾ Р. 32: ἐχότε οὖν καὶ μέχρῃ τῆς δευτέρας ἑβδομάτης αἱ πανουχίδαι ἐν τῇ μεγαλῇ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ τῇ πρώτῃ ἑβδομαδὶ τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς.

пробудившись и желая убѣдиться въ видѣніи, взялъ съ престола книгу, открылъ ее и нашелъ въ ней имена всѣхъ еретиковъ, но тамъ, гдѣ было написано имя Теофила, осталось пустое мѣсто. Это чудо скоро распространилось по всему городу и всѣ славилъ Бога. Теодора послѣ того еще болѣе увѣрилась въ прощеніи Теофила.

Въ концѣ заключается очень важное сообщеніе о празднованіи возстановленія иконъ.

Царица повелѣла патриарху Меоодію дать всѣмъ знать о послѣдовавшихъ ему и ей откровеніяхъ Божиихъ и оповѣстать всѣмъ православнымъ: митрополитамъ, архіепископамъ, игуменамъ, клирикамъ и свѣтскимъ людямъ чтобы они собрались въ Великую церковь съ чѣстными крестами и святыми иконами въ первое воскресенье поста. И когда это было исполнено, и безчисленное множество народа собралось въ Великой церкви, прибылъ и самъ царь Михаилъ со святою и православной своей матерью и со всѣмъ синклитомъ, каждый держа въ рукъ царскую свѣчу. Потомъ патриархъ и всѣ собравшіеся съ пѣніемъ литіи пошли отъ св. престола съ крестомъ и евангелиемъ въ царскимъ вратамъ, называемымъ Ктенаріевыми ¹⁾, и, совершивъ здѣсь ектенію, съ молитвою и возгласами „Господи помилуй“ возвратились въ святой храмъ съ радостію великою и веселіемъ, для совершенія божественной литургіи. Такъ возстановлено было поклоненіе святымъ иконамъ во храмѣ Божіемъ. Благодетельнѣйшіе цари съ святѣйшимъ патриархомъ Меоодіемъ установили тогда ежегодно праздновать святой этотъ праздникъ въ Великой Божіей церкви въ первое воскресенье великаго поста, что и донныи совершается благодатію человеколюбиваго Бога нашего во славу и честь Божію.—Заключительная часть сказанія должна быть признана лучшимъ мѣстомъ во всей литературѣ, касающейся обрядовой стороны чина въ недѣлю православія ²⁾.

Приведенія сказанія объ обращеніи царя Теофила и о посмертномъ его прощеніи были любимымъ предметомъ для чтенія. Между прочимъ эти статья, въ переводѣ, входили въ составъ древняго русскаго хронографа. Здѣсь онѣ являются то въ краткой редакціи, то въ распространенной, то въ видѣ отдѣльнаго сказанія, посвящаго за-

¹⁾ Лондонскій списокъ: μέχρη τῶν βασιλικῶν πυλῶν τῶν κλειουσμένων Ктенаріевъ Мадрадеіи: Τροαρίων.

²⁾ Сходство можно находить въ жизнеописаніи св. Ирвы (Acta SS., Julii t. VI, c. 2)

главие: слово соборное ¹⁾. Распространенная русская редакция оказывается вполне сходной съ изводами, издаваемыми В. Э. Регелемъ. Краткая нашла себѣ примѣненіе въ Иконописномъ подлинникѣ Хронографа, гдѣ она снабжена иллюстраціями ²⁾. Какъ сказаніе, представляющее собой назидательный и поучительный примѣръ дѣятельности молитвъ за умершихъ, статья эта входила въ русскіе поманники (синодики). Таковъ, между прочимъ, синодикъ Румянцовскаго музея ³⁾, гдѣ статья о Теофілѣ служитъ какъ бы объясненіемъ къ иллюстраціямъ. Всего находимъ здѣсь четыре изображенія. Первое иллюстрируетъ слѣдующій текстъ: Егда же хоташе отъ житія сего расторгнутися Теофілъ, въ недугъ впале, и бѣ видѣти страшно, яко уста его и челюсти расторгнушася, яко и внутренняя бѣ видѣти. Царица же Теодора видѣ во свѣ пречистую Богородицу, младенца держащу превѣчнаго, обстоиму свѣтлыми ангелы, Теофила же мужа ея отъ тѣхъ немилостивно біема и поругаема. Царица же вземши икону пречистыя Богородицы, молящася съ плачемъ и приложи ко устамъ Теофилу и абіе сведостася уста его и взоръ человекъ бысть на немъ.

Второе: Пришедъ же Теофілъ въ себе и вземъ святую икону, лобызаше, и абіе иже на иконы шатающаяся уста въ первое существо предложася, изнесши убо царица отъ своихъ ковчежцевъ святую икону, всею душею почитати Теофила устрои, и помалѣ исчезаетъ отъ житія Теофілъ.

Третье: Царица Теодора отъ многого поста и бдѣнія воздремася и видѣ царя Теофила на опако рукама связана и видѣ тамо мужа преестественна, предъ образомъ Христовымъ стояща, къ ногамъ же его паде царица, моляся о Теофілѣ, онъ же повелѣ его разрѣшити и дати ей, и возбу абіе царица и повѣда патриарху видѣніе свое.

Четвертое: Во утрѣи же пятка мольбѣ бывши, узрѣ патриархъ Меодій ангела страшна въ величїемъ храмѣ глаголюща ему: услышася моленіе твое, о епископе, и милость получи царь Теофілъ, къ тому не стужай божеству моему.

Конечнымъ результатомъ литературнаго развитія по обработкѣ какъ вообще матеріаловъ для исторіи собора 842 года, такъ и заключительнаго въ немъ эпизода—обращенія Теофила—являются помѣщаемые въ древнепечатныхъ постныхъ трїодяхъ синаксари, подѣ

¹⁾ А. Попова, Обзоръ хронографовъ Русской редакціи, I, М. 1866, стр. 89.

²⁾ Тамъ же, II, стр. 143.

³⁾ По описанію Ундольскаго № 154, л. 110.

первымъ воскресеньемъ великаго поста. Таковы: греческая триодь, напечатанная въ Венеци въ 1644 году, Московская 1589 года, Киевская 1648 года¹⁾. Изъ сличенія славянорусскихъ синаксарей съ греческими нельзя не приходять къ заключенію, что первые представляютъ точный переводъ съ греческаго оригинала. Эти синаксари любопытны кромѣ того тѣмъ, что представляютъ собой заключительную, такъ сказать, канонизованную церковью литературную обработку какъ лѣтописнаго, такъ и житійнаго матеріала по исторіи возстановленія православія. Въ этомъ смыслѣ синаксари могутъ быть разсматриваемы, какъ источникъ для изученія собора 842 года, почему находимъ умѣстнымъ привести здѣсь сполна текстъ русскаго переводнаго синаксаря по Московской постной триоди 1589 года²⁾.

„Въ той же день, недѣля 1 поста православія, сирѣчь востелесіе святыхъ и честныхъ иконъ церкви праздновати пріять бывшую отъ Михаила и Θεодоры святыхъ и блаженныхъ царица и святого Меѳодія патріарха Константиноу граду, бысть же сирѣчь. Льву Исавру изъ ослаго паственія и рукокупленнаго житія по Божію попущенію свиетри греческаго царства удержавшу, иже во святыхъ Германъ тогда кормилъ церковныхъ обіемъ, абіе присылается отъ онога и слышитъ: яко мѣи мнѣтся, владыко, иконы ничтоже различати идоломъ, повелѣваю убо

¹⁾ Больше полное собраніе упомянутыхъ старопечатныхъ книгъ находится въ Москва, въ Типографской библиотекѣ: 1) *Типографская* № 27. Τριώδιον ψυχοφαιεστατον περιεχον την προπουσαν εν τη αγία και μεγάλη τεσσαρακοστή απασαν ακιλοσθίαν. Τοπωθεν μὲν παρ' Ἰωάννη Πέτρω τῷ Πινέλλῳ ἀναλωμασι τοῖς αὐτοῦ, διορθωθὲν δὲ παρὰ τοῦ ἐλαχίστου ἐν ἱερομονάχοις Θεοφιλᾶκτου τοῦ Τζανφουρνάρου μετ' ἐπιμελείας: ὅτι πλείστης. Ἐνετίησιν, ἔτους 1644. Το συναξάριον τῆ κυριακῆ τῆς α' ἑβδομάδος. Начало: Τῆ αὐτῆς ἡμέρας κυριακῆ πρώτῃ τῶν νηστειῶν τὴν ὀρθοδοξίαν ἤτοι τὴν ἀναστήλωσιν τῶν σεπτῶν εἰκόνων ἢ ἐκκλησία τοῦ χριστοῦ ἑορτάζειν παρέλαβε. . . 2) *Типографская* № 481 (новый 1025). Τριώδιον сѣ есть Тришевецъ о святой великой четиридесятици отъ еллинскаго изслѣдованъ благословеніемъ и повелѣніемъ въ Воли его милости господина отца Иосепа Грыдны архимандрита пещерскаго киевскаго... въ лѣто отъ созданія міра 7156, а отъ Р. X. 1648, мѣсяца Января дня 18, индикта I. На л. 314 слѣдуетъ Синаксарь, представляющій точный переводъ съ греческаго; л. 424. Послѣдованіе въ недѣлю православія. На проклатіе еретиковъ. Подобаеть вѣдати, яко по отпустѣ утриѣ молише обще со святыми древы ярестными и честными иконы и отходимъ ва мѣсто отдаленое, идаже подобаеть чести съборное. Идущимъ же и возвращающимся намъ, поемъ настоящій канонъ. Теореніе св. отца Θ. Студита. Л. 333. И абіе предисловіе соборное святого вселенскаго седмаго собора. Должное къ Богу благодареніе... и далѣе слѣдуетъ переводный синодикъ. 3) *Типографская* № 1018, л. 168.

²⁾ Это есть дословный и весьма неудачный переводъ синаксаря.

елика скорость въ среды тѣмъ быти, или аще истиннии суть зраковѣ, но вновышшее да повѣшаются, да не со грѣха валяющесе всегда тѣхъ оскверняемъ любывающе. Патріархъ же толкии мерзости царя отвращаше глагола: о, царю, бѣсовати убо нѣкому нѣкогда на святыхъ иконы слышимъ. Кована же быти ему прозвище. сїи же: во азъ, рече, сице еще младъ сїи зовомъ быхъ. Неповинующажесе убо послушати его патріарха в заточеніе посылаетъ его и единомудрена себѣ поставляетъ Анастасїа и тако иже на иконы брань обличается, глаголетъ же ся евреомъ прежде еже толку ненависть ему подложити отъ нѣкоего волшебства предрекшихъ и еже въ царство возведеніе, ввсегда убогъ сый и с ними ослата пастываше, еже животъ кормити купопаше, оному же злѣ житіе отторгну иже изъ оного суровѣйшїи скимень мотылонменитїи Коньстантинъ еже есть копронимъ царство прїимъ и вѣщше еже на иконы бѣсованію прїятель бываетъ, и что подобаетъ глаголати елика и какова и сїи беззаконный содѣла, но обаче и оному гнуснѣ скончавшуся, иже отъ Хазары сынъ оною во царство возстааетъ, понеже и той живнъ злѣ преиде, Ирина и Коньстантинъ власти наслѣдницы бивають. сїи отъ Тарасїа св. патріарха наставляемїи седмый соборъ во никен собарають и святыхъ иконы божїа церкви вземлетъ, снѣмъ къ Богу предшедшимъ иже отъ родника (ἀπό ῥυακίου) Никифоръ бысть царь, таже по семъ ставрикїевъ сынъ, понемъ же Михайлъ рагавен иконы чтуще. по Михайле же звѣрообразный леть арменинъ бысть царь, иже отъ мнїа нѣкоего затворника и злочестива лестїю растлѣнъ, второе иконоборство воздвигше, и паки безлѣпостна Божїа церкви показася. сего аммореи прїемлетъ Михайлъ, того паки сынъ Теофилъ, иже на иконы неистовства прочая во вторыхъ полагающе. Сей убо Теофилъ многи отъ св. отецъ томленїемъ и мучамъ различнымъ издавъ, иконъ ради явѣ честныхъ, правды же обидимымъ наипаче вѣщше твораше, яко възскаше аще кто есть во градѣ крамолюю съ другомъ бываетъ, ни единого на многи дни яко глаголють обрѣсти, и дванадесате же лѣтъ самовластвовавъ и чревнымъ недугомъ объятъ бывъ, расторгнутися хотяше отъ живота, уста его паче зѣло отверзошася яко внутрь утробы его являтися, царица же Θεодора болѣзнена о приключившемся бывши едва къ сну обращься и во снѣ видѣ пречистую Богородицу, младя держащу превѣчнаго, святыми обстоима ангелы, Теофила же той подруга отъ тѣхъ немилостивно бїема и поругаема, яко убо отънде отъ нея содъ и Теофилъ мало возведъся возопи: горе мнѣ страстному, святыхъ ради иконъ бїенъ есмь, и абїе полагаеть на него царица богородич-

ный образъ молящися со слезами. Теофилъ убо сице ииѣя, видѣ нѣкоего отъ стоящихъ ему икону носяща, похитивъ его облобызаше, и абіе же на иконы шатавшаяся уста, и безстыдно зинувъ гортарию в первое существо претворяшеса и одержащая вѣдмый нужда, премѣниши и усну, исповѣдавъ добро быти св. иконы почитати и чести, изнесши убо царица отъ своихъ ковчежець св. и честныя образы лобзати и всею душею почитати Теофила устрои. Помалѣ убо исчезаетъ отъ житія сего Теофилъ, Теодора же иже во изгнаніихъ и въ темницахъ всѣхъ воззавши въ свободѣ пребывати повелѣ, и низвергается убо отъ престола Іоаннь иже Іаннисъ, волхвомъ и бѣсомъ начальникъ а не патриархъ, Христовъ же исповѣдникъ Меодій восходитъ на престолъ, много пострадавъ прежде, и въ ровѣ затворенъ бысть. Смиъ же тако бывающимъ посѣщеніе бываетъ нѣкое божественное Іоанникію великому во Олимповѣхъ горахъ постыщемуся. великій убо постникъ Арсакій пришедъ къ нему глагола: богъ къ тебѣ посла мя, яко да идемъ къ затворнику Исаію, еже въ Някомидіи пренодобному мужу бывшу, и отъ того увѣмы елика любовна богу и прикладна его церкви, и убо къ пренодобному Исаію пришедше слышаша отъ него: тако глаголетъ Господь, се приближися врагомъ моимъ изобличеніе, ны убо къ царци Теодоре и къ патриарху Меодію шедше рцѣте сице. умоли всѣхъ священныхъ и тако ми со ангелы жертву принесеши, вида моего образъ и вѣста. Сіи услышавше, въ Константиновъ градъ абіе достигоша и реченная Меодію патриарху и избраннымъ Богу всѣмъ возвѣстиша. собрашася къ царицы придоша и покорну ту всяко обрѣтають, изъ отецъ бо бѣше благочестива и христолюбива, абіе убо и святны образъ Христовъ и Богоматери отъ нціа возвышену изнесше всѣмъ зрящимъ и лобзаючи глаголаше. аще кто смиъ не поклоняется державно и не служебиъ не яко боги, но яко образы первообразныхъ ради любве, да будетъ проклятъ. Сіи же радостію великою возрадовашеса, противу же тому и царица молится имъ да молбу о мужи ея Теофилѣ сотворять. сіи же вѣру ея видѣвши и отрицающуса змихъ, повинаются паче молитву творити. и иже во святыхъ Меодій патриархъ вся собравъ отъ мала же и до велика, причетъ же весь и архереи въ великую Божию церковь, въ нихъ же бѣша избраннии сіи иже изъ олимба великій Іоаникіе и Арсакіе, иже ученицы Теодора Студита и иже великаго села Теофанъ исповѣдницы, Михайлъ святоградецъ и синкеллосъ, Теофанъ же и Теодоръ писании и друзіи множайшии молбу всенощную къ Богу сотворяють о Теофилѣ, всѣмъ молящимся со слезами и усердіемъ и

се чрезъ всю первую недѣлю поста сотворяють и самой царицы Теодоре такоже со женами и прочими содѣвающа людьми. Сице же симъ часто молящимся, Теодора же царица о утреннн озаряюща пятва на сонѣ обращашиися венщева обрѣстися у столпа крестнаго и нѣднимъ съ плыщемъ (μετά θορόβου) проходящимъ путь проходити, различнымъ мукамъ сосуды носящимъ, посредѣ же сихъ водима связана царя Теофила опаки связанѣ руцѣ. сего же познавни послѣдоваше и та ведущимъ, даже и до мѣдннхъ вратъ доспѣша видѣ преестественнымъ образомъ мужа нѣкоего предѣ образомъ Христовымъ сѣдща, ему же прямо Теофила поставиша, сему же ногамъ прикоснувшиися царица, о царн моляшеса, сн же помолчавъ много и отверзъ уста рече. велика ти вѣра жено, разумѣи убо яко за слезн твоя и вѣру, еще же и за молитву и моленн рабѣ моихъ я священникѣ моихъ милость даю мужу твоему Теофилу, таже глагола и водящимъ: разрѣшите его а предайте женѣ ему, та же того вземши отъиде радующися, и абие отъ сна возставѣ. сн убо Теодора царица узрѣ. Патріархъ же Меодій молитвамъ и мольбамъ бывающимъ о немъ, книгу нову вземъ написа въ неи всѣхъ еретикѣ царей имена и того Теофила, и подѣ святою трапезою великнхъ церкви утаившия всѣхъ положи. О литцѣ же и патріархъ узрѣ нѣкоего ангела страшна въ великнхъ входаща храмъ и къ нему пришедѣ рече: услышася моленн твое, епископе, и милости получи царь Теофиль, ктому уже прочее о семъ не достужан божеству, сн же окушашеса аще есть истина зримое, отъ мѣста своего сошедѣ и книгу обрѣтѣ и прочетѣ, обрѣте отъ Божнхъ судебъ заглажено отъ Бога всячески Теофилово имя. Се увѣдвши царица преобрадовася зѣло и къ патріарху посылаетъ вся люди собрати со крести и съ честными образы въ великую церковь, яко да утварь образомъ тои отдастся, и новое Божіе чудо всѣмъ познано будетѣ, и убо всѣмъ вскорѣ собравшимся со свѣщамн и царица съ снмомъ Михаиломъ приде, и молбѣ тамо бывши со иконами и честными дресвы крестницами и святымъ Божнмъ евангеліемъ даже и до глаголемаго поприща изыдоша, еже Господи похилунъ зывающе, и тако въ церковь возвратишася, божественную службу совершиша и воздвнженнымъ святымъ и честнымъ иконамъ отъ предѣреченныхъ святыхъ мужей проповѣданомъ убо благочестивымъ, сопротивнымъ же отпроповѣданомъ и преданомъ проклятію. И оттолѣ повелѣша сн святнхъ исповѣдницъ молебну сице таковому торжеству бивати, да не когда тому же, злочестію впадемъ,

неизмѣнный образъ отца молитвами святыхъ твоихъ исповѣдникъ послѣдуй насъ и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь².

Итакъ, житія знакомятъ насъ съ отдѣльными моментами эпохи возстановленія православія. Инициатива принадлежитъ пустынноикамъ Іоанникію, Арсакію и Исаіи, осѣненнымъ божественнымъ откровеніемъ и направляющимся въ Константинополь, дабы воздѣйствовать на царицу и Мануила. Изъ обстоятельствъ, касающихся собора, житія останавливаются только на одномъ предсмертномъ обращеніи и посмертномъ раскаяніи Теофила. Этотъ послѣдній мотивъ возобладалъ надъ всѣмъ историческимъ матеріаломъ и съ теченіемъ времени развился въ отдѣльныя сказанія, которыя нашли себѣ мѣсто въ русскомъ хронографѣ, въ помянникахъ и въ поствой тріоди.

Все, что сохранила древность изъ литературнаго матеріала, имѣющаго отношеніе къ церковной исторіи, нашло себѣ примѣненіе въ *Анналахъ Баронія*¹). По многимъ и даже существеннымъ вопросамъ церковной исторіи Бароній и доселѣ остается надежнымъ руководителемъ; лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пылкости ученыхъ XIX столѣтія посчастливилось открыть новые источники, Бароній можетъ нуждаться въ небольшихъ пополненіяхъ и исправленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, начитанность его и обширное знакомство съ рукописными сокровищами, изъ которыхъ нынѣ и теперь еще не сдѣлалась достояніемъ печати, наконецъ, сводъ всего литературнаго матеріала, доступнаго его учености и исключительному положенію, — справедливо обезпечивають за *Анналами Баронія* почетное мѣсто между источниками церковной исторіи. Дошедши до Баронія при изученіи вопроса о соборѣ 842 года, мы не могли не испытать удручающаго чувства, вызваннаго сознаніемъ малой цѣнности успѣховъ, сдѣланныхъ наукой послѣ Баронія. Позволимъ себѣ кратко обозначить приводимыя въ *анналахъ* по нашему вопросу данныя. За изложеніемъ лѣтописныхъ извѣстій, которыхъ впрочемъ въ распоряженіи Баронія было меньше, чѣмъ имѣется въ настоящее время, слѣдуетъ сказаніе о предсмертномъ обращеніи Теофила, заимствуемое изъ Геннадія патріарха Константинопольскаго²). Это есть то самое сказаніе, которое мы нашли

¹) *Annales ecclesastici auctore Caesare Baronio cum critica Antonii Pagii*. Для нашего предмета матеріалъ находится въ 14 томѣ (Lucas, 1743).

²) *Baronii Annales*, XIV, p. 260, col. 2: ex antiquioribus monumentis prodidit Genadius patriarcha Constantinopolitanus in expositione pro Concilio Florentino sessione quinta.

въ отдѣльныхъ повѣстяхъ и въ синаксаряхъ. То обстоятельство, что Геннадій внесъ это сказаніе въ свое сочиненіе, утверждаетъ фактъ распространенности и признанія его въ XV в. — Слѣдуютъ извѣстныя лѣтописныя данныя о возстановленіи православія, дополняемая прекраснымъ памятникомъ церковнаго краснорѣчія, именно словомъ Теофана на перенесеніе мощей Никифора патріарха. Дальнѣйшая исторія Мееодія весьма кстати освѣщена данными изъ жизни Іоаннікія, равно какъ изъ церковныхъ актовъ, рисующихъ потребности того времени. Въ примѣчаніяхъ, принадлежащихъ Пажи, находимъ часть дополненія къ тексту Баронія, частью критическую оцѣнку фактовъ и извѣстій, при чемъ ссылки на изслѣдованія Аглиція придаютъ особенную цѣнность этимъ примѣчаніямъ. Относящаяся къ вопросу литература житій рассмотрѣна внимательно и болѣе важныя мѣста приведены въ латинскомъ переводѣ. Кромѣ того, помѣщенъ рядъ приложений, имѣющихъ особенную цѣнность: каноны Теофана и Теодора Студита, Синаксарь въ недѣлю православія, гдѣ излагается исторія иконоборства ¹⁾, бесѣда Митрофана, епископа Тавроменіи въ Сициліи. Всѣ эти матеріалы имѣютъ первостепенное значеніе для вопроса о возстановленіи православія, но далеко не во всякомъ, даже университетскомъ городѣ, можно имѣть ихъ подъ рукою; отсюда можно видѣть какую цѣну сохраняютъ и донинѣ анналы Баронія. Мы не считали справедливымъ пропустить имя Баронія и не указать его громаднхъ заслугъ, хотя бы сопоставленіе широкой постановки научныхъ задачъ въ его время съ подбораніемъ мелкихъ крохъ въ нынѣшнее и могло набросить тѣнь на успѣхи научнаго движенія въ занимающей насъ области.

Состояніе источниковъ приводитъ къ заключенію, что въ вопросѣ объ утвержденіи православія остается много сторонъ недостаточно освѣщенныхъ. Не говоря о прочемъ, мы лишены средствъ судить о взаимныхъ отношеніяхъ иконоборческой и православной партіи и хотя до вѣкоторой степени выяснить реальныя основанія, на которыхъ держалась та и другая система. Нельзя не остановить вниманія на томъ обстоятельствѣ, что возстановленіе православія не сопровождалось никакими значительными потрясеніями. Въ самомъ дѣлѣ, едва сошелъ со сцены Теофилъ, упорный и убѣжденный врагъ святыхъ иконъ, какъ вся система, поддерживаемая имъ и тремя его предшественниками, пала. Въ весьма короткое время приведены

¹⁾ Этотъ Синаксарь мы привели выше по Московскому изданію 1589 года.

въ исполненіе важныя мѣры, требовавшія предварительныхъ и притомъ кабинетныхъ работъ: созванъ соборъ, устранины приверженцы иконоборства изъ духовной и свѣтской администраціи, составлены опредѣленія и торжественно отлучены отъ церкви тѣ, кто не сочувствовалъ вновь призваннымъ въ жизни началамъ. Можно бы подумать, что реформу произвели новые люди, которые прежде были не у дѣлъ, но это не совсѣмъ вѣрно. Что касается высшихъ лицъ гражданской администраціи,—и до реформы и послѣ реформы встрѣчаемъ тѣ же имена; въ церковномъ управленіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ исповѣдниковъ, вознагражденныхъ почетными должностями послѣ реформы, также не замѣчается большихъ переменъ,—и это нѣкоторые ставили въ упрекъ патриарху Меодію, какъ увидимъ ниже. Большинство лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ 842 года, занимали въ государствѣ важное служебное положеніе со времени утвержденія на престолѣ армянской династіи (Левъ V), то-есть, съ 813 года. Какъ опытные дѣятели по гражданской и военной части, они вносили въ управленіе государствомъ и по смерти Теофила извѣстнаго рода знаніе и искусство. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что цари армянской династіи необходимо должны были дать преобладаніе при дворѣ и въ администраціи своимъ землякамъ—армянамъ. Пафлагонянка по происхожденію, царица Θεοδώρα, если только я сама не достигла царской короны вслѣдствіе сильной при дворѣ партіи восточнаго происхожденія ¹⁾ (ея братья и дяди), зна-

¹⁾ О способъ избранія невѣсть царями прекрасныя данныя въ житіяхъ свв. Ирины и Θεοφανія. Въ первомъ (Acta SS., Julii, t. VI, c. 5, 6, 8) сообщаются очамъ любопытныя данныя о восточномъ элементѣ въ столицѣ Византійской имперіи. Ирина отаравилась въ Константинополь по царскому призыву, ибо Θεοδώρα γράμματα περί τούτου κατά πασαν ἐπέμπετο γῆν. Во исполненіе этого, οἱ τῆς θαυμασίας Εἰρήνης πατέρες ὡσπερ ἀρετῆς ὡρα ταύτην οὕτω βῆ καὶ σωματος κάλλος διαβεβοηγημένη ἐκ τῆς Καππαδοκῶν, ὄθεν ὤρμητο, πολοτελῶς εὐ μάλα καὶ κοσμίως εὐτρέπιασάντες πρὸς τὴν Κωνσταντινουπόλιν ἀποτελλούσας, σὺν αὐτῇ δὲ καὶ τὴν ἀδελφὴν, ἣτις ὕστερον καὶ τῆ προς μητρός θεῖω τοῦ βασιλεως Μιχαὴλ τῆ καίσαρι Βαρδῶ πρὸς γάμου κοινωνίαν ἐχρημάτισεν... Ἐπει δὲ καὶ τὴν πόλιν κατέλαβον, εἴρισιν πρὸς πότῃν ὅσοι τε κατοίκοισιν εἶχον ἐν αὐτῇ τῶν συγγενῶν καὶ ὅσοις ἦν περὶ τινῶν αὐτοῖς ἀναγκαίων ἐπιδημία, τῆς συγκλητου βουλῆς ὄντες καὶ προεβρίας, καὶ μεγάλα παρὰ βασιλεῦσαι δυνάμενοι οἷτε τῶν πατρικίων ἔχοντες τιμὰς, οὓς νομαστούς ἐκάλουον γουβερνίους, πλοῦτῃ καὶ δόξῃ περιβλέπτοους καὶ ἀρετῇ περιβοήτους, ἅμα μὲν ὀφθαλμοῖς ἰδεῖν ἡμερόμενοι ἦν προ πολλοῦ θεάσασθαι ἐπαύρομαι, ἅμα δὲ καὶ τιμώντες αὐτῇ, ὡς εἰκόσ, βασιλεῖ μητρευομένην... Что касается житія Θεοφανія, супруги Льва Мудраго, оно издано, хотя и не вполне, *Григориетеромъ*, Monumenta graeca ad Photium pertinentia, p. 72. Мы ознакомя-

чительно усилили число второй партіи. Отца ея уже не было въ живыхъ, когда на нее палъ выборъ царя Теофила. Съ Теофодой прибыли ко двору: мать ея (вѣкнота, при коронованіи дочери получившая патриціанскій санъ и придворную должность зосты ¹⁾), три незамужнія сестры Каломарія, Софія и Ирина. Сестры царицы сдѣлали попомъ хорошихъ партій: Каломарія вышла замужъ за брата патриарха Іоанна патриція Арсавира, имѣвшаго санъ магистра; Софія—за Константина Вануцика, сиранившаго посольство къ западному императору; Ирина—за Сергія, брата патриарха Фотія ²⁾. Дая ея Мамуль и братья Варда и Петрона ранѣе уже занимали важныя государственныя должности и продолжили ей дорогу къ трону. И они съ своей стороны соединились браками съ крупными чиновными людьми и образовали при дворѣ довольно сомкнутый кругъ, въ который не легко было попасть чуждому или чуждому. Дочери Теофора, числомъ мать, все вступали въ монашество, за исключеніемъ Марыи, выданной за Алексея Муселе тоже армянскаго происхожденія. Инакъ, несомнѣнно, что люди восточнаго происхожденія держали въ рукахъ руля правительствъ въ послѣдніе годы жизни Авраама. Мы не можемъ стать на точку зрѣнія византийскаго историка и утверждать, вѣрнѣе въ историческомъ X и XI вѣка, что система вѣдомствъ рухнула вследствие какаго-либо расположенія правительствъ или въ вѣдомствѣ. Единымъ это было вѣдомство, въ которомъ вѣдомства не вѣдомства, а вѣдомства не вѣдомства. Мы не можемъ утверждать, что система при Теофорѣ и до него? Несомнѣнно, она держалась еще не лицами, которыхъ томятъ у вѣдомствъ вѣдомствъ и вѣдомствъ вѣдомствъ правительствъ. Инакъ, можно поставить вопросъ, какъ же вѣдомства руководили правительствомъ, когда

1) Византийскій историкъ Евсевій въ своемъ сочиненіи "Жизнь Константина" упоминаетъ о вѣкнотѣ, какъ о вѣкнотѣ, при коронованіи царицы Теофоры. Византийскій историкъ Евсевій въ своемъ сочиненіи "Жизнь Константина" упоминаетъ о вѣкнотѣ, какъ о вѣкнотѣ, при коронованіи царицы Теофоры. Византийскій историкъ Евсевій въ своемъ сочиненіи "Жизнь Константина" упоминаетъ о вѣкнотѣ, какъ о вѣкнотѣ, при коронованіи царицы Теофоры.

2) Византийскій историкъ Евсевій въ своемъ сочиненіи "Жизнь Константина" упоминаетъ о вѣкнотѣ, какъ о вѣкнотѣ, при коронованіи царицы Теофоры. Византийскій историкъ Евсевій въ своемъ сочиненіи "Жизнь Константина" упоминаетъ о вѣкнотѣ, какъ о вѣкнотѣ, при коронованіи царицы Теофоры.

оно рѣшилось уступить православной партіи? — Изъ хорошаго источника, выдающаго по многимъ чертамъ живое и реальное преданіе, именно изъ Генесія, мы знаемъ, что магистръ Мануилъ въ своихъ представленіяхъ царицѣ, между прочимъ, указывалъ на политическіе мотивы, вызывающіе необходимость уступокъ; какъ можно догадываться, шла рѣчь объ опасности для царствующей династіи, и именно со стороны войска, которое желало династическаго переворота ¹⁾. Къ сожалѣнію, указаніе уже выше недостатка лѣтописи позволяютъ лишь съ крайней осторожностью затронуть вопросъ о роли племенныхъ интересовъ въ византійской исторіи, которые по нашему убѣжденію играли первостепенное значеніе и въ иконоборческомъ вопросѣ. Рядомъ съ явнымъ усиленіемъ при дворѣ и въ высшей администраціи армянскаго элемента, замѣчаемъ въ царствованіи Теофила приливъ восточнаго вліянія, обнаружившіяся во многихъ отношеніяхъ. Такимъ именно преобладаніемъ не-ромѣйскихъ элементовъ, допущеннымъ Теофиломъ, объясняемъ мы прозваніе *ἀδνοφίλος*, даваемое иногда этому царю.

Есть до нѣкоторой степени возможность понять, откуда могла угрожать опасность царицѣ Теодорѣ и Михаилу III. Въ послѣдніе годы Теофила между военными людьми пріобрѣлъ весьма важное значеніе нѣкто Теофовъ, происходящій изъ царской династіи въ Персіи. Это, впрочемъ, была личность въ высшей степени загадочная; объ исторіи происхожденія Теофова ходили разнорѣчивыя преданія, въ которыхъ трудно было разобраться даже болѣе близкимъ къ его времени писателямъ, Генесію и продолжателю Теофана. Но какъ бы то ни было, Теофовъ пріобрѣлъ большую военную славу и пользовался особенными почестями отъ царя, который сдѣлалъ его своимъ зятемъ. Независимо отъ вполне заслуженнаго почета за свои военныя дѣла, въ которыхъ могъ сравняться съ нимъ развѣ одинъ магистръ Мануилъ, Теофовъ представляется въ лѣтописномъ преданіи человѣкомъ въ высшей степени популярнымъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, въ которыхъ расположены были отряды персидскаго происхожденія. Всѣ писатели отзываются объ немъ съ чувствомъ глубокаго уваженія, восхваляя его умъ, образованіе и православный образъ мыслей ²⁾. Возвышеніе Теофова влечетъ за собой большой

¹⁾ На подразумеваемое мѣсто Генесія обращаетъ вниманіе *Hirsch*, *Byzant. Studien*, S. 151.

²⁾ *Genesii*, ed. Bonn. p. 52. Въ восточной войнѣ Теофовъ вѣдалъ съ собою

приливъ въ военную службу земляковъ его, которые получали привилегированное положеніе ¹⁾ и возбуждали къ себѣ зависть. Начавшаяся вслѣдствіе того интриги разсматриваются лѣтописцами, какъ борьба персидскаго и армянскаго элемента. Первоначальный поводъ къ злой интригѣ противъ Теофова подали событія въ военномъ лагерѣ, гдѣ Теофовъ провозглашенъ былъ царемъ. Хотя этотъ случай не имѣлъ для генерала дурныхъ послѣдствій, такъ какъ царь убѣдился изъ его объясненій и послѣдующаго образа дѣйствій, что провозглашеніе было безъ его вѣдома и воли, тѣмъ не менѣе объ этомъ снова вспомнили недоброжелатели Теофова передъ смертью Теофила ²⁾. Мы не можемъ не настаивать на томъ обстоятельствѣ, что лѣтописцы относятъ къ послѣднимъ днямъ жизни Теофила секретное приказаніе его умертвить Теофова. Это было, повидимому, предсмертное распоряженіе его, вызванное опасеніями за судьбу своего сына и супруги, съ цѣлью устранить угрожавшую имъ катастрофу. Все дѣло происходило при такой обстановкѣ, что никто не могъ повѣрливое сказать, кому поручено было убить Теофова. Одни утверждали, что Петровъ, брату царицы Теодоры, другіе называли Орифу, начальника царской гвардіи, третьи—какого-то евнуха. Ясно во всемъ этомъ одно обстоятельство, что царь Теофилъ передъ смертью имѣлъ причины бояться переворота, что переворотъ могъ быть произведенъ Теофовомъ, котораго преданіе выставляетъ весьма популярнымъ человекомъ и преданнымъ православію. Если это такъ, то послѣдовавшія за смертью Теофила мѣропріятія регентства объясняются

двухъ генераловъ Мануила и τὸν ἐκ Περσίδος Θεόφοβον, ἄνδρα θεοσεβῆ καὶ πολλῆς ἐχόμενον ἀρενῆσποῦ καὶ καλῆς λογιστικῆς; *ibid.* p. 61; *Hamartoli* ed. Muralt, p. 711: ἤγακτο δὲ Θεόφοβος παρὰ τῶν πολιτῶν οὐχ ἤττον ἢ τῶν Περσῶν ὡς ὀρθόδοξος (ср. р. 716).

¹⁾ *Theoph. Contin.*, p. 112: ἀλλὰ καὶ κωδῆξι στρατιωτικοῖς αὐτοῦ ἀναγράφεται, καὶ τάγμα οὕτως καλούμενον Περσικὸν ἐγκατέστησε καὶ τοῖς κατὰ πόλεμον ἐξιοῦσι Ρωμαίοις ἐναριθμεῖσθαι προσέταξε. *Genesis*, p. 53; *Hamartoli*, p. 702: προσέφυγε Θεόφοβος μετὰ Περσῶν χιλιάδων ἰδ', οὓς διενεμεν ἐν τοῖς θέμασι, κατασκηνώσας καὶ εἰς τούρμας ἀποκαταστήσας, αἱ μέρη τοῦ νῦν λέγονται τούρμα Περσῶν.

²⁾ *Genesis*, p. 60. Зложелатели стали внушать Теофилу: μετὰ τὴν τελευταίαν αὐτοῦ ἐπιθέσειν παρὰ Θεοφόβου σὺν ἅμα Πέρσαις κατὰ τῶν αὐτοῦ κληρονόμων καὶ τῶν κατ' ἐπιτροπείαν ἐκρίπασθαι. *Hamartoli*, p. 716: πρὸ δὲ τῆς αὐτοῦ τελευταῆς ὁ θεομισθὲς οὗτος βασιλεὺς βουλὴν μυστικὴν ποιήσας μετὰ τῶν ὁμοφρόνων αὐτοῦ περὶ Θεοφόβου τοῦ Πέρσου, ὡς ὅτι πολλὴν ἀγάπην καὶ πίστιν ἔχουσιν εἰς αὐτὸν οἱ τε ὑπ' αὐτὸν Πέρσαι καὶ τῶν ἐν τείλει οὐχ ὀλίγοι, καὶ μήπως ἐμοῦ τελευτήσαντος μελετήσῃσι τυραννίδα κατὰ τε ἐμοῦ παῖδος νηπίου ὄντος καὶ τῆς γυναίκας...

какъ необходимая, вынужденная обстоятельствами уступка, настоятельность которой признана была магистромъ Мануиломъ. Трудно въ настоящее время дать себѣ отчетъ только въ томъ, что представитель православной партіи выдается преданіемъ какъ персъ по происхожденію.

Политическій мотивъ въ восстановленіи православія не можетъ быть оспариваемъ; весьма вѣроятно, что интересы разныхъ племенныхъ группъ, входившихъ въ составъ имперіи, также участвуютъ въ событіяхъ иконоборческой эпохи. Изрѣдка византійская лѣтопись даетъ понять, что въ сложномъ процессѣ образованія понятій, вѣрваній, бытовой обстановки и проч. участвовали разнообразныя вліянія, идущія или съ востока, или съ запада, что носителями этихъ вліаній, порождающихъ новшества въ жизни, являются представители той или другой этнографической группы. Такъ, большинство новшествъ философскаго и религіознаго характера выводятся съ запада (въ XI и XII вѣкахъ), такъ иконоборство выводится съ востока, первымъ приписываются итальянцамъ, второе—евреямъ или арабамъ. Науки о тайнахъ, какъ астрологія, гаданія и волшебства относятся къ восточнымъ вліаніямъ ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія не лишено интереса прослѣдить взгляды самихъ византійцевъ на взаимное отношеніе иконоборческой и православной партіи въ ближайшее къ изучаемому періоду время. Для этой цѣли попытаемся собрать и изложить преданія, касающіяся двухъ главныхъ представителей названныхъ направлений, патриарховъ Іоанна VII и Меѳодія. Нѣтъ нужды говорить, что лѣтописцы относятся крайне несочувственно къ послѣднему иконоборческому патриарху ²⁾. Одно изъ наиболее общихъ и распространенныхъ мѣстъ, относящихся къ характеристикѣ Іоанна, состоитъ въ обвиненіи его въ сношеніяхъ съ духами, въ преданности магіи, волшебству и гаданіямъ, въ непотребной жизни и нечестіи. Если не ошибаемся, въ Іоаннѣ нашли себѣ примѣненіе и конкретное выраженіе тѣ восточныя вліянія, тѣ искусства и науки, о которыхъ говоритъ Генесій въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ. И дѣйствительно, по

¹⁾ *Genesii*, p. 55: τῶν οὖν ἐκ Περσίδος κατὰ διαφόρους χρόνας μεμερισμένων, τοῦτων τινὲς ἀστρονομίαν μετέφεραν, αὐτῇ γὰρ ταῦτοις τῶν ἄλλων τεχνῶν καὶ ἐπιστημῶν προτετιμήται: εἰς τὸ ἀκριβὲς ἐκπεπονημένη, καὶ ἄλλα: τοῦτον μαντικαὶ τε καὶ προγνώστικαὶ μέθοδοι.

²⁾ О патриархѣ Іоаннѣ см. нашу статью въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, январь 1890 г. Здѣсь мы ограничиваемся лишь некоторыми изъ нея извлеченіями.

всей вѣроятности Іоаннъ былъ анатолиець по происхожденію, вышедшій въ люди изъ незнатнаго рода при царяхъ армянской династіи. Нельзя не видѣть, что онъ дѣлалъ себѣ карьеру не быстро и обиланъ былъ въ послѣдствіи прибрѣтеннымъ высокимъ положеніемъ исключительно своимъ способностямъ и высокому образованію. Въ первый разъ онъ становится извѣстнымъ въ 814 году, когда царь Левъ V Арменинъ задумалъ возвратиться къ иконоборческой системѣ и отмѣнить постановленія VII вселенскаго собора. Будучи тогда въ званіи анагиста, Іоаннъ, въ сообществѣ съ нѣсколькими лицами, приготовилъ и теоретически обосновалъ, по личному порученію цара, проектъ возстановленія иконоборческой системы. Объ этомъ находимъ весьма интересные данныя въ лѣтописи ¹⁾: „Іоаннъ въ сообществѣ съ нѣкоторыми грубыми невѣждами уполномоченъ былъ царемъ пересмотрѣть старыя книги, скрывающіяся въ монастыряхъ и церквахъ. И собравъ множество книгъ, старательно исследовали ихъ, но ничего не нашли, чего злостно добивались, пока не попали на синодикъ Константина Исавра и Кавалина. Найдя въ немъ для себя основаніе, начали и въ книгахъ отыскивать для себя главныя положенія, отмѣчая знаками тѣ мѣста, которые, по ихъ мнѣнію, могли убѣдить неразумную толпу, что въ древнихъ книгахъ есть запрещеніе поклоняться иконамъ. Когда Левъ спросилъ одного изъ нихъ, можно ли подтвердить книгами поклоненіе иконамъ, онъ отвѣчалъ: объ этомъ нигдѣ не написано, но говорятъ, что таково древнее преданіе. И они боролись противъ истины, начавъ съ пятидесятницы собирать книги; въ іюль привлекли на свою сторону Антонія (епископа Силейскаго) и до декабря держали дѣло въ тайнѣ“.

Не касаясь здѣсь подробностей служебной карьеры Іоанна, ограничиваемся приведеніемъ тѣхъ извѣстій, которыя выдають въ немъ порожденіе восточной культуры и проводника восточныхъ вліяній. Сюда относятся обвиненія его въ чернокнижніи, чародѣйствѣ и сношеніяхъ съ духами. Объ этой демонической силѣ Іоанна сложились сказанія и, между прочимъ, разказъ о посѣченіи имъ статуи на Ипподромѣ. Прекрасная повѣсть о посольствѣ Іоанна въ Багдадъ къ калифу Мотасиму полна эпическихъ чертъ и служитъ выраженіемъ безспорнаго историческаго факта — восточнаго культурнаго вліянія на Византію въ иконоборческой періодъ. Эта повѣсть разказываетъ слѣдующее ²⁾:

¹⁾ *Incerti auctoris, Vita Leonis Armeni* (ap. *Migne*, t. 108, p. 1024).

²⁾ *Theophanis Contin.*, III, c. 9 (p. 95—97).

Царь Теофилъ снарядилъ Иоанна посломъ къ архонту Сиріи, снабдивъ его и другими роскошными предметами, которыми славится Ромейское царство и которые приводятъ въ изумленіе иноземцевъ, и вручивъ золотой казны больше четырехъ кентинаріевъ. Дорогие предметы назначены въ подарокъ эмиру, золото же въ личное распоряженіе Иоанна, на приемы и представительство: ибо посолъ долженъ былъ сорить золотомъ, какъ пескомъ, по своему усмотрѣнію, дабы внушить мысль, что казна посланшаго неистощима. Послу даны были два сосуда изъ золота и драгоценныхъ камней—въ просторѣчїи называютъ ихъ умывальными чашами, — чтобы всячески возвеличить и облекъ его въ блескъ. Онъ же, прибывъ въ Багдадъ, произвелъ величественное впечатлѣніе и своимъ острымъ умомъ, и пророчесственнымъ даромъ, и своимъ богатствомъ, и роскошью. Посланцамъ калифа и другимъ посѣтителямъ онъ щедро раздавалъ подарки, какіе могъ только дарить царь ромеевъ. Вслѣдствіе чего имя его сдѣлалось почетнымъ и знаменитымъ. Еще только достигнувъ варварскихъ предѣловъ, онъ поразилъ всѣхъ, которые посланы были для встрѣчи его и для освѣдомленія о здоровьи царя, наградивъ ихъ царскими дарами. Прибывъ же къ калифу и представившись ему, передалъ ему царскую грамоту и послѣ приѣма отправился въ отведенное ему помѣщеніе. Горя желаніемъ болѣе и болѣе возвысить ромейское вліяніе, всѣмъ къ нему приходившимъ по какой бы то ни было причинѣ дарилъ по серебряной чашѣ, наполненной золотомъ. Рачъ, угощая у себя варваровъ, онъ внушилъ слугѣ объявить о пропажѣ одной изъ тѣхъ умывальныхъ чашъ, которая была выдана ему для стола на этотъ случай. Когда же началось сильное смятеніе, и варвары, жалѣя о пропажѣ такой прекрасной и дорогой чаши, стали въ безпокойствѣ разыскивать ее и употребляли всѣ старанія обнаружить вора, тогда Иоаннъ приказалъ подать другую чашу и прекратилъ поиски и смятеніе слѣдующими словами, приведенными въ изумленіе сарацинъ: „пусть пропадаетъ и эта!“ Вслѣдствіе этого и эмиръ, платя тою же щедростью и не желая уступить въ великодушїи, честилъ его съ своей стороны дарами, на которые онъ, впрочемъ, мало обращалъ вниманія, и освободилъ изъ темницы до сотни плѣнныхъ, которыхъ, разодѣвъ въ великолѣпныя одежды, препроводилъ къ Иоанну. Этотъ же очень похвалилъ и одобрилъ великодушїе предлагающаго даръ, но отказался принять его, объяснивъ: пусть они живутъ спокойно и на свободѣ, пока не будетъ произведенъ размѣнъ плѣнными и пока содержащіеся въ плѣну сарацины не будутъ возвращены

взаимъ этихъ. Такой поступокъ привелъ въ изумленіе калифа. Съ этихъ поръ онъ относился къ послу не какъ къ чужестранцу, но приблизилъ его къ себѣ и часто приглашалъ для бесѣды, показывалъ ему свои сокровища и прекрасныя зданія и придворныя церемоніи и такъ чествовалъ его до почетнаго отправления его назадъ. Прибывъ къ Теофилу и сдѣлавъ ему донесеніе о своемъ посольствѣ, онъ убѣждалъ его построить по сарацинскому образцу дворецъ Врійскій, который по формѣ и архитектурнымъ украшеніямъ вполне воспроизводитъ сарацинскій стиль. Архитекторомъ этого дворца, построеннаго по плану Іоанна, былъ нѣкто Патраки, носившій санъ патриція. Только въ томъ отступилъ онъ отъ первоначальнаго плана, что около царскаго покоя устроилъ храмъ во имя Владычицы нашей Богородицы, а въ притворѣ дворца трехпрѣдѣльный храмъ, превосходный по красотѣ и изяществу: средній прѣдѣлъ въ честь архистратига, а боковыя во имя женъ мученицъ⁴.

Въ приведенной выдержкѣ изъ греческаго писателя сохранились любопытныя данныя о сильномъ вліяніи, проливавшемъ въ Византію съ востока. Извѣстно изъ другихъ источниковъ, какъ много заботился царь Теофилъ о придворномъ этикетѣ, какъ по его имени назывался знаменитый тронъ, на которомъ воссѣдали цари X вѣка при торжественныхъ приемахъ иностранцевъ. Есть основаніе думать, что постройки времени Теофила и нововведенія въ придворномъ церемониальѣ произведены не безъ вліянія патриарха Іоанна, который вывезъ изъ Багдада разнообразныя наблюденія, и о постройкахъ котораго, поражавшихъ современниковъ, сохранилась память въ X столѣтіи.

О сношеніяхъ Іоанна съ востокомъ несомнѣнно ходили сказанія, что можно заключать изъ извѣстія того же писателя, изъ котораго мы заимствовали приведенное мѣсто. Нѣсколько ниже ¹⁾ онъ возвращается къ тому же самому предмету, говоря о бѣгствѣ Мануила на востокъ и о принятыхъ Теофиломъ мѣрахъ къ примиренію съ нимъ. Это примиреніе состоялось при посредствѣ Іоанна, когда онъ заключилъ договоръ съ калифомъ; но другимъ же слухамъ, Іоаннъ устроилъ это не чрезъ торжественное посольство, а въ другое время, тайно

¹⁾ Ibid. III., с. 26 (р. 119): Ἔθεν αἱ μὲν εἰρηνικαὶ ἀποδείξεις διὰ τοῦ μοναχοῦ ποιῆσαι τοῦτον φησι Ἰωάννης, πρὸς καιρὸν τοῦ κατὰ τὰς φυλακὰς διαλλαγίου... αἱ δὲ δι' αὐτοῦ μὲν τοῦ Ἰωάννου, οὐ μῆν ὅπως διὰ φανερᾶς ἐντεύξεως καὶ συντυχίας, κρυπτῆς δὲ καὶ ἀδήλου πολλοῖς...

переодѣвшись пилигримомъ и отправившись на востокъ вмѣстѣ съ грузинскими монахами. Для насъ имѣетъ значеніе то обстоятельство, что самый важный представитель втораго періода иконоборчества лѣтописнымъ преданіемъ поставленъ въ такую близость съ востокомъ и является проводникомъ восточной культуры въ Византію. Думаемъ, что будутъ не безплодны поиски въ литературѣ иконоборческаго періода и другихъ указаній. Жизнеописатель патріарха Никифора, говоря о заслугахъ святаго въ пользу православія, выводитъ его на брань противъ іудеевъ, фригійцевъ и послѣдователей Манеса¹⁾, усматривая въ этихъ именахъ устои и корни иконоборчества. Передавая затѣмъ бесѣду патріарха съ царемъ, онъ употребляетъ выраженіе²⁾, изъ котораго явствуетъ, что поклоненіе иконамъ разсматривалось, какъ порожденіе еллинскаго заблужденія. Для существа дѣла безразлично, имѣетъ ли слово „еллинскій“ въ приведенномъ мѣстѣ общее значеніе всего дохристіанскаго, языческаго, или же болѣе тѣсный, этнографическій смыслъ. Во всякомъ случаѣ противоположность принциповъ православія и иконоборчества можетъ становиться осознательной: одно начало—западное европейское, другое—восточное азіатское. Иконоборческая эпоха представляетъ эпизодъ культурной борьбы между западомъ и востокомъ. Побѣдой надъ иконоборчествомъ приобрѣтали значеніе европейскіе этнографическіе элементы, которымъ открылась широкая политическая роль уже въ исходѣ IX вѣка.

Въ жизни патріарха Мессодія представляются наблюдению два ряда вѣдѣній: одни касаются его отношеній къ Риму и къ главѣ католической церкви, другія знакомятъ съ испытаніями, выпавшими на его долю въ Константинополѣ, съ церковной и политической дѣятельностью его въ періодъ утвержденія православія. Какъ искренній приверженецъ православія, бывъ избранъ въ патріархи національною греческою партією, душой которой было духовенство, Мессодій, казалось, имѣлъ достаточныя средства къ прекращенію церковной смуты и къ успокоенію умовъ. Между тѣмъ четырехлѣтній періодъ его патриаршества не прошелъ безъ новыхъ соблазновъ, и при томъ раздвоеніе произошло среди самой господствующей партіи, именно часть духовенства стала высказывать неудовольствія противъ патріарха. Что

¹⁾ *Migne*, *Patrologia*, t. 100., c. 26: βάλλει μὲν τὴν Ἰουδαϊκὴν κυριοκτονίαν, βάλλει δὲ καὶ τὴν τῶν Φρυγῶν τερατώδη ἐρασιλείαν, τετρώσκει δὲ τὴν Μανιχαϊκὴν ὀνειρώξειν.

²⁾ *Ibid.*, c. 42: οἱ μὲν γάρ, καίτοιτε ἀπόπὸν τι οἰόμενοι τὰς εἰκόνας χρῆμα καὶ Ἑλληνικῆς ἔκγονον πλάνης.

Меводій не осуществлялъ возлагаемыхъ на него упованій, это видимо изъ довольно натянутыхъ его отношеній къ монахамъ Студійскаго монастыря, которые бесспорно стояли во главѣ національной греческой партіи и имѣли громадное влияние въ Константинополѣ и провинціяхъ. Создавшіяся во время его патріаршества отношенія заключали въ себѣ такъ много жизненной силы и обусловливались такими важными интересами, что историки съ основаніемъ усматриваютъ въ нихъ начало двухъ политическихъ партій, дѣйствовавшихъ во второй половинѣ IX вѣка и названныхъ по имени Игнатія и Фотія.

Наблюдая различныя эпохи византійской исторіи, въ особенности рассматривая такіе критическіе моменты, когда ставился вопросъ о существованіи тысячелѣтней имперіи, мы приходимъ къ заключенію, что за выдѣленіемъ болѣе или менѣе случайныхъ чертъ, соответствующихъ различнымъ эпохамъ и потому измѣнчивыхъ, въ Византіи въ дѣйствительности имѣютъ жизненное значеніе двѣ политическія партіи: западническая и національная. По тѣсной связи политическихъ вопросовъ съ церковными, политическая борьба въ Византіи находитъ себѣ выраженіе въ церковной политикѣ, въ свою очередь чисто церковные вопросы приобретаютъ острый характеръ, становясь символомъ политическихъ партій. Подъ всѣми разнообразіями партій усматривается одна устойчивая и положительная черта: борьба національнаго начала съ чуждымъ, привнесеннымъ съ запада. Византійскій націонализмъ представляетъ въ себѣ много оттѣнковъ и разнообразныхъ наростовъ. Были періоды, когда во главѣ народной партіи стояли восточные элементы; получала преобладаніе греческая партія, национализмъ выражался въ эллинскихъ тенденціяхъ. Въ исторіи національной партіи было много оттѣнковъ, объясняемыхъ изъ этнографическихъ особенностей, вошедшихъ въ составъ имперіи; извѣстную долю въ исторіи національной партіи нужно отнести и на счетъ славянства. Гораздо, конечно, проще происхожденіе и характеръ противоположнаго первому политическаго направленія, которое можно вообще охарактеризовать какъ западническое. Это направленіе легче обнаружить и осязательно убѣдиться въ существованіи его. Преобладаніе его знаменуетъ крайній упадокъ византизма, утрату надежды на собственные средства и силы. Но его не такъ часто можно наблюдать въ чистомъ видѣ. Западническое направленіе нерѣдко принимаютъ на себя разныя оттѣнки и разновидности національной партіи,—это обнаруживается особенно ярко въ иконоборческую эпоху и въ періодъ борьбы партій Игнатія и Фотія.

Попытаемся рассмотреть положение византийских политических направлений сь указанной точки зрѣнія въ періодъ жизни патріарха Меѳодія. Известно, что онъ былъ по происхожденію сициліецъ. Живыя связи и духовное общеніе Сициліи съ Константинополемъ въ VIII и IX вв. свидѣлствуются какъ участіемъ сицилійскаго духовенства на VII вселенскомъ соборѣ, такъ и важной ролью, какую сицилійскіе греки играли въ исторіи Византіи въ IX вѣкѣ. Меѳодій стоитъ на рубежѣ той поворотной эпохи, которая породила разрывъ между восточной и западной церковью. При Меѳодіи Римъ и Константинополь были еще въ единеніи вѣры, въ то время былъ еще живой обмѣнъ свѣтъми между западомъ и востокомъ, догматическихъ различій еще не народилось, въ политикѣ питаемы были благочестивыя надежды на братское согласіе и устраненіе недоразумѣній между двумя имперіями. Сильная волна греческихъ переселеній со времени иконоборческихъ эдиктовъ закрѣпила за Византіей южную Италію и Сицилію, утвердивъ въ этихъ областяхъ греческій языкъ и греческій обрядъ.

Въ періодъ иконоборческихъ смуть обѣ враждующія партіи нерѣдко обращались въ Римъ для разрѣшенія догматическихъ и обрядовыхъ споровъ. Нужно признать за достовѣрный фактъ, что иконоборческое движеніе сильно способствовало росту римскихъ притязаній. Во время борьбы за иконопочитаніе одинаково льстили римскому первосвященнику и православная и иконоборческая партіи: и консервативная національная, и либеральная національная партіи—обѣ не задумывались въ выборѣ средствъ, какими можно было получить преобладаніе. Строго консервативный умъ и представитель національной партіи игуменъ Феодоръ Студитъ ищетъ въ Римѣ высшаго авторитета въ спорахъ своихъ съ патріархами Константинополя; иконоборческіе императоры съ своей стороны желаютъ найдти въ Римѣ и въ церкви западной подтвержденіе своихъ нововведеній. Но должна была наступить пора, когда обращенія къ западу будутъ считаться измѣной національности.

Рядъ извѣстій изъ жизни патріарха Меѳодія, ставящихъ его въ сношенія съ Римомъ, заслуживаетъ вниманія не только въ его біографіи, но и съ точки зрѣнія церковной исторіи IX вѣка.

Прибывъ въ Константинополь, онъ вступилъ въ монашество и подвизался въ обители Хинолакка до 814 года,—эпохи, когда, съ восшествіемъ на престолъ Льва V, въ Константинополѣ снова началось иконоборческое движеніе. Левъ Варда, армянскаго происхожде-

ніа, задумавъ отмѣну постановленій VII вселенскаго собора о почитаніи иконъ, столько же является выразителемъ известной части общественнаго мнѣнія, сколько проводникомъ собственныхъ политическихъ и національныхъ воззрѣній. Его занимала, повидному, та мысль, что иконоборческая эпоха была гораздо счастливѣе для Византии, чѣмъ послѣдующее за утвержденіемъ православія время; онъ указывалъ на то обстоятельство, что Левъ Исавръ и Константіанъ Копронимъ были счастливы въ войнахъ съ варварами и язычниками, между тѣмъ какъ иконопочитатели терпѣли отъ нихъ пораженія и что, вѣроятно, почитаніе иконъ есть преступленіе, за которое христіане терпятъ отъ язычниковъ. По всей вѣроятности, не было недостатка въ людяхъ, которые раздѣляли его воззрѣнія. Левъ V приступилъ къ иконоборческой реформѣ со всею осторожностью и предусмотрительностью. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на одного ученаго чтеца, грамматика Іоанна, которому поручилъ сдѣлать разборъ мѣстъ изъ священнаго писанія и отцовъ, говорящихъ о почитаніи иконъ, и представить записку о тѣхъ основаніяхъ, которыми руководились отцы VII вселенскаго собора въ своихъ опредѣленіяхъ. Грамматикъ Іоаннъ, при содѣйствіи Антонія, впоследствии епископа Силейскаго, со всей ревностью приступилъ къ дѣлу, получивъ доступъ въ царскую и монастырскія бібліотеки. Не желая прежде времени обращать вниманіе на цѣль своихъ занятій, они отвѣчали на вопросы любопытствующихъ, что царь поручилъ имъ разобрать по старымъ книгамъ одинъ интересующій его вопросъ. Около шести мѣсяцевъ они работали тайно, только въ декабрѣ 814 года патріархъ Никифоръ, повивъ намѣренія Льва V, началъ тревожиться и принимать свои мѣры противъ задуманной царемъ реформы. Личныя объясненія царя и патріарха не привели къ соглашенію; тогда Никифоръ собираетъ помѣстный соборъ изъ 270 отцовъ и приглашаетъ на него къ отвѣту сторонниковъ царя и тѣхъ богослововъ, которые поддерживали его въ противно-церковныхъ реформахъ. Съ своей стороны Левъ V предлагалъ составить смѣшанный соборъ изъ сторонниковъ того и другаго воззрѣнія, но патріархъ находилъ неумѣстнымъ подвергать обсужденію вопросы, рѣшенные на VII вселенскомъ соборѣ. Обычныя церемоніи, совершаемыя въ праздникъ Рождества Христова 814 года, прошли съ соблюденіемъ установленныхъ церковью обрядовъ; но съ началомъ 815 года Левъ V не скрывалъ уже болѣе своихъ плановъ. Собранія приверженцевъ православія и иконоборческой партіи начали обращать на себя вниманіе, нельзя стало болѣе скрывать разрыва

между царемъ и патриархомъ. Съ одной стороны стоявшія въ Константинополѣ войска начали публично оскорблять священные изображения, съ другой—приверженцы иконопочитанія дѣлали шумныя ночныя сходки, дѣло грозило волненіями. Царь приглашаетъ патриарха для переговоровъ, послѣдній явился въ сопровожденіи епископовъ, игуменовъ и монаховъ. Въ бесѣдѣ съ царемъ патриархъ пытался убѣдить его отнѣнить принятія намѣренія, ссылаясь на множество духовенства, которое готово всѣмъ пожертвовать ради святыхъ иконъ. Тогда царь согласился впустить во дворецъ сопровождавшее патриарха духовенство. Въ числѣ прибывшихъ былъ и Феодоръ Студитъ. Этотъ рѣзко указалъ, что вмѣшательство свѣтской власти въ духовныя дѣла не оправдывается законами церкви, что царь обязанъ одинаково со всѣми сынами церкви послушаніемъ духовному главѣ ея. Смѣлый монахъ заслуживалъ бы казни за дерзкія слова, сказалъ царь, но этой чести пока ему не будетъ дано. Упорная борьба началась тогда между защитниками церковной свободы и приверженцами императора. Полиція начала разгонять собранія и обязывать подпиской не принимать участія въ обсужденіи релігіозныхъ вопросовъ. Феодоръ Студитъ разослалъ окружное посланіе ко всѣмъ вѣрнымъ сынамъ церкви, въ которомъ высказывалъ мысль, что молчаніе и уклончивость въ сферѣ церковныхъ дѣлъ есть измѣна церкви и православію.

Въ мартѣ 815 года собранъ былъ соборъ иконоборцевъ, на которомъ низложенъ патриархъ Никифоръ и восстановлены опредѣленія 754 года. Придерживавшіеся святыхъ иконъ подверглись лишенію церковныхъ мѣстъ и ссылкамъ. Многие заблаговременно бѣжали изъ Константинополя; между послѣдними былъ и монахъ Меоодій. Къ этому времени относится начало его общественной дѣятельности, и между прочимъ, миссія его въ Римъ.

Прослѣдить обстоятельства жизни Меоодія не легко, главнымъ образомъ потому, что мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, ближайшихъ ко времени его дѣятельности. Написанная современникомъ его Григоріемъ, архіепископомъ сицилійскимъ, біографія утрачена безслѣдно, и о ней сохранилось лишь воспоминаніе ¹⁾. Помѣщенная въ Acta SS. біографія ²⁾ Меоодія носятъ уже признаки поздняго про-

¹⁾ Migne, Patrologia Graeca, t. 110, p. 282: Ἰστορίον ἔστι κατὰ φησὶ Γρηγόριος ἀρχιεπίσκοπος Σικελίας, ὁ τὸν βίον τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Μεθοδίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως συγγραφάμενος.

²⁾ Acta Sanctorum, Iunii t. II, p. 960.

всхожденія и внушена чувствами благоговѣйнаго уваженія въ памяти великаго подвижника за православіе. Благочестивая легенда въ этой біографіи не отдѣлена отъ исторической дѣйствительности, и мученическіе подвиги выступаютъ на первый планъ. Вскорѣ послѣ изверженія патріарха Никифора, православная партія пыталась подѣйствовать на иконоборческаго императора посредствомъ римскаго папы. Меѳодій посланъ былъ съ этой цѣлью въ Римъ, чтобы вызвать внимательство папы въ церковныя дѣла Византіи. Патріархъ Никифоръ является здѣсь, какъ, впрочемъ, и вся православная партія, не исключая Феодора Студита, ревностнымъ защитникомъ первенства папы и ищетъ въ его авторитетѣ оправданія суровыхъ церковныхъ мѣръ противъ иконоборцевъ. Съ ними, говоритъ онъ, нельзя входить въ общеніе даже и въ томъ случаѣ, если они обнаружатъ раскаяніе. Ибо раскаяніе ихъ не искренно; подобно манхеймъ, они берутъ клятву со своихъ приверженцевъ—отрицаться отъ своихъ вброваній въ случаѣ допроса, а потомъ снова исповѣдываютъ ихъ. Что они отлучены отъ церкви, это свидѣтельствуетъ недавно присланное письмо отъ святѣйшаго архіерея древняго Рима, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что апокрисиаріи римскіе не хотѣли съ ними входить въ общеніе, не хотѣли видѣть ихъ и говорить съ ними ¹⁾).

Объ этомъ посольствѣ Меѳодія въ Римъ сохранились упоминанія какъ въ латинскихъ, такъ и въ греческихъ источникахъ. Между прочимъ, такое упоминаніе находимъ въ письмѣ папы Николая I къ царю Михаилу III въ 865 году, въ которомъ папа примѣромъ Меѳодія доказываетъ практику греческой церкви обращаться въ Римъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и находить тамъ помощь и поддержку ²⁾. Посольство это имѣло мѣсто при папѣ Пасхалисѣ, при чемъ Меѳодій ³⁾, какъ увидимъ, выхлопоталъ въ Римѣ документъ, который вызвалъ противъ него въ Константинополѣ гоненія и неоднократныя

¹⁾ *Spicil. Roman.* X, p. 152, c. 12 (обличительныя главы патріарха Никифора).

²⁾ *Migne, Patrologia latina*, t. 119, p. 946: Et rursum. quasi non et venerandae memoriae Methodius in Graecia persecutione fervente, hic apud beatum Petrum et apud nos ubi—plurimi—consecuti sint requiem. Et quasi non hinc auctoritatem praedicandi sumpserit, nec hic infulis sacerdotalibus dilatus existerit, ad extremum quasi non hinc constantiam Petri et omnia Pauli ad debellandos Iconomachos arma portaverit.

³⁾ *Pitra II*, 362: pro emio enim nostro reservatur S. Paschalis epistola, quae—nectitur cum publica lezatione, qua S. Nicephori nomine, ad apostolicam sedem egregie et impavide Methodius fuctus est.

мученія; въ жизнеописаніи Меѳодія этотъ документъ названъ τῶν δογματικῶν ἤτοι βραβύλλων. Въ легендѣ, относящейся ко времени патриаршества Меѳодія, между прочимъ разказывается, что противъ него иконоборцами снлетена была интрига, позоращая честь патриарха. Дабы оправдаться противъ обвиненія, Меѳодій разказалъ на соборѣ случай, имѣвшій мѣсто въ Римѣ, когда онъ былъ въ храмѣ св. Петра.

Во всякомъ случаѣ миссія его въ Римъ, по порученію патриарха Никифора, не подлежитъ сомнѣнію. Когда онъ возвратился въ Константинополь и представилъ преемнику Льва Армянина соборное мѣбіе римской церкви о православіи, это навлекло на него негодованіе царя и было для него причиною крайнихъ бѣдствій: онъ подвергся тѣлесному наказанію и заключенъ въ темницу, гдѣ и содержался до смерти Михаила II.

Весьма любопытно, что Меѳодій представляется съ точки зрѣнія правительственной партіи не столько еретикомъ, сколько политическимъ преступникомъ, виновникомъ смуты и скандала. Этотъ характеръ политической неблагонадежности удерживается за нимъ въ царствованіи Теофила, который принялъ особенныя мѣры, чтобы держать Меѳодія постоянно на глазахъ и лишить его сношеній съ вѣнскимъ міромъ. Нѣкоторый свѣтъ на эту сторону дѣла бросаютъ внутреннія обстоятельства времени Михаила II. Сохранилось письмо его къ императору Людовику Благочестивому, представляющее большой интересъ для занимающаго насъ вопроса ¹⁾). Въ этомъ письмѣ, между прочимъ разказывается о самозванцѣ Ѳомѣ, который во время императрицы Ирины бѣжалъ изъ Константинополя къ персамъ, избѣгая наказанія за преступленіе. Здѣсь онъ отрекся отъ христіанской вѣры и получилъ большое вліаніе у невѣрныхъ. Съ теченіемъ времени онъ распустилъ слухъ, что его настоящее имя есть Константинъ и что онъ сынъ царицы Ирины, избѣгшій ослѣпленія и спасшійся невредимымъ отъ козней своей матери. Вслѣдствіе чего къ нему примкнули многіе изъ тамошнихъ жителей, и онъ началъ производить разбойническія нападенія на сосѣдей, однихъ привлекая къ себѣ силою, другихъ—раздачей денегъ, иныхъ—обѣщаніемъ почестей и должностей. Имѣя подъ рукою преданныхъ ему персовъ, агарянъ, армянъ, авазговъ и другихъ, во время царствованія Льва Армянина онъ началъ военныя дѣйствія и захватилъ всю Арменію, Халдею на Кавказѣ и Арменіаку. При та-

¹⁾ *Baronii, Ann. Ecclesiasticæ, XIV, 62.*

домъ положеніи дѣлъ царь Левъ былъ убитъ заговорщиками и возведенъ на престолъ Михаилъ II. Послѣдній долженъ былъ бороться съ крайними затрудненіями, вызванными возмущеніемъ Θомы, такъ какъ значительная часть имперіи раздѣлила вѣру въ самозванца, признавая въ немъ сына Ирины ¹⁾). Самозванецъ же искусно воспользовался шатавіемъ умовъ, продолжалъ увеличивать число своихъ приверженцевъ и, захвативъ царскій флотъ, переправился на европейскій берегъ во Θракію и Македонію. Такимъ образомъ силы бунтовщика осадили столицу и лишили ее сношеній съ провинціями въ мѣсяцъ декабрь 15 индикта (822). Не смотря на незначительность силъ, бывшихъ въ распоряженіи Михаила, онъ пытался прорвать образовавшееся вокругъ Константинополя кольцо, но какъ Θома нашелъ сильную поддержку въ славянскихъ народахъ Θракіи, Македоніи и Солуни, то съ успѣхомъ продолжалъ наступленіе и осаду Константинополя въ теченіе цѣлаго года ²⁾). Наконецъ, императоръ рѣшился напасть на лагерь самозванца, расположенный въ тридцати миляхъ отъ столицы, и нанесъ Θомѣ пораженіе, при чемъ часть его приверженцевъ разбѣжалась, часть спаслась по городамъ. Пять мѣсяцевъ послѣ того Θома упорно держался противъ царскихъ воеводъ, наконецъ, захваченъ былъ въ одномъ городѣ со всѣми своими приверженцами, попался въ плѣнъ и подвергся казни. Два его сына потеряли ту же участь. Такъ потушено было возмущеніе Θомы, которое поддерживаемо было столько же политическими, какъ религіозными и національными мотивами,— въ чемъ и заключается главный его интересъ. Царь Михаилъ не имѣлъ основанія выяснять указанные мотивы движенія, хотя письмо его позволяетъ дѣлать о нихъ догадки ³⁾). За изложеніемъ дѣла Θомы въ письмѣ слѣдуетъ главная часть, объясняющая посольство. Это посольство возложено было на протоспаварія и стратига Θεодора, митрополита Мирликійскаго Ни-

¹⁾ *Invenimus christianos divisos et discordantes, et ut verius dicamus, plurimos invenimus illius impij Tyranni errorem et impietatem sequentes et ob hoc non potuimus facile illos fideles nostros christianos ad hoc adunare, ut eum expugnare valuissemus.*

²⁾ *Sed cum ille hostium validam manum habuisset, non solum de his, quos supra memoravimus, sed etiam de Asiae et Europae partibus, Thraciae, Macedoniae, Thessalonicae et circumjacentibus Sclavinis, hac causa prolongavit obsidionem nostram; haec autem obsidio modo propior, modo longior, usque ad unius anni spatium perseveravit.*

³⁾ *Glorificantes et magnificentantes propugnatorem nostrum Dominum, qui ad unitatem fidei coadunare populum suum dignatus est.*

кату, архієпископа Венеціи Фортуната, діакона и эконома Софійской церкви въ Константинополѣ Теодора и кандидата Льва. Многіе изъ церковныхъ людей и мірянъ, говорится далѣе, отверглись апостольскихъ преданій и отеческихъ постановленій, сдѣлались виновниками злыхъ новшествъ: изгнали честные и животворящіе кресты изъ святыхъ храмовъ и на мѣсто ихъ поставили иконы съ возженными передъ ними свѣчами и стали оказывать имъ такое же поклоненіе, какъ честному и животворящему древу, пѣніемъ псалмовъ и молитвами просили отъ иконъ помощи, многіе возлагали на эти иконы полотенца и дѣлали изъ иконъ воспреемниковъ своихъ дѣтей при святомъ крещеніи. Желая принять монашескій чинъ, многіе предпочитали отдавать свои волосы не духовнымъ лицамъ, какъ это было въ обычаѣ, а складывать при иконахъ. Нѣкоторые изъ священниковъ и клириковъ скоблятъ краски съ иконъ, смѣшиваютъ ихъ съ причащеніемъ и даютъ эту смѣсь желающимъ вмѣсто причащенія. Другіе возлагали тѣло Христова на образа и отсюда приобщались святыхъ тайнъ. Нѣкоторые, презрѣвъ храмы Божіи, устраивали въ частныхъ домахъ алтари изъ иконъ и на нихъ совершали священныя таинства, и многое другое невозволительное и противное нашей вѣрѣ допускали въ церквахъ. Чтобы устранить эти заблужденія, православные императоры составили помѣстный соборъ, на которомъ опредѣлено было снять иконы съ низкихъ мѣстъ въ храмахъ и оставить тѣ, которыя были на высокихъ мѣстахъ, дабы невѣжественные и слабые люди не воздавали имъ божескаго поклоненія и не зажигали передъ ними свѣчей. Это постановленіе мы доселѣ соблюдаемъ, отлучая отъ церкви тѣхъ, которые оказываютъ приверженность къ подобнымъ новшествамъ. Есть, кромѣ того, такіе, которые, не признавая помѣстныхъ соборовъ, бѣжали изъ нашей имперіи въ Римъ и тамъ распространяютъ поношеніе и клевету на церковь; оставляя безъ вниманія ихъ гнусные извѣты и богохульства, извѣщаемъ васъ, что мы исповѣдуемъ и нерушимо держимъ въ сердцѣ символъ святыхъ и вселенскихъ шести соборовъ, соблюдаемый всѣми православными христіанами. Въ заключеніе, извѣщая о дарахъ предназначенныхъ для римскаго папы, царь Михаилъ проситъ Людовика дать посламъ свободный пропускъ въ Италію и содѣйствовать къ удовлетворенію желаній византійскаго царя, чтобы были изгнаны изъ Рима находящіеся тамъ измѣнники христіанской вѣры¹⁾. Приведенное письмо свидѣтельствуетъ о двухъ

¹⁾ Jubentes (то-есть, папѣ) ut si modo manifesti fuerint quidam seductores pseudochristiani, Ecclesiae calumniatores, illinc eos expellere.

важныхъ фактахъ, касающихся борьбы православной и иконоборческой партіи въ Константинополѣ: а) что эта борьба выражалась въ политической смутѣ, направляемой самозванцемъ Θомой; б) что православные искали поддержки въ Римѣ противъ иконоборческихъ цѣрей и усиливали тѣмъ притязанія римской церкви на главенство въ церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ тѣхъ святелей крамолы и изобрѣтателей злыхъ новшествъ, о которыхъ говорить письмо Михаила Ц, нужно разумѣть и нашего Меѳодія, бѣжавшаго послѣ низверженія патріарха Никифора въ Римъ и пытавшагося возбудить вмѣшательство папы въ церковныя дѣла Византіи.

Разказанныя въ письмѣ Михаила обстоятельства имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи иконоборческаго движенія. Уже независимо отъ всего прочаго, любопытно то, что царь Михаилъ почелъ нужнымъ изложить со всѣми необходимыми подробностями дѣло, очевидно, мало относящееся къ цѣли посольства къ западному императору и не стоящее въ связи съ церковнымъ вопросомъ, о которомъ главнѣйше должна была идти рѣчь въ сношеніяхъ съ императоромъ и съ папой. По всей вѣроятности, возмущеніе Θомы затрогивало и церковный вопросъ, но царь Михаилъ не нашелъ удобнымъ говорить объ этомъ съ надлежашей откровенностью, ограничившись приведеннымъ нами въ своемъ мѣстѣ намекомъ.

Понятна поэтому важность задачи при помощи византійскихъ памятниковъ раскрыть мотивы въ движеніи самозванца Θомы. Оставляя въ сторонѣ разказъ Амартола, какъ весьма блѣдный фактическии чертами и не могущій идти въ сравненіе даже съ официальнымъ письмомъ Михаила, обращаемся къ тому писателю X вѣка, свидѣтельства котораго о первой половинѣ IX вѣка мы оцѣнили раньше, при изложеніи литературы, касающейся утвержденія православія. Въ самомъ дѣлѣ, Генесій¹⁾ и здѣсь оказывается основнымъ писателемъ, которымъ главнѣйше воспользовались другіе. Сравнивая его изложеніе съ исторіей продолжателя Θεοφана, нельзя не приходять къ заключенію, что послѣдній черпалъ полной рукой изъ хроникки Генесія. Но и Генесій писалъ о возмущеніи Θомы больше по устному преданію, чѣмъ основываясь на письменныхъ изложеніяхъ. До него дошло объ этомъ нѣсколько преданій. По одному—Θома и Михаилъ давно уже питали взаимное нерасположеніе, съ тѣхъ поръ какъ Михаилъ былъ стратигомъ Анатолійской темы, а Θома или былъ подчинен-

¹⁾ Ed. Bonn. lib. II, p. 32 seqv...

нимъ ему офицеромъ, или же занимать низшій военный чинъ. Согласно этому преданію, *Θομα*, хотя и происходившій изъ сѣнскаго племени, во времени вступленія *Μιχαήλ* на царство, пользовался на востокѣ большою популярностью и началъ противъ царя возмущеніе, заручившись расположеніемъ войска. Онъ скоро нашелъ средство привлечь на свою сторону и симпатіи восточнаго населенія, возбуждевъ въ немъ надежды на улучшеніе экономическаго его положенія. Объ этой мѣрѣ *Θομα* *Γενεσίη* выражается слѣдующимъ образомъ: „задержавъ всѣхъ сборщиковъ казенныхъ податей, онъ формально отмѣнилъ закономъ установленные сборы, и раздачей народу денегъ приготовилъ противъ *Μιχαήλ* значительную военную силу“. По другому преданію, которое писателю кажется вѣроятнѣйшимъ, ¹⁾ *Θομα* происходилъ изъ незнатнаго рода и, прибывъ въ Константинополь для принсканія средствъ къ жизни, вступилъ на службу къ одному патрицію, именемъ *Βαρδανου*, и скоро, заподозрѣнный въ связи съ его женою, долженъ былъ бѣжать изъ Константинополя. Нашедши убѣжище въ сарацинской землѣ, *Θομα* переходитъ въ магометавство и начинаетъ дѣлать набѣги на греческія земли съ помощью сарацинъ.

Такова традиція, записанная у *Γενεσίη*. Несомнѣнно, здѣсь видимъ два преданія, которыя въ своей основѣ не могутъ быть примирены. Продолжатель *Θεοφανα* ²⁾, приступая къ изложенію этой смуты, „наполнившей бѣдствіями вселенную и вооружившей отцовъ противъ дѣтей и братьевъ на братьевъ“, указываетъ тоже два литературныя теченія, въ которыхъ не одинаково передается о судьбѣ самозванца. По одному литературному преданію, къ которому склоняется и самъ писатель ³⁾, *Θομα* происходилъ отъ незнатныхъ и бѣдныхъ родителей славянскаго племени, поселенныхъ на востокѣ. Ради отысканія средствъ къ жизни *Θομα* прибылъ въ Константинополь и здѣсь поступилъ на службу къ одному изъ вельможъ, съ женою котораго вступилъ въ связь. Когда узналъ объ этомъ господинъ его, *Θομα* бѣжалъ на востокъ къ агарянамъ, отрекся отъ христіанской вѣры и сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ имперіи, нападая на границы ея съ толпою приверженцевъ; сила его стала увеличиваться и

¹⁾ *Γενεσίη*, p. 32: οὗτος οὖν κατασχὼν τοὺς τῶν δημοσίων φόρων πάντας ἀπατητὰς ἐγγράφω: τὰς νενομισμένους ἀπακληροῦτο εἰσπράξεις, ἐξ ὧν διανομὰς ἐν λαοῖς ποιεῖσθαι στρατηγεῖσθε κατὰ τοῦ Μιχαήλ ἐχθρῶς διατίθησεν.

²⁾ *Theophanus contin.*, ed. Bonn., p. 50.

³⁾ ὁ μὲν οὖν εἰς καὶ πρώτος λόγος, ὃ καὶ ἐγὼ πεῖθομαι ἐξ ἐγγράφων τινῶν ἔχων τὸ βέβαιον. Это тѣ же преданія, которыя мы видали у *Γενεσίη*.

въ ромейской имперіи, когда онъ распустилъ слухъ, что онъ царевичъ Константинъ, сынъ Ирины. По другому преданію, Фома былъ при Львѣ V начальникомъ отряда федератовъ, стражи набираемой изъ ивоземцевъ; онъ началъ бунтъ противъ Михаила II, мстя ему за убійство своего благодѣтеля Льва. Въ этомъ преданіи успѣхъ возмущенія Тома объясняется двумя причинами: во-первыхъ, еретическимъ образомъ мыслей царствующаго Михаила II ¹⁾, во-вторыхъ, экономическими и социальными причинами. Именно, Фома облегчалъ повинности, идущія въ казну, и обуздывалъ своеволие сборщиковъ податей ²⁾. Такъ ему удалось поднять востокъ, вооруживъ рабовъ противъ господъ, простыхъ воиновъ противъ своихъ начальниковъ. Въ дальнѣйшемъ положеніи обстоятельствъ бунта наши источники не представляютъ противорѣчій. Вѣрными царю Михаилу остались только тема Опсикій, благодаря стратегу Катакилъ, и тема Арменіакъ, командуемая Олваномъ.

Нельзя не придавать особенной важности социальному мотиву движенія, который подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Михаилъ II, по представленію означенныхъ стратеговъ, счелъ полезнымъ сдѣлать скидку податей специально для темъ Опсикій и Арменіакъ ³⁾. Объ обширности и хорошей организаціи движенія свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и то, что Фома вѣнчался императорскимъ вѣнцомъ отъ руки антиохійскаго патріарха Іакова ⁴⁾ и озаботился собраніемъ морскихъ силъ и флота, чтобы можно было съ успѣхомъ дѣйствовать противъ столицы. Къ нему примкнули всѣ ивородческіе элементы имперіи, изъ которыхъ и была его главная сила. Плать Фома былъ переправиться на европейскій берегъ, для чего собраны были его главныя силы у Абидоса и тамъ же приготовлены морскія суда. Михаилъ находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, что не могъ воспрепятствовать переправѣ Тома, который сдѣлался такимъ образомъ распорядителемъ восточныхъ и западныхъ провинцій, отрѣ-

¹⁾ *Theoph. cont.*, p. 52. 18: ἐτόγγανε γὰρ πῶς καὶ ἄλλως ὁ Μιχαὴλ ὑπὸ πάντων μισούμενος, ἅτε δὴ κακῆς μὲν αἰρέσεως μετεσχημένος τῆς τῶν Ἀθηναίων.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ выраженіе p. 53. 7: τοὺς τοὺς δημοσίους φόρους εἰσπράττοντας εἰς ἑαυτὸν εἰσποιήσας καὶ ἐκ μεγάλου φρονος ἐπιδοσεως σπουδάζων ὑπ' ἑαυτὸν ποιῆν τοὺς πολλοὺς.

³⁾ *Theoph. cont.* p. 54. 3: οἷς καὶ τὴν χάριν ἀπένεμω, ὡς μὴ προεδωκόσιν αὐτὸν, το εἰς τὸ βασίλειον τελοούμενον ταμίειον δημοσίον καπιτικὸν οὕτω λεγόμενον μισθάρσιον ἐν συζητούρηται.

⁴⁾ У Гелесія—Іова.

завъ столицу отъ вѣшнихъ сношеній и приступивъ съ осадными снарядами къ стѣнамъ ея. Всю зиму 821 и 822 года столица была подъ страхомъ нападенія со стороны бунтовщиковъ, какъ объ этомъ говоритъ письмо царя къ Людовику.

Возстаніе Оомы не получило гибельнаго для Михаила результата лишь вслѣдствіе того, что въ это дѣло вмѣшался болгарскій вождь Мортагонъ. Объ этомъ вмѣшательствѣ совсѣмъ умалчиваетъ Михаилъ въ своемъ письмѣ, византійская же лѣтопись сообщаетъ противорѣчивыя показанія. Георгій Амартолъ ¹⁾ говоритъ, что Михаилъ просилъ у болгаръ помощи противъ Оомы и когда послѣдній узналъ объ этомъ, то поспѣшилъ имъ на встрѣчу, нанесъ имъ поражение и съ значительно ослабленными силами долженъ былъ потомъ защищаться противъ царскихъ войскъ, которые дѣйствовали въ соглашеніи съ болгарами. Генесій ²⁾, свидѣтельство котораго въ другихъ отношеніяхъ отличается фактической достовѣрностью, въ настоящемъ случаѣ передаетъ нѣсколько подозрительную версію, будто Мортагонъ, услышавъ о событіяхъ въ византійской имперіи, самъ предложилъ царю Михаилу синахидю, но что этотъ отказался отъ союза и тогда Мортагонъ вторгся въ имперскія области и нанесъ поражение Оомѣ. Версія неѣдронная уже потому, что при томъ положеніи дѣла, какое рисуетъ Генесій, Оома и Мортагонъ были бы союзники, а не враги; при общности интересовъ, они должны бы были совмѣстно дѣйствовать противъ столицы и, безъ сомнѣнія, взяли бы ее, еслибы и на этотъ разъ Византія не нашла средства разъединить интересы враговъ. Какъ Генесій, такъ и Михаилъ находили оскорбительнымъ для національнаго самолюбія объяснить побѣду надъ Оомой союзомъ съ болгарами,—отсюда умолчанія и невѣрности относительно этого эпизода какъ у Генесія, такъ и продолжатели Теофана, во многомъ сходнаго съ нимъ ³⁾. Ясно, что силы Оомы благовременно были отвлечены отъ столицы и что Михаилъ воспользовался этимъ моментомъ, дабы собрать войско и двинуться на него изъ столицы. Ослабленный дѣлами съ болгарами, Оома заперся въ одной крѣпости, а царь сталъ осадять его, употребляя выраженія продолжателя Теофана, не машинами и другими орудіями, дабы не выдать тѣмъ, которые населяютъ Скиѳію, тайны византійскаго военнаго искусства ⁴⁾,

¹⁾ Ed. *Murali*, p. 698, c. 8.

²⁾ Ed. *Bonn.*, p. 41, 17.

³⁾ *Contin. Theoph.*, p. 64—65.

⁴⁾ *Theoph. contin.*, p. 68.

но голодомъ и лишеніемъ жизненныхъ средствъ. Когда средства у *Θомы* истощились и его сподвижники доведены были до крайняго положеія, тогда онъ выданъ былъ царю. Торжествующій побѣдитель хотѣлъ было узнать отъ *Θомы*, не назоветъ ли онъ кого изъ своихъ приверженцевъ между окружающими царя, и онъ бы могъ назвать многихъ, говорить нашъ историкъ, еслибы нѣкто *Іоаннъ Эксауліидъ* ¹⁾ не замѣтилъ, что было бы нелѣпо давать вѣру извѣстамъ враговъ противъ друзей. „И этимъ словомъ онъ спасъ многихъ несчастныхъ гражданъ и друзей *Θомы* отъ казни“. Это признаніе очень важно въ томъ отношеніи, что обнаруживаетъ множество тайныхъ приверженцевъ *Θомы* въ столицѣ и среди приближенныхъ царя. Нѣтъ сомнѣнія, что мы бы недостаточно оцѣнили причины популярности *Θомы*, еслибы ограничились тѣми фактами, которые отмѣчены лѣтописью. Въ лѣтописи до нѣкоторой степени выяснены мотивы успѣха *Θомы*, лежащіе въ его славянскомъ происхожденіи, и это уже весьма важное обстоятельство, которымъ нельзя пренебрегать въ исторіи Византии. Но еще любопытнѣе, что успѣхъ движенія *Θомы* лежитъ въ томъ, что онъ является орудіемъ православной партіи, задумавшей реагировать противъ иконоборческаго правительства. Религіозный мотивъ, слегка намѣченный въ письмѣ къ *Людovicу*, служилъ объясненіемъ, почему *Michailъ* рѣшился изложить возмущеніе *Θомы* въ письмѣ къ намъ, которое трактуется о церковной политикѣ вообще.

Въ литературной традиціи о возмущеніи *Θомы* обращаетъ на себя вниманіе отношеніе лѣтописцевъ къ этому самозванцу. Всѣ сохранившіяся свѣдѣнія исходятъ отъ писателей православной партіи и всѣми писателями руководитъ одно и то же чувство по отношенію къ самозванцу. На это обратилъ вниманіе *Гиршъ* въ своихъ Византийскихъ этюдахъ ²⁾: „замѣчательна, говоритъ онъ, страстность, съ которой составитель лѣтописи высказывается противъ *Θомы*; принималъ во вниманіе, что царь *Michailъ* былъ врагъ иконопочитанія и къ тому же узурпаторъ, нельзя понять, почему православный писатель такъ безпощадно бичуетъ противника его“. Едва ли, впрочемъ, умѣстны здѣсь какія бы то ни было недоразумѣнія. Наши свѣдѣнія о возмущеніи *Θомы* дошли до насъ въ редакціи X вѣка. Представителямъ торжествующаго православія неудобно было особенно останавливаться

¹⁾ Договетъ *дромъ*, оказавшій большую услугу *Michailу* при вступленіи на царство; см. *Genesis* II, p. 30.

²⁾ *Hirsch*, Byzantinische Studien, S. 24—25.

на томъ обстоятельствѣ, что самозванецъ Тома пытался поднять знамя православія противъ иконоборцевъ, какъ не находили они удобнымъ въ X вѣкѣ сослаться на попытки православныхъ найти помощь въ Римѣ у папы.

Очень опредѣленные указанія на религіозный мотивъ въ движеніи Тома находимъ въ жизнеописаніи Θεодора Студита ¹⁾. Послѣ иконоборческаго собора 815 года большинство православныхъ яля разсѣялось по востоку, или же искало спасенія въ Италіи. И о Θεодорѣ Студитѣ жизнеописатель сообщаетъ, что онъ жилъ въ монастырѣ Кресцентія на востокѣ до времени возстанія обманщика Тома. Когда же тираннія его захватила Азію, вышло царское повелѣніе, приказывающее ему и патриарху Никифору возвратиться въ Константинополь. Не ради сожалѣнія къ нимъ сдѣлано это распоряженіе, а изъ боязни, чтобы православные не присоединились къ партіи Тома, ибо ходила молва, что онъ принимаетъ святыхъ иконы и покланяется имъ ²⁾.

Приведенное мѣсто не оставляетъ болѣе сомнѣній, что успѣхъ возмущенія Тома столько же зависѣлъ отъ социальныхъ мотивовъ, возбуждая надежды на болѣе благопріятное экономическое положеніе, сколько отъ религіозныхъ, такъ какъ Тома являлся выразителемъ протеста противъ иконоборческаго направленія. Съ этой точки зрѣнія, самъ по себѣ незначительный эпизодъ вмѣшательства болгарскаго князя во внутреннюю смуту Византіи пріобрѣтаетъ большой историческій интересъ, ибо Мортаголъ своимъ вмѣшательствомъ еще на 20 лѣтъ поддержалъ иконоборческую партію и нанесъ сильное пораженіе инородческимъ элементамъ имперіи, стремившимся возобладать надъ еллизизмомъ. Словомъ, возстаніе Тома пріобрѣтаетъ важный историческій смыслъ въ судьбахъ славяно-византійскихъ отношеній.

Михаилъ II принималъ рѣшительныя мѣры къ ослабленію иконопочитателей. Преслѣдуемые, какъ и всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, искали защиты у другихъ патриарховъ и именно у папы, авторитетъ котораго сильно выдвинуть въ сочиненіяхъ самаго эпер-

¹⁾ *Mat.*, Nova Patrum Bibliotheca, VI, с. 61, р. 356; точно также въ жизнеописаніи Николая, архимандрита Студійскаго, Acta SS. Febr., I, р. 538, с. 32: *Enimvero cum populi seductor Thomas in Romanum orbem rabiem exereeret, iubente imperatore iterum vel inviti in regiam urbem revertuntur.*

²⁾ ἄλλὰ φοβῶν τοῦ μὴ προσηρῆναι τινὰς αὐτῶν τῇ τοῦ Θεοδώρου ἀρχιερατικῆς καθόλου ἐλάττει τὰς ἰσχυρὰς ἀποδείξεις τε καὶ προαγωγίαι.

гичнаго представителя православной партіи того времени, у Теодора Студита. Онъ неоднократно писалъ и отъ своего имени, и отъ духовенства восточной церкви къ папѣ Пасхаласу I, изображая ему въ живыхъ краскахъ изгнаніе патріарха, епископовъ и настоятелей монастырей, поруганіе надъ церквями и преслѣдованіе православныхъ, убѣждая его со всею настойчивостью воспользоваться своимъ апостольскимъ авторитетомъ и торжественно предать проклятію иконоборческой соборъ 814 года ¹⁾. Чтобы до нѣкоторой степени ослабить вліаніе въ Римѣ иконопочитателей, посаженный Михаиломъ въ патріархи Теодотъ послалъ къ папѣ своихъ апокрисіаріевъ, но они не были выслушаны. Что же касается преслѣдуемыхъ иконоборческимъ правительствомъ и лицъ отправляемыхъ Теодоромъ Студитомъ, то имъ предоставленъ былъ монастырь св. Праксиды, и кромѣ того папа ободрялъ Теодора Студита и его приверженцевъ утѣшительнымъ посланіемъ. Въ этомъ видѣлъ Студитъ доказательство, что римскою церковью править дѣйствительный преемникъ князя апостоловъ, и что Богъ не оставитъ безъ своей помощи византійскую церковь. Изъ переписки Студита узнаемъ, между прочимъ, что онъ посылалъ въ Римъ преданнаго ему Елифанія, которому вручилъ письмо для монаха Меѳодія. Папа не былъ безучаственъ въ положенію православныхъ и ходатайствовалъ за нихъ предъ византійскимъ правительствомъ. Около 818 года приходили въ Константинополь римскіе послы съ соборнымъ опредѣленіемъ, которое весьма рѣзко затрогнувало иконоборцевъ ²⁾. Можно думать, что вмѣстѣ съ этимъ посольствомъ возвратился въ Константинополь и Меѳодій ³⁾, гдѣ начался для него рядъ мученическихъ подвиговъ, возвысившихъ его авторитетъ между православными и давшихъ ему, особенно по смерти Теодора Студита въ 826 году, главенствующее положеніе.—Трудно сказать, жилъ ли Меѳодій съ тѣхъ поръ больше на свободѣ или въ тяжкихъ заключеніяхъ, точно также не легко сосчитать нанесенные ему тѣлесные удары. Если принимать во всей силѣ показаніе жизнеописателя Меѳодія, то сейчасъ же за возвращеніемъ изъ Рима Меѳодій наказанъ

¹⁾ *Hergenröther*, Photius, I, S. 281. Авторитетъ Студита на востока былъ громадный, о чемъ свидѣтельствуетъ его переписка. Въ его проповѣдяхъ есть прекрасное мѣсто, напоминающее Златоуста и Дамаскина, см. N. PP. Bibl., t. IX, p. 274.

²⁾ Дату даетъ Гергенрёттеръ (1,282), но въ жизнеописаніи Меѳодія это посольство относится ко времени Михаила.

³⁾ *Vita Methodii* (Acta Sanctorum, Junii II., p. 960. τόμος δογματικός ἕως τῆς ὀρθοδοξίας παρὰ τοῦ πάπα λιβῶν.

былъ 700-ми ударовъ и заключенъ въ темницу, въ которой содержался 9 лѣтъ, до амнистіи, послѣдовавшей передъ смертію Михаила II. Изъ этого можно заключать, что Меѳодій жилъ въ Римѣ не меньше 6-ти лѣтъ, что въ 820 году возвратился въ Константинополь и въ 829 году освобожденъ изъ заключенія.

Характеръ преступленія Меѳодія съ точки зрѣнія иконоборческой правительственной партіи заключался не столько въ его религиозномъ иномыслии, сколько въ его сношеніяхъ съ Римомъ; слѣдовательно, Меѳодій при Михаилѣ и сынъ его Теофилъ былъ представителемъ партіи, видѣвшей спасеніе церкви во вмѣшательствѣ римскаго папы. Это доказываетъ упрекъ, который посылаетъ Меѳодію царь Теофилъ, собравъ воедино всѣ его вины: „Изъ за чрезырнато честолюбія, ты, Меѳодій, смущаешь добрый порядокъ имперіи ¹⁾. Ты встрекнулъ римскаго папу составить извѣстное соборное опредѣленіе и послать его къ моему отцу“.—Въ разсматриваемый періодъ Меѳодій является представителемъ того возврѣнія на римскій престолъ, которое рельефно выразилъ Теофоръ Студитъ въ письмѣ къ ученику своему Навкратію: „римскій престолъ есть высшая апостольская кафедра, намѣстнику которой Христосъ вручилъ ключи вѣры ²⁾, которую не одолѣють врата адовы“.

Въ царствованіе Теофила иконоборческая партія имѣла во главѣ своей патріарха Іоанна VII Грамматика, въ православной же выдвинулся на первое мѣсто Меѳодій. Повидимому, уже въ это время въ самой православной партіи создаются два направленія, изъ коихъ одно поддерживаемо было учениками и приверженцами Теофора Студита, другое монашествующими лицами сицилійскаго происхожденія. Въ жизнеописаніи Теофора Студита ³⁾ есть очень опредѣленный намекъ на это. Здѣсь разказывается, какъ начальникъ Сардійскаго области наказанъ былъ за то, что, увлекшись внушеніями сиракузскихъ монаховъ, пересталъ совершать молитвы по тріоди постной, составленной Теофоромъ Студитомъ. Изъ этого намека можно усматривать, что мѣстный студійскій уставъ представлялъ нѣкоторыя отличія противъ того, который поддерживали монахи сицилійскаго происхожденія. Студиты очевидно стояли за старину и тра-

¹⁾ τὴν κρατοῦντων τὴν εὐνομίαν παρατάων.

²⁾ *Hergenröther*, I, а. 282. Эта же мысль выражена Ф. Студитомъ въ его проповѣди о поклоненіи свя, иконамъ, см. *Nova PP. Bibl.*, т. IX, р. 37, κατήχησις 15.

³⁾ *Mat*, N. P. B., VI, с. 56.

дицію, сацилиды вводят новшества. Правительственной партіи при царѣ Теофилѣ естественно было стремиться къ соглашенію съ болѣе податливымъ и менѣе упорнымъ направленіемъ; Меѳодій, самъ человѣкъ образованный и болѣе знакомый съ жизнью, чѣмъ аскеты-приверженцы Теодора Студита, могъ облегчить для правительства его трудную задачу въ борьбѣ съ иконопочитаніемъ. Такъ или иначе, правительство Теофила относилось къ Меѳодію съ извѣстной терпимостью, отличая его отъ другихъ иконопочитателей и предоставивъ ему важныя преимущества. Извѣстно, что при царскомъ дворцѣ, особенно на женской половинѣ, тайные почитатели иконъ были многочисленны: царица Теодора, мать ея, ея братья и дяди—все втайнѣ почитали святныя иконы. Жизнеописатель Меѳодія и нѣкоторые лѣтописцы ¹⁾ свидѣтельствуютъ, что Меѳодію было предоставлено жить въ одной части дворца, что царь часто пользовался совѣтомъ Меѳодія по разрѣшенію археологическихъ затрудненій, занимавшихъ его, и что Меѳодій пользовался своимъ вліяніемъ для утвержденія придворныхъ и царской семьи въ благочестивомъ образѣ мыслей. Все это, конечно, справедливо, но довольно односторонне. Нужно взвѣснить и то извѣстіе, что Теофилъ держалъ при себѣ Меѳодія изъ боязни, чтобы онъ не соединился съ врагами правительства и не поднялъ возстанія ²⁾. Ясно, что была сильная партія, пугавшая правительство, а что эта партія соединялась религіознымъ началомъ, доказывается значеніемъ въ ней имени Меѳодія.

Если допустить на основаніи изложенныхъ соображеній присутствіе политическаго элемента въ борьбѣ православной и иконоборческой партій, то мы получаемъ въ этомъ ключъ къ объясненію раскола, послѣдовавшаго въ самой православной партіи послѣ возстановленія православія. Лѣтописное преданіе о нестроивіихъ въ церкви при Меѳодіѣ сообщаетъ только одинъ фактъ, заключающійся въ распространеніи злой клеветы, поворящей жизнь и чистоту нравовъ Меѳодія. Клевета однако не достигла цѣли, ибо слѣдствіе выяснило, что свидѣтели были подкуплены врагами Меѳодія и что святой мужъ потерялъ способность тѣлеснаго соединенія съ женщиной еще во время пребыванія своего въ Римѣ. Рядъ другихъ свидѣтельствъ, не

¹⁾ *Symeon Mag.*, с. 24.

²⁾ *Cont. Theor.*, III, с. 24 (р. 116): τὸν ὄσιον Μεθόδιον... μετ' αὐτοῦ ἐπαγομένους... τινὰς ἐπαναστάτας; φουλαττόμενος παρὰ τοῦ παθεῖν διὰ τὸν κατὰ τῶν ἁγίων εἰκότων πόλεμον.

оставившихъ въ лѣтописи никакого слѣда, упоминаетъ о другихъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ церковный расколъ, и указываетъ ихъ не въ иконоборческой партіи, какъ видимъ въ лѣтописномъ преданіи, а въ нѣдрахъ самого православія. Раздѣлились сами православные: одни были съ патриархомъ Меѳодіемъ, другіе противъ него.

Въ жизнеописаніи святаго Іоаннікія ¹⁾, вообще представляющемъ много прекраснаго матеріала не въ примѣръ съ другими житіями, находимъ слѣдующія данныя о востроеніяхъ церковныхъ при Меѳодіѣ ²⁾: „Когда Меѳодій, получивъ священный тронъ, утишилъ волненіе и успокоилъ дѣла, поднимается среди православныхъ другая смута и церковь дѣлится снова надвое и образуетъ противоположныя партіи. Одна полагала, что нѣтъ никакого нарушенія благочестія въ томъ, чтобы разсматривать получившихъ священныи санъ отъ иконоборцевъ какъ имѣющихъ правильное рукоположеніе; другая же держалась того возрѣнія, что было бы воплію нечестиво и богопротивно и невозможно допускать ихъ къ священнослуженію, какъ получившихъ даръ изъ нечистыхъ рукъ. Въ виду такихъ мнѣній Меѳодій скорбѣлъ, беспокоился въ сердцѣ, припоминая себѣ слова великаго Павла ³⁾: „Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, только бы вы стояли съ нами, чтобы вѣстѣ славить Троицу“. Въ это время боголюбезный Іоаннікій то лично, то посредствомъ писемъ старался привлечь отторгшуюся часть стада и соединить ее съ единымъ Богомъ и съ единымъ добрымъ пастыремъ, а не наемникомъ. Особенно же онъ укрѣплялъ слабѣющую душу Меѳодія, излагая ему въ письмахъ и многое другое, въ частности же убѣждая его не склонять ухо, не сообщаться ни пищею, ни кровлей, не говорить и даже избѣгать встрѣчи съ тѣми, которые разсѣкаютъ единосущное на чуждыя противоположности и вводятъ, увы, неумѣстныя раздѣленія ⁴⁾. Ибо онъ предлагалъ не считать и священникомъ того, кто отвергаетъ священнодѣйствуемаго, и совѣтовалъ Меѳодію имѣть для божественной жертвы

¹⁾ *Migne*, *Patrologia Graeca*, t. 116, p. 35, c. 3, 28, 47.

²⁾ *Vita S. Ioannicii*, c. 51, 52, 57.

³⁾ Къ Римлянамъ IX. 3.

⁴⁾ τὰς τὸ μὲν ὁμοούσιον ἔχρους ἀλλοτριότητος τέμνουσι, διαίρεσις δὲ οἱμοί, ἀτόκους βοήζουσι. Приводимъ это мѣсто въ виду возможности двойкаго пониманія его. Можно видѣть здѣсь и указаніе на богословскую причину раздѣленія (τὸ ὁμοούσιον τέμνουσι), и чуждое, не мѣстное происхожденіе враждебной партіи (ἔχρους ἀλλοτριότητος).

тѣхъ, о комъ онъ знаетъ, что они согласны съ нимъ въ православномъ мнѣніи. Когда это письмо дошло по назначенію, божественный Меѳодій принялъ къ свѣдѣнію написанное. Безчестные людишки выжили въ смѣхъ и забаву это дѣло, и распространяли дурную славу про Іоаннікія. Онъ же, узнавъ про клевету, съ такой силой опровергъ навѣты ихъ, что принудилъ ихъ не только оставить клевету, но и переимѣнить на лучшее свои мнѣнія и принять то мнѣніе православной вѣры, которое самъ онъ исповѣдывалъ. Такъ побѣдителемъ былъ многочисленный тотъ димъ ¹⁾ доблестью одного этого мужа, и цѣлыя города исправились мыслию его, въ короткое время поклянувшись то, что обдумывали долгіе годы ²⁾.

Приведенныя мѣста даютъ понять, что Меѳодію приходилось бороться съ двоякаго рода затрудненіями, изъ коихъ одни касались церковной администраціи, другія—вѣроученія. Что касается вопроса о духовныхъ лицахъ, получившихъ рукоположеніе при иконоборцахъ или хотя бы рукоположенныхъ и православными епископами, но раздѣлявшихъ иконоборческія мнѣнія, церковь имѣла уже на этотъ счетъ практику, которая дѣйствовала издавна и не могла вызывать особенно жаркой борьбы. Согласно этой практикѣ, раскаявшіеся въ заблужденіи и принявшіе постановленія VII вселенскаго собора оставлены были на прежнихъ мѣстахъ. Никакъ нельзя думать, чтобы этотъ вопросъ произвелъ смуту въ церкви и раздѣленіе ³⁾. Жизнеописатель Іоаннікія указываетъ, что вопросъ осложнялся затрудненіями, вытекающими изъ вѣроученія, и что несогласныхъ съ господствующимъ мнѣніемъ, принятымъ церковью, было безчисленное множество (ὁ μαριάνθρωπος δῆμος ἐκείνος ἤττάτο). Есть еще любопытная черта въ житіи, ведущая къ предположенію, что религиозная смута превращена была или посредствомъ собора, или публичнаго обличенія ⁴⁾ эти послѣднія данныя свидѣлствуютъ, что затрудненія Меѳодія были гораздо серьезнѣе, чѣмъ можно полагать съ перваго взгляда.

Братковременный періодъ управленія церковью Меѳодія получаетъ нѣкоторое освѣщеніе изъ письма его къ Іерусалимскому патріарху.

¹⁾ οὗτος ὁ μαριάνθρωπος δῆμος ἐκείνος ἤττάτο.

²⁾ Есть русское изслѣдованіе, посвященное изученію церковныхъ смутъ этого времени, принадлежащее проф. А. С. Лебедеву (*Ученія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія*, январь 1877 г.). Авторъ очень основательно начинаетъ исторію партій Фотіевой и Игнатіевой со времени Меѳодія, но недостаточно объяснилъ ихъ происхожденіе.

³⁾ Vita. c. 52: εἰς ἐκκλησίαν πάντων ἐπίς, διεβληθὼν οὕτω κατὰ κράς αὐτοῦς εἰλε...

Въ этомъ письмѣ ¹⁾ нужно различать двѣ части. Первая излагаетъ содержаніе грамоты, полученной отъ Іерусалимскаго патріарха на болѣе равное письмо Меѳодія, написанное послѣ вояведенія его въ патріарха. По ней можно заключать, что въ первомъ письмѣ Меѳодія шла рѣчь именно о тѣхъ духовныхъ лицахъ, которыя во времена господства иконоборства сокрушились съ пути истины, но потомъ раскаялись, — всѣ эти лица оставлены на своихъ мѣстахъ и приняты въ церковную іерархію. Исключеніе сдѣлано лишь по отношенію къ патріарху Іоанну, который не обнаружилъ раскаянія ²⁾. — Вторая часть, изъ которой видимъ, что письмо составлено въ четвертый годъ патріаршества Меѳодія, рисуется яркими красками тяжелое его положеніе. Оказывается, что никто изъ тѣхъ лицъ (то-есть, епископовъ и священниковъ, принятыхъ въ общеніе съ православной церковью) не показалъ плодовъ раскаянія, никто не смирился и не устыдился и не удалился отъ святаго мѣста, поругаемаго имъ: они дошли до такого безстыдства, что при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо изъ нашихъ относятся къ нему свысока, чрезмѣрно гордо осматривають его съ ногъ до головы, бросаютъ ему рѣзкую укоризну. — Эта часть письма имѣетъ интересъ съ точки зрѣнія взаимнаго положенія партій бывшей иконоборческой и господствующей православной. Какъ можно видѣть, Меѳодію приходилось болѣть сердцемъ и мучиться не потому, что онъ замѣтилъ вакантныя церковныя должности своими неспособными людьми, а потому, что имѣлъ слабость оставить на мѣстахъ многихъ лицъ изъ иконоборческой партіи.

Но что всего замѣчательнѣе въ исторіи церковныхъ нестроевій при Меѳодіѣ, это упорный протестъ противъ него со стороны монаховъ Студійскаго монастыря. Эта обитель, число братіи которой въ цвѣтущее время доходило до 1.000 человекъ, составляла сама по себѣ весьма внушительную нравственную силу, значеніе которой хорошо понимало даже свѣтское правительство. Въ тѣхъ матеріалахъ, какія напечатаны у Питры ³⁾, мы не имѣемъ данныхъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, почему Студійскіе монахи стали противодѣйствовать Меѳодію. Повидимому, недоразумѣнія возникли изъ за того,

¹⁾ *Pitra, Iuris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta*, II, p. 355—357 (Romae. 1864).

²⁾ Здѣсь кончается часть письма, составляющая воспроизведеніе грамоты Іерусалимскаго патріарха, въ свою очередь передающей содержаніе первой грамоты Меѳодія. Раздѣлъ между частями видимъ въ словахъ: ταῦτα ὀρθῶς καὶ λίαν χαλῶς.

³⁾ *Iuris ecclesiastici Graecorum Historia*, II, p. 361—363.

что студиты не желали подвергнуть отлученію сочиненія, написанныя противъ патріарховъ Тарасія и Никифора, ибо за это Меодій неоднократно угрожалъ имъ анафемой. Касающіеся смуты въ Студійскомъ монастырѣ матеріалы свидѣтельствуя, что противъ студитовъ составленъ былъ Меодіемъ соборъ, подвергшій ихъ отлученію. Въ завѣщаніи Меодія ¹⁾ есть статья о студитахъ, которою разрѣшается принимать ихъ въ общеніе съ церковью подъ тѣмъ условіемъ, если они предадутъ анафемѣ написанное противъ Тарасія и Никифора ²⁾.

Къ объясненію, наконецъ, тѣхъ мѣстъ жизни Іоанникія, которыя намекаютъ на догматическій элементъ въ смутахъ времени Меодія, служатъ извѣстія объ еретическомъ ученіи нѣкоего Лизика или Зилика. Главное извѣстіе объ этой ереси находится въ утраченномъ жизнеописаніи Меодія, составленномъ архіепископомъ Сицилійскимъ Григоріемъ Асвестой, откуда оно заимствовано Никитой Акоминатомъ ³⁾. Лизикъ является представителемъ ученія, которое не имѣетъ ничего общаго съ иконоборческимъ и которое не стоитъ въ связи ни со смутой студитовъ, ни съ вопросомъ о духовныхъ лицахъ, посвященныхъ въ иконоборческую эпоху. Современники смотрѣли на его ересь, какъ на манихейство ⁴⁾, и слѣдовательно выводили ее съ востока. Главные пункты ученія Лизика состояли въ слѣдующемъ. Онъ отвергалъ животворящій крестъ, называлъ Господа Іисуса Христа твореніемъ (κτίσμα), не признавалъ Матерь Божію Богородицей, вѣдѣвался надъ таинствомъ евхаристіи. Ересь Лизика, подрывавшая главныя основы вѣрующія, безъ сомнѣнія, и была причиной тѣхъ скорбей, которыя испытывалъ Меодій и о которыхъ говоритъ жизнь Іоанникія, она именно разсѣкала единосущное на чуждыя противоположности. Весьма вѣроятно, что еретическое мнѣніе обсуждаемо было на соборѣ, что Лизикъ раскаялся въ своемъ заблужденіи и былъ приговоренъ къ особаго рода епитиміи ⁵⁾. — Не можетъ быть сомнѣнія, что упоминаемая у всѣхъ почти писателей X и XI вѣка

¹⁾ Ibid., p. 362.

²⁾ Что касается отмѣченной въ нашихъ матеріалахъ причины, побудившей Меодія принять строгія мѣры противъ студитовъ, она до известной степени объясняется прежнимъ положеніемъ Студійскаго монастыря въ спорѣ о брствѣ Константина VI и честию, возданною Меодіемъ патріарху Никифору.

³⁾ *Migne, Patrologia Graeca*, t. 140, p. 282.

⁴⁾ ὅς τε Μανιχαίων φησὺν εἶναι.

⁵⁾ Ibid.: τοῦτον ο ἄγιος Μαιβόλιος παππας μεταπένηται πρὸς τὴν ορθοδόξου πίστιν.

ересь Зизика не представляет ничего другого, как порчу имени ¹⁾; это слѣдуетъ заключать какъ изъ тождества общественнаго положенія того и другаго еретика, такъ въ особенности изъ дословнаго сходства всѣхъ извѣстій въ той части, которая касается наложенной на еретиковъ епитиміи. О степени распространенія этой ереси и о значенія, какое ей приписывали можно составить себѣ понятіе по канону, совершаемому въ первую недѣлю великаго поста и приписываемому Θεодору Студиту. Здѣсь Лизикъ упоминается рядомъ съ главными дѣятелями иконоборческаго періода, Іоанномъ, Антоніемъ и Θεодотомъ, и имя его вездѣ сопутствуемо анаемой ²⁾. Какъ однако объяснить, что у писателей Лизикъ оказывается раскаявшимся а у составителя канона онъ предается анаемѣ, мы не знаемъ, если не остановиться на той догадкѣ, что канонъ принадлежитъ позднѣйшему времени и что у составителя его былъ подъ руками такой списокъ синодика, въ которомъ значилось и имя Лизика.

Такимъ образомъ, въ церковныхъ смутахъ, начавшихся послѣ возстановленія православія, имѣютъ значеніе весьма разнообразныя элементы: и оставленные на своихъ мѣстахъ епископы и священники иконоборческаго періода, и упорное неподчиненіе церковной дисциплинѣ со стороны Студійскихъ монаховъ и, наконецъ, ересь Лизика. Взятые въ отдѣльности, эти элементы находятъ для себя достаточное объясненіе частію въ исключительныхъ обстоятельствахъ времени, частію въ общемъ религіозномъ развитіи общества. Такъ, ересь Лизика служить прологомъ къ церковнымъ волненіямъ XI и XII вѣковъ. Но нельзя не видѣть, что намъ недостаетъ связующихъ звеньевъ между отдѣльными фактами; мы не можемъ схватить общую картину положенія, какая представлялась жизнеописателю Іоанникія. Съ его точки зрѣнія, всѣ указанные элементы участвуютъ въ смутѣ, которая по существу подрываетъ ортодоксію и колеблетъ авторитетъ патріарха Меѳодія. Недаромъ, конечно, авторъ застав-

---

συνέπειε δι' αὐτοῦ καὶ τοὺς ἄλλους, καὶ παρακελεύσας ἐν ἐπισήμῳ ἡμέρα (то-есть въ недѣлю православія) ἠρτιζεύσας τὴν οἰκίαν αἱρεσιν, χρίσας τε μύρω ἁγίῳ καὶ ἰεροῖς κωμῆσας ἐμφυτεύσας, λαμπάδας κατέχοντας τοῖς ὀρθοδόξοις συνέστησαν.

¹⁾ *Theoph. Contin.*, IV, c. 42 (p. 161); *Symeon Magister*, p. 654; *Genesis. Regum* lib. IV, p. 85: ἡ τῶν Ζηλικῶν αἵρεσις ἀνεράνη σου τῷ ἀρχηγῷ αὐτῶν Ζήλικῳ ὄντι τῶν βασιλικῶν ἐν πρώταις ὑπογραφήσιν.

²⁾ *Baronii, Annales ecclesiastici*, t. XIV, p. 274 (Lucas. 1743). Царь I, стихи 5, 6; IV. 6; V. 3; VI. 3; VIII. 2, 6; IX. 6.

лгать святаго сказать передъ смертю слѣдующія слова ¹⁾: „Нео-
двизно и твердо держитесь православія, не увлекайтесь нечистыми
мудрованиями еретиковъ и не воздвизайте хульный языкъ противъ
архіерея“. Ясно, что въ занимающей насъ церковной смутѣ подвер-
галась колебанію вся система, установленная соборомъ 842 года, что
борьба велась изъ-за принципа отвергнутаго постановленіями этого
собора. Но мы лишены средствъ возстановить въ надлежащей пол-
нотѣ событія по тѣмъ слабымъ намекамъ, которые сохранились въ
дошедшихъ до насъ матеріалахъ. Если однако выйти изъ тѣснаго
круга, ограниченнаго временемъ патриаршества Меоодія, и призвать на
помощь ближайшіе факты, послѣдовавшіе за его смертію, то мы не-
избѣжно встрѣтимся съ такими элементами борьбы, которые кор-
нятся въ происхожденіи Меоодія. Почему самымъ первымъ дѣломъ
патріарха Игнатія было низверженіе того Григорія Асвесты, кото-
рому принадлежить утраченная жизнь Меоодія и который былъ зо-
млякомъ умершаго патріарха? Не потому-ли, что консервативные
студиты, въ иконоборческую эпоху видѣвшіе спасеніе въ римскомъ
епископѣ, съ утвержденіемъ православія стали недовѣрчиво отне-
саться къ Сицилійскому духовенству?—Любопытнѣйшая задача изу-
ченія иконоборческой эпохи заключается, по нашему мнѣнію, въ вы-
ясненіи племенныхъ началъ, дававшихъ особенный отпечатокъ куль-
турѣ имперіи. Возстановленіемъ православія сводились счеты съ во-
сточнымъ племеннымъ и культурнымъ вторженіемъ. Уже въ IX вѣкѣ,
начиная съ царей Македонской династіи и патріарха Фотія, визан-
тійская имперія полагаетъ новые устои для своего дальнѣйшаго раз-
витія и находитъ ихъ въ европейскихъ этнографическихъ и куль-
турныхъ элементахъ. Тѣмъ ученымъ, которые въ представителяхъ
иконаборческой эпохи видятъ выраженіе прогрессивныхъ и высоко-
культурныхъ началъ, пришлось бы обречь европейскіе этнографиче-
скіе элементы на рабство азіатскимъ.

¹⁾ Migne t. 116 (Vita Joannici), c. 57.

II.

Синодикъ въ недѣлю православія. Составъ и происхожденіе частей его.

1. Списки греческаго синодика: Эскуріальскій, Вѣтскій, Мадридскій, Мовфононовскій. — Разновременность происхожденія частей синодика древнѣйшей редакціи. — Анализъ пролога и нѣкоторыхъ частей синодика. — Время внесенія въ синодикъ имени патріарха Фотія. — Статья о Ѳ. Кривнѣ и его товарищахъ. — Употребленіе двухъ редакцій синодика въ XI в., изъ коихъ позднѣйшая возобладала надъ древнѣйшей. — Утраченная редакция и протоколы VII вселенскаго собора. — Происхожденіе сохранившейся редакціи. 2. Списки русскаго переводнаго синодика: Московскій синодальнѣй, Новгородскій Императорской Публичной Библіотеки, Московскій Патріаршей Библіотеки. — Болгарскій синодикъ царя Бориса. 3. Историко-литературные матеріалы въ русскомъ оригинальномъ синодикѣ-помянникѣ. — Виды русскіихъ помянниковъ. — Историческій матеріалъ для областной исторіи. — Литературные сюжеты, обработываемые въ помянникахъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. — Повѣсти и сказанія. — Синодики смѣшаннаго содержанія. — Синодикъ изъ библіотеки графа Уварова.

1. Синодикъ греческой редакціи.

Многочисленность дошедшихъ до насъ списковъ синодика греческой редакціи и изученіе типическихъ представителей этихъ списковъ позволяетъ приходиться къ опредѣленнымъ заключеніямъ, какъ относительно состава древнѣйшей первоначальной части синодика, такъ и тѣхъ наростовъ и наслоеній, которыя постепенно присоединяемы были къ первоначальной основѣ. Надежнѣйшимъ руководителемъ, устраняющимъ всякія недоразумѣнія, служитъ здѣсь вѣкъ самихъ списковъ: такъ позднѣйшіе списки являются болѣе пространными и заключающими такіа статьи, которыхъ нѣтъ въ болѣе раннихъ. Если бы, такимъ образомъ, сохранились списки весьма близкіе къ эпохѣ

утвержденія православія, то вопросъ о постепенномъ развитіи частей синодика не представлялъ бы никакихъ трудностей. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, такъ какъ самый древній изъ извѣстныхъ намъ списковъ восходитъ лишь къ XI вѣку, то-есть, представляетъ собой редакцію, которая не можетъ быть разсматриваема какъ первоначальная и выражающая составъ синодика эпохи утвержденія православія. Возстановить составъ синодика, прочитаннаго въ недѣлю православія 842 года, препятствуетъ уже то обстоятельство, что не сохранилось актовъ собора, утвердившаго православіе; еще болѣе затрудненій можетъ ожидать попытка выдѣлить изъ синодика XI вѣка такія части, которыя могли быть присоединены къ нему въ промежутокъ между 842 годомъ и XI столѣтіемъ. Отсюда понятно, что въ разсужденіи состава синодика мы должны сосредоточить свое вниманіе на древнѣйшей его части, редакція которой не могла быть нами провѣрена рукописными матеріалами.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о рукописяхъ. Знакомство наше съ синодикомъ началось съ Эскуріальскаго пергаменнаго списка, относящагося къ XII вѣку ¹⁾. Онъ надписывается: τὸ σινδικὸν κατὰ παλαιὴν τῶν ἀφ' ἑσθῶν. Хотя въ каталогѣ Миллера онъ отмѣченъ XIII вѣкомъ, но мы имѣемъ основанія считать его моложе и отнести къ концу XII вѣка, во всякомъ случаѣ онъ составленъ до 1203 года. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: 1) въ отдѣлѣ многолѣтій встрѣчаемъ имя царя Алексѣя и царицы Евфросиніи ²⁾, эти имена указываютъ на время Алексѣя III Комнина (1195—1203 г.). 2) Въ отдѣлѣ провозглашеній вѣчной памяти умершимъ царямъ, послѣдними названы Мануилъ Комнинъ и сынъ его Алексѣй II. Что не упомянуть царя Андроникъ, это еще понятно изъ трагической судьбы этого царя, сверженнаго Исаакомъ Ангеломъ, но что нѣтъ въ синодикѣ и имени Исаака, во второй разъ царствовавшаго послѣ Алексѣя III, это уже явный признакъ, что синодикъ писанъ въ то время, когда, ослѣпленный своимъ братомъ, Исаакъ находился въ темничномъ заключеніи. 3) Соответственно тому и содержаніе синодика представляетъ исторію церковныхъ смуть и ересей, доведенную до второй половины XII вѣка, то-есть, оканчивается отлученіями на еретиковъ времени Мануила Комнина. Особенность эскуріальскаго

¹⁾ Miller, Catalogue des Manuscrits Grecs de la Bibl. de l'Escurial, p. 285.

²⁾ Ἀλεξίου τοῦ ὀρθοδόξου ἡμῶν βασιλέως καὶ Κομνηνοῦ πολλὰ τὰ ἔτη. Εὐφροσύνης τῆς ὀρθοδόξου ἡμῶν βασιλισσῆς πολλὰ τὰ ἔτη.

сводника заключается еще въ томъ, что это есть синодикъ помѣстной церкви, именно Критской. Существеннымъ признакомъ того служить перечисленіе именъ митрополитовъ и архіепископовъ Критскихъ, провозглашеніе многолѣтія всечестнѣйшему архіепископу митрополиту Крита, словомъ, выраженіе мѣстныхъ интересовъ, которымъ нѣтъ мѣста въ патриаршемъ синодикѣ.

Такъ какъ помѣщенный въ синодикѣ списокъ Критскихъ митрополитовъ и архіепископовъ полнѣй того, который можно находить у Лекьена, то считаемъ нужнымъ привести его подѣ чертой ¹⁾. Упоминаемая здѣсь епископія Суаретская есть, конечно, та самая, которая приводится у Лекьена подѣ названіемъ *Σουβρίτης* и *Σουβρίτων* ²⁾.

Блжайшее мѣсто къ разсмотрѣнному занимаетъ Вѣнскій списокъ, хранящійся въ придворной библіотекѣ ³⁾. Существеннымъ признакомъ времени происхожденія его служить слѣдующее: 1) въ отдѣлѣ многолѣтій провозглашено имя цара Мануила Комнина, какъ благополучно царствующаго; въ отдѣлѣ провозглашенія вѣчной памяти послѣдними названы Алексѣй и Іовннъ (Комнины). 2) Хотя имя патриарха не названо ⁴⁾, но его легко опредѣлить по серіи умершихъ патриарховъ, которымъ провозглашается вѣчная память; послѣдними въ этой серіи идутъ имена Евстратія, Николая, Іоанна и Лѣна. Такъ какъ Лѣвъ Ступицкій умеръ въ 1143 году, то можно думать, что синодикъ составленъ при одномъ изъ ближайшихъ его преемниковъ, въ первую половину царствованія Мануила. 3) Что синодикъ относится къ первой половинѣ царствованія Мануила и составленъ раньше 1156 года, это доказывается содержаніемъ его: въ Вѣнскомъ спискѣ нѣтъ соборныхъ опредѣленій противъ Сотирика и его товарищей, то-есть, такой части, которая неизмѣнно появляется во всѣхъ синоди-

¹⁾ За многолѣтіемъ царю Алексѣю III Комнину и царицѣ Евросиніи читается: Τοῦ παναρχιεπιστάτου ἀρχιεπισκόπου τῆς ἀγιωτάτης μητροπόλεως Κρήτης καὶ πανοικουμηνίου πολλὰ τὰ ἔτη. Τοῦ θεοφιλεστάτου ἐπισκόπου τῆς καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτης ἐπισκοπῆς Σουαρέτ καὶ πρωτοσυγκέλλου πολλὰ τὰ ἔτη. После провозглашенія вѣчной памяти умершимъ царямъ и царицамъ, слѣдуетъ: Ἰωάννου, Ἰωάννου καὶ Σταφάνου, Νικήτα καὶ Νικήτα, Ἰωάννου, Λέοντος, Μιχαῆλ, Κωνσταντίνου, Ἠλιοῦ, Βασιλείου, Κωνσταντίνου, Νικολαίου, Ἰωάννου, Μανουῆλ καὶ Μανουῆλ τῶν ἀοιδίμων μητροπολιτῶν καὶ ἀρχιεπισκόπων Κρήτης αἰώνια ἡ μνήμη. Затѣмъ имена умершихъ епископовъ епархія Σουαρέτ.

²⁾ *Le Quien*, *Oriens christianus* II, 270.

³⁾ *Theolog. Graecus* № CCCVII, fol. 100. Το συνοδικον ὅπερ ἀναγιγνώσκεται τῇ κυριακῇ τῆς ὀρθοδοξίας.

⁴⁾ Ὁ δῆνας τοῦ ἀγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου πολλὰ ἔτη.

какъ, составленныхъ послѣ 1156 года. Вѣнскій списокъ, подобно эскуріальскому, есть синодикъ помѣстной церкви. Мѣстные элементы усматриваются изъ провозглашенія вѣчной памяти митрополитамъ и архіепископамъ той церкви, при которой онъ назначенъ былъ для церковнаго употребленія. Въ нашемъ синодикѣ приводятся слѣдующія имена епархіальныхъ архіепископовъ: Теофилакта, Стефана, Іоанна, Анеима, Іоанна, Акакія, Павла и Георгія; митрополитовъ: Михаѣль, Іоанна синкелла и ктитора, Θεодора, Теофилакта, Михаѣля, Константина (дважды), Михаѣля и Стефана.

Больше чѣмъ на сто лѣтъ старше Вѣнскаго тотъ списокъ синодика, который хранится въ Национальной библіотекѣ въ Мадридѣ¹⁾. Для точности слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что этотъ списокъ дошелъ до насъ въ копіи XVI вѣка, сдѣланной со списка XI вѣка. Вѣкъ редакціи оригинала, съ котораго сдѣланъ нашъ списокъ, усматривается изъ слѣдующихъ данныхъ: 1) изъ перечня именъ царей, которымъ провозглашается вѣчная память, послѣдними поминаются Никифоръ, Іоаннъ и Василій; 2) изъ перечисленія умершихъ Константинопольскихъ патріарховъ, послѣдними идутъ Николай, Сисиній, Сергій и Евстаѣій. Что касается перваго перечня, изъ него можно выводить заключеніе, что оригинальный списокъ былъ составленъ въ царствованіе Константина VIII (1025—1028), брата знаменитаго Василія Болгаробойцы, упомянутаго послѣднимъ въ спискѣ умершихъ царей. Это обстоятельство находитъ себѣ оправданіе въ перечнѣ умершихъ патріарховъ. Послѣднимъ приводимый патріархъ Евстаѣій умеръ за нѣсколько дней до Василія; преемникомъ ему назначенъ былъ монахъ Студійскаго монастыря Алексѣй, управлявшій церковью съ 1025 по 1043 годъ. Ближайше опредѣляется хронологія занимающаго насъ синодика временемъ единодержавія Константина. Указанныя хронологическія данныя находятъ себѣ подтвержденіе въ содержаніи синодика. Въ немъ отсутствуетъ значительная часть, составляющая характерную принадлежность Вѣнскаго синодика, редактированнаго около половины XII вѣка. Недостающая часть въ Мадридскомъ синодикѣ противъ Вѣнскаго вошла въ составъ синодика въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка.

Подобно Эскуріальскому и Вѣнскому, Мадридскій синодикъ носитъ признаки провинціального происхожденія, ибо въ немъ представлены

¹⁾ Cod. O. 2 fol. 154, col. 2. Носитъ оглавленіе Τῆς χορηγίας τῆς ἐκκλησίας. Знакомствомъ съ этимъ спискомъ мы обязаны любезности В. Э. Регеля.

интересы помѣстной церкви въ перечнѣ архіепископовъ и митрополитовъ.

Еще ближе Мадридскаго списка къ эпохѣ утвержденія православія, повидимому, стоитъ синодикъ, напечатанный Монфокономъ ¹⁾. Правда, по странному недоразумѣнію, этотъ синодикъ имѣетъ чуждое ему заглавіе: Письмо святаго и великаго Никейскаго собора къ Александрійской церкви. Но подъ этимъ заглавіемъ читается именно синодикъ съ прологомъ и тѣми статьями, которыя характеризуютъ древнѣйшіе списки нашего памятника. Монфоконъ обозначилъ въ рукописи словами: XII circiter saeculo, изъ чего можно было бы заключать, что этотъ списокъ занимаетъ середину между Вѣнскимъ и Мадридскимъ списками. Разсматривая содержаніе синодика, мы дѣйствительно должны признать въ немъ почти двойникъ Мадридскаго, ибо оба они тождественны по составу, за исключеніемъ небольших и весьма тонкихъ разностей. Припомнимъ, что въ Мадридскомъ спискѣ перечень умершихъ царей обрывается на Василии Болгаробойцѣ, а рядъ патриарховъ на Сергіи и Евстаѣи, что даетъ намъ возможность приучить редакцію списка къ 1025—1028 году. Въ напечатанномъ у Монфокона спискѣ серія умершихъ царей дополнена еще Константиномъ, Романомъ и Михаиломъ. Такъ какъ послѣдній умеръ въ 1041 году, то можно было бы приурочить редакцію списка или къ его ближайшему преемнику, или къ Константину Мономаху, умершему въ 1054 году ²⁾. Но этому противорѣчатъ перечень умершихъ патриарховъ, оканчивающійся Антоніемъ, Николаемъ и Сисиніемъ, умершими въ 999 году; въ этомъ перечнѣ недостаетъ еще троихъ: Сергія, Евстаѣя и Алексія, еслибы мы захотѣли исходить изъ серіи царей для опредѣленія хронологіи занимающаго насъ списка. Можно предполагать здѣсь двойное объясненіе: если правиленъ перечень царей, то неправильно показана серія умершихъ патриарховъ, и наоборотъ. Если отдадимъ предпочтеніе именамъ царей, то хронологія памятника опредѣлится половиной XI вѣка, если же именамъ патриарховъ, то началомъ XI вѣка. Въ Монфоконовскомъ спискѣ слѣдуетъ отмѣтить ту особенность, что въ немъ остались слѣды употребленія его въ Антиохійскомъ патриархатѣ. Упомянется слѣдующій

¹⁾ *Montfaucon, Bibliotheca Coisliniana, Parisiis 1715, p. 96—102 (ex cod. XXXIV, fol. 35).*

²⁾ Съ этимъ приуроченіемъ согласно и упоминаніе Зои дарицы между умершими († 1050 г.).

рядъ антиохійскихъ патріарховъ: Христофоръ, Θεодоръ, Агаѳій, Іованнъ, Николай, Илья, Θεодоръ и Василій. Къ сожалѣнію, вопросъ о хронологіи названныхъ патріарховъ далеко не можетъ считаться установленнымъ. Какъ показываетъ каталогъ Лекьена, послѣдніе изъ упомянутыхъ патріарховъ относятся къ началу XI вѣка ¹⁾.

Разсмотрѣнные списки синодика позволяютъ довольно твердо поставить вопросъ о составѣ и частяхъ синодика въ XI, XII и въ началѣ XIII вѣка. Процессъ развитія нашего памятника въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ можно изучать на основаніи русскихъ синодиковъ, то-есть, той части ихъ, которая является букввальнымъ переводомъ съ греческаго. Такъ какъ здѣсь насъ занимаетъ лишь формальная сторона—нарастаніе частей, то мы можемъ безъ дальнѣйшихъ объясненій указать, какъ на типъ переводный съ греческаго, на два синодика: Московскій синодальной бібліотеки № 667 и Новгородскій Софійскій, хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ; этими синодиками мы займемся ниже.

На основаніи вышесказаннаго слѣдуетъ, что при постановкѣ вопроса о составѣ синодика на основаніи рукописныхъ данныхъ, необходимо взять за исходный пунктъ Мадридскій списокъ, какъ болѣе ранній. При этомъ считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что основная и древнѣйшая часть синодика, то-есть, въ данномъ случаѣ Мадридскій списокъ, неизмѣнно повторяется во всѣхъ болѣе младшихъ по происхожденію синодикахъ: въ Вѣнскомъ, Эскуріальскомъ и Русскихъ переводныхъ. Всѣ означенные списки представляютъ между собой лишь такія разности, которыя объясняются исключительно вѣкомъ ихъ редакціи. Московскій синодикъ хотя и представляетъ дополнителныя статьи противъ Эскуріальскаго, но только такія, которыя могли войти въ составъ его въ XIII и XIV вѣкахъ. Эскуріальскій противъ Вѣнскаго дополненъ лишь статьями, составленными въ царствованіе Мануила Комнина; Вѣнскій противъ Мадридскаго лишь прибавками, сдѣланными при Алексѣѣ I Комнинѣ. Итакъ, разсмотрѣнію можетъ подлежать Мадридскій списокъ, или составъ синодика первой четверти XI вѣка, иначе говоря, происхожденіе и составъ синодика въ первыя два столѣтія его существованія.

Составъ древнѣйшей редакціи синодика, въ которомъ недостаетъ

¹⁾ *Le Quien, Oriens christianus II, col. 751—754*; каталогъ преев. Пореврип (Труды Киевской Дух. Акад. июнь 1874) также показываетъ начало XI вѣка для этихъ патріарховъ.

многихъ частей, постепенно появляющихся въ позднѣйшихъ спискахъ, можетъ служить до нѣкоторой степени оправданіемъ взгляда на синодикъ, какъ на историко-литературный памятникъ, который слѣдуетъ изучать въ его редакціяхъ. Но нельзя думать, что редакція XI вѣка, названная нами основной въ условномъ смыслѣ, — пока не отыскано болѣе древней оригинальной или переводной редакція, — представляетъ собой тотъ видъ синодика, который уже не можетъ подвергаться дальнѣйшему анализу и въ которомъ нельзя открыть своей основы и своихъ наслоеній. Нельзя предполагать, что въ 842 году синодикъ читался въ томъ составѣ, въ какомъ сохранила его редакція XI вѣка, что онъ сразу приобрѣлъ устойчивость и ту какъ бы каноническую форму, которая дана древнѣйшею редакціей. Прежде всего находимъ возможные выдѣлить въ основной части синодика нѣкоторые элементы, отличающіе субъективную точку зрѣнія литератора или вѣрнѣе церковнаго оратора и чуждые объективности, безпристрастія и документальной точности, какими характеризуются официальные акты — соборные протоколы. Сюда относится, во первыхъ, такъ называемый прологъ. При внимательномъ его чтеніи легко увидѣть, что это по существу есть церковное слово, произнесенное въ храмѣ святой Софіи Константинопольской въ день недѣли православія. Какъ слово одного изъ авторитетнѣйшихъ церковныхъ учителей, вполне удовлетворяющее цѣли и случаю, оно составило одно цѣлое съ синодикомъ, хотя не могло принадлежать къ соборнымъ актамъ. Для доказательства этой мысли позволимъ себѣ анализировать нѣкоторыя мѣста пролога:

ἀλλ' ἡ μὲν εἰς Θεοῦ εὐχαριστία καὶ τοῦ θεοτοκίου κατὰ τῶν ἀντιπάλων τρεπίκων ἐν τοῦτοισι. τὰ δὲ γὰρ κατὰ τῶν ἰκονομαχοῦντων ἕληκα τε καὶ παλαίσματα ἕτερος ὁ λόγος καὶ λογογραφία διεφοροῦντα ἀγλάσι.

но убо еже въ Бога благодаренье и владычнее на сопротивнаго побѣjenje въ снхъ, а еже на иконоборствующиныхъ сътраданья же и борбы ино слово и слова списавье пространнѣше явить ¹⁾.

При чтеніи этого мѣста нужно различать вмѣстѣ съ составителемъ пролога: а) благодарность къ Богу по случаю побѣды надъ противниками, — благодарности и посвящено слово, на ней оно сосредоточивается; б) страданія, испытанныя православными отъ иконоборцевъ, то-есть, исторія иконоборческой борьбы, — этииъ ораторъ

¹⁾ Удерживаемъ переводъ древнѣйшаго русскаго переводнаго синодика Московской Синодальной Библіотеки.

не занимается въ настоящемъ словѣ, объ этомъ подробнѣе скажетъ другое сочиненіе и исторія. Ясное дѣло, что подобное выраженіе не могло имѣть мѣста въ соборныхъ актахъ, относящихся къ 842 году, что, напротивъ, это могло быть сказано уже много послѣ совершившихся событій.

Точно также и слѣдующее за приведеннымъ мѣсто пролога выдаетъ назидательную и поучительную цѣль, приличную церковной бесѣдѣ, обращенной къ молящимся, которые и названы „братіей“:

οἷα στήλη τιμὴ ἐκ μεγίστων λίθων συν-
ηρισμένη καὶ πρὸς ὑποδοχὴν γραφῆς
διουθετημένη ταῖς τῶν ἀδελφῶν καρδίαις
τὰς τε εὐλογίας αἱ ὀφείλονται τοῖς νομο-
φυλακοῦσι καὶ τὰς ἀράς δὲ αἰς ἑαυτοῦς
ὑποβάλλουσι οἱ παρανομῶντες, δικαίων τε
καὶ ὀφειλόμενον διανοηθῆμεν ἀναγράψαι.

якоже столпъ нѣкѣи великии ка-
меньи стисляемъ и сѣсташемъ и въ
удобю квиняему сложенъ въ брат-
нихъ сердцахъ, благословенъ же яже
должны суть закона хранящимъ и
клятвы же, ихъ же на ся возлагають
безаконующемъ, праведно убо и дол-
жно быти виѣнхоу списати.

Древній русскій переводъ здѣсь весьма неудаченъ, потому предлагаемъ новый: „мы сочли справедливымъ начертать на сердцахъ братіи какъ на нѣкоей колоннѣ, составленной изъ громадныхъ плитъ и приготовленной для изсѣченія надписи, съ одной стороны благословенія, какія приличны соблюдающимъ законъ, съ другой — клятвы, какимъ подвергаютъ себя преступники закона“.—Извѣстно, что упоминаемыя здѣсь εὐλογίαи и ἀραί представляли собой дѣйствительно наблюдаемые предметы. Въ церкви святой Софійи хранились громаднаыя плиты, на которыхъ были изсѣчены извлечения изъ постановленій вселенскихъ соборовъ и, между прочимъ, собора 842 года. Такимъ образомъ, можно полагать, что ораторъ заимствуетъ риторическій оборотъ отъ этихъ видимыхъ плитъ, желая начертать содержаніе надписей въ сердцахъ своихъ слушателей или братьевъ.

Тотъ же самый поучительный элементъ церковнаго слова замѣчается и въ редакціи древнѣйшей и основной части синодика. Вся часть его, безъ измѣненій встрѣчающаяся во всѣхъ спискахъ, то-есть, синодикъ состава XI вѣка, носитъ выразительныя черты авторства одного лица, при чемъ можно замѣтить и въ построеніи этой части планъ, начертанный въ прологѣ. Оставляя въ сторонѣ фактическій матеріалъ, то-есть, историческія имена и краткія догматическія положенія, которыя подъ перомъ православнаго писателя должны сохранять опредѣленный и болѣе или менѣе неизмѣнный характеръ, взглянемъ на такія мѣста текста, которыя, не относясь къ исторіи

и догматикѣ, могли оставить на себѣ слѣды личнаго авторства. Такого слѣдующее мѣсто:

αὐται ὡς εὐλογίαὶ κατέρων ἀπ' αὐτῶν
καὶ ἡμᾶς τοὺς υἱοὺς Σηλοῦντας αὐτῶν τὴν
εὐσεβίαν διαβαίνουσιν. ὡσαύτως δὲ καὶ
ἐπὶ τοῖς πατρολοίοις καὶ τῶν δεσποτικῶν
ἐντολῶν ὑπερόπτας καταλαμβάνουσι.

сія яко благословенія отечская
къ намъ синовомъ ревнующимъ тѣхъ
благочестыя проходить, такожде же и
клятвы отцедосадителемъ и владич-
никъ заповѣдей презирателя пости-
зають.

Составитель первой части синодика провѣлъ мысль, указанную въ прологѣ: написать въ сердцахъ слушателей благословенія соблюдающимъ законъ и клятвы преступающимъ. Согласно этой цѣли, въ синодикѣ идутъ сначала благословенія (αἰωνία ἢ μνήμη), а потомъ клятвы (ἀνάθεμα). Въ прологѣ рѣчь обращается къ братимъ, въ синодикѣ имѣется въ виду εὐσεβείας πλήρωμα. Не можетъ не обращать на себя вниманія еще то обстоятельство, что благословенія отцовъ, по выраженію приведеннаго мѣста, „переходятъ на насъ сыновъ ихъ, ревнующихъ благочестію ихъ“. Ясно, что тотъ, кто писалъ это, не былъ современникъ тѣхъ соборныхъ отцовъ, которые изрекли благословеніе борцамъ за православіе и анаѹему иконоборцамъ.

Характеромъ литературной обработки отличается слѣдующее мѣсто, предшествующее перечисленію именъ патріарховъ Германа, Тарасія и др.:

ἐπὶ τοῦτοις τοῖς τῆς εὐσεβείας κήρυκας
ἀδελφικῶς τε καὶ πατροποθῆτως εἰς δόξαν
καὶ τιμὴν τῆς εὐσεβείας ὑπὲρ ἧς ἡγωνί-
σαντο ἀνευφημοῦμεν.

о сихъ благочестыя проповѣдники
братскія же и отцежалательнѣ въ
славу и честь благочестыя, о немъ же
подвизашася, въспроповѣдуемъ.

Въ особенности выраженіе ἐπὶ τοῦτοις неумѣстно здѣсь въ той послѣдовательности, въ какой оно находится въ синодикѣ, и объясняется развѣ тѣмъ, что составитель не умѣлъ иначе связать обязательный матеріалъ, находившійся въ протоколахъ, съ собственной вставкой.

Далѣе, нельзя считать принадлежностью протоколовъ собора 842 года всю статью, которая предшествуетъ перечисленію именъ иконоборцевъ. Эта статья ¹⁾ касается тѣхъ противниковъ святыхъ иконъ, которые продолжали упорно держаться своего ученія и послѣ собора 842 года. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь подвергаются церковному отлученію тѣ, которые не вняли „отеческимъ увѣщаніямъ и внуше-

¹⁾ τοῖς ἐπιμένουσι τῇ εἰκονομασίᾳ σίρεσι, μᾶλλον δὲ τῇ υἱοτομίᾳ ἀποστασίᾳ...

ніямъ, ни согласному опредѣленію всей вселенской церкви⁴, то-есть, тѣмъ иконоборцамъ, которые появлялись послѣ собора 842 года, когда его постановленія были утверждены согласіемъ римскаго папы. Въ этой же статьѣ нельзя пропустить безъ вниманія необычное для IX вѣка выраженіе объ иконоборцахъ, что „они приложились къ іудейской и елліяской части“¹⁾. Въ IX вѣкѣ иконоборство выводили, какъ и справедливо, съ востока, приписывая его, между прочимъ, и еврейскимъ внушеніямъ, на иконопочтаніе же смотрѣли какъ на черту западную, характеризующую эллинизмъ²⁾. Позднѣе эллинизмъ сталъ приниматься какъ синонимъ языческаго, противоположнаго христіанской догматикѣ, и притомъ по связи съ философскими воззрѣніями Платона и Неоплатониковъ.

Приведенныя наблюденія надъ редакціей пролога и основной части синодика подтверждаются именами лицъ, удостоенныхъ провозглашенія вѣчной памяти и осуждаемыхъ. Въ ту и другую категорію введены лица, жившія въ концѣ IX, въ X и XI вѣкѣ. Правда, на это можно сказать, что въ синодикѣ могла наростать лишь серія именъ, всѣ же прочія части были уже готовыми, но мы уже видѣли, что и другія части не могутъ быть относимы по происхожденію къ 842 году.

Наконецъ, общій планъ дошедшей до насъ редакціи синодика позволяетъ усматривать въ ней литературную обработку не современника собора 842 года, а позднѣйшаго времени. Предположивъ начертать благословенія православнымъ и клятвы иконоборцамъ и не желая при этомъ ограничиваться перечисленіемъ именъ, составитель долженъ былъ изложить въ краткихъ и существенныхъ чертахъ, какъ церковное ученіе, такъ и то, которое поддерживаемо было еретиками и осуждено церковію, слѣдствіемъ чего было, что въ редакціи синодика допущенъ извѣстнаго рода параллелизмъ между статьями—положительною, гдѣ излагаются благословенія, и отрицательною, гдѣ провозглашается анаемиа. Эта повторяемость или параллелизмъ между статьями синодика можетъ привести къ любопытнымъ наблюденіямъ. Вслѣдъ за прологомъ идетъ изложеніе православнаго ученія о Богочеловѣкѣ, Богородицѣ и о поклоненіи святымъ иконамъ, раздѣленное на семь положеній, изъ конхъ каждое оканчивается возглашеніемъ „вѣчная память“.

¹⁾ ἀλλ' ἐφάπαξ αὐτοὺς τῆ τῶν Ἰουδαίων καὶ Ἑλλήνων μερὶδι καθυποβάλλοντες.

²⁾ Vita S. Nicephori ap. *Migne*, t. 100, c. 26. 42.

1) Исповѣдующимъ плотское пришествіе Бога-Слова словомъ, устами, сердцемъ и умомъ, писаніемъ и изображеніями.

2) Признающимъ во Христѣ при единствѣ ипостаси различіе существъ божескаго и человѣческаго.

3) Вѣрующимъ и доказывающимъ свои слова писаніями и дѣла изображеніями — для распространенія и утвержденія истины словами и изображеніями (иконами).

4) Приводящимъ слушателей чрезъ свое слово къ познанію, что при взглядѣ на святыхъ иконы освящаются очи видящихъ и возводятся умъ ихъ къ Богопознанію.

5) Исповѣдующимъ, что Святая Дѣва и по рождествѣ пребываетъ Дѣвою и изображающимъ Ее на иконахъ отроковицею.

6) Принимающимъ пророчества и апостольскія и отеческія преданія и согласно тому изображающимъ священные предметы на иконахъ.

7) Разумѣвающимъ слова Моисея о бестѣи Господа Бога на горѣ Хоривѣ и принимающимъ слова апостоловъ о томъ, что они ѣли и пили со Словомъ жизни какъ до страданія Его, такъ и послѣ страданія и воскресенія; получившимъ отъ Бога силу различать ветхозавѣтное обитованіе и благодатное ученіе, — невидимое въ первомъ, видимое и осязаемое во второмъ, и посему изображающимъ на иконахъ и поклоняющимся видѣнному и подверженному осязанію.

Затѣмъ слѣдуетъ заключительная статья ¹⁾, не имѣющая въ концѣ обычнаго провозглашенія „вѣчная память“ и по существу представляющая общій выводъ ученія православной церкви о поклоненіи и изображеніи на иконахъ Христа и святыхъ его угодниковъ.

Параллельно тому въ отрицательной части идутъ статьи съ провозглашеніемъ въ концѣ каждой „анаема“:

1) На словахъ принимающимъ тѣлесное домостроительство Бога Слова, но не допускающимъ изображенія онаго на иконахъ.

2) Умышленно настаивающимъ на реченіи „неописуемый“ ²⁾ и не допускающимъ изображенія на иконахъ Христа, приобщившагося одинаковой съ нами плоти и крови, и посему оказывающимся фанатистами.

¹⁾ Οἱ προφῆται ὡς εἶδον, οἱ ἀπόστολοι ὡς ἐδίδαξαν, ἡ ἐκκλησία ὡς παρέλαβεν.

²⁾ τοῖς τῷ ῥήματι τοῦ ἀπεριγράπτου καθὼς προσφυσμένοις... Отмѣчаемъ это мѣсто, какъ весьма неудачно переведенное въ Московскомъ синодѣ: „Иже глаголь неописаннаго злѣ прозябающихъ (?)“.

3) Принимающимъ пророческія видѣнія, но недопускающимъ явленннхъ ими изображеній и не принимающимъ иконъ вочеловѣчншаго Бога Слова и страстей Его за насъ.

4) Принимающимъ слова Моисея, но не допускающимъ изображеній на иконахъ всемірныхъ и спасительныхъ дѣлъ: земной жизни Христа, содѣянныхъ имъ исцѣленій, крестной смерти, погребенія и воскресенія.

5) Упорствующимъ въ иконоборческой ереси и не внимающимъ ни Моисееву закону, ни апостольскимъ поученіямъ, ни отеческимъ увѣщаніямъ и внушеніямъ, ни согласному голосу всей вселенской церкви, но подвергающимъ себя участи іудеевъ и эллиновъ.

Нельзя не признать, что въ положительной и отрицательной части центр тяжести сосредоточивается собственно на двухъ пунктахъ христіанской догматики: на тайнѣ вочеловѣченія Бога Слова и на соответствіи ветхозавѣтныхъ обѣтованій съ новозавѣтнымъ благодатнымъ исполненіемъ. Тайнство воплощенія и поклоненіе иконамъ составляетъ основной мотивъ богословской части въ разсматриваемой редакціи синодика. Если эти основныя положенія сопоставить съ Дѣяніями VII вселенскаго собора, то нельзя будетъ не признать, что первыя не составляютъ ни извлеченія, ни сокращенія вторыхъ. Въ разсматриваемой редакціи синодика есть элементы церковнаго ученія, выходяшіе изъ круга занятій отцовъ VII вселенскаго собора; словомъ, содержаніе синодика частію шире того, что должно было содержаться въ первоначальной его редакціи 842 года, частію же тѣснѣе; шире—потому что догматическіе вопросы разрѣшены были церковью не на VII вселенскомъ соборѣ, тѣснѣе—потому, что удѣлено мало мѣста иконоборческому элементу.

Могутъ быть указаны въ синодикѣ древнѣйшей редакціи такія статьи, которыя уже безъ всякаго сомнѣнія внесены или въ концѣ IX, или въ X вѣкѣ. Прежде всего, конечно, разумѣется рядъ патріарховъ (а также и царей), удостоенныхъ провозглашеніемъ вѣчной памяти. Нѣкоторыя имена, какъ патріарха Фотія, не могли найти мѣста въ синодикѣ безъ борьбы и колебаній. Хотя не можемъ согласиться съ высказываемымъ по этому вопросу мнѣніемъ Гергенрѣтера ¹⁾, будто до XIII и даже до XV вѣка Фотій не почитался святымъ, но не отрицаемъ, что замѣтны въ этомъ отношеніи довольно продолжитель-

¹⁾ *Hergenroether*, Photius Patriarch von Constantinopel, II, s. 719.

ныя колебанія. Первый документальный фактъ, свидѣтельствующій о признаніи за Фотіемъ авторитета отца и учителя церкви, относится къ 1156 году. На соборѣ, имѣвшемъ тогда мѣсто, приведены были мѣста изъ сочиненій Фотія на ряду съ святоотеческими мѣстами ¹⁾. Но, по всей вѣроятности, память Фотія начала прославляться въ церкви раньше этого времени.

Въ 920 году при патриархѣ Николаѣ Мистикѣ происходилъ соборъ, на которомъ разрѣшенъ былъ вопросъ о четверобрачїи царя Льва VI Мудраго. Въ заключеніи соборнаго опредѣленія, за многолѣтнемъ царемъ и патриарху Николаю, слѣдуетъ анаематствование всѣмъ тѣмъ, которые писали и говорили противъ патриарховъ Германа, Тарасія, Никифора и Меѳодія ²⁾. Здѣсь нужно бы ожидать, такъ какъ эта статья читается въ синодикахъ въ недѣлю православія, именъ и послѣдующихъ патриарховъ Игнатія, Фотія и Николая, съ присоединеніемъ анаемы тѣмъ, кто писалъ и говорилъ противъ нихъ; но этой прибавки въ текстѣ соборнаго опредѣленія не было. Правда, въ изданномъ у Цахаріа документѣ находимъ нѣкоторую путаницу: патриарху Николаю провозглашается многолѣтіе, а ниже то же имя упомянуто на ряду съ умершими его преемниками по патриаршеству, изъ коихъ послѣдній Антоній оставилъ патриаршую кафедру въ 979 году, но это объясняется тѣмъ, что въ нашемъ документѣ смѣшаны двѣ редакціи, одна 920, а другая 995 года. Что въ основѣ документа лежитъ редакція 920 года, видно изъ указанія лицъ и изъ изложенія обстоятельствъ дѣла ³⁾, а что въ соборномъ опредѣленіи 920 года не встрѣчаемъ при имени Фотія прибавки объ анаемѣ тѣмъ, которые противъ него писали и говорили, это можетъ служить доказательствомъ, что въ первой четверти X вѣка память Фотія не была еще очищена и что, такимъ образомъ, имя Фотія не могло встрѣчаться въ синодикѣ рядомъ съ Германомъ, Тарасіемъ, Никифоромъ и Меѳодіемъ до первой четверти X вѣка. Высказанныя соображенія находятъ себѣ подтвержденіе въ спискѣ того же соборнаго опредѣленія, хранящемся въ парижской національной библиотекѣ ⁴⁾. Хотя этотъ списокъ относится къ XII вѣку, ибо изъ царей

¹⁾ *Angelo-Mai*, *Spicilegium Romanum*, X, p. 38.

²⁾ *Zachariae*, *Jus Graecoromanum* III, s. 227—233.

³⁾ *Zachariae*, III, s. 228 οὐ πολὺ το ἐν μέσῳ, καὶ ὁ μὲν Ἀλέξανδρος ἐτεθνήκει ὁ δὲ Κωνσταντίνος τῆς βασιλείας κληρονόμος ἐτεθνήκει.

⁴⁾ *Supplementum Graecum*. № 407, fol. 122.

послѣднимъ упомянуть Алексѣй Комнинъ, а изъ патриарховъ Іоаннъ Иеронимонъ, умершій въ 1134 году, но въ основѣ его лежитъ соборное опредѣленіе 920 года, повторенное въ 995 году, что можно заключать изъ упоминанія о девятистолѣтней борьбѣ по вопросу о четверобрачїи ¹⁾. Въ этомъ спискѣ находимъ уже и статью, отлучающую тѣхъ, которые говорили и писали противъ Фотія. Итакъ, крайнія хронологическія указанія по отношенію къ имени Фотія могутъ привести къ заключенію, что подразумеваемая статья внесена въ синодикъ не раньше первой четверти X вѣка и не позже послѣднихъ годовъ того же вѣка. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ XI вѣка имя Фотія несомнѣнно уже пользовалось общепризнаннымъ въ церкви авторитетомъ, что видно, между прочимъ, изъ внесенія его имени въ древнѣйшую редакцію синодика. По вопросу объ очищеніи памяти патриарха Фотія позволимъ себѣ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

Послѣ низверженія Фотія греческая церковь на нѣкоторое время поступилась своими притязаніями, произведшими сильное охлажденіе между Римомъ и Константинополемъ. Но чрезъ нѣсколько поколѣній идеи Фотія снова находятъ себѣ защитниковъ и поборниковъ. Уже ученикъ и почитатель Фотія, патриархъ Николай Мистикъ, много могъ содѣйствовать очищенію памяти своего учителя. Сто лѣтъ спустя, патриархъ Сисиній буквально заимствуетъ изъ сочиненій Фотія свои возраженія противъ Рима и латинской церкви (995 годъ). То же самое повторяетъ его преемникъ, родственникъ Фотія, патриархъ Сергій, который рѣшился даже вычеркнуть имя папы изъ диптиховъ восточной церкви. Императоръ Василій II и патриархъ Евстаѣій дали полное выраженіе идеямъ Фотія, когда обратились къ папѣ Іоанну IX съ предложеніемъ ²⁾, чтобы онъ согласился уступить константинопольскому патриарху право именоваться въ своей области вселенскимъ подобно тому, какъ папа именуется вселенскимъ въ своей церкви. Послѣдующій патриархъ Михаилъ Кирулларій докончилъ дѣло Фотія, настоявъ весьма энергично на притязаніяхъ восточной церкви и не оставившись передъ полнымъ и окончательнымъ отдѣленіемъ отъ Рима. По всей вѣроятности, еще ранѣе возведенія его въ патриархи (1043 года) созрѣлъ планъ подчиненія Константинополю восточныхъ церквей и разрыва съ Римомъ. По по-

¹⁾ *Hergenroether*, III, s. 725.

²⁾ *Hefele*, *Conciliengeschichte*, IV, s. 726.

рученію Михаила болгарскій архієпископъ Левъ Охридскій составилъ знаменитое посланіе къ епископу Іоанну Травійскому, въ которомъ выставлены четыре заблужденія латинявъ: 1) употребленіе не кваснаго хлѣба въ евхаристіи; 2) постъ въ субботу — оба заблужденія разсматриваются какъ заимствованныя отъ евреевъ; 3) употребленіе въ пищу удавленныя; 4) пропускъ пѣнія „аллилуіа“. Оппозиція противъ латинской церкви поддержана была даже Студитами въ лицѣ Никиты Стивата ¹⁾. Вся эта борьба съ римскими заблужденіями основывалась на изученіи сочиненій Фотія, доказательствомъ чему служатъ то, что соборное опредѣленіе противъ латинской церкви 20-го іюля 1054 года дословно повторяетъ во введеніи энциклику Фотія ²⁾.

Въ связи съ статьей съ именемъ Фотія, мы должны выдѣлить изъ редакціи синодика 842 года еще нѣсколько иконоборческихъ именъ, внесенныхъ въ синодикъ позже утвержденія православія. Таково слѣдующее мѣсто:

Παύλῳ τῷ εἰς Σαῦλον ἀποστρέψαντι
καὶ Θεοδώρῳ τῷ ἐπικαλούμένῳ Γαστῆ
καὶ Στεφάνῳ τῷ Μηλίτῃ, εἶτι δὲ καὶ
Θεοδώρῳ τῷ Κριθίνῳ καὶ Δαλουδίῳ
τῷ Λέοντι καὶ πρὸς τοῦτοις εἰτις τοῖς
ἐκζημένοις ὁμοίως τὴν δυσέβειαν ἐξε-
ταζόμενος

Павла иже въ Савла развра-
тившагося и Θεодора именуемаго
Гастн и Стефана Молита, еще же
и Θεодора Криѳина и Далудія
Леонта, къ симъ же иже къ ре-
ченнымъ подобнѣ злочестію.. ис-
тязвнѣ

Этой статьей подвергается отлученію новая серія иконоборцевъ, которыхъ не могъ предвидѣть соборъ 842 года. Какъ будемъ имѣть случай указать, иконоборческій вопросъ не разъ поднимаемъ былъ яновъ послѣ утвержденія православія. Какъ ближайшимъ преемникамъ Меодія, такъ и болѣе отдаленнымъ приходилось снова обращаться къ авторитету соборному противъ новыхъ иконоборцевъ. Въ 869 году ³⁾, на восьмомъ засѣданіи VIII вселенскаго собора, обсуждалось, между прочимъ, иконоборческое дѣло. Тутъ встрѣчаемъ имя Θεодора Криѳина съ товарищами: елирикомъ Никитой, законовѣдомъ Теофаномъ и Теофиломъ. Соборъ предложилъ имъ анаематствовать

¹⁾ Стиватъ былъ ученикъ Симеона „новаго богослова“, котораго онъ почтилъ биографіей и стихотвореніями. О связи Паламитовъ съ идеями этого времени см. *Hergenröther*, III, s. 739; ср. Δημητράκοπουλος, *Bibl. ecclesiastica*, I, p. 5.

²⁾ *Hergenröther*, III, s. 761. Anm. 6.

³⁾ *Labbe*, *Concilia sacrosancta*, VIII, p. 1357.

иконоборческое учение, на что всё изъявили согласіе, кромѣ Θ . Крионна ¹⁾, который подвергся церковному отлученію вмѣстѣ со своими приверженцами ²⁾. На этомъ же соборѣ отлучены отъ церкви Павелъ, Теодоръ Гости и Стефанъ Милить. Такимъ образомъ, можно думать, что выписанная статья внесена въ синодикъ послѣ собора 869 года. Однако, здѣсь представляются нѣкоторыя затрудненія, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія. Уже на VII вселенскомъ соборѣ (засѣданіе седьмое) было проинесено осужденіе Теодору Крионну, архіепископу Сиракузскому ³⁾. Трудно, однако, допустить, чтобы на томъ и другомъ соборѣ имѣлось въ виду то же лицо, ибо нѣтъ вѣроятности, чтобы архіепископъ Сиракузскій 787 года дожилъ до 869 года. Затрудненія съ именемъ Θ . Крионна всего скорѣй устраняются тѣмъ предположеніемъ, что по ошибкѣ приписано тому и другому Теодору прозваніе Крионна. Итакъ, слѣдуетъ думать, что осужденный въ 869 году Теодоръ принадлежалъ къ младшему поколѣнію иконоборцевъ. Приписываемое ему вліятельное положеніе въ партіи можно понимать только въ томъ смыслѣ, если сравнивать его не съ тѣми еретиками, которые осуждены на VII вселенскомъ соборѣ или въ 842 году, а съ позднѣйшими, упомянутыми въ занимающей насъ статьѣ синодика.

Предыдущее изслѣдованіе убѣждаетъ, что основная часть синодика, сохранившаяся въ редакціяхъ первой четверти XI вѣка и повторенная въ позднѣйшихъ спискахъ, въ цѣломъ своемъ составѣ не можетъ быть разсматриваема ни какъ заимствованіе или сокращеніе изъ протоколовъ VII вселенскаго собора, ни какъ опредѣленіе собора 842 года. Въ этой редакціи замѣтна литературная обработка разнообразнаго матеріала, поучительный элементъ церковнаго слова и, наконецъ, историческіе факты, имена и намеки, указывающіе на происхожденіе ея скорѣй въ XI, чѣмъ IX вѣкѣ.—Все это приводитъ къ мысли, что синодикъ получилъ тотъ видъ, въ какомъ закрѣпила его древнѣйшая редакція, посредствомъ постепенной обработки и что въ IX и X вѣкахъ онъ находился еще въ процессѣ сложенья. Наша догадка о происхожденіи синодика находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ официальномъ указаніи и въ традиціи. Вопервыхъ,

¹⁾ ὁ ἕσχατος τῆς ἰκονοβουλικῆς αἰρέσεως.

²⁾ καὶ ἀνεγκρίτως Θεόδωρον τὸν Κριθινὸν ὁ σύνοδος πᾶσα καὶ τοὺς ἀδελφοὺς αὐτοῦ οὐ μόνον τοὺς ἴδιους, ἀλλὰ καὶ τοὺς τεθνηκότας.

³⁾ Labbe, VII, p. 576. Θεόδωρον τῶ Σираκουσῶν τῆς Συκίας τῶ ἐπιλεγόμενον Κριθίνῳ καὶ τοῖς ἀνακροατοῦσιν αὐτῶ.

на соборѣ, созванномъ царемъ Алексѣемъ Комниномъ для обсужденія мнѣній Льва Халкидонскаго о поклоненіи святымъ иконамъ ¹⁾, дважды дѣлались ссылки на синодикъ въ недѣлю православія, причѣмъ различается синодикъ VII вселенскаго собора отъ синодика поминальнаго и благодарственнаго ²⁾, въ которомъ подразумѣвается синодикъ изучаемой нами редакціи. Слѣдовательно, еще въ концѣ XI вѣка употребительны были двѣ редакціи: одна примыкала къ опредѣленіямъ VII вселенскаго собора, другая составлена позже, и эта поздняя съ теченіемъ времени возобладала надъ ранней.

Если въ концѣ XI вѣка были уже двѣ редакціи синодика, изъ коихъ одна была новая, другая древняя, то-есть, идущая отъ эпохи утвержденія православія, то очевидно, что древняя редакція, вытѣсненная постепенно новою, можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлена на основаніи находимаго у Монфокона извлеченія ³⁾. Къ сожалѣнію, она не представляетъ собой такого выразительнаго мѣста, которое бы прямо изобличало источникъ заимствованія. Въ немъ идетъ рѣчь о поклоненіи святымъ иконамъ, изображеннымъ или красками, или изъ мозаики, или изъ другаго вещества и объ употребленіи такихъ изображеній въ церквахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и доскахъ, въ домахъ и на дорогахъ. Но уже то обстоятельство, что этого мѣста нѣтъ въ сохранившихся спискахъ синодика, должно было заставить насъ искать его въ протоколахъ VII вселенскаго собора, такъ какъ, на основаніи хорошаго литературнаго преданія ⁴⁾, мы приведены были къ убѣжденію, что синодикъ, прочитанный въ 842 году, долженъ быть весьма близокъ къ означеннымъ протоколамъ. И дѣйствительно, въ изложеніи седьмаго засѣданія VII вселенскаго собора приведено буквально то мѣсто ⁵⁾, которое находимъ въ выдержкѣ, прочитанной на соборѣ, составленномъ царемъ Алексѣемъ I Комнинымъ.

¹⁾ *Montfaucon*, *Bibliotheca Coisliniana*, p. 107 (ex Cod. XXXVI fol. 307). Объ этомъ соборѣ подробнее будемъ говорить въ III главѣ.

²⁾ Ἀνεγνωσθη γὰρ ἀπὸ τοῦ ἐκ ἄρβωνος κατὰ τὴν κυριακὴν τῆς ὀρθοδοξίας ἀναγνωσκόμενου συνοδικοῦ τῆς ἐδόδοτος συνόδου ἢ περὶ τῆς τῶν ἁγίων εἰκόνων προσκυνήσεως ῥήσις... но приведеннаго дальнѣе извѣта нѣтъ въ синодикѣ древнѣйшей редакціи. *Montfaucon* p. 109 читаемъ: μετὰ ταῦτα ἀνεγνωσθη κεφάλαιον ἕτερον ἐκ τοῦ συνοδικοῦ τοῦ δευτέρου τῆς ἀναμνήσεως καὶ εὐχαριστίας τοῦ ἀναγνωσκόμενου ὁμοίως ἐκ ἄρβωνος. И приведенная затѣмъ статья дѣйствительно вѣдетъ изъ синодика.

³⁾ Она начинается словами: Ὁρίζομενος τὸν ἀκριβεῖα πάση καὶ ἐπιμελείᾳ παραπλήσιως τῇ τότῃ τοῦ τιμίου σπυριτοῦ ἀνατίθεσθαι τὰς σεπτὰς εἰκόνας

⁴⁾ О чемъ была рѣчь въ первой главѣ изсѣдованія.

⁵⁾ *Labbe*, VII p. 556.

Но изъ какихъ элементовъ состояла эта древнѣйшая редакція синодика?—Сообщенный Монфокономъ документъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій не можетъ дать, а потому намъ пришлось бы ограничиться указаніемъ факта, не сдѣлавъ изъ него выводовъ, если бы не присоединилось сюда еще нѣкоторыхъ наблюденій.

Въ той же рукописи, гдѣ имѣется древнѣйшій списокъ синодика (мадридскій, сообщенный намъ В. Э. Регелемъ), кромѣ обыкновенной новой редакціи, находится еще другая, представляющая рѣзкія отличія отъ первой ¹⁾. Судя по заглавію, это есть синодикъ собора 787 года, приспособленный къ эпохѣ утвержденія православія, но такъ какъ онъ сохранился въ спискѣ XVI вѣка и по языку страдаетъ большими недостатками, то мы ограничиваемся лишь изложеніемъ его. Синодикъ начинается прологомъ, который состоитъ въ изложеніи исторіи домостроительства Божія ²⁾. Совершивъ дѣло искупленія челоуѣва, Сынъ Божій основалъ на землѣ церковь, положивъ себя во главу ея. Но появились нѣкоторые мужи, имѣющіе внѣшность православія и облеченные саномъ епископскимъ, которые, составивъ сinedріонъ, оказались виновниками нечестивыхъ догматовъ и, пользуясь сквернымъ языкомъ, въ помощь которому служило перо, начали борьбу противъ Бога, называя православныхъ идолопоклонниками. Желая уничтожить живописаніе святыхъ иконъ, выскоблили тѣ изъ нихъ, которыя были сдѣланы изъ мозаики, и стерли такія, которыя были изъ воска, лишивъ благолѣпія честные храмы ³⁾, словомъ скверять, осквернили и смутили церковь и на мѣсто іерарховъ стали ересіархами, вмѣсто мира ввели вражду, вмѣсто хлѣба посылали въ церквахъ сорныя травы.—Когда такимъ образомъ ложь возобладала надъ истиною, не потерпѣли кротчайшіе и мужественные и православиѣшіе наши цари Михаилъ и Θεодора, чтобы въ ихъ время оставалось такое вредоносное и душепагубное заблужденіе, но рѣшились уничтожить его, лабы устроить на твердыхъ началахъ церковную систему

¹⁾ Національная Библіотека Cod. O. 2. fol 157. "Ἐτερος βρος τῆς ἀγίας καὶ οἰκουμένης ἐβδόμησ συνόδου τῆς ὑπὲρ Μιχαὴλ καὶ Θεοδώρας τῆς αὐτοῦ μητρὸς γυναικός.

²⁾ Начало "Ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἀπογενῆς θεοῦ καὶ λόγος τοῦ θεοῦ, τοῦ ἐκ φωτὸς φῶς.

³⁾ Καὶ χακοῦργιας ἔχοντες γυμνῶν χεῖρας ἀθεοσεύς ἐπέβαλον ἀφανίσαι οἰομένοι τὴν τῶν ἀσπῶν εἰκόναν ἀναζωγράφειν, καὶ ὅσα μὲν ἐκ ψηφίδος ὄντα ἐξώρυσαν, ὅσα δὲ ἐκ κεροῦ τοῦ ὑψιματουργίας λειπαντες, τῶν ἀσπῶν εἰκόναν τῆς εὐσεβείης εἰς ἀκοσμίαν μετέβαλον...

и положеніе всѣхъ своихъ подданныхъ и дабы царство ихъ управлялось мирно и было эпонимомъ мира и дабы согласовать насъ и соединить какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и относительно основанія жизни нашей, которое есть Христосъ ¹⁾... Почему приказали собрать священный сей и многочисленный соборъ въ семь царствующемъ городѣ, съ тѣмъ чтобы мы прекратили раздѣленіе церквей и привели къ единенію раздѣленное... мы ²⁾, послѣдуя апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ, единогласно по внушенію св. Духа и по постановленію семи вселенскихъ соборовъ, рѣшили во всемъ принимать святія иконы Господа Іисуса Христа, Богородицы, ангеловъ и всѣхъ святыхъ и подвиги ихъ изображать на доскахъ и на стѣнахъ, на священныя сосудахъ, какъ изъ древности приняла это святая церковь, не принимающихъ же святія иконы святой и вселенскій соборъ отлучаетъ ³⁾. Посему и произносимъ здѣсь отлученія: Симону магу и Манесу, Арію и Македонію, Аполлинарію, Несторію, Евстахію и Діоскору, Оригену, Дидиму и Евагрію, Сергію, Гонорію, Пяру. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ положеній противъ иконоборцевъ, которыя одинаково встрѣчаются какъ въ дѣяніяхъ VII вселенскаго собора, такъ и въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ синодика въ недѣлю православія ⁴⁾. Изъ иконоборцевъ подвержены были отлученію: Θεодосίη, Σισιννίη Πατίλλα, Βασιλίη, Κωνσταντίνη и Ιωάννη. Такъ какъ въ протоколахъ VII вселенскаго собора послѣднимъ изъ отлученныхъ названъ Κωνσταντίνη, то прибавка имени Ιωάννα указываетъ еще разъ на приспособленіе этихъ протоколовъ къ эпохѣ утвержденія православія.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ документомъ, носящимъ въ оглавленіи имя Θεодоры и Μιχαηλα и передающимъ содержаніе соборнаго опредѣленія въ періодъ

¹⁾ Здѣсь мы находимъ любопытные слѣды времени происхожденія этой редакціи синодика. Если читатель обратитъ вниманіе на подчеркнутое мѣсто καὶ τὸ βασιλεὺς αὐτῶν ἐπισημασθῆναι ἐπιτηδεῖται, то онъ пойметъ, что здѣсь разумеется царствованіе Ирины. Что выше однако поставлены имена Θεодоры и Μιχαηλα, а не Ирины и Κωνσταντίνης, служить доказательствомъ, что документъ эпохи Ирины примѣненъ былъ къ эпохѣ утвержденія православія не вполне и послѣдовательно.

²⁾ Глагольные формы слѣдуютъ въ 1 л. множ. числа.

³⁾ Καὶ τὸ ἀνάθεμα σὺδὲν ἕτερον ἢ ὑφ' ἡμῶν ἀπὸ τοῦ Θεοῦ.

⁴⁾ Это суть краткія положенія, которыя начинаются словами: τοῖς ἐκκλησίαισι, τοῖς ἀποστόλοις, τοῖς ἁγίοις, τοῖς κοίνοις, τοῖς τοῦ σώματος;—ихъ можно читать въ протоколахъ пр. *Labbe* VII р. 552 и въ синодикѣ въ недѣлю православія.

утверждения православія, не можетъ ли мы разсмотрѣть этотъ документъ какъ первоначальную редакцію свовода, вытѣсненную утвержденьемъ новой редакціей, бесспорно болѣе совершенной и позднѣею? Къ сожалѣнію, нельзя дать на это положительнаго отвѣта, пока не отыщется редакция свовода X вѣка.

Изъ того, что мы знаемъ о соборіахъ 843 года, можно думать что свидѣтъ, прочитанный въ первый разъ при утвержденіи посланія, долженъ былъ обратиться на постановленія VII общаго собора. Приведенный документъ изъ этого отношенія имѣетъ дѣло со содержаніемъ изъ нѣкоторыхъ частей, включенныхъ въ протоіудіаль VII вселенскаго собора. Именно онъ содержитъ послѣ Премы и Константина изъ отдала собора и тамъ, гдѣ полагаются опредѣленія собора и абсолютнаго и относительнаго еретическаго и ересьорядка ¹⁾. Такимъ образомъ, если онъ не можетъ открытъ безъ оригинальной или переводной редакціи X вѣка, то во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ членовъ частей первоначальнаго свода IX вѣка.

Согласованная же съ древнѣйшихъ списковъ редакція имеетъ редакцію XI вѣка. На основаніи анализа приведенныхъ частей свода не трудно изъяснить, что эта редакция имѣетъ характеръ некоего естественнаго изрѣзанія первоначальнаго свода, свойственнаго процессу проработки. Не удалось бытъ въ изданный нами свѣтъ нѣсколько членовъ редакціи X вѣка, принадлежатъ право къ первоначальной редакціи. Существованіе редакціи X вѣка, если она была, обнаруживается изъ нѣкоторыхъ или изъ нѣсколькихъ членовъ. Это касается нѣсколькихъ членовъ, включенныхъ въ редакцію XI вѣка и нѣкоторыхъ членовъ редакціи X вѣка, относящихся къ процессу проработки. Если предположить, что нѣкоторые члены редакціи X вѣка принадлежатъ къ первоначальной редакціи, то нѣтъ сомнѣній, что нѣкоторые члены редакціи X вѣка принадлежатъ къ первоначальной редакціи. Если предположить, что нѣкоторые члены редакціи X вѣка принадлежатъ къ первоначальной редакціи, то нѣтъ сомнѣній, что нѣкоторые члены редакціи X вѣка принадлежатъ къ первоначальной редакціи. Если предположить, что нѣкоторые члены редакціи X вѣка принадлежатъ къ первоначальной редакціи, то нѣтъ сомнѣній, что нѣкоторые члены редакціи X вѣка принадлежатъ къ первоначальной редакціи.

заглавіемъ: „Письмо Никейскаго собора въ святой александрійской церкви“, хотя противъ подобнаго заглавія говоритъ и форма, и содержаніе напечатаннаго документа, что и доказано было еще въ началѣ XVIII вѣка ¹⁾). Издатель Патрологіи аббатъ Минь, на основаніи указаній Фабриція-Гарлеса, напечаталъ этотъ документъ подъ именемъ М. Кируларія, ни словомъ не обмолвившись о томъ, что онъ тождественъ съ синодикомъ. По существу же и мовфоконовское „письмо“ и „проповѣдь“, есть ничто иное, какъ занимающій насъ синодикъ въ недѣлю православія. Что касается хронологіи проповѣди, то, по упоминаемымъ здѣсь съ провозглашеніемъ вѣчной памяти царямъ и царицамъ, а равно патриархамъ, трудно придти къ точнымъ заключеніямъ, потому что серія царей доведена до 1041 года, а патриарховъ до конца X вѣка ²⁾). Приводимыя у Миня соображенія въ пользу того, что проповѣдь могла быть произнесена въ 1044 году или немного позднеѣ, основываются на странномъ недосмотрѣ, будто императрица Зоя упоминается между живыми ³⁾). Окончательному приуроченію новой редакціи синодика Михаилу Кируларію препятствуетъ то обстоятельство, что мадридскій списокъ, заключающій въ себѣ эту редакцію, нѣсколькими годами старше 1050 года. Правда, здѣсь можно было бы замѣтить, что М. Кируларій могъ произнести свою проповѣдь равнѣ возведенія въ патриархи, что несоответствіе въ серіи патриарховъ и царей въ проповѣди заставляетъ подозрѣвать или пропускъ или приписку въ текстѣ, но эти догадки должны быть проверены дальнѣйшими наблюденіями по рукописямъ. Вѣрнымъ пока можемъ считать то, что новая редакція синодика возникла изъ церковнаго слова и что это слово сказано около половины XI вѣка.

2. Русскій переводный синодикъ.

Вопросъ о Русскомъ переводѣ Греческаго синодика заслуживаетъ серьезнаго вниманія и ожидаетъ еще для себя широкой научной по-

¹⁾ *Fabricii*, *Bibliotheca graeca* (ed. Harles) XI p. 197; *Migne*, *Patrologia Graeca* t. 120 p. 722—723.

²⁾ Такъ какъ „проповѣдь“ есть въ сущности моноконовскій списокъ синодика, то связанное выше о хронологіи этого списка имѣетъ отношеніе и къ проповѣди.

³⁾ О Зое говорится (*Migne* 120 p. 732) Ζῶης τῆς ἀβελβεστατῆς Αὐγούστου καὶ τριμαχαρίστου, αἰώνια ἡ μνήμη, а какъ она умерла въ 1050 году, то очевидно, что проповѣдь составлена позднеѣ.

становки. Въ Русской литературѣ онъ затронуть въ сочиненіи протіеря К. Т. Никольскаго и въ рецензіи на это сочиненіе протіеря М. И. Горчакова ¹⁾. Но какъ оба почтенные исследователя о византійскихъ элементахъ синодика могли судить лишь по печатнымъ текстамъ, а слѣдовательно лишены были возможности приблизиться къ сравнительному изученію греческой и русской редакціи, то мы считаемъ умѣстнымъ и неизлишнимъ рассмотреть этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ.

Какъ извѣстно, очень древнихъ списковъ русской переводной редакціи не отыскано, но вмѣстѣ того на русской почвѣ исследователя ожидаетъ неизмѣримое богатство списковъ XVII и XVIII столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, если ограничиться только тѣмъ матеріаломъ, который представляетъ по части синодиковъ Императорская Публичная Библіотека, гдѣ находится до сорока списковъ, да присоединить сюда рукописное собраніе покойнаго графа А. С. Уварова, въ которомъ есть 25 списковъ, то уже этотъ матеріалъ былъ бы достаточно для того, чтобы выдѣлить въ литературѣ русскихъ синодиковъ нѣсколько группъ или изводовъ и каждую изъ нихъ изучить въ отдѣльности. Въ русскихъ синодикахъ прежде всего должны быть выдѣлены и самостоятельно обследованы византійскіе и русскіе элементы. Такая потребность вызывается самымъ существомъ матеріала, такъ какъ въ основѣ русскихъ синодиковъ значительное мѣсто принадлежитъ древнѣйшей редакціи греческаго синодика. Но затѣмъ идутъ различія, которыя не ограничиваются краткостью или полнотой редакціи. Русская группа синодиковъ развиваетъ особенный видъ или типъ, образца котораго мы не встрѣчали между сохранившимися византійскими синодиками. Весьма вѣроятно, что та канва, по которой разрабатывается оригинальная русская группа, получила литературное значеніе не ранѣе эпохи завоеванія Византіи Османами. Не лишено значенія и то обстоятельство, что большинство списковъ русской группы представляетъ собой не исключительно знаменіе побѣды государственной и церковной власти надъ политическимъ и религіознымъ иномысліемъ, но также даетъ мѣсто и выраженіе нравственно воспитательнымъ элементамъ и національнымъ тенденціямъ. По способу обработки указанныхъ элементовъ русская группа распадается

¹⁾ Никольскій К., Анаематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. С.-Петербургъ 1879; Горчакова, М. И. Отчетъ о 23 присужденіи награды графа Уварова.

на нѣсколько особыхъ изводовъ или оттѣнковъ. Чтобы не смѣшивать различные типы, мы предполагаемъ сначала разсмотрѣть греческіе элементы въ русскомъ синодикѣ.

Первое мѣсто между переводными русскими синодиками долженъ, по всей справедливости, занимать Московскій синодальный № 667. Это есть древнѣйшій переводный съ греческаго синодикъ, сдѣланный со списка XIV вѣка и восходящій по своей основной части къ эпохѣ независимаго греческаго царства. Палеографическія и историческія данныя приводятъ къ убѣжденію, что главная часть Московскаго синодика переведена до 1450 года.

Московскій синодикъ писанъ на пергаменѣ въ 4 доли листа, снабженъ бархатнымъ краснымъ переплетомъ, лицевая сторона котораго имѣетъ серебряный окладъ и изображеніе Пресвятой Троицы, почему и названъ Снегиревымъ Троицкой книгой; заключаетъ онъ въ себѣ 126 листовъ. Къ особенностямъ его нужно отнести разнообразіе матеріала, выражающееся то въ тонкой, то въ болѣе грубой выдѣлкѣ пергамена, и въ различіи почерковъ и способовъ письма. Формальныя наблюденія, сдѣланныя нами надъ этимъ синодикомъ, заключаются въ слѣдующемъ. Первый листъ, на которомъ можно прочесть „каѳисма I“, вложенъ въ синодикъ изъ другой рукописи и не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Листы 2—3 и по матеріалу, и по письму слишкомъ замѣтно отличаются отъ послѣдующихъ. Матеріалъ хуже выдѣланъ, письмо или конца XVI или начала XVII вѣка,—видно, что эти листы вшиты въ переплетъ впоследствии. Указанные листы по содержанію представляютъ слѣдующее: Благовѣрному и благородному и христіюлюбивому богу избранному и богу почтенному и богу возлюбленному и богу хранимому державному государю нашему царю великому князю Михаилу Ѳеодоровичу владимірскому и московскому ¹⁾, новгородскому и казаньскому и астраханьскому ²⁾ и всея Руси самодержца многа лѣта.

Преосвященному господину нашему Діонисію митрополиту всея Русси, многа лѣта.

Благовѣрной и христіюлюбимой царицы великой княгини Маріе Иринѣ Ѳеодоровнѣ ³⁾ Іоанновича, многа лѣта.

Благовѣрному и благородному и христіюлюбивому царевичу Іоанну Ивановичу, многа лѣта.

¹⁾ Москову въ рукописи.

²⁾ Последній титулъ на сторонѣ.

³⁾ При чемъ сверху „Васильеве“.

Благовѣрной и христолюбивой царицы княгини Θεодосеи царице Ивана Ивановича, многа лѣта.

Благовѣрному и христолюбивому князю Влади́миру Андреевичу многа лѣта ¹⁾).

И всѣмъ православнымъ христіаномъ, многая лѣта.

Святая Троице, прослави тѣбѣ... слѣдуетъ заключительная часть синодика греческой редакціи.

л. 4. Заповѣдь святого и великаго всея вселенныя никейскаго седьмаго собора. Благослови Владыко.

Синодикъ.

Должное къ Богу лѣтное благодареніе, и проч. Тотъ матеріалъ и тотъ почеркъ, которымъ написанъ листъ 4, долженъ быть отнесенъ къ матеріалу и почерку основной и древнѣйшей части синодика. Эта древнѣйшая часть, составляющая переводъ греческаго текста, собственно и есть матеріалъ какъ для сравнительнаго изученія синодиковъ греческой и переводной на русскій языкъ редакціи, такъ и для выводовъ о составѣ того списка, съ котораго сдѣланъ славянскій переводъ. Нужно замѣтить, что только $\frac{1}{4}$ московскаго синодика представляетъ собой произведеніе 15-го вѣка, притомъ и въ этой сравнительно небольшой части находимъ позднѣйшія вставки и приписки. Въ частности, на оборотѣ 25-го листа, статья: „Въ водящихъ о неизреченомъ плотскомъ смотреніи“ и составляющая переводъ греческой „Τοῖς ἀιδάτοις ἐπὶ τῆς ἀρρήτου ἀναárου οἰκονομίας“ собственно заканчиваетъ собой воспроизведеніе греческаго оригинала или же предполагаетъ въ немъ пропуски. Между прочимъ, совершенно выпущены статьи противъ I. Итала.

л. 26 начинается статью „Иже не со всякимъ благоговѣнемъ“, соотвѣтствующею греческой „Τοῖς μὴ μετὰ πάσης εὐλαβείας“. Но половина лицевой стороны этого листа и вся оборотная остались не записаны; на л. же 27-мъ прямо слѣдуетъ анаэематствованіе Анастасію, Константину и прочимъ. Изъ этого можно выводить два заключенія: или что въ московскомъ синодикѣ тутъ пропускъ нѣсколькихъ листовъ, или же что оригиналомъ для него служилъ списокъ безъ дополненій, внесенныхъ въ XI и XII вѣкахъ. Но какъ въ дѣй-

---

¹⁾ Вся имена, за исключеніемъ послѣдняго, писаны по подлинному. Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально стояло имя царя Ивана Грознаго.

ствятельности въ московскомъ синодикѣ, и именно въ древнѣйшей его части, замѣтны признаки греческаго синодика 14-го вѣка. то нужно остановиться на томъ предположеніи, что оригиналъ былъ не полный.

На оборотѣ 30-го л., послѣ статьи противъ Варлаама и Акиндина, осталось незаписанное мѣсто, на которомъ рукой 17-го вѣка внесена русская статья: „Новіи еретици“ и проч. Также новой рукой записанъ и л. 31-й, на концѣ оборотной стороны коего читается: „Григорію святѣйшему митрополиту селувьскому иже съборнѣ посредѣ великіи церкве“; это есть начало статьи противъ Варлаама и Акиндина, продолженіе которой, писанное рукой 15-го вѣка, читается на 32-мъ л. Отсюда можно выводить, что писецъ 17-го вѣка старался пополнить московскій синодикъ, такъ какъ ясно, что написанное имъ на оборотѣ 31-го л. приложено къ содержанію изложеннаго на 32-мъ л. Древнѣйшая рука синодика оканчивается на оборотѣ 34-го л. на статьѣ возгласенія вѣчной памяти патріархамъ. Изъ того обстоятельства, что послѣдними патріархами упомянуты Исаія, Исидоръ и Каллистъ, можно съ полной вѣроятностью заключить, что греческій оригиналъ, съ котораго сдѣланъ нашъ переводъ, восходитъ къ половинѣ 14 вѣка; листы 36 — 38 съ перечисленіемъ греческихъ патріарховъ и митрополитовъ, а равно русскихъ митрополитовъ, кончая Филипомъ, написаны рукой 16-го вѣка. Начиная съ 39-го л. идетъ новѣйшее письмо. Здѣсь уже вполне русскіе элементы: поминовеніе митрополитовъ и епископовъ, игуменовъ, великихъ князей и княгинь, царей и царицъ, удѣльныхъ князей и женъ ихъ. Эта часть вполне переходитъ въ поминникъ. Здѣсь находимъ имена убитыхъ отъ Тохтамыша, Едигея, отъ Мамая, отъ Литвы, отъ татаръ, синодикъ погибшихъ отъ пожаровъ, наводненій и проч.

На л. 85 синодикъ представляетъ любопытное отклоненіе, которое можетъ служить явнымъ признакомъ, что основная часть его старше эпохи турецкаго завоеванія. „Православному царю Константину цареградскому поборавшему по Христовѣ церкви и за святыи Царьградъ и за православное христіанство скончавшемуся отъ безбожныхъ турковъ, вѣчная память“.

„Благочестивымъ царемъ греческимъ и вселенскимъ патріархомъ и святѣйшимъ митрополитомъ и боголюбивымъ архіепископомъ и епископомъ и преподобнымъ архимандритомъ и игуменомъ, священникомъ, инокомъ, іереемъ и инокинямъ, и всѣмъ купно православнымъ великаго православнаго греческаго самодръжства, прежде

преставившихся, а нынѣ грѣхъ ради нашихъ въ взятѣе се Цариграда отъ безбожныхъ турковъ избѣженнымъ еже за Христа и въ полонъ ведами и отъ тѣхъ безбожныхъ нужною смертію умрѣвшимъ и въ мори истопшимъ, тѣмъ всѣмъ православнымъ христіаномъ вѣчная память⁴.

Л. 87 и слѣд. занимаетъ синодикъ погибшихъ въ войнахъ: подъ Казанью, отъ нахождения безбожнаго царя Ахмета въ городкѣ Алексинѣ, въ Литвѣ, на Озернѣ рѣкѣ отъ татаръ, на Ведроши, подъ Оршею, на брѣзѣ Оки рѣки, на Костромѣ.

Л. 101—126 О лѣтнемъ хожденіи въ Казань и о ваятіи Казанскомъ,—синодикъ убитыхъ въ этомъ походѣ.

Изъ изложеннаго ясно, что русскихъ элементовъ въ разсматриваемомъ синодикѣ въ три раза больше, чѣмъ греческихъ, взятыхъ изъ оригинала. Это могло бы наводить на мысль, что русская часть синодика сама по себѣ заслуживаетъ особаго изученія. М. И. Горяковъ¹⁾ говоритъ о нашемъ синодикѣ: „Книга эта — кладъ для церковныхъ археологовъ и литургистовъ. Въ ней все замѣчательно: и вѣднность ея—матеріалъ и способъ переплета, матеріалъ, на которомъ написана, способъ какъ составлена, и каждая строка ея какъ по содержанію, такъ и по письму. Она заслуживаетъ самаго внимательнаго и подробнаго описанія и даже фотографическаго изданія, не только для исторіи чина православія, но и для русской исторіи вообще, церковной и гражданской, для археологій, палеографіи, генеалогіи, для исторіи языка и литературы“. Мы думаемъ, что въ этихъ словахъ есть доля преувеличенія, во всякомъ случаѣ, должны отнести значительнѣйшую часть содержанія московскаго синодика къ отдѣлу поминниковъ, и съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ опредѣляемъ значеніе его. Къ синодику же можно предъявлять другія требованія, которыми удовлетворяетъ какъ греческая редація, такъ нѣкоторые славянскія. Синодикъ есть прежде всего страничка изъ исторіи вѣрованій, картина по исторіи культуры народа. Греческій синодикъ представляетъ въ этомъ отношеніи весьма выдающіяся стороны духовной жизни византійскаго государства, въ немъ нашли выраженіе самыя крупныя проявленія мысли и изученія. Онъ носитъ на себѣ слѣды борьбы изъ за идеи, борьбы, которая велась не только на богословскомъ поприщѣ, но и на философскомъ. Если мы перенесемъ съ подобными же запросами къ русской части московскаго синодика,

¹⁾ Отчетъ, стр. 35.

то должны будемъ сознаться, что онъ далеко не претендуетъ дать материалъ для культурной исторіи Россіи.

Теперь уже извѣстно, и главнѣйше на основаніи исследованийъ отцовъ Никольскаго и Горчакова, — что въ нашихъ архивахъ и библиотекахъ хранится весьма значительное количество рукописныхъ синодиковъ¹⁾. Изъ этого можно убѣдиться, что окончательнаго заключенія о русскомъ элементѣ въ синодикахъ возможно ждать отъ того ученаго, который бы рѣшился вновь пересмотрѣть рукописи синодиковъ соборныхъ и приходскихъ церквей, распредѣливъ бы ихъ по категориямъ и обозначилъ бы заключающіяся въ нихъ статьи. Съ своей же стороны мы должны признать, что тѣ свѣдѣнія о рукописныхъ синодикахъ, которыя даетъ отецъ К. Никольскій, не способствуютъ къ облегченію задачъ изслѣдователя. Къ какой, въ самомъ дѣлѣ, категоріи слѣдуетъ отнести Новгородскій синодикъ № 1058? Что заключать изъ такого описанія его содержанія, какъ нижеслѣдующее: Анаѳематствованія въ синодикѣ сперва тѣ же, которые въ печатныхъ постныхъ тріодяхъ и въ Троицкой книгѣ, именно: иконоборцамъ Анастасію, Константину, Никитѣ и т. д., еретикамъ Геронтію и Константину Вулгарійскому, потомъ опять иконоборцамъ, затѣмъ краткое анаѳематствованіе, а не то, которое въ печатныхъ Постныхъ Тріодяхъ, Варлааму и Акиндину. Въ немъ упоминается большее число именъ еретиковъ, нежели то видимъ въ Троицкой книгѣ. — Всѣ эти данныя слишкомъ недостаточны для опредѣленія типа синодика и главнымъ образомъ потому, что отмѣчаютъ не отличительныя черты рассматриваемой рукописи, а общія. Въ характеристикѣ Новгородскихъ синодиковъ №№ 1059 и 1060, въ особенности послѣдняго, составляющаго рѣдкій типъ полнаго византійскаго синодика, въ которомъ находятся и статьи противъ І. Итала, и статьи на объясненіе словъ: „Отецъ мой болій мене есть“ и русскія статьи: противъ Отрепьева, Акиндинова, Аввакума, Лазаря, Степьянъ Разина — недостаетъ также весьма существеннаго элемента, именно указанія на то, не измѣнился ли составъ русскаго синодика подъ вліяніемъ знакомства съ печатными греческими тріодами; составлялись ли оригинальныя русскія статьи по типу византійскаго синодика, или же, наоборотъ, въ русскихъ ре-

¹⁾ Въ библиотекѣ графа Уварова число синодиковъ доходитъ до 25, въ императорской до 6, есть синодики въ Румянцевскомъ музеѣ, два въ библиотекѣ Сергіевской лавры, не говоря уже о богатомъ собраніи синодиковъ въ Императорской публичной библиотекѣ.

даціяхъ можно обнаружить признаки національныхъ русскихъ политическихъ и церковныхъ тенденцій.

Мы имѣемъ основанія полагать, что въ разнообразіи русскихъ редакцій синодика едва ли участвовало то начало, на которое указалъ отецъ Никольскій: воля епархіальнаго архіерея ¹⁾). Мы слышали отъ очевидцевъ, посѣщавшихъ въ недѣлю православія одну соборную церковь Новгородской губерніи, которые увѣряли, что тамъ доселѣ читается синодикъ по новгородцамъ, навшимъ отъ руки царя Ивана. Что въ одни синодики вносились полная греческая редакція, въ другія нѣтъ; что въ однихъ синодикахъ встрѣчалось обиліе русскихъ статей, въ другихъ, напротивъ, очень мало,—это нужно признать довольно существеннымъ фактомъ въ литературѣ синодиковъ, который обуславливаетъ собой вопросъ объ изводахъ или редакціяхъ. Къ сожалѣнію, изслѣдователю почти невозможно ориентироваться въ этомъ вопросѣ на основаніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя сообщены отцомъ Никольскимъ объ изученныхъ имъ спискахъ синодика. По нашему мнѣнію, это остается задачей для будущаго изслѣдователя русскихъ синодиковъ.

Въ XVI столѣтіи должна была влиться новая и живая струя въ литературу синодиковъ. Въ настоящее время съ разныхъ сторонъ получаютъ болѣе и болѣе убѣдительные признаки, свидѣтельствующіе, что московское государство въ XVI вѣкѣ выработало и обосновало извѣстную фикцію о Москвѣ — третьемъ Римѣ и о главенствѣ среди православнаго міра. Въ Москву пріобрѣтаются греческія святини, составляются житія московскихъ святыхъ, вырабатывается придворный и церковный чинъ по подобію такого же чина въ греческомъ царствѣ,—указанная политическая и церковная тенденція возстановить въ Москвѣ православное греческое царство не могла не найти себѣ выраженія и въ переработкѣ синодика, какъ памятника торжествующаго православія.

Весьма любопытно, что эта новая политическая и національная тенденція выразилась въ редакціи Новгородскаго синодика XVI вѣка. Не должно, впрочемъ, удивляться, что Новгородъ теоретически обставляетъ идею, которую осуществляетъ въ практической жизни Москва. Въ Новгородѣ въ первый разъ изложена въ литературной формѣ и теорія о Москвѣ—третьемъ Римѣ; Москва приняла эту теорію и пыталась провести на практикѣ.

---

¹⁾ Никольскій, Анаематствованіе, стр. 86.

Можетъ быть, Новгородъ вообще былъ сильнѣе Москвы политической организаціей, теоретическими построениями, Москва же слишкомъ погружена была въ практическую дѣятельность и считала постыднымъ „приобрѣтать цѣломъ то, что можно было добыть кровью“. Какъ бы то ни было, прекраснымъ выраженіемъ политическихъ и церковныхъ тенденцій Россіи въ православномъ мірѣ, тенденцій, оправдываемыхъ запускомъ греческаго царства, остается новгородская редакція синодика.

Новгородскій синодикъ Императорской публичной библиотеки ¹⁾ написанъ на пергаменѣ, въ 4-ю долю листа въ XVI вѣкѣ. Къ сожалѣнію, онъ находится въ весьма жалкомъ состояніи: недостаетъ начала, много пропусковъ въ серединѣ и—что главное—перемѣшанъ при переплетѣ до невѣроятной степени. Не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ синодикъ былъ переписываемъ и имѣетъ копию, вѣроятно также и то, что копию его нужно искать между новгородскими синодиками. Хотя отцу К. Никольскому извѣстно нѣсколько списковъ новгородскаго синодика, но вслѣдствіе указанныхъ выше недостатковъ его описанія, намъ нельзя навѣрное сказать, какая изъ нихъ можетъ считаться копіей съ синодика XVI вѣка. Между тѣмъ, это въ высшей степени важно въ виду особой оригинальности редакція занимающаго насъ списка.

Первый листъ начинается словами: „брата его сынъ Калитинъ же. Благовѣрному и христіюбивому великому князю Ивану Ивановичу Владимірскому и Новгородскому и всея Руси вѣчная память ²⁾. Благовѣрному и христіюбивому великому князю Дмитрію Ивановичу Володимерскому и Новгородскому и всея Руси, вѣчная память“.

При нѣкоторомъ знакомствѣ съ синодиками можно съ точностью сказать, что первый листъ долженъ составлять ту часть обыкновеннаго синодика, которая слѣдуетъ за переводной съ греческаго и которою начинаются провозглашенія вѣчной памяти умершимъ великимъ князьямъ ³⁾. Нѣсколько слѣдующихъ листовъ занято перечисленіемъ именъ.

Л. 8. Великомъ Новѣградѣ святыя Софїи премудрости Божїи соборныя церкви создателемъ вѣчная память.—Эту приписку Новгородскихъ синодикомъ отмѣтилъ и о. К. Никольскій по отношенію къ № 1060.

¹⁾ F. n. IV. 1.

²⁾ На сторонѣ золотомъ: возгласъ доньской.

³⁾ См. Древняя Росс. Визлѣвка, ч. VIII, стр. 30.

На оборотѣ л. 10. Благовѣрному князю Владимиру Великоперьскому идола поправшему и просвѣтившему великую Пермь святымъ крещеніемъ, вѣчная память. Стефану королю угорскому, вѣчная память. Блаженному Петру царевичу, иже поправшему скверну и богомерзкую татарскую вѣру, и пришедъ въ Ростовъ и крестися и монастырь созда святыхъ апостолъ Петра и Павла, еже есть и доннѣ... На оборотѣ 15 листа оканчивается перечень великихъ князей и княгинь. Последнею упомянута Марѣя: благовѣрной и христілюбивой царицѣ и великой княгинѣ Марѣѣ Ивановѣ Васильевича, вѣчная память.

Л. 16. Всѣмъ православнымъ царемъ грецкимъ иже по благочестію поборовшимъ имъ, вѣчная память. Слѣдуетъ очень полный перечень цареградскихъ патріарховъ, затѣмъ антиохійскихъ, наконецъ греческихъ митрополитовъ; этотъ перечень идетъ до 20 листа.

На 20 л. Θεοфану, Іакову, Дороею, Поликарпу, Нилу, Іакову, Исидору, Марку Ефескому, посрамившему папѣжа Евсевіа ¹⁾ и ученика его митрополита русскаго Исидора, и крѣпко поборовшему по православней христіанстей вѣре, блаженнымъ и приснопамятнымъ митрополитомъ, вѣчная память.

Павлу исповѣднику, патріарху Царяграда, Кириллу патріарху Іерусалимскому, Θεодору архіепископу Едесскому и ученику его Михаилу, Ивану Белаграцкому мученику, пострадавшему за христіанскую вѣру, Егоргію новому страсотерпцу, пострадавшему за имя Христа Бога нашего и за вѣру отъ турокъ, вѣчная память. Святымъ новоявленнымъ мученикамъ Антоію, Ивану, Евстаею, нарицаемому Круглецу и сродникомъ его, иже въ Литвѣ пострадавшимъ за вѣру христіанскую отъ безбожнаго великаго князя Ольгерда вѣчная память ²⁾.

Великому въ мученицѣхъ царю Ивану перьскому ученику Θεодора епископа Едесьскаго, пострадавшему за хрестыанскую вѣру отъ безбожныхъ перьсовъ, вѣчная память.

Съ л. 22. Вѣчная память русскимъ митрополитамъ, послѣднимъ, на оборотѣ 23 л., названъ Іона. Съ л. 24 синодикъ убитыхъ въ равныхъ бояхъ съ непріятелями, какъ въ московскомъ синодикѣ.

Съ л. 41 на оборотѣ нашъ списокъ начинаетъ выдавать свой переводный съ византійскаго характеръ.

¹⁾ Эта ошибка въ имени могла бы служить лучшимъ доказательствомъ независимости одного списка отъ другаго.

²⁾ Хотя эта статья есть и въ Московскомъ синодикѣ, но въ другой редакціи. См. Древн. Р. Вивл. VIII, 45.

И вси еретици да будутъ прокляти. Григорію святѣйшему митрополиту солуньскому иже соборнѣхъ посредѣ великія церкви Варлаама же и Акиндина и проч. Словомъ, слѣдуетъ переводная статья, существующая и въ московскомъ синодикѣ ¹⁾. За нею другая: Славящимъ свѣтъ Господня преображенія. Изъ этого видно, что 41—42 л., какъ часть греческаго синодика, должна на самомъ дѣлѣ предшествовать всѣмъ предыдущимъ и стоять впереди 1-го листа. Но листы 43—47 опять попали не на свое мѣсто. Здѣсь идетъ возглашеніе вѣчной памяти Константину и Еленѣ, Стефану мученику сербскому, Михаилу и Феодорѣ; преподобнымъ отцамъ: Вассіаву Волоцкому, Геннадію Костромскому, Левкѣю архимандриту, Іосифу игумену, Александру Каргопольскому, Антонію, Макарію Желтиновскому, Кириллу и Маріи, родителями преподобнаго Сергія. Наконецъ, русскимъ князьямъ, начиная съ Владиміра и Ольги. Эта послѣдняя часть такимъ образомъ прямо должна примыкать къ первому листу, начинающемуся съ сына Калиты. Перечень преподобныхъ оригиналенъ сравнительно съ Московскимъ синодикомъ.

На л. 48 читается „къ симъ же иже реченымъ подобнѣ злочестію въ каковѣмъ же аще будетъ сословіи клирическомъ или сану нѣкоему или начинаніи истязанъ, сихъ всѣхъ пребывающихъ въ ихъ злочестіихъ, да будутъ прокляти. Исентъ еретикъ да будетъ проклятъ“. Приведенная статья соотвѣтствуетъ той греческаго синодика, которая начинается Παύλῳ τῷ εἰς Βαβυλῶν ἀποστρέφαντι, и передаетъ слѣдующія слова: πρὸς τοὺτοὺς αἰ τις τοῖς αἰρημένοις ὁμοίως τὴν διασέβειαν и проч. Что касается Исента еретика, это одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ того, до какой степени могутъ быть испорчены чтенія рукописей. Понять ошибку писца можно только посредствомъ справки съ греческимъ синодикомъ. Тамъ читается: ἕως τοῖς αἰρητικοῖς ἀνάθεμα. Въ русскомъ переводѣ сначала было: Исвсимъ еретикомъ. Переписчикъ сдѣлалъ изъ этого собственное имя Исента. Затѣмъ до л. 51 слѣдуютъ правильно статьи греческаго синодика ²⁾.

Л. 51—53: „Несторіи еретикъ иже хулу подвиже“, и проч. Статья о Несторіи редактирована сходно съ тѣмъ, какъ она читается въ Ростовскомъ и Соловецкомъ спискахъ по наблюденіямъ о. К. Никольскаго (стр. 113).

Л. 54. „свхъхъ ученіи отъ Бога суще не мнить, да будутъ прокляти.

¹⁾ Списки Древн. Росс. Визл. VIII. 17.

²⁾ Соотвѣтственно стр. 14—16 изданія Древн. Росс. Визлѣю.

Иже словесъ божественныхъ не послушаютъ во имя Господне суще и святыхъ его, да будутъ прокляти.

Иже всяко преданіе церковное написанное и неписанное отмѣтаетъ, да будутъ прокляти ¹⁾. И ничесо же не уяхомъ отъ предавіа, ни приложихомъ, но вся установленія соборныя церкви безскверно хранимъ.... первое якоже въ Никей святыхъ отецъ соборъ собрався законъ устави, но сихъ же и въ богохранимѣмъ Константинѣ градѣ уставленныя заповѣди святыми отцы хранимъ"... и далѣе излагается символъ вѣры и затѣмъ проклятiя Арію, Несторію, Евтихію и проч.

Л. 59—66 проклятiя перешедшимъ въ магометанскую вѣру (приступившимъ къ вѣрѣ бохичѣ) и другимъ русскимъ еретикамъ.

Л. 67—72—изложеніе греческаго синодика: Теофану преподобному игумену Великіа Ограды, вѣчная память. „Сiя яко благословенiя отеческая къ намъ синовомъ“, что соотвѣтствуетъ статьѣ: *Αὐτῶν ὡς ἀλόγητα πατέρων ἀπ' αὐτῶν εἰς ἡμᾶς*.

Л. 73—74 попали сюда изъ русской части, это возгласеніе вѣчной памяти архіепископамъ Полоцкимъ и другимъ.

Отъ л. 75 опять идетъ греческій синодикъ „и аще не останутся таковаго злодѣйства отъ сего дне и съ единомышленниа ихъ да будутъ прокляти“.

Вси насильствующи и обидящии святыхъ божіа церкви и отнимающе у нихъ данная тѣмъ села и винограды, аще не останутся отъ сего дне таковаго начинанiя, но и еще помышляюще таковое злодѣйство, да будутъ прокляти ²⁾. Аще кто мнѣся хрестыяннѣ быти бояринъ и вельможа который насилуетъ маломощныя сироты и вдовица грабитъ, совокунивъ себѣ злыя поспѣшники тати и разбойники, не намѣется на томъ хрестіанское имя, но слугу себе сотовѣ сотворяетъ таковой, и аще си не отстанетъ злыхъ своихъ дѣлъ, да будетъ проклятъ.

Аще кто желаетъ беззаконныхъ прибытковъ, продаетъ крѣчму, отуду бо вся беззаконiя возставають въ людѣхъ на погыбель хрестіаномъ, якоже нѣкою діаволею удицею удвлеме влекутъ вся приходящая къ нимъ въ погыбель, корчѣму держащiа, аще не останутся того отъ сего дне, да будутъ прокляти.

Л. 77—78 Варлаамъ и Акиндинъ, какъ въ московскомъ спискѣ. Затѣмъ слѣдуетъ отлученіе жидовствующихъ.

¹⁾ На л. 54 излагаются опять статьи греческаго синодика редакціи XII вѣка.

²⁾ Эта и двѣ слѣд. статьи встрячены о. Никольскимъ только въ Ростовскомъ и Соловецкомъ спискахъ, 165, 204, 203.

Л. 79 Исидоръ митрополитъ русскій новый еретикъ, поправилъ божественныя священныя заповѣди и похулитъ всю семью соборовъ православныхъ вселенскихъ и пріять вѣру латинскую и сложится съ напечемъ Евсѣвиемъ, и вси единомудръствующие съ нимъ, да будутъ прокляты.

Листы 81—90 представляютъ перечень именъ съ провозглаше-
ніемъ вѣчной памяти. Интересъ этого перечня заключается въ томъ, что онъ обвиняетъ по преимуществу греческихъ святыхъ. Ни одинъ синодакъ изъ извѣстныхъ доселѣ не можетъ съ такимъ же правомъ претендовать на имя вселенскаго, какъ занимающій насъ. По моему мнѣнію, этотъ Новгородскій синодакъ былъ родоначальникомъ списка Архангельскаго и Ростовскаго. Въ немъ уже ясно опредѣлился тотъ взглядъ, что русская церковь стала на мѣсто, освободившееся въ православномъ мірѣ послѣ упраздненія греческаго царства. Оттого синодакъ заключаетъ обширный перечень святыхъ, чтимыхъ на востоцѣ¹⁾. Всего въ немъ 102 листа.

---

¹⁾ Приведемъ нѣсколько данныхъ: Преподобныхъ Харитону и Кирьяку и Роману и Андронику и Евсемию, иже въ Селунѣ, и еще Давиду (л. 89), Иларіону великому.

Преподобныхъ Стефану, Саванту, Іоанникию великому, и Павлу Колову и Феоктисту и Феоктисту и (Феогиосту?) иже въ Символехъ и Нилу.

Архимандриту Сивайскія горы и преподобному Ивану списавшему лѣтвицу; преподобному Савѣ освещенному, преподобному Ивану Рымльскому; Лазарю, Алкию, Акакію иже въ лѣтвицѣ; Патреку, Ивану Дамаскину, Виссаріону, Поткию, Даніилу столпнику, Лукѣ новому, Арсению и Павлу иже въ Латрѣ, Феодосію. Иже за беззаконіа наша Богу попускающу варваромъ нашедше избіен-
ныи отъ нихъ преподобныхъ отцемъ въ Равѣ.

Варлааму, Саванту, Никиору и Асау индѣйскимъ.

Павлу Овнѣйскому, Ивану Кущнику, Всевоинту, Исакію Сиріанику, Исидору Полусійскому, Лукѣ иже въ Елладѣ; Антонию великому, Макарію египетскому, Евсемию; Борему Сириву, Космѣ пресвитеру, Андронику, Феодану иеросолімскому иудейскому, Космѣ гражданину, Акакію, Маркіану, Симеону мартучду, Анисеію, Тимошею иже въ Символехъ и т. д. Виссаріону, Иларіону новому Далматскимъ.

Л. 91 перечень Ростовскихъ угодниковъ и равныхъ монастырей русскихъ.

Л. 93 Георгію Отилатію новому исповѣднику, многомученному отъ неверныхъ за вѣру хрестіанскую и Теодору новому мученику Христову исповѣднику, убиваному за вѣру хрестіанскую въ Болгарехъ отъ иноверныхъ.

Л. 98. Преподобному Антонию Римлянину, составившему обитель въ великомъ Новѣградѣ въ Неревскомъ концѣ во имя св. Богородицы честнаго ея роже-
ства. Преподобному Семіону серпскому новому чудотворцу. —Списокъ кончается похвалениемъ епископовъ Сарскихъ и Коломенскихъ.

Между изученными нами синодиками обращаетъ на себя вниманіе еще переводный съ греческаго московскій синодикъ 17 вѣка, находящійся въ патриаршей библіотекѣ. Въ рукописи, помѣченной № 93, на л. 537, находимъ: „Въ недѣлю православія“. Подъ этимъ заглавіемъ читается далѣе синодикъ, представляющій нѣкоторыя любопытныя особенности. Едва ли однако справедливо будетъ видѣть въ этихъ отличіяхъ особую редакцію, такъ какъ возможно предполагать, что этотъ синодикъ переведенъ съ такого экземпляра, въ которомъ были перемѣшаны листы.

Въ немъ значительно сокращено предисловіе греческаго синодика, но сокращено такъ, что недостаетъ первой его половины. Начинается словами: Кто Богъ велий яко Богъ нашъ, ты еси Богъ нашъ творяй чудеса единъ ¹⁾. За этими словами слѣдуетъ переводъ дальнѣйшей части предисловія, и при томъ переводъ тоже 17 вѣка, слѣданный правильнѣй и чище перевода 15 вѣка.

За изложеніемъ предисловія слѣдуютъ статьи анаеѳематствованія. Но здѣсь опять въ греческомъ оригиналѣ, съ котораго слѣланъ переводъ, были перемѣшаны листы, и потому вмѣсто обычнаго порядка анаеѳематствованій находимъ въ нашемъ синодикѣ отступленія. Вмѣсто перевода статей противъ иконоборцевъ: τῶν τῆν ἑνωρχῶν... τῶν εἰδόντων и проч., въ русскомъ синодикѣ идутъ прямо переведенныя съ греческаго статьи: τοῖς λόγῳ μὲν τῆν ἑνωρχῶν... τοῖς τῆ ρήματι и проч. За переводомъ 5 статей, послѣ которыхъ въ греческихъ синодикахъ обыкновенно слѣдуютъ имена иконоборцевъ (Анастасій, Константинъ и проч.), въ русскомъ читаются, наоборотъ, слѣдующія: „Вводящимъ на неизреченное воплощенное смотрѣніе“, затѣмъ „Несо всякимъ благоговѣніемъ (τοῖς μὴ κατὰ πάσης εὐλαβείας), и, наконецъ, „Глаголющимъ яко во время міроспасительныхъ страсти“, послѣдняя вводитъ уже насъ въ тотъ отдѣлъ синодика, который указываетъ на время царя Мануила и на отлученія противъ Сотариха и его приверженцевъ (4 статьи).

Слѣдуютъ 11 главъ противъ I. Италя, за которыми опять статьи, вошедшія въ синодикъ при Мануилѣ на неправильно объясняющихъ слова Отецъ мой болій мене есть. Послѣ статьи τοῖς μὴ παραδουχόμενος слѣдуютъ въ русскомъ переводѣ двѣ статьи (изъ нихъ одна обширная) противъ митрополита Керкирскаго Константина Болгарскаго и затѣмъ одна статья противъ I. Ирника.

¹⁾ При чемъ прибавляе: сія речемъ граци.

Послѣ того излагаются мелкія статьи, обыкновенно предшествующія провозглашеніямъ вѣчной памяти царямъ, царицамъ и патриархамъ, какъ: τῷ φροδῆμένῳ, — εἴτις τῆς и проч.

По обыкновенному составу синодика здѣсь бы ожидались статьи возглашенія вѣчной памяти, но въ русскомъ синодикѣ послѣ того излагается та часть, которая оказалась пропущенной послѣ предисловія:

Вся яже на святыхъ патриархи Германа... и проч. Но этотъ листъ въ греческомъ оригиналѣ опять таки былъ не на мѣстѣ, потому что затѣмъ въ переводѣ слѣдуютъ болѣе раннія статьи. Анаеоматствовавіе иконоборцамъ Анастасію и проч. Послѣ статьи Παύλῳ τῷ εἰς Σάβλον слѣдуютъ:

а) Геронтію въ Екламѣ устремившемуся.

б) Варлааму и Акиндину. Эта послѣдняя статья изложена въ двухъ редакціяхъ: сначала кратко, потомъ подробно подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: на Варлаама и Акиндина главизны (л. 551 и слѣд.).

в) Исааку Аргиру.

На листѣ 556 слѣдуютъ пропущенныя статьи, обыкновенно въ синодикахъ излагающіяся за предисловіемъ: τῶν τὴν ἔνσαρχον и проч.

На л. 560 изложены двѣ статьи греческаго синодика противъ неправильно объясняющихъ слова „Отецъ мой болій мене есть“: τῶν παραδεχομένων и τῶν λεγόντων ὅτι ἡ εἶρη...

Листъ 561 съ отдѣльнымъ заглавіемъ: Отъ здѣ бываетъ умершихъ царей воспоминаніе еже есть православныхъ. Послѣ вѣчной памяти Михаилу и Θεодорѣ, прямо слѣдуетъ обширное возглашеніе вѣчной памяти Андронику Палеологу и Григорію митрополиту солунскому, съ упоминавіемъ особыхъ заслугъ ихъ въ борьбѣ съ ересью Варлаама и Акиндина. Слѣдуютъ еще 4 статьи въ опроверженіе приверженцевъ упомянутыхъ еретиковъ.

На л. 565 снова краткое провозглашеніе вѣчной памяти царямъ, кончая Андроникомъ Палеологомъ и Іоанномъ Каптакузидомъ, въ монашествѣ Іоасафомъ. За поминованіемъ царей слѣдуетъ перечисленіе патриарховъ, съ провозглашеніемъ имъ вѣчной памяти. Здѣсь мы имѣемъ указаніе на происхожденіе того оригинала, съ котораго слѣдуетъ въ Москвѣ переводъ. Именно, послѣ именъ патриарховъ выписаны имена епархіальныхъ архіереевъ: Михаилъ, Митрофанъ, Мелетій, Игватій и Максимъ митрополиты палеопатръскіе. Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія, что нашъ синодикъ XVII вѣка есть переводъ съ греческаго извода XIV вѣка, принадлежавшаго мѣстной церкви Древнихъ Патръ.

Изъ изложеннаго ясно, что синодикъ XVII вѣка, не смотря на сравнительно позднюю эпоху перевода, представляетъ собой очень важный источникъ для изученія состава синодикова греческой редакціи. Воспроизводя вполне редакцію не находящагося въ нашемъ распоряженіи синодика XIV вѣка, онъ имѣетъ еще то преимущество, что представляетъ не встрѣчаемыя въ другихъ синодикахъ пространныя статьи противъ I. Итала, Варлаама и Акиндина и такимъ образомъ служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ изслѣдованію вопросовъ, имѣющихъ большую важность въ редакціи синодикова. Сравнительно съ византійскими, русскіе элементы въ нашемъ синодикѣ весьма скудны. На л. 569 находимъ осужденіе русскимъ еретикамъ Никитѣ суздальскому и прочимъ; на л. 572 провозглашеніе многолѣтій патриарху Іоакиму и царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Ясно, что византійскіе элементы вполне преобладаютъ передъ русскими и что разсмотрѣнный синодикъ долженъ быть причисленъ къ синодикамъ греческой редакціи. Если сравнить его съ Новгородскимъ синодикомъ, то сравненіе окажется далеко не въ пользу московскаго. Новгородскій синодикъ тоже есть греческій по своему составу, но какое богатство русскихъ національныхъ элементовъ могъ вставить составитель въ греческую ванну, какъ широко понялъ онъ задачу Москвы послѣ оскуднѣнія греческаго царства!—Московскій же синодикъ, хотя и составленный въ XVII вѣкѣ, не возвышается до національныхъ задачъ и воспроизводитъ только греческій оригиналъ.

Итакъ, мы имѣемъ три списка переводнаго на русскій греческаго синодика, которые вполне могутъ замѣнять оригиналъ и приобретаютъ особую важность въ исторіи развитія синодика въ виду того обстоятельства, что дополняютъ находящіеся въ нашемъ распоряженіи греческіе списки позднѣйшими редакціями.

Къ тому же типу переводныхъ съ греческаго относится и Болгарскій синодикъ. Свѣдѣнія объ немъ почерпнуты нами, однако, не посредствомъ личнаго знакомства съ рукописью, хранящейся нынѣ въ Софійской народной библиотекѣ, а изъ сообщеній объ немъ другихъ лицъ¹⁾. Такъ какъ въ литературѣ, посвященной Болгарскому синодику, главнѣйше обращено вниманіе на національныя болгарскіе

¹⁾ О Болгарскомъ синодикѣ или синодикѣ царя Бориса была помѣщена статья во *Временникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, кн. 21, 1855; въ *Сборникъ статей по славяновѣдѣнію*, въ честь В. И. Ламанскаго, стр. 33 (статья Т. Д. Флоринскаго), въ *Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія*, ч. 238, отд. 2, стр. 174 (статья М. С. Дринова).

элементы, привнесенные въ этотъ памятникъ, то трудно было бы высказаться о томъ, съ какой греческой редакціи сдѣланъ болгарскій переводъ и вся ли греческая часть синодика вошла въ переводъ. М. С. Дриновъ, въ рукописномъ собраніи котораго есть, между прочимъ, южно-славянскій сборникъ со спискомъ синодика царя Бориса, сообщилъ намъ нѣсколько мѣстъ изъ предисловія и изъ статей слѣдующихъ за предисловіемъ, благодаря чему мы находимъ возможнымъ сказать нѣсколько словъ о болгарскомъ переводѣ.

Воверныхъ, болгарскій переводъ несомнѣнно сдѣланъ съ той-же редакціи греческаго синодика, съ какой и русскіе, что можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія.

Предисловіе болгарскаго синодика.

Дѣлюе къ Богу дѣлюе благодареніе въже дѣвъ въспрѣхемъ божию црквѣ с узаконеніемъ благочестна прѣданія и разореніемъ алобы ачестіа. Пророческимъ послѣдующе глаголомъ, апостольскимъ же вѣщаніи приходящи и евангелскимъ повѣданіемъ прилагающе обновленія дѣвъ празднуемъ...

Провозглашеніе дѣвчюй памяти:

въ болгарскомъ синодикѣ.

Виденіимъ ¹⁾ христова единого и тогожде състава еже въ существѣхъ равнѣствоное и того еже създанное и нше не създанное, видимое и невидимое, смѣртное и бесмѣртное, описанное и неописанное...

Вовторныхъ, Болгарскій синодикъ несомнѣнно сдѣланъ съ греческой редакціи XII вѣка, то-есть, по всей вѣроятности, со списка тожественнаго съ эскуріальскимъ, что можно думать на основаніи того, что въ спискѣ царей послѣднимъ упомянуть Алексѣй III.

Приведенныхъ наблюденій достаточно для указанія мѣста болгарскому синодику между греческими редакціями. Но болгарскій переводъ могъ бы быть любопытнымъ предметомъ изслѣдованія по связи съ русскими переводами: русскій переводъ сдѣланъ ли непосредственно съ греческаго или при посредствѣ южно-славянскаго перевода?

Предисловіе московскаго.

Должное къ Богу дѣлюе благодареніе вонже дѣвъ въспрѣхемъ божию црквѣ со объявленіемъ благочестивыхъ велѣній и вразвращеніе алобывыхъ нечестіи. Пророческимъ послѣдующе глаголомъ, апостольскимъ же поученіемъ повинующеса и евангелскимъ списавіемъ приложьшеса обновленія дѣвъ празднуимъ...

въ московскомъ.

Вѣдущихъ Христова единого и того же състава всуществѣхъ разное. и того созданное и не созданное, видимое и невидимое, страдалное и нестрастное, описаное и неописаное...

¹⁾ Статьи греческаго синодика: Τὸν εἰκότων τῆς τοῦ Χριστοῦ μίσεως καὶ τῆς αὐτῆς ἡμετέρας...

8. Оригинальный Русскій синодикъ (помянникъ).

Лучшей апологией Русскаго синодика, открывающей весьма заманчивыя задачи историко-литературнаго изученія, нельзя не признать слѣдующую страницу изъ рецензій протоіерея М. И. Горчакова на книгу отца К. Т. Никольскаго. Въ русской части синодикомъ издаются древнѣйшіе и достовѣрнѣйшіе списки всероссійскихъ митрополитовъ; изъ нея могутъ дополняться и отчасти ею провѣряться списки епархіальныхъ архіереевъ древней Россіи; въ ней указываются имена мѣстнотимыхъ лицъ, которыя, по смерти ихъ записанныя въ синодикъ, признаны были впоследствии святыми; въ ней отображается отношеніе русской церкви къ важнѣйшимъ событіямъ и испытаніямъ въ исторіи отечества. Въ этой же части можно встрѣтить имена такихъ удѣльныхъ и мѣстныхъ князей, о которыхъ не сохранилось повѣстій ни въ какихъ другихъ памятникахъ. Въ ней хронологически вспоминаются нашествія непріятелей на Россію, походы противъ враговъ, войны противъ внѣшнихъ непріятелей, межлоусобныя брани и бунты, съ перечисленіемъ нерѣдко въ весьма длинныхъ спискахъ именъ лицъ пострадавшихъ, избѣженныхъ и погибшихъ во время такихъ страшныхъ для отечества испытаній. Въ этой части синодикомъ можно находить такія историческія свѣдѣнія, подробности, факты и указанія, касающіяся нѣкоторыхъ сторонъ государственнаго строя и общественной жизни древней Россіи, которыми могутъ подтверждаться, дополняться и исправляться лѣтописныя сказанія и сообщенія другихъ извѣстныхъ нѣмѣ источниковъ русской исторіи. Черезъ эту часть синодикомъ пріобрѣтались и распространялись въ Россіи свѣдѣнія какъ изъ исторіи отечественной, такъ греческой церкви и византийской имперіи. Такимъ образомъ русскія статьи, имѣющіяся въ синодикахъ въ недѣлю православія, могутъ служить однимъ изъ источниковъ Русской исторіи—церковной и гражданской. И этотъ источникъ отечественной исторіи до сихъ поръ еще не обратилъ на себя вниманія нашихъ исторіографовъ. Кромѣ того, эта часть синодикомъ имѣла воспитательно-образовательное значеніе для русскаго народа⁶..

Чтобы до нѣкоторой степени представить значеніе историко-литературныхъ матеріаловъ, открывающихся въ синодикахъ Русской редакціи, мы должны прежде всего выдѣлять въ нихъ двѣ группы: во-первыхъ, собственно синодики соборныхъ церквей, читаемые въ недѣлю православія, типомъ которыхъ служатъ переводные съ греческаго

синодике; восторыхъ, поминальники или помянники, имѣвшіе повсемѣстное употребленіе и ежедневное примѣненіе. Разница между двумя упомянутыми видами едва ли не отмѣчена уже въ древнѣйшемъ текстѣ, который говоритъ о Русскихъ синодикахъ. Въ грамотѣ новгородскаго князя Всеволода подъ словами: „вседенникъ синодикъ“ именно названъ ежедневный помянникъ, то-есть, перечисленіе родственниковъ великаго князя для поминовенія на проскомидіи и на литургіи. Что касается дальнѣйшихъ словъ „а кто нашего роду пограбитъ или отъиметь, того повелѣхомъ владицѣ соборомъ въ синодицѣ проклинати“, то этимъ засвидѣтельствованъ только обычай Русской церкви соборно проклинать политическихъ враговъ великаго князя, но не обычай читать извѣстный синодикъ въ недѣлю православія. Собственно говоря, первыя безспорныя упоминанія объ употребленіи синодика относятся къ XIV вѣку и принадлежать митрополиту Кипріяну ¹⁾).

Обиліе историческихъ сюжетовъ въ помянникахъ объясняется происхожденіемъ и составомъ ихъ. Какъ извѣстно, въ помянники вносятся имена родственниковъ, а также особенно чтимыя имена той или другой мѣстности, города, въ особенности монастыря. Помянники ведутся какъ въ крестьянской средѣ, такъ и въ домахъ высшихъ сословій. И, конечно, имѣеть уже важное историческое значеніе перечисленіе членовъ знатныхъ дворянскихъ и боярскихъ родовъ, въ особенности если при этомъ вносятся замѣтки о жизни, о службѣ или объ обстоятельствахъ, при которыхъ послѣдовала смерть того или другаго лица. Помянники, далѣе, составлялись въ монастыряхъ и церквахъ; эти послѣдніе представляютъ большой интересъ съ бытовой и религіозной стороны для исторіи мѣстнотчтимыхъ подвижниковъ, благодѣтелей и друзей человѣчества, оказавшихъ особенныя услуги, наконецъ для исторіи церковной іерархіи. Составлялись затѣмъ поминальники въ княжескихъ домахъ, въ царской семьѣ, въ эти послѣдніе вносились отмѣтки общенсторическаго характера. Изъ частныхъ помянниковъ слагались областныя: Новгородскій, Московскій, Ростовскій, Архангельскій, извѣстныя также по именамъ главныхъ храмовъ въ области и заключающіе въ себѣ выраженіе общихъ историческихъ, бытовыхъ и церковныхъ интересовъ. Понятно, что эти помянники могутъ составлять предметъ историческаго изученія.

Безъ сомнѣнія, помянники мѣстныхъ церквей и монастырей, и мѣстныхъ дворянскихъ и княжескихъ родовъ послужили матеріаломъ для

¹⁾ *Акты историческіе*: I. № 8. 9.

областных — Московскаго, Новгородскаго и др., древнѣйшіе списки которыхъ относятся къ XV и XVI вѣкамъ. Въ настоящее время, дѣйствительно, становится возможною задача составленія всероссійскаго синодика. Если кто приметъ на себя трудъ изучить мѣстные поманники, тотъ навѣрное принесетъ большую пользу наукѣ. Мы не простираемъ такъ далеко своихъ видовъ и не можемъ претендовать на обширное знакомство съ Русскими поманниками, поэтому ограничиваемся здѣсь небольшими указаніями и случайными наблюденіями.

Если можно дѣлать заключенія на основаніи тѣхъ фактовъ, которые удалось намъ провѣрить, то мы склонны думать, что историческій матеріалъ, сообщаемый въ поманникахъ, заимствованъ изъ хорошихъ источниковъ. Слѣдовательно, если на основаніи изученія ихъ пополнится списокъ князей, митрополитовъ и епископовъ, то отъ этого не мало выиграетъ областная исторія древней Россіи. Чтобы указать болѣе выдающійся примѣръ этого, сошлюсь на поманникъ въ Новгородскомъ синодикѣ ¹⁾, представляющій вообще много прекрасныхъ въ историческомъ и культурномъ отношеніи данныхъ. На оборотѣ 10 листа тамъ находимъ слѣдующую записъ: „Благовѣрному князю Владимиру Великоперьскому идола поправшему и просвѣтившему Великую Пермь святымъ крещеніемъ, вѣчная память“. Ясное дѣло, здѣсь мы нападаемъ на любопытнѣйшую страничку областной исторіи, которая вообще остается довольно темна. И, конечно, не лишено большаго историческаго интереса разслѣдованіе вопроса о времени жизни и дѣятельности упомянутаго пермскаго князя и объ его обращеніи къ христіанству. Историческія справки у Карамзина и Соловьева ²⁾ не могутъ освѣтить личность князя Владимира, потому что ни Никоновская, ни Новгородская четвертая лѣтопись, ни Продолженіе Несторова лѣтописца не сообщаютъ подробностей по исторіи Перми до завоеванія ея воеводой Ивана III Ѳедоромъ Пестрымъ въ 1472 году. Въ эту роковую для Перми годину княземъ пермскимъ былъ Михаилъ, потомъ извѣстенъ сынъ его Матѳей. По всей вѣроятности, князь Владиміръ относится къ болѣе раннему времени, можетъ быть современникъ перваго обращенія Перми къ христіанству святымъ Стефаномъ ³⁾.

¹⁾ Императорская публичная бібліотека, Ф. н. IV. 1.

²⁾ *Карамзинъ*, VI, стр. 33, прим. 73; VI, стр. 88, прим. 629; *Соловьевъ*, V, прим. 108, 109, 110; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, II, стр. 164.

³⁾ Словарь Историческій, стр. 253; *Макарій*, Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, С.-Петербургъ. 1856; *Шестаковъ*, св. Стефанъ первосвятитель пермскій, Казань 1868; *Поповъ*, Святитель Стефанъ, Пермь 1885; *Житіе* изд. у *Кушелева-Безбородко*, Памятники, IV, стр. 119.

Въ исторіи Перми и въ ея борьбѣ съ Московскими князьями остается еще много темнаго, не смотря на прекрасныя новыя изслѣдованія мѣстныхъ ученыхъ: Смышляева, Шишовко и Дмитріева, изданія которыхъ дѣлаютъ честь Пермскому краю. Можно думать, что, благодаря дружнымъ усиліямъ любителей мѣстной исторіи и старинцы, скоро восстановлены будутъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе факты борьбы, котору ю Пермь вела за свою свободу ¹⁾. Въ настоящее время вопросъ, занимающій насъ, сводится къ тому, какъ смотрѣть на фактъ изъ пермской исторіи, сообщенный въ синодикѣ. Весьма любопытно, что подтвержденіе его мы находимъ тоже въ синодикѣ—мѣстнаго происхожденія. Сохранился синодикъ Иоанно-Богословскаго монастыря въ Чердыни, въ которомъ встрѣчается и искомое нами имя ²⁾. Послѣ поминовенія архимандритовъ, игуменовъ и строителей, слѣдуетъ: „Помяни Господи души Велико-пермскихъ князей и княгинь: князя Михаила Пермскаго, убитъ отъ Вогуличей; князя Владимира Пермскаго, князя Іоанна Пермскаго; князя Ермолая Вымскаго, князя Василя Вымскаго, князя Θεодора Вымскаго, князя Іоанна Пермскаго, убитъ отъ Вогуличей, князя Дмитрія Пермскаго, князя Константина Пермскаго, князя Андрея Великопермскаго, князя Матвѣя Пермскаго, княгини Анны, княгини Ксеніи, княгини Анастасіи Великопермскія“.

Рядъ князей, приводимый въ синодикѣ, не отмѣченъ въ лѣтописи: этого достаточно въ подтвержденіе мысли, что въ синодикахъ есть такая струя историческаго преданія, которая заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Весьма вѣроятно, что въ Новгородскій синодикъ занесено имя князя—просвѣтителя Перми путемъ непосредственнаго заимствованія изъ областнаго синодика.

Пока исторія происхожденія и состава русскихъ областныхъ номинальниковъ не обратила еще на себя нарочитаго вниманія и не выяснена посредствомъ специальныхъ изслѣдованій, можно съ нѣкоторой вѣроятностью предполагать, что большіе номинальники, какъ Московскій и Новгородскій, составлялись тѣмъ же путемъ, что обратившіе на себя въ послѣднее время вниманіе старообрядческіе синодики. Нѣтъ сомнѣнія, что эти послѣдніе, прославляющіе подвижниковъ древнаго благочестія отъ Пустозерска и Холмогоръ до Дона и отъ Петербурга до Сибири, произошли посредствомъ сведенія въ

¹⁾ Весьма важныя мѣста въ житіи Стевана, стр. 138, 160.

²⁾ *Дмитріевъ*, Пермская Старина, Пермь 1889, стр. 159.

одво цѣлое краткихъ мѣстныхъ записей объ именахъ лицъ, пострадавшихъ за вѣру ¹⁾.

Кромѣ любопытнаго историческаго матеріала, Русскіе помянники отличаются широкимъ развитіемъ разнообразныхъ литературныхъ темъ въ той ихъ части, которая обыкновенно предшествуетъ перечню именъ. Эта сторона заслуживаетъ также разсмотрѣнія.

Богословскій и литературный мотивъ, развиваемый русскими помянниками, состоитъ въ исторической и философской обстановкѣ ученія о конечности адскихъ мукъ и о силѣ и дѣйствительности передаѣ Богомъ церковныхъ молитвъ за нераскаянныхъ грѣшниковъ. Мысль, что обычай поминовенія умершихъ установленъ древней церковью и что въ писаніяхъ отцовъ и учителей церкви можно находить достаточныя и убѣдительныя примѣры силы молитвы за умершихъ, составляетъ главное содержаніе вступительной или литературной части помянниковъ. Левъ Аллатій ²⁾ указалъ главные сюжеты, развиваемые въ этомъ смыслѣ въ греческихъ тріодахъ. Обыкновенно указываютъ на дѣйственность молитвы Григорія Двоеслова (Διάλογος) въ пользу императора Траяна, первомученицы Феклы за вѣру еллинскую язычницу, по имени Фалкониллу; ссылаются на бесѣду преподобнаго Макарія съ черепомъ одного языческаго жреца, который объяснилъ преподобному, что молитвы даже за язычниковъ доставляютъ не малое облегченіе имъ. Это главныя доказательства доходчивости и дѣйственности молитвъ. Но примѣры разнообразились, будучи заимствуемы изъ исторіи разныхъ эпохъ. Само собой разумѣется, болѣе убѣдительности и нравственнаго значенія представляли примѣры изъ отечественной исторіи или изъ исторіи сосѣднихъ народовъ.

Изъ предыдущаго ясно, что литературная часть помянниковъ могла дать поводъ къ соединенію съ основнымъ, заимствованнымъ изъ греческаго, элементомъ національныхъ сюжетовъ. Вниманіе, съ которымъ относились наши предки къ помянникамъ, видно изъ того, что многіе изъ хранящихся въ Публичной Библіотекѣ списковъ наполнены прекрасными миниатюрами, иллюстрирующими назидательный текстъ. Пусть множество миниатюръ представляетъ довольно общій

---

¹⁾ Свѣдѣнія по литературѣ старообрядческихъ синодиковъ — *А. Н. Лыкинъ*, Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, т. 21. С.-Пб. 1881; Памятника древней письменности, 1883 г. Сводный старообрядческій синодикъ: *Булаковъ*, Памятника древней письменности 1878, № XIII, и въ разныхъ выпускахъ того же изданія.

²⁾ *Leo Allatius*, De libris ecclesiasticis graecorum, Parisiis 1645, p. 113.

сюжетъ: смерть грѣшника, выносъ тѣла его, отиѣваніе, могилу и проч. Но на ряду съ мало интересною и довольно шаблонною обстановкою встрѣчаемъ и весьма интересныя детали. Въ особенности богатый матеріалъ типовъ, костюмовъ, архитектуры и домашней утвари представляютъ иллюстраціи къ тексту о новгородскомъ посадникѣ Цяль. Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какія національныя задачи развивались въ нашихъ поминкахъ и какъ интересно съ этой стороны подробное изученіе всего литературнаго и художественнаго матеріала, представляемаго этимъ памятникомъ.

Итакъ, главный мотивъ литературной части русскихъ поминковъ состоитъ въ доказательствахъ пользы и важности поминковенія умершихъ. Этотъ мотивъ обуславливается весьма разнообразно и развивается болѣею частью довольно самостоятельно, не предполагая рабской подражательности у составителей. Въ одномъ поминикѣ ¹⁾ читаемъ: „Понеже мнози во благочестіи пожиша и вѣру соблюдоша и преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ сохраниша, и того ради оставиша душамъ ихъ номинаемымъ быти да сугубу мзду примуть отъ Бога противу дѣлъ своихъ и ради благочестія сицева есть имъ похвала во святыхъ церквахъ оставися творити, да сія слышавше и прочіи человѣци навькнутъ творити и во благочестіи жити“. Въ другомъ ²⁾: „Слыше по древнему сказанію иже отъ святыхъ апостолъ и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ свѣтъ церковныхъ. иже слуги и самовидцы словесе бывше. И се да вѣдомо буди како подобаетъ хотящему вписати имя свое, или кого своихъ си, да прочтутъ ему написанное предисловіе да отъ сего теплѣе будетъ на душеполезное строеніе и добрѣ утѣшится... Трое благополучитъ человекъ той, иже поминаетъ прежде отшедшія къ Богу не токмо свой родъ и знаемыхъ, но и всѣхъ православныхъ христіанъ иже въ севодицѣхъ написанныхъ и обрѣтаются въ святѣй божіи церкви“. Синодикъ, очевидно, рассчитанъ былъ не только на употребленіе въ церкви, но замѣнялъ собой полезное и назидательное чтеніе и предполагалъ обыкновеннаго читателя, которому имѣлъ цѣлью дать поученіе. Поэтому иногда онъ называется душеполезной и спасеной книгой. Потому же писатель иногда обращается въ немъ прямо къ слушателю и читателю и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду ³⁾.

¹⁾ Импер. Публ. Библ. Ф. I, 236, л. 30.

²⁾ Тамъ же, *Погодинскій*, 599.

³⁾ Тамъ же, Ф. IV, 229.

„Не вѣдающе иже божественныхъ писаніи или не имущи у себе книгъ, да прочтуть сіе божественное писаніе. Еже написахомъ здѣ отъ многихъ малая о еже въ вѣрѣ усопшихъ и яко бываемая о книгъ службы и приношеніи, молитвы же и милостыня пользуютъ ихъ и прочетше утѣшится имуть“.

При разнообразіи мотива, самое содержаніе нравственно-воспитательной или поучительной части синодика не всегда одинаково. Эта часть обыкновенно называется Предисловіе, каковыхъ бываетъ въ вѣоторыхъ спискахъ до десяти. „Сіе предисловіе общаго синодика, говорится въ одномъ спискѣ, избрано бысть отъ божественныхъ писемъ и сказательно вкратцѣ попеченія ради о умершихъ“.

Въ общемъ вступительная часть синодика должна быть равна-триваема какъ сборникъ нравственныхъ и назидательныхъ статей, имѣющихъ, между прочимъ, цѣлью доказать пользу и силу поминове-нія умершихъ. Съ этой точки зрѣнія предисловіе синодика состоитъ изъ слѣдующихъ частей.

Во первыхъ, историческая. Въ тѣхъ спискахъ, гдѣ дано ей надле-жащее развитіе ¹⁾, эта часть обыкновенно излагается такъ: „Начало предисловіе синодика сего. Сложено вкратцѣ по умышенію всѣхъ седмидесять и дву апостолъ. Како поминаемымъ быти душамъ хри-стіанскимъ во святыхъ и божіихъ церквахъ, по вселенней, идѣже утвердися православная вѣра христіанская“. Та же самая мысль из-ложена иначе въ другихъ синодикахъ, напримѣръ ²⁾: „По просвѣ-щенію св. Духа. Предзнаменаніе синодика. Послѣ Христова вознесе-нія на небеса сице указано, положивъ первый патріархъ іерусалим-скій Іаковъ братъ Божій по плоти, по умышенію всѣхъ седмидесять апостолъ, яко достойтъ умершихъ душа поминати во святыхъ цер-квахъ, по всей вселенней, идѣже утвердися православная вѣра“. Другой синодикъ ³⁾ надписывается такъ: „Предисловіе въ книгу сію глаголемую синодикъ о хотящихъ вписати имя свое яко добро и по-лезно есть“. Историческая часть русскихъ синодиковъ состоитъ въ подборѣ „свидѣтельствъ отъ божественныхъ писаній и душеполезныхъ книгъ о „сенадикѣ“, и повседневномъ поминаніи, како подобаеть о сихъ попеченіе имѣти и какова бываетъ польза отъ сего живымъ и умершимъ душамъ“ ⁴⁾.

¹⁾ *Полодинскій*, № 596.

²⁾ *Полодинскій*, № 598. Предисловіе.

³⁾ *Полодинскій*, № 599 (Синодикъ Архангельскаго собора).

⁴⁾ *Полодинскій*, № 595.

Первое мѣсто между этими свидѣтельствами занимаетъ такъ-называемое опредѣленіе VII вселенскаго собора, коего основанія возведены къ апостольской церкви. Иначе называется оно „сказаніемъ святыхъ отецъ, како узакониша святіи апостоли и святіи отцы на седьмомъ соборѣ изложиша иже въ Никей усопшихъ душа поминати“. Сказаніе это состоитъ въ слѣдующемъ: „По вознесеніи на небо Господа нашего Иисуса Христа апостоли собрались въ Сіонъ, гдѣ сошелъ на нихъ Духъ Святый. Петръ верховный апостолъ и Іаковъ братъ Господень и прочіе апостоли многія божественныя писанія и правила изложили и предали церкви. Разсѣявшись по всему лицу земли, святые апостоли разнесли, яко златокованныя трубы, по всей вселенной и по городамъ законъ Христа“. Практика апостольская продолжалась до VII вселенскаго собора. Слѣдуетъ разказъ объ одномъ эпизодѣ VII вселенскаго собора, разказъ, какъ очевидно, апокрифическаго характера. „И на той соборъ приде самосатскій епископъ Евсеій, и сіе писаніе въ руку своею держаше, понеже добръ любяше то и исправляше и ииѣхъ научаше тако творити. Того же ради Евсеій сіе писаніе на соборъ принесе, чтобы на томъ соборѣ еще обыскавъ исполнити. Прилучися же ту Оригенъ еретикъ, и той исторже писаніе изъ руку Евсеіеву“... Въ защиту упомянутаго сочиненія „воста отъ сего святительскаго собора нѣкто старецъ духовенъ, иже ученикъ бѣ святаго Саввы Освященнаго, именемъ Михаилъ сосудоточецъ, иже хитръ бѣ словесемъ духовнымъ и разумомъ“. Затѣмъ приводятся рѣчи Спиридонія Севастійскаго и Германа, родомъ сербина. Къ той же исторической части слѣдуетъ отнести историческія справки изъ сочиненій отцовъ церкви. Эти послѣднія приводятся то по категоріямъ: необходимость поминовенія на третій день, на девятый, на сороковой; то по рубрикамъ, носящимъ имена отцовъ церкви. Большая часть ссылокъ на послѣднихъ обозначена такъ: слово или поученіе или сказаніе такого-то отца. Въ одномъ спискѣ эта часть озаглавлена безъ имени: „Почуеніе о апостольскихъ преданіи о умершихъ, да творятся по умершимъ третины и девятины и четырехдесятины“. Изъ именъ отцовъ церкви, въ доказательство церковной практики, чаще приводятся: Іоаннъ Златоустъ, І. Дамаскинъ и многія другія. Поучительный элементъ, заимствованный изъ извѣстнѣйшихъ церковныхъ ораторовъ, можетъ до нѣкоторой степени объяснять обиліе поученій анонимныхъ, которыя разсѣяны въ занимающей части синодиковъ и которыя могутъ принадлежать русскимъ церковнымъ ораторамъ. Сюда относятся статьи, имѣющія начало: „Молю убо васъ

братія, прострите слухи ваша". Или: „Приступите, братіе и сынове". Или „Якоже сѣдѣ и брашно сладкое множицею предъ вами лежащее". Извѣстная доля свободы въ выборѣ поучительнаго историческаго матеріала должна быть отмѣчена, какъ очень важный элементъ въ синодикахъ; этою свободой объясняется то обстоятельство, что въ синодикѣ могли проникнуть статьи мѣстнаго русскаго происхожденія.

Какъ и естественно предпологать, историческая часть помянника должна уступать въ своемъ развитіи части прикладной, то-есть, нравственно-назидательной и поучительной. Составители синодиковъ умѣли дѣйствовать на душу читателя подборомъ такихъ фактовъ изъ житій святыхъ или изъ благочестивыхъ сказаній, которые ясно показывали силу и дѣйственность молитвъ за умершихъ.

Этотъ послѣдній отдѣлъ въ помянникахъ по преимуществу долженъ быть названъ отдѣломъ повѣстей или сказаній. Вниманіе, на-кимъ пользовалась эта часть, усматривается уже изъ того обстоятельства, что именно она снабжена миниатюрами: поучительный и назидательный разказъ сопутствуютъ обильнымъ иллюстраціямъ, наглядно показывающимъ въ живыхъ образахъ практическое значеніе молитвъ за умершихъ. Такъ какъ прикладная часть тоже не одинаково развита во всѣхъ спискахъ, ибо одни представляютъ въ этомъ отношеніи значительную полноту, другіе ограничиваются немногими примѣрами, то мы ограничимся перечисленіемъ болѣе обычныхъ сказаній. Замѣтимъ однако, что ни одна повѣсть не повторяется дословно въ разныхъ спискахъ, разнообразіе редакцій въ этомъ отношеніи не можетъ быть подведено къ одному типу.

Самыя обычныя и чаще повторяющіяся повѣсти и сказанія, сопутствуемая притомъ иллюстраціями, слѣдующія:

1) О св. Макаріѣ Александрійскомъ. Ходящу св. о Макарію по пустыни и обрѣте лось сухой жерца ядолскаго и приступи къ нему и удари жезломъ своимъ. Мысль сказанія та, что по молитвамъ христіанъ бываетъ облегченіе отъ адскихъ мукъ даже язычникамъ. Очная горькая участь въ аду — это мученія еретиковъ, „тѣ не могутъ другъ друга видѣти"! Болѣе подробную редакцію этого сказанія мы видѣли въ Погод. № 595, л. 14.

2) О царѣ Теофілѣ, спасенномъ молитвами царицы Теодоры и собора епископовъ. Болѣе подробная редакція этого сказанія находится въ Румянцовскомъ музее¹⁾ и снабжена четырьмя иллюстра-

¹⁾ Описаніе Ундольскаго, № 154.

ціамъ. Краткая редакція въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Толстовскій списокъ синодика.

3) Изъ житія первомученицы Феклы (о Фалконилѣ).

4) Повѣсти общаго характера: а) о богатыхъ и немилостивыхъ умершихъ; б) о лихоимцѣ; в) о клеветникѣ; г) о піаницѣ; д) о погребавшихся въ церквахъ; е) о явленіи пресвятыя Богородицы; ж) о вачатин младенца во чревѣ матері; з) о поминовеніи въ 3, 9 и 40 день.

5) Повѣсти мѣстнаго происхожденія, случаи, имѣвшіе мѣсто въ опредѣленной странѣ или повѣствованія опредѣленнаго лица. Сюда относится, между прочимъ, чудо въ Константинополѣ, совершившееся при царѣ Иракліи. (Придоша пустынници въ домъ царя Иракліа...) ¹⁾, чудо изъ исторіи южно-итальянскихъ монастырей ²⁾, чудо въ Англіи, въ Валахіи ³⁾, въ Кесаріи Каппадокійской. Наконецъ, особенно часто и весьма подробно разказанная повѣсть о Новгородскомъ посадникѣ Щилѣ. — Рѣже встрѣчаются отрывки: св. Леонтія, пресвитера Царя Града; отъ слова Доросеева о нашемъ житіи ⁴⁾, отъ житія св. Пансіа и др.

Къ разсматриваемому типу редакцій синодика нужно отнести еще одинъ, хранящійся въ Публичной Библіотекѣ ⁵⁾, въ которомъ на оборотѣ 1-го л. находится слѣдующая историческая вставка мѣстнаго характера: И егда великій и благочестивый князь Владиміръ богоразумію сподобися подобникъ бывъ по всему великому и православному царю Константину, и вииде въ онь благодать св. Духа и посла по всей земли во вся языки испытати како вѣрують, и испытавъ о истинней православной вѣрѣ гречестей и поиде Владиміръ ко Царю Граду и прииде прежде къ Корсуню и плѣни градъ ихъ и посла въ Царьградъ къ царема Василюю и Константину рече: аще не дадите за мене сестры своея и сотиору граду вашему, якоже и сему сотворихъ. Они же послаша къ нему глаголюще: недостойтъ намъ за невѣрныа давати,... (слѣдуетъ разказъ лѣтописный). И приведе съ собою Владиміръ изъ грекъ перваго митрополита Леона гречина и съ нимъ четыре епископы, и крести всю русскую землю Леонъ митрополитъ и 4 епископы, иже придоша съ нимъ... Яро-

¹⁾ Погод. № 523, Толст. въ Публ. б. F. IV. 200.

²⁾ Имп. П. Б. Q. IV. 229.

³⁾ Общ. Публ. Библ. F. IV. 200.

⁴⁾ Имп. Публ. Библ. Q. IV. 229.

⁵⁾ Q. IV. 351.

славъ правосудъ сынъ великаго князя Владиміра постави перваго епископа въ Новѣградѣ.—За этой вставкой слѣдуетъ синодикъ, начинающійся такъ: Предисловіе всякому хотящему приложитися душею въ домъ нерукотвореннаго образа Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа и пречестныя его матере...

Если, въ заключеніе, присоединимъ, что практическій характеръ этой группы отмѣчается иногда еще указаніями, что поминникъ слѣдуетъ читать по вся дни, и что тому, кто приношеніе приемиетъ, а синодика не читаетъ, угрожаютъ страшныя наказанія, то мы будемъ имѣть понятіе объ общемъ характерѣ русскаго синодика или поминальника. Вся разсмотрѣнная часть составляетъ не больше какъ вступленіе или предисловіе къ содержанію, состоящему изъ перечня именъ. Нѣтъ сомнѣній, что означенная группа синодика не имѣетъ ничего общаго съ синодикомъ, читаемымъ въ недѣлю православія, что она развивалась независимо отъ этого послѣдняго и представляетъ въ своихъ редакціяхъ черты, отличающія мѣстныя особенности и подлежащія литературному и историческому изученію въ интересахъ національныхъ исторій и литературъ.

Но и въ этой группѣ слѣдуетъ выдѣлить нѣсколько списковъ, отличающихся отъ разсмотрѣнныхъ по редакціи и содержанію. Ихъ можно назвать синодиками смѣшаннаго содержанія, такъ какъ частію она примыкаютъ къ синодику, читаемому въ недѣлю православія, частію же къ разсмотрѣнному типу русскихъ поминальницъ. Сюда относятся списки, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ F. I. 256; Погодинскій 599; F. IV. 195. Особенность типа этой редакціи кратко состоитъ въ слѣдующемъ. Первою частію, то-есть, предисловіями, они представляютъ сборники историческихъ и назидательныхъ статей, подобранныхъ въ доказательство пользы и спасительности молитвъ за умершихъ, во второй части, гдѣ обыкновенно начинается перечень именъ, записанныхъ для ежедневнаго поминанія, эти списки носятъ слѣды заимствованныхъ изъ византійскаго синодика элементовъ. Переводныя статьи, впрочемъ, не касаются самой характерной части синодика—ни оглушенія отъ церкви иконоборцевъ, ни другихъ не согласныхъ съ господствующими воззрѣніями по церковнымъ и политическимъ вопросамъ, словомъ, въ нихъ недостаетъ элемента анаематствованія, чуждаго по существу основной мысли поминальника. При всемъ томъ нижеслѣдующія статьи несомнѣнно заимствованы изъ византійскаго синодика, съ небольшимъ измѣненіемъ формъ и оборотовъ рѣчи.

1. Помяни Господи души, иже послѣдоваша пророческимъ гласомъ, иже повиновашася апостольскимъ преданіемъ, по евангельскимъ списаніемъ и святыхъ отецъ вселенскихъ седми соборовъ преданія державшихъ, и того ради елико въ житіи семъ согрѣшиша прости имъ и душъ ихъ со святыми покои ¹⁾).

2. Помяни Господи души, иже тѣлесное пришествіе божія слова срдцемъ и умомъ, словомъ и усты, писаніемъ же и образы исповѣдающихъ Христа во дву естеству, сирѣчь въ божествѣ и въ чловѣчествѣ, исповѣдающихъ двѣ воли и два хотѣнія, и вѣрующихъ и возвыщающихъ во одну волю совершатися обѣ воли и хотѣнія еже въ божественней плоти, и того ради прости имъ содѣянная имъ въ житіи семъ и покои ихъ со угодившими тебѣ во всемъ ²⁾).

3. Помяни Господи души, иже словомъ освѣщающихъ устнѣ, также и слушающихъ слова, и вѣдающихъ и возвыщающихъ, яко освѣщаются очи зрящимъ святыхъ инокъ подобіе, яко возводится ими по благоразумію, якоже и божественныхъ ради церквей и священныхъ ради сосудовъ и иныхъ святыхъ возношеній ихъ, и того ради прости имъ вся аже въ житіи семъ содѣяша и учини души ихъ съ праведными твоими ³⁾).

Помяни Господи души вѣдающихъ и почитающихъ, яко жезлъ и скрѣпили и ковчегъ и свѣтильникъ, и трапеза и кадиланица ⁴⁾)..

Такимъ образомъ, въ этихъ спискахъ являются заимствованными изъ византійскаго синодика всѣ статьи, предшествующія поминовенію патріарховъ Германа, Тарасія и др. Русскіе списки, вмѣсто имени упомянутыхъ патріарховъ, приносятъ здѣсь другаго рода статьи: 1) о любящихъ благолюбіе божіихъ храмовъ, 2) о благотворителяхъ и соиздателяхъ храма, и затѣмъ прямо входятъ въ типъ поминальника, помѣщая сначала имена царей и царицъ, митрополитовъ, затѣмъ переходя къ частному перечисленію именъ, которыя заказано поминать. Въ Толстовскомъ спискѣ ⁵⁾ послѣ статей изъ византійскаго синодика, находимъ: „Повѣсть о зачатіи младенца во чревѣ матери и о исходѣ души христіанской и о поминовеніи въ четырнадцать дней“; далѣе, между другими назидательными статьями встрѣчаемъ: „Прѣніе живота со смертію“.

¹⁾ Изъ предисловія синодика въ недѣлю православія.

²⁾ Первая статья синодика за предисловіемъ.

³⁾ Въ синодикѣ статья: τῶν τῷ λόγῳ ἀγαζόντων...

⁴⁾ Статья синодика: τῶν ἐπισταμένων ὡς ἡ ράβδος...

) F. I. 256.

Составляя среднюю или смѣшанную редакцію синодика, конечно три списка любопытны и въ томъ отношеніи, что показываютъ въ исторіи русской церковной практики процессъ подбора византийскаго синодика.

Съ точки зрѣнія Русской науки, историческіе и литературные элементы помянника ожидаютъ еще specialнаго изученія. Какое обиліе литературныхъ сюжетовъ скрывается подъ скромнымъ заглавіемъ „Синодикъ“, можно судить по тому, что иногда въ одной книгѣ, превышающей сотню страницъ, находишь только предисловіе и приготовительныя статьи въ синодику, не встрѣчая перечня статей. Отсюда нельзя не приходиться къ заключенію, что въ синодическій литературная часть составляла не придатокъ, а основу.

Самый любопытный примѣръ такой редакціи синодика мы находимъ въ библиотекѣ покойнаго графа А. С. Уварова, (№ 668)¹⁾. Въ дополненіе и оправданіе сказаннаго выше о синодикахъ русской редакціи, позволяемъ себѣ изложить содержаніе названнаго синодика, въ которомъ особенно рельефно представлена поучительная и назидательная часть.

Предисловіе по извѣщенію Св. Духа въ предзнаменіе синодика: После Христа вознесенъ еже на небеса сѣде законоположи верою и трирорхъ иерусалимскій Іаковъ братъ Божій. По умышленію всѣхъ еретиковъ и дву апостолъ како достоинъ умершихъ душа возннати во сѣдѣхъ держахъ ко всей вселенной нѣже утвердися православная вѣра Христова. Потомъ расстали быша апостоли по вселенной ко градамъ или мѣстамъ своимъ прпощая законъ Христа Бога нашего; нѣкъ дадеся синодикъ ста даръ, а нѣкъ дадеся утѣшеніа истиннаа проповѣдь. И тако учимъ неѣрника замкну и нѣ вѣру приволя крещаше ко нмъ Отца и Сына и Св. Духа якоже вѣр, узакне ихъ и назавя безъ сумнѣнн, какъ нмъ во нмѣ чести жити и закону Божіи хранити и црковъ свохъ каитися до конца своего душахъ отъ тѣла. И во веходѣ души отъ тѣла како всякой души црковн станаемъ помнмаемъ быти и къ Богу приближатися. И тако баше умншемо: аще кто начнетъ оглохнети свѣта сего, а нѣкъ жеву или дѣти или брава или друи или братъ чужа, или званъ кто стрѣнь мужъ духовныхъ жана, и тѣмъ црковн оставая нѣннн црковннати и монастырешъ подданнн и синодикъ в сазаннхъ державъ на украшеніе, а душа ехъ нависнн въ синодикъ тѣхъ державъ, а потовъ в діаволнхъ и шакъвъ и нѣкъ служителямъ церковнымъ црковн на далаа. Тако о нмъ жезъ св. апостолъ Павелъ вселенной училъ, шакъвъ: се даже державъ отъ державъ да даде, а речя изболннннн дрннн

¹⁾ Убогую похвалу выражаетъ здесь глубокая привагательность графини А. С. Уваровой къ русскому синодическому списку, которое она сказала какъ при своемъ извѣщеніи о немъ въ 1850 году въ Одессу.

достоитъ нищимъ Божиимъ братьямъ дати. Зане тако узаконоположенія глаголють: даа нищему въ рудѣ Богу влагаетъ, стократницею приемиетъ и жизнь вѣчную наследитъ. А дающему нищія церквамъ на украшеніе сицева похвалу явственнѣ скажемъ, якоже сватаа Божія апостольская церковь вопиетъ на всякъ день. Титово твореніе. Благословиши православыячя тя, Господи, и святи на тя уповающаа, спаси люди твоя... А вписавшимся въ синодикъ сицева есть похвала ввегда понахиды уреченныа поютъ и кановы на понахидяхъ глаголють Іоанна Дамаскина, а въ нихъ къ стихирамъ заплѣны суть: покой Господи, помниа душа усопшихъ рабъ своихъ и рабынь (имерекъ), виши ихъ Господи въ выни животныа еже суть на небесѣхъ, иже есть во святыхъ и Божіихъ церквахъ синодики заупокойныа, и въ тѣхъ синодицѣхъ написуютъ имена православныхъ отшедшихъ душа, понеже прочтаютъ ихъ живущіа на земли. И ввегда священники понахиды поютъ и литургію Божию совершають и егда священникъ надъ просвирою поминаетъ имена отшедшихъ душъ и вписавшихся въ синодикъ, сице речеть: Помниа, Господи, душа усопшихъ рабъ своихъ и рабынь (имерекъ)... И услышавъ сіа ангелъ Господень, радостенъ на небо отходитъ яко вѣкторшій долгъ исправя и тамо написуетъ имена тѣхъ въ вѣчныхъ обителѣхъ въ немерцающемъ свѣтѣ, вѣдже радости вѣста конца. Сицева есть похвала: добръ страшиши земная обиліа даются небесная. О горе тѣмъ адѣ живущимъ, а о себѣ и о душахъ своихъ иеродающимъ: грабятъ, насвдуютъ, обиліа и неправды взимають, а при своемъ животѣ церквамъ Божиимъ не дають, ни слугамъ церковнымъ, ни нищимъ, ни страннаа помилова, на вага одѣ, ни больнаа посѣти, а отходя сего свѣта, и овъ приказываетъ по себѣ управляти таковымъ же злымъ человекомъ, грабителемъ и немилостивымъ, и овъ обрадуется тому злomu собранію, сице во умѣ держа да овъ самъ другъ мой не раздаде при своемъ животѣ, а вѣстъ откуда что взято отъ правды или неправды, азъ невѣмъ како или кому раздаати. Да въ томъ ему размышленіи сущи, время въ то припадетъ къ нему ангелъ саванитъ, еже есть корень сребролюбія, поучая его глаголетъ: о добрый человекъ, то ти Богъ далъ за твоя добрая дѣла, владѣй и шій и язль и воскреси наследіе себѣ и овѣ послѣ твоего живота раздадутъ. И овъ кудуинный человекъ, примѣ въ сердцѣ своемъ бѣсовскую прелесть, радъ бинь и пача владѣти, и потомъ поживе много лѣтъ въ питіи и въ яденіи въ безвѣрномъ и тако отходя сего свѣта указа по себѣ своего живота женѣ и дѣтямъ распространено дати своя и чужая. И оставшиа жена послѣ своего мужа и съ дѣтьми начати смышляти, сице рекущи: чада моя, что ся умисли безъ ума отецъ вашъ, а мой мужъ. Повелѣ своя нищія церквамъ и нищимъ раздаати, а мене и васъ оставляетъ спротоу, вонстину безуменъ есть глаголѣ сей мужа моего. Чада моя, умислила есмь тако, толико азъ съ тѣмъ богатствомъ да иду за богатъ мужъ, и овъ мене возлюбитъ и васъ кормитъ. Да въ томъ размышленіи душа ихъ во адѣ мучимыа сугъ, а дѣти, въ убожествѣ и по работамъ, якоже клицаетъ рече: тацѣхъ есть память съ шумомъ пзгibe безъ памяти (свидѣтельства евангелиста Луки, аностола Тита). Сицевая исправленія отъ святыхъ апостолъ бысть размышлена по грядомъ и веднхеса честное сіа апостольское законположеніе и до седьмаго собора. И на тотъ соборъ приде самосадскій епископъ Евсевій и сіа

писаніє въ руку своєю держаше, понеже добръ любаше то и исправляше и инѣхъ научая тако творити. Того же ради Евсеій сіє привесе на соборъ писаніє, чтобы на томъ соборѣ еще обмысливъ исполнити. И ту прилучиша Аригенъ еретикъ, и тои то исторже изъ руку Евсеіеву и начати смотрѣти и надолгѣ смотрѣвъ поверже на землю, рекъ: нѣсть пользы въ семъ писаніи, залеже то лжа есть, воскресенію мертвымъ не быти, ни праведнымъ возстанія, ни грѣшнымъ мученія. И то услышавъ Нонъ епископъ волеви встати собору, и того Аригена еретика и вса причетники его отъ собора отлучивши и прокляша, а сіє писаніє повелѣша чести на соборѣ во услышаніє всѣхъ и ничтоже въ немъ обрѣтоша душевредна писанія, токмо вса на пользу душамъ человѣческимъ. И рекоша вси единогласно: о, великое милосердіе Божіе, уже нинѣ увидѣхомъ, како сокруши Христово стадо, сего сумудрннато волка Аригена и зломыслищихъ совѣтниківъ его, иже предъ всѣмъ нарокомъ отпалоша сана своего и чести и славы Божіи лишени суть. Потомъ воста отъ сего святительскаго собора нѣкто старецъ духовенъ, иже ученикъ бѣ снѣтаго Савы освященнаго именемъ Михаилъ, сосудоточецъ, иже хитръ бѣ словесемъ духовнымъ и разумомъ, и рече снѣде: Господіє отцы и братія! не забравите ми худѣйшему во вводѣхъ глаголати. И рече святой Василій Амасійскій епископъ, глагола: чадо Михаилъ, со дерзновеіємъ глаголи и буди поборникъ по святѣмъ Дусѣ и по Божодухновенныхъ писаніихъ, а мы, чадо, отъ закона слышахомъ, якоже святой апостолъ Павелъ написа, рекъ: братія! аще ся лучитъ на каковѣ собранія быти о духовныхъ словесѣхъ, и вы будете единѣ глаголетъ, а вси да молчатъ. И рекоша вси: чадо Михаилъ, глаголи! Размеръ Михаилъ медоточная своя уста рече: Господіє отцы и братія! Собравши есиа не на умаленіє словесъ Божіихъ и апостольскихъ преданій, но на исполненіє и на подтвержденіє заповѣди. Достойтъ намъ, братія, добръ попенцися о умершихъ душахъ како бы не забвени были предъ человѣкомъ и Богомъ приближени. Помыслимъ, Господіє мои, се. Како Господь Богъ творецъ небу и земли милосердова о родѣ человѣчестемъ не хотя его видѣти въ глѣбинѣ суша, того ради отъ высоты на землю снѣде, и духомъ въ дѣву чисту возлеса и отъ нея плотию родися, заковъ нашъ исполняя...

Установленіє помяновенія умершихъ. — А нинѣ достойтъ намъ, братія и отцы, малая къ большимъ приложити, еже кто что вѣсть, отъ святыхъ писаній да приложитъ ко апостольскимъ преданіємъ, како бы получитьи душамъ человѣчестымъ во ономъ вѣцѣ жизнь, радость и покой вѣчный. Не уподобимся, братіє, рабу скрившему талантъ господина своего. И вземъ трость, нача писати снѣде: Во истину вѣмъ, что достойтъ епископомъ и попомъ и причетникомъ церковнымъ написывати имена тѣхъ въ церквахъ Божіихъ въ синодикъ, рекше въ церковное помянаніє, отъ нихъ възникають на церковное украшеніє или потребная себѣ по умершихъ душахъ... — и сіа до зѣд. Потомъ воста изъ чудный во словесѣхъ Спиридоніє именемъ, епископъ Севастія града, рече: Чадо Михаиле, младъ еси верстою, а старъ смысломъ. Чудна суть словеса твоя, иже еси изглаголалъ отъ святыхъ писаній, всѣмъ намъ потребная, и мируи угодная. достойтъ ихъ приплодити по апостольскимъ преданіємъ. Потомъ начати писати инъ нѣкто мужъ духовенъ Германъ именемъ, родомъ сербинъ, рече: снѣде достойтъ сказаніє по именовъ еже память

творити по умершихъ, аже имать сущимъ совокупленіе въ божествен-
номъ семъ собраніи, во увѣдѣніе по единому возглавленію муща все крѣпцѣ
являвша явщее же и посреднее и малѣйшее къ исцѣльшему отъвѣту предло-
жену бысть ветхаго завіта и новыя сія благодати закона отъ снятыхъ апо-
столь и отъ святыхъ отецъ указася азѣ кунно же и дробныхъ снисканій еже
аще гдѣ снисканіе предлежитъ... а еже о мертвыхъ приносимая службы,
псалмы же и пѣнія и лѣтняя памяти и слухованія, 40 дней или произволе-
ніемъ добрѣйшаго чрезъ годъ, или умаленіемъ убожества ради исправится по
три дни въ недѣлю, и аще мирскимъ человекомъ приказано за душа мона-
стырени милостыни подавати за живыхъ или по умершихъ, о нихъ же нера-
дѣніемъ или невѣріемъ сего ради небрегуть, и да въ поношеніе не вѣра свя-
тому писавію и о своей души спасеною лѣтвяцею не восходятъ къ Богу
приблизитися, о томъ воздадутъ отъвѣтъ въ день судный въ ономъ вѣдѣ предъ
миллицѣрнымъ судію, иже воздасть комуждо по дѣломъ его. Еще сему судъ
градеть еже о своихъ родителѣхъ не творить памяти или ближнимъ своимъ,
по умершимъ же сего самого небрегома память погибнеть. — Свидѣтельство
Василія Великаго, книги притчей, І. Златоуста, Ефрема... Сиде свя-
тѣ отци на седьмомъ соборѣ по апостольскимъ преданіемъ много избравъ
отъ писаній приложина того ради, како достонть на семъ свѣтѣ пребывати
воимъ православнымъ христіаномъ, а не впадати въ сѣти діаволя, а къ цер-
квямъ Божіимъ приходити, а отцевъ своихъ духовныхъ во всемъ слушати, а
бже повелѣнія отца своего духовнаго никакова дѣла не творити.—Сиде свя-
тѣ отци на седьмомъ соборѣ утвердиша и тако повелѣша творити при своемъ
помуждо животѣ и предаша сіе святѣй Божій апостольскѣй церкви на утвер-
жденіе православныхъ вѣры, да приходящемъ вѣрніи яко отъ источника сла-
достыною воду почерпають и несъ міръ наполють ученіемъ божественныхъ
словесъ. А иже не повинуются повелѣніемъ апостольскимъ, иже проповѣдаша
и предаша держати и потомъ святыми седьмы соборы святіи отци обыскаша
и утвердиша правлы своины, паче же духомъ святымъ, иже предаша церкви
Христовѣ по вселенней, и паче же пже не повинуются сей великіе
церкви дариградской и патриарху, иже есть вселенскимъ право-
славнымъ церквамъ правило инаги, аже повелѣша и утвердиша и пре-
даша святіи апостоли въ своихъ правилѣхъ и сія боговосвіи отци, а иже не
вѣруеть, таковий не жаееть отъ Бога пріяти милости. А сія апостольская
писанія и отеческая ученія святыхъ отецъ седми соборъ исправленія предаша
суть мирови на утверженіе. Имѣющимъ обильная въ житіи или украшен-
нымъ руководѣніемъ, тѣмъ заповѣдемъ и ученія и заирещенія...

Се же поученіе въ наказаніе отъ апостольскихъ предавій о
умершихъ внемлите разумно. Да творятся третины о умершихъ въ пѣ-
ніихъ и въ молитвахъ третій день воставшаго ради, и девятины на память
живымъ и умершимъ, чотырдесятины жь по ветхому образу, Моисеови бо
людіе тако плакашася, и лѣтняя памяти его творяху, се же о благочестивыхъ
глаголемъ. А о вѣчестивыхъ же, аще и всего міра даси имѣніе убогимъ, ач-
тоже успѣши, ему же бо живу сущу врагъ бѣ Божій, явѣ есть яко и
умершу ему...

г. 28 в. Предисловіе Синодика. Какоя ради вины уставися творити

память умершимъ. Молю убо васъ, братія, прострите слухи ваша и послушайте внимательнѣе на пользу вамъ глаголющя и увидѣте разумно, чѣмъ ради узаконена божественнїи отцы творити память умершимъ. Се же убо начну вамъ повѣсть дивно о суботѣ мясопустней. Въ сію же убо субботу святїи и божественнїи отцы уставивша память сотворити всѣмъ отъ насъ умершимъ вины ради сидевыя. Повеже мнози челоуѣкъ безгодную смерть, подъяша въ мори же и непроходнахъ горахъ, въ стремнинахъ же и пропастьхъ, голодомъ и запаленїи, бравьми и студении и инако всяко смерти претерѣвши, равно же убозїи сущїи и немощнїи, и иже не получилиша узаконенныхъ памятей, пѣсней и псалмовъ, челоуѣколюбнїи же божественнїи отцы святїи духомъ движени, всїи си общую память творити узаконивша, соборную дарковъ отъ священныхъ вѣстоулъ прїемше, яко узаконенныхъ почести не получивша, въ сію субботу мясопустную общєю памятью сїи поминаются, показавше яко же о нихъ бываешыя службы и повахиды великую тѣмъ ходатайствуютъ пользу по единому образу сиде Божїа церкви память сотворяетъ отшедшимъ душамъ...

Л. 39 обор. Ина свидѣтельница предложу вамъ отъ божественныхъ писанїй, яко полезно есть память творити по умершихъ. Приступите, братїе и сынове, и послушайте разумно, да скажу вамъ силу и честь великого сего и чуднаго синодика, рекше поминанїе душъ умершихъ братїй нашихъ волею чество есть и полезно. Исперва бо святїи апостоли узаконили, потомъ же святїи отцы по тѣхъ преданїю, паче же духомъ движени предаша святѣи и вселенскѣи церкви по вся субботы памяти сотворити по умершихъ душамъ. Сїе же убо и Іоаннъ Дамаскнїи во осмогласнїи сотвори по вся субботы повахиды и стихиры на осемъ гласомъ и канони, видий яко пользуется душамъ умершимъ приносимыя нами молитвы за нихъ, во уставѣхъ же уставися святимъ Савою Іеросолимскимъ и на полунощницѣ чѣти тропаря и кондаки и молитвы за усопшихъ душа. Сей же убо Сава сотвори св. Духомъ подвижаемъ, сего же убо преданїа доннѣ вселенская церква держитъ, ее же въ писанїихъ обрѣтохомъ. Яко и ѣкій челоуѣкъ плѣвнѣнъ бѣ въ Кипрѣ и ведоша его въ Персїду и тамо затвориша его въ темницы, и иждиве оттуда бѣжавше и прїидоша въ Кипръ и возвѣсташа родителема его о немъ яко ему умершу, яко своимъ его руками погребоша, они бо мяху яко того погребоша, и повѣдаша имъ день и мѣсяцъ погребенїю. Сродницѣ же его яко по умершимъ литургїа по немъ сотвориша. Минувшии же 4 глѣтомъ плѣвнїи тотъ прибѣжа изъ Персїды въ Кипръ, рѣша же ему родители его: во истину, чадо, мы слышахомъ яко умеръ еси, и память ти творихомъ три глѣта, во святое Рождество Христово и въ Пянткосїе и въ четвертокъ предъ Пянткосїемъ. Онъ же рече, яко въ три сїа дни всего глѣта приходаше ко мнѣ ювоша въ бѣлыхъ ризахъ яко солнце, никому видящу, тако пушаше мѣ отъ веригъ и отъ темниды, и хождѣхъ весь день и никто же познаше мене, и изъ утрае обрѣтохся въ темницы нося вериги. И Германъ, патрїархъ Царяграда, слые глагозаше къ попомъ, поучая ихъ къ божественней службѣ: о, какои цѣны достоинъ есть поминанїе церковное за душа живыя и за мертвыя, оне неразумїе челоуѣцкое, цѣны пытаеши бездѣвному дару Божїю (... подобно Симоу волхву)... аще и глубины живыя не вѣмы, не дивно есть, повеже

не во Аѳонѣхъ есмы воспитани, ни навыхомъ мудрости ихъ, но по сему разумѣемъ, еже слышимъ и поемъ всегда: Нынѣ силы небесныя... Аще бы не велика была служба и поновство и поминаніе, и не бы требовалъ просири и поминаніе Матеѣи апостола и евангелиста, глаголю же и мученикъ. Егда бо мученикъ предать душу свою Господеву, и въ ту ночь явися Платону епископу, глаголя: епископе, востани и собери іерея и діаконъ и привеси приношеніе за мя хлѣба свята и лозы три грезны и вгнетше причаститися, яко вышній Господь Іисусъ Христосъ приношеніе показа, въ третій день воста изъ мертвыхъ. Помни же въ молитвѣ и просвиру Матеѣя, такоже и начаша пѣти трисвятое, таже отпѣваху хвалу шѣсни Давидовѣ, и пакы: честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ его... Тогда видѣша отроча красно предъ вами, яко изъ глубини морскія крестъ искождаше и на концы креста грядуще ковчегъ, въ немъ же баше тѣло Матеѣево, ста на земли создаи полати на востокъ идѣже епископъ иринесе просфиру за Матеѣя. Царь съ горькимъ се узрѣвъ и удивлься, изыде изъ полаты и притекъ поклонися на востокъ ковчегу и принаде къ епископу и пресвитеромъ и къ діакономъ и въ покаяньи исповѣда рече: вѣрую въ негоже вы вѣруете, во Христа Іисуса Сына Божія. Молюся вамъ дайте ми Христово знаменіе и крестите мя. И аще такову службу принесете Богови вашему за мя и просфиру, не имамъ унати злѣвїя моего, но всю полату мою дамъ въ поминаніе, и тако вѣрующа и креститна и во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Явившеся Матеѣи апостола рече: Валфамоне дарю, уже да не будетъ ти имя Валфаминость, но нардыся Матеѣи, и Тывавелгно жена царева зовема буди Софія и неврежена сына вая да наречется Сунесїй, да будутъ си имена ваша написана на небеса и да не скончуются изъ ребръ вашихъ, и сего же поминавїя востребоваше блаженная та душа евангелиста Матеѣи апостола...

І. 48. Предисловіе Синодика избранїю отъ божественныхъ писанїй вкратцѣ... Яко же гроздь оставшїй въ листїи по обиравїи яля овощїе всякаго простаго древа оставшее по обиравїи забвеное обравше, сице восхотѣхомъ вамъ предложити елико возмогохомъ, поспѣшествующу же Христу истинному Богу.—Приводятся свидѣтельства отъ цркви, затѣмъ примѣры... Егда бо первомученица не спасе ли Фалкониу по смерти, но рачнѣ речеши яко та спасла по достоинству запещѣ бѣ первомученица, смотри же пакы о коемъ прошенїе: не о еллинѣ ли инослужительницы бывшей и некрещенной и чуждей Господа и беззаконїя дѣлательницы, злѣже вѣрнїй и о вѣрномъ. Приде же еиде о сихъ и на другое такоже слыное и тому жѣ подобная, глаголю же Поладїеву еже ко Еуласу новѣстную книгу, въ ней же по великому чудотворцу Макарію все истиннѣ написуетъ чудеса, како суху лбину вопроша аже о усопшихъ и увѣде вся и рече же къ ней: никогда же ли обрѣтаете нѣкое угѣшенїе, бѣ бо снятый обычнѣ творя молитвы о усопшихъ и увѣдѣти желаше, аще убо на пользу бывають. Се же восхотѣ показати душелюбивый Господь, якоже и при Лазари богатаго, такоже и сего показа ему до главы въ пламени жегома. Старцу же пакы со слезами Бога помолвїшу о немъ, и показа ему его даже до пояса въ пламени; святому же и еще труды къ трудомъ приложившу и показавъ ему Богъ всего свободна отъ огня избавлена. Никто убо можетъ сія свидѣтельства по ряду исповѣдати, аже въ преподоб-

нихъ житіи и ученіи, глаголю же и въ мученичествахъ и во откровеніи божественныхъ лѣтъ представляюща и по смерти вельми благодѣлательствующа отходящая же о нихъ бываемая молитва и служба и милостыня...

Л. 62. Предисловіе Синодика. Сія книга спасенія и душеполезная суть, въ нихъ же написанася хотящеи душамъ спасенія и помощи въ страшный и великій день грозного и третнего Христова суда. Сии книги гани небаивитися муки вѣчныя и причестися великихъ и избранныхъ угождашихъ Христу, потрудившихся Бога ради, пострадавшихъ царства ради небеснаго и своего ради спасенія... Се же пишемъ къ вамъ пастухомъ, рекше и учителемъ стада Христова. Иже кто отъ нихъ паствы вашей нищетою духовною живый преставишеся отъ житія сего, не глаголете яко не даѣте вкладъ, не пишемъ его въ поминаніе, то уже нѣсте пастуси, во всемъ и издохнѣте, како дерзнете рещи предъ Богомъ въ страшный день: се азъ и дѣти мои, яже приносиме должныхъ молитвъ за душа ихъ...

Л. 65. Ивъѣстно намъ буди завѣщаніе, еже памяти творити по умершихъ ветхаго завѣта и новаго благодати отъ святыхъ апостолъ и отъ святыхъ отецъ указася, 4 днѣи или произволеніемъ добрейшаго чрезъ годъ, или умаленіемъ убожества ради по 3 днѣи въ недѣли, или уставленнаго покаянія понахиди съ поведѣнья на вторникъ или среды на четвергъ или съ пятницю на субботу въ церквахъ монастырскихъ или мирскихъ, игуменъ или погъ или діаконъ, или строватель, или понамарь, или мирскіе челоувѣци не рѣдѣніемъ или невѣріемъ сего небрегуть, о томъ воздадутъ отвѣтъ въ ономъ ивѣдѣ предъ величїемъ судіею, иже воздасть комуждо по дѣломъ его.

Л. 66. Сіи помявникъ сотворишя во благочестіи пожившихъ, винны ради сицевыя. Пожеже мнози во благочестіи поживша и вѣру соблюдоша и предавіа святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ сохраниша, и того ради уставися сице душамъ ихъ поминаемымъ быти, да сугубу мзду отъ Бога приимуть противу дѣлъ своихъ. И ради ихъ благочестія сицева имъ почестъ во святыхъ церквахъ уставися творити, да сіе слышавше и прочіи челоувѣци ивыкнутъ такоже творити и во благочестіи жити. Поминаемъ же во благочестіи житіи скончавшихся сице. Помяни Господи душа иже послѣдоваша пророческымъ гласомъ и иже повнѣвовашеся апостольскимъ гласомъ и иже приложися евангельскимъ списавіемъ и святыхъ отецъ вселенскихъ седми соборовъ предавіа державшихъ, и того ради елико въ житіи есмь согрѣшиша прости имъ и душа ихъ со святыми покон. Помяни Господи душа, иже плотское пришествіе... Слѣдуютъ статьи, взятыя изъ греческаго Синодика (των τῶν ἐπισκοπων τοῦ Θεοῦ λόγου παρουσιας и проч.).

Л. 72 обор. На мѣсто спеціальнаго отдѣла греческаго Синодика, анаематствующаго еретиковъ, продолжается поминаніе: 1) всѣхъ православныхъ христіанъ, 2) любящихъ благодѣіе святыхъ церквей, 3) творящихъ память по умершимъ, 4) благотворителей въ пользу церквей, 5) всѣми винны способни радѣющихъ о пользахъ церкви, 6) исполняющихъ заповѣди церковныя и проч.

Л. 84. Помяни Господи душу раба своего священнодіакона Кирилла, потрудившагося своими рукама и написавшаго си синодикъ сей къ святому храму сему. Сице же подвижемся соборѣи помянути царя кюно и патріархи и свя-

тители и всякъ возрастъ помершихъ отъ Адама и до сего дне всячески скончавшихся. Между прочимъ (л. 86 обор.): Помяни Господи душа иже на путехъ и на распутьяхъ отъ татарь и отъ иноязычныхъ отъ всякія вѣры избіенныхъ и на разбѣи отъ злыхъ чловѣкъ скончавшихся нуажю безъ покаяніа.

Помяни Господи душа иже въ лѣтѣхъ погавыхъ заведены быша и въ странахъ расточены тамо всячески изнужены быша и осквернены и изомроша безъ покаяніа. Помяни Господи душа иже отъ погавыхъ странъ избѣгшихъ и на пути всячески нуажю смертъ пріемшихъ. Помяни Господи душа всѣхъ православныхъ христіанъ иже отъ вѣка во всей поднебесней и во всей седми тысячныхъ лѣтахъ благочестно на земли пожившихъ во обхожденіи солнца и во всѣхъ концыхъ вселенныа вселенныа бѣдами и скорбми и болѣзнями и нуажю одержимыа умершихъ православныа и вси старцы и ювоши...

Л. 91. Преддверіе слову предъ канономъ. Молю убо яко пріискреннѣ и иже о Господеви твою любовь, духовный отче и господи мой! (увѣщаніе умершаго къ своему духовному отцу молиться о немъ).

Л. 95. Начало. Правило. Рцы сіе. За молитву святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ... Канонъ гласъ 8. Створеніе логофета вѣковаго...

Л. 105. Блаженъ чловѣкъ иже не исползнется языкомъ своимъ и благаа называются на уста молчаливаго. Иже бо хранитъ языкъ свой, блюдетъ отъ скорби душу свою. Смертъ бо и животь во рту языкомъ: что есть легче языка воздержати. Вопросиша отца Логина глаголюще: какъ есть добродѣтель больше всѣхъ, отвѣща старецъ... Свѣтъ душевный чтеніе книжное, его же лишився безумный, аки во тмѣ ходи погубнетъ.

Л. 106. О памяти смертней и страшномъ судѣ. Како поучатися о сихъ да слажнмъ си помыслъ въ сердцахъ нашихъ. Глаголютъ же отцы, яко въ дѣланіи нашемъ зѣло потребно и полезно намитъ смертнужу пмѣти всячески и суда страшнаго.—Далѣ приводятся свидѣтельства (Филооен сиваята и др.).

На оборотѣ л. 118: Молитва великомученика Евстратія и Макарія Великаго.—Всего въ синодикѣ 121 ластъ.

III.

Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ ¹⁾.

Оби́е статей, внесенныхъ въ Синодикъ при царяхъ Алексѣѣ I и Мануилѣ Комниннахъ. — Главы противъ I. Итала, какъ выраженіе философскаго мнѣнія въ концѣ XI вѣка. — Извѣстія объ Италѣ: а) Авыи Комнини; б) Н. Акомината. — Разборъ этихъ извѣстій и сопоставленіе съ писаніемъ М. Пселла. — Философское направленіе I. Итала. — Культурное взаимоотношеніе между западомъ и востокомъ: Прантъ и его мнѣніе о логикѣ Пселла. — Разборъ возраженій Тиро. — Антицерковное направленіе въ философскомъ движеніи. — Внесенныя въ Синодикъ положенія противъ Итала представляютъ собой разрозненныя звенья метафизической системы. — Возможно ли возстановить эту систему. — Освѣщеніе ученія Итала съ точки зрѣнія метода и содержанія схоластической философіи: а) вопросъ о родахъ и видахъ (универсалии); б) представители номинализма и реализма на западѣ и метафизическія системы ихъ. — Отреченныя мнѣнія, внесенныя въ Синодикъ, тождественны съ продуктами западной философствующей мысли. — Разность философскихъ принциповъ въ главахъ противъ Итала. — Платоновскій реализмъ какъ въ богословскихъ выводахъ, такъ въ космологическихъ и психологическихъ построеніяхъ Итала. — Школа I. Итала: а) монахъ Нилъ; б) Евстратій Никейскій, сочиненія его; с) М. Ефесскій и др.; д) Левъ Халкидонскій. — Ученіе Льва, объясняемое изъ діалога Евстратія. — Философскія основы въ школѣ, онтологическое начало. — Пять главъ противъ богомиловъ, космологическая система на началахъ дуализма. — Сравненіе этихъ главъ съ Бесѣдой пресвитера Козмы. — Точки соприкосновенія богомильскаго ученія съ ученіями иконоборцевъ. — Распространеніе Синодика новыми статьями при царѣ Мануилѣ. — Изложеніе исторіи соборовъ. — Діалогъ Сотриха. — Соборъ 1156 года, разборъ соборныхъ актовъ. — Новые матеріалы, почерпнутыя въ сочиненіяхъ Николая Мевонскаго. — Философская основа въ антицерковномъ движеніи: номинализмъ и реализмъ. — Никифоръ Василаки. —

¹⁾ Настоящая глава была уже составлена и отправлена въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, когда мнѣ удалось ознакомиться въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ съ рукописными матеріалами, касающимися философскихъ воззрѣній Пселла и I. Итала. Результаты этихъ послѣднихъ наблюденій сообщены будутъ въ приложеніяхъ.

Соборъ 1166 года: разборъ актовъ. — Выводы къ сравнительной важности матеріаловъ, сообщаемыхъ Синодикомъ противъ изложеній соборныхъ дѣній. — Епископъ Керкирскій и Іоаннъ Ириникъ, изслѣдованіе архіепископа Вулдисы. — Дмитрій изъ Ламны. — Отрывокъ неизданной части сочиненія Н. Акомината о богословскихъ спорахъ въ концѣ XII вѣка. — Михаилъ Спидидъ и Свѣтъ Селиръ. — Замѣчаніе о статьяхъ политическаго характера въ Синодикѣ.

Патріархъ Фотій высказалъ однажды слѣдующій взглядъ на общій отлученія отъ церкви (анаѳема) въ письмѣ къ Игнатію, митрополиту Клавдіопольскому ¹⁾. „Страхъ и ужасъ внушало когда-то слово анаѳема, когда имъ пользовались глашатаи благочестія противъ нечестивныхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ дерзкое и безстыдное нахальство пораженныхъ проклятіемъ, вопреки всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ и въ противность всякихъ основаній съ еллинской и варварской точки зрѣнія, въ дикомъ изступленіи бросило собственное проклятіе въ защитниковъ православія и варварская невоздержность стала выше церковной дисциплины ²⁾, страшное это слово, за которымъ уже нѣтъ большаго наказанія, немедленно обратилось въ сказку и дѣтскую забаву, такъ что анаѳема стала желаннымъ отличіемъ благочестивыхъ³⁾. Нельзя забывать того, что эти слова принадлежатъ лицу, которое пять разъ подвергалось анаѳемѣ ⁴⁾ и при которомъ церковь испытывала рядъ особенно сильныхъ потрясеній; но было бы также ошибочно думать, что отлученіе отъ церкви не теряло постепенно своего авторитетнаго и устрашающаго характера, когда стало примѣняться часто и безъ особенной осторожности и когда анаѳема обратилась въ средство политической борьбы между различными партіями. Не будемъ утверждать, что слова Фотія вполне приложимы къ иконоборческому періоду; но что касается многочисленныхъ статей Синодика, относящихся по происхожденію своему къ позднѣйшему періоду, который обильнѣй матеріалами и потому болѣе изученъ, то многія изъ нихъ безъ ущерба для „благочестія“ могли бы быть изъяты изъ Синодика, если бы церковныя партіи не водимы были человѣческими страстями и земными побужденіями.

Вслѣдъ за статьями противъ иконоборцевъ въ Синодикѣ идетъ

1) *Migne*, Patrologia Graeca t. 102, p. 833 (Epistolarum lib. 11, ep. 17).

2) Καὶ τῆν βαρβαρικὴν μανίαν ἐκκλησιαστικῆν παρανομίαν ἐφιδωσικῶσαν ἀπερῶσαναι. Слово παρανομία здѣсь совсѣмъ неумѣстно, что замѣчено было еще Гергенрѳтеромъ, 11, с. 194.

3) *Hergenröther*, Photius Patriarch, 11, s. 185.

рядъ еретическихъ именъ и противоположныхъ ученій, предаваемыхъ анаемѣ въ недѣлю православія. Иногда названы по имени представители той или другой ереси, иногда приведены только еретическія ученія безъ обозначенія имени ересеначальника, въ нѣсколькихъ случаяхъ названы голыя имена безъ указанія обстоятельствъ и причинъ, побудившихъ церковь приложить по отношенію къ нимъ строгую кару. Значительная часть отреченныхъ именъ и ученій относится ко времени царя Алексѣя I Комнина, другая падаетъ на періодъ царствованія Мануила Комнина. Если разсматривать во взаимной связи и послѣдовательности всѣ наслоенія, привзошедшія въ Синодикъ отъ конца XI до конца XII вѣка, то получится возможность отыскать въ отрывочныхъ указаніяхъ и намекахъ, оставившихъ слѣды въ Синодикѣ, нѣкоторые твердые, положительные и постоянно способные волновать умы принципы, противъ которыхъ церковь должна была вести энергичную борьбу. Само собой разумѣется, ближайшая цѣль будетъ заключаться въ томъ, чтобы уловить единство идеи въ разнообразныхъ формахъ ея проявленія и показать, что при вѣшнихъ отличіяхъ еретическія мнѣнія въ существенномъ исходили изъ одного принципа. Для оправданія этого положенія было бы удобнѣе представить въ одной картинѣ религиозное и философское движеніе съ конца XI по конецъ XII вѣка; но такъ какъ намъ придется нерѣдко входить въ детальныя изслѣдованія, то мы, по необходимости, должны раздробить изучаемый матеріалъ на части, отдѣливъ время Алексѣя I отъ Мануила.

Анна Комнина не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, чтобы восхвалять „апостолическую“ дѣятельность своего отца ¹⁾. „Онъ одинъ умѣлъ попеременно употреблять оружіе и слово: оружіемъ побѣждалъ враговъ, словами обличалъ еретиковъ. Вооружившись на маникеевъ, онъ предпринялъ апостольскій подвигъ вмѣсто военной экспедиціи. Я бы назвала его тринадцатымъ апостоломъ: хотя нѣкоторые приписываютъ эту честь Константину Великому, но, по моему мнѣнію, его слѣдовало бы помѣстить вмѣстѣ съ Константиномъ, или уже по крайней мѣрѣ вслѣдъ за Константиномъ“. Конечно, Анна имѣла основаніе превозносить заслуги царя Алексѣя въ пользу православія. Дѣйствительно, нерѣдко онъ и самъ вступалъ въ пренія о вѣрѣ и пользовался всѣми мѣрами къ очищенію церковнаго ученія. Не говоря уже о церковныхъ соборахъ противъ отдѣльныхъ лицъ,

¹⁾ *Alexias*, XIV, 8 (p. 300).

погрѣшившихъ противъ чистоты православія, мы видимъ въ его царствованіи обнаруженіе многихъ сектъ и ересей, на которыя обращено было серьезное вниманіе и свободному распространенію которыхъ поставлены были предѣлы. Царь Алексѣй не только преслѣдуетъ манихеевъ, армявъ, навликіанъ, богомиловъ, но и заботится о научномъ опроверженіи ересей и поощряетъ Евѣмїя Зигавина къ составленію исторіи ересей и опроверженію противныхъ православію ученій. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность Алексѣя Комнина въ этомъ направленіи должна была найти выраженіе въ томъ документѣ, который можетъ быть названъ по преимуществу памятникомъ торжествующаго православія, именно въ Синодикѣ. И дѣйствительно, вся часть его, слѣдующая за статьями противъ иконоборцевъ, въ числѣ по крайней мѣрѣ 20 статей, относится по своему происхожденію ко времени Алексѣя Комнина. Отличіемъ этой части служатъ тотъ призывъ, что въ Синодикѣ вошли ученія, а не имена, какъ будто замѣчаніе Анны Комнины объ Италѣ, что имя его приводится въ церковномъ отлученіи не совсѣмъ прямо и темно—касается и многихъ другихъ, осужденныхъ при Алексѣѣ лицъ.

Эта особенность частей Синодика, относящихся по происхожденію къ концу XI и началу XII вѣка, не можетъ не представлять особенныхъ затрудненій для изслѣдователя. Во всякомъ случаѣ, въ томъ кругѣ идей, которымъ мы доселѣ занимались, нельзя искать объясненія для нѣкоторыхъ статей. Поэтому находимъ необходимымъ коснуться, хотя въ общихъ чертахъ, религиозныхъ лжеученій, обнаруживающихся въ занимающую насъ эпоху. Извѣстія Анны Комнины и исторія еретическихъ ученій Зигавина въ общихъ чертахъ сообщаютъ о главныхъ теченіяхъ религиозной жизни за эту эпоху. Поэтому нельзя сказать, чтобы изслѣдователь лишенъ былъ возможности установить происхожденіе даже и тѣхъ частей Синодика, которыя, не обозначая по имени основателей и виновниковъ еретическаго мнѣнія, подвергаютъ отлученію абстрактно выраженную мысль. Иногда эта мысль высказана въ такой близкой формѣ къ выраженіямъ, находимымъ у Анны или у Зигавина, что не остается никакихъ сомнѣній относительно ея приуроченія. Труднѣе представляется дѣло тамъ, гдѣ буквальнаго сходства въ выраженіяхъ не находимъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе рядъ статей (11 главъ), отгнѣченныхъ именемъ Іоанна Итала. Это одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ Синодика, потому что здѣсь названъ по имени еретикъ, и ученіе его изложено съ нѣкоторыми подробностями, какія рѣдко

встрѣчаются въ другихъ случаяхъ. Для точности слѣдуетъ однако замѣтить, что въ сохранившихся редакціяхъ всѣ 11 главъ или положеній наложены безлично и могутъ быть относимы къ цѣлой школѣ или еретичествующей партіи, во всякомъ случаѣ не къ одному лицу! Въ Синодикѣ подвергаются отлученію неправославныя мнѣнія, которыя выражены въ слѣдующей формѣ: 1) пытающимся вновь обсуждать вопросъ о томъ, какимъ образомъ Богъ-Слово „человѣческому смѣшенію соединися“; 2) вводящимъ еллинскія мнѣнія о душахъ человѣческихъ, о небѣ и землѣ и о прочихъ твореніяхъ, то есть, принимающимъ переселеніе душъ и отрицающимъ воскресеніе, судъ и воздаяніе, допускающимъ существованіе идей и безначальнаго и вѣчнаго вещества (главы 2, 3 и 4); 3) утверждающимъ, что еллинскіе мудрецы и первые ересіархи, отлученные семью вселенскими соборами, во многомъ выше и на послѣднемъ судѣ окажутся лучше тѣхъ, хотя благочестивыхъ и православныхъ мужей, но погрѣшившихъ по страсти человѣческой или по невѣдѣнію; 4) не вѣрющимъ въ чудесныя дѣйствія Спаса нашего Бога и владычицы нашей Богородицы и прочихъ святыхъ, но отрицающимъ ихъ, какъ невозможныя, или толкующимъ по собственному разумѣнію; 5) проходящимъ еллинскія науки и усвоившимъ себѣ еллинскія теоріи, принимающимъ платоновскія идеи и отрицающимъ твореніе міра изъ ничего, принимающимъ, что во всеобщее воскресеніе люди возстанутъ не въ тѣхъ тѣлахъ, въ которыхъ жили, вѣрющимъ въ предсуществованіе душъ и въ конечность мученій (главы 7—10). Послѣдняя глава представляетъ собой общій выводъ, въ ней предаются отлученію противоцерковныя мнѣнія, введенныя Италомъ и усвоенныя его учениками, — въ такой формѣ это положеніе замѣняетъ всѣ предыдущія и само по себѣ можетъ быть достаточнымъ для такого памятія, какъ Синодикъ.

Итакъ, ученіе Итала и его учениковъ наложено собственно въ 10 положеніяхъ, но и это число могло бы быть сокращено, такъ какъ одна и та же матерія повторяется иногда въ нѣсколькихъ положеніяхъ. Но что всего любопытнѣе здѣсь, это, во первыхъ, присутствіе значительнаго философскаго элемента, въ которомъ почти теряется противоцерковный богословскій характеръ Итала, во вторыхъ, особенно рельефно выдвигаемый источникъ неправыхъ мнѣній, происходящій изъ увлеченія еллинскою наукою и преклоненія предъ еллинскими мудрецами. Выдѣливъ существенное и останавливаясь только на главныхъ чертахъ, можно выразить отвергаемыя церковью мнѣ-

нія Итала и его учениковъ въ трехъ положеніяхъ: 1) переселеніе душъ, 2) платоновскія идеи, какъ реальныя бытія, 3) предсуществованіе душъ и твореніе міра изъ предвѣчной матеріи. Изъ этого можно видѣть, что Италъ не былъ собственно богословомъ и не можетъ быть разсматриваемъ какъ виновникъ какой-либо религіозной секты; онъ былъ мыслитель и подвергся церковному отлученію за то, что не согласовалъ свою философскую систему съ церковнымъ ученіемъ. Ближайшій выводъ отсюда тотъ, что на *Итала* нужно смотрѣть какъ на *выразителя философской мысли въ концѣ XI вѣка*: съ этой точки зрѣнія 11 главъ Синодѣна противъ Итала получаютъ большой историческій интересъ и нуждаются въ подробномъ разсмотрѣніи.

Жизнь и дѣятельность Іоанна Итала не осталась не отмѣченною въ Византійской лѣтописи. Цесаревна Анна Комнина посвящаетъ ему нѣсколько страницъ въ своей Алексіадѣ¹⁾. Именно, въ разказѣ о войнѣ Алексія Комнина съ Бозмундомъ, она описываетъ положеніе столицы, волнуемой ученіемъ І. Итала. „Сей Италъ происходилъ изъ Италіи и прожилъ долго въ Сициліи. Сицилійцы, возставъ противъ ромейской власти, призвали на помощь италіанцевъ, между которыми былъ и отецъ Итала; онъ привелъ съ собою своего сына, хотя и не имѣющаго еще надлежащаго для военной службы возраста, но могущаго слѣдовать за нимъ и изучать военное италіанское дѣло. Когда же знаменитый Георгій Маніакъ во время царствованія Мономаха, взбунтовавшись, занялъ Сицилію, тогда съ трудомъ удалось оттуда спастись отцу Итала со своимъ сыномъ и найти убѣжище въ Ломбардіи, находившейся еще подъ ромейской властью. Изъ Ломбардіи названный Италъ, какимъ-то случаемъ попалъ въ Константинополь, продвѣгавшій всякую науку и словеснымъ искусствомъ. Ибо со времени Василія Порфиророднаго и до Мономаха, хотя образованность и была въ пренебреженіи у большинства, но не совершенно еще заглохла; во время же царя Алексія она оживилась и поднялась и пользовалась вниманіемъ любителей просвѣщенія. Нашедши образованіе въ такомъ положеніи и бесѣдуя съ школьными преподавателями²⁾, людьми неподатливыми и грубыми по нравамъ (были тогда въ столицѣ и такіе), онъ почерпнулъ отъ нихъ словесное образованіе. Впослѣдствіи слушалъ извѣстнаго Михаила Пселла, который хотя и не особенно много посѣщалъ ученыя школы, но природными

¹⁾ *Anna Comnena, Alexias V. 8* (Вопп. р. 256)

²⁾ *Alexias, 258 καὶ ἀνδράσιν ἐπιλήξας σχολαστικοῖς.*

способностями и острою ума, а можетъ быть, и вслѣдствіе Божіей помощи, достигъ вершины всякой мудрости, изучилъ еллинскую и халдейскую науку ¹⁾ и былъ въ то время знаменитымъ ученымъ. Но занимаясь съ нимъ безъ правильной системы, Италъ не могъ проникнуть въ сущность философіи. Учителей онъ не выносилъ и не терпѣлъ ученья, полный же дерзости и варварскаго нахальства онъ считалъ себя выше всѣхъ и безъ науки и поспорилъ съ самимъ Пселломъ на первыхъ же урокахъ. Изучивъ же *диалектику* ²⁾, ежедневно производилъ смятеніе въ публичныхъ собраніяхъ, подбирая софистическія остроты и излагая весь предметъ въ той же формѣ. Его приблизилъ къ себѣ царствовавшій тогда Михаилъ Дука и его братья, которые хотя считали его ниже Пселла, но любили и пользовались имъ въ ученыхъ состязаніяхъ. Ибо Дуки были просвѣщеннѣйшіе люди, одинаково какъ братья царя, такъ и самъ Михаилъ.

Италъ же всегда пристрастно и злобно относился къ Пселлу, и хотя послѣдній, подобно орлу, поднимался выше его хитросплетеній, но онъ раздражался, волновался, злился или печалился. Случилось, что латинине и италіанцы поднялись на ромевъ и замыслили овладѣть всею Ломбардіею и Италіею. Царь поручилъ Италу, какъ человѣку преданному и способному и знакомому съ италіанскими отношеніями, миссію въ Эпидамнъ. Но онъ уличенъ былъ въ предательствѣ и бѣжалъ въ Римъ, когда узналъ, что прибылъ гвѣто смѣнить его. Потомъ, раскаявшись, испросилъ у царя прощеніе и съ разрѣшенія его возвратился въ Константинополь, гдѣ ему указано было жить въ монастырѣ Пяги при церкви Сорока мучениковъ. Когда же Пселлъ послѣ постриженія удалился изъ Константинополя, то, назначенный преподавателемъ всей философіи, онъ получилъ титулъ ипата философовъ и занимался объясненіемъ сочиненій Аристотеля и Платона ³⁾. Пользуясь славю многовѣщнаго человѣка, въ сущности онъ былъ по преимуществу силенъ въ изученіи перипатетиковъ, а главное въ *диалектикѣ* ⁴⁾. Въ другихъ словесныхъ искусствахъ не имѣлъ особенныхъ свѣдѣній: въ грамматикѣ спотыкался и не вкусилъ нектара

¹⁾ Ibid. p. 258, καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ τὰ Χαλδαίων ἀκριβοῦσάμενος.

²⁾ Ibid. p. 258—259, οὐκ ἠδύνατο φιλοσοφίας εἰς βάθος εἰσεῖν... ἐμβαθύνοντας δὲ τῇ διαλεκτικῇ...

³⁾ Alexias, 260, τὰς τε Ἀριστοτελικὰς βιβλούς καὶ τὰς Πλατωνικὰς ἐξηγεῖσθαι ἐσπούδαζεν.

⁴⁾ δεινός δὲ μᾶλλον εἰπερ τις ἄλλος διερευνῆσθαι τῶν ἄλλων τὴν δεινότητην πατριτικῇ, καὶ ταύτης πλέον τὴν διαλεκτικῇ.

риторики ¹⁾). Вслѣдствіе того рѣчь его не была стройна и не имѣла изящества, отличіемъ ем были жесткость и напыщенность; слово его соотвѣтствовало нахмуреннымъ бровямъ и пропитано было суровостью. Въ сочиненіяхъ его множество діалектическихъ изворотовъ; онъ способенъ былъ поражать неожиданностью выводовъ больше въ устной бесѣдѣ, чѣмъ въ письменномъ изложеніи. Онъ былъ до такой степени силенъ и непобѣдимъ въ преніяхъ, что безъ всякаго труда приводилъ противника въ молчаніе и замѣшательство, ибо своими вопросами подкапывался подъ собесѣдника и повергалъ его въ бездну недоумѣній. Какъ особенно искусный въ діалектикѣ, онъ душилъ противника непрерывнымъ рядомъ вопросовъ, слутывая и смущая его умъ. Кто разъ попалъ въ его дебри, уже не выбирался изъ нихъ. Вообще онъ былъ весьма невоспитанъ и слишкомъ подчинялся порывамъ; вселяя къ себѣ нѣкоторое уваженіе рѣчью, портилъ его и уничтожалъ страстными порывами. Ибо разговоръ онъ велъ и языкомъ и руками, ему мало было привести собесѣдника въ недоумѣніе и заградить уста его молчаніемъ, рука его вѣщивалась еще въ бороду и въ волосы и оскорбленіе слѣдовало за оскорбленіемъ. Невоздерженъ былъ этотъ человѣкъ на руки и на языкъ. Одна только черта была у него не чуждая философа, что порывъ его проходилъ послѣ нанесенія оскорбленія и онъ начиналъ плакать и истинно раскаиваться. Вотъ его внѣшнія свойства: большая голова, выпуклый лобъ, открытое лице, носъ съ раздувающимися ноздрями, окладистая борода, широкая грудь, крѣпкое сложеніе, ростъ ниже средняго. Произношеніемъ своимъ онъ походилъ на иноземца, прибывшаго въ молодые лѣта изъ латинской страны, зналъ греческій языкъ, но не чисто произносилъ и коверкалъ нѣкоторые слоги. Нечистота и несовершенство рѣчи его замѣчались многими, настоящіе же ораторы смотрѣли на нее какъ на крестьянскую рѣчь. Вслѣдствіе чего письменныя его произведенія, построенныя вообще на діалектическихъ мѣстахъ, далеко не лишены недостатковъ обработки—и то тамъ, то здѣсь попадающихся солецизмовъ.

Такой человѣкъ стоялъ во главѣ всей философіи и преподавалъ ее стекающемуся къ нему юношеству. Онъ раскрывалъ ученіе Прокла и Платона и философвъ Порфирія и Ямвлиха, въ особенности же сочиненія Аристотеля, и изъ нихъ то его произведеніе объяснялось

¹⁾ ἄλλα περὶ τῆς τῆν γραμματικῆν ἐξήλθε τὴν ῥῆσιν, καὶ τῶν ῥητορικῶν κειμένων οὐκ ἐγείνατο.

для желающих, которое называется Органонъ и которымъ онъ преимущественно занимался ¹⁾. Не могъ онъ принести большой пользы учащимся, такъ какъ тому препятствовали его вспышки и несладкий характеръ. Вотъ его ученики: Соломонъ Иоаннъ, Иасити и Серлинъ и другіе прилежавшіе къ ученію. Многихъ изъ нихъ я часто видывала во дворцѣ; ни одной науки не знали они въ точности, выдавали же себя за діалектиковъ безпорядочными движеніями и странными кривляньями; не владѣя реальными знаніями, находили себѣ защиту въ идеяхъ да въ смутныхъ теоріяхъ о переселеніи души и въ другихъ подобныхъ странностяхъ ²⁾. Господствуя среди выше-названныхъ своихъ учениковъ, Италъ ко всему относился презрительно, многихъ неразумныхъ подстрекнулъ къ восстанію и не мало выставилъ тиранновъ изъ своихъ учениковъ. Я бы могла привести многія имена, если бы за временемъ не забыла ихъ. Но это было прежде вступленія моего отца на престолъ³⁾. Сказавъ далѣе, что царь Алексѣй старался раздуть искорки знанія, таившіяся подъ кеплою ³⁾,—Анна продолжаетъ объ Италѣ: „Нашедъ же Итала производящимъ вездѣ смятеніе и видя, что онъ многихъ обманываетъ, поручилъ севастократору Исааку произвести дознание. Это же былъ просвѣщеннѣйшій и весьма рѣшительный человекъ. Убѣдившись въ характерѣ дѣятельности Итала, онъ обличилъ его (на свѣтскомъ судѣ), а потомъ по приказанію брата и царя передалъ церковному суду. Не въ состояніи будучи скрывать свое невѣжество, и адѣсь онъ извергъ чуждыя церкви мнѣнія и въ глаза избранныхъ церкви не переставалъ издѣваться и позволялъ себѣ другое, что свойственно невѣжественнымъ и варварскимъ обычаямъ. Патриархомъ былъ тогда Евстратій Гарйда. Онъ заключилъ его въ одномъ зданіи Великой церкви, надѣясь на его раскаяніе. Но говорятъ, что не только не исправилъ его, но чуть самъ не сдѣлался участникомъ его злобы. Ибо Италъ вполне привлекъ на свою сторону Гариду. Что же вышло? Народъ собрался у церкви и искалъ Итала, и навѣрное сбросилъ бы

¹⁾ *Alexias*, 263, καὶ γὰρ τὰ τε Πρόκλου καὶ Πλάτωνος καὶ τὰ φιλοσόφων ἀμφοῖν Πορφύριου τε καὶ Ἰαμβλίχου ἀνεκάλυπτε τοῦτοις δόγματα, καὶ μάλιστα τὰς Ἀριστοτέλους τέχνας καὶ τὴν ὡς ὄργανον παρεχόμενὴν χρεῖαν ὀφθαίτε τοῖς ἀθέλοις πραγματοῖαν. Объ Органонѣ см. Сада, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη V, p. 499.

²⁾ *Alexias*, 263. προβαλλομένους τὰς ἰδέας, ἣδη δὲ καὶ τὰς μετεμψυχώσεις συνομιλοῦσάντων πῶς.

³⁾ Сдѣлавъ однако ограниченіе: προηγεῖσθαι δὲ τὴν τῶν θεῶν βιβλίον μελέτην τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας ἐπέστρεψε.

его сверху на полъ церковный, если бы ему не удалось пробраться на крышу храма и спрятаться въ укромномъ мѣстѣ.

А какъ зловредное его ученіе раздѣляемо было многими придворными и не мало бояръ заражено было его мнѣніями, и царя это очень обезпокоивало, то неправильное ученіе Итала, сведенное къ 11 положеніямъ, препровождено къ царю ¹⁾. Эти положенія по приказанію царя были преданы проклятiю съ амвона Великой церкви, причемъ народъ съ непокрытою головою выслушивалъ каждое положеніе и сопровождалъ его произнесеніемъ: анаеѡма. Но это не сдержало Итала, онъ продолжалъ явно высказывать тѣ же мнѣнія и, не смотря на увѣщанія царя, безчинно настаивалъ на своемъ. Вслѣдствіе чего и самъ онъ предавъ проклятiю, хотя потомъ, когда онъ изъяснилъ раскаяніе, сдѣланы облегчающіе измѣненія въ статьѣ объ его анаеѡматствованіи. Такимъ образомъ, ученіе его съ тѣхъ поръ предается проклятiю, что же касается имени его, то оно приводится въ церковномъ отлученіи не совсѣмъ прямо, темно и не для всѣхъ ощутительно. Ибо потомъ онъ переимѣнилъ свои мнѣнія и раскаялся въ заблужденіяхъ; отказался отъ ученія о переселеніи душъ и отъ пощипанія святыхъ иконъ, ученіе же объ идеяхъ старался истолковать примѣнительно къ православному воззрѣнію ²⁾.

Другое извѣстіе объ Италѣ принадлежитъ также близкому къ его времени писателю, Никитѣ Акоминату, умершему въ началѣ XIII в. ³⁾. Его сообщенію объ Италѣ предшествуетъ интересное замѣчаніе, что со времени опубликованія Фотіемъ латинскихъ погрѣшностей затихла пустая болтовня и ни одной ереси не появлялось до времени царя Алексѣя Комнина ⁴⁾. Это замѣчаніе, не совсѣмъ точное въ историческомъ смыслѣ, вѣрно по отношенію къ Синодику, въ которомъ дѣйствительно нѣтъ слѣдовъ отлученія отъ церкви въ X и въ началѣ XI вѣковъ. Далѣе слѣдуетъ разказъ объ I. Италѣ, изложенный въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ у Анны Комнины. „При царѣ Алексѣѣ жилъ въ царственномъ городѣ нѣкоторый мужъ, происходящій изъ

¹⁾ *Actas*, 266, εις ἑνδεκά τινα κεφάλαια τὰ δογματικῶντα καθὼς παρα τοῦ Ἰταλοῦ συνεκεφαλαιώσαντο καὶ τῷ βασιλεὶ ἐπαπέστειλαν.

²⁾ *Actas*, 267, ἤρνετο δὲ καὶ τὰς μεταφωχῶσις καὶ τὸ ὄρριζειν τὰς ἀειπὰς εἰκόνας τῶν ἁγίων, καὶ τὸν περὶ τῶν ιδεῶν λόγον μεθερμηνεύειν πῶς πρὸς τὸ ὀρθόδοξον ἔσπευδε.

³⁾ Оно помѣщено у *Табллы*, Supplementa historiae ecclesiasticae graecorum.

⁴⁾ αὶ γλωσσολογίαι τῶν κεινολογῶν ἡρέμησαν, καὶ οὐδεμία τις εἰς προὔπτον ἀνάρρησαν αἴρεσις μετρή καὶ αὐτῶν τῶν χρόνων τοῦ ἐκ Κομνηνῶν βασιλευσαντος Ἀλεξίου.

моей памяти улетучились подробности¹⁾). Самую важную прибавкой въ изложеніи Н. Акомината мы должны признать не православное ученіе Итала о божественномъ воплощеніи.

Такъ какъ приведенныя свидѣтельства Анны Комнины и Н. Акомината составляютъ, можно сказать, главнѣйшее и до настоящаго времени единственное по своей подробности извѣстіе объ І. Италѣ, то весьма понятно, что каррикатурная фигура италіанскаго философа, представленная здѣсь, неотразимо должна вліять на оцѣнку его у позднѣйшихъ писателей. Выдѣливъ изъ характеристики А. Комнины тѣ черты, которыя составляютъ собственно ея личную оцѣнку характера и научной дѣятельности Итала, остановимся здѣсь на положительныхъ признакахъ, рисующихъ только преподавательскую и ученую сторону Итала. Прежде всего, не похвально отзываясь о школьныхъ годахъ жизни Итала, Анна Комнина раздѣляетъ этотъ школьный періодъ на два отдѣла: ученіе у схоластикомъ или образованіе въ средней византійской школѣ и ученіе въ высшемъ заведеніи, гдѣ философскія науки преподавались Пселломъ. Въ средней школѣ онъ получалъ словесное образованіе, въ высшей — философское²⁾. Что І. Италъ не терпѣлъ ученія и не могъ углубляться въ преподаваемыя науки, съ этимъ никакъ нельзя согласиться уже и потому, что мы знаемъ объ его сочиненіяхъ и вліяніи его въ высшемъ и просвѣщеннѣйшемъ кругу византійскаго общества. Важнѣе въ словахъ А. Комнины указаніе на то, что Италъ прошелъ тогдашнюю среднюю и высшую школу. О преподаваемыхъ здѣсь предметахъ лучшія извѣстія находимъ въ письмахъ Пселла, который до шестнадцатилѣтняго возраста изучалъ грамматику и пѣтяку, а затѣмъ риторіку и философію: первая образовала изящество въ языкѣ, вторая очистила его умъ³⁾.

О научной дѣятельности Итала, въ качествѣ профессора философской каѳедры, Анна также весьма не высокаго мнѣнія. По ея словамъ, Италъ не могъ проникнуть въ сущность философіи, что можно бы понимать въ томъ смыслѣ, что между тѣмъ какъ Пселлъ былъ си-

¹⁾ ἀκρίβως ἤμας αἱ βιβλῶι καὶ τῆς ἡμετέρας μνήμης ἀπέστησαν.

²⁾ На русскомъ языкѣ есть очень хорошее изслѣдованіе о византійской наукѣ и школахъ въ XI вѣкѣ профессора Скабаланиовича (Христіанское Чтеніе 1884 г., мартъ, май).

³⁾ *Sathas*, Biblioth. Graeca IV. 120; Скабаланиовичъ, Христіанское Чтеніе, май, 741, 749, гдѣ приведены нужныя мѣста въ переводѣ; П. В. Безобразовъ, Византійскій писатель М. Пселлъ I, стр. 7.

денъ преимущественно въ логику, Итакъ главнѣйше изучалъ диалектику. Не отрицая заслугъ Пселла по изученію логики, которыя тѣмъ больше должны быть здѣсь выдвинуты, что въ нихъ современная наука усматриваетъ весьма важный шагъ впередъ, оказавшій вліяніе на западно-европейскую мысль, мы не видимъ однако причины умалять значеніе Итака только за то, что онъ былъ сильнѣе въ диалектикѣ, чѣмъ въ логикѣ. По тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, можно думать, что кругъ образованія у Пселла и Итака былъ въ сущности почти одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, указывая на профессорскія занятія Итака и на его преподаваніе, Анна перечисляетъ тотъ же кругъ ученыхъ авторитетовъ, какой и Пселлъ въ своихъ письмахъ: Аристотель и Платонъ, Порфирій и Ямвлихъ, Проклъ, Пселлъ разказываетъ съ своей стороны, что, ознакомившись съ философскими основами, онъ перешелъ къ Аристотелю и Платону, отъ нихъ къ Плотину, Порфирію и Ямвлиху, наконецъ, прибылъ къ дѣльному Проклу ¹⁾. Въ чемъ можно усматривать отличіе Итака отъ Пселла, это развѣ въ предпочтеніи его и особенномъ вниманіи къ Органону Аристотеля. Такъ какъ съ этимъ произведеніемъ на западѣ вообще ознакомились не ранѣе второй половины XII вѣка, то во всякомъ случаѣ это обстоятельство не лишено литературнаго значенія. Оказывается, что въ Византіи въ XI вѣкѣ старались облегчить пользованіе Органономъ Аристотеля посредствомъ комментарія или объясненія его, что въ этомъ смыслѣ дѣлались предложенія Пселлу со стороны друнгарія викария Константина Ксифилина ²⁾. Трудно судить, на основаніи отвѣтнаго письма Пселла, принимался ли онъ за возложенное на него порученіе, на которое вообще смотрѣлъ какъ на задачу свыше своихъ силъ, такъ какъ для исполненія ея просилъ соучастія самого Ксифилина; по всей вѣроятности переложеніемъ и объясненіемъ Органона онъ не занимался. Весьма можетъ быть, что на преемника его Итака возложено было потомъ это порученіе, по крайней мѣрѣ онъ, повидимому, занимался этимъ сочиненіемъ.

Въ числѣ другихъ не сочувственныхъ качествъ ученой дѣятельности Итака Анна Комнина указываетъ съ одной стороны на его ученіе объ идеяхъ и о переселеніи душъ, съ другой—на вредное его вліяніе среди ученой молодежи, проявившееся въ томъ, что многіе его ученики оказались бунтовщиками. Оставляя въ сторонѣ послѣд-

¹⁾ *Sathas*, IV, p. 120.

²⁾ *Sathas*, Biblioth. V, p. 499.

ное обвиненіе, какъ имѣющее мало общаго съ философіей, по отношенію къ первому можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Съ перваго взгляда казалось бы нѣсколько страннымъ, что научная дѣятельность Итала, посвященная логикѣ Аристотеля и объясненію комментаторовъ, могла имѣть своими послѣдствіями догматическія уклоненія. Но въ письмахъ Пселла мы находимъ достаточныя къ тому объясненія. Высшею стадіей философскаго мышленія или первою философіей и чистымъ знаніемъ была метафизика. Къ ней обязательно приходилъ каждый, специально занимающійся философіей ¹⁾. Подготовительнымъ для нея путемъ было ученіе о бестѣлесныхъ, τῶν ἀσωμάτων θεωρία, или науки, составляющія какъ бы средній чинъ между вещественною природою и сущностями, которыя познаются чистымъ мышленіемъ и отъ которыхъ переходать къ понятію сверхъестественнаго. Эти средняго чина науки: арифметика, геометрія, музыка, астрономія. „А какъ, продолжаетъ Пселлъ, я слышалъ отъ совершенныхъ философовъ, что есть нѣкоторая мудрость выше доказательствъ, которую постигаетъ только цѣломудренно вдохновенный умъ ²⁾, то я не обошелъ и ее. Усмотрѣвъ, что есть два отдѣла знаній, изъ которыхъ одинъ заключается въ риторику, другой въ философію, и что первый учитъ плавной и связной рѣчи и занимается построеніемъ частей ея, и сообщаетъ правила политическаго ораторскаго искусства, между тѣмъ какъ второй, мало заботясь о красотѣ рѣчи, изслѣдуетъ природу сущаго, представляетъ неизреченныя теоріи и возводитъ своими откровеніями не только до небесъ, но и наднебесный міръ воспѣваетъ во всѣхъ подробностяхъ,—я не могъ ограничиться искусствомъ, пренебрегая философіей, ни, наоборотъ, занявшись философіей, оставить въ пренебреженіи риторику. Но и надъ этою философіей есть еще другая, которую составляетъ тайна строительства слова и этой я посвящалъ свое вниманіе“. Приведенное мѣсто весьма важно для показанія тѣсной связи занятій философскихъ и богословскихъ; оно показываетъ также, какъ трудно было философу удержаться на срединѣ метафизическаго мышленія и не вдаваться въ область христіанской догматики. И дѣйствительно, всякій мыслитель необходимо приходилъ къ постановкѣ богословскихъ вопросовъ. Не только онъ самъ не считалъ эти вопросы чуждыми себѣ, но отъ него даже тре-

¹⁾ *Sathas*, IV, 121; Безобразовъ, стр. 7, 125. Умозрительная философія, по ученію Н. Влеммида, дѣлится на три отдѣла: φυσιολογικόν, μαθηματικόν καὶ θεολογικόν.

²⁾ *Ibid.* ἢν μόνος εἶδεν ὁ σωφρόνως ἐνθουσιάζων νοῦς.

бовала публика жи́ннiа по поводу волновавшихъ общество догматическихъ споровъ, имѣвшихъ иногда громадный общественный интересъ. Средневѣковый философъ долженъ былъ отвѣчать на всѣ вопросы по всѣмъ предметамъ. Этотъ универсальный характеръ философіи весьма хорошо можно видѣть изъ лекцій Михайла Пселла ¹⁾, посвященныхъ и риторикѣ, и богословію, и естественнымъ наукамъ, и даже праву. Отсюда можно понять, какъ трудно было философу удержаться на золотой серединѣ и не возбудить противъ себя подозрѣній въ неправославіи. Такія подозрѣнія возбудилъ противъ себя и Пселлъ, что заставило его изложить въ прекрасномъ письмѣ къ Иоанну Ксифиллину, впоследствии патріарху, взглядъ свой на занятія древнею философіей ²⁾.

Возвращаясь къ упрекамъ Италу со стороны Анны Комнины, мы должны видѣть въ нихъ частью указанія на возвышенный характеръ его философіи. Какъ извѣстно, эта писательница считаетъ Италу слишкомъ одностороннимъ и поверхностнымъ, нѣсколько разъ отвѣчаетъ, что онъ дальше діалектики ничего не знаетъ. Между тѣмъ, неправославный образъ мыслей Италу не могъ обнаружиться въ этой области; очевидно, и онъ, подобно Пселлу, интересовался высшею философіей, которая ведетъ къ познанію сверхчувственнаго. Можемъ сдѣлать еще шагъ дальше и утверждать, что въ сущности Пселлъ и Италъ были весьма близки по своему философскому направленію. Тотъ и другой склонялись къ платоновскому міросозерцанію. Письмо Пселла, въ которомъ онъ оправдывается предъ І. Ксифиллиномъ и защищаетъ занятія Платономъ и древними философами, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у Пселла и его учениковъ было предпочтительно платоновское направленіе. Присоединимъ къ этому, что главные пункты, выставленные въ синодикѣ противъ Италу, сводятся къ мыслямъ, заимствованнымъ изъ Платона. Такимъ образомъ, между Пселломъ и Италомъ не оказывается того крупнаго отличія, какое можно бы предполагать на основаніи словъ Анны Комнины.

Внутреннюю связь между направленіемъ Пселла и Италу можно провести еще далѣе, если сопоставить хотя бы слѣдующія заглавія сочиненій Пселла съ пунктами обвиненій противъ Италу. Таково сочиненіе его: "Ἐπι τῶν κινήματων τῆς φύσεως ἐοικασίαι ταῖς τῶν οὐρανίων κιν-

¹⁾ Разумѣемъ впервые напечатанную г. Безобразовымъ, стр. 133, лекцію Пселла о сущности какъ вещи самобытвой.

²⁾ *Sathas*, V, p. 444—451; *Скабалановичъ*, Христіанское Чтеніе, 1884 г., мартъ, стр. 359, 364; *Безобразовъ*, стр. 151, 159.

νῦνται ¹⁾), или Εἰ μνημονεύουσιν αἱ ψυχαὶ τῶν σωμάτων ἀπαρραγείσαι ²⁾). На основаніи нѣкоторыхъ писемъ Пселла можно далѣе заключать, что отношенія между учителемъ и ученикомъ были далеко не таковы, какими рисуеъ ихъ Анна. Такъ, есть похвальное слово Пселла, написанное въ честь Іоанна ³⁾, есть еще письмо къ Іоанну, написанное также не во враждебномъ духѣ ⁴⁾. Изъ изслѣдованія г. Безобразова о Михаилѣ Пселлѣ можно, наконецъ, видѣть, что занятія Платономъ вообще не прерывались въ Византіи и что Пселлу приписываютъ много чести тѣ, которые считаютъ его возстановителемъ платонизма. Учитель его Іоаннъ Мавроподъ былъ уже ревностнѣйшимъ почитателемъ Платона, котораго называлъ и по ученію, и по дѣламъ близкимъ къ законамъ Христа ⁵⁾. Извѣстно прекрасное мѣсто Анны Комнины объ уваженіи, какимъ пользовался въ царскомъ семействѣ сочиненія Максима Исповѣдника, который также долженъ быть считаемъ приверженцемъ Платона. Итакъ, извѣстіе объ I. Итагѣ у Анны Комнины не можетъ быть принято безъ большихъ ограниченій.

Хотя философскій характеръ дѣятельности Итала не подлежитъ сомнѣнію, но встрѣчаются непреодолимые препятствія къ ознакомленію съ направлениемъ его мышленія. Философскія сочиненія Итала до сихъ поръ не изданы, а изъ написаннаго объ немъ другими, 11 положеній Синодика составляютъ самый лучшій источникъ для характеристики его направленія. При такомъ состояніи дѣла, нельзя обходить вниманіемъ по крайней мѣрѣ заглавія его сочиненій, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ, по преимуществу же въ Мюнхенѣ и Мадридѣ ⁶⁾. Изъ приводимаго перечня можно убѣдиться, что Итала

¹⁾ *Sathas*, V, p. 71, № 107; ср. *Migne*, *Patrologia graeca* CXXII, col. 1075.

²⁾ *Sathas*, № 221.

³⁾ *Sathas*, V, p. 65, № 56.

⁴⁾ *Ibid.*, № 87. Εἰς τὸν λογικωτάρον Ἰωάννην καταναγκάζοντα αὐτὸν εἰς τὸ ἐρμηνεύσαι τὰ μὲν μαθηματα.

⁵⁾ *Скибалловичъ*, Христ. чтеніе за мартъ 1884, стр. 349.

⁶⁾ Въ Мюнхенѣ (см. *Prantl*, *Geschichte der Logik* II, S. 302, Anm. 109) находится: 1) Ἰωάννου σοφιστου υπατου και διδασκαλου των φιλοσοφων, του Ἰταλου, ἔκδοσις εἰς διάφορα ἑτηματα, διὰ το καὶ διαφόρους τους ταῦτα προβαλλομένους. То же сочиненіе имѣется въ *Национальной бібліотекѣ въ Мадридѣ*, при чемъ къ оглавленію прибавлены слѣдующія слова: εἰς τὸ τεύχη τευχῶν και ἐπιστήμη ἐπιστημῶν. По свидѣтельству *Gaze*, *Notices et extraits* IX, 2, p. 149, это не одно сочиненіе, а сборникъ, состоящій изъ 93 главъ (διάφορα ἑτηματα); 2) Τοῦ αὐτοῦ ἔκδοσις εἰς το В', Γ', Δ' τῶν τοικῶν; 3) τοῦ αὐτοῦ προς τον βασιλεα κυρ Ἀνδρόνικον ἐρωτησαντα περί διαλεκτικῆς; 4) τοῦ αὐτοῦ ἔκδοσις περί τῆς τῶν συλλογισμῶν ὕλης και τῆς συστά-

исключительно занимали научные вопросы по логикѣ и психологіи, что при томъ многія его сочиненія написаны для разрѣшенія вопросовъ, интересовавшихъ царей или лицъ изъ царской фамилии, которымъ и посвящены были самимъ авторомъ. Очевидно, былъ періодъ, когда мѣтвія и ученія Итала пользовались почетомъ и разглагольствіями были высшими и вліятельными лицами; такой періодъ предшествовалъ вступленію на престолъ Алексѣя Комнина.

Изъ сочиненій Итала только одно могло трактовать вопросы, собранные въ Синодикѣ въ качествѣ обвинительныхъ пунктовъ. Это сочиненіе о душѣ, посвященное Михаилу VII Дука (1072—1079); въ немъ могли быть изложены теоріи о переселеніи душъ и предшествованіи ихъ, равно какъ и о платоновскихъ идеяхъ, по которымъ образуется реальный міръ и которыя существовали, какъ образцы вещей, еще прежде созданія ихъ. Для будущей исторіи философскаго мышленія въ Византіи I. Италъ является опредѣленнымъ типомъ, выразителемъ направленія, которое сложилось около половины XI вѣка и противъ котораго началась реакція въ концѣ того же вѣка. Но сожалѣнію, въ настоящее время весьма трудно опредѣлить значеніе этого направленія. Едва ли не единственный ученый, судящій о пражской рукописи Итала не по описаніямъ другихъ, а по личному наблюденію, есть Прантль, авторъ извѣстнаго сочиненія по исторіи логики на западѣ ¹⁾, который, ради впрочемъ выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ о Пселлѣ, касается и общаго значенія философіи Итала. Прантль не только признаетъ за Италомъ извѣстнаго рода оригинальность, но и *отводитъ ему значительное вліяніе на средневѣковую западную ницу.*

αὐτῶν; 5) τοῦ αὐτοῦ μέγας ῥητορικῆς ἐκδοθεῖσα κατὰ ὀνομασίαν. Этотъ списокъ долженъ быть дополненъ еще слѣдующими сочиненіями, хранящимися въ Мадридѣ, Cod. 131 Национальной бібліотеки, заключающій на 168 листахъ исключительно сочиненія Итала, гдѣ находимъ, кромѣ упомянутыхъ: 6) εἰς τὸν βασιλεὺς κῆρ Ἀνδρονίκου ἀπορήματα τί ἐστὶν ὁ φησι: Ὁμῆρος τῶν ὀνειρῶν τοὺς μὲν ἐκ καρτῶν, τοὺς δὲ ἐξ ἐλεφαντῶν; 7) πρὸς τὸν βασιλεὺς κῆρ Μιχαήλ, εἰ αἱ ψυχαὶ ζητήσαντα, ὡς λέγουσι τινες, ἀνάβασιν δέχονται ἀπολυθεῖσα: τοῦ σώματος, ἐν ᾧ δέδεκται καὶ ὅτι ἀβύχατοι; 8) πρὸς τὸν Ἀβασγὸν τὸν γραμματικὸν ἀπορίαι περὶ τινῶν τῆς γραμματικῆς. *Hase, Notices IX, 2, p. 150—152* приводятъ еще сочиненіе пері ἐρμηνείας и четыре рѣчи Итала: къ Мануилу Комнину, Иривѣ Дукенѣ, Іоанну Комнину и къ Рождество Христово. Въ моемъ сочиненіи „Образованіе втораго болгарскаго царства“, Приложеніе 1, приведено начало изъ сочиненія пері διαλεκτικῆς по *Ватиканскому списку № 316.*

¹⁾ Prantl, Geschichte der Logik, II (2-e Aufl.) 1885, S. 301—302.

Такъ какъ вопросъ о культурномъ взаимодействіи запада и востока въ средніе вѣка составляетъ далеко еще не разрешенную научную задачу, а появляющіяся изрѣдка мнѣнія о влияніи Византіи на западъ встрѣчаются весьма недовѣрчиво, то мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ вопросѣ. То обстоятельство, что въ XI вѣкѣ народилась въ Византіи философская школа, что Іоаннъ Италъ имѣлъ учителей и въ свою очередь самъ стоялъ во главѣ школы, которая имѣла, какъ увидимъ далѣе, многихъ послѣдователей, заставляетъ признать и допустить фактъ извѣстнаго движенія мысли. Вполнѣ оцѣнить результаты этого движенія мы еще не въ состояніи, ибо не можемъ прослѣдить первичныя стадіи движенія и тѣмъ болѣе—поставить въ связь византійское умственное развитіе съ современнымъ ему движеніемъ мысли на западѣ. А между тѣмъ въ этомъ заключается весь интересъ даннаго вопроса.

Въ смыслѣ воздѣйствія Византіи на современный западъ въ сферѣ занимающей насъ области особенно энергично и авторитетно высказался Прантль, принявъ подъ свою защиту логику Михаила Пселла и доказывая мысль, что эта логика была оригиналомъ, съ котораго дѣлались латинскіе переводы XIII и послѣдующихъ вѣковъ. Громадная важность поднятаго Прантлемъ вопроса видна изъ слѣдующаго: византійское произведеніе XI вѣка послужило источникомъ всѣхъ знаній по логикѣ и грамматикѣ въ западной Европѣ до XVI вѣка; кромѣ того, это произведеніе включаетъ въ себѣ новыя логическіе и грамматическіе термины, не извѣстныя древнимъ, не знакомыя на западѣ до XIII вѣка и со времени появленія перевода греческаго оригинала на латинскій языкъ получившіе всеобщее распространеніе. Еслибы мысль Прантля оказалась выше всякаго подозрѣнія въ натяжкѣ и въ преувеличеніи, то легко понять, какой важности культурно-историческій фактъ приобрѣтенъ бы былъ въ ней для науки.

Въ мюнхенской библіотекѣ (№ 548) есть греческая рукопись, положительно относимая Прантлемъ къ XIV вѣку, въ которой заключается логика, приписываемая Пселлу¹⁾; въ парижской національной библіотекѣ находится логика Петра Испанскаго, впоследствии папы Іоанна XXI, умершаго въ 1277 году²⁾. Между этими двумя сочиненіями оказывается такое сходство, которое не оставляетъ никакого сомнѣнія, что одно изъ нихъ послужило оригиналомъ для другаго.

¹⁾ Συνοψις εἰς τὴν Ἀριστοτελοῦς λογικὴν ἐπιστήμην.

²⁾ Cod. 6657, Tractatus Summularum.

Но въ греческой или латинской рукописи признать оригиналь. — на этотъ счетъ Прантлю сдѣланы были сильныя возраженія, которые заставили его вновь заняться сличеніемъ рукописей и подтвердить свою мысль объ оригинальности греческой логики по отношенію къ латинской въ новомъ изданіи своего сочиненія въ 1885 году. Окончательные выводы въ пользу мнѣнія Прантля или его противниковъ зависятъ отъ рѣшенія нѣкоторыхъ детальнѣхъ и при томъ весьма тонкихъ вопросовъ. Такъ, ему съ одной стороны указано было ¹⁾, что рукописная традиція приписываетъ другому лицу составленіе греческой логики, а не Пселлу, именно, что во многихъ описаніяхъ рукописей прямо называется Георгій Схоларій переводчикомъ на греческій языкъ диалектики Петра Испанскаго. Но это возраженіе, по существу весьма важное, устранивается временемъ происхожденія мюнхенской, прежде аугсбургской, рукописи; если она написана, какъ утверждаетъ Прантль, въ XIV вѣкѣ, то не можетъ принадлежать Г. Схоларію, который тогда или еще не родился, или былъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Допустивъ, далѣе, весьма сомнительный случай, что Схоларій перевелъ уже переведенную съ греческаго работу Петра Испанскаго, изъ немногого этимъ выиграемъ для рѣшенія вопроса объ авторствѣ Пселлы, ибо въ литературной исторіи можно указать не мало случаевъ подобнаго рода яко бы заимствованія изъ иностранныхъ языковъ своихъ же оригинальныхъ сочиненій.

Болѣе рѣшительный характеръ имѣютъ возраженія, сдѣланные французскимъ ученымъ Тиро ²⁾, мнѣніе котораго оказало, между прочимъ, вліяніе на Ибервега, автора Исторіи философіи, который въ 6-мъ изданіи своего труда высказался противъ Прантля, то-есть, за оригинальный характеръ латинской логики Петра Испанскаго сравнительно съ такъ называемой пселловской ³⁾. Возраженія Тиро имѣютъ двойкій характеръ. Во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что сличеніе греческаго и латинскаго текста ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія оригинальный характеръ латинскаго по отношенію къ греческому, какъ переводу. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить онъ, чтобы тотъ, кто способенъ переводить съ греческаго вообще весьма правильно, могъ остановиться вмѣсто правильной этимологіи слова *dialectica* на совершенно ошибочной, свидѣтельствующей о полномъ

¹⁾ Rose, *Hermes*, II, S. 146.

²⁾ *Tirot*, De la Logique de Pierre d'Espagne, *Revue archéologique, Nouvelle série*, Juillet à Decembre 1864, p. 267—281; *Revue critique* 1867, 1, p. 195.

³⁾ *Ueberweg*, *Geschichte der Philosophie*, 6-e Aufl., II, S. 179.

вѣлѣжества: „dya“ — два и „logos“ или „lexis“. Подразумѣваемое мѣсто, которымъ начинается сочиненіе по логикѣ, дѣйствительно весьма важно для рѣшенія вопроса о томъ, въ греческомъ или латинскомъ изложеніи видѣть оригиналъ, но изъ него нельзя извлечь рѣшительнаго довода въ доказательство мысли Тиро. Мѣсто это читается такъ:

Δύεται δὲ ἡ διαλεκτικὴ ἀπὸ τῆς *Dicitur autem dyalectica a „dya“*
 διαλέξεως, ἡ δὲ ἀπὸ τῆς „δια“ τῆς *quod est duo, et „logos“ sermo*
 σημαίνουσας τὸ „μεταξὺ“ καὶ τοῦ *vel „lexis“ ratio, quasi duorum*
 „λέγω“, ἢ τῆς ὁ δύοῖν μεταξὺ τούτων *sermo vel ratio.*
 χριστον λόγος.

Приведенное мѣсто свидѣтельствуетъ только о капризной этимологій, допущенной въ латинскомъ текстѣ, но не объясняетъ ни ошибки этой этимологій изъ терминовъ греческаго текста, ни, наоборотъ, правильности греческой этимологій изъ латинскаго текста. Если уже необходимо смотрѣть на одинъ текстъ какъ на переводный съ другаго, то съ бѣльшей степенью вѣроятности переводнымъ можно считать латинскій, а не греческій. Прежде всего, пусть кто-нибудь попытается составить правильную греческую фразу посредствомъ перевода латинскаго текста на греческій: думаемъ, что это будетъ весьма трудно. Далѣе, составъ греческаго и латинскаго предложенія можетъ дать нѣкоторыя основанія къ сужденію о томъ, которое изъ нихъ самостоятельно и которое зависимо отъ другаго. Въ греческомъ обращаетъ вниманіе выраженіе ἡ διαλεκτικὴ ἀπὸ τῆς διαλέξεως, — пояснительное слово ἀπὸ τῆς διαλέξεως ничуть не оправдывается и не вызывается латинскимъ текстомъ. Строй латинской фразы очень легко объясняется сокращеніями или пропусками нѣкоторыхъ выраженій греческаго подлинника и описательными выраженіями, допущенными для передачи одного слова. Въ частности слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что „dyalectica“, производимое отъ „duo“, легко можетъ находить себѣ объясненіе въ выраженіи „δύοῖν“, находящемся въ греческомъ текстѣ; два слова „sermo vel ratio“ являются описаніемъ глагольной формы „λέγω“, — еслибы греческій текстъ былъ переводнымъ съ латинскаго, то не было бы нужды здѣсь въ глаголѣ при существованіи совершенно подходящихъ существительныхъ „λέξις“ или „λόγος“. Такимъ образомъ, есть возможность объяснить самыя ошибки латинскаго текста тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ или неискренно сократилъ греческій оригиналъ, или имѣлъ подѣ руками неискранный списокъ.

Вовторыхъ, Туро находятъ рядъ внутреннихъ невѣроятностей, извлекаемыхъ изъ содержанія логики, которая никоимъ образомъ не позволяютъ приписывать греку составленіе ея. Такъ, онъ указываетъ, какъ на странныя для грека XI вѣка, писавшаго логику для своихъ соотечественниковъ, присмы употреблать для приимѣровъ латинскія имена вмѣсто греческихъ (Катонъ, Цицеронъ), равно какъ приводить мѣста изъ западныхъ писателей (Боэцій, Присціанъ), обходя болѣе авторитетныя греческія имена. Не менѣе важныя возраженія заслуживаетъ Туро изъ сравнительной исторіи развитія логики и грамматики на востокѣ и западѣ. Именно, онъ считаетъ невозможнымъ объяснить въ логикѣ Пселла такіе термины и опредѣленія, которые встрѣчаются только въ этомъ произведеніи и не находятся у другихъ византійцевъ, между тѣмъ какъ являються весьма обычными въ логикахъ и грамматикахъ западныхъ въ XII и XIII вв. ¹⁾

На представленные возраженія Прантль даетъ отвѣтъ въ новомъ изданіи своего сочиненія. Вновь отстаивая авторство Пселла и переводный характеръ логики Петра Испанскаго, нѣмецкій ученый дополняетъ свои доказательства новыми открытіями и соображеніями. Изученіе рукописнаго матеріала парижской бібліотеки привело его къ „поразительному“ откритію ²⁾, что Петръ Испанскій не былъ первымъ переводчикомъ логики Пселла, но что нѣсколькими десятилѣтіями раньше его греческій учебникъ логики введенъ былъ въ школьныя латинскія руководства другими учеными: Ламбертомъ Оксеррскимъ и Вильгельмомъ Ширесвудомъ. Благодаря только тому авторитету, который получилъ Петръ Испанскій въ западной церкви въ качествѣ папы римскаго, его логика имѣла продолжительное господство на западѣ и мало по малу совершенно отодвинула на задній планъ другія руководства, составленныя раньше и также занимавшія изъ Византіи.

Что касается внутреннихъ, яко бы реальныхъ невѣроятностей, не позволяющихъ приписать греку XI вѣка составленіе логики, то страницы, написанныя Прантлемъ въ опроверженіе этого положенія, превосходятъ все, что сказано было доселѣ во всѣхъ литературахъ по

¹⁾ *Thurot*, p. 270. C'est d'abord un ensemble de règles assez compliquées pour enseigner à démêler l'ambiguïté des termes, quand elle provient de l'étendue différente dans laquelle peut être prise la signification d'un substantif; et ensuite l'emploi de vers techniques pour graver dans la mémoire toutes les règles essentielles de la logique (даже идетъ рѣчь о Suppositiones въ средневѣковой логикѣ)

²⁾ *Prantl*, Geschichte der Logik II, 2-e Aufl. 1885, S. 266.

исторіи византійской культуры. Здѣсь автору нужно было коснуться общихъ вопросовъ о литературныхъ заимствованіяхъ и о зависимости научныхъ построений отъ притока новаго матеріала, и въ этой области онъ является глубокимъ мыслителемъ. Употребительные въ логикѣ примѣры, взятые изъ Римской исторіи, равно какъ цитаты изъ латинскихъ писателей вмѣсто греческихъ, свидѣтельствуютъ лишь объ общности источника, изъ котораго исходить какъ византійское, такъ и средневѣковое западное развитіе. Сдѣланныя Прантлемъ указанія на то, что Присціанъ могъ быть извѣстенъ въ Византіи такъ-же, какъ и на западѣ, ибо жилъ въ Константинополѣ, что Бозцій могъ быть популярнымъ именемъ въ византійскихъ школахъ, могутъ быть дополнены многочисленными фактами, свидѣтельствующими о латинскихъ преданіяхъ въ Византіи. Самый крупный и рельефный фактъ— это монеты съ латинской надписью, продолжающіяся до конца XI вѣка. Съ не меньшимъ основаніемъ можно сослаться на латинизмы въ судебной практикѣ, въ юриспруденціи, въ военномъ устройствѣ и въ административной терминологіи, такъ явно отмѣченные въ сочиненіи Константина Порфиророднаго *De Ceremoniis*. Въ сущности возраженія съ точки зрѣнія латинизмовъ не могутъ имѣть серьезнаго значенія, такъ какъ внушены неправильными теоріями о происхожденіи и развитіи византизма, противъ которыхъ въ самое послѣднее время выступилъ Крумбахеръ въ Исторіи Византійской литературы ¹⁾. Переходя къ разсмотрѣнію терминологіи и сравнительной исторіи логики на западѣ и востокѣ, Прантль указываетъ мѣста въ *Summula* Петра Испанскаго, въ которыхъ грамматическая и логическая неправильность тѣмъ однимъ и можетъ быть объяснена, что они составляютъ переводъ съ греческаго, при чемъ латинскій не представлялъ достаточно точныхъ словъ, соотвѣтствующихъ оригиналу, напримѣръ *talis*, *alter* = *τοιοῦτος*, *ἕτερος* и др. ²⁾. Далѣе, онъ ссылается на то, что у трехъ латинскихъ писателей Шресвуда, Ламберта и Петра Испанскаго неожиданно встрѣчается примѣненіе четырехъ гласныхъ А, Е, I, О для обозначенія четырехъ родовъ категорическихъ сужденій. Принимая же въ соображеніе, что введенные Пселломъ для всѣхъ родовъ категорическаго заключенія мнемоническіе термины съ тѣми же гласными въ основѣ имѣютъ форму

¹⁾ *Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Literatur, München 1881, Einleitung.*

²⁾ *Prantl, s. 269, Anm. 4 u.*

предложеній, представляющихъ извѣстный смыслъ ¹⁾, между тѣмъ какъ латинскіе терминъ имѣютъ значеніе отдѣльныхъ словъ, которыя безъ всякаго вниманія къ смыслу ихъ подобраны для образованія гексаметра ²⁾, онъ дѣлаетъ заключеніе къ оригинальности греческихъ мнемоническихъ терминовъ и подражательному характеру латинскихъ ³⁾. Еслибы ходъ дѣла былъ обратный, то-есть, еслибы латинскіе терминъ были оригиналомъ для греческаго переводчика, то въ послѣднемъ они должны бы были получить совершенно другую форму. Наконецъ, никто не можетъ отрицать того очевиднаго факта, что у всѣхъ упомянутыхъ выше западныхъ писателей въ одно и то же время, то-есть, въ первой трети 13-го столѣтія, сразу оказывается новый литературный источникъ, который ими или воспроизведенъ дословно или переработанъ. Этотъ совершенно новый источникъ по отношенію къ тогдашней логикѣ касался той области, которая впоследствии получила названіе *Terminorum proprietates*, то-есть, ученія о *Suppositio*, *Amplatio*, *Restrictio*. Возможно предполагать для образованія этого обширнаго новаго матеріала троякій путь: или онъ явился самостоятельно среди латинскаго запада, или заимствованъ изъ византийскаго литературы, или, наконецъ, пришелъ отъ арабовъ. Но въ доступной латинскому западу арабской литературѣ не находится даже и слѣдовъ этой вѣтви логики. По отношенію же къ западу нужно сказать, что онъ представлялъ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ такую зависимость отъ вышшняго матеріала, что этимъ исключается всякая мысль о неожиданномъ изобрѣтеніи вполне новаго ученія, котораго слѣдовъ или зачатковъ даже нельзя подозрѣвать въ предыдущемъ развитіи ⁴⁾. Остается единственный путь — путь заимствованія новыхъ источниковъ изъ Византіи, относительно которой все же можно указать къ-которыя нити, связывающія систему Пселла съ предыдущимъ развитіемъ. Еслибы, заключаетъ Праутль, мы не имѣли и той единственной рукописи, въ которой сохранилось сочиненіе Пселла, и тогда мы бы оказались въ необходимости предположить какой-нибудь неизвестный греческій источникъ для трехъ латинскихъ писателей; но

¹⁾ Γράμματα ἑταίρα ἡρασίδη τεχνικός.

²⁾ *Varbara Celarent Darii Ferio.*

³⁾ Неподатливость формъ латинскаго языка, говоритъ онъ, заставляла переводчика отказываться отъ составленія осмысленныхъ фразъ и удовлетворяться стихомъ.

⁴⁾ Съ чѣмъ, впрочемъ, согласны и противники Праутля, см. *Thurot, Revue critique* 1867, I p. 202.

такъ какъ сохранившійся греческій текстъ есть оригиналъ для перевода Петра Испанскаго, то на немъ и можно остановиться какъ на образцѣ византійской логики ¹⁾).

Логика Пселла господствовала на западѣ два вѣка, и въ этомъ главное значеніе доказываемаго Прантлемъ положенія. Онъ подробно анализируетъ затѣмъ содержаніе сохранившейся части сочиненія Пселла и пытается, на сколько это возможно при настоящемъ состояніи знаній, показать источники его. Вся эта часть ²⁾ имѣетъ громадный научный интересъ и приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ о логикѣ Пселла по отношенію къ ея источникамъ. Пселлъ несомнѣнно заимствовалъ основную часть своего труда у стоиковъ и изъ средневѣковыхъ грамматиковъ и риторовъ. Между тѣмъ какъ стоическая философія непрерывно развивалась на юнкѣ Византійской имперіи, западъ довольно долго ограничивался только переводами. Но, будучи основана на началахъ стоической философіи, логика Пселла отличается привнесеніемъ новыхъ и оригинальныхъ элементовъ, которые однако никоимъ образомъ не могли быть заимствованы отъ запада. Эти новые элементы Прантль усматриваетъ въ ученіи о гипотетическомъ сужденіи и силлогизмѣ. Между грамматиками и риториками, заключаетъ онъ ³⁾, и трудомъ Пселла должна однако еще стоять богатая литература логики, историческое развитіе которой остается — а можетъ быть и навсегда останется неизвѣстнымъ.

Если мысль о воздѣйствіи византійской учености на западное развитіе можетъ быть допускаема въ XI вѣкѣ въ сферѣ изученія логики, то въ этомъ получился бы важный культурно-историческій фактъ, который не долженъ оставаться безслѣднымъ въ дѣлѣ изученія Византіи. Но нельзя болѣе ограничиваться подборомъ фактовъ, которые сами по себѣ еще не составляютъ науки, нужно стремиться къ группировкѣ фактовъ по ихъ смыслу и содержанію, къ уразумѣнію историческаго преемства между отдѣльными проявленіями мысли, къ постиженію, наконецъ, общности законовъ развитія между востокомъ и западомъ. Намъ кажется, что эта простая сама по себѣ мысль — общность законовъ развитія, приложенная къ изученію Византійской имперіи, освѣтитъ многое изъ того, что представлялось доселѣ единичнымъ или загадочнымъ, и дастъ сильный толчокъ къ такому на-

¹⁾ Вглядѣ Прантля раздѣляютъ *Erdmann Grundr. der Gesch. der Phil.* 3 Aufl. 1878, I, S. 371; *Kopp, Gesch. der Chemie*, II, S. 156.

²⁾ *Prantl*, II, S. 271—294.

³⁾ *Ibid.* II, S. 300.

учному движенію, которое одинаково будетъ плодотворно какъ для запятой Византіи, такъ и западнымъ средневѣковьямъ.

Возвращаясь къ оцѣнкѣ значенія І. Итала, мы должны прежде всего взглянуть на него, какъ на мыслителя, представляющаго собой продуктъ философскаго движенія въ Византіи. Будучи младшимъ современникомъ Пселла, онъ самъ является во главѣ цѣлой школы учениковъ, которые далѣе развиваютъ его теоріи ¹⁾. Назначенный правительствомъ для преподаванія философіи въ высшей константинопольской школѣ, Италъ подвергся церковному осужденію за тѣ изъ своихъ выводовъ, которые оказались въ противорѣчій съ догматикой. Итакъ, нужно различать ту сторону въ дѣятельности І. Итала, которою онъ соприкасается съ философскимъ движеніемъ XI вѣка, отъ той, которая привела его къ церковной карѣ. Относительно первой мы ограничимся выводами Прантля, по отношенію ко второй — воспользуемся изученіемъ матеріала, даваемаго Синодикомъ. Прантль видитъ въ нашемъ философѣ представителя перипатетической діалектики, сочиненія котораго ограничиваются изложеніемъ содержанія тогдашней логики. Въ этомъ отношеніи Италъ весьма близко соприкасается съ Пселломъ, хотя сравненіе сочиненій того и другаго привело Прантля къ наблюденію, что въ ученіи о силлогизмахъ Италъ не пользуется мнемоническими терминами, въ первый разъ встрѣчающимися въ логикѣ Пселла; но, съ другой стороны, изъ Итала оказывается возможнымъ пополнить пробѣлъ, находимый у самаго Пселла. Именно, въ посвященномъ Андронику сочиненіи находится трактатъ о той части Аналитики, которая трактуется въ латинскихъ руководствахъ послѣдующаго времени подъ заглавіемъ: „de potestatibus syllogismorum“. Такъ какъ этого отдѣла нѣтъ въ логикѣ Пселла, то, по всей вѣроятности, онъ заимствованъ непосредственно изъ Итала. Оригинальною также прибавкой у Итала считаетъ Прантль то извѣстіе, по которому Галенъ принималъ четыре фигуры силлогизмовъ ²⁾.

Для сужденія объ Италѣ у насъ имѣется въ распоряженіи матеріалъ, которымъ Прантль не пользовался. Осужденіе Итала и внесе-

¹⁾ Prantl, II, S. 302, Anmerk. 109 сдѣлалъ любопытное наблюденіе въ Мюнхенской рукописи, что сочиненіе Итала *Διάφορα Ζητήματα* есть собственно обработка мыслей учителя одного изъ учениковъ, ибо въ одномъ мѣстѣ читается: *Ἰωάννης ὁ φιλόσοφος ὁ Ἴταλός, ὁ ἡμέτερος διδάσκαλος οὗτος...*

²⁾ Prantl, S. 302, Anmerk. 112. Въ сочиненіи *Διάφορα Ζητήματα... Τὰ δὲ σχήματα τῶν συλλογισμῶν ταῦτα: ὁ Γαλῆνος δὲ καὶ τέταρτον ἐπί ταῦτα: ἔφρασεν εἶναι, ἐναντίας πρὸς τὸν Σταγειρίτην φερόμενος...*

ніе его имени въ Синодикѣ нужно разсматривать въ связи съ распоряженіемъ, изданнымъ въ началѣ царствованія Алексѣя Комнина, по которому *свободѣ философскаго мышленія ограничена была высшимъ авторитетомъ священнаго писанія и святоотеческихъ твореній*. Въ силу этого распоряженія, терпимымъ могло быть только такое ученіе, которое находило себѣ подтвержденіе въ божественныхъ книгахъ ¹⁾. Это краткое указаніе Анны Комнины разоблачаетъ многое въ занимающемъ насъ вопросѣ. Царь Алексѣй Комнинъ, очевидно, пытался задержать потокъ новыхъ идей, который данъ былъ философскимъ движеніемъ предыдущаго времени; православное византійское царство, возобновляя въ концѣ XI вѣка ²⁾ свой протестъ противъ увлеченій еллинскою философіей, засвидѣтельствовало знаменательный фактъ въ исторіи византійской культуры. Этимъ насильственнымъ ограниченіемъ свободы изслѣдованія и подчиненіемъ философскихъ выводовъ цензурѣ церковнаго авторитета, впервые, осуждалось антибогословское направленіе въ философіи, восторыхъ, узаконялось служебное положеніе философій къ богословію.

Мы уже видѣли, что собранныя въ Синодикѣ положенія противъ Итала сводятся въ сущности къ немногимъ ученіямъ, имѣющимъ приложеніе къ христіанской догматикѣ. Изъ самой редакціи этихъ положеній, а равно изъ той роли, которая принадлежала I. Италу среди образованныхъ людей тогдашняго общества, можно видѣть, что осужденіе простиралось не только лично на Итала, но и на раздѣляющихъ его взгляды, иначе говоря, на его школу. Чтобы придать характеръ наглядности и убѣдительности дальнѣйшимъ выводамъ, считаемъ необходимымъ возвратиться къ положеніямъ Синодика ³⁾.

Философское движеніе XI вѣка подкапывалось подъ основной христіанскій догматъ о воплощеніи Спасителя:

τοῖς ἐπιχειροῦσι ζητεῖν... εἴψ τρό-
ψ αὐτὸς ὁ Θεὸς λόγος τῷ ἀνθρωπίνῳ
φυσάματι ἴνωται καὶ τὴν προσηφθεῖ-
σαν σάρκα κατὰ τίνα λόγον ἐθέσσει
καὶ λόγοις διαλεκτικοῖς φύσιν

συναλογίζετο δὲ καὶ οὕτως πάντο
κκοήτως καὶ ἐπιβούλως ἐπιβάλλων
ταῖς παύσεσιν, ἢ τοῦ Κυρίου σαρξ
θεοῦ ἢ φύσει ταύσεται... καὶ ὁ μὲν
δολερῶς οὕτω συναλογίζετο· ἢ δὲ

1) *Alexias*, p. 265... προηγείσθαι δὲ τὴν τῶν θεῶν βιβλίαν μελέτην τῆς ἐλληνικῆς παιδείας ἐπίτροπε.

2) Имѣю въ виду соответствующее распоряженіе Юстиніана въ 529 году, касающееся философской школы въ Афинахъ.

3) При этомъ особенно рекомендуемъ вниманію читателя терминологію Синодика и изложеніе ученія Итала у Никиты Акомината, въ началѣ XIII вѣка.

καὶ θεῶν ἐπὶ τῆς ὑπὲρ φύσιν καινο-
τομίας τῶν δύο φύσεων τοῦ Θεοῦ
καὶ ἀνθρώπου λογομαχεῖν περισ-
μένους.

ἐκκλησία δεδογματικῆ τε καὶ ἀκερη-
νατο, μὴτε θέσει μὴτε φύσει θεωθῆναι
τὸ πρόσωπον.

Что именно догматъ ипостаснаго соединенія во Христѣ двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго, былъ тѣмъ камнемъ преткновенія и соблазна, который обратилъ вниманіе церкви на современную философію, доказывається цѣлымъ рядомъ отлученій, произнесенныхъ противъ другихъ лицъ, стоявшихъ съ Италомъ въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ. Полюбе и яснѣе формулируетъ уклоненіе въ этомъ догматѣ отъ церковнаго ученія Анна Комнина въ разказѣ объ еретикѣ Нилѣ ¹⁾. Изъ перечня сочиненій І. Итала можно видѣть, что спеціально догматическими вопросами онъ не занимался, слѣдовательно, уклоненія отъ церковной догматики сдѣланы имъ были въ той области, которая составляла его спеціальность, то-есть, въ философскихъ сочиненіяхъ, — для нагляднаго обоснованія этого вывода мы и подчеркнули въ приведенныхъ текстахъ нѣкоторыя выраженія.

Точно также нѣтъ между сочиненіями Итала такого, которое бы прямо ставило и разрѣшало вопросъ объ идеяхъ, о твореніи міра изъ предвѣчной матеріи и о конечности мученій ²⁾. Необходимо поэтому допустить, что и эти уклоненія отъ церковнаго ученія, во первыхъ, выводились изъ его философскихъ трактатовъ и положеній, въ которыхъ, разсматриваясь какъ заключенія, вытекающія изъ общаго его направленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ 10 положеніяхъ Синодика противъ І. Итала мы можемъ усматривать разрозненныя звенья одной системы, которая еще до нѣкоторой степени удобовозстановима, по крайней мѣрѣ въ той части, гдѣ она соприкасалась съ церковною догмой. Болѣе важными положеніями нужно считать слѣдующія:

1) τοῖς τὴν ὅλην ἀναρχὸν καὶ τὰς ἰδέας
ἢ ἀναρχὸν τῆ δημιουργίᾳ πάντων καὶ Θεῶν
δογματίζουσι καὶ ἐπιπερ οὐρανὸς καὶ γῆ
καὶ τὰ λοιπὰ τῶν κτισμάτων ἀΐδια τε καὶ
ἀναρχα καὶ διαμενοῦσι ἀναλλοίωτα...

2) τοῖς μετὰ τῶν ἄλλων μυσικῶν πλα-
ματων ἀφ' ἑαυτῶν καὶ τὴν καθ' ἑμᾶς πλά-
σιν μετακλιτῶσιν καὶ τὰς πλατωνικάς

учащимъ о шестствѣ безначальномъ и идеяхъ или собезначальномъ творцу всяческихъ Богу и что небо и земля и прочія твари вѣчны и безначальны и пребываютъ неизмѣнны.

по аналогіи съ другими мнѣнческими самообразованіями передѣлывающимъ и наше происхожденіе и

¹⁾ *Alexias*, II. p. 2. Мѣсто приводимъ ниже, когда будемъ говорить о Нилѣ.

²⁾ О воскресеніи умершихъ упоминается въ предисловіи къ сочиненію о диалектикѣ, посвященному царю Андронику.

ιδέας ως ἀληθεῖς διαγεγνημένους καὶ ως αὐτοκράτατον τὴν ὕλην παρὰ τῶν ιδεῶν μορφοῦσθαι λέγουσι...

3) τοῖς λέγουσι, ὅτι ἐν τῇ τελευταίᾳ καὶ κοινῇ ἀναστάσει μεθ' ἑτέρων σωμάτων οἱ ἄνθρωποι ἀναστήσονται καὶ κινήσονται καὶ οὐχὶ μεθ' ὧν κατὰ τὸν παρόντα βίον ἐποικίτευσαντο ἅτε τούτων φημιζομένων καὶ ἀπολλομένων.

принимающимъ платоновскія идеи за истинныя и утверждающимъ, что субстанціальное вещество образуется по идеямъ.

говорящимъ, что въ послѣднемъ и общемъ воскресеніи люди воскреснутъ и будутъ судимы въ другихъ тѣлахъ, а не въ тѣхъ, съ коими они провели настоящую жизнь, ибо эти тѣла тлѣны и разрушимы.

Въ приведенныхъ положеніяхъ заключаются сохраненныя Синодикомъ части міровоззрѣнія или философской системы I. Итала. Легко видѣть, что центръ тяжести въ его системѣ лежитъ въ ученіи о вѣчности и самобытности матеріи: вещество или матерія образуетъ реальный міръ по идеямъ, какъ образцамъ вещей. Этимъ уже предрѣшается вопросъ о сотвореніи міра и человѣка, о роли божества въ твореніи и т. д. Очевидно, нужно найти логическую связь этой части системы съ тою, которая касалась соединенія во Христѣ двухъ естествъ. Сами по себѣ положенія противъ Итала объясняютъ только его погрѣшности предъ судомъ церкви, защищающей установленный и канонизованный догматъ, но поставленныя во взаимную связь и дополненныя въ недостающихъ частяхъ эти положенія должны открыть исходные моменты ученія, объяснить вытекающія изъ нихъ заключенія и практическія приложенія, словомъ указать мѣсто ученію Итала въ общемъ философскомъ движеніи. Но возможно ли задаваться подобной цѣлью при отсутствіи матеріала? — Можно пожалѣть, что подобную задачу не принялъ на себя Прантль, ибо несомнѣнно, что нашъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ на почвѣ сравнительнаго изученія философскаго мышленія на западѣ и востокѣ.

Подмѣчая общность культурныхъ теченій на западѣ и въ Византійской имперіи, нельзя вычеркивать изъ исторіи развитія философской мысли на востокѣ того характернаго періода, который называется схоластическимъ. Конечно, при недостаточномъ знакомствѣ съ византійскимъ развитіемъ и при маломъ изученіи философскихъ трактатовъ, которые при томъ же часто остаются не изданными, было бы съ нашей стороны большой притязательностью утверждать, что мы имѣемъ въ I. Италѣ представителя византійской схоластики. Ограничиваемся пока несмѣлою попыткой дать освѣщеніе ученію Итала при помощи системъ западныхъ схоластиковъ. Какъ бы ни были недостаточны добытые нами въ этомъ отношеніи результаты, они во

всякомъ случаѣ могутъ обнаружить несостоятельность ходячихъ воззрѣній на такую важную въ культурной жизни народа область, называемую философія ¹⁾).

Прежде всего замѣтимъ, что мы не допускаемъ произвола въ обозначеніи тогдашней византійской философіи терминомъ „схоластическая“, а заимствуемъ это обозначеніе у Аппы Комнины ²⁾; не можетъ быть далѣе сомнѣнія, что латинскіе и греческіе писатели понимаютъ подъ схоластиками учителей семи извѣстныхъ наукъ (*septem artes liberales*): грамматики, діалектики, реторики, ариметики, геометріи, музыки и астрономіи (*trivium* и *quadrivium*),—это воплѣть подтверждается приведенными выше мѣстами изъ писемъ М. Пселла. Если съ понятіемъ схоластики соединяется тотъ періодъ философскаго мышленія, когда оно стояло въ подчиненіи къ церковному ученію и когда философствовать значило истолковывать древнихъ философовъ согласно съ господствующею догмой, то и въ этомъ отношеніи мы стоимъ на твердой почвѣ, перенося схоластику въ Византію, такъ какъ распоряженіемъ Алексѣя Комнина ³⁾ философія поставлена въ служебное положеніе къ священному писанію и твореніямъ отцовъ церкви. Наконецъ, первый періодъ схоластики, идущій отъ IX до начала XIII вѣка, характеризуется на западѣ именно тѣми чертами, которыя такъ полно выражены въ дѣятельности І. Итала и въ осужденіи его ученія церковью: попытки соединенія аристотелевской логики и неоплатонизма съ церковнымъ ученіемъ. Въ началѣ схоластическаго періода, говоритъ Ибервергъ ⁴⁾, философское мышленіе еще не было приведено въ полное подчиненіе церковному ученію, извѣстнаго рода соглашеніе достигается лишь постепенно и послѣ жаркой борьбы. Когда съ середины XIII вѣка, преобразованная аристотелевская философія уже поставлена была въ прочную связь съ вѣроученіемъ, и тогда эта связь оговорена была условіемъ, что *основныя христіанскіе догматы о троичности, воплощеніи и воскре-*

¹⁾ *Krumbacher*, *Geschichte der Byzantinischen Literatur*, München 1891, S. 170—171. Въ особенности не вѣрна слѣдующая мысль. Als sich im XI Jahrhundert das philosophische Interesse wieder zu regen begann, und durch die Stiftung der Stelle eines *brutos philosophorum*, die zuerst Psellos bekleidete, auch ausserlich gefördert wurde, waren es vornehmlich die propädeutischen Fächer, die ohne direkte Beziehung zur Theologie betrieben wurden.

²⁾ *Alexias*, p. 258 καὶ ἀνδρασι βέλτεροις σχολαστικοῖς.

³⁾ *Alexias*, p. 265.

⁴⁾ *Ueberweg*, *Grundriss der Geschichte der Philosophie*, 5-e Auflage, II, S. 113.

свѣти тѣла не могутъ быть постигнуты разумомъ ¹⁾, какъ сверхъестественные и потому неподлежащіе доказательствамъ разума ²⁾.

Служебное положеніе философіи состояло въ томъ, что свободѣ философской мысли поставленъ былъ непреодолимый предѣлъ въ твердости церковнаго догмата и что основной принципъ истинности и ложности въ вопросахъ, одинаково интересующихъ богословіе и философію, постановленъ былъ не въ самомъ наблюденіи и мышленіи, но въ церковномъ ученіи; вслѣдствіе этого аристотелевское ученіе пердѣльваемо было схоластиками частію въ космологіи, напримѣръ, ученіе о вѣчности міра, частію въ психологіи, какъ ученіе о вѣсѣ въ его отношеніи къ высшимъ частямъ души, между тѣмъ какъ философски не постигаемыя догмы не становились предметомъ философскаго разсмотрѣнія.

Изъ предыдущаго можно понять, къ какой философской системѣ относятся осужденныя церковныя мнѣнія I. Итала. И ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ, и ученіе о вѣчной и безначальной матеріи, о душѣ, о воскресеніи—не суть случайныя и безъ системы выбранныя положенія, но оказываются характерными и общими чертами, заимствованными изъ схоластической философіи. Въ Синодикѣ внесены именно такія положенія, въ которыхъ оказалась разность между философіей и ученіемъ церковнымъ, въ Синодикѣ, слѣдовательно, сохранился документъ большой историко-культурной важности, позволяющій установить общность развитія между Западомъ и Византіей.

Если, такимъ образомъ, въ оцѣнкѣ ученія I. Итала мы пришли къ выводу, что сохранившіеся изъ его системы отрывки могутъ быть понимаемы только въ связи съ современнымъ ему направленіемъ схоластической философіи на западѣ, то нельзя ли сдѣлать еще шагъ въ этомъ направленіи и до нѣкоторой степени возстановить его систему, обнаруживъ ея исходные моменты?

Что касается общихъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ изученіемъ схоластики, они поставлены довольно ясно и отчетливо въ западной литературѣ и могутъ быть примѣнены къ разъясненію памят-

¹⁾ Dass die specifisch christlichen Dogmen von der Begründbarkeit durch die Vernunft ausgenommen werden müssen.

²⁾ Что выражено въ извѣстіи Н. Авоината по поводу заблужденій Итала $\eta \delta' \epsilon \chi \lambda \eta \rho \iota \alpha \delta \epsilon \delta \omicron \upsilon \rho \alpha \tau \iota \kappa \acute{\epsilon} \tau \epsilon \kappa \alpha \iota \alpha \nu \epsilon \rho \eta \upsilon \alpha \tau \omicron \mu \epsilon \tau \alpha \theta \epsilon \sigma \epsilon \iota \mu \epsilon \tau \alpha \phi \acute{\omicron} \sigma \epsilon \iota \theta \epsilon \omega \theta \eta \nu \alpha \iota \tau \omicron \pi \rho \omicron \lambda \lambda \omicron \mu \alpha, \alpha \lambda \lambda' \acute{\omicron} \tau \epsilon \rho \phi \acute{\omicron} \sigma \iota \nu \kappa \alpha \iota \lambda \omicron \gamma \omicron \nu \alpha \nu \alpha \nu \alpha \tau \alpha$. Преступни Авегара формулированы были такъ: *transgreditur fines, quos posuerunt patres nostri.*

никовъ византійской схоластики ¹⁾. Замѣчено, говоритъ Орео, что если не всѣ схоластическіе философы, то большая часть изъ нихъ были духовныя лица, то-есть, богословы. Изъ этого наблюденія заключали, что единственная задача ихъ философіи состояла въ изученіи и методическомъ изложеніи таинствъ вѣры. Возражая противъ мнѣнія, будто средневѣковая философія была только одною изъ формъ богословія, онъ утверждаетъ, что на самомъ дѣлѣ никогда не существовало границъ между философіей и богословіемъ, что, напримѣръ, *Meditationes* Декарта безъ значительныхъ измѣненій могли бы быть внесены въ первую часть сочиненія Тома Аквината *Summa Theologiae*. Итакъ, если подѣ богословіемъ разумѣть науку, которая занимается изслѣдованіемъ или изученіемъ вѣчныхъ вещей, то эта наука, имѣющая однѣ и тѣ же задачи съ метафизикой, разрабатываемая была въ средніе вѣка большинствомъ философовъ, точно также какъ она была предметомъ изученія древнихъ и новыхъ философовъ. Какъ бы ни называть этихъ ученыхъ, философовъ или богословами, всѣ они отправляются отъ Аристотеля и отъ его толкователей, всѣ являются представителями той философіи, которая изучаема была въ средневѣковыхъ школахъ. Особенно важною эпохой въ развитіи мышленія нужно признать то обстоятельство, что изъ всѣхъ предметовъ обученія, подразумеваемыхъ въ *trivium* и *quadrivium*, главнѣйшее мѣсто получила діалектика или логика ²⁾, при посредствѣ которой пытались разрѣшить постепенно назрѣвавшіе вопросы о сущемъ, или вопросы онтологическіе. Какъ происходило въ Византіи это движеніе въ пользу преобладанія діалектики, мы не беремся рѣшить, но несомнѣнно оно уже было закончено у Пселла и Итала, такъ какъ тотъ и другой въ область діалектики вводятъ ученіе о сущемъ, тотъ и другой считаютъ возможнымъ съ помощью діалектики рѣшать метафизическія проблемы. Ученіе о безтѣлесномъ—*τὸν ἀσώματων θεωρία*, или наука, которая „изслѣдуетъ природу сущаго и возводитъ своими откровеніями не только до небесъ, но и наднебесный міръ воспѣваетъ во всѣхъ подробностяхъ“, несомнѣнно есть то направленіе философской мысли, которое называется схоластическимъ ³⁾.

¹⁾ Имѣемъ въ виду главнѣйше: *Rousselot*, *Études sur la philosophie dans le Moyen-Âge*. Paris. 1840; *Hauréau*, *De la philosophie scolastique*. Paris. 1850; *Ueberweg*, *Grundriss der Geschichte der Philosophie*, 5-e Auflage. Berlin. 1876.

²⁾ Тожество понятій установлено у *Рамюза*, *Abélard* т. 1, р. 300 и сл.

³⁾ *Rousselot* I, р. 12: partout on la (philosophie) voit, pour ainsi dire, en face de l'infini qu'elle regarde étonnée, qu'elle veut embrasser de son premier coup-

Въ періодъ господства этого направленія научное любопытство сосредоточивалось около одного капитальнаго вопроса, разрѣшеніемъ котораго предполагалась возможность проникнуть въ тайны сущаго. Такимъ вопросомъ было ученіе о родахъ и видахъ (περί γένων τε καὶ αἰδῶν), изложенное Порфиріемъ и разработанное въ знаменитомъ спорѣ двухъ школъ—номиналистовъ и реалистовъ¹⁾. Когда я говорю „родъ человѣческой“, „видъ человѣческой“, не обозначая при этомъ всѣхъ видовъ и всѣхъ отдѣльныхъ людей, то что можетъ представлять собой мое слово, взятое какъ общая мысль,—реальную сущность или же простое отвлеченіе ума,—существуютъ ли роды и виды въ дѣйствительности (τὸ μὲν αἴτε ὑφ' ἑστῆσαν), или только въ умѣ (αἴτε ἐν νόμῳ; ψαῖς ἐπινοίας χεῖται)? Если роды и виды не только мыслятся, но и существуютъ какъ вещи, то тѣлесны они или безтѣлесны; наконецъ, роды и виды существуютъ ли внѣ чувственныхъ предметовъ, или находятся въ нихъ и нераздѣльны съ ними? Эти три положенія были существеннымъ предметомъ занятій схоластической философіи, такъ что разработка мыслей Порфирія можетъ быть признана характернымъ признакомъ схоластическаго періода. Что византийская схоластика разрабатывала кругъ тѣхъ же идей, какъ западная, и что положенія Порфирія и здѣсь были руководящимъ принципомъ, видимъ изъ примѣненія его началъ въ XII вѣкѣ къ опредѣленію ученія о двухъ естествахъ во Христѣ²⁾.

Выясненіе природы родовъ и видовъ, сведенное къ ученію объ универсалияхъ, послужило матеріаломъ для философской производительности среднихъ вѣковъ. Разность направленій въ разработкѣ этого вопроса опредѣляетъ школы номинализма и реализма. Но этотъ вопросъ, говоритъ Кузенъ, во всѣ времена волновалъ и оплодотворялъ человѣческой духъ и былъ виновникомъ всѣхъ школъ. Принимая на себя всѣ цвѣта времени, онъ всегда остается однако основаніемъ, изъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются философскія изслѣдованія. По внѣшности это вопросъ, касающійся лишь психологій

d'oeil, expliquer de son premier mot, et comprendre à priori, sans d'abord se douter même de cette sage retenue qui conduit à pas lents, mais plus sûrs à la vérité, objet des travaux de l'homme; ср. *Hauréau* I. p. 32.

¹⁾ На русскомъ языкѣ изложеніе вопроса можно находить въ сочиненіи *Владиславлева*, Логика. С.-Петербургъ, 1881, Приложение 2-е, стр. 64.

²⁾ *Tafel*, Supplementa historiae ecclesiasticae graecorum: εἰ τις μὴ μετὰ πάσης εὐλαβείας: τῆ κατὰ ψαῖον ἐπινοίαν διαίρεσι: ὑφ' ἑστῆ: πρὸς δὴλωσιν μόνῃ τῆς ἐτερότητας τῶν συνδραμοῦν ἐν Χριστῷ δύο φροσῶν,—то же самое можно находить въ Синодикѣ.

и логики, по существу же онъ господствуетъ надъ всею философiей; ибо нѣтъ задачи, которая бы не заключала въ себѣ и слѣдующаго вопроса: все видимое нами есть ли комбинація нашего ума, или имѣетъ свое основаніе въ природѣ вещей ¹⁾. Это значитъ, что всякая онтологическая или психологическая доктрина необходимо должна считаться съ вопросомъ объ универсалияхъ.

Было бы излишнимъ входить здѣсь въ подробности изложенія системъ номинализма и реализма. Для предположенной нами цѣли гораздо важнѣе остановиться вниманіемъ на тѣхъ ученіяхъ, которые выразились въ западно-европейской философiи во время жизни І.Италя, чтобы отсюда сдѣлать заключенія къ той школѣ, которую основалъ и оставилъ послѣ себя этотъ италіанскій уроженецъ, дѣйствовавшій въ Византіи. Пока не разъяснены обстоятельства воспитанія и обученія Іоанна и сношенія его съ Италіей, крайне трудно рѣшать вопросъ о томъ, сколько было въ его философской системѣ привнесенаго отъ его учителей и сколько оригинальнаго, принадлежавшаго лично ему. Но важность этого вопроса усматривается еще съ точки зрѣнія исторіи номинализма на западѣ. Дю-Буа ²⁾ сообщаетъ любопытное, хотя и весьма темное, извѣстіе объ исторіи діалектики, называя основателемъ ея нѣкоего Іоанна. Кто былъ этотъ Іоаннъ, послѣдователемъ котораго былъ, между прочимъ, и Росцеллинъ, это рѣшается различно и вообще неудовлетворительно до такой степени, что основатель знаменитой школы на западѣ остается совершенно неизвѣстнымъ ³⁾. Не имѣя пока фактическихъ данныхъ, чтобы углубляться въ этотъ вопросъ, мы останавливаемся на имени Росцеллина, какъ философа, современнаго Іоанну Италу, и какъ выразителя довольно важной стадіи мышленія на западѣ.

Какъ извѣстно, свидѣнія объ ученіи Росцеллина заимствуются изъ свидѣтельствъ объ немъ другихъ лицъ. Существенной стороной его мировоззрѣнія была мысль объ универсалияхъ какъ о *flatus vocis* ⁴⁾.

¹⁾ *Hauréau*, 1, p. 44—45.

²⁾ *Du Boulay*, *Historia univers. paris.* t. I, p. 443: in dialectica hi potentes existere sophistae: Iohannes, qui eandem artem sophisticam vocalem esse discernit, Robertus Parisiensis, Roscelinus, Arnulphus, hi Iohannis fuerunt sectatores.

³⁾ Догадка *Орео* I, p. 172 и *Прантля* II, S. 76 далеко не убѣдительны. *Ueberweg*. II, S. 121, отвергая эти догадки, говоритъ: ist schwerlich Iohannes Scotus unter dem Iohannes zu verstehen, sondern ein im Uebrigen was unbekannter späterer Dialektiker.

⁴⁾ *Hauréau* I, 176 приводитъ слова Оттона Фрейзингенскаго: Roscellinum quemdam, qui primus nostris temporibus sententiam vocum instituit in logica.

Это значить, что въ дѣйствительности существуютъ только вещи или индивидуальныя предметы, универсаліи же, то-есть, виды и роды, качества и части—суть не что иное, какъ абстракціи, логическія построения, продукты ума. Этимъ воззрѣніемъ характеризуется школа номинализма въ ея противоположности къ реализму, усматривающему въ универсаліяхъ реальныя сущности. Росцеллинь навлекъ на себя обвиненіе со стороны противоположной школы въ еретичествѣ и былъ осужденъ на соборѣ 1092 года (въ Суассонѣ). Камнемъ преткновенія послужило для него примѣненіе его теоріи къ догмату о Троицѣ. Собственно говоря, и здѣсь мы не можемъ въ точности возстановить ходъ его мыслей, а должны довѣриться тому, какъ излагали его воззрѣнія его современники и ближайшіе ученики. „Росцеллинь, заключаетъ Орео ¹⁾ на основаніи этихъ показаній, не усумнился подвергнуть изслѣдованію разума тайну о Троицѣ. Онъ могъ не видѣть въ этомъ преступности, ибо Св. Августинъ и послѣ него знаменитѣйшіе отцы церкви подвергали логическимъ доказательствамъ непостижимыя догматы символа вѣры, самый вопросъ о Троицѣ обсуждался различными школами до времени Фомы Аквината. Росцеллинь предложилъ слѣдующее толкованіе. Логика учитъ, что домъ не есть ни крыша, ни фундаментъ, ни стѣны: въ качествѣ дома онъ есть домъ и не имѣетъ реальныхъ частей, а номинальныя. Если приложить этотъ принципъ къ тайнѣ Троицы, то найдемъ, что Богъ не есть Отецъ, Сынъ и св. Духъ, а есть только Богъ. Существовать и составлять одно—два термина синонимныя, единство и бытіе принадлежать только индивидуальности. Кто не принимаетъ этихъ заключеній и настаиваетъ на мнѣніи, что существуютъ въ дѣйствительности три лица божескія, тотъ долженъ допустить, что съ сыномъ воплотились Отецъ и св. Духъ ²⁾).

При оцѣнкѣ значенія Росцеллиниа нельзя терять изъ виду, что изъ его системы сохранились лишь небольшіе отрывки, которые далеко не въ состояніи познакомить ни съ общей его теоріей, ни съ ближайшими выводами. Что онъ положилъ основаніе къ новому и оживленному движенію въ области мысли введеніемъ въ діалектику онтологическихъ вопросовъ, это признаютъ за нимъ лучшіе автори-

¹⁾ De la philosophie scolastique I, 189; ср. *Rousselot* I. 159—160; *Ueberweg* II, 133—134.

²⁾ Si tres personae sunt una tantum res et non sunt tres per se, sicut tres angeli, aut tres animae, ita tamen ut voluntate et potentia omnino sint idem, ergo Pater et Spiritus sanctus cum Filio incarnatus est.

тетъ по изученію схоластической философіи. Борьба его противъ теорій, признававшей за универсалиями субстанціальное значеніе, конечно, должна была вызывать его на критику положеній реалистической школы, и въ этомъ отношеніи особенно можно пожалѣть, что не сохранилось указаній, какъ онъ училъ объ идеяхъ, о душахъ, вообще, какова была его космологическая система, сопоставленіе которой съ ученіемъ I. Итала могло бы разрѣшить культурную проблему высокой важности ¹⁾. Противники Росцеллина находили себѣ сильную поддержку въ ученіи неоплатониковъ, при чемъ платоновскія идеи нашли себѣ примѣненіе въ космологическихъ и психологическихъ построеніяхъ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе система Бернарда Шартрсакаго, изложенная въ сочиненіяхъ его: *Megacosmosus* и *Microcosmosus*. Въ основаніи его системы лежатъ три главныхъ начала Платона: 1) два первичныхъ и совѣчныхъ элемента — матерія и идея, 2) идеи, какъ типы всѣхъ вещей, 3) предсуществованіе душъ. Матерія (*ύλη*) и форма или идея — вотъ два вѣчныхъ принципа. Идейный міръ предшествуетъ чувственному, для созданія послѣдняго необходимо воздѣйствіе идеи на матерію, вслѣдствіе чего матерія одушевляется и принимаетъ форму. Божественный умъ содержитъ въ себѣ типы вещей (*imagines vitae viventis*), вѣчные образцы, предопредѣленное знаніе имѣющихъ образоваться предметовъ. Какъ въ чистомъ зеркалѣ, тамъ отражается весь реальный міръ, предопредѣленный къ бытію: тамъ изображены роды, виды, индивидуальности и все то, что можетъ произвести матерія, міръ и элементы. Міръ вѣченъ, такъ какъ онъ божественной природы ²⁾, обладаетъ совершенствомъ и неизмѣняемостью. Въ микрокосмѣ Бернарда занимается сотвореніемъ человѣка и развиваетъ теорію предсуществованія душъ. Въ области созвѣздія Рака видна безчисленная толпа душъ съ лицами, обращенными къ небу, и со слѣдами страданій и слезъ, ибо, проводя жизнь въ небесныхъ пространствахъ, онѣ съ ужасомъ замѣтили тѣ тѣла, которыя должны имъ служить грубою оболочкой*. Относительно метемпсихозы у Бернарда не находимъ почти никакихъ данныхъ, душа по освобожденіи отъ тѣла возвращается въ небесныя пространства (*redibit ad astra*).

¹⁾ *Hauréau*, I, p. 188, p. 270 si Roscelin lui-même nous était mieux connu... il est vraisemblable qu'il ne nous semblerait pas très-éloigné d'accepter toutes les conséquences du conceptualisme.

²⁾ *Rousselot* I, p. 299: *idem natura cum Deo, nec sub eodem dispartum*.

Во многихъ пунктахъ можно находить также сходство въ ученіи Абельяра съ ученіемъ І. Итала. Абельяръ (1079 — 1142 г.) дважды былъ осужденъ церковнымъ судомъ за философскіе выводы. Главное его значеніе усматривается именно въ систематическомъ приложеніи философскихъ выводовъ къ догматикѣ¹⁾. Идеи онъ понимаетъ какъ образцы вещей въ божественномъ умѣ, какъ субъективныя понятія божественнаго духа, который, содержа въ себѣ вѣчныя идеи, образовалъ по нимъ видимый міръ²⁾. — Не останавливаясь на изложеніи системы Абельяра, замѣтимъ еще нѣкоторые пункты совпаденія его міровоззрѣнія съ византійскимъ философомъ. Абельяръ смотрѣлъ на Сократа какъ на святаго и сравнивалъ его съ христіанскими мучениками; отрицалъ первородный грѣхъ со всѣми его послѣдствіями; признавалъ за воплощеніемъ Христа не ту цѣль, чтобы освободить людей отъ рабства діаволу, но чтобы просвѣтить ихъ свѣтомъ своего ума и примирити съ Богомъ, ибо человекъ не виновенъ въ первородномъ грѣхѣ³⁾. Не могъ онъ не касаться и догмата Троицы. „Метафизикъ Абельяръ, говоритъ Руссело⁴⁾, не могъ избѣгнуть встрѣчи съ этою тайной, на которую натыкались, увлекаемые естественнымъ ходомъ вещей, многіе изслѣдователи: въ самомъ дѣлѣ, какую бы ни взяли онтологическую доктрину, первое приложеніе ея къ вѣроученію необходимо будетъ на догматѣ о Троицѣ. Объясненіе, даваемое этому догмату Абельяромъ, показываетъ, что въ немъ богословъ и философъ были въ тѣсномъ союзѣ, отсюда громадная разница между нимъ и Росцеллиномъ. Послѣдній не допускалъ универсалій ни подъ какою формою, признавая только индивидуальности, и при томъ безъ частей, вслѣдствіе чего онъ отрицалъ триничность. Абельяръ не доходитъ до отрицанія частей, признаетъ одну всеобщность какъ основу бытія и отсюда отправляется въ объясненіи догмата о Троицѣ. Выставленное противъ него обвиненіе по этому вопросу заключалось въ слѣдующемъ: имена Отца, Сына и Св. Духа не обозначаютъ именъ Божіихъ, но описываютъ полноту верховнаго блага. Прилагая эту мысль къ Св. Духу, онъ училъ, что *Духъ есть міровая душа*, — въ

¹⁾ Cousin, Ouvrages inédits d'Abélard. Introduction p. 6.

²⁾ Ueberweg II. S. 153: ad hunc modum Plato formas exemplares in mente divina considerat, quas ideas appellat et ad quas postmodum quasi ad exemplar quoddam summi artificis providentia operata est;—generales et speciales formas rerum intelligibiliter in mente divina constituisse antequam in corpora prodirent.

³⁾ Rousselot II p. 80—81.

⁴⁾ Études sur la philosophie II. p. 83—84.

этомъ и заключалось его всеобщее. За эту послѣднюю мысль онъ подвергался наибольшимъ порицаніямъ. И между тѣмъ, св. Бернардь могъ бы съ одинаковымъ правомъ обратитъ свои укоризны противъ Григорія Назіанзина, Кирилла Александрійскаго и почти противъ всѣхъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства; онъ могъ бы сказать и объ нихъ то же, что говорилъ объ Абельярѣ: „въ особенномъ стараніи сдѣлать христіаниномъ Платона онъ самъ показываетъ себя замѣникомъ“¹⁾).

Въ заключеніе замѣтимъ, что дальнѣйшій шагъ въ исторіи развитія западно-европейскаго мышленія сдѣланъ былъ въ XIII вѣкѣ и что этому расширенію кругозора способствовало, по общепризнанному мнѣнію, ознакомленіе западнаго міра съ арабскими философскими системами и переводами Аристотеля. Въ арабскихъ системахъ развито ученіе о *самопроизвольномъ зарожденіи* и постепенномъ развитіи чело-вѣка, о соединеніи чело-вѣка съ божествомъ въ умовступленіи, у арабовъ же даны начала пантеизма²⁾.—Весьма можетъ быть, что непосредственная роль арабовъ въ сообщеніи западу новаго матеріала будетъ съ теченіемъ времени значительно ограничена, если наука овладѣетъ въ достаточной мѣрѣ тѣми данными, которыя представляетъ Византія въ концѣ XI вѣка. Можетъ оказаться, что изученіе философскихъ системъ Пселля, Итала и ихъ учениковъ приведетъ къ заключенію о тѣсной зависимости западной схоластической философіи отъ матеріала, доставляемаго прямо изъ Византіи. На сколько въ этомъ отношеніи даже лучшіе руководители по части объѣма литературнаго матеріала между западомъ и Византіей находятся подъ вліяніемъ укореившейся традиціи, можно видѣть изъ объясненій, даваемыхъ Ибер-вегомъ очень ясно переданному факту, имѣвшему мѣсто въ Парижѣ въ 1209 году³⁾. „На этихъ дняхъ читались сочиненія нѣкоторыя, принадлежащія, какъ говорятъ, Аристотелю и посвященныя метафизикѣ, недавно принесенныя изъ Константинополя и переведенныя съ греческаго на латинскій. Такъ какъ эти сочиненія совратили уже Амальрика и могутъ ввести въ соблазнъ другихъ, то опредѣлено предать ихъ сожженію и запрещено подъ страхомъ отлученія отъ церкви переписыв-

¹⁾ dum multum sudat quomodo Platonem faciat christianum, se probat ethnicum.

²⁾ *Ueberweg* II. 179—180 (Ibn Tophail); *ibid.* S. 182 по ученію Аверроеса die individuelle Existenz unseres vob; auf die Zeit bis zu unserm Tode hin beschränkt ist und nur dem Einem vob; die Ewigkeit zukommt.

³⁾ *Rousselot*, II. 110.

вать ихъ, читать или имѣть у себя¹⁾. Пбернегъ²⁾, рассматривая учене Амалярика, ссылается однако въ объясненіе его на заимствованія отъ арабовъ, какъ будто въ приведенномъ выше текстѣ не указанъ прямо источникъ еретическихъ мнѣній: книги, недавно принесенныя изъ Константинополя. Ближе къ правдѣ стоитъ Орео³⁾, думающій, что парижскій соборъ осудилъ въ 1209 году подъ именемъ Аристотеля какое-либо апокрифическое сочиненіе. Ибо оказывается, что Амалярикъ и его ученики „по внушенію діавола распространяли страшную ересь: они говорили, что въ евхаристіи мы вкушаемъ не тѣло Христово, а обыкновенный хлѣбъ; отрицали воскресеніе тѣлъ, не призывали ни рай, ни адъ; называли идолопоклонствомъ поклоненіе святымъ иконамъ и почитаніе мощей святыхъ угодниковъ; богохульствовали противъ Духа Святаго, утверждая, что человекъ не можетъ грѣшнить, такъ какъ божественный духъ обитаетъ въ немъ“⁴⁾. Всѣ эти данныя приводятъ Орео къ убѣжденію, что ни въ физикѣ, ни въ метафизикѣ Аристотеля не могъ быть источникъ подобныхъ еретическихъ мнѣній, ибо Аристотель не былъ защитникомъ теоріи, *Omnia unum, quia quicquid est est Deus*.

Не будемъ настаивать на томъ, что отмѣченныя направленія въ западно-европейской схоластикѣ представляютъ собою заимствование изъ византійскихъ системъ. Мы утверждаемъ только, что кругъ идей, въ которомъ вращалось европейское мышленіе въ періодъ отъ XI до XIII вѣка, тотъ же самый, какой находимъ въ Византіи. Сопоставляя отреченныя мнѣнія, изложенныя въ 11 положеніяхъ противъ Итала и тѣ философскіе выводы, которые сдѣланы были его учениками въ XII вѣкѣ и нашли себѣ мѣсто въ Синодикѣ—съ метафизическими и психологическими построеніями латинскихъ и арабскихъ схоластиковъ, нельзя сомнѣваться въ общности философскаго направленія на западѣ и востокѣ, которая не ограничивается методологическими приемами, но простирается на самое содержаніе выдвигаемыхъ отвлеченнымъ мышленіемъ вопросовъ. Объясняется ли это литературнымъ обмѣномъ и заимствованіями латинскаго запада отъ греческаго востока, или общимъ источникомъ, изъ котораго черпали византійскіе и западные мыслители свои матеріалы, это можетъ быть рѣшено не прежде, какъ будутъ изданы и изучены византійскія философскія системы.

¹⁾ Geschichte der Philosophie II S. 163, 199.

²⁾ Hauréau, II p. 403.

³⁾ Hauréau II p. 398.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя предложенная выше экскурсія въ область средневѣковой схоластики, ознакомивъ съ волновавшими защитниковъ чистоты церковнаго ученія вопросами, дала намъ до нѣкоторой степени возможность установить опредѣленный взглядъ на заключающіеся въ Синодикѣ матеріалы, но этимъ далеко еще не разрѣшены трудности при детальномъ изученіи матеріала. Такъ, если бы мы попытались распределить на группы статьи Синодика и на основаніи ихъ вывести основныя положенія системы I. Итала, то встрѣтились бы при этомъ съ довольно важными затрудненіями, изъ которыхъ не всѣ могутъ быть объяснены цѣлью и назначеніемъ изучаемаго памятника. Въ Синодикѣ нашли мѣсто лишь тѣ выводы изъ системы, которые прямо противоположны церковному ученію; тутъ, слѣдовательно, нѣтъ мѣста ни основнымъ послылкамъ, ни доказательствамъ, подтверждающимъ выводы. До нѣкоторой степени упомянутая краткость и отрывочность возмѣщается повтореніями, которыя представляютъ одно и то же противоцерковное мнѣніе съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ неодинаковомъ освѣщеніи. Но если вдуматься въ эти повторенія, то едва ли не слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ 11 главахъ противъ Итала предается осужденію не одна философская система съ ея выводами, а нѣсколько направленій, нѣсколько системъ, что, впрочемъ, находитъ себѣ вѣдшее оправданіе въ самой редакціи занимающихъ насъ положеній¹⁾. Возьмемъ для примѣра ученіе о душахъ или о душахъ человѣческихъ: объ немъ упоминается въ трехъ главахъ, изъ коихъ двѣ относятся между собой какъ противоположныя системы.

...τὰς μετὰ ψυχῶν τῶν ἀνθρωπίνων
ψυχῶν ἢ καὶ ὁμοίως τοῖς ἀλόγοις ζῶ-
σις τὰύτας ἀπόλλυσθαι καὶ εἰς τὸ μη-
δὲν χωρεῖν δεχομένους, καὶ διὰ τούτων
ἀνάστασιν καὶ κρίσιν καὶ τὴν τελευ-
ταίαν τῶν βεβιωμένων ἀναπόδοσιν
ἀτεθοῦσιν.

τοῖς δεχομένοις... ὅτι τὰ προὔπαρξιν
ἐστὶ τῶν ψυχῶν καὶ οὐκ ἐκ τοῦ μη-
δόντος τὰ πάντα ἐγένετο καὶ παρήχ-
θησαν, ὅτι τέλος ἐστὶ τῆς κολάσεως...
καὶ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν λυ-
μένην πάντως καὶ παράγουσιν εἰσα-
γοῦσιν.

Мы не желаемъ настаивать на томъ, что философская теорія, управляющаяся въ космологическихъ построеніяхъ изъ принципа предсуществованія душъ, необходимо признаетъ и душепереселеніе и пе-

¹⁾ Все положенія редактированы такъ, что предполагаютъ многихъ приверженцевъ неправильнаго мнѣнія: τοῖς ὅλοις ἐπιχειροῦσι;—τοῖς λέγοις;—τοῖς δεχομένοις и проч.

реходъ души человѣка въ животное ¹⁾),—не настаиваемъ въ виду неясности этого вопроса въ ученіи самого Платона ²⁾); но не должны оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что I. Итакъ или признавалъ воскресеніе и судъ, или отрицалъ его. Если онъ признавалъ въ одномъ сочиненіи, а отрицалъ въ другомъ, то не было нужды въ Синодикѣ выставлять противъ него обвиненіе по тому и другому мнѣнію.—Если при этомъ сошлемся еще на то положеніе, которымъ предается осужденію мнѣніе, что ересіархи, осужденные семью вселенскими соборами, *сочтутся на будущемъ судѣ* выше благочестивыхъ и православныхъ мужей, то едва ли потребуются новыя доказательства въ подтвержденіе высказанной нами мысли о непринадлежности одному Итаку тѣхъ заблужденій, которыя выражены въ 11 главахъ.

Итакъ, чтобы имѣть данныя къ сужденію о направленіи I. Итака, нужно выдѣлять изъ собранныхъ въ Синодикѣ обвиненій такія, которыя бы представлялись выводомъ изъ одного философскаго принципа. Задача эта облегчается частью тѣми выводами, которые сдѣланы были имъ по отношенію къ догмату о воплощеніи Бога-Слова, частію указаніемъ историковъ на его основныя воззрѣнія. Самый важный богословскій выводъ, заимствованный изъ ученія Итака, изложенъ въ первой главѣ Синодика и приведенъ выше вмѣстѣ съ параллельнымъ изложеніемъ того же самаго ученія у Н. Акомината. Что это ученіе взято изъ философскаго трактата по діалектикѣ, въ этомъ убѣждаемся изъ выраженій: λόγος διὰλεκτικός, σφηλοῦς (это и т. п., указывающихъ на способъ изложенія догмата. Какимъ же образомъ Итакъ приведенъ былъ къ постановкѣ этого ученія? Конечно, тѣмъ же, какимъ латинскіе схоластики приводимы были къ необходимости ставить и рѣшать вопросъ о воплощеніи, какъ философскую проблему. Мы видѣли случай подобнаго рода съ Росцеллиномъ, который, признавая за универсалиями лишь понятія, мыслимыя нашимъ умомъ, а не реальныя сущности, пришелъ къ противоцерковному заключенію о Троицѣ. Ходъ мыслей I. Итака въ разсужденіи неправильнаго ученія о лицѣ Иисуса Христа можетъ быть возстановленъ при посредствѣ параллельныхъ мѣстъ.

Анна Комнина, излагая еретическія мнѣнія никейскаго архіепископа Евстратія и монаха Нила, свидѣтельствуетъ, что ихъ главное заблужденіе состояло въ признаніи ученія: φῶς αὐθίστατο τὸ πρὸς-

¹⁾ Что можно наблюдать, напримѣръ, у Платона; см. *Владиславцевъ*, *Философія Платона*, стр. 119.

²⁾ *Ueberweg* I. S. 149.

λῆμμα ¹⁾); въ изложеніи ереси Итала у Н. Акомината ²⁾ обращено вниманіе на софистическій характеръ въ доказательствахъ: Италъ ставилъ послышки и выводилъ изъ нихъ необходимыя послѣдствія, злонамышленно и коварно забрасывалъ вопросами и ставилъ слушателя въ крайнее недоразумѣніе по поводу догмата — какъ *обожествилась плоть Христа по положенію или по природѣ*. Изъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что въ Синодикѣ собственно не указывается, какое ученіе проповѣдывалъ Италъ; лишь на основаніи того, что онъ придерживался превратнаго мнѣнія, можно думать, и то при помощи приведенныхъ параллельныхъ мѣстъ, что по его ученію плоть Христова обожествлена по природѣ. Противоположное же ученіе заключалось въ обратномъ мнѣніи: плоть Христа обожествлена τῆ θεοσι или κατὰ τὴν θεοσιν. Это ученіе, не смотря на прямое заявленіе Н. Акомината, что по опредѣленію церкви „плоть обожествлена не по положенію и не по природѣ, а сверхъестественно“, должно рассматриваться какъ приближающееся къ церковному, по крайней мѣрѣ, такимъ оно было въ началѣ XII вѣка. Извѣстно, что Евстратій, осужденный именно за такое же ученіе о воплощеніи, какъ Италъ, передъ смертью изложилъ это ученіе примѣнительно къ требованіямъ церкви и истолковалъ обожествленіе плоти κατὰ τὴν θεοσιν. „Плоть возвышена, говоритъ онъ, отъ самаго воплощенія, съ того именно момента, когда воспринята была творцомъ, такъ что стала то же самое съ создавшимъ, *не по природѣ, но по положенію и чести и превосходству божества*“ ³⁾).

Итакъ, догматическая часть взволновавшаго церковь ученія I. Итала состояла въ формулѣ: ὁ Θεὸς λόγος φύσει ἐθεώσατο τὸ πρόκλημα. Эту формулу можно понимать такъ, что воспринятая Христомъ чело-вѣческая природа не сдѣлалась по существу божественною, но имѣла усовершаться и приближаться къ божеству вслѣдствіе божественнаго воздѣйствія. Этимъ ученіемъ, съ одной стороны, раздвоилось второе лицо Св. Троицы, съ другой, — подрывался догматъ единосущ-

¹⁾ Alexias II, p. 2—3, въ текстѣ мы обратили только зависящее предложеніе въ прямое (τῆ φύσει θεωθῆναι...).

²⁾ Tafel, Supplementa historiae ecclesiasticae.

³⁾ Tafel, Supplementa. Здѣсь мы нашимъ возможнымъ исправить явно ошибочное чтеніе Табеля и предлагаемъ читать οὐ κατὰ φύσιν, ἀλλὰ κατὰ τὴν θέσιν (имѣсто θεσιν или δεκτικῆν) καὶ τὴν τιμῆν καὶ τὴν ὑπεροχὴν τῆς θεότητος. Евстратій если не заимствовалъ свое объясненіе изъ отцовъ церкви, во всякомъ случаѣ стоялъ на той же почвѣ. См. Ueberweg II, s. 59 о Павлѣ Самосатскомъ, Оригенѣ (II, S. 68) — ἐκ προκοπῆς θεωποιοῦνται или μετουχὴ τῆς ἐκείνου θεότητος θεωποιοῦμενοι.

ности всѣхъ лицъ въ Троицѣ ¹⁾. Какъ ближайшій выводъ изъ этого ученія о воплощеніи, нужно принять рационалистическій взглядъ на „предивныя чудеса“, касающіяся Спасителя, Богородицы и святыхъ, и стремленіе или отрицать ихъ какъ невозможныя, или объяснять при помощи разума ²⁾. Если мы попытаемся провѣрить выведенную формулу съ точки зрѣнія вопроса объ универсалияхъ, то найдемъ, что она объясняется изъ принципа: универсалии не суть реальныя сущности, а понятія нашего ума, *universalia post rem*.

Космологическія и психологическія построенія, выраженные въ II главахъ противъ I. Итала, составляютъ примѣненіе теории платоновскаго реализма. Видимый міръ произошелъ изъ безначальной матеріи (ἡ ἄλη ἀρχή); такъ какъ эта матерія по существу вѣчна, то и всѣ твари вѣчны, безначальны и неизмѣнны. Человѣкъ, какъ видъ творенія, также есть произведеніе первоначальнаго вещества. Относительно процесса образованія высшаго міра главная роль падаетъ на платоновское ученіе объ идеяхъ: субстанціальное вещество образуется по идеямъ (αὐθιπόστατος ἡ ἄλη παρὰ τῶν ἰδεῶν μορφοῦται), постепенность перехода отъ однихъ формъ къ другимъ можно предполагать въ выраженіи *μεθικῆ πλάσματος ἀφ' ἑαυτῶν* (самозарожденіе).

Въ какомъ отношеніи стоитъ міръ идей къ мировой душѣ или къ душамъ, это не вполне выясняется изъ изложенныхъ въ синодикѣ положеній. Основной пунктъ здѣсь есть ученіе о переселеніи душъ. Нужно допустить извѣстнаго рода совпаденіе между понятіемъ идеи и души, тогда видимый міръ является истеченіемъ мировой души, ученіе—въ своихъ выводахъ ведущее къ пантеизму. Что касается конечной судьбы видимаго міра, то мы уже имѣли случай отмѣтить довольно странную непослѣдовательность, которую можно объяснять развѣ тѣмъ, что Синодикъ опровергаетъ не одну философскую систему. Бессконечность міра, немислимость послѣдняго суда и воздаянія за дѣла—есть прямой выводъ изъ теории самозарожденія и эманации; но въ нѣкоторыхъ положеніяхъ Синодика трактуется о всеобщемъ воскресеніи съ измѣненными тѣлами, мыслится возможнымъ послѣдній судъ. Эти послѣднія положенія, которыя утверждаютъ, „что въ послѣднемъ и всеобщемъ воскресеніи съ другими тѣлами люди возста-

¹⁾ Толкованіе замѣствуемъ изъ положенія Никитой Акоминатомъ ереси Евстратія.

²⁾ Замѣчаніе Н. Акомината καὶ τὰς ἀγίας εἰκόνας οὐχ' ὡς εἶδει τῶν ὄντωνъ нужно толковать не въ смыслѣ иконоборства, а только ограниченія изображаемыхъ на иконахъ предметовъ.

нутъ и будутъ судимы, а не съ тѣми, въ коихъ провели земную жизнь“, находящаяся въ противорѣчїи съ другими частями, получаютъ особенный интересъ при сравненїи съ ученїемъ о душѣ у **Θоми Аквината**. Толкуя мысль **Аристотеля** объ активномъ разумѣ, **Θома** понимаетъ этотъ разумъ какъ принадлежность души (*quod hic intellectus sit aliquid animae*), но онъ не есть какая-либо матеріальная способность и можетъ дѣйствовать безъ матеріальнаго органа, то-есть, безъ тѣла, приходя въ него извнѣ и оставаясь дѣятельнымъ по разрушенїи тѣла. Безсмертіе души выводитъ онъ изъ ея нематеріальности. Формы, свойственныя матерїи, разрушаются съ уничтоженїемъ самой матерїи, какъ души животныхъ съ разрушенїемъ тѣла. Но человѣческая душа можетъ существовать безъ матерїи и потому не уничтожается послѣ разрушенїи тѣла, съ которымъ была соединена. Безсмертіе свойственно не только мыслительной способности души, но также и низшимъ силамъ ея, такъ какъ всѣ онѣ принадлежатъ той же субстанціи, какъ мыслительная сила, будучи обусловлены тѣлеснымъ органомъ не въ своемъ существованїи, а только во вѣншей дѣятельности. Но какъ эта мыслящая и чувствующая душа есть въ то же время формирующее начало тѣла, то она образуетъ ебъ по смерти, при посредствѣ присущихъ ей силъ, новое тѣло подобное прежнему¹⁾.

Съ точки зрѣнїя сходства отреченныхъ мнѣнїй, осуждаемыхъ одинаково западною и восточною церковью, не лишена интереса еще слѣдующая статья, направленная противъ **I. Итала**: „утверждающихъ, что еллинскїе мудрецы и первые ересїархи, отлученные семью вселенскими соборами и просїавшими въ благочестїи православными отцами, стоятъ гораздо выше здѣсь, и на будущемъ судѣ по сравненїю хотя и съ благочестивыми мужами, но погрѣшившими или по страсти человѣческой, или по неразумїю“. Не можетъ быть сомнѣнїя, что изъ еллинскихъ мудрецовъ подразумѣваются здѣсь **Платонъ** и **Сократъ**, защита которыхъ навлекла сильную укоризну на **Абеларда**; но какими доказательствами обставляли свои выводы въ этомъ отношенїи **I. Италъ** и его современники, объ этомъ нельзя судить по заключающимся въ **Синодикѣ** даннымъ. Замѣтимъ однако, что по исходнымъ моментамъ философіи **Итала** трудно допустить, чтобы онъ

¹⁾ *Ueberweg* II, S. 221. Da eben diese denkende und empfindende Seele zugleich das formgebende Princip des Leibes ist, so bildet sie sich vermöge eben dieser Kraft nach dem Tode einen neuen Leib an, der dem früheren gleichartig ist (*Summa c. gen. IV, p. 79*).

могъ давать мѣсто будущему суду и возданію за дѣла. Такимъ образомъ, приведенное положеніе можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что въ концѣ XI вѣка существовали уже разнообразныя системы и ученія, которыя имѣли найдти себѣ выраженіе въ послѣдующихъ частяхъ Синодика.

Заканчивая этимъ разборъ положеній, направленныхъ противъ I. Итала, мы далеко не исчерпали подлежащихъ научному изслѣдованію вопросовъ. Посредствомъ какихъ предыдущихъ стадій развитія византійское мышленіе пришло къ постановкѣ метафизическихъ проблемъ, каковъ былъ ходъ мышленія, давшій въ результатъ ученія, сохраненныя въ Синодикѣ, — отвѣтъ на это можетъ получиться посредствомъ изученія литературныхъ произведеній IX и X вв. Что же касается вліянія, какое движеніе XI вѣка обнаружило въ послѣдующее время, то въ этомъ отношеніи мы стоимъ на твердой почвѣ и можемъ утверждать, что философскія идеи XII вѣка составляютъ дальнѣйшую разработку и примѣненіе принциповъ, выставленныхъ I. Италомъ и его школой.

Въ ближайшее время, послѣ отлученія отъ церкви I. Итала, вниманіе ревнителей благочестія обратили на себя два лица, принадлежавшія къ духовенству: монахъ Нилъ и никейскій архіепископъ Евстратій. Съ первымъ поступлено было по всей строгости церковныхъ правилъ, такъ что имя Нила внесено въ Синодикъ и читается вслѣдъ за перечисленіемъ 11-ти главъ противъ Итала, второй же успѣлъ оправдать себя противъ обвиненія въ неправославіи, и имени его не находимъ въ Синодикѣ. Но при изслѣдованіи религіознаго движенія въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка нельзя обходить дѣло Евстратія никейскаго уже и потому, что онъ считается ученикомъ Итала и можетъ быть причисленъ къ лицамъ того направленія, которое осуждено въ 11-ти главахъ противъ Итала.

Въ синодикѣ о Нилѣ ничего не находимъ, кромѣ его имени. Нѣсколько чертъ сообщаетъ объ немъ Анна Комнина ¹⁾, но достоинство ея извѣстій по отношенію къ лицамъ не церковнаго образа мыслей мы уже могли оцѣнить на основаніи характеристики Итала. Нилъ выступаетъ съ своимъ „зловреднымъ ученіемъ, увлекшимъ многихъ въ пучину его ереси, вскорѣ послѣ осужденія Итала“ ²⁾. О происхожденіи его писательница ничего не можетъ сказать, характери-

¹⁾ *Alexias*, ed. Reifferscheid, II, p. 1 — 4.

²⁾ μετ'ὸ πολὺ τῆς τῶν τοῦ Ἰταλοῦ δογμάτων καταιρεσίας.

зуетъ же его какъ человѣка искуснаго въ притворствѣ, преданнаго изученію священныхъ книгъ, не посвященнаго въ еллинскую, то-есть, языческую науку. Онъ не проходилъ никакой школы, былъ совсѣмъ несвѣдущъ въ искусствѣ логики и, какъ самоучка, погрѣшилъ въ толкованіи смысла писаній. Здѣсь уместно было бы вспомнить, что Нилъ именно является выразителемъ того направленія, которое желалъ закрѣпить царь Алексѣй Комнинъ, рекомендуя не полагать образованія въ еллинской мудрости, а ставить на первый планъ священныя книги и учителей церкви. Нилъ имѣлъ большую известность какъ учитель въ знатныхъ домахъ, внушая къ себѣ почетъ и уваженіе. Недостатки его образованія обнаружались въ высказываемыхъ имъ взглядахъ на природу „тайнства ипостаснаго соединенія“: онъ не могъ достаточно понять ни въ чемъ состоитъ соединеніе, ни что такое ипостась, ни какъ обожествилось человѣческое естество. Вопреки церковному ученію, онъ пришелъ къ мысли, что „человѣчество обожествлено по естеству“¹⁾.

Безъ сомнѣнія, Нилу не было безызвѣстно, что весьма незадолго передъ тѣмъ церковь изыала этотъ вопросъ изъ обращенія, угрожая отлученіемъ тѣмъ, кто бы осмѣлился вновь поднять его. Первая глава соборнаго опредѣленія противъ Итала предусматривала именно то, что случилось съ Ниломъ. „Всѣмъ пытающимся вводить новыя изслѣдованія и ученія о неизреченномъ строителствѣ воплощенія Бога Слова, какимъ образомъ Богъ—Слово „человѣческому смѣшенію соединися“ и какъ „обожи“ пріятую плоть... анаѳема“.

У Анны Комнины встрѣчаемъ далѣе указаніе на любопытныя обстоятельства, способствовавшія распространенію лжеученія Нила. „Въ столицѣ, говоритъ она, было тогда много Армянъ, среди которыхъ ученіе Нила нашло приверженцевъ, начались постоянныя состязанія съ тѣмъ извѣстнымъ Тиграномъ и Арсакомъ, которыхъ особенно увлекли мнѣнія Нила“. Въ названныхъ здѣсь именахъ имъ должны, конечно, усматривать не представителей армянской національности, но выразителей того противокерковнаго ученія, которое принято называть армянскимъ и которое имѣетъ связь съ распространенными на востокѣ тайными ученіями и сектами. Созванный царемъ Алексѣемъ соборъ имѣлъ цѣлью поставить предѣлы распро-

¹⁾ *Alexias*, II. p. 2 τῆν κατ' ἐπίστασιν ἑνωσιν τοῦ καθ' ἡμᾶς ἀνοήτως μυστηρίου μὲθ' ὅπως ἔθεσθη τὸ πρόλημμα παρὰ τῶν ἀγίων διδασκόμενος, πόρρω τοῦ θεοῦ ἐξενουθεῖται φύσει τοῦτο θεολογεῖται ἐδοξάζειν ἀπατόμενος. Но ясно, что это та же ересь, въ которой обвиняли Итала: ἢ τοῦ Κυρίου παρ' ἑσέαι ἢ φύσει τεθεῖσται.

стравенію какъ армянской ереси, такъ и ученію Нила, ибо во взглядѣ на догматъ таинства воплощенія Нилъ сошелся съ Армянами ¹⁾. Мы не предполагаемъ вдаваться здѣсь въ богословскія тонкости по поводу этого важнаго вопроса христіанской догматики, отсылая читателя въ болѣе авторитетному богословскому сочиненію ²⁾. На соборѣ осуждены были не только Нилъ и Армяне, но и еще нѣкто Влахернитъ, придерживающійся ереси *Ентусіастовъ* ³⁾. Такъ какъ послѣдняя имѣетъ связь съ Богомилами, то можно заключать, что церковь въ одно и то же время наносила ударъ въ лицѣ Нила и всѣмъ упоминаемымъ еретическимъ ученіямъ. Ограничимся пока сдѣланными указаніями, отмѣтивъ себѣ слѣдующія наблюденія: 1) Нилъ слѣдуетъ за Италомъ въ ближайшей хронологической связи, на соборѣ противъ него предсѣдательствовалъ патриархъ Николай III, преемникъ Евстратія Гариды; 2) первая глава опредѣленія противъ I. Итала несомнѣнно касается самой существенной стороны ученія Нила; 3) въ изложеніи Анны Комнины ересь Нила поставлена въ связь съ ученіями армянской и богомильской ереси. Эти наблюденія должны приготовить читателя въ тому, чтобы не смотрѣть на ученіе Итала какъ на явленіе совершенно особо стоящее въ религіозной и философской жизни византійскаго государства. Но независимо отъ того они представляютъ интересъ въ связи съ нижеслѣдующими фактами.

Въ 23 книгѣ сочиненія Н. Акомината *Orthodoxiae Thesaurus* есть, между прочимъ, разказъ объ архіепископѣ Никейскомъ Евстратіи. Это былъ одинъ изъ виднѣйшихъ архіереевъ въ царствованіе Алексѣя Комнина, онъ пользовался личнымъ расположеніемъ царя, былъ извѣстенъ философскимъ и богословскимъ образованіемъ и особенно отличался ораторскимъ талантомъ ⁴⁾. Царь Алексѣй имѣлъ его въ своей свитѣ въ 1114 г., находясь въ Филиппополѣ съ цѣлью обращенія къ православію Армянъ и Павликианъ. Никита Акоминать ⁵⁾ прямо называетъ Евстратія ученикомъ I. Итала и

¹⁾ *Alexias*, р. 3. τὰ τοῦ Νείλου καὶ τῶν Ἀρμενίων ἐπιπλοκομένα καὶ ἀπαχταῦν τῶ φρονεῖ θεωρήσει: το πρόβλημα ἀσπρά φωνῆ χριστομένου.

²⁾ *Троицкія*, Изложеніе вѣры церкви армянскія; С.-Петербургъ 1875, стр. 137 и слѣд.

³⁾ Въ основаніи эта ересь исходитъ изъ того положенія, что наступленный или вдохновенный умъ можетъ постигать высшія тайны.

⁴⁾ *Alexias* XIV, 8 (р. 301) ἀνὴρ τὰ τε θεῖα σοφός καὶ τὰ θύραθεν, τῶν ἐπιταῖς διαλέξεν μᾶλλον ἢ οἱ περὶ τῶν στωϊκῶν καὶ ἀκαδημαίων ἐνδιατρίβοντες.

⁵⁾ *Migne, Patrologia*, t. 140 col. 135; *Tafel*, Supplementa historiae ecclesiasticae

также знакомить съ разнообразными его подвигами въ пользу православія. „Онъ неоднократно съ царской кatedры состязался съ латинянами объ опрѣснокахъ и о Св. Духѣ, но въ письменномъ изложеніи того, что самъ говорилъ и что слышалъ отъ противника, допустилъ неправильныя и непохвальныя выраженія о Св. Духѣ. Разъ же въ Филиппополѣ, въ присутствіи царя, ведя преніе съ Армянномъ о двухъ естествахъ Христа, безстыдно высказалъ неизвѣстно откуда заимствованное нечестивое мнѣніе ¹⁾, за что армянинъ назвалъ его цѣволокомъ, что на армянскомъ обозначаетъ скотоложца, а, бывшіе при этомъ ученые царскіе мужи высказали Евстратію порицаніе за еретическій образъ мыслей. Немного спустя онъ лишенъ архіерейства какъ виновникъ новой ереси*.

Объ этомъ ученомъ епископѣ начала XII вѣка мы можемъ въ настоящее время составить довольно полное сужденіе, благодаря тому обстоятельству, что часть его сочиненій появилась въ печати ²⁾. Семь изданныхъ сочиненій Евстратія имѣютъ полемическій характеръ, изъ нихъ три трактуютъ о происхожденіи Святаго Духа, одно объ опрѣснокахъ. Указанныя сочиненія направлены противъ латинявъ и главнѣйше противъ миланскаго архіепископа Петра, бывшаго въ Константинополѣ и вступавшаго въ пренія съ греческими учеными. Кромѣ того два сочиненія касаются вопроса поклоненія святымъ иконамъ и одно написано въ опроверженіе тѣхъ, кто признавалъ въ Христѣ одну природу. Какъ видно, Евстратій писалъ о самыхъ живыхъ вопросахъ того времени, и хотя старался не уклониться отъ принятаго церковью ученія, но не избѣгъ подозрѣній въ неправославномъ образѣ мыслей. Объ этомъ сохранилось извѣстіе самого же Евстратія. Въ апрѣлѣ 1117 г. онъ долженъ былъ представить исповѣданіе вѣры, въ которомъ чистосердечно извинился въ допущенныхъ имъ погрѣшностяхъ, прося у патріарха и собора прощенія. Этотъ любопытный документъ заключается въ слѣдующемъ ³⁾. Занимаясь опроверженіемъ ереси армянъ, писалъ Евстратій, я имѣлъ случай ознакомиться съ книгою, въ которой были слова св. Кирилла, одно произнесенное передъ царицами,

¹⁾ ἀναλόως ἐφθύρατο κτὶ πρόστρον κτὶ οὖν τῷ Πατρὶ λατρεύειν τοῦ Κυρίου τοῦ προέληπτου.

²⁾ *Demetriosopolus*, Bibliotheca ecclesiastica, t. 1, Lipsiae 1866. Архимандритъ Димитракопуло издалъ соч. Евстратія по рукописи Московской синодальной библиотеки.

³⁾ Напечатано въ первый разъ у *Димитракопуло*, во введеніи, стр. 11, по рукописи Визской библиотеки.

другое въ Ефесѣ на начальныя слова евангелія отъ Іоанна; тамъ и адѣсь шла рѣчь о поклоненіи. Кромѣ того, въ этой книгѣ было изложене мнѣній св. отцовъ перваго вселенскаго собора. Не вполне удачно понявъ заключающіяся въ этой книгѣ выраженія ¹⁾, я истолковалъ себѣ ихъ въ томъ смыслѣ, что воспринятое Христомъ человеческое естество находится въ служебномъ и подчиненномъ отношеніи къ божескому. Для большаго выясненія этой мысли я составилъ два слова въ опроверженіе армянской ереси, въ которыхъ воспользовался вышеуказанными выраженіями. Но я не предавалъ публичности мои сочиненія, а удержалъ ихъ у себя, имѣя намѣреніе снова разсмотрѣть ихъ и исправить, а въ случаѣ нужды и уничтожить. Видать Богъ, какъ я боялся обнаруживать ихъ, ибо находилъ въ нихъ много сомнительнаго. Не знаю какъ случилось, что кто-то безъ моего вѣдома взялъ ихъ у меня и переписавъ передалъ другимъ, вслѣдствіе чего на меня пало подозрѣніе въ неправомысліи. Случилось по грѣхамъ моимъ еще и другое, что когда я опасался за свои слова о поклоненіи и не вполне выяснилъ себѣ, нѣтъ-ли въ нихъ чего ошибочнаго и нуждающагося въ исправленіи, въ это время пропали составленныя мною слова, такъ что теперь мнѣ могутъ приписывать и такое, что я совсѣмъ не писалъ. Разговоры объ этомъ сдѣлались всеобщими, и меня ожидаетъ великая скорбь, чтобы мнѣ не быть виновникомъ вреда для множества христіанъ. Дабы прекратить соблазнъ и показать, что я не намѣренъ отстаивать невѣрныя мнѣнія, прибѣгаю къ его императорскому величеству, къ святѣйшему вселенскому патриарху и къ священному собору и передъ всѣми отрицаю и анаемствую таковыя мнѣнія, какъ чуждыя православію (слѣдуютъ мѣста изъ словъ, которыя онъ признаетъ своими). Относительно же другихъ выраженій и мѣстъ прошу предъязвить мнѣ самыя мои слова, которыя давно уже пропали у меня, чтобы я могъ видѣть ихъ и сказать, дѣйствительно ли мной написаны и не вставлены ли къ нимъ другія, или не вклялись по ошибкѣ переписчика, или по крайней мѣрѣ позволить мнѣ объяснить что я разумѣю въ этихъ мѣстахъ, если только признаю ихъ своими. Итакъ, отрицаюсь отъ вышеприведенныхъ мнѣній, какъ написанныхъ по невѣдѣнію и недостаточной внимательности и прошу извиненія во вниманіе къ тому, что мои слова пропали у меня прежде

---

¹⁾ ἕλον εἶναι προσκυνούμενον τον Χριστόν, ἀλλ' οὐ καθὼς ἄνθρωπον, καὶ ἕλον εἶναι προσκυνούonta, ἀλλ' οὐ καθὼς Θεόν.

чьмъ подверглись тщательному разсмотрѣнiю и исправленiю*. Слѣдуетъ подпись.

Слова Евстратiа, подавшiя поводъ къ обвиненiю его въ неправославномъ образѣ мыслей, какъ онъ самъ говоритъ, написаны были въ опроверженiе армянской ереси¹⁾. Уже на основанiи тѣхъ обстоятельствъ, которыя изложены въ исповѣданiи вѣры, можно сомнѣваться въ томъ, сохранились ли эти слова. И дѣйствительно, въ числѣ изданныхъ архимандритомъ Димитракопуло произведенiй Евстратiа только одно послѣднее направлено противъ армянина Тиграна²⁾, но это слово едва ли не составлено уже послѣ 1117 года, потому что въ немъ нѣтъ тѣхъ еретическихъ мнѣнiй, которыя указаны въ исповѣданiи вѣры. У Никиты Акомината³⁾, въ слѣдъ за словами: „Евстратiй лишень епископства, какъ виновникъ новой ереси“ находимъ прибавку, которая, по нашему мнѣнiю, можетъ относиться къ упомянутому сейчасъ произведенiю противъ Тиграна. Именно, Никита говоритъ, что по смерти Евстратiа нашли у него сочиненiе, составленное въ свидѣтельство пережвны его воззрѣнiй на тотъ предметъ, о которомъ онъ раньше неправильно училъ.

Приводимыми Н. Акоминатомъ отрывками изъ этого сочиненiя Евстратiа мы пользовались выше при объясненiи ученiя Итала о таинствѣ воплощенiя, при чемъ имѣли случай исправить явную ошибку въ изданномъ Тафелемъ текстѣ. Евстратiй толкуеть здѣсь обоженствленiе принятой Христомъ плоти не κατὰ φύσιν, а κατὰ θεόνъ καὶ τὴν τμήτην καὶ τὴν ὑπεροχὴν τῆς θεότητος. Эта богословская проблема составляетъ центральное мѣсто всего философскаго движенiя XII вѣка, на рѣшенiи ея споткнулись многiе ученые византийцы, и мы неоднократно встрѣтимся съ нею въ послѣдующемъ объясненiи и изложенiи отреченныхъ мнѣнiй. Оправдываясь въ православнои мнѣнiи, Евстратiй старается установить путемъ логическихъ доказательствъ догматъ ипостаснаго соединенiя во Христѣ двухъ естествъ. Съ точки зрѣнiя школы, въ которой онъ принадлежалъ, τὸ πρόβλημα могло также постепенно усовершенствоваться и возвышаться до божества, какъ ὁλῆ подъ водѣйствиемъ идей создаеть постепенно усовершенствующiяся формы. Если же принятая Христомъ плоть подвержена постепенному усовершенствованiю, то Христосъ воплотившiйся не равенъ Отцу. Что таково было

¹⁾ *Demetracopulus*, p. 12 предисловіе: πρὸς δὲ πλείονα τοῦ ὑποληφθέντος ἕξτασιν καὶ δύο λόγους ἐκτέθεικα, ἀνατραπὴν μὲν ποιούμενος τῆς τῶν Ἀρμενίων αἰρέσεως.

²⁾ *Ibid.* p. 160.

³⁾ *Tafel*, Supplementa.

возарѣніе его, противъ котораго теперь самъ же вооружался, видно изъ слѣдующихъ положеній: человѣческая плоть не могла допускать усовершенствованія, ибо какъ совершенствоваться Богу, существу совершенному; Сынъ есть существо совершенное и нѣтъ различія въ Троицѣ¹⁾. Для церковнаго ученія была большая опасность въ томъ положеніи, котораго придерживались I. Италъ и Евстратій. Если тѣло Христово не было божественнымъ, то подрывается ученіе о безкровной жертвѣ, о таинствѣ евхаристіи, о чудесахъ совершенныхъ Христомъ въ земной жизни,—подобныя не православныя мнѣнія и обнаружатся вскорѣ въ XII вѣкѣ. Пока, во время Евстратія, поминутые выводы еще не были, повидимому, сдѣланы, противъ него главное обвиненіе формулировалось такъ: неосторожно раздѣляя человѣчество Христа надвое, безстрашно отдѣлялъ отъ Христа тѣло Его²⁾.

Въ Синодикѣ сохранились, между прочимъ, двѣ статьи, хотя и не носящія имени Евстратія, но несоизвѣнно составленныя противъ него. Такъ какъ приуроченіе безыменныхъ статей къ опредѣленнымъ періодамъ и лицамъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ изученія нашего памятника и такъ какъ преимущество въ развитіи тѣхъ же идей можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ умственнаго движенія въ Византіи, то не излишне будетъ привести здѣсь эти статьи. Н. Акоминатъ³⁾, очевидно, имѣлъ подъ руками Синодикъ, когда писалъ объ Евстратіѣ, и даже пользовался соборными актами по дѣлу Евстратія, но безспорно всякій отдастъ предпочтеніе сохраненному Синодикомъ матеріалу передъ изложеніемъ Н. Акомината.

τοῖς εὐσεβάουσι ἐπὶ τῆς ἀρρήτου ἐν-
σάρκου οἰκονομίας τοῦ κυρίου καὶ Θεοῦ
καὶ Ἐωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ κε-
νοφωνίας τινὰς καὶ λέγουσι ἢ φρονοῦσι
προσκυβεῖν τὸ ἀνθρώπινον τοῦ Χρισ-
τοῦ τῇ ἀπροσίτῳ θεότητι δουλικῶς
καὶ τὴν δουλείαν ἀίδιον κεκτῆσθαι ὡς
οὐσιώδη καὶ ἀναπόβλητον, ἀνάθεμα.

τοῖς μὴ μετὰ πάσης εὐλαβείας χρω-
μένοισι τῇ κατ' ἐπίνοιαν διαίρεσει πρὸς

у Никиты Акомината: διαίρων τὸ
πρόσλημμα διαμπᾶξ καὶ λατρεύειν αὐ-
τὸ λέγων τῷ θεῷ καὶ πατρὶ.

εἰ τις μὴ μετὰ πάσης εὐλαβείας τῇ
κατὰ ψιλήν ἐπίνοιαν διαίρεσει χρήται

¹⁾ τοῖς δὲ λέγουσιν, ὅτι τὸ πρόσλημμα ἐφίεται προκοπῆς, ἀνάθεμα: ποῦ γὰρ κα
προῆξει ὁ Θεὸς ὢν τέλειος, τέλειος γὰρ ἔστιν ἐκ τελείου ὁ υἱὸς ἐκ τοῦ πατρος...

²⁾ ὁ διαχωρίζων τὸ σῶμα τοῦ Κυρίου ἀνοπιστότως ἐξ αὐτοῦ, διαίρων πρόσλημμα
διαμπᾶξ.

³⁾ Tafel, Suppléments.

δηλωσιν μόνον τῆς ἑτερότητας τῶν ἐν Χριστῷ συνδραμουσῶν δύο φύσεων καὶ ἐν αὐτῷ ἀσυγχύτως καὶ ἀδιαρέτως ἡνωμένων, ἀλλὰ καταχρωμένοι τῇ τσαύτῃ διαίρεσει καὶ λέγουσι τὸ πρόσλημμα οὐ τῇ φύσει μόνον ἕτερον, ἀλλὰ καὶ τῇ ἀξίᾳ καὶ ὅτι λατρεύει Θεῷ καὶ ὑπηρεσίαν προσφέρει δουλικὴν καὶ τιμὴν τὴν προσήκουσαν ἀπονεμει ὡς ὀφειλὴν, καθάπερ τὰ λειτουργικὰ πνεύματα τῷ Θεῷ ὑπηρετοῦντα τε καὶ λατρεύοντα δουλικῶς, καὶ ἰδίᾳ τὸ πρόσλημμα ἀρχιερέα μέγαν εἶναι διδάσκει καὶ οὐχὶ τὸν Θεὸν λόγον, ὅτι γέγονεν ἄνθρωπος, ὡς διὰ τούτων τὸν ἕνα Χριστὸν τὸν κύριον ἡμῶν καὶ Θεὸν διακρίνει τολμῶσιν ὑποστατικῶς, ἀνάθεμα.

Независимо отъ того, что текстъ Н. Акомината не вполне исправно изданъ Тафелемъ, сравненіе его съ Синодикомъ убѣждаетъ еще въ томъ, что Никита довольно свободно относился къ матеріалу, передавая его недостаточно точно.

Нужно думать, что имя Евстратія было очищено отъ подозрѣній въ еретичествѣ послѣ подачи имъ исповѣданія вѣры въ 1117 году. Въ пользу его говорило не только искреннее раскаяніе, но и положительныя заслуги его передъ церковью. Онъ уже пользовался въ то время извѣстностью за свои полемическія сочиненія противъ латинянъ, посвященныя вопросу объ опрѣсновахъ и о происхожденіи Св. Духа. Ученая его дѣятельность падаетъ на самое начало XII вѣка, такъ какъ составленное имъ около 1112 года слово противъ архіепископа Миланскаго ¹⁾ позволяетъ заключать, что Евстратій тогда не впервые выступалъ на литературное поприще, такъ какъ миланскій архіепископъ въ своихъ нападкахъ на восточную церковь имѣлъ, между прочимъ, въ виду и его прежнія сочиненія ²⁾. Что дѣйстви-

¹⁾ Δημητράκηπουλος, Bibl. ecclesiastica p. 84 ἔκθεσις τῆς γενομένης διαλέξεως ἐνώπιον τοῦ αυτοκράτορος κυρίου Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ πρὸς Γροζολάνον ἀρχιεπίσκοπον Μεδιολάνων.

²⁾ Что свидѣетъ заключать изъ словъ Евстратія (Bibl. eccles. p. 85) ἃ ὄ' οὗτο προσθεῖναι δοκεῖ ἄρτι πρὸς ἡμᾶς μαχεσάμενος, ταῦτα φροντίδος ἀξιοῦνται τινος.

πρὸς δηλωσιν μόνην τῆς ἑτερότητας τῶν συνδραμουσῶν ἐν Χριστῷ δύο φύσεων, ἀλλὰ καταχρωμένος αὐτῇ λέγει τῆς αὐτῆς ὑποστάσεως τοῦ Χριστοῦ τὸ μὲν εἶναι δεσπότην, τὸ δὲ δοῦλον, ἀνάθεμα.

εἴ τις τὸν ἕνα Χριστὸν μετὰ τὴν ἕνωσιν διακρίνει, ἰδίᾳ καὶ ἀνά μέρος τιθεὶς τὸν Θεὸν λόγον, καὶ ἰδίᾳ τὸ πρόσλημμα, ἀλλ' οὐχὶ ἕνα τοῦτον δοξάζει τῇ ταυτότητι τῆς οὐσίας καὶ τῆς ἀξίας διὰ τὴν καθ' ὑπόστασιν ἕνωσιν, καὶ ἕνα υἱὸν μετὰ τὴν ἐνανθρώπησιν, ἐκπέσει τῆς οἰοθεσίας...

тельно имя Евстратія было обѣлено, доказывається тѣмъ, что церковный писатель Николай Меѳонскій упоминаемъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ, какія нельзя было допустить по отношенію къ лицу, осужденному соборомъ за еретическій образъ мыслей и не прощевому. Дальнѣйшее тому доказательство находимъ въ актахъ собора 1158 года, гдѣ приводится, наряду съ святоотеческими писаніями, одно мѣсто изъ сочиненія Евстратія περί Ἀζόρων въ подтвержденіе церковнаго мнѣнія ¹⁾.

При оцѣнкѣ ученой дѣятельности Евстратія не слѣдуетъ упускать изъ вниманія то обстоятельство, что богословско-полюемическихкими сочиненіями не исчерпывается его производительность. Онъ посвящаетъ свое вниманіе и чисто философскимъ занятіямъ; ему принадлежатъ комментарий къ Никомаховой этикѣ и ко 2 книгѣ II Аналитики Аристотеля ²⁾. Эти труды имѣютъ важное значеніе для философскаго развитія латинскаго запада, первые латинскіе переводы ихъ сдѣланы около 1240 года ³⁾. Рукописныя данныя открываютъ, что въ началѣ XII вѣка не одинъ Евстратій продолжалъ философскія занятія, пущенныя въ ходъ Пселломъ и Италомъ. Въ комментаріяхъ къ этикѣ и аналитикѣ принимаетъ участіе М. Ефесскій; товарищемъ и сотрудникомъ Евстратія на поприщѣ богословско-философской полемики былъ также ученый монахъ Іоаннъ Фурни, игуменъ обители Гана. Ему принадлежатъ нѣсколько сочиненій и, между прочимъ, опроверженіе миланскаго архіепископа. Имя Фурни и тѣмъ еще достойно упоминанія, что по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать объ участіи его въ составленіи догматической панопліи Зигавина ⁴⁾.

¹⁾ Часть сочиненій Николая Меѳонскаго издалъ Voemel въ 1825 году, другую часть Δημητράκοπουλος, Νικόλαου ἐπισκόπου Μεθώνης λόγοι δύο (Лейпцигъ, 1865) и въ Bibliotheca ecclesiastica (Лейпцигъ, 1866). Упомянутое объ Евстратіи выходящее въ сочиненіи Николая Ἀνάπτυξις τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόβλου πλατωνικῆς φιλοσόφου и заключается въ слѣдующемъ: τοῦτο δὲ τὸ τοῦ σοφιστικοῦ μάρτυρος; Εὐστρατίου περί τῶν πολλῶν θεῶν προβλήθεν ζήτημα.— Давнія собора 1158 года изданы ар. *Migne, Patrologia*, t. 140 col. 173.

²⁾ *Ueberweg*, II. s. 165—166. Рукописный матеріалъ показываетъ, что эта работа исполнена въ сотрудничествѣ съ М. Ефесскимъ.

³⁾ *Rose*, Über die griechischen Comment. zur Ethik des Aristoteles (Hermes V s. 65—67.

⁴⁾ Парижская національная библіотека, Supplem. graecum № 407, fol. 140 Προκλάου ἐπισκόπου Μεθιολάνων λόγος πρὸς τὸν βασιλεῖα κῆρ Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν;— fol. 144 πρὸς τὰ ὑπο Μεθιολάνων βῆθεντα καὶ ὅτι οὐκ ἐκπορεύεται ἐκ τοῦ Ἰησοῦ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον Ἰωάννου μοναχοῦ τοῦ Φουρνῆ;— fol. 149 Εὐστρατίου μητροπολίτου Νικαίας; πρὸς τὸν αὐτὸν λόγος.— Въ Оксфордѣ, какъ видно изъ *Coxe, Catalogi co-*

Такимъ образомъ, можно установить известнаго рода научное преданіе, идущее отъ XI вѣка и воспринятое Ниломъ, Евстратіемъ, М. Ефесскимъ, Фурни и др. Въ свою очередь и эти послѣдніе не останутся безъ учениковъ и почитателей. Однимъ изъ нихъ былъ Н. Меонскій, дѣятельность котораго относится ко второй четверти XII вѣка и будетъ рассмотрѣна ниже, о другомъ, какъ о современникѣ, скажемъ здѣсь же, въ ближайшей связи съ Евстратіемъ.

Халкидонскій митрополитъ Левъ, по своей научной дѣятельности и воззрѣніямъ, долженъ быть признанъ весьма близкимъ къ Евстратію мыслителемъ. Припомнимъ, что Евстратій обратилъ на себя вниманіе ревнителей чистоты церковнаго ученія главнѣйше неосторожными выраженіями о природѣ соединенія во Христѣ двухъ естествъ. Его обвинили за то, что онъ признавалъ человѣческое естество ниже божественнаго, говоря, что по человѣчеству Христосъ λατρεύει τῷ Θεῷ, воздастъ ему рабскую честь и поклоненіе—ὀκτρασίαν προσφέρει δούλικήν—подобно служебнымъ духамъ, раба повивающимся Богу. Левъ Халкидонскій борется съ тою же самой проблемой, перенесъ ея приложеніе въ болѣе широкую область: „какое прилично поклоненіе иконѣ Христа, служебное какъ Богу, или относительное?“—Вопросъ возгорѣлся по слѣдующему поводу.

Царь Алексій Комнинъ, во время войны съ Робертомъ Гвискарромъ (около 1082 года), затрудняясь пріискать средства на уплату жалованья войскамъ, рѣшился наложить руку на церковныя сокровища и приказалъ, съ согласія, впрочемъ, церковной власти, перелить въ монету нѣкоторыя церковныя украшенія и, между прочимъ, халкопратійскія двери, на которыхъ были изображены двѣнадцать господскихъ праздниковъ¹⁾. Это обстоятельство сопровождалось значительными и продолжительными волненіями. Халкидонскій митрополитъ Левъ съ особенной энергіей выступилъ противъ царскаго распоряженія, приравнявъ его къ иконоборству. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ порицалъ правительство, доказывая незаконность посягательства на священныя предметы и возбуждая умы. Свѣтская власть нашлась въ

dicam manuscriptorum Bibl. Bodlejanae, p. 170, № 101, существуетъ рукопись, содержащая пренія между архіепископомъ миланскимъ и греческими учеными, изъ послѣднихъ одинъ не названъ, а другой есть I. Фурни, подъ званіемъ слѣдуетъ разумѣть Евстратія.—Объ участіи Фурни въ составленіи Панагии, см. Δημήτρηστροπουλος, введение p. 9—10.

¹⁾ Anna Comnena, Alexias, l. p. 228 (lib. V. c. 2); Tafel, Supplementa; Zachariae, Jus Graecoromanum III. 355.

необходимости положить конец соблазну. Поводъ подалъ самъ Левъ, употребившій нѣсколько неосторожныхъ выраженій въ письмѣ, которое попалося императору и передано имъ было на судъ собора. У Анны Комнины и въ замѣткѣ Н. Акомината сообщено кратко, что Левъ обвиненъ былъ въ ереси относительно поклоненія святымъ иконамъ и присужденъ къ низложенію ¹⁾. Но къ счастью, мы можемъ возстановить это дѣло на основаніи другихъ матеріаловъ. Прежде всего, сохранились дѣянія собора, разбиравшаго этотъ вопросъ ²⁾. Изъ нихъ видно, что царь Алексѣй Комнинъ, руководившій преніями, по прочтеніи того мѣста Синодика, которое говоритъ о поклоненіи святымъ иконамъ, предложилъ вопросъ: „какъ вамъ кажется, *σχετικῶς* или *λατρευτικῶς* слѣдуетъ поклоняться иконѣ Спасителя нашего?— Всѣ отвѣтили *σχετικῶς*. Царь спросилъ далѣе: какія иконы разумѣете, вещество ли, изъ котораго сдѣлана икона, или изображеніе?— Отвѣтили: написанныя на веществѣ изображенія. — Затѣмъ царь еще предложилъ вопросъ: на веществѣ написанное подобіе Христа есть ли божественная природа? — Конечно, нѣтъ, отвѣтили всѣ, ибо божественная природа неопиcуема. Въ заключеніе вопросъ формулированъ былъ слѣдующимъ образомъ: святымъ какъ слугамъ Христа мы приносимъ поклоненіе по причинѣ Христа и приближенія ихъ къ Нему; Христу же поклоняемся какъ Богу и владыкѣ, то-есть, ради Его самого, а не другаго; такъ что иконы святыхъ какъ слугъ Христовыхъ чтимъ *относительно* (*σχετικῶς*) ради Него ³⁾, самихъ же ихъ по причинѣ приближенія ихъ въ общему владыкѣ нашему, самому же Христу приличествуетъ *λατρευτικῆ ἢ προσκύνησις*, ибо поклоняясь ему поклоняемся Богу и Духу Святому⁴.

Соборный актъ показываетъ, что здѣсь обойдено было самое существенное, именно не подвергалось обсужденію то обстоятельство, которое привело соблазнъ и вызвало Льва Халкидонскаго на протестъ. Съ другой стороны, и самая постановка поднятаго Львомъ вопроса значительно измѣнена. Философская сторона этого вопроса

¹⁾ *Alexias*, p. 230 *λατρευτικῶς οὐ σχετικῶς δὲ προσκυνεῖσθαι τὰς ἁγίας εἰκόνας παρ' ἡμῶν ἔδογματιζεν*,—*ἐξαιρέθων γὰρ ἀσφαλῶς τὸν λόγον οὐκ εἶχεν, ὅτι λογικῆς μαθησεως ἀμέτοχος ὑπῆρχε παντάπασιν*. — По словамъ Никиты *ἀνὴρ τῶν μὲν λογικῶν παιδεύσεων οὐκ ἐραστὴς ἀκρότατος, ἀρετῆς δ' ἁπλῆς κανὼν ἀκριβέστατος καὶ ζήλου τοῦ κατὰ θεὸν ἐμπλεως*.

²⁾ *Montfaucon*, *Bibliotheca Coisliniana* p. 103—110.

³⁾ *Montfaucon*, p. 109 *ὡςτε τῶν μὲν ἁγίων τὰς εἰκόνας προσκυνούμεν — σχετικῶς δὲ αὐτοῦς*;—это послѣднее реченіе требуетъ исправленія—*δὲ αὐτόν*.

раскрывается въ двухъ сочиненіяхъ, принадлежащихъ Евстратию ¹⁾, изъ которыхъ одно, написанное въ формѣ діалога, воспроизводитъ впечатлѣніе, произведенное соборнымъ опредѣленіемъ и нѣтъ для насъ особенный интересъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ статьямъ Синодика. Діалогъ ведется между двумя лицами, названными Φιλοσοφῆθης и Φιλαλήθης. Первый возвращается изъ двора, гдѣ было публичное разсмотрѣніе догматическаго вопроса. Второй спрашиваетъ его: что новаго произошло и что вызвало такое собраніе? Философъ удивляется, какъ его собесѣдникъ не знаетъ о такомъ важномъ дѣлѣ, которое всѣхъ такъ волнуетъ, и объясняетъ, что рѣчь шла о божественномъ догматѣ. — Что ты говоришь, отвѣчаетъ Филалиѣ, ужели кто привноситъ новый догматъ и хочетъ повредить божественное преданіе? — Нѣтъ, отвѣчаетъ Философъ, но нѣкоторые пытаются изобличить въ нечестивомъ мнѣніи того, на кого мы привыкли смотрѣть уже издавна какъ на предстоятеля церкви и собора и кто по общему мнѣнію превосходитъ всѣхъ словомъ и добродѣтелью ²⁾. — Такъ выясняются роли собесѣдниковъ, изъ коихъ Философъ поддерживаетъ мнѣніе Льва Халкидонскаго, а Филалиѣ защищаетъ церковное ученіе, восторжествовавшее на соборѣ. Какъ объясняется, свѣтская и церковная власть судила Льва не за то, что онъ, возгорѣвъ ревностью патріарха Никифора и Θ. Студита, называлъ иконоборствомъ посягательство царя на священные предметы, а за допущенныя имъ въ одномъ письмѣ „неловкія и неосмотрительныя“ выраженія. Діалогъ и занимается объясненіемъ этихъ выраженій, дополняя въ этомъ отношеніи и иллюстрируя толкованіе соборныхъ актовъ ³⁾. Левъ отстаивалъ ту мысль, что вещество, изъ котораго дѣлаются священные изображения, остается священнымъ предметомъ даже и послѣ того, какъ уничтоженъ ликъ угодника или Христа; такое мнѣніе равносильно было порицанію правительства царя Алексѣя за употребленіе на государственныя нужды церковныхъ пред-

¹⁾ Δημητριοπούλος, Bibl. ecclesiastica I, p. 127, 151. Первое сочиненіе мы разбираемъ въ текстѣ, второе названо *силлогистическимъ доказательствомъ* въ пользу поклоненія св. иконъ.

²⁾ p. 129 ὅν περ διὰ ὑρόνου πλείστον τῆς ἐκκλησίας καὶ τῆς Συνόδου πρωτεύοντα ἔατομεν, καὶ λόγῳ καὶ ἀρετῇ προέχον ἐκρίναμεν τῶν ἀπάντων, ὅν τοῦτον ὡς θεοειδέος τινος τοῦ θεοειδέος ἔχοντα βιαλέγετον περιφώνται.

³⁾ На сколько однако вопросъ этотъ занималъ общество и самого царя, свидѣтельствуетъ новелла, помѣщенная у Цагаріа, III, p. 355. Левъ изложенъ въ 1086 г. и былъ подѣ запрещеніемъ до 1088 года, — этимъ опредѣляется хронологія Діалога. См. В. Г. Васильевскій, Журн. Мин. Нар. Пр., декабрь, 1872, стр. 262.

метовъ ¹⁾). Итакъ, переведенный на догматическую почву вопросъ, поднятый Львомъ, сводится и въ Діалогѣ къ опредѣленію понятій *συχνησ* и *λατρετικησ*. Въ концѣ спора выясняется, что *λατρεικον* примѣнимо только къ несозданному божеству, а какъ человѣческая плоть сотворена, то, очевидно, она не можетъ принимать божескаго поклоненія. А какъ на иконѣ Христосъ изображается только по человѣчеству, ибо по божеству неописуемъ, то воздаваемая иконѣ честь переходить къ прототипу, что и составляетъ „отношеніе“, ибо перенесеніе или возношеніе иконы къ прототипу есть „*συχνησ*“. Итакъ, честь, возносимая черезъ икону къ ея прототипу, есть относительная честь ²⁾). Поклоненіе Христу по божеству и въ изображеніи существенно различно: въ первомъ случаѣ поклоняемся ему непосредственно, во второмъ—при посредствѣ подражанія; тамъ служебное поклоненіе какъ Богу, здѣсь—относительное чрезъ посредство иконы, имѣющей къ нему отношеніе.

Изъ сказаннаго можно усматривать, что вся серія дѣятелей конца XI и начала XII вѣка примыкаетъ къ одному направленію: въ изложенія къ догматикѣ, возрѣнія I. Итала, Евстратія, Нила и Льва оказываются еретическими, ибо всѣ они погрѣшили въ объясненіи таинства соединенія во Христѣ двухъ естествъ. Тема I. Итала трактуется его учениками, не смотря на запрещеніе касаться ея подѣ страхомъ отлученія отъ церкви. Мы видѣли выше, при изложеніи основныхъ теченій въ западно-европейской схоластикѣ, что церковное ученіе о Троицѣ было камнемъ преткновенія для большинства схоластиковъ и что къ этому вопросу приходили они какъ бы невольно, увлекаемые естественнымъ ходомъ мыслей. По отношенію къ латинской схоластикѣ, ни одинъ историкъ философіи не можетъ колебаться въ принятіи того положенія, что богословскія проблемы тамъ имѣли значеніе логическихъ выводовъ изъ философскихъ системъ, стремящихся постигнуть природу сущаго. Далекое не такъ стоитъ дѣло по отношенію къ византийской схоластикѣ, гдѣ матеріалы для оцѣнки системъ еще не опубликованы и гдѣ не установлена зависи-

¹⁾ *Tafel. Supplementa.* τὴν γὰρ ὄλην καὶ μετὰ τὴν τοῦ σχήματος ἀνάμειξιν εἰκόνας Χριστοῦ καὶ τῶν ἁγίων παραδόξως ἀπεφαίνεται εἶναι.

²⁾ *Demetriosopolus, Bibl. eccl. I. p. 148—149.* ὅτι ἡ τιμὴ τῆς εἰκόνης διαβαίνει πρὸς τὸ πρωτότυπον, πῶς οὐ συχνησὶν παρίστηται; ἡ γὰρ διαβάσις καὶ ἀναφορὰ τῆς εἰκόνης πρὸς τὸ πρωτότυπον οὐδὲν ἕτερον ἢ συχνησὶς ἐστίν. Συστητικὴ ἴρα καὶ ἡ διὰ τῆς εἰκόνης πρὸς τὸ εἰκόνιον πρωτότυπον παραπεμπόμενῃ τιμῇ, ὡς διὰ τοῦ συχνησὶν ἔχοντος, πρὸς ὃ ταύτην ἔχει, παραπεμπόμενῃ.

мость между учениями и направлениями. Что касается I. Итала, то метафизическая основа его теории мироздания не может быть оспариваема, так что не подлежит сомнению метод, которым он пришел к постановке богословской проблемы—как обожествления принятой Христомъ плоти. По отношению къ болѣе видному его ученику Евстратію, правда, нельзя высказаться съ такою же положительностью, ибо его философскіе труды не изданы, полемическія же сочиненія писаны въ доказательство разныхъ сторонъ церковнаго ученія. Но стоитъ всмотрѣться въ его сочиненіе „О поклоненіи святымъ иконамъ“, въ которомъ вся система доказательствъ основывается на силлогизмахъ¹⁾, чтобы составить себѣ представленіе о началахъ, изъ которыхъ отиравается научная его дѣятельность, и усмотрѣть основанія, изъ которыхъ исходило отвергнутое церковью мнѣніе. „Поклоненіе само въ себѣ причествуетъ божеству. Одно божество — Св. Троица, итакъ поклоненіе прилично одной Троицѣ. Что одному божеству поклоненіе должно быть воздаваемо, объ этомъ свидѣлствуетъ и писанный законъ и еще больше духовный, которые учить что не должно воздавать поклоненія ничему изъ произведеннаго или сотвореннаго, а одному Богу Отцу и Сыну и Святому Духу. Въ убѣренности, что не можетъ ничего сказать противъ этого положенія ни одинъ христіанинъ, кромѣ развѣ такого, кто только прикрывается христіанскимъ именемъ, но убѣжденіемъ же еллинизируетъ и принимаетъ многобожіе, или обожествляетъ тварь наче создавшю, будетъ продолжать далѣе. Хотя человѣчество соединилось съ Словомъ Божиимъ ипостасно, но различно отъ послѣдняго по существу, это неповѣдуется всѣми православными, но доступно и доказательствомъ силлогизма“. — Весьма любопытно, что Евстратій разсматриваетъ вопросъ съ точки зрѣнія родовъ и видовъ, то есть универсалій. Принимая во вниманіе, что во Христѣ есть отличительныя черты Сина Божія и сына человѣческаго, что первыми отличается онъ отъ Отца и Духа по ипостаси, вторыя же заимствованы отъ матери и отъ прочихъ людей, Евстратій задаетъ вопросъ: „эти вторыя особенности составляютъ ли сущность²⁾ или приходящее, случайное? Возьмемъ для примѣра такія черты: извѣстный цвѣтъ, величина, сутуловатость, способъ ношенія волосъ, складъ щекъ, зубъ, глазъ и cadaго члена

¹⁾ Διηγεραπολους р. 151,—сюжетъ тотъ же, что и въ ДIALOGѣ, но система доказательствъ другая.

²⁾ р. 155, οὐσία ἢ ἀσμεζήτως—реальность, дѣйствительное бытіе или отвлеченіе ума.

по высшему его виду, то есть, такія черты, которыя, будучи переданы въ изображеніи, позволяютъ намъ признать, чей образъ написать на иконѣ, такъ если вотъ эти черты назовешь сущностью, то онѣ или у всѣхъ будутъ тѣ же самыя, или у каждаго различныя. Если будутъ тѣ же самыя у всѣхъ, то какъ мы распознаемъ каждый отдѣльный образъ, не види въ нихъ никакого различія; если же у каждаго различныя, то отсюда слѣдуетъ, что сущность изображаемыхъ людей не одинакова у всѣхъ, что нелѣпо, ибо одна природа у всѣхъ людей, и если отнимешь какое либо изъ существенныхъ свойствъ природы, то измѣнишь по существу и видъ, мало того, долженъ будешь принять, что Спаситель въ воплощеніи не тотъ же самый по природѣ. Если же отвергнешь это какъ нелѣпость и невозможность и назовешь случайными на иконахъ изображаемыя черты, а между тѣмъ хочешь воздавать имъ божеское поклоненіе, отдѣляя ихъ отъ вещества и мысленно представляя ихъ въ умѣ, то отсюда слѣдуетъ заключеніе, что ты поклоняешься случайнымъ чертамъ (συμβασιμότης), отвлеченіямъ ума, что уже нелѣпѣй еллинскаго миеосложенія". Не будемъ продолжать далѣе: и приведеннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что вся богословская борьба времени Алексѣя Комнина исходитъ изъ онтологическаго принципа и что занимающая насъ серія ученыхъ суть представители схоластики. Настоящій трактатъ Евстратія показываетъ, что богословскія проблемы и въ Византіи возникали и обрабатывались на почвѣ философской. Отстаивая здѣсь церковную точку зрѣнія, нашъ философъ, если примѣнить къ нему западно-европейскій терминъ, оказывается представителемъ того направленія, которое исходило изъ принципа: *universalia in re* ¹⁾. Слѣдовательно, затронутый нами вопросъ представляетъ глубокую культурную важность и вызываетъ потребность внимательнаго наученія пренебрегаемыхъ доселѣ матеріаловъ по византійской философіи.

Переходимъ къ разсмотрѣнію послѣдняго отдѣла въ Синодикѣ ✓ относящагося ко времени царя Алексѣя Комнина. Этотъ отдѣлъ, состоящій изъ пяти статей, хотя и имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ ранѣе занимавшимъ насъ вопросамъ, но въ то же время характери-

¹⁾ p. 159, οὐκ ἔστιν ἄλλο καὶ ἀριθμοὶ ἐνυλοῖ ἐτέροις ἐστὶν ἐνυλοῦσθαι, καὶ ἐστὶν δὲ οὐκ ὑφίσταται.

зуються своїми спеціальними чертами, ясно виражаючими восточне вплив. Головний характер его—*космологіческая система, побудована на началъ дуализма.*

Появленіе этого отдѣла въ Синодикѣ въ царствованіе Алексѣя Комнина должно находить себѣ объясненіе въ томъ, что въ XI и началѣ XII вѣка византійская церковь весьма энергично преслѣдовала секты восточнаго происхожденія, распространившіяся съ теченіемъ времени и въ западныхъ провинціяхъ. Главнѣйше это были павликіане и богомилы. Правда, въ Синодикѣ не названы по именамъ эти ереси, но тѣ положенія, которыя въ немъ приводятся, несомнѣнно заимствованы изъ метафизическихъ построеній павликіанъ и богомилловъ. Такъ какъ и большинство статей Синодика, прошедшихъ при Мануилѣ Комнинѣ, имѣютъ связь съ означенными метафизическими построеніями, то намъ необходимо остановиться на выясненіи этого элемента частью философскаго, частью богословскаго, который занимаетъ такое важное мѣсто въ изучаемомъ памятникѣ. Имѣя, далѣе, въ виду, что богомилство въ XII вѣкѣ преобладаетъ надъ всѣми другими ересями и что ему суждено было прочно организироваться на Балканскомъ полуостровѣ, мы склонны думать, что тѣ же самыя дуалистическіе элементы, которые замѣтны въ XI вѣкѣ, будутъ давать себя знать и въ послѣдующихъ частяхъ Синодика, до самаго конца развитія сохранившихся редакцій его¹⁾.

Въ XI вѣкѣ система дуализма сосредоточена была въ ученіи павликіанъ. Особенное значеніе эта секта приобрѣла въ глазахъ правительства въ X вѣкѣ, когда І. Цимисій переселилъ павликіанъ массами въ Филиппопольскую область. Царь Алексѣй Комнинъ обратилъ вниманіе на политическое значеніе павликіанъ, которые не всегда были ему вѣрны во время борьбы его съ Гвискаромъ на Балканскомъ полуостровѣ, и вознамѣрился истребить еретиковъ. Но въ то же время въ этой области развивается другое ученіе, имѣющее связь съ павликіанствомъ,—богомилское, которое продолжаетъ дѣйствовать во весь періодъ существованія Византійской имперіи. Сущность ученія павликіанъ и богомилловъ по отношенію къ мірозданію заключается въ слѣдующемъ.

¹⁾ Общій очеркъ о павликіаняхъ и богомиллахъ заимствуемъ изъ Покорнудопольск. Исторія του Ελληνοκου εθνους, III, p. 437 и слѣд., IV, p. 505, въ особенности же изъ Döllinger, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, München, 1890, въ двухъ томахъ (новые матеріалы для исторіи альбигойцевъ).

Богъ есть творецъ высшаго міра и не имѣетъ власти въ нашемъ земномъ мірѣ, который созданъ злымъ началомъ, богомъ сего міра, безраздѣльно господствующимъ надъ нимъ. Этотъ диміургъ созданъ изъ мрака и огня, зло существуетъ отъ вѣчности въ матеріи или блг, изъ которой и развилось въ самосознающую личность. Какъ видимый міръ, такъ и человѣческое тѣло есть произведеніе злаго бога, но душа человѣческая создана добрымъ началомъ и заключена какъ бы въ темницу въ чуждое ей по происхожденію тѣло. Павликіане отвергали ветхій заветъ, законъ и пророковъ, какъ откровеніе диміурга, пророковъ называли обманщиками и ворами. Христосъ пришелъ освободить людей изъ рабства диміургу. Мать его была не дѣва Марія, чрезъ которую онъ прошелъ въ своемъ эфирномъ тѣлѣ какъ черезъ каналъ, но вышній Іерусалимъ, царство добраго бога. Страданія Христа не признавали дѣйствительными, но только кажущимися, и самое вочеловѣченіе Христа объясняли въ смыслѣ сообщенія высшаго знанія и наученія. Отвергали поклоненіе кресту, какъ орудію наказанія за преступленіе и какъ знаменіе проклятій и орудіе диміурга. Таинства отвергали, ибо вода, масло, хлѣбъ—принадлежатъ царству сатанаила.

Во многихъ отношеніяхъ съ павликіанами соприкасаются богомилы. Ученіе богомилловъ основаніями своими держится на ереси мессалианъ или евхитовъ, которые признавали, что въ каждомъ человѣкѣ вмѣстѣ съ душою соприсутствуетъ демонъ, котораго можно изгнать только извѣстными молитвами. Съ этимъ соединяется квіетическое ученіе о такомъ безстрастномъ состояніи, въ которомъ являются не нужными всѣ таинства, всѣ удовольствія безвредными и въ которомъ происходитъ чувствами ощущаемое соединеніе съ божествомъ. Эти евхиты въ X вѣкѣ также поселены были во Фракіи; въ половинѣ XI вѣка приверженцы этого ученія сильно распространились въ западныхъ областяхъ имперіи. Михаилъ Пселлъ въ своемъ сочиненіи *кери ѱερευτικῆς διανοίας* ¹⁾ говоритъ объ евхитахъ, какъ объ очень сильной сектѣ на западѣ. По ученію ихъ, три существа раздѣляютъ между собой господство надъ міромъ: отецъ правитъ областью надъ небесной, младшій сынъ его царствуетъ на небѣ, старшій, Сатанаилъ, на землѣ. Послѣдніе находятся между собой во враждѣ, хотя иногда и живутъ мирно, какъ дѣти одного отца. Часть евхитовъ отдаетъ

¹⁾ Ed. *Boissonade*, Nuremberg, 1838.

обоимъ обладателямъ неба и земли одинаковую честь, между тѣмъ другіе признають только властителя неба, третьи, напротивъ, поклоняются только старшему сыну, Сатаналу, творцу видимаго міра. Въ концѣ XI вѣка между славянскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова ученіе евхитовъ породило новую секту богомиловъ. Въ 1111 году эта секта обращаетъ на себя вниманіе Алексѣя Комнина, который началъ противъ нея преслѣдованіе. Вождемъ богомиловъ оказался нѣкто врачъ Василій, который уже 50 лѣтъ занимался распространеніемъ новаго ученія. Анна Комнина подробно разказываетъ, какъ ея отецъ, притворившись приверженцемъ этого ученія, воспользовался общительностію Василія и выведалъ у него главные пункты его ученія, затѣмъ предалъ его суду и пыткамъ. Страшное преслѣдованіе и смертныя казни не уничтожили однако новую секту. Имъ суждено было получить сильное развитіе среди славянскаго населенія Балканскаго полуострова.

По ученію богомиловъ, божество имѣетъ челоѣкообразный видъ, но тѣло его создано изъ тонкаго вещества. Богъ не отъ личности троицы въ лицахъ, Сынъ и Духъ произошли отъ Отца, подобно лучамъ отъ глазъ его, и опять возвратились къ нему. Такимъ образомъ, Сынъ и Духъ по этому ученію суть только различныя, сдѣланныя личностями, проявленія Отца. У Бога есть однако перворожденный сынъ, по имени Сатаналъ, во всемъ подобный отцу, владыкающій по правую его сторону и имѣющій власть надъ всѣмъ міромъ. Но Сатаналъ, надмеаясь властью и высокими положеніями, задумалъ отпаденіе и старался увлечь за собой часть служебныхъ духовъ. Нѣкоторые ангелы, обманутые его обѣщаніями, стали на его сторону, за что всѣ подверглись изгнанію съ неба. Сверженный на землю, которая еще не имѣла устройства, Сатаналъ держалъ совѣты съ ангелами, товарищами его возмущенія, и внушалъ имъ мужество. Сохранивъ еще частицу творческой силы, онъ рѣшился, какъ второй богъ, создать новое небо и дать устройство землѣ. Украсивъ свои земли растеніями и животными, Сатаналъ образовалъ изъ глины и воды тѣло челоѣка, при чемъ стекавшая на землю влага черезъ большой палецъ ноги приняла на землѣ видъ змѣи. Затѣмъ, желая одушевить челоѣческое тѣло, Сатаналъ вдохнулъ въ него свой духъ, но рыхлое тѣло не задержало дыханія, которое и сообщилось образу змѣи, воодушевивъ его, отчего змѣя и стала умнымъ животнымъ, ибо въ ней духъ Сатанала. Деміургъ долженъ былъ признать свою

неспособность дать жизнь образованному имъ тѣлу; по его просьбѣ добрый духъ послалъ изъ плиромы искру жизни, которая одухотворила созданную Сатаниломъ форму. Такимъ же образомъ получила жизнь и первая жена, созданная изъ мужа.

Человѣкъ оказался двойкимъ по своему происхожденію и природѣ, ибо тѣло свое получилъ отъ злаго существа, а душу отъ добраго. Сатанилъ обѣщалъ человѣку, что онъ будетъ принадлежать одинаково тому и другому міру и что потомство его наполнить мѣста низверженныхъ съ неба ангеловъ. Но потомъ его стала снѣдать зависть къ преимуществамъ человѣка, и онъ задумалъ погубить его. Принявъ образъ змѣи и обманувъ Еву, онъ соединился съ нею тѣлесно, дабы сѣмя его возобладало надъ сѣменемъ Адама. Зачавъ отъ него, Ева родила Каина и Каломену. Отъ Адама же она имѣла Авелл, котораго убилъ Каинъ. За это добрый богъ лишилъ Сатанила божественнаго образа, отнялъ у него творческую силу и божественное имя, и съ тѣхъ поръ Сатанилъ, мрачный и злобный, властвуетъ по допущенію божію надъ своимъ міромъ и созданными имъ существами. Когда же ангелы узнали, что мѣста ихъ на небѣ предназначено занять сынамъ человѣческимъ, они соединились съ дочерьми людей, взявъ ихъ себѣ въ жены, дабы сѣмя ихъ возвратилось на небо и дабы сыны завали мѣста отцовъ. Отъ этихъ браковъ произошелъ родъ гигантовъ, которые возстали на Сатанила и защищали человѣческій родъ. Разгнѣванный Сатанилъ навелъ на землю потопъ, истребившій людей и всѣ живыя созданія. Спасся только Ной въ ковчегѣ, ибо у него не было дочери, и онъ оставался вѣрнымъ Сатанилу.

Надо всѣмъ человѣческимъ родомъ тяготѣеть иго Сатанила, который стремится отчуждать людей отъ добраго бога. Наконецъ, богъ свалился надъ родомъ человѣческимъ: въ 5500 году онъ послалъ божественный Логосъ, или своего сына, который называется также архангеломъ Михаиломъ или ангеломъ высшаго совѣта. Божественное Слово сошло съ неба, прошло черезъ правое ухо дѣвы и приняло видимую форму, подобную (человѣческому тѣлу, хотя по существу оно принесло тонкое духовное тѣло, достойное божества, въ ковчегѣ и вышло изъ дѣвы. Исполняя возложенную на него миссію, Слово творило и учило по изложенному въ евангеліи, призрочно участвовало въ человѣческихъ страданіяхъ и страстяхъ, призрочно умерло и воскресло. Сатанилъ былъ побѣжденъ и закованъ въ тартаръ

отъ имени его отнята послѣдняя частица и онъ сталъ называться сатана. Возвратившись къ отцу, Слово заняло мѣсто по правую его сторону, принадлежавшее прежде Сатанану. Христось хотѣлъ уничтожить власть падшихъ духовъ въ мѣрѣ, но богъ не допустилъ этого. Онъ оставилъ демонамъ созданные человѣческими руками храмы, въ которыхъ воздается имъ поклоненіе; они обладаютъ также сильной властью на все злое; ни Христось, ни св. Духъ не могутъ противостоять имъ.

Демоны живутъ въ каждомъ человѣкѣ, и собственно они суть виновники всѣхъ преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ человѣкомъ; даже по смерти остаются они въ тѣлѣ или въ гробу, въ ожиданіи воскресенія, ибо они должны участвовать и въ наказаніи вмѣстѣ съ тѣломъ, въ которомъ жили. Демоны избѣгаютъ только богомиловъ, держась отъ нихъ на разстояніи пущенной изъ лука стрѣлы, ибо только богомилы суть истинно вѣрующіе, въ которыхъ живетъ не демонъ, но св. Духъ, рожденный Сыномъ, и потому каждый богомилъ по праву называется θεοτόκος. Этимъ объясняется, что богомилы не умираютъ подобно всѣмъ прочимъ людямъ, но лишь измѣняются, какъ бы во снѣ сбрасывая безъ болѣзней тѣлесное одѣяніе и облакаясь во Христа, или принимая то эфирное тѣло, въ которомъ Онъ жилъ на землѣ. Такимъ образомъ, богомилы подобны Христу по тѣлу и виду (σώματι καὶ ὁμορφῳ).

Богомилы отвергаютъ таинства крещенія, причащенія, брака. По ихъ ученію, храмы суть обиталища демоновъ; Сатананъ сначала избралъ своимъ пребываніемъ іерусалимскій храмъ, потомъ св. Софій въ Константинополѣ; Богъ живетъ на небѣ, а не въ созданныхъ людьми храмахъ. Поклоненіе кресту отвергаютъ, иконъ не почитаютъ.

Изъ предыдущаго изложенія можно видѣть, что вообще нѣтъ недостатка въ данныхъ для характеристики метафизической системы богомиловъ и уклоненій отъ православія въ вѣрученіи ихъ. Пять главъ Синодика противъ богомиловъ представляютъ интересъ не въ томъ отношеніи, что на основаніи ихъ можно бы прибавить двѣ-три черты къ общей характеристикѣ богомильства, на этой сторонѣ мы не будемъ настаивать; значеніе ихъ должно оцѣниваться, во первыхъ, съ точки зрѣнія времени происхожденія редакціи Синодика, во вторыхъ, съ точки зрѣнія точности и официальнойности изложенія богословской ихъ доктрины. Что касается перваго, то нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ редакцію положеній времени Алексѣя Комнина;

важность этого обстоятельства тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что главы противъ богомиловъ не печатаются въ греческихъ постыныхъ триодахъ, не встрѣчались намъ въ переводныхъ русскихъ синодикахъ, а, слѣдовательно, сохранились лишь въ нѣкоторыхъ рукописныхъ спискахъ. Относительно выясненія втораго обстоятельства достаточно сослаться на тотъ хорошо извѣстный фактъ, что Бесѣда пресвитера Козмы на богомиловъ, которая относится къ числу древнѣйшихъ и первостепенныхъ источниковъ въ настоящемъ вопросѣ, „обращаетъ больше вниманія на внѣшнюю сторону ереси, на практическія слѣдствія основныхъ положеній ея и мало касается догматическихъ началъ“ ¹⁾. Итакъ, если въ Синодикѣ мы имѣемъ официально фиксированными именно догматическія начала богомильства и не имѣемъ никакихъ указаній на внѣшнія черты поведения богомиловъ и на практическіе выводы изъ ихъ вѣроученія, то ясно, что главы Синодика должны восполнять Бесѣду и, въ свою очередь, быть иллюстрируемы этою послѣднею. Полагаемъ, что достаточно будетъ привести нѣкоторыя сопоставленія, чтобы указать важность совмѣстнаго изученія главъ Синодика и Бесѣды пресвитера Козмы.

Почему, напримѣръ, въ самомъ началѣ Бесѣды нашъ пресвитеръ приводитъ текстъ о хулѣ на Духа Святаго? Изъ перваго положенія противъ богомиловъ, читаемаго въ Синодикѣ, видимъ, что они не признавали единосущной Троицы, но принимали ἐπιπακτον τινὰ ἄγγελον Ἀρχὴν λεγόμενον τὸν Ἰεὺν, ἐξ ἑτέρας πάντιν ἐλάττωτος φύσεως τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον.

Вторая глава Синодика направлена противъ дуалистической системы богомиловъ: τὸν ἀντικείμενον λέγουσιν ἄρχοντα καὶ ποιητὴν τοῦ καυτὸς καὶ πλάστην τῆς ἀνθρώπινης φύσεως. У пресвитера Козмы въ нѣсколькихъ мѣстахъ находимъ указаніе на эту часть ученія богомиловъ: „Како бо хотятъ кому быти мила, аще и тмами стражутъ, діавола творца нарицающе челоуѣкомъ и всей твари Божіи, и отъ многыя грубости ихъ ини же ангела отпадша наричють ѱ, друзи же уконома неправеднааго творять и“ ²⁾. И далѣе: „Коего бо словесе книжнааго не развратиша? Что ли не похулиша въ мірѣ семъ устроеннаго Богомъ? Неже на земли точь, но и на высоту хулу вѣщяють, глаголюще по діаволи воли суще вся, небо, солнце, звѣзды,

¹⁾ *Православный Собесѣдникъ*, 1864, часть 1, стр. 483, и часть II, passim.

²⁾ *Православный Собесѣдникъ*, 1864, часть II, стр. 97 и 100.

воздухъ, земля, человѣка, церкви, кресты, и вся Божія діаволу предають, и просто вся движущемся на земли, и съдушная и бездушная діавола зовутъ“.

Третья глава Синодѣна имѣеть въ виду ученіе богомиловъ о воплощеніи Бога Слова и о причащеніи; противъ этой части направлены многія мѣста Бесѣды „о комбаніи и о литургіяхъ“. Слѣдуетъ комбаніе нѣсть простое брашно, якоже вы мните (ὡς ἄρτος, φῶλος καὶ βρώμα κοινόν—въ Синодѣлѣ).

Четвертая осуждаетъ ученіе богомиловъ о крестѣ, который они признавали ὡς τρωακικόν ἄχλον. У Козмы опровергается это ученіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ ¹⁾. Пятая, наконецъ, глава осуждаетъ богомиловъ за отрицаніе ими поклоненія святымъ иконамъ Христа, Богородицы и угодниковъ. Козма, конечно, не могъ оставить безъ опроверженія этого важнаго вопроса: „И еще же надъ всѣмъ зломъ и оссїи оканнѣи творять: преславныя бо и пречыстыя Богоматере не чтуть, но много о ней бладутъ, ихъ же рѣчи и грьдости нехотѣ писати въ книги сіа“ ²⁾. Въ этой части обличенія Козмы мы приписываемъ большую цѣну слѣдующимъ, между прочимъ, словамъ: „Надиши ли, еретиче, яко словеса твоя лжа суть и прелестна, еже глаголеши рекый: подобни суть елиномъ кланяющецися иконамъ“. Важность этого мѣста усматривается въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ иконоборческой періодъ такъ именно формулировано было главное обвиненіе противъ иконопочитателей, послужившее точной отправленія для иконоборцевъ.

Для будущихъ изслѣдованій о началѣ иконоборства и о богомильскомъ ученіи позволимъ себѣ сдѣлать еще замѣчаніе. У пресвитера Козмы встрѣчаемъ статью „о пророцѣхъ“, которая направлена противъ отрицанія богомилами пророчества и прообразованій о лицѣ І. Христа. Далѣе у него же есть отдѣлъ, въ которомъ богомильское ученіе изложено въ краткихъ положеніяхъ, напоминающихъ по формѣ положенія Синодѣна ³⁾. Въ этомъ послѣднемъ останавливаются на себѣ вниманіе слѣдующія положенія: „Иже святыхъ пророкъ не тѣр-

¹⁾ Часть I, стр. 494—497.

²⁾ Часть II, стр. 90, 92—93.

³⁾ Православный Собесѣдникъ, II, стр. 88, 324—325. Между прочимъ, слѣдуетъ сдѣлать поправку въ текстъ: не можеть стоять „разлучную Троицу“, а неразлучную (ἀδιάκριτον).

рить Святымъ Духомъ пророчествовала, но о своемъ умѣ, да будетъ проклятъ. Иже не творить Богомъ богоданнаго Моисеємъ закона, о себѣ нѣвако блядутъ, да будетъ проклятъ". Всѣ главы пресвитера Космы, касающіяся пророковъ и ветхаго завіта, могли бы представляться странными по отношенію къ богومیламъ, такъ какъ объ этомъ Синодикъ не упоминаетъ ни единымъ намекомъ. Но весьма любопытно, что значительная часть положеній противъ иконоборцевъ занимается именно выисненіемъ, съ точки зрѣнія церковнаго ученія, отношенія ветхозавѣтныхъ обѣтованій къ новозавѣтному исполненію. Если въ этой части богомилы близко сходились съ иконоборцами, то можно бы полагать, что главы о пророкахъ, будучи помѣщены въ отдѣлѣ Синодика противъ иконоборцевъ, оказались не вставленными въ отдѣлѣ о богомидахъ для избѣжанія повтореній. Но если представлять себѣ кодъ дѣла такимъ образомъ, то возникаетъ предположеніе о томъ, нѣтъ ли другихъ точекъ соприкосновенія между иконоборствомъ и богомильствомъ, и нельзя ли оба эти движенія связать нѣтъ и изучать одно при помощи другаго. Но это—задача будущаго изслѣдованія по иконоборческому вопросу, которой здѣсь не беремъ на себя.

Время царя Мануила было богато религіозными спорами, поставивъ на очередь важные догматическіе вопросы, въ толкованіи коихъ не могли согласиться греческіе богословы. Вопросъ о лицѣ Іисуса Христа и о безкровной жертвѣ, принесенной Богочеловѣкомъ за грѣхи всего міра и ежедневно совершаемой въ таинствѣ евхаристіи, явился камнемъ преткновенія для многихъ. Результаты церковныхъ споровъ выразились въ наслоеніяхъ редакціи Синодика, который въ концѣ XII вѣка получилъ весьма значительное приращеніе. За попытку выяснить значеніе догмата о лицѣ Христа по отношенію къ Богу Отцу подверглись отлученію въ разное время слѣдующія лица: 1) Михаилъ, магистръ риторовъ, діаконъ Великой церкви; 2) Никифоръ Василаки, діаконъ Великой церкви; 3) Евстафій, митрополитъ Драча; 4) Сотирихъ, діаконъ, избранный въ патріархи Антіохіи, прозываемый Пантевгенъ; 5) Іоаннъ Ирникъ; 6) Константинъ, митрополитъ Керкирскій. Уже перечисленіе этихъ именъ показываетъ, что въ XII вѣкѣ господствующему ученію угрожала весьма серьезная опасность, потребовавшая всей энергіи царя Мануила и всей строгости церковнаго суда. Въ XII вѣкѣ Синодикъ внесъ на свои страницы 6 новыхъ именъ; на сколько извѣстно, послѣ XII вѣка такого приращенія Си-

нодикъ не получалъ, ибо позднѣйшія редакціи присоединяютъ только еще три имени: Варлаама, Акиндина и Исаака Аргира. Для историческаго и литературнаго изученія содержанія Синодика наслоенія XII вѣка имѣютъ особую важность, такъ какъ сохранились соборные акты, въ которыхъ изложены обстоятельства дѣла съ довольно значительною полнотою. На основаніи соборныхъ актовъ является возможность выяснить не только ученіе лицъ, подвергшихся анаемѣ, но—что въ особенности важно—форму церковнаго суда и отношеніе синодика къ официальному акту, то-есть: въ какой формѣ вносились въ Синодикъ новыя статьи, какъ онѣ редактировались, кто ихъ составлялъ и т. п. Словомъ, получается возможность рѣшить до нѣкоторой степени вопросъ объ личномъ авторствѣ или о субъективной творчествѣ въ Синодикѣ. Само собой разумѣется, еслибы оказалось, что каждая новая статья вносится въ Синодикъ на основаніи соборнаго постановленія, и вносится въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ записано въ протоколахъ собора, то въ этомъ уже мы имѣли бы достаточное основаніе къ утверженію, что и тѣ статьи синодика, для которыхъ не можетъ быть подысвано соборное опредѣленіе, тѣмъ не менѣе должны считаться имѣющими авторитетъ соборный. Какъ видно будетъ ниже, вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ именно въ томъ смыслѣ, что все содержаніе синодика основывается на соборномъ авторитетѣ.

Но, прежде чѣмъ входить въ доказательства, позволимъ себѣ бросить общій взглядъ на религиозное движеніе второй половины XII вѣка, которое, какъ оказывается, волновало умы чуть ли не въ той же степени, какъ и вопросъ о почитаніи иконъ. Если разсматривать въ отдѣльности всѣ случаи осужденія не правомыслящихъ въ царствованіе Мануила Комнина и въ ближайшее затѣмъ время, то получимъ довольно односторонній взглядъ на самую сущность умственнаго и религіознаго движенія. И прежде всего, за догматическими положеніями, выставленными въ протоколахъ соборовъ, мы не усмотримъ мотивовъ, которые привели осужденныхъ къ неправымъ мнѣніямъ, затѣмъ рискуемъ, по примѣру православныхъ современниковъ ихъ и ревнителей о чистотѣ ученія, оставить безъ вниманія всѣ философскія основанія, которыми подтверждались отвергнутыя церковью религіозныя ученія; наконецъ, потеряемъ историческую и литературную канву, по которой развиваются эти ученія. Историческое изученіе религіозныхъ и умственныхъ движеній XII вѣка, напротивъ, должно привести къ

убѣжденію, что они, съ одной стороны, имѣютъ свои корни и логическія послыки въ движеніяхъ предыдущихъ эпохъ, съ другой же стороны, что на нихъ опираются литературныя явленія, также въ свое время отвергнутыя церковью, послѣдующаго времени. Словомъ, по нашему мнѣнію, изслѣдователю Синодика предстоятъ не только констатировать фактъ примѣненія церковнаго авторитета къ мнѣніямъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ этомъ памятникѣ, но и показать генетическое развитіе и связь между этими мнѣніями, и представить ихъ какъ болѣе или менѣе послѣдовательное выраженіе философствующей мысли въ Византіи. Осужденные въ XII вѣкѣ митрополиты, епископы и диаконъ, предъ которымъ открывалась высшая карьера, безъ сомнѣнія, не выступали прямо и непосредственно съ несогласными съ церковнымъ ученіемъ выводами о таинствѣ евхаристіи или о природѣ лица Иисуса Христа. Эти выводы были сдѣланы, можетъ быть, не ими самими и составляли естественное заключеніе изъ ихъ философскихъ воззрѣній. Такъ какъ обыкновенно за церковнымъ отлученіемъ слѣдовало уничтоженіе и самыхъ сочиненій осужденныхъ лицъ, то только счастливая случайность могла сохранить до насъ кое-что изъ ученій византійскихъ еретиковъ.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ религіозномъ движеніи XII в. находятся въ произведеніи, доселѣ еще не вполне изданномъ, Н. Акомината *Orthodoxiae Thesaurus*. Лучшая рукопись этого сочиненія находится въ Оксфордѣ¹⁾, и давно бы заслуживала уже изданія, по крайней мѣрѣ, тѣхъ частей, которыя еще не изданы. Въ 27 отдѣлѣ Н. Акомината трактуеть о догматѣ τὸν θεῖον μυστήριον. Оказывается, что при Мануилѣ далеко не оконченъ былъ вопросъ объ этомъ догматѣ, хотя на соборѣ и были отлучены упомянутыя выше лица. Онъ продолжалъ волновать умы при Алексѣѣ II, Андроникѣ, Исаакѣ Ангелѣ и Алексѣѣ III, при которомъ снова былъ созванъ соборъ, вновь отлучившій отъ церкви уже новыхъ приверженцевъ неправильнаго мнѣнія. Несомнѣнно вытекаетъ далѣе, что оба мнѣнія, отлученныя при Мануилѣ: и неправильное толкованіе словъ „Отецъ мой боліи Мене есть“, и неправильное пониманіе словъ „приносяй“ и „приносимый“ — въ сущности тѣсно связаны между собой и утверждаются на одномъ философскомъ воззрѣніи. Приверженцы этого воззрѣнія были опять-таки между высшими духовными лицами и среди

¹⁾ Mss. Roe, № 22.

образованныхъ свѣтскаго званія. При Исаакѣ противоположное мнѣніе грозило одержать верхъ, и была даже мысль стереть съ доски догматъ Мануила и начертать его въ новыхъ терминахъ. Болѣе крупнымъ представителемъ этого не православнаго ученія при Алексѣѣ Никитѣ выставляется нѣкоего Сикидита, сообщая объ немъ нѣсколько подробностей. Сикидять былъ ученый мужъ, занимавшійся астрономіей и предсказывавшій судьбу людей. Это даетъ поводъ писателю бросить противъ него упрекъ въ волшебствѣ—упрекъ довольно общаго характера, отъ котораго не свободны всѣ почти выдающіеся дѣятели этой эпохи. Но любопытнѣе то, что по этому поводу писатель сообщаетъ и другія философскія воззрѣнія Сикидита. Сущность ихъ заключается въ томъ, что человѣкъ сотворенъ чистымъ отъ грѣха и недѣленъ былъ вначалѣ нетлѣніемъ, лишенъ же этихъ совершенствъ божественной природы послѣ грѣхопаденія. Въ приложеніи къ таинству евхаристіи онъ училъ, что тѣло и плоть, принимаемая въ причащеніи, есть тлѣнная плоть и образуетъ только жертву. Какъ бы ни были скудны эти сообщенія объ ученіи Сикидита, они выясняютъ ту мысль, что ученіе о таинствѣ евхаристіи стоитъ въ связи съ воззрѣніемъ на актъ творенія и на природу человѣка при сотвореніи его. Если же такъ, то движеніе XII в. подаетъ руку теоріямъ XI в. о двойственномъ началѣ въ твореніи, о роли творца и діавола.

Точно обозначить элементы, привзошедшіе въ Синодикъ въ царствованіе Мануила, помогаетъ уже то, что независимо отъ лѣтописи Н. Акомината и I. Киннама мы имѣемъ нѣсколько современныхъ изложеній богословской борьбы XII вѣка. Главное мѣсто между этими послѣдними принадлежитъ изложеніямъ исторіи соборовъ, занимавшихся установленіемъ церковнаго ученія о природѣ Богочеловѣка. Мы и займемся прежде всего этими изложеніями.

Они обыкновенно называются соборными актами и заимствуются изъ не вполне напечатаннаго сочиненія Н. Акомината *Thesaurus orthodoxiae*. Сначала изданные у Анжело-Мав¹⁾, потомъ перепечатанные въ Патрологіи аббата Миня²⁾, эти акты тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что съ помощью ихъ представляется возможнымъ установить вопросъ о степени зависимости Синодика отъ офи-

¹⁾ *Spicilegium Romanum*, t. X.

²⁾ *Migne*, t. 140, col. 138; ap. *Tafel*, *Supplementa historiae ecclesiasticae Graecorum* Sec. XI, XII.

ціальнихъ актовъ, такъ какъ здѣсь можно дѣлать сравненіе редакцій одной и той же статьи по Синодику и по соборнымъ актамъ, чего нельзя дѣлать въ другихъ случаяхъ.

Въ царствованіе Мануила Комнина, читаемъ въ актахъ, возникли сомнѣнія и споры по поводу словъ, читаемыхъ на литургіяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста: *Ἐν εἰ ὁ προσφέρων καὶ προσφερόμενος καὶ προσβυόμενος*. Одни говорили, что крестная жертва принесена была только Отцу и Духу, а не самому Слову, принесшему себя въ жертву, утверждая, что въ противномъ случаѣ Сынъ Божій раздѣлился бы на два лица. Другіе же доказывали обратное мнѣніе, что крестная жертва принесена и Сыну, какъ не раздѣльному въ Святой Троицѣ. Къ первому мнѣнію примкнули лица, извѣстныя своею ученостью. Это были: діаконъ Сотиріхъ Пантевгенъ, назначенный на антиохійскую кафедру, краснорѣчивый ораторъ и ученый, перешедшій уже за шестьдесятъ лѣтъ, Евстаіой диррахійскій, Никифоръ Василики и Михаи́ль Солунскій, за чтò всѣ они и подверглись церковному отлученію. Одни изъ нихъ затаили въ сердцахъ недовольство и открыто не выражали своихъ мнѣній, Сотиріхъ же рѣшился письменно изложить свои взгляды ¹⁾, съ каковою цѣлью и составилъ діалогъ, который затѣмъ и приводится въ актахъ. *Филомъ*. Я узналъ, что на соборѣ два діакона поспорили изъ-за одного догмата, и что того и другого поддерживали мужи, достигшіе вершины ученія. Какъ я ни старался, не могъ узнать доказательствъ той и другой стороны. Ты, достопочтенный отецъ, былъ на этомъ соборѣ? — *Сотиріхъ*. Былъ и хорошо слышалъ, что говорили тѣ и другіе. Но не могу сказать, чтобы мнѣ доставили удовольствіе бывшіе тамъ споры, ибо въ нихъ было больше задорной раздражительности, чѣмъ серьезнаго изслѣдованія; мнѣ досадно было на виновниковъ спора, что они сдѣлали предметомъ публичнаго обсужденія божественныя вещи, о которыхъ приличіемъ было бы молчать: того требуетъ и необъяснимая природа ихъ, то же внушаютъ и совѣты святыхъ отцовъ. Чтобы кратко обозначить сущность вопроса, скажу: рѣчь шла о воспринятой Словомъ природѣ и о томъ, что кровь Его принесена въ жертву не одному Отцу, но и божеству Единороднаго. Это мнѣніе смутило какъ многихъ другихъ, такъ и мужей отличныхъ по добродѣтели и просвѣщенію, ибо оно не только противорѣчитъ основамъ нашей вѣры, но

¹⁾ Col. 140 λογαράφει το δόγμα.

и вводить Несторіево раздѣленіе. Въ самомъ дѣлѣ, если одна природа приноситъ жертву, другая же принимаетъ, то необходимо заключить, что и приносящая, какъ архіерей и жрецъ, есть ипостась и принимающая, какъ Богъ, жертву есть также ипостась. Но въ этомъ-то и состоитъ страшная ересь Несторія. *Филомъ* просить предварительно объяснить, какимъ путемъ и какими доказательствами подразумеваемый еретикъ подтверждаетъ эту мысль. *Сотирихъ*. Свое сочиненіе онъ обставилъ равными доказательствами, но я не могу всего упомянуть. Если, говорить, Богъ Слово всакую жертву освящаетъ и усовершенствуетъ, то конечно самъ же освятилъ и приношеніе своей плоти. На какъ иначе освятилъ какъ не тѣмъ, что принесъ себя своему божеству?—Не привода всего содержанія документа, который собственно и послужилъ на соборѣ обвинительнымъ пунктомъ противъ Сотириха, хотя онъ выводится здѣсь защитникомъ церковнаго мнѣнія противъ еретическаго, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя мѣста, могущія ознакомить съ опасною почвой, на которой Сотирихъ держался. „Ты ошибаешься вдвойнѣ, говорить Сотирихъ своему собесѣднику, и тѣмъ что раздѣляешь нераздѣльную природу присущую и тебѣ, и тѣмъ что приписываешь естествамъ свойства ипостасей. Кромѣ того, изъ общности природы Сына и Отца слѣдуетъ и общность принятія жертвы, а отсюда необходимый выводъ къ общности воплощенія для того и другою, ибо если воплотилось божество Слова, то вслѣдствіе тождества божества Отца и Духа необходимо заключать къ воплощенію Отца и Духа. Видишь, къ какому нелѣпому выводу приходишь ты на основаніи ихъ словъ“. Другое мѣсто читается ниже: „Подобно тому какъ древнія событія можно обновлять и представлять въ воображеніи или образно въ видѣ настоящихъ, такъ и то воспоминаніе, которое повелѣлъ Спаситель совершать; и какъ ораторскій приемъ узавонилъ говорить о прошедшихъ событіяхъ какъ о настоящихъ, когда совершается память объ нихъ,—ибо въ переносномъ смыслѣ принято говорить Христосъ рождается, крестится—такъ вошло въ обычай поступить и относительно спасительной страсти“.

Оставляя пока въ сторонѣ догматическую часть документа, обратимся въ формальной сторонѣ напечатанныхъ Анжело-Мая матеріаловъ. То, что мы видѣли до сихъ поръ, не имѣетъ ничего общаго съ соборными протоколами. Это есть историческое изложеніе вопроса съ цитатами изъ документовъ, а не самъ документъ, то-есть, не соборный актъ. Если соборъ, о которомъ будетъ

сейчасъ рѣчь, созданъ былъ въ 1156 году, 26-го января индикта 4-го ¹⁾, то въ какомъ хронологическомъ къ нему отношеніи находится діалогъ Сотириха? Составленъ ли онъ раньше или послѣ этого собора? Соображеніе это тѣмъ болѣе имѣетъ мѣста, что въ началѣ изложенія вопроса Н. Акоминатъ предполагаетъ уже отлученными отъ церкви тѣхъ лицъ, которыя держались неправославнаго мнѣнія, и что Сотирихъ написалъ свой діалогъ уже послѣ этого собора. Независимо отъ сказаннаго, разсмотрѣніе матеріала, принимаемаго за акты собора 1156 года, должно приводить къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло не съ однимъ соборомъ, а съ двумя, отдѣленными по крайней мѣрѣ годичнымъ срокомъ.

Первый ²⁾ состоялся по специальному поводу, представленному запиской русскаго митрополита Константина, который предъ удаленіемъ на кафедру желалъ знать мнѣніе константинопольской церкви по отношенію къ толкованію словъ: Ты еси приносяй и приносимый. На этомъ соборѣ, имѣвшемъ два засѣданія, принято мнѣніе русскаго митрополита, что „животворящая жертва и въ началѣ и во все время до нынѣ приносилась не одному безначальному Отцу Единороднаго, но и самому воочеловѣчившемуся Слову и св. Духу, въ тринности лицъ участвующему въ жертвѣ“. Поддерживавшими противоположное мнѣніе здѣсь являются два лица: протекдикъ Михаилъ Солунскій и епископъ Драча. Но и они оба, когда соборъ предложилъ имъ окончательно высказаться, остаются ли они при прежнемъ мнѣніи, или же раздѣляютъ толкованіе большинства, высказались въ пользу мнѣнія русскаго митрополита. Епископъ Драча просилъ было дать ему письменное изложеніе обсуждаемаго вопроса и высказанныхъ на соборѣ мнѣній, дабы имѣть возможность обсудить ихъ на досугъ и сличить съ святоотеческими сочиненіями, но просьба его не была уважена. На засѣданіи была прочитана записка съ изложеніемъ мнѣній св. отцовъ церкви въ подтвержденіе принятаго соборомъ толкованія словъ „приносяй и приносимый“, послѣ чего драчскій епископъ заявилъ, что онъ удовлетворенъ и принимаетъ соборное мнѣніе. Казалось бы, этимъ дѣло и могло кончиться, но въ изложеніи этого собора находимъ прибавку, которая свидѣтельствуетъ, что Н. Акоминатъ сообщилъ только извлеченіе изъ актовъ, допустивъ въ нихъ сокращенія.

¹⁾ Col. 148, 153.

²⁾ Συρίωρα, col. 148.

С. 217
1880

Соборъ все-таки подвергъ осужденію виновниковъ этой зловерной ереси, кто бы они ни были, если останутся въ своемъ заблужденіи, раскаявшихся же допустилъ къ общенію подь условіемъ соблюденія каноническихъ правилъ ¹⁾). Кого собственно постигло отлученіе, этого нельзя сказать опредѣленно, но можно догадываться, что главнѣйше упомянутыхъ двухъ лицъ: епископа Драча и Михаила солунскаго. И во всякомъ случаѣ весьма сомнительно, чтобы въ 1156 году подвергся осужденію Сотирихъ ²⁾). А такъ какъ діалогъ Сотириха предполагаетъ уже въ прошедшемъ соборѣ и осужденіе нѣкоторыхъ лицъ, то мы безъ колебанія должны его отнести къ ближайшему времени за соборомъ, бывшимъ въ январѣ 1156 года. Ближайше о времени его происхожденія можемъ судить на основаніи нижеслѣдующаго.

Вторая часть матеріаловъ, сообщаемыхъ у Анжело-Май, отъносится соборомъ на Сотириха, бывшимъ 12-го мая, индикта 5. Указаніе индикта даетъ понять, что это было 12-го мая 1157 года, и что здѣсь мы имѣемъ другой соборъ, созданный для обсужденія того же вопроса, что и предыдущій. Въ самомъ изложеніи происходившаго на этомъ второмъ соборѣ находимъ доказательство тому: Такъ, прежде всего на немъ подтверждены были опредѣленія перваго собора, какъ отдѣльнаго церковнаго акта ³⁾; затѣмъ этотъ соборъ не занимается ни епископомъ драцкимъ, ни Михаиломъ солунскимъ, вниманіе его обращено на Никифора Василеаки и Сотириха; наконецъ, во мнѣніи, подаанномъ константинопольскимъ патріархомъ, встрѣчаемъ любопытное указаніе, что Сотирихъ уже *два года упрямствуетъ* въ неправославномъ мнѣніи, не скрывая этого ⁴⁾, а епископъ адрианопольскій, какъ на усиливающее вѣнѣ Сотириха обстоятельство, ссылается на то, что онъ перешелъ уже за шестидесятилѣтній возрастъ, получилъ извѣстность за свои ученыя

¹⁾ Col. 153 τούς της κληροδοξου ταύτης θρησ κείας γεννήτορας, οίτινες άν και είνε εі μєν έμμένοιον τή σφετέρα και έτι αίρεσι: αναθέματι καθολέγραφον.

²⁾ Соборъ 1156 года цитуетъ въ числѣ отеческихъ мнѣній и сочиненіе Евстратія Никейскаго, см. col. 173; также 4 статьи изъ синодика эпохи яконоборцевъ, см. col. 176.

³⁾ Col. 181 αὐτά έκείνα και νυν άμοφρανοϋντες έπικρατύομεν α και τή γινόμενφ συνοδική σημειωματι κατά τήν κς' του 'Ιαννουαρίου μηνός της ήδη παρελθούσης: τετάρτης επινεμησας...

⁴⁾ Col. 192 ως επί δύο ήδη χρόνους ού κρύφα ούδ' έν γωνία, αλλά φανερώς κατά του όρθου παρηγιαζόμενος: δόγματος.

сочиненія и что написал по этому вопросу *сочиненіе полное богожулства и нечестивыхъ немлюостей* ¹⁾). Это послѣднее указаніе дветъ возможность приурочить написаніе діалога Сотирихома ко времени между первымъ и вторымъ соборомъ. Съ другой стороны, имѣя въ виду, что Сотирихъ и Н. Василиаки участвовали на второмъ соборѣ какъ члены, пользовавшіеся полными правами, должно заключать, что первый соборъ не имѣлъ къ нимъ отношенія и что осужденіе его простиралось только на двухъ лицъ.

Для критики относящихся сюда событій не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, что Анжело-Май и здѣсь издаетъ не соборные акты, а исторію собора, что видно изъ способа изложенія ²⁾, который выдаетъ далеко не дипломатическую точность передачи.

Итакъ, уже послѣ написанія Сотирихома известнаго діалога, въ которомъ онъ высказался за мнѣніе, осужденное первымъ соборомъ, созванъ былъ новый соборъ, имѣвшій задачей вновь обсудить тотъ же самый вопросъ. Въ первомъ его засѣданіи установлено было, что нѣкоторые духовныя лица неправильно понимаютъ и объясняютъ известныя слова „приносимъ и приносимый“, раздѣляя на два Богочеловѣка Христа. Когда стали отбирать голоса, начиная съ чина діакона, то дидаскалъ апостоловъ Н. Василиаки первый выступилъ съ особымъ мнѣніемъ, не соглашаясь съ общимъ ученіемъ. Затѣмъ спрошенъ былъ Сотирихъ. Въ изложеніи всей части, касающейся этого предмета, нашъ источникъ никакъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ соборный протоколъ. Ибо въ передачѣ отвѣта Сотириха мы имѣемъ не его собственныя слова, а комментарий на нихъ. Вотъ тутъ то, говорится въ нашемъ изложеніи, и открыто было, чего искали,—въ протоколахъ, конечно, неумѣстны эти слова ³⁾.

Какъ можно заключать, Сотирихъ требовалъ времени обдумать предложенный ему вопросъ, но соборъ не уступилъ его просьбѣ и требовалъ категорическаго заявленія: считаетъ ли онъ, что жертва была принесена и приносится Троицѣ, или же одному Отцу. Но Сотирихъ далъ уклончивый отвѣтъ, который можно было толковать

¹⁾ Col. 193 καὶ λόγον συγγραφόμενον πλήρη βλασφημιῶν καὶ ἀποφημιῶν δυσσεβῶν.

²⁾ Col. 185 ταῦτα μὲν οὖν ἐκ πολλῶν ὀλίγα παρὰ τῶν θεῶν πατέρων ἐρανισάμενοι— τῇ παρουσίᾳ γραφῆ ἐνετάξαμεν τὸ μήκος τοῦ λόγου ἐκφεύγοντες; col. 187: ταῦτα μὲν ὁ Ἀντιοχείας, ἵνα μὴ, το καὶ ἑκάστον τῶν παρ' αὐτοῦ λεχθέντων ἐπεξεύροντες, ἐπὶ πολὺ τῶν λόγων ἐκτείνωμεν.

³⁾ Col. 188. ἐνταῦθα μᾶλλον ἢ ἰδεῖν τὸ ζητούμενον εὐρισκόμενον.

различно ¹⁾. Тогда самъ царь сталъ говорить о догматѣ, убѣждая Сотириха отказаться отъ своего упорства и не вводить раздѣленія въ церкви. Упорство Сотириха было, наконецъ, поколеблено, и онъ рѣшился дать письменное заявленіе, что отказывается отъ своего, прежняго мнѣнія, присоединяется къ принятому соборомъ ученію и подвергается отлученію тѣхъ, кто не согласенъ съ соборными опредѣленіемъ.

Здѣсь въ особенности приходится пожалѣть объ уtratѣ подлинныхъ актовъ. Практика церкви обыкновенно была такова, что раскаявшіеся еретики снова принимаемы были въ общеніе, даже во время иконоборческаго періода почти постоянно оказывалосьнисхождение къ раскаявшимся. Особенная строгость по отношенію къ Сотириху ничѣмъ не объяснена въ сохранившемся изложеніи. Не видно, кто и почему поднялъ вопросъ о томъ, достоинъ ли Сотирихъ оставаться въ духовномъ санѣ; императоръ совершенно уклонился отъ дальнѣйшихъ преній по этому вопросу, предоставивъ собору рѣшить последнее предложеніе по каноническимъ правиламъ. Семь членовъ собора просили отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія, но большинство высказалось въ томъ смыслѣ, что Сотирихъ долженъ быть лишенъ священнаго сана.

Слѣдующее засѣданіе состоялось 13-го мая. Въ этомъ засѣданіи нужно было подписать протоколъ 12-го мая, но дѣло усложнилось за неприбытіемъ Сотириха. Къ нему отправлена была соборная коммиссія съ письменнымъ предложеніемъ явиться на соборъ и съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ протоколъ будетъ заслушанъ и безъ него. Здѣсь интересно одно обстоятельство, имѣющее значеніе для хронологіи. Императоръ особенно желалъ скорѣйшаго окончанія дѣла, ибо *спѣшилъ въ походъ* ²⁾. Но коммиссія не имѣла успѣха, Сотирихъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ быть на соборѣ ни сегодня, ни завтра, ибо его мучить горячка. Вслѣдствіе этого соборъ заслушалъ протоколъ предыдущаго засѣданія и скарѣпчалъ его своею подписью. Отлученіе Сотириха, такимъ образомъ, окончательно состоялось 13-го мая 1157 года.

Приведенныя соображенія подтверждаются историко-литературными данными, касающимися жизни и дѣятельности церковнаго пр-

¹⁾ Col. 188 οὐτε μόνω ἐλέγε τούτω προσχευθῆναι, οὐτε εὐ μόνω.

²⁾ Col. 197 καταπαυόμενος γάρ ὁ θεοπροφήτης καὶ κράτιστος ἡμῶν αὐτοκράτωρ ἐβέβηκεν εἰς τὴν προκειμένην εὐσυχῶς σὺν θεῷ ἐκστρατείαν—οὐκ ἔχει πλέον ἀναρτῆν τῆν ἐξέλευσιν.

сателя Николая Меонскаго. О жизни его имѣются однако весьма скудные данныя, получившія въ недавнее время значительное освѣщеніе чрезъ изданіе его мелкихъ сочиненій. Епископъ города Меонны въ Пелопоннисѣ, Николай извѣстенъ какъ ревностный обличитель неправыхъ церковныхъ мнѣній, народившихся въ царствованіе Мануила Комнина; его церковныя слова и обличенія показываютъ въ немъ не только хорошаго богослова, но и человѣка философски образованнаго. Принявъ горячее участіе въ борьбѣ противъ заблужденія Сотириха, Николай посвящалъ толкованію словъ „Ты еси приносий и приносимый“ четыре сочиненія, хранящіяся въ Московской Синодальной библиотекѣ и изданныя архимандритомъ Дмитракопуло ¹⁾. Полагали, что жизнь Николая Меонскаго падаетъ на вторую половину XII вѣка, и видѣли основанія къ тому въ актахъ Константинопольскаго собора 1166 года, въ которыхъ есть его подпись ²⁾; но по изслѣдованіямъ о. Дмитракопуло оказывается, что въ актахъ находится имя Николая не изъ Меонны, а изъ Меонныи (Μεθώνης). Усматривая далѣе, что нашъ писатель уже въ 1156 и 1157 годахъ былъ въ преклонномъ возрастѣ ³⁾, можно думать, что онъ не дожилъ до 1166 года и что время его дѣятельности падаетъ на первую половину XII вѣка.

Какъ сказано выше, четыре его сочиненія прямо касаются вопросовъ, волновавшихъ церковь въ 1156—1157 годахъ. Особенно любопытны для насъ: Обличеніе на Сотириха (ἀντίρρησις) и Слово къ Мануилу Комнину. Въ первомъ писатель между побудительными причинами, заставившими его выступить противъ новаго догмата, указываетъ на то, что „онъ сталъ теперь предметомъ разговоровъ и споровъ въ публичныхъ мѣстахъ, что нѣкоторые осмѣлились даже письменно изложить нечестивое мнѣніе и смѣло явиться на засѣданіе собора“. Отсюда можно заключить, что Обличеніе появилось вскорѣ послѣ собора 1156 года. Обличитель смотритъ на ученіе Сотириха, какъ на чуждое, не туземное ученіе ⁴⁾. Это нѣсколько странное приглашеніе имѣетъ себѣ объясненіе въ дальнѣйшихъ словахъ Обличенія,

¹⁾ *Bibliotheca ecclesiastica* 1, p. 293, 321 и отдѣльно изданные тѣмъ же *Дмитракопуло* Λόγοι δύο (Лейпцигъ, 1865).

²⁾ *Allatus*, De perpetua consensatione, lib. 11, c. 12, p. 689.

³⁾ Δημητράκοπουλος, Λόγοι p. 10 και ἄθροι: τον πολὺν μὲν τὴν τρίτην καὶ ὑπραίον τὸν χρόνον ἐμέ, μικρὸν δὲ τὴν ἡλικίαν ἐν τοῖς ἀδελφοῖς μου τοῖς ἐπισκόποις.

⁴⁾ Λόγοι, p. 10 ὁ Κύριος... καὶ τὴν ἐμήν ἀσθενεῖαν ὥραται καὶ παραθαρροῦντο ἐλθεῖν εἰς συναντησὶν τῇ τὴν ἀλλόφυλον δοξάν παραδοξίσαντι.

гдѣ писатель ведетъ рѣчь о платонизмѣ и аристотелизмѣ. Съ точки зрѣнія нашего автора, заблужденіе Сотириха имѣетъ причину въ усвоеніи платоновскаго ученія объ идеяхъ ¹⁾.

Относящееся сюда мѣсто читается такъ: „Но кто же, саросские и мы, говоря о чистыхъ и нематеріальныхъ сущностяхъ, стали бы мыслить ихъ дѣйствующими по себѣ и утверждать, что одна изъ нихъ приноситъ, а другая принимаетъ приносимое и при томъ это послѣднее есть кровь приносящей? Это отзывается болѣе положительнаго ученіемъ о безтѣлесной идеѣ. Превосходнѣйшій изъ греческихъ мудрецовъ Платонъ воображаетъ нѣкоторыя идеи, такъ представляя себѣ роды и виды, и видя въ нихъ то всеобщія, то частныя знады; но однако же онъ не привинаетъ ихъ въ томъ смыслѣ, какъ ты, новый философъ. Далеко нѣтъ. Онъ представляетъ ихъ какъ первыя самобытныя сущности или естества (αὐτοκόστατοι οὐσίαι αἰτητοὶ φύσεις), и именно всеобщія, изъ которыхъ доказываетъ происхожденіе частныхъ (то-есть, сущностей) и называетъ ихъ богами первыми и вторыми и отъ нихъ уже, говоритъ, происходятъ прочее. Но эту теорію Платона достаточно опровергъ скоро за нимъ слѣдовавшій по времени великій мудрецъ Аристотель, который удачно называетъ болтовней приведенное мнѣніе Платона объ этихъ идеяхъ, несколько не содѣйствующей къ понятію сущаго и представляющей лишь пустые звуки, которые не могутъ образовать гармоніи. Вслѣдствіе сего приверженцы перипатетической школы держались мнѣнія, что эти идеи суть простыя отвлеченія мысли“. Приведенный отрывокъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что догматическіе вопросы о таинствахъ Евхаристіи и вообще богословская борьба времени Мануила въ томъ и имѣла свою реальную силу и важность, что исходила изъ философскихъ принциповъ. На основаніи сказаннаго можно заключать, что Сотирихъ и его приверженцы съ одной стороны, Николай Мессогскій и защитники церковнаго ученія съ другой—являются въ Византіи выразителями школъ номинализма и реализма.

Недавно въ нѣмецкомъ церковно-историческомъ журналѣ, издаваемомъ Бригеромъ, помѣщено было изслѣдованіе о Николаѣ Ме-

¹⁾ Ἀντίρρησις, p. 324; Λόγος p. 13 Ἰδέαι μὲν γὰρ τινὰς ἀναπλάττει Πλάτων—ὡσαύτᾳ τὰ γένη καὶ τὰ εἶδη καλῶν ὄντων καὶ τούτων τὰς μὲν καθολικωτέρας τὰς δὲ μερικωτέρας ἐνάδας φησὶν... Ἀλλὰ ταύτην τὴν Πλάτωνος δόξαν ἀρκεῖντως ἀντιρρῆσεν ὁ... Ἀριστοτέλης, ὅς καὶ περιτίσματα τοὺς περὶ τῶν ἰδεῶν τούτων λόγους τοῦ Πλάτωνος ἐβάτουχεν ἀνόμασεν, ὡς μὴδὲν πρὸς κατάληψιν τοῦ ὄντος συντείνοντας.

онскомъ, принадлежащее ученому Дрезеве ¹⁾. На основаніи изученія сочиненій Николая нѣмецкій изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что нашъ писатель не дожилъ до 1166 года, что, напротивъ, его сочиненія вообще касаются церковныхъ вопросовъ, обращавшихъ на себя вниманіе въ первую половину XII вѣка. Единственнымъ возраженіемъ противъ этой мысли могло бы служить сочиненіе, посвященное объясненію словъ: „Когда же все покоритъ Езу, тогда и самъ Смыъ покорится покорившему все ему“ (Коринѳ. 1, гл. 15, ст. 28) ²⁾. Несомнѣнно, что это сочиненіе болѣе тѣсно связано не съ заблужденіемъ Сотририха, а съ вопросомъ, разрѣшеннымъ на соборѣ 1166 года, когда вниманіе было сосредоточено на толкованіи словъ: „Отецъ мой болій Мене есть“. Но возраженіе теряетъ свое значеніе, если принять во вниманіе, что разномыслія по поводу пониманія послѣднихъ словъ заявили себя раньше 1166 года, что волненіе умовъ не улеглось и послѣ собора, а продолжалось до конца столѣтія ³⁾.

Дрезеве находитъ, что сочиненія Николая Меѳовскаго могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ рѣчи Евстаѳія Солунскаго въ честь Мануила Комнина, что нѣкоторыя сочиненія Николая относятся по происхожденію своему къ первой половинѣ столѣтія. Сюда относятся „Опроверженіе Провла“ ⁴⁾, въ которомъ дѣлается почетное упоминаніе объ Евстратіи Нивейскомъ, точно также сюда относятся сочиненія его противъ латинянь; эти сочиненія составлены въ 30-хъ годахъ XII вѣка. Если это такъ, то, безъ сомнѣнія, Николай Меѳовскій принималъ участіе въ полемикѣ противъ посла императора Лотаря III Ансельма Гавельбергскаго, бывшаго въ Константинополь въ 1136 году. Такимъ образомъ, нашъ писатель въ ранній періодъ своей дѣятельности защищалъ тѣ же интересы и по тому же поводу, что Никита Пекторать, Нилъ Доксопатръ и другіе.

О Сотририхѣ современники говорятъ какъ о человѣкѣ весьма образованномъ, гордомъ и надменномъ своими знаніями. О товарищѣ его Никифорѣ Василяки, раздѣлявшемъ его мнѣнія и тоже подвергшемся отлученію отъ церкви, мало сохранилось извѣстій. Но нельзя не отмѣтить ту любопытную черту, что византійское духовенство стояло на

¹⁾ *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, B. IX, H. 2, 3—4, Gotha 1887 (*Dräseke, Nikolaus v. Methone*).

²⁾ *Bibl. ecclesiastica*, I, p. 293.

³⁾ *Cinnamus*, ed. Bonn. p. 256 ἐπὶ ἑξ καὶ γὰρ ἐνταυτῶν πρᾶτέτατο κόκλον τὴ τῆς ἀμφιβητοῦσας.

⁴⁾ Ἀνάπτυξις τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόκλου Πλάτωνικοῦ φιλοσόφου.

высотъ современнаго философскаго образованія и что большинство подвергшихся отлученію лицъ имѣютъ то или другое отношеніе къ высшей школѣ и высшему образованію. Василиаки принадлежить родъ учебника, въ которомъ собраны образцы для занятій по исторіи, мѣоологіи, риторикѣ и богословію¹⁾. Эти образцы, если только они дѣйствительно выражаютъ тогдашнюю постановку образованія въ школахъ, свидѣтельствуютъ о значительной свободѣ преподаванія и о большой устойчивости традиціи, противъ которой начата была борьба въ концѣ XI вѣка. Если высшіе свѣтскіе и духовные дѣятели занимающей насъ эпохи проходили тѣ школы, съ которыми мы знакомимся по лекціямъ М. Пселла²⁾ и по учебнику Василиаки, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ XI и XII вѣкахъ такъ рѣзко занимаетъ себя духъ резонерства и публичныхъ диспутовъ, нашедшій себѣ пріимчивеніе въ вѣроченіи. Но что въ особенности замѣчательно, — школьные риторическіе приемы нерѣдко переносились въ церковь, и учителямъ риторики давались проповѣдническія кафедръ³⁾. Такъ именно случилось съ Н. Василиаки.

Въ числѣ важныхъ должностей въ константинопольской Софіи были должности толкователей евангелія и апостола. Около 1156 года кафедра евангелійская занята была знаменитымъ риторомъ Михаиломъ Солунскимъ, а кафедра апостольская Н. Василиаки. О томъ и другомъ съ большою похвалою отзывается историкъ Н. Акоминать⁴⁾. Василиаки, говоритъ онъ, толковалъ Павловы посланія къ церквамъ и блескомъ своего краснорѣчія выяснялъ тѣ апостольскія изреченія, которыя затемнены неясностью и преисполнены духовной глубины. Къ характеристикѣ Василиаки мы позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ изъ его собственнаго предисловія къ сборнику его сочиненій⁵⁾. Изъ этого предисловія видно, что онъ былъ модный учитель риторики, къ нему толпой шли ученики, его стиль пользовался славой, такъ что его имя сдѣлалось знаменемъ партіи „Василаки“. Но когда онъ попалъ на луга божественной мудрости, съ нимъ случилось, какъ будто онъ поѣлъ лотоса. Я пришелъ во власть духа и

¹⁾ *Rhetores Graeci*, I, p. 421.

²⁾ См. у 1. *Безобразова*.

³⁾ *Neumann, Griechische Geschichtschreiber im XII Jahrh.* Leipzig, 1888. S. 73—74.

⁴⁾ *Nicetas*, ed. Bonn. p. 276.

⁵⁾ *Miller, Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France* 1873 p. 135.

услышалъ изреченіе: блаженны печальныя и горе смѣющіеся, и я пробудился какъ бы отъ похмѣлья и бросилъ мои забавы въ огонь¹.

Почти въ то же время возникъ вопросъ, волновавшій византійскую церковь в государство долгіе годы. Онъ имѣетъ тѣсную связь съ разобраннымъ выше и касается также природы Христа: какъ понимать слова евангелія „Отецъ мой болій Мене есть“. Подлинныхъ соборныхъ актовъ не сохранилось и по отношенію къ этому вопросу, мы имѣемъ лишь изложеніе соборныхъ дѣяній 1166 года, принадлежащее Никитѣ Акоминату и изданное у Анжело-Май и въ Патрологии Миня¹). Это изложеніе далеко не разрѣшаетъ многихъ затрудненій и, главнымъ образомъ, страдаетъ путаницей и умолчаніями или пропусками. Представимъ сначала анализъ переданнаго Н. Акоминатомъ матеріала.

Приступая къ изложенію происшедшаго на соборѣ, онъ общаетъ сначала сказать о различныхъ мнѣніяхъ по объясненію словъ „Отецъ мой болій Мене есть“, потомъ привести мѣста изъ отцовъ церкви, далѣе постановленія собора, обстоятельства, послѣдовавшія за соборомъ²), наконецъ, привести эдиктъ императора. Уже самый планъ показываетъ, что авторъ намѣренъ издавать не акты, а исторію собора; но, удержавъ въ своемъ изложеніи форму протоколовъ, то-есть, распредѣливъ матеріалъ по засѣданіямъ, Н. Акоминатъ связалъ себя формой и перемѣшалъ протокольное изложеніе съ историческими комбинаціями.

Подъ рубрикою: засѣданіе первое—находимъ у него исторію вопроса. Въ двадцать третій годъ Мануила родился церковный вопросъ, который, начавшись съ малаго, подобно небольшой искоркѣ, раздутой вѣтромъ, развился до громадныхъ размѣровъ, увлекъ не только высшіе духовныя чины, но и низшіе, коснулся сената и дворца и перешелъ къ простымъ людямъ. Вопросъ былъ о словахъ І. Христа, сказанныхъ ученикамъ въ ночь передъ страданіями: Иду ко Отцу, ибо Отецъ мой больше Меня,—въ какомъ смыслѣ нужно понимать эти слова?—Одни толковали эти слова такъ, другіе иначе. Послѣ уразумѣнія истиннаго смысла этого вопроса, неправильныя мнѣнія были преданы осужденію³). Эти послѣднія слова можно бы объяснять въ томъ смыслѣ, что соборъ 1166 года, къ изложенію котораго

¹) *Angelo-Mai, Script. veterum, t. IV; Migne, t. 140, col. 201.*

²) Col. 204.

³) Col. 205 ἀπερ δὲ ταῦτα μετὰ τὴν ἀληθῆ τοῦ ζητούμενου γνώσιν καὶ τὴν τῆς ἐκκλησίας ἑνωσιν καθολικῆβλήθησαν ἀναθέματα.

пристѣпаетъ авторъ, не былъ первымъ для рѣшенія этого спора. Ту же догадку могутъ подтверждать и слова Киннама о томъ, что этотъ вопросъ волновалъ церковь уже шесть лѣтъ, а равно и длинный перечень мѣстъ изъ отцовъ церкви, заслушанныхъ въ первомъ засѣданіи. Въ самомъ концѣ изложенія того, что происходило, повидимому, на этомъ первомъ засѣданіи ¹⁾, встрѣчаемъ дѣйствительные элементы протокола, которыми несомнѣнно начинались бывшіе въ распоряженіи автора соборные акты. Это, во первыхъ, распоряженіе царя о созывѣ собора, перечисленіе, въ общихъ чертахъ, собравшихся членовъ, наконецъ, мѣсто засѣданій собора. Называя это мѣсто Мануиловымъ дворцомъ ²⁾, авторъ дѣлаетъ объ немъ интересное замѣчаніе, что на стѣнахъ его залъ были мозаичныя изображенія военныхъ подвиговъ Мануила ³⁾. Таково содержаніе матеріала, помѣщенного подъ первымъ засѣданіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рубрика *засѣданіе первое* не подходитъ сюда, что она помѣщена здѣсь по недоразумѣнію. Собственно засѣданія собора отърываются тѣмъ, что слѣдуетъ подъ рубрикой *засѣданіе второе* ⁴⁾.

Нужно думать, что первое засѣданіе собора состоялось въ среду, 2-го марта, индикта 14, и здѣсь мы имѣемъ въ изложеніи Н. Алмината дѣйствительный протоколъ засѣданія съ перечнемъ всѣхъ членовъ собора, присутствовавшихъ на лицѣ. Это засѣданіе посвящено было изложенію мнѣнія членовъ собора по спорному вопросу. Различаются мнѣнія большинства или мнѣнія православныя, и мнѣнія меньшинства, послѣдніе названы *οἱ ἀσχαῖς ὑνωματεύσαντες* ⁵⁾. Меньшинство представляли слѣдующіе семь архіереевъ: Христофоръ лирскій, Іоаннъ ларисскій, Левъ родосскій, Левъ адрианопольскій, Евѣмій новопатрскій, Іоаннъ ѳиванскій и Никита маронейскій. Но и названные архіереи присоединились къ большинству, такъ что засѣданіе окончилось къ полному торжеству господствующаго мнѣнія.

Слѣдующее засѣданіе происходило въ воскресенье, 6-го марта; здѣсь отобраны были подписи къ протоколу предыдущаго засѣданія.

1) Col. 236.

2) Col. 236 ἐν τῷ μετὰ τὴν παλατίαν Πορφυρομανουηλάτων τρικλίσιον.

3) Col. 236 ἐν ᾧ καὶ τῶν θαλασσιμαχῶν κατορθωμάτων τοῦ αὐτοκράτορος βραχέ' ἄλλα παραλαβούσα ἢ ζωγράφος τέχνη ἐκ καταχρύσεων ψηφίδων ποικιλοχρῶσις ἑτέρας ἐπιτηρομένων ἐνδισυρίψατο.

4) Col. 236. Здѣсь уже слѣдуетъ форма протокола: ἐπί δὲ τούτοις καὶ τόμος ἐκτίθεται, ταῦτε κατὰ ῥήμας διεξίτων.

5) Col. 249 ἠρωτηθήσαν οἱ ἀσχαῖς ὑνωματεύσαντες.

Далѣе, сообщаемое авторомъ подъ рубрикой *засѣданіе четвертое*, не входитъ въ протоколы, а касается исторія собора. Въ изложеніи Н. Акомината подъ засѣданіемъ четвертымъ читается: „Приближался день, въ который читается Синодикъ о возстановленіи святыхъ иконъ и о торжествѣ православія“. Легко допустить, что засѣданіе второе приходилось на воскресенье сырной недѣли (6-го марта), недѣля православія тогда падаетъ на 13-е марта. Этотъ расчетъ можетъ быть возможнымъ, если въ 1166 году пасха была около двадцатыхъ чиселъ апрѣля. Но характерно въ изложеніи Н. Акомината то, что онъ приурочилъ къ торжеству въ недѣлю православія то, что составляетъ необходимый элементъ соборнаго дѣянія. Составлены четыре главы и вписаны въ синодикъ не ради недѣли православія, а конечно, новое соборное опредѣленіе прочитано было въ недѣлю православія 1166 года, увеличивши обычно читаемый въ церкви Синодикъ новыми четырьмя главами.

Не упомынувъ объ этомъ соборномъ опредѣленіи и излагая засѣданіе 6-го марта, писатель приводитъ его при изложеніи церковнаго торжества въ недѣлю православія 1166 года. Приводимыя имъ четыре главы ¹⁾ вполне совпадаютъ съ тою частью Синодика, которая касается вопроса: Отецъ мой больше Меня, и служатъ въ свою очередь подтвержденіемъ официального характера нашихъ списковъ ²⁾.

Но при всемъ значеніи матеріала, вставленнаго подъ означенной рубрикой, нельзя не видѣть, что въ изложеніи Н. Акомината мы не имѣемъ соборныхъ актовъ и что церемонія прочтенія синодика никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ засѣданіе четвертое. Подъ этой же рубрикой находимъ слѣдующую прибавку: случилась тогда хиротонія на кафедрѣ епископа Неокесарійскаго, отъ рукополагаемаго потребована была присяга, въ которую включено и соборное опредѣленіе о словахъ „Отецъ мой болій Мене есть“. Съ тѣхъ поръ и всѣ другіе хиротонисуемые архіереи обязаны были давать присягу на принятіе этого опредѣленія.—Какъ можно видѣть, это есть при-

¹⁾ *Migne*, 140. col. 261.

²⁾ При этомъ любопытно отмѣтить церемоніаль (col. 261): самъ царь, возложивъ на себя императорскую діадиму, въ сопровожденіи святѣйшихъ патріарховъ и лжи архіереевъ, входитъ за священную рѣшетку, несетъ въ своей десницѣ соборное опредѣленіе, и возлагаетъ его на таинственный и небесный престолъ. И составленныя главы прочтываются вмѣстѣ съ прежними частями Синодика во всеуслышаніе. Содержаніе ихъ слѣдующее...

бавка, интересная съ точки зрѣнія даваемой архіереями присяги, но не имѣющая отношенія къ протоколамъ соборныхъ дѣній.

Слѣдуетъ засѣданіе пятое; подъ этимъ засѣданіемъ читаемъ: „Но не успокоился сѣятель сорныхъ травъ. Стали раздаваться голоса противъ соборнаго опредѣленія, нѣкоторые находили его неяснымъ и пытались перетолковывать смыслъ его. По сему назначено было новое соборное разслѣдованіе, слѣдствіемъ котораго было отлученіе отъ церкви нѣкоторыхъ лицъ, не названныхъ въ изложеніи Н. Акомината ¹⁾. Такъ какъ здѣсь, по всей вѣроятности, подразумевается не православное ученіе Константина митрополита керкирскаго и Іоанна Ирвиника, съ ученіемъ которыхъ, приводимымъ въ Синодикъ, почти дословно совпадаетъ отрицательная часть миѣній императора и патріарховъ и соборнаго акта ²⁾, то весьма любопытны причины, побудившія нашего писателя умолчать эти имена. По нашему миѣнію, это нужно объяснять или особенными отношеніями Н. Акомината къ названнымъ лицамъ, или небрежностью его въ исполненіи своей задачи.

Переходимъ къ слѣдующему засѣданію, шестому. Марта 20-го, въ воскресенье, въ присутствіи членовъ собора (по числу членовъ это скорѣй была коммиссія) и подъ предсѣдательствомъ патріарха Луки происходило засѣданіе на *хорахъ, въ западной части* ³⁾. И по мѣсту собранія, и по числу членовъ, и въ особенности по цѣли—это засѣданіе никакъ не можетъ быть названо соборнымъ. Соборъ долженъ былъ закончиться утромъ 6-го марта; 13-го марта прочтаны четыре главы соборнаго опредѣленія, которыми отлучались отъ церкви несогласные съ миѣніемъ большинства. Изъ изложенія Н. Акомината не видно, на какихъ лицъ пало отлученіе. Но то, что послѣдовало 20-го марта, объясняетъ намъ, что церковная кара угрожала многимъ лицамъ. Мы объясняемъ себѣ засѣданіе шестое такъ. Нѣкоторые свѣтскіи и духовныя лица, на которыхъ простирались опредѣленія 6-го марта, раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ и просили вновь принять ихъ въ общеніе съ церковью. Въ этомъ не было ничего необычнаго, ибо самыя опредѣленія противъ заблуждающихся обыкновенно дѣлались въ условной формѣ „если не раскаются и не

¹⁾ Col. 265. Здѣсь въ особенности можно сожалѣть объ утратѣ подлинныхъ актовъ, такъ какъ подразумеваемые лица приводятся въ Синодикѣ.

²⁾ Col. 265 καὶ γούν ἑγγραφοῦ συνετέθη καὶ τῆς θείας συνόδου μέτρον ἐξελαλήθη τοῖς δὲ πινος ὄν περιλήψεως.

³⁾ Col. 268 ἐν τοῖς ὀπισθοῖς κατηχομενεῖσις.

обратятся¹⁾. Итакъ, въ томъ засѣданіи, которое насъ занимаетъ, заслушаны были оправданія и заявленія православныхъ мѣнѣй со стороны слѣдующихъ лицъ: великаго скевофилика I. Павтехни¹⁾, Христофора мирскаго, Іоанна ларисскаго, Льва родосскаго, Льва адрианопольскаго, Евѣмїа новопатрскаго, Іоанна еванскаго и Никиты маронейскаго.

Всѣ эти лица, какъ принесшіе раскаяніе, снова были приняты въ общеніе съ церковью. Подъ тѣмъ же засѣданіемъ читается актъ составленный въ среду, 6-го апрѣля. По содержанию онъ вполне при-мыкаетъ къ первымъ и вызванъ былъ, очевидно, тѣми же обстоятельствами. Діаконъ и канстрисій Великой церкви, по имени Самуиль, „освобождая себя отъ всякаго подозрѣнія“, прочиталъ прошеніе и произнесъ слова, которыя ему продиктованы были. Вслѣдствіе чего и онъ былъ принятъ снова въ общеніе. Тутъ же постановлено вписать въ Синодикъ новую главу, начинающуюся словами: τοῖς ἀποβαλλομένοις²⁾

Что касается засѣданія седьмаго, и здѣсь находимъ путаницу. Это засѣданіе, повидимому, началось чтеніемъ царскаго эдикта, но объ этомъ документѣ Н. Акоминатъ говорилъ уже въ концѣ изложенія 6-го засѣданія. Такъ или иначе, въ засѣданіи 4-го апрѣля, въ понедѣльникъ, былъ прочитанъ царскій эдиктъ, которымъ заканчивалась дѣятельность собора. Но подъ тѣмъ же засѣданіемъ нашъ авторъ говоритъ о новомъ отлученіи отъ церкви, которому подвергся никейскій митрополитъ Георгій. Такъ какъ это отлученіе въ дѣйствительности имѣло мѣсто не 4-го апрѣля, а 6-го, когда принятъ былъ въ общенію съ церковью діаконъ Самуиль, то отсюда легко понять, какъ неискусно нашъ писатель расположилъ свой матеріалъ и какъ сомнительны его рубрики.

Послѣднее, восьмое засѣданіе, происходило въ пятницу 6-го мая. Оно специально посвящено дѣлу о никейскомъ митрополитѣ, изъ изложенія котораго и можно видѣть, что Георгій осужденъ 6-го апрѣля²⁾, хотя писатель нашъ объ этомъ не сказалъ ни слова, при изложеніи засѣданія 6-го апрѣля. Изъ сообщаемаго здѣсь же матеріала узнаемъ, что между засѣданіями 6-го апрѣля и 6-го мая было еще засѣданіе

¹⁾ Col. 268 что ему дѣйствительно угрожало осужденіе, видно изъ словъ: ἐαυτὸν ἀπαλλάττων πάσης ὑποψίας καθὰ δηλοῦται τοῖς προβᾶσι συνοδικοῖς σημειώμασι... то же нѣсколько ниже.

²⁾ Col. 277. καθὼς δηλοῖ τὸ κατὰ τὴν ἔκτῃν τοῦ παρελθόντος Ἀπριλλίου μηνὸς τῆς ἐνεστῶσης 14 ἐπισημῆσεως ἐκτεθέν συνοδικὸν σημεῖωμα ἀμέλει τοι καὶ κατὰ τὸ τοιοῦτον συνοδικὸν σημεῖωμα τότε καταδίκη ἐνομιάζθη εἶναι ὑπεύθυνος.

14-го апрѣля, о которомъ у Н. Акомината также ни словомъ не упомянуто на своемъ мѣстѣ ¹⁾). Итакъ, засѣданіе восьмое специально посвящено разбору дѣла о никейскомъ митрополитѣ. Будучи осужденъ соборомъ 6-го апрѣля, онъ обратился съ просьбой къ императору о ходатайствѣ за него. Царь дѣйствительно сносился по этому дѣлу съ соборомъ черезъ протокуропалата и секретаря своего Георгія Сивлицу, но мы не знаемъ, что отвѣчалъ соборъ. Теперь, къ 6-му мая, соборъ ниѣлъ обсуждать второе царское предложеніе въ пользу того же лица, и на этотъ разъ отцы оказались уступчивѣе. Разсуждалъ, что никейскій митрополитъ присужденъ къ запрещенію священнослуженія на два года и что онъ смиренно проситъ о снисхожденіи, соборъ постановилъ измѣнить прежнее постановленіе и ограничился эпитиміей на одинъ годъ.

Этимъ кончается изложеніе дѣяній собора 1166 года. Бросая общій взглядъ на рассмотрѣнный историческій матеріалъ, мы должны признать, что хотя онъ и основывается на соборныхъ протоколахъ, но не можетъ замѣнять ихъ. Рубрики, то-есть, засѣданія распределены весьма неразборчиво, подъ однимъ засѣданіемъ часто вложено то, что происходило въ различныхъ засѣданіяхъ, о нѣкоторыхъ засѣданіяхъ совсѣмъ не упомянуто, между тѣмъ иногда помѣщается подъ отдѣльнымъ засѣданіемъ то, что не могло составлять предмета соборнаго засѣданія. Постановленія соборныя не указаны на своемъ мѣстѣ, не названы лица, подвергшіяся отлученію; читаемъ о раскаяніи разныхъ лицъ, не будучи предувѣдомлены объ ихъ прегрѣшеніяхъ; не можемъ въ концѣ концовъ опредѣлить—противъ кого направлено было отлученіе на этомъ соборѣ. Упомянутый выше митрополитъ никейскій не былъ важнымъ обвиняемымъ, ибо его имя не внесено въ Синодикъ. Внесенныя же въ Синодикъ имена за неправильное толкованіе словъ „Отецъ мой болій Мене есть“ совсѣмъ не встрѣчаются въ рассмотрѣнныхъ матеріалахъ. Все это приводитъ къ заключенію, что Синодикъ сохраняетъ большую и, такъ сказать, дипломатическую точность передачи актовъ соборныхъ, чего нельзя сказать объ изложеніяхъ, хотя бы таковыя принадлежали и близкимъ къ событіямъ лицамъ.

Относительно епископа керкирскаго Константина и монаха Іоанна Иривика, какъ главныхъ представителей не православнаго мнѣнія, на сторонѣ которыхъ стояли семь архіереевъ, великій скевофилакъ

¹⁾ Col. 277 καὶ τὸ κατὰ τὴν αὐτοῦ παραδραμόντος Ἀπριλλίου μηνὸς ἐκτεθῆναι—
συνοδικὴν ἀφείσθημα παριστᾷ.

И. Павтехи и другія лица, впоследствии раскаявшіяся, и сторону которыхъ поддерживалъ митрополитъ никейскій, мы знаемъ весьма мало.

Въ связи съ вопросомъ о религиозныхъ спорахъ при Мануилѣ, и именно по отношенію къ занимающему насъ времени, требуетъ выясненія историко-литературный фактъ, о которомъ ничего не говоритъ разобранный нами матеріалъ о соборѣ 1166 года. Имѣя въ виду, съ одной стороны, внесенныя въ Синодикъ имена Константина болгарскаго епископа Керкиры и I. Иреника, съ другой же—лѣтописныя извѣстія, приводящія какъ указанныя въ Синодикѣ имена, такъ и другія не указанныя, а наконецъ тѣ главы изъ похвальной рѣчи Евстафія солунскаго на смерть Мануила, которыя касаются оцѣнки дѣятельности Мануила по отношенію къ церковнымъ вопросамъ, мы приходимъ къ заключенію, что матеріалъ, представляемый Н. Акоминатомъ, до такой степени недостаточенъ для изученія исторіи богословской борьбы при Мануилѣ, что на основаніи его нельзя комментировать относящіяся сюда главы Синодика. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что соборные акты въ Константинополѣ не только со всею тщательностью записывались и подвергались внимательной провѣркѣ и потомъ подтверждались подписями членовъ собора и императора, какъ документы государственной важности, но еще обезпечиваемы были противъ всякихъ случайностей особыми мѣрами, о которыхъ узнаемъ именно по поводу собора 1166 года. Какъ оказывается, соборные акты выбиваемы были на каменныхъ доскахъ, то-есть, обрабатываемы въ монументальные памятники, и хранились въ храмѣ св. Софіи. Слѣдовательно, всякое недоразумѣніе и сомнѣніе писателя по поводу соборовъ могло быть, при добромъ его желаніи, разрѣшено провѣркой текста на упомянутыхъ каменныхъ доскахъ, и всякая невѣрность изложенія могла быть легко изобличена. Тексты писателей не оставятъ никакого сомнѣнія, что постановленія собора 1166 г. были высѣчены на камняхъ ¹⁾, и нѣкоторыя выраженія Синодика на-

¹⁾ *Cinnamus*, p. 256 ἐφ' οἷς ἀποκρουσθέντες ἐκὸρον ἤδη τὰ θεογεμένα βασιλεὺς δεῦπεστημένω τούτοις· καὶ τὸ λοιπὸν λίθοις ἐγκλιμαζόμενοι τὴν γραφὴν ἐπὶ τοῦ Σοφίας ἱεροῦ ἀριστερᾷ εἰσίσταντι φέροντες ἐστῆσαν; *Nicetas Acominatus*, p. 278 ἀμέλει καὶ γραφαῖς ἐρυθραῖς ὡς φλογίνῃ ῥομφαίᾳ τὸ δόγμα τοῦτο διαλεχθεὶς—ἐπέτα καὶ λίθιναις πλασίῃ ἐχθαρίζας;—ἐπὶ νεῷ τοῦ μεγίστου ἀνάθετο. Изъ другихъ свидѣтельствъ узнаемъ, что до турецкой эпохи хранились въ храмѣ св. Софіи, налѣво отъ входа четыре мраморныя доски, каждая въ длину три сажени и въ ширину двѣ, на поребриковыхъ подставкахъ. На этихъ доскахъ высѣчены были соборныя опредѣленія. Въ 1567 г. султанъ Селимъ приказалъ снять съ мѣста эти доски, при чемъ

ходить себѣ объясненіе въ практикѣ освященія на камнѣ соборныхъ постановленій.

Итакъ, въ виду особенныхъ мѣръ, принимавшихся къ сохраненію соборныхъ опредѣленій, для насъ представляется весьма легкимъ объяснить очевидную невѣрность, вкравшуюся въ извѣстія писателей XII вѣка по отношенію къ главнымъ лицамъ, на которыхъ пало церковное отлученіе въ 1166 г. Разумѣемъ прежде всего иѣсто Киннама, по которому отлученными на этомъ соборѣ называются керкирскій епископъ Іоаннъ и одинъ монахъ по имени Иреникъ ¹⁾, и его же разказъ о происхожденіи еретическихъ иѣзій о Христѣ, главнымъ виновникомъ коихъ выставляется иѣсто Димитрій изъ Лампы ²⁾. Что касается имени керкирскаго епископа, оно несомнѣнно представляетъ ошибку въ лѣтописи Киннама, ибо находится въ противорѣчіи со всѣми другими относящимися сюда матеріалами. Но какъ объяснить ошибочное чтеніе Киннама? Этому вопросу посвящено изслѣдованіе Вулисмы, архіепископа на островѣ Борфу. Исходя изъ чтенія синодика, называющаго керкирскаго митрополита Константиномъ болгарскимъ ³⁾, пресвященный Вулисма прежде всего пытается объяснить употребленіе двухъ опредѣляемыхъ въ приложеніи къ одному лицу. Вопреки обычному мнѣнію, что упоминаемый здѣсь Константинъ могъ быть архіепископомъ болгарскимъ послѣ управленія керкирской церковью, Вулисма высказываетъ догадку, что Константинъ керкирскій потому иѣлъ прозваніе „болгарскаго“, что до посвященія въ епископскій санъ былъ приверженцемъ или ученикомъ болгарскаго архіепископа. Такъ, преемникъ Константина болгарскаго на керкирской кафедрѣ, носившій также имя Константина, прозывался „никейскій“, хотя никогда не занималъ никейской кафедры. Дѣйствительно, можно указать множество примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что къ именамъ лицъ церковной іерархіи часто присовокупляется прозваніе по учителю или

три разбивалась, а послѣдняя употреблена для украшенія ушнаницы его отъ Св. Досидея Δωδεκαβιβλίον р. 794 в Βουλγαρίας. Κωνσταντίνος ο Βουλγαρίας. ἐν Κερκίρα 1888. О послѣдней брошюрѣ сейчасъ будемъ говорить особо.

¹⁾ *Cinnamus*, р. 257 Ἰωάννης καὶ ὁ τῆν Κερκυραίων λαῶν καὶ μοναχῶν τις, ἐν ἀπεκλήσων Εἰρηγικόν, τῆ προτέρῃ ἐπιμείναντες ὀβση ἀναθέματι ὑποβέβληντο.

²⁾ *Cinnamus*, р. 251 — 256.

³⁾ τῆ χειροατήσαντι μητροπολίτῃ Κερκυρας Κωνσταντίνῳ τῷ Βουλγαρίας... Въ русской переводной редакціи: Бышему митрополиту керкирскому Константину болгарскому.

во мѣсту монашескихъ подвиговъ: агіорить, агіотафить и т. п. Такъ, митрополить Иракли Никита носятъ прозваніе серрскаго, хотя не былъ тамъ епископомъ; діаконь великой церкви Михаиль носитъ прозваніе ессалоническій, хотя не былъ нигдѣ епископомъ; патриархъ Михаиль анхіальскій тоже не былъ епископомъ въ Анхіалѣ. Такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ, что керкирскій митрополить Константинъ болгарскій носилъ только прозваніе болгарскаго, не бывъ архіепископомъ Болгаріи. Что касается пропуска у Киннама имени Константина, Вулисма объясняетъ это небрежностью переписчика. Въ подлинной рукописи Киннама должно было стоять: ὁ τὴν Κερκωραίων λατῶν Κωνσταντῖνος ὁ Βουλγαρίης, но при перепискѣ сочиненія Киннама второе имя было выпущено; дагѣ у Киннама должно было читаться καὶ μοναχῶν τῆς Ἰωάννης ὁ ἐπιπέλασον Εἰρηνικόν. Почему Ἰωάννης оказалось пропущеннымъ въ этомъ мѣстѣ? — Нужно думать, что вторая ошибка вызвана была уже порчею предыдущаго мѣста. Ясно, что здѣсь дѣло объясняется комбинаціей писца. Если для Киннама выраженіе ὁ τὴν Κερκωραίων λατῶν могло покрывать собой имя Константина болгарскаго, то для переписчика позднѣйшаго времени первое выраженіе представлялось непонятнымъ, какъ лишенное собственнаго имени. И такъ, видя упоминаніе керкирскаго митрополита и не находя его имени, онъ перенесъ имя Іоанна впередъ, оставивъ Ириника безъ собственнаго имени. Итакъ, мѣсто Киннама нужно восстановить слѣдующимъ образомъ: ὁ τὴν Κερκωραίων λατῶν Κωνσταντῖνος ὁ Βουλγαρίης καὶ μοναχός τις Ἰωάννης ὁ ἐπιπέλασον Εἰρηνικόν, τῆ προτέρῃ и проч.

Дѣянія собора 1166 года не удовлетворительны для изученія исторіи богословской борьбы еще въ виду нижеслѣдующаго. У Киннама вся исторія борьбы изложена иначе, чѣмъ у Никиты Акомината, и происхожденіе ереси обставлено не лишенными интереса подробностями. Вопросъ о славѣ Христовой возникъ, говоритъ онъ, по слѣдующей причинѣ. Былъ вѣкто Дмитрій, грекъ по происхожденію, изъ Лампы, селенія азіатскаго. Человѣкъ недалекаго свѣтскаго образованія, онъ много занимался божественными догматами и дошелъ до крайне нелѣпыхъ заключеній. Неоднократно исполняя посольскія порученія на западѣ и къ итальянскимъ народамъ, онъ возвращался оттуда съ поврежденными чувствами ¹⁾ и позволялъ себѣ много и другаго страннаго, и настоятельно занимался изслѣ-

¹⁾ Сравнить Jaffé, Biblioth. rerum Germanicarum I. Wibaldi epistolae 237, 252.

дованіемъ природы Божіей,—дѣло, дозволенное только учителямъ и высшимъ іереямъ и еще развѣ царямъ ради ихъ достоинства. Возвратившись на этотъ разъ изъ земли Аламановъ, онъ пытался открыто совращать здѣшній народъ къ иномыслію и разъ въ разговорѣ съ царемъ высказалъ ему такую мысль. А когда царь просилъ его объясниться, онъ тотчасъ же изложилъ свое ученіе. Оно состоитъ въ слѣдующемъ. „Дерзаютъ говорить, что одинъ и тотъ же и меньше и равенъ родившему Богу“. — Что же, отвѣчалъ царь, развѣ мы не говоримъ, что одинъ и тотъ же есть Богъ и человѣкъ? — Да, сказалъ онъ. — Итакъ, продолжалъ царь, по человѣчеству мы признаемъ его меньшимъ, по божеству же равнымъ. Ибо сказано: Отецъ мой болѣе Мене есть. Если этого изреченія нельзя приложить къ той и другой природѣ, что было бы нелѣпо, то необходимо приписать его ко второй (человѣческой), не относить же это изреченіе ни къ которой — безумно. Итакъ, по нашему разумію, люди думаютъ объ этомъ хорошо. „Но они явно заблуждаются“, возразилъ Димитрій. — На этотъ разъ бесѣда здѣсь и оборвалась. Спустя немного времени, Димитрій изложилъ въ книгѣ свои мнѣнія и поднесъ ее царю. Тогда царь сказалъ ему: „если можно скрыть эту книгу подъ землею, то немедленно закопай ее, дабы не сдѣлаться виновникомъ гибели многихъ. Я твердо убежденъ въ своемъ взглядѣ на этотъ вопросъ и не думаю, чтобы кто нибудь въ состояніи былъ заставить меня перемѣнить его“. Но Димитрій безъ всякой осторожности показывалъ свое сочиненіе и частно и въ публичныхъ собраніяхъ, даже вошелъ въ сношенія со многими архіереями и съ тою частью сословія левитовъ, которое называется діаконскимъ. Нашедши себѣ многихъ единомышленниковъ, онъ сталъ еще сильнѣе нападать на тѣхъ, которые принимали слово „меньше“. Споръ широко распространился, такъ что не было такого человѣка, кто не говорилъ бы и не занимался этимъ вопросомъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Царь, узнавъ объ этомъ, изъ благочестивой осторожности уклонился отъ дать этотъ вопросъ на публичное обсужденіе. Видя же, что почти всѣ склоняются къ мнѣнію Димитрія, онъ началъ приглашать къ себѣ то одного, то двоихъ и болѣе и, разбирая съ ними предметъ спора, многихъ, не могшихъ ничего сказать противъ, перевелъ къ другому мнѣнію. . . . Итакъ, онъ многихъ склонилъ къ своему мнѣнію, хотя прежде того не было никого, кто бы не принадлежалъ къ противной партіи, за исключеніемъ Луки тогдашняго патріарха,

который впрочем не отваживался еще свободно высказываться, и еще не болѣе шести діаконовъ ¹⁾). Всѣ же другіе, замѣчая, какъ послѣ бесѣды съ царемъ наединѣ многіе повидяють ихъ сторону, объясняли себѣ это остроуміемъ ума и изворотливостію языка его, стали остерегаться и никто не рѣшался говорить съ царемъ наединѣ и секретно. „Если не теперь, то по смерти онъ во всякомъ случаѣ не избѣгнетъ анаѳемы“, говорили они на сходкахъ у себя и въ домахъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Разъ царь призвалъ къ себѣ Еввенія, епископа Новыхъ Патръ, и сталъ спрашивать его, желая съ нимъ объясниться. Но тотъ сжалъ губы и молчалъ. На вопросъ же царя о причинѣ молчанія подробно изложилъ все дѣло. Царь разгнѣвался, хотя это съ нимъ рѣдко случалось и грозилъ низвергнуть его съ высоты, если извращая здравое мнѣніе о Богѣ, будетъ приписывать Ему такія качества. Но чтобы вы знали, прибавилъ онъ, какъ, не право мысля о Богѣ, оскорбляете и меня, — я предлагаю вамъ всѣмъ поединокъ: вооружайтесь всѣ на меня, и я буду сражаться съ вами одинъ не силою рукъ, а словомъ. Что я не хочу пользоваться силою моего положенія, доказательствомъ тому служить нагоящій случай. Явно оскорбляемый, какъ видишь, я удерживаюсь отъ мщенія. Но вамъ не слѣдовало распространять свое ученіе тайно. Развѣ вамъ оказано было насиліе? Кто отнималъ у васъ свободу слова? Развѣ случалось когда, чтобы кому не дозволялось говорить предъ моимъ престоломъ?“ . . . . Такъ было дѣло. Спусти же нѣсколько дней, царь приказалъ представить мѣста изъ отцовъ церкви, раскрывающія этотъ вопросъ, и предложилъ

дѣло на общее разсмотрѣніе ²⁾. Въ изложеніи Киннама обращаетъ вниманіе историческая обстановка церковнаго спора о словахъ „Отецъ мой боліи Мене есть“. Соборъ 1166 года былъ созванъ Мануиломъ уже послѣ неоднократныхъ попытокъ съ его стороны рѣшить этотъ споръ путемъ частныхъ переговоровъ. По всей вѣроятности, вопросъ о славѣ Христовой возникъ не позже 1160 года, къ этому же времени нужно относить и появленіе сочиненія Димитрія изъ Лампы, посвященнаго вопросу о двухъ естествахъ во Христѣ. Не лишено значенія и то обстоятельство, что виновникъ ереси представленъ здѣсь чловѣ-

¹⁾ *Cinnamus*, 253 ὅτι μὴ Διάκονοι, ὅς καὶ αὐτὸς οὐδὲν παρορτήσασθαι ἐπιτόλμα.

²⁾ *Cinnamus*, 256 ἡμερῶν δὲ ὀλίγων ὑστερον βιβλίου τῆ, ὅστις τὴ περί τούτων τριτοῦται, ἐκάρτε σουχῆ καὶ κινωτήρα; τὸ πρῶτον προὔθειαι ζητήσασθαι, — очевидно, идетъ рѣчь о соборѣ 1166 года.

комъ, пропитавшимся западными идеями; это тоже своего рода Италъ, какъ многіе нововводители въ сферѣ богословской окрещены были въ Византіи иноземною кличкой, дающей понять, что по возвращеніямъ византійцевъ западъ былъ главнымъ виновникомъ еретическихъ ученій въ восточной церкви.

Споръ о славѣ Христа, начавшійся при Мануилѣ и недостаточно раскрытый въ сохранившемся изложеніи дѣяній собора 1166 года, имѣлъ продолжительную исторію. Свѣдѣнія о ней почерпаются изъ не напечатанной части сочиненія Н. Акомнатата *Orthodoxiae Thesaurus* ¹⁾, которая и въ другихъ отношеніяхъ представляетъ цѣнный историческій матеріалъ. Въ послѣднихъ книгахъ этого сочиненія разсматриваются богословскіе вопросы, волновавшіе церковь по смерти Мануила. Мы приводимъ отрывокъ, касающійся того же вопроса о славѣ Божіей ²⁾.

Ἄλλ' οὕτω καὶ τοῦτου κωρθέντος τοῦ δόγματος ὁ μὲν βασιλεὺς Μανουὴλ μετὰ μῆνας τρεῖς εἰκοστὴν τετάρτην ἄγοντος τοῦ Σεπτεμβρίου μῆνος τὸν βίον ἀπέλιπε τὸν ἀνθρώπινον, Ἀλεξίου δὲ τοῦ ἐξ ὄσφρος ἐκείνου τὴν ρωμαϊκὴν ἀρχὴν διαδεξαμένου μετραχίσκου πανακάλου καὶ λειοπαγῶνος καὶ μῆπω τὸ τρισκαίδέκατον ἔτος ἐξηνοχότος. Ὡς ναὺς ἀνεματιστῶ χειμῶνι φερομένη καὶ κύμασι τὰ κοινὰ κατεβαπτίζετο πράγματα· ἐσωθεν μὲν τοῖς βασιλείωσι προσγενέσι τοῦ παιδὸς καὶ βασιλέως εἰς ἀκρωτείας ἐκθρασσομένα τυραννίδωι, ἐξωθεν τοῖς ἐκ γειτόνων βαρβάρους καταρρασομένα καὶ καταδύνας τελευτῶν κινδυνεύοντα. Οὐκ ἔλαττον δὲ τούτων εἰ μὴ καὶ μείζον πολλῶν κακῶν εἰσεχώμασεν ὁ ἐκ Κομνηνῶν Ἀνδρόνικος, ἀνὴρ τὴν μὲν τρίχα ὑπαργυρίων τῷ χρόνῳ ... καὶ ὑπουλος καὶ πολυμωφρότερος χαμαιλέοντος. Οὗτος γὰρ τοῦ βασιλέως Μανουὴλ ἐξάδελφος ὢν, ὑπέπτευε τε... ἐξ ἐκείνου χεῖρασιν καὶ κάκωσιν ἦν καὶ πέπονθε πολλάκις διὰ χρόνιων καθειρήσεων καὶ οὐχ ἕττον ὑπεβλέπετο παρ'

Спусти три мѣсяца по утверженіи и этого догмата, царь Мануилъ переселился изъ сей жизни 24-го сентября. Ромѣнское царство принялъ сынъ его Алексій, еще будучи въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ и не достигши тринадцати лѣтъ. Какъ утлая ладья, восмая бурей и волнами, государство находилось въ крайней опасности: внутри угрожала затопить его тиранія царскихъ родственниковъ, назвъвъ гералаи каляденія сосѣднихъ варварскихъ народовъ. Не меньшія если не гораздо большія бѣдствія надменно готовали Андроникъ Команъ, человекъ, у котораго уже пробивались сѣдые волосы, скрытный и измѣнчивыи какъ камелеонъ. Будуче двоюроднымъ братомъ царя Мануила, онъ пыталъ въ нему подозрѣніе и принисывалъ желаніе вредить, что и оправдывалось продолжительными заключеніями его подъ стражу, съ другой же стороны

¹⁾ Лучшая рукопись въ Оксфордѣ, Кое № 22.

²⁾ Fol. 416 Τόμος 27 περί τοῦ δόγματος τῶν θεῶν μυστηρίων, τὸ τοιοῦτον δόγμα ἐλαλήθη ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ βασιλέως κύρ Ἀλεξίου τοῦ ἐξ Ἀγγέλων, ἐφ' οὗ καὶ ἡ ἀλωσις ἐγεγόνει τῆς πόλεως.

ἐκείνου διὰ τὸ φιλαρχον τοῦ τρόπου καὶ τὸ τοῦ φρονήματος ἀκαθαίρετον. Οὐκοῦν φοβᾶς αἱ καὶ πλανήτης τὴν ὑπ' οὐρανὸν περιήρχετο, ἀρυσιν μὲν ἄρων, ἀρχεσθαι δ' ἄδοξων. Οὐδὲν μὲν οὖν διεζήτηται περὶ δόγματος τοῦ βασιλέως· Ἀλεξίου τὰ βασιλείων σκήπτρα διεπόντος.

Ἐπει δὲ τῆς ζωῆς ἅμα καὶ τῆς ἀρχῆς πανθεϊστικῶς τοιοῦτον Ἀνδρόνικος ὑπέστηγε, ᾧ γὰρ πρό τρίτης τοὺς περὶ πίστειας δόκτους ἀποδεδώκει, τοιοῦτον σήμερον τῇ διὰ τόξου νεύρας πνιγμονῇ τὴν ψυχὴν ἀπορρῆξαι κακῶς παρεσχεύασεν, ἤριστο παρὰ πολλῶν ὑκολαλεῖσθαι καὶ κατασεισῆσθαι τὰ περὶ τῆς τοῦ θεανθρώπου φωνῆς δόγματος, ὃ φησι τὸν πατέρα μείζονα...

Ἦσιοντο γάρ οἱ τὸ δόγμα τοῦτο διακωδωνίζοντες καὶ τὴν στήλην καταστρέψαι κειρώμενοι, ἦτις ἐν τῷ μεγίστῳ τεμένει ἀνάκειται, ῥαδίως Ἀνδρόνικον ὑπαγαγέσθαι τῷ σφετέρῳ βουλήματι ἐκ μακροῦ φιλαρχυθούντα τοῦτον τῷ βασιλεῖ Μανουῆλ ἐπιστάμενοι καὶ ταῖς ἐκείνου δύνουσι ἐνορῶντα κρεξέσιν, ἠλέγηθησαν δὲ τὰ μηδαιῶς ἐσθμένα τῷ νῦ φανταζόμενοι. Τοσοῦτον γὰρ ἀπέχευε βασιλεύσας Ἀνδρόνικος τοῦ νότι· ἐγχείρειν δόγμασιν ἢ τὰ κυρωθέντα μετακινεῖν καίπερ οὐκ ὦν ἀμεύκτους τῆς ἡμετέρας θεοπνεύστου γραφῆς, ὡστε καὶ τῷ Νέων Πατρῶν Εὐθυμίῳ καὶ τῷ Κιννέμῳ Ἰωάννῃ, ἦν δ' οὗτος ἐκ τῶν λογικῶν γραμματέων τῆς βασιλείου αὐλῆς, μάλα ἐμβριθῶς ἐπέπληξε διαλεγόμενοι περὶ τῆς· ὁ πατήρ μου μείζων μου ἐστὶ τῆς θεανθρώπου φωνῆς καὶ τὴν κατὰ τοῦ Ῥυνδακοῦ ποταμοῦ περὶ ὃν ἔωρτο τότε σκηρούμενος ἀκοντισεῖν ἐπέπειλήσεν εἰ μὴ καύσασιντο περὶ θεοῦ ποιούμενοι τὴν διαλεξιν.

Ἄλλὰ καὶ τοῦ βασιλέως Ἀνδρόνικου θανάφω ἀσχημῶν· καὶ οἰκτρῶ [ἐκ τοῦ βίου μεταβεβηκότος] ἐπαναστάτος αὐτῷ ἐξ-

своимъ честолюбіемъ и надменнымъ правомъ и самъ внушалъ опасенія царю. Вслѣдствіе чего онъ странствоваль по всемоной, ища власти, считая выше своего достоинства подчиненіе и не находя себѣ пріюта. Споры о догматѣ замолкли въ царствованіе Алексія.

Когда же Андроникъ преступно являлъ его жизни и власти, хотя незадолго передъ тѣмъ далъ присягу на вѣрность тому, кого замышлялъ удушить, тогда слова Богочеловѣка „Отець мой больше Меня“ стали опять предметомъ бесѣдъ и толковъ.

Подвергавшіе разслѣдованію этотъ догматъ пытались нисвергнуть и ту доску, которая стоитъ въ великомъ храмѣ, и надѣялись легко склонить Андроника на свою сторону, зная издавна его ненависть къ царю Мануэлу и нерасположеніе къ тому, что онъ дѣлалъ, но надежды ихъ оказались вполне призрачными. Ибо Андроникъ, сдѣлавшись царемъ, такъ мало былъ склоненъ заниматься установленіемъ новыхъ догматовъ или пересмотромъ уже утвержденныхъ, хотя и не былъ чуждъ знанія боговдохновенныхъ писаній, что разъ когда Евенмій епископъ Новыхъ Патръ и Іованнъ Киннамъ, одинъ изъ ученыхъ секретарей царскаго двора, стали разговаривать о словахъ „Отець мой больше меня“, Андроникъ очень рѣзко останавливалъ ихъ и притрогивалъ даже бросить ихъ въ рѣку Риндакъ, на которой стоялъ лагерь, если не прекратятъ разговоры о божественномъ.

Послѣ постыдной и несчастной смерти царя Андроника, когда противъ него неожиданно поднялъ бунтъ

πινα τοῦ ἔξαγγέλων Ἰσαακίου καὶ συνεπιθεμένου τοῦ δήμου τῆς πόλεως, οἱ περὶ τὰ δόγματα ἔχοντες ὅσα καὶ τέττιγες λιγυροὶ τῇ ᾠρᾷ ὑποθωρόωμενοι τὸ τῆς ἐκκλησίας κατεφώνουν ἄλλος καὶ περιέτροζον τὰ ἀνάκτορα καὶ προϊόντες ἐφ' Ἰσαακίῳ τῷ βασιλεῦσιν οὐ διελίπον ἄγκειμένοι καὶ λιπαρῶς ἔξαιτούμενοι καθαιρεθῆναι τὴν στήλην τὴν τὸ δόγμα χαραττούσαν, διατεινόμενοι μεθ' ὄρκου πρὸς Ἰσαάκιον μὴ ἂν ἄλλως τὰ Ῥωμαίων ἀναρρώσθῃναι πράγματα εἰς γῆν πρηνῆ καίμενα, μᾶλλον μὲν οὖν καὶ εἰς τέλος διαρρῆσεσθαι κινδυνεύοντα, εἰ μὴ γε τὸ δόγμα τοῦτο μεταμειψὶν δεῖται ἐφ' οἷς ἀνακριβῶς διέξεισιν. Καὶ ἦν Ἰσαάκιος ὠδύων διὰ ταῦτα τὴν τῆς στήλης καθάρισαν. Καθ' ὃν χρόνον ὁ Μουντάνης Νικητὰς ἠρχιεράτευσεν, ἀνὴρ εὐλαβῆς μὲν τὰ πρὸς Θεόν καὶ βίου διαλάμπων ἀγιότητι· καὶ τῇ ἐκ τῶν χρόνων ἐμπρέπων σεμνότητι, τοῦ δε τῶν θείων δογμάτων μελίτος οὐδ' ἄκρῳ λιγανῷ γευσσάμενος ὁτέδῃ. Ὁρῶν δὲ τινὰς Ἰσαάκιος τῶν ἐντρόφων τοῦ βήματος τὸ τῆς πόλεως λαῶδες ἀναταρασσοντας καὶ πρὸς στάσιν διερεθίζοντας μεθήκε τὴν πρᾶξιν εἰς ἕτερον καιρὸν διαθέμενος.

Μετὰ δὲ χρόνους ἑννέα καὶ μῆνας ἔξ τῆς ἀρχῆς ἐκφαιρισθέντος καὶ τοῦδε τοῦ ἀνακτος καὶ τὰς χώρας παρ' ὧν οὐκ ἔδει περὶ τὴν ἐν τῇ Βῆρᾳ μονὴν ἐκκοπέντος Ἰσαακίῳ δομηθεῖσαν τῷ τοῦ βασιλέως Ἀνδρονίκου γεννήτορι, ἡρέμα εἶχεν ἡ ἐκκλησία τῶν ἐπὶ δόγμασιν. Ὁ γὰρ Ἰσαακίου κασιγνήτος φ' ἡ κλήσις Ἀλέξιος αὐταρχήσας ἡλίως τῶν πραγμάτων ἠπτετο· καὶ οὐτε τὰ εἰς πόλεμον ἀπρομήθευτος ἦν... οὐτε φιλοπράγμων περὶ τὰ δόγματα.

Но вратъ души человѣческой готовилъ новыя козни и замышлялъ нарушить спокойствіе церкви. При дарѣ Алексѣѣ поднялась новая церковно-богословская буря, вызванная лжеучебіемъ *Михаила Сикионита*. На оборотѣ 417 листа рукописи начинается разсказъ о Сикидитѣ.

Ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ ἐκ Κομνηνῶν

Исаакъ Ангелъ и городскіе дѣла, занимающіеся догматическими вопросами подобно неутомимымъ кулачникамъ наскочили на священную ограду и исполнили шебетаньемъ царскій дворецъ и приступили къ царствующему Исааку и настойчиво украшивали его низвергнуть доску, на которой начертанъ былъ этотъ догматъ, клятвенно утверждая, что Исаакъ никакъ не можетъ спасти Ромейскую имперію, уже поверженную на землю и находящуюся въ опасности окончательнаго разложенья, какъ только поправкой тѣхъ выраженій въ положеніи догмата, которыя страдаютъ неточностью. И Исаакъ уже началъ подумывать о низверженіи той доски. Въ это время во главѣ церкви стоялъ Никита Мунтанъ, мужъ правда благочестивый, извѣстный святою жизнью и пользующійся уваженіемъ по своимъ лѣтамъ, но нисколько не вкусившій отъ меда божественныхъ догматовъ. Но Исаакъ отложилъ рѣшеніе по этому дѣлу, будучи отвлеченъ опасностью бунта со стороны нѣкоторыхъ сановниковъ, старавшихся возбудить простой народъ.

Послѣ того какъ и этотъ даръ, случивъ 9 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, былъ низверженъ и лишень зрѣнія тѣмъ, кому бы этого не слѣдовало, въ обители Вира, построенной Исаакомъ, отцомъ царя Андроника, церковь пользовалась спокойствіемъ по отношенію къ догматическимъ вопросамъ. Ибо братъ Исаака царь Алексѣй осторожно относился къ дѣламъ: не оставлялъ въ небреженіи военную сторону и не ставилъ на первомъ планѣ церковную.

При дарѣ Мавуилѣ Комнинѣ былъ

Μανουήλ γέγονε τις ἀνὴρ τὴν κλήσιν Μιχαήλ τὴν ἐπίκλησιν Σικιδίτης τοῖς βασιλεῦσι ὑπογραφεῖσι καταλεγμένως. Ὁὗτος οὖν τὴν ἀποτελεσματικὴν τέχνην τῆς ἀστρονομικῆς μετῶν σφαίρας ἐκ τοῦ κλαίονος ἀρρητοουργίας προσέκειτο ¹⁾, τῶτοι καὶ πολλὰ διεπράττετο τὴν γοητικὴν ἀδελειότητα τῷ ταλαίπωρῳ ἐκείνῳ προμαρτυρομένα ²⁾.

Такъ, однажды случилось ему смотрѣть съ высокаго во дворѣ мѣста на море въ то время, какъ проходила лодка, нагруженная глиняными блюдами и чашками. Обратясь въ бывшимъ зрителямъ, Сикидитъ спросилъ, какую бы они дали награду, если бы онъ сдѣлалъ, что лодочникъ вдругъ сойдетъ съ ума, встанетъ со скамейки, броситъ греблю и перебѣдетъ въ дребезгъ свою посуду? Когда тѣ изъявили согласіе на все, чего онъ отъ нихъ просилъ, хозяинъ лодки, спустя немного времени, дѣйствительно всталъ съ своего мѣста и, взявши въ руки весло, началъ колотить посуду и не прекратилъ этого занятія до тѣхъ поръ, пока не обратилъ ее въ прахъ. Смотрѣвшіе на это сверху вадрывались отъ смѣха и считали случившееся за чудо; а лодочникъ, вскорѣ послѣ того взявшись обѣими руками за бороду, горько зарыдалъ и, очнувшись отъ огрachenія, сталъ еще болѣе оплакивать себя, какъ человѣка сумасшедшаго. Когда же у него спрашивали, отчего онъ такъ поступилъ съ своимъ товаромъ, онъ съ горестью разказывалъ, что въ то время, какъ все его вниманіе было обращено на весла, онъ увидѣлъ страшнаго, кроваваго цѣнта и съ огненнымъ гребнемъ змѣя, который, растянувшись надъ посудой, пристально устремилъ на него глаза напоподобіе неумолимыхъ драконовъ и собирался проглотить его; и что этотъ змѣй не прежде пересталъ ввѣваться, какъ уничтожена была вся посуда, а потомъ вдругъ исчезъ изъ вида, и какъ будто вылетѣлъ у него изъ глазъ. Таковъ этотъ случай.—Далѣе, на л. 418 рукописи, излагается ученіе Сикидита, не вошедшее въ лѣтопись Н. Акомината.

ἔλεγε δὲ καὶ τοὺς προπάτορας ἀμείρους τῶν φυσικῶν μαθητῶν διατεθειμένους προτερον, ἐξωτέρων δὲ μετὰ τὴν ἐκ τοῦ παραδείσου ἀπέκρηψιν καὶ τὴν τῶν δερματικῶν χιτῶνων περιβολὴν καὶ ταῦτα προσεπιπλασθῆναι οἷα πρὸς τοῦ Θεοῦ τιμηθῆναι δὲ τούτους συγχρόνως τῇ διαπλάσει καὶ ἀφῆαρσις παντελεῖ, ἀφαιρεθῆναι δὲ ταῦτα, ὡς ἐκ μεταπέλει ἔπειτα διὰ τὴν παραβολὴν ἀναβῆς οὕτω καὶ παρακεκλυθεύμενος ἐννοίας

нѣкто Михаилъ по прованію Сикидитъ, состоявшій въ числѣ царскихъ приказныхъ людей. Сей Михаилъ занимался искусствомъ распознавать судьбу человѣческую по звѣздамъ, больше же прилежалъ къ волшебству, при помощи котораго производилъ магическое умопомраченіе, засвидѣтельствовавшее случаемъ съ однимъ несчастнымъ.

онъ училъ, что прародители сначала сотворены были неурнычастными дѣтородныхъ членовъ и что снабжены были ими послѣ изгнанія изъ рая и покрятія кожаными одеждами, что при сотвореніи они надѣлены были и совершенствами безсмертія, котораго потомъ лишены чрезъ грѣхопаленіе, — такъ не умно и не осторожно наводя мысли и рѣчи на такіе предметы, ко-

¹⁾ ἀρρητοουργίας προσέκειτο сравни Nicetas p. 192: λόγῳ μὲν ἀστρονομίας ἐχόμενος, ἔργῳ δὲ μαγαντίας προσκεκμενος.

²⁾ Далѣе со словъ ἀπο γὰρ μεταπέροι τῶν μεγίστων ἀρχείωνъ начинается разказъ, внесенный въ лѣтопись Никиты, который и приводимъ въ текстѣ.

καὶ ῥήμασιν ἐπιβάλλον ἃ παρήκεν ἢ γραφῇ ἀνεκφώνητα καὶ λόγους διδοὺς εἰκῆ καὶ ὡς ἔτυχεν ἐν οἷς τὸ ἔχρησθαι βέλτερον. Σὺν πολλοῖς δ' ἄλλοις ὁ ἀνόσιος οὗτος παραφθέγμασιν ἐδόξαζε καὶ τὸ φρικτῶς ἅμα καὶ παρόλογον εἰς μεταλήψιν ἡμῶν περιχόμενον σῶμα καὶ αἷμα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ φθαρτὸν εἶναι καὶ θυσίαν μόνην ἄνου καὶ ἄψυχον, μηδὲ ὄλον προσεῖσθαι τὸν Χριστὸν τὸν τῆ μεταλήψει προσίοντα, ἀλλ' ἐκ μέρους ὡς καὶ μέρος δεχόμενον, καὶ κατὰ τοῦτο παχὺ καὶ θνητότητος μέτοχον εἶναι καὶ ἄπτον καὶ ὑλοπίπτον ὁράσει τὸ διαδιδόμενον. Δεῖν οὖν τοὺς ἐπὶ τῶν ἀνωτάτων θρόνων καὶ ἠνωμένους τὰς ἀκοὰς ταῖς οἰκουμηνικαῖς ἀναρρήσασαι καὶ σαινομένους ταῖς δεσποτικαῖς ἐκβοήσασαι ἐν τῇ ἀφυστῆνι ὀθενοῦν εἰς προίενα ὅπουδῆ καὶ αὐτὰ μὲν τὰ παρὰ τοῦ Σικιδίτου γραφέντα παραδοῦναι πυρί, τὸν δὲ τούτων γεννήταρα καθυποβαλεῖν ἀναθήματι, ὡς περὶ τῶν ἀφθέγκτων φθαγγόμενον οὐχ' ὅσα εὐσεβῆ τε καὶ ὁσας, οἱ δὲ διαχύσεως πρόφασιν τὰ μὴ ὀρθῶς ἡγορευμένα ἐτίθεντο, ἴσαν δὲ οἱ καὶ ὡς δεόντως κερήμενοι τοῖς κερδέμοις τούτοις καὶ παρεγγράφτοις προσεπέρρεψαν δόγμασιν.

Ὁ γάρ τοι πατριάρχης Γεώργιος ὁ Σιφιλίνος ἀνά χειράς τήν τοῦ Σικιδίτου βίβλον δεξιμένος καὶ διεκδῶν ὅσα μοι εἴρηται, οὔτε τὸν ζηλωτὴν ἐπὶ τούτοις ὅποσόν παρενέφηνε, οὔτε τὸν ὄλων δυσχεραίνοντα καθυπέδειξεν ἐφ' οἷς ἠνωτάτα. Ἀλλὰ στραφεὶς πρὸς Βακχὸν τὸν ἐπίσκοπον Παφου περὶ αὐτὸν ὄστω τοχεῖν ὑφεδρεύοντα γετανωμένος τὴν ὄψιν τῷ γέλωτι ποῖα πρόσκεισαι, δεσποτα, δόξῃ, φησί, τῇ φθαρτῇ κατὰ τὸν Σικιδίτην παραδιδούσῃ τὰ θεῖα μυστήρια, ἢ τῇ συνιστώσῃ ἀφθαρτα; Ὅδε οἷς ἀνέγνω καὶ ἤκουσε τὸν νοῦν ἐπιστήσας, εἶτα στενάξας περιπαθῆς τι καὶ βύθιον, παλαμναιωτάταις ἀρτίς καθυπέβαλεν ὡς κοινὸν ἀλάστορα τὸν ζητήσαις τοιαύτας τῇ ἐκκλησίᾳ εἰσενεγκόμενον Σικιδίτην, καὶ μὴ

торме писаніе оставило невѣдомыми, и напрасно старался обстоятельно случайными доказательствами то, что лучше было бы держать при себѣ. Вместе съ другими нечестности нечестивый этотъ человѣкъ училъ, что въ причащеніи даваемое намъ тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа тлѣнно и образуетъ только жертву, лишнюю разума и души, и что въ таинствѣ причащенія мы не принимаемъ цѣлаго Христа, но какъ бы часть его, и что поему-то раздѣляемое въ причащеніи матеріально, смертно, подвержено осазанію и чувству боли. Слѣдовало бы конечно тѣмъ, кои сидятъ на высшей каедрѣ и склоняются слухъ къ голосу вселенской церкви, внимать божественнымъ отреченіямъ, выступить съ своимъ правомъ преемственія и преставленія и самимъ отреченія Сикидита предать огню, творить же оныхъ анаематизовать, какъ рѣшающагося произносить нечестивыя слова о неизреченномъ; они же служили предметомъ забавы эти нечестивыя ученія, а нѣкоторые даже присоединились какъ къ правымъ, къ этимъ превратнымъ мнѣніямъ.

Такъ, патриархъ Георгій Ксифилінь, взявъ сочиненіе Сикидита и прочитавъ то, что у меня изложено, несколько не обнаружилъ ревности къ этому и не выразилъ ни малѣйшаго неодобренія по поводу слышаннаго, но, обратившись къ Вакху, епископу Пафа, состоявшему тогда при немъ, съ веселымъ смѣхомъ сказалъ: ну, а ты, владыко, какого придерживаешься мнѣнія объ евхаристіи, Сикидитова или церковнаго? Этотъ же, поразившись о томъ, что прочиталъ и услышалъ, и глубоко вздохнуть, подвергъ Сикидита страшнымъ проклетіямъ, какъ общаго соблазнителя, внесшаго въ церковь такіе вопросы, какъ вводителю новыхъ

καὶ ὡς καινῶν δογμάτων εἰσηγητὴν καὶ πάντῃ ἀλογίστως διερευνώμενον τὰ σιγῇ κακίστα μόνῃ δεχόμενα καὶ τιμώμενα καὶ κατ' ἐξαιρέτην ἐκ πασῶν τῶν τοῦ Χριστοῦ φρικωδῶν πράξεων καλεῖσθαι μυστήρια κληροσάμενα, τέλος φάμενος ὡς εὐσεβέστερον οἴεται μᾶλλον καὶ ἀληθέστερον λέγειν ἄφθαρτον. Μὴ γὰρ μόνον τὸν τοῦ Κυρίου θάνατον ταῖς τοιαύταις ἐπικηρύττεσθαι τελευταῖς, ἀλλὰ γε καὶ τὴν ἀνάστασιν ὡς παντί που δῆλον τὰ θεῖα μετίοντι μυστήρια, εἰ δὲ καὶ ὁ προσίων τῇ μεταλήψει ὄλον εἰσοικίζεται τὸν Χριστὸν καθ' ἐν ἄν λόγον, ἔφη, οὐ ρηθήσονται ἀφάρτα. Οὐκοῦν ἐνδίδωσιν ὁ πατριάρχης τῷ Παφου λόγου ὄντι θάρᾶ ποντι ὑπερφθέγγασθαι μὲν τῆς τοῦ ἀφάρτου δόξης, καταδραμεῖν δὲ τοῦ Σικιδίτου φάρτα παραδιδόντος τὰ θεῖα μυστήρια.

Ὁ καὶ διαπραξάμενος ἐκεῖνος καὶ τῷ λέγειν ὑπὲρ τὸ δέον ἐμπλατυνόμενος τὴν ἐκ πολλολογίας οὐ διεδρασε μέρψιν. Γίνοντα τοῖων ἀφορμαὶ σκανδάλου καὶ σχίσματος τοῖς μὲν τὰ τοῦ καταράτου Σικιδίτου ῥήματα, τοῖς δὲ τὰ τοῦ Παφου καὶ ἦν ἐνταῦθεν ἐπ' ἀφορῶν καὶ ἀγυῖων τὸ μέγα καὶ φρικῶδες μυστήριον ὑπὸ τῶν συρράκων καὶ ευκλιδῶν περιλαλούμενον. Ὁ τοῦ θαύματος.

Οὐ πολὺς ὁ ἐν μέσῳ χρόνος καὶ θνήσκει μὲν ὁ Σιφιλίνος Γεώργιος ἀρχιερατεύσας ἐτη ἑπτὰ, προχειρίζεται δὲ μετ' αὐτὸν πατριάρχης ὁ Καματηρὸς Ἰωάννης καὶ γίνεται μὴ μόνον τῆς ἀρχιερατικῆς καθέδρας διαδοχὸς ἀλλὰ καὶ τῆς δόξης προσετηχῶς, ἦν ὁ Σιφιλίνος ἐπὶ τοῖς θεοῖς δωροῖς εἰσέφερεν, ὄρατο τοίνυν καὶ πάλιν τὰ ἀντιδοξα μέρη θερμότερα πρὸς διαλέξιν.

Ὡς δ' ἠνώστιαται τῷ βασιλεῖ Ἀλεξίῳ τὰ χυδῆν οὕτω καὶ σχεδὸν παρὰ πᾶσιν ἀγαλιωτάτῳ γλωττῇ διαλαλούμενα, μετακλήτον τῆσιν τὸν πατριάρχην καὶ τὴν παρατιχοῦσαν τῇ πόλει τῶν ἀρχιερέων ἀμήγυριν τοῖς ἀνακτόροις τὰ θεῖα ἐπεμύητο λό-

δογμάτων, совсѣтъ безразсудно под-вергающаго изслѣдованію тайны, до-ступныя только сердцу и вѣрѣ и ко-торнымъ по преимуществу изъ всѣхъ чудесныхъ дѣяній Христа усвоено имя таинства, наконецъ сказалъ, что онъ считаетъ болѣе благочестивымъ и истиннымъ то мнѣніе, что тѣло и кровь Христова неглиныи. Ибо этииъ священнодѣйствиємъ не только свидѣ-тельствуется смерть Христа, но и воскресеніе, какъ всакому извѣстно, приобщающемуся святыхъ таинъ; если же приступающій къ причащенію обла-гается во всего Христа, то на какомъ бы основаніи не назвать ихъ неглиныи. И такъ патріархъ поручаетъ епископу Пафосскому, челоуѣку ученому, защищать мнѣніе о неглинности и опровергать мысль Сикидита о глѣности божественнаго таинства. Со-ставивъ опроверженіе, онъ позволилъ себѣ распросстраниться сверхъ долж-ной мѣры и заслужилъ порицаніе за многословіе. Вслѣдствіе чего ученіе проклятаго Сикидита и епископа Па-фосскаго сдѣлалось предметомъ со-блазна и образованія партій, такъ что великое и страшное таинство стало обсуждаться на улицахъ и перекрест-кахъ сбродной толпой.

Скоро умеръ Георгій Ксифилінъ, пробывъ семь лѣтъ на патріаршемъ престолѣ, вмѣсто него избирается Іоаннъ Каматиръ, который былъ не только преемникомъ каедры, но и мнѣнія Ксифилина относительно та-инства евхаристіи, при немъ рели-гіозныя партіи опять вступили въ жаркую борьбу.

Когда же дошло до свѣдѣнія царя Алексѣя, что такъ открыто и почти всѣми безъ всякой осторожности об-суждаются религіозныя вопросы, онъ приглашаетъ патріарха и случившихся въ столицѣ архіереевъ во дворець... и

για, και πολλῶν ἐκατέρωθεν λέγων... ὁμόδοξος ὁ βασιλεὺς και σύμφηρος γίνεται τοῖς ἀφάρτα λέγουσιν τὰ θεῖα μυστήρια και τῶν ἀρχιερέων οἱ κλειούς και λογιμότεροι, οἷτε σύλλογος τῶν διακόνων και ξύμπαν τῆς συγκλήτου τὸ πλήρωμα, και κυροῦται μὴ προβῆναι περαιτέρω τὴν περί τῶν θεῶν μυστηρίων συζήτησιν, ἀλλ' ἀρχεῖσθαι πάντας τῷ ἀληθῶς σῶμα και αἷμα Χριστοῦ και εἶναι ταῦτα και ὀνομάζεσθαι: ὑπὲρ τῆς ἡμῶν καινοκρεπῶς σωτηρίας; και κλωμενα και γεόμενα, καθῶς αὐτός ἐπίσταται μόνος ὁ τελέσας ταῦτα... Ποιῆ δὲ πρὸς βασιλέως και τῆς συνόδου πάσης ἐπὶ τοῖς μὴ στοιχοῦσι τοῖς κυρωθεῖσιν ὤριστο: τοῖς μὲν ἱερωμένοις καθαιρέσι, τοῖς δ' ἐκ τῆς ετερας μερίδος δημευσις τῶν ὄντων και κόλασις σωματος. Και τὰ μὲν τῆς διαλαλιᾶς ταύτης και τῆς κυρώσεως εὐσεβῆ και φιλόθεα και τῶν ἀκρατῶς ἐχόντων πρὸς διαλέξεις ἀνασειρασμοὶ και ταφρεῖαι δυσπρόσοδοι.

Ὁ δὲ γε πατριάρχης τῆ τῆς βασιλίδος Εὐφροσύνης εὐμενεῖα κυδρούμενος και τὸν λόγιον ὑπὲρ τοὺς τότε θηρώμενος, ἀλλὰ και κοινῶ τῆς δόξης τῷ Χαλκηδόνης Ἰωάννῃ χρώμενος, κατ' οὐδὲν τῶν κυρωθέντων ἐφρόντιζεν. Ἐνθέντοι και λογικαῖς ἀφόδοις και ἀποδείξεσιν ἐν τοῖς ὑπερφυεῖσι μυστηρίοις ἐκέχρητο και θεομένοις σύμνοῦν τῆς ἐκ τῶν συλλογιστικῶν μεθόδων συστάσεως. Ἄλλὰ και κατηχητηρίους λόγους συνειραν τῆν τῶν νηστηριῶν ἡμερῶν προθεσμίαν ἐφεστάναι καταγέλλοντας ἐν μέρει μνημονεύων τῶν μυστηρίων ὅπως μὲν συνεζητήθη και τίνα τὰ παρ' αὐτοῦ εἰσαγόμενα και ἡ φασιν οἱ ἀντίφρονες, οὐδαμῶς ἐπεδίδοῦ τῷ λόγῳ, οἶμαι, τῆν ἀντίφασιν ἐφ' οἷς εὐόραζε και τον ἐλεγγον ἐκτραπέμενος. Ἐκεῖνα δὲ τῶν ἀξομαφανῶς

послѣ продолжительныхъ съ той и другой стороны объясненій царь занялъ себя на сторонѣ тѣхъ, которые признавали негнѣннымъ тѣло и кровь Христову въ ехаристіи, на этой сторонѣ было большинство ученихъ архіереѣвъ, соборъ діаконовъ и весь советъ. Было определѣно не продолжать дальѣе изслѣдованія о божественной тѣлѣ, но всѣмъ довольствоваться признаніемъ, что это есть негнѣвное тѣло и кровь Христова, ради нашего спасенія чудесно лозимое и называемое, какъ самъ вѣдаетъ, совершившій это. Назананіе отъ дара и собора положено тѣмъ, которые не примутъ этого опредѣленія, слѣдующее: людямъ священной сина — изверженіе, свѣтскіе — конфискація имущества и тѣлеснаго наказаніе. Таковы-то были благочестивые и боголюбивые плоды ратоборовъ этихъ и опредѣленія, они послужили къ обузданію людей неводержныхъ въ состязаніяхъ.

Патриархъ же, надвѣваясь благоклонностью дарницы Евфросиніи и желая перещеголять ученостью всѣхъ современниковъ и находя кромѣ той поддержки въ Іоаннѣ Халкидонскомъ, не обращалъ никакого вниманія на это опредѣленіе ¹⁾. Посему онъ употреблялъ логическіе приемы и доказательствна въ вопросѣ о сверхъестественности таинства, который нисколько не измѣняется въ пособіи силлогизмовъ. И въ своихъ огласительныхъ словахъ, составленныхъ по случаю наступленія поста, уоминая отчасти о таинствѣ ехаристіи, онъ не изложилъ ни того, какъ этотъ вопросъ возникъ, ни въ чемъ состоитъ его собственное мнѣніе, ни что думаетъ о немъ противная

¹⁾ Nicetas, р. 681—2; русскій переводъ (С.-Пб. духовной академіи), т. II, стр. 234, представляетъ здѣсь какъ разъ противоположное тому, что есть въ текстѣ, совершенно извращая роль патриарха въ этомъ вопросѣ.

κατηγόρειαν ἢ μὴ ἐπεκαίνωνον τοῖς προ-
καρμένοις εἰς ἀπέψιν...

партіи, и я думаю, что онъ поступилъ такъ изъ опасенія возбудить противорѣчіе и опроверженіе своихъ мнѣній; въ несвѣдѣнныхъ выраженіяхъ онъ нападалъ на такія стороны (въ догматѣ), которыя не имѣли отношенія къ разсматриваемому предмету ¹⁾).

Въ литературной исторіи Византіи имя Сикидита и Іоанна Ксифидина една извѣстно. Къ тѣмъ даннымъ, которыя почерпаются изъ ненапечатаннаго отрывка *Orthodoxiae Thesaurus*, мы имѣемъ еще присоединить небольшую замѣтку о товарищѣ Сикидита, раздѣлившемъ съ нимъ занятія астрономіей и также поплатившемся лишеніемъ зрѣнія за гаданіе и волшебство. Въ исторіи Н. Акомината рядомъ съ Сикидитомъ упоминается Свѣтъ Склиръ, и обоимъ посылается тотъ же упрекъ, что подъ предлогомъ астрономіи они занимались магіей и другими демоническими обольщеніями ²⁾. Что касается Сикидита, мы видѣли, что это не былъ обыкновенный шарлатанъ, какимъ бы можно его себѣ представлять на основаніи забавныхъ анекдотовъ, разказанныхъ про него въ исторіи Никиты. Въ богословскомъ своемъ сочиненіи тотъ же авторъ сообщаетъ отрывки изъ его метафизической системы и указываетъ выдающееся его значеніе въ очень важномъ въ богословскомъ и философскомъ отношеніи вопросѣ—о таинствѣ евхаристіи. Изъ этого можно заключить, что Сикидита былъ писатель, создавшій оригинальную систему и пользовавшійся значеніемъ. Подъ перомъ историка, стоявшаго на сторонѣ господствующаго церковнаго ученія, имя Сикидита-еретика получило крайне темную окраску. Едва ли не больше еще потерпѣлъ подъ перомъ Н. Акомината Свѣтъ Склиръ. Будущей исторіи умственного движенія въ Византіи предстоитъ задача—смыть пятно позора можетъ быть со многихъ именъ. Намъ удалось напасть въ Константинополь, въ бібліотекѣ Святоградскаго подворья, на рукопись, помѣченную именемъ Симеона магистра Свѣта ³⁾ и трактующую предметъ, которымъ занимались Сикидита и Свѣтъ. Это обширная система мірозданія, о которой можно имѣть нѣкоторое пред-

¹⁾ Далѣе согласно съ изданнымъ текстомъ у Н. Акомината, р. 682. 12 ἤ-
τῆσως γὰρ οὕτως.

²⁾ *Nicetas*, р. 192. 16.

³⁾ Cod. 106. fol. 121. Σιμεὼν μαγίστρου τοῦ Σηθ, σύνοψις τῶν φυσικῶν μεταφυσικῶν
ὀπ' ἐμοῦ εἰς κοινὴν γλώτταν τοῦ ἐν ἐλαχίστοις σπουδαίου Μάρκου τοῦ Πορφυροπούλου
τοῦ ἐκ Κύπρου καὶ νοταρίου τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας διὰ παρακλήσεως
τινὸς τῶν ἐμῶν συνήθων.

ставленіе по прилагаемому перечню глав: πῶς ἡ γῆ εἶναι σφαιροειδής; — πῶς εἶναι ἡ γῆ κορτή; — μερισμὸς κλιμάτων; περὶ ὕδατος; περὶ ἀέρος; κατὰ πορὸς καὶ νεφῶν καὶ ὑετῶν καὶ ἀστραπῶν καὶ βροντῶν; — περὶ τῶν ἀνθρωπίνων σωματῶν; — ἀν ἰσως ὁ κόσμος ἔχη ψυχὴν καὶ κυβερνᾶται ἀπὸ προνοίας; — ἀν ἰσως καὶ εἶναι ἀφθαρτος ὁ κόσμος; — περὶ τῶν οὐρανίων νοουμένων κύκλων; — περὶ σχήματος ἀστέρων; — περὶ τῆς κινήσεως τῶν ἀστέρων, и далѣ свѣдѣнія по астрономіи; затѣмъ περὶ αἵθους; — περὶ φύσεως; — περὶ ψυχῆς; — περὶ ὀράσεως; ἀκοῆς; — περὶ τῶν αἰσθησῶν τῆς ψυχῆς; — περὶ χρείας τῶν οὐρανίων σωματῶν; — διατί κινεῖται ὁ οὐρανός;. Въ литературной исторіи нима Снеа извѣстно тѣмъ, что онъ былъ посредникомъ въ передачѣ съ арабскаго на греческій многихъ восточныхъ повѣстей и сказаній ¹⁾.

Затѣмъ въ доступныхъ намъ Синодикахъ греческой редакціи оказывается длинный перерывъ, продолжающійся до XIV вѣкѣ. Это никакъ не можетъ служить указаніемъ на то, что Синодикъ не пополнялся новыми статьями въ концѣ XII и въ XIII вѣкѣ, это можетъ объясняться и тѣмъ, что въ нашемъ распоряженіи было недостаточно списковъ Синодика. Можно также думать, что церковная власть неоднократно пересматривала Синодикъ, исключая или измѣняя статьи имѣвшія характеръ временной мѣры. Весьма любопытно, напримѣръ, что намъ не попалось ни одного греческаго Синодика, въ которомъ бы даво было мѣсто статьямъ политическаго характера, разумѣемъ отлученія бунтовщикамъ, заговорщикамъ, врагамъ той или другой царской династіи; это тѣмъ любопытнѣе, что въ переводныхъ русскихъ редакціяхъ политическому элементу удѣляется весьма значительное мѣсто. Нельзя сомнѣваться, что русская церковь, предавая анаемѣ на ряду съ еретиками бунтовщиковъ и самозванцевъ, вообще противниковъ существующаго государственнаго порядка, имѣла для себя основаніе въ практикѣ византійской церкви. Что въ Византіи подвергались церковному отлученію политическіе преступники, это подвергается неоднократными свидѣтельствами. Въ началѣ XI вѣка при царѣ Константінѣ VIII и патріархѣ Алексѣѣ (въ 1026 г.) было составлено соборное опредѣленіе, подвергающее анаемѣ тѣхъ, кто замышляетъ возстаніе или тираннію противъ царей и подстрекаетъ подданныхъ противъ своихъ господъ ²⁾. Извѣстно, что подобныя же со-

¹⁾ Schoell-Pinder, Geschichte der Griechischen Literatur III (Berlin 1830) S 431—435, 482.

²⁾ Это соборное опредѣленіе приведено у Zachariae, III, p. 320. Novella XXXI de seditionis (s. 1026).

борныя постановленія составляемы были и позднѣе. Такъ, царь Мануилъ, желая обезпечить за своимъ сыномъ, малолѣтнимъ Алексѣемъ II, престолонаслѣдіе, составилъ соборное опредѣленіе противъ тѣхъ, кто будетъ пытаться посредствомъ заговора или возстанія свергнуть его сына. Подобное же соборное опредѣленіе состоялось при Михаилѣ Палеологѣ въ защиту правъ сына его Адроника ¹⁾. Хотя этихъ опредѣленій не находимъ въ Синодикѣ, но, по всей вѣроятности, они внеслись въ него и потомъ устранялись по минованіи надобности.

---

¹⁾ *Парижская національная библиотека, Bibl. Regia, cod. 1361, fol. 127 verso.*

Философское и богословское движение въ XIV вѣкѣ.

(Варлаамъ, Палама и приверженцы ихъ).

Заключительный отдѣлъ синодика.—Общій взглядъ на полемику между Г. Паламой и Варлаамомъ. 1) *Философское направленіе Варлаама*: діалогъ „Флорентій“.—Хронологическія данныя.—Значеніе діалога.—Изученіе астрономіи.—Византійская и западно-европейская философія.—Подрывъ авторитета Аристотеля.—Состояніе изученія философскаго движенія въ средніе вѣка.—Характеристики направленія и ученія Варлаама: Нила, Филофея, Кавтакузена, Христудула и др.—Связь философскихъ ученій съ догматикой.—Мнимый ученіи Варлаама Акиндина.—Трактатъ о „существованіи и энергіи“.—Общая заключенія о направленіи Варлаама.—2) *Миссія Варлаама на Западъ и переговоры объ униі*.—Политическіе взгляды Варлаама, на основаніи его рѣчей и записокъ, представленныхъ папѣ.—Увія съ точки зрѣнія римской куріи: документъ 1452 года.—Сношенія Варлаама съ учеными итальянцами Перуджино и Петраркой.—Роль Варлаама въ возбужденіи интереса къ византійскимъ запискамъ: Л. Пизать и Боккаччо.—3) *Философскія проблемы въ приложеніи къ догматикѣ*.—Недостаточность и односторонность извѣстій о началѣ богословской полемики: свидѣтельства Н. Григоря.—Хронологическія данныя въ которой полемикѣ.—Письма Паламы.—Аеонскіе психасты, мессалиае.—Перелиска Акиндина, бросающая новый свѣтъ на отношенія между парлікми.—Изложенія дѣній собора 1341 года.—Положеніе партій послѣ собора.—Значеніе политическихъ интересовъ въ полемикѣ.—Соборы 1347, 1351 и 1368 гг.

Разсмотрѣнный доселѣ отдѣлъ синодика имѣетъ то существенное отличіе, что находимые въ немъ имена и слѣды философскихъ системъ и еретическихъ ученій даютъ путеводную нить, по которой можно добраться до научныхъ идей и понятій, какими жило образованное византійское общество. Послѣ XII вѣка въ изучаемомъ нами памятникѣ является длинный перерывъ вплоть до тридцатыхъ годовъ XIV столѣтія. Нельзя, конечно, думать, что все это время оста-

лось безплоднымъ въ византійскомъ мышленіи, что не было болѣе смѣны идей и живой борьбы изъ-за философскихъ и богословскихъ понятій. Почему, однако, послѣдующее движеніе не нашло себѣ выраженія въ синодикѣ, это осталось не совсѣмъ яснымъ. Нужно пока остановиться на предположеніи, что въ XIII вѣкѣ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, правительство приостановило продолжавшуюся доселѣ систему отлученія отъ церкви иномыслящихъ и не увеличивало синодика новыми статьями. Горячая богословская полемика, возгорѣвшаяся между Паламой и Варлаамомъ и державшая въ напряженіи умы въ теченіе тридцати лѣтъ, выразилась въ переводномъ московскомъ синодикѣ въ очень слабой формѣ, которая далеко не можетъ дать идеи о томъ, что эта статья есть результатъ упорной борьбы, разбившейся на нѣсколькихъ соборахъ. Московскій синодикъ а) въ общихъ выраженіяхъ даетъ формулу отлученія Варлааму и Акиндину и приверженцамъ ихъ; б) тоже въ общихъ выраженіяхъ провозглашаетъ вѣчную память Паламѣ, солунскому митрополиту; в) резюмируетъ церковное ученіе о свѣтѣ Господня Преображенія. По этимъ весьма краткимъ намекамъ, которые нельзя даже назвать канвой, не возможно прійти къ уразумѣнію принциповъ, изъ которыхъ исходили противоположныя мнѣнія. Возникаетъ такимъ образомъ по отношенію къ этой части синодика вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится она къ соборнымъ дѣяніямъ. Статья о свѣтѣ Господня Преображенія въ Московскомъ синодикѣ излагается въ такой формѣ: „Славящимъ свѣтъ Господня Преображенія несозданнымъ *преждевременныхъ ради*“... Подчеркнутыя слова даютъ понять, что въ Московскомъ синодикѣ мы имѣемъ значительный пропускъ въ этомъ мѣстѣ, ибо статья ссылается на сказанное уже, то-есть, предполагаетъ выводъ изъ цѣлаго ряда положеній, которыхъ, однако, выше не приведено. Очевидно, въ греческомъ списокѣ, съ котораго сдѣланъ переводъ, въ данномъ мѣстѣ не хватало нѣсколькихъ листовъ. Что это дѣйствительно такъ, доказывается другими русскими переводами, и именно Синодальнымъ спискомъ № 93 Патриаршей бібліотеки. На л. 551 здѣсь находимъ особое заглавіе: „На Варлаама и Акиндина главизны“, изъ чего явствуетъ, что существовали такіе греческіе синодики, въ которыхъ занимающему насъ вопросу отведено было самостоятельное и значительное мѣсто. Всего въ синодальномъ списокѣ приведено 16 статей противъ Варлаама, и въ этихъ статьяхъ изложены главные пункты его ученія.

Но если обратиться къ разсмотрѣнію этихъ главъ, то прежде всего не можетъ не поражать способъ изложенія противоцерковнаго ученія. Въ той формѣ, какъ изложены эти главы въ русскомъ переводномъ спискѣ, онѣ едва ли могутъ быть матеріаломъ для научныхъ выводовъ. Переводъ обличаетъ слишкомъ рабскую зависимость отъ греческаго оригинала и выдаетъ весьма неискусный подборъ русскихъ словъ для отвлеченныхъ философскихъ терминовъ. Беремъ для пригѣра первую главу, хотя она ничѣмъ не хуже остальныхъ. „Оъ нами мудрствующимъ и глаголющимъ просіявшему свѣту отъ Господа на божественномъ его преображеніи овогда убо быти мечтанію и твари и призраку вмалѣ явльшуся и разрушьшуся вскорѣ, овогда же самому существу Божію яко въ самая противнѣйшая умовредно и немощная всяко себе вметающимъ, и се убо неистовствующимъ аріевымъ неистовствомъ на созданная и несозданная едино божество и единого Бога пресѣкающаго, се же массалианскимъ злочестіемъ согласующимся божественное существо видимое быти глаголющимъ, не исповѣдующимъ же по святымъ богодухновеннымъ богословіемъ и церковному благочестивому мудрованію, ниже созданію быти божественнѣйшему оному свѣту, ниже существу божію, по несозданнѣй естественнѣй благодати и просіанію и дѣйству отъ тогожде божественнаго существа неразлучно присносущну, анаеема трижды“. Вслѣдствіе довольно значительныхъ неясностей въ русскомъ переводномъ текстѣ, необходимо прежде всего отыскать оригиналъ, бывшій подъ руками переводчика, чтобы при его посредствѣ возстановить смыслъ неясныхъ выраженій. Хотя на помощь здѣсь съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ текстъ печатнаго синодика греческой редакціи, заключающій всѣ главы противъ Варлаама и Акиндина, но этимъ не вполне разрѣшаются недоразумѣнія, какъ скоро подлежитъ изслѣдованію и происхожденіе самаго греческаго текста. Имѣя въ виду, что противъ Варлаама и Акиндина составляемо было нѣсколько соборовъ въ теченіе 30-лѣтней борьбы церковныхъ партій, что рѣзкія противоположности въ воззрѣніяхъ вождей Паламы и Варлаама обнаружались не сразу, а съ постепеннымъ разгаромъ полемики, является далеко немаловажнымъ вопросъ о томъ, когда появилась окончательная редакція анаеematствованія противъ Варлаама, сохранившаяся въ старопечатныхъ тріодахъ и въ древнихъ русскихъ переводахъ. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ при изученіи литературныхъ данныхъ, относящихся къ полемикѣ, разборомъ которой мы будемъ заниматься ниже. Нужно сказать, что при изученіи борьбы

между Паламой и Варлаамомъ мы неожиданно попали на цѣлый рядъ такихъ любопытныхъ съ точки зрѣнія культуры фактовъ, которые побудили насъ значительно расширить первоначально намѣченныя рамки изслѣдованія и предпослать комментарий къ статьямъ синодика, осуждающимъ ученіе Варлаама, историко-литературный очеркъ, посвященный общей характеристикѣ Варлаама, какъ философа и политическаго дѣятеля. Побудившія къ тому обстоятельства заглаживаются въ слѣдующемъ.

Оказалось, что ожесточенная лутературная борьба, завязавшаяся между Варлаамомъ и Паламой, не можетъ быть понята исключительно съ точки зрѣнія разностей въ богословскомъ направленіи, а обуславливается другими мотивами, которые привели въ движеніе и питали самую богословскую полемику. Послѣ того, какъ литературный споръ между Паламой и Варлаамомъ переведенъ былъ къ выясненію формулъ вѣроученія, наблюдается періодъ колебанія въ церкви, чьему ученію отдать предпочтеніе. Отъ 1341 по 1347 годъ вопросъ о православіи Паламы подвергался еще большому сомнѣнію, и никто не могъ рѣшительно утверждать, что его толкованіе этихъ формулъ возьметъ перевѣсъ надъ ученіемъ Варлаама. Партія Паламы получила преобладаніе тогда, когда Іоаннъ Кантакузинъ нашелъ полезнымъ воспользоваться ея влияніемъ и значеніемъ для утвержденія своей власти. Слѣдовательно, въ исторіи борьбы принималъ участіе политическій элементъ. Далѣе, нельзя оставлять безъ вниманія другихъ обстоятельствъ, относящихся къ области философскихъ воззрѣній и культурнаго направленія обоихъ соперниковъ; разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ можетъ пролить свѣтъ на начало и объяснить напряженіе борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, задолго еще до первыхъ полемическихъ статей, которыя собственно и обратили на себя вниманіе церковной власти, Варлаамъ пользовался извѣстностью, какъ учитель философіи. Его воззрѣнія, въ особенности же популярность, которою онъ пользовался, создали ему первыя непріятности, ибо туземное свѣтило, Н. Григора, чувствовалъ себя крайне оскорбленнымъ извѣстностью Варлаама и старался вредить ему. Еще важнѣе въ этомъ отношеніи то, что Варлаамъ является представителемъ западнаго направленія и сторонникомъ той партіи, которая искала сближенія съ папой. Принявъ на себя дипломатическую миссію въ Авіньонъ, Варлаамъ далъ противъ себя сильное оружіе византійской національной партіи, которая и воспользовалась этимъ, чтобы обвинить его въ латинствѣ. Именно эта послѣдняя сто-

рона его дѣятельности по преимуществу нашла себѣ освѣщеніе въ извѣстныхъ историко-литературныхъ памятникахъ византійскаго происхожденія; первые же два элемента, оставшіеся въ тѣни, могутъ быть съ достаточною полнотою одѣнены или на основаніи мало извѣстныхъ, или же еще не напечатанныхъ матеріаловъ. Прежде всего предлагаемъ характеристику философскаго направленія Варлаама, изъ которой должно выясниться взаимное отношеніе принявшихъ участіе въ борьбѣ лицъ.

1. Философское направленіе Варлаама.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для ознакомленія съ философскимъ направленіемъ Варлаама служитъ сочиненіе его ученаго соперника Никифора Григоры, подъ названіемъ „Флорентій“, или о мудрости. Принадлежитъ извѣстному византійскому писателю, хотя завѣдомо и враждебному Варлааму, составленное при томъ съ цѣлью предать имя Варлаама публичному осмѣянію, какъ неуча и выскочки, который надмевается своимъ якобы энциклопедическимъ образованіемъ и не знаетъ между тѣмъ самыхъ простыхъ началъ науки, это сочиненіе въ высшей степени интересно тѣмъ, что касается общихъ литературныхъ и культурныхъ вопросовъ того времени. „Тѣмъ, кто желалъ бы знать,—говоритъ Григора ¹⁾,—какъ ничтожество этого чловѣка обличено было и осмѣяно, я могу рекомендовать діалогъ свой Флорентій“. Литературная особенность этого произведенія состоитъ въ томъ, что оно написано въ сатирическомъ тонѣ, и что собственные имена въ немъ вымышлены. Въмѣсто Константинополя приводятся Аэяны, на мѣсто современныхъ византійскихъ императоровъ Ираклиды и Кекропиды, самъ авторъ Григоры является подъ именемъ Никагора, другъ его Θ. Метохитъ подъ именемъ Митродора; Варлаамъ выводится подъ именемъ Ксенофана. Имѣлъ ли мѣсто этотъ любопытный публичный диспутъ, объ этомъ трудно сказать; повидимому, онъ воспроизводитъ отношенія между лицами 1330 или 1331 года.

Діалогъ ведется между двумя лицами Флорентіемъ и Критовулломъ и состоитъ въ слѣдующемъ:

---

¹⁾ *Nicephori Gregorae, Historia* I, p. 556; II, p. 901. Единственное изданіе діалога находится въ *Archiv für Philologie und Pädagogik* herausgegeben v. *Jahn und Klotz*, 10 Band, 1-er Heft, Leipzig, 1844 [Neue Jahrbücher, X Supplementband, erstes Heft]. Отрывки изъ діалога, не передающіе, впрочемъ, существеннаго, можно находить въ біографіи Григоры, въ Боннскомъ изданіи его исторіи, и у *Parisot, Cantacuzène, homme d'état et historien*. Paris, 1815, p. 328.

Флорентій. Жилъ въ Елладѣ нѣкто Ксенофанъ, сынъ Орасимаха, выставившій себя великимъ знатокомъ мудрости. Сначала онъ посѣтилъ большой городъ Этолін Калидонъ, потомъ переселился въ другой, не менѣе извѣстный по изученію наукъ. *Критовуль.* Откуда же происходилъ этотъ человѣкъ и какого онъ рода? **Флорентій.** Знаешь Тарентинскій заливъ и городъ въ сѣверной его части, колонію лакедемонцевъ? Мудрый Ксенофанъ происходилъ изъ Калабріи, по языку и по природѣ онъ латинянинъ и италіанецъ, но съ нѣкоторыми затрудненіями объясняется на еллинскомъ и на нашемъ туземномъ языкѣ ¹⁾. Свое философское образованіе онъ получалъ не въ Калабріи, а въ Италиі; при томъ же его философія ограничивалась званіемъ только Аристотеля, и то не всего, а лишь его физики и силлогизмовъ, каковыя сочиненія въ особенности изучаются тамошними латинянами и италіанцами. Но и названныя сочиненія извѣстны тамъ не на аристотелевскомъ языкѣ, а въ старомъ сокращенномъ переводѣ на латинскій ²⁾. По природѣ любя прекрасное и возмѣвъ желаніе научиться еллинскому языку, онъ перемѣнилъ языкъ и одежду, видъ и обычаи, ибо пересталъ брить бороду, снялъ латинскую одежду и одѣлся въ черную мавтію. Изъ Калидона онъ переселился въ тессалійскій городъ ³⁾, въ которомъ науки цѣнились больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь, пробывъ продолжительное время, значительно усовершенствовался въ знаніи еллинскаго языка, что сдѣлало его крайне высокоумнымъ, такъ что себя онъ почиталъ обладателемъ всей мудрости, а къ другимъ относился слишкомъ презрительно. Когда же до него дошелъ слухъ, что митрополія всякой мудрости Аѣины ⁴⁾ ослабѣла философствующими людьми вслѣдствіе изгнанія Митродора и Никагора ⁵⁾, онъ рѣшился воспользоваться этимъ благоприятнымъ обстоятельствомъ и переселился въ Аѣины, гдѣ никто не могъ ему быть соперникомъ и гдѣ онъ на-

¹⁾ Διαλέχτω γὰρ μὴν κέρχεται φύσει μὲν τῆ λατίνων καὶ ἰταλῶν, βεβιασμένως δὲ καὶ τῆ δι' Ἑλλάδι ταύτῃ καὶ ἔγχωριῶν ἡμῶν.

²⁾ τὴν δὲ σοφίαν... ἀρῦσασθαι... μόνην τὴν Ἀριστοτέλους δοσὴν περὶ τὰ φυσικὰ γίνεται καὶ δοσὴν περὶ συλλογισμοὺς, ἐπειδὴ καὶ αὐτὴ γὰρ ἐς τὰ μάλιστα τοῖς ἐκεῖ λατίνος τε καὶ ἰταλῶνται ἀπουδίζεται, οὐ κατὰ τὴν Ἀριστοτέλους μέντοι φωνὴν, ἀλλ' ὡς ἔχει πάλαι μετανευχθεῖσα εἰς τὴν ἐκείνου συνεσταλαγμένην γλῶσσαν.

³⁾ Подразумѣвается Тессалоника.

⁴⁾ Имѣется въ виду Константинополь.

⁵⁾ Μητρόπωρος μὲν ἐκεῖνος ὁ περιττός τὴν σοφίαν, ἔπειδὴ τὰ τῆς ἡγεμονίας εἰς Πρακλείδας μετακεκέρχεται, δεδῆμευται μὲν τὴν οὐσίαν πάνου τοι πλείστην οὐσαν αὐτός δ' ἐπὶ δύοιν ἐφοστραχίζεται τοῖν ἐνισυτοῖν.

дѣялся снискать общій почетъ. Прежде всего онъ сталъ посѣщать здѣсь площади и собранія и вызывался показывать опыты высшей какой-то мудрости и предлагалъ всякаю научить подобному же знанію за небольшую плату. Но его планамъ вполне не удалось осуществиться, такъ какъ Митродоръ и Никагоръ скоро были возвращены изъ ссылки. Ксенофанъ, то-есть, Варлаамъ, всецѣнно сталъ порицать ихъ и унижать, стараясь поколебать авторитетъ ихъ: пусть, хвалился онъ, эти блуждающія свѣтила и минимы извѣстности покажутъ, что они усвоили изъ Аристотеля, какъ умѣютъ пользоваться его аналитическимъ и раздѣлительнымъ методомъ изслѣдованія и его аподиктическими и діалектическими силлогизмами ¹⁾),— вотъ что я надѣюсь блистательно доказать здѣсь воиньянамъ, какъ нѣчто новое и для нихъ неожиданное. Необыкновенной памятью обладалъ онъ, прочитанное могъ изложить изустно, какъ по книгѣ, въ особенности хорошо изучилъ комментаторовъ Аристотеля. Только произношеніе изобличало въ немъ латывина ²⁾). Затѣмъ слѣдуетъ довольно извѣстное мѣсто, представляющее въ каррикатурномъ видѣ способъ преподаванія Варлаама. Здѣсь авторъ воспользовался матеріаломъ, а часто и оборотами Платона, въ особенности изъ діалога Софистъ. Для перевода это мѣсто представляетъ весьма значительныя трудности. Съ важнымъ видомъ говоритъ Никагоръ о своемъ соперникѣ, онъ возвѣщаетъ: та торговая лавочка знаніями, въ которой накладываются товары по разнымъ другимъ искусствамъ, можетъ нѣтъ какую угодно вывѣску, но на той, гдѣ собранъ товаръ добродѣтели, украшающей душу, я дѣлаю надпись: торговля искусствами ³⁾). П.

¹⁾ και ποῦ γῆς εἰσὶν, ἔλεγεν, οἱ πλανῆτες οὗτοι καὶ ψευδῶς οὕτως αἰὼς ὀνομαζομένοι παριόντες δεικνύουσιν τί παρὰ Ἀριστοτέλους ὄναντο καὶ τί περὶ διαλεκτικῆς καὶ ἀναλυτικῆς ἴσασ: τέχνης καὶ τί περὶ συλλογισμῶν ἀποδεικτικῶν τε καὶ διαλεκτικῶν, ὡς περ ἐγὼ νῦν ἐνταυτοῖς περιφανῶς ἐπιδείξασθαι βούλομαι τι νεώτερον καὶ οὐ μᾶλλον Ἀθηναίοις προσδύκιμον.

²⁾ μνήμων δ' ἦν ὁ ἀνὴρ καὶ ὅσα ἦν προαγεγνωκῶς πάντα ἀποτάδην ἐκ στόματος διεξῆει καθάπερ ἀπο βιβλίου, καὶ μάλιστα πάντων τοὺς τῶν ἀριστοτελικῶν ἐρμηνείας. ὑποβαρβαρίζων δὲ τῇ τῶν λέξεων προόδῳ κατάδηλος ἦν ὅτι λατίνος εἶη.

³⁾ Игра словами ἢ μαθηματοπωλικῆ ἢ τεχνοπωλικῆ почти буквально заимствована изъ Платоновскаго діалога Софистъ (ed. Astius, II, p. 228).

Григора:

τῆς μαθηματοπωλικῆς, φησί, τὸ μὲν περὶ ὅσα τῶν ἄλλων τεχνῶν ἐστὶ μαθήματα, λεγέτω τις ὅτι βούλοιο ὄνομα: το δὲ περὶ ἀρετῆν ἢ τὴν ψυχὴν κοσμεῖ τεχνολογικόν ἐγὼ λέγω.

Платонъ:

ταύτης τοίνυν τῆς μαθηματοπωλικῆς τὸ μὲν περὶ τὰ τῶν ἄλλων τεχνῶν μαθήματα ἑτέρω, το δὲ περὶ τῆς ἀρετῆς ἄλλω προσρητέον. Τεχνοπωλικὸν μὲν τὸ γὰρ περὶ τ' ἄλλ' ἂν ἀρμόττοι...

чтобы до конца исчерпать раздѣлительный методъ, тотъ отдѣлъ составительнаго искусства, въ которомъ, борьба ведется въ рукопашную, долженъ быть названъ физическимъ насиліемъ, а гдѣ состязаніе идетъ на словахъ—искусствомъ въ спорѣ. Такимъ образомъ, постепенно прилагая раздѣлительный методъ, скоро дойдешь съ помощью его до атомовъ. Что же касается лавочки съ тѣми товарами, на которой мы сдѣлали вывѣску: торговля искусствами, то этотъ отдѣлъ оставленъ безъ дѣленія и анализа; все, что въ немъ находится, можно всякому приобрести за нѣсколько драхмъ, стоитъ только записаться ко мнѣ въ слушатели. Такъ они могутъ узнать о справедливости и мужествѣ, этихъ двухъ видахъ душевной добродѣтели, которая изъ нихъ выше: мужество, это—искусство вести войну и грабить ближняго, а та другая прилагается къ противоположному. Когда же нѣкто возразилъ, что какъ-то странно слышать, что послѣ того, какъ онъ въ своей системѣ діаретики настаиваетъ, что мужество есть видъ душевной добродѣтели, теперь, забывъ это, доказываетъ противоположную мысль, что мужество есть тѣлесный недостатокъ,—Ксенофанъ ничего на это не нашелся сказать, кромѣ того, что спорить о словахъ онъ предоставляетъ грамматикамъ и риторамъ, а не тѣмъ, кто хочетъ изучать аристотелевскую философію. Съ этими словами онъ ушелъ изъ аудиторіи, уведя съ собой нѣкоторыхъ слушателей.

Но слава Никагора долго мѣшала Ксенофану и охлаждала его учениковъ; наконецъ, они рѣшились положить конецъ этой славѣ. Воспользовавшись нерасположеніемъ къ Никагору царя и вельможъ и зная его тяжелое горе по случаю смерти Митродора, Ксенофанъ вызываетъ его на публичный диспутъ, отъ котораго тотъ долго отказывался и на который согласился по усиленной просьбѣ друзей и по требованію димагога Димарата ¹⁾. *Ксенофанъ* хвастается, что онъ можетъ показать опыты всякой мудрости и готовъ отвѣчать на какой угодно вопросъ. *Никагоръ*, понимая чрезмѣрность притязаній противника, задумалъ нанести ему ударъ прежде всего по астрономіи. Указавъ на гороскопъ, предложилъ ему астрономически опредѣлить часть дня, затѣмъ найдти положеніе солнца и другихъ планетъ на зодіакѣ. Такой простой вопросъ Никагоръ предложилъ не безъ умысла, ибо онъ хотѣлъ сдѣлать понятнымъ для большинства грубое невѣжество Ксенофана. И дѣйствительно, этотъ вопросъ, который должны

¹⁾ Разумѣется I. Кантакузанъ.

рѣшать начинающіе школьники, оказался выше пониманія Ксенофана. Сначала онъ стоялъ безгласенъ и въ недоумѣніи вращалъ глаза сверху внизъ, потомъ проронилъ слово, свидѣтельствующее лишь объ его невѣжествѣ. „Зачѣмъ, сказалъ, предлагать вопросы недоступныя пониманію людей? Ибо кто можетъ взойти на небо, чтобы наблюдать теченіе звѣздъ и разстоянія между ними? А если это невозможно, то мы не въ состояніи знать, ни гдѣ утро, ни гдѣ солнце спускается подъ землю, ни гдѣ оно поднимается“. Этотъ отвѣтъ поразилъ все собраніе и вызвалъ единодушный хохотъ.

Никагоръ приглашаетъ собраніе къ порядку и, между прочимъ, говоритъ: нѣтъ ничего удивительнаго и смѣшнаго, что мудрый сѣ Ксенофанъ, сынъ Эрасимаха, рожденный и воспитанный между латинянами, у которыхъ не имѣетъ гражданства ни астрономія, ни многіе другіе виды наукъ, процвѣтающіе у еллиновъ, остался и самъ неучастенъ къ этимъ наукамъ; можетъ быть, онъ за то окажется сильнѣе въ другомъ ¹⁾. Когда Ксенофанъ замѣтилъ, что за исключеніемъ астрономіи онъ дѣйствительно все другое знаетъ очень хорошо, Никагоръ продолжалъ: такъ какъ ты и прежде хвалился, что знаешь всѣ науки, а между тѣмъ оказался несвѣдущимъ ни въ астрономіи, ни въ основныхъ элементахъ математики, то я боюсь, чтобы ты не осрамился и въ той области знаній, по которой считаешь себя теперь знатокомъ ²⁾. Итакъ, я спрошу тебя сначала по грамматикѣ: гдѣ и какъ ты ее изучалъ. Ксенофанъ съ раздраженіемъ отвѣтилъ: не предлагай мнѣ такихъ ничтожныхъ и пустыхъ вопросовъ, — философствующій мужъ не имѣетъ въ грамматикѣ никакой нужды ³⁾. Никагоръ доказываетъ важность грамматики и потомъ спрашиваетъ: а что ты скажешь о риторикѣ? Ксенофанъ надменно отвѣчаетъ: плохой бы я былъ ученый, еслибы, оставивъ философію, сталъ заниматься такими ничтожными предметами! Никагоръ утверждаетъ, что риторика имѣетъ большое значеніе, она важна въ особенности въ

¹⁾ τί τοίνυν καινόν ἢ γέλωςτος ἄξιον εἰ καὶ ὁ σοφὸς οὗτος Κσενόφανης ὁ Ἐρασσιμάχου ἐν Λατίνοις καὶ φύς καὶ τραφεῖς, παρ' οἷς οὐτ' ἀστρονομία οὐθ' ὅσα πλείεστε παρ' Ἑλλήσιν ἠγύθησεν εἶδη σοφίας οὐδὲν ἐκεῖ πολιτεύεται, τῶν τοιοῦτων ἄμειρος ἔρασκε καὶ αὐτός, φανήσεται γὰρ ἐν ἄλλοις εἶδεσι δοκιμὸς ἴσως εἶναι. Какъ предложенный Никагоромъ вопросъ по астрономіи, такъ и зная пропія Григоры имѣетъ объясненіе въ историко-литературныхъ отношеніяхъ того времени, о чемъ скажемъ ниже.

²⁾ ἐξηλέγχθης μὲτ' ἀστρονομίαν μὲθ' ὅσα τῆς μαθηματικῆς ἐστὶν ἐπιστήμης κίεσσησαι το παραπαν εἶδέναι, ὅδεια μὴ καὶ ἅ νῦν φύς εἶδέναι καὶ τούτων ἰδιώτης ἦς...

³⁾ μὴ μοι πρόφερε τέχνην ἀνδραποδοθῆ καὶ δουλήν, μία μὲν γάρ οὐδεμία φιλοσόφοις ἀνδράσιν αὐτῆς εἶη ἂν χρεια.

практической жизни: въ думѣ, въ судѣ, при составленіи похвальныхъ рѣчей и т. п. Тогда Ксенофанъ, видѣ себя отъ раздраженія, сбросилъ съ себя камиланку и побѣжалъ вонъ изъ собранія, но его оставили и просили остаться нѣкоторые вельможи.

Изъ дальнѣйшаго хода бесѣды до нѣкоторой степени выясняется взаимное положеніе соперниковъ, какъ представителей двухъ противоположныхъ направленій. Ксенофанъ претендуетъ, что составленіе велось не правильно, что онъ ограничиваетъ предметъ спора исключительно Аристотелемъ, который не придавалъ значенія ни грамматикѣ, ни риторикѣ ¹⁾, а сосредоточивалъ главное вниманіе на физикѣ, полагая въ ней одной истинный и неизмѣнный объектъ философіи ²⁾; на этой области и нужно было сосредоточить составленіе. На замѣчаніе Никагора, что у Аристотеля много сочиненій и что всѣ они имѣютъ одинаковое право на вниманіе, Ксенофанъ отвѣчалъ: я не помню и не слыхалъ объ аристотелевскихъ сочиненіяхъ по грамматикѣ, лингвистикѣ и риторикѣ ³⁾, но я въ состояніи научнымъ методомъ при помощи диалектическихъ и аподиктическихъ силлогизмовъ доказать и логически обосновать всѣ положенія аристотелевской физики ⁴⁾. Никагоръ же отвѣчалъ ему, что силлогизмы сами по себѣ не составляютъ знанія, а служатъ только вспомогательнымъ средствомъ и прикрасой для выраженія не возвышенныхъ мыслей, будучи лишь органами служебными ⁵⁾; но что италянцы ⁶⁾, слегка коснувшись только преддверія науки и не будучи въ состояніи понять, какъ пользоваться и сколько давать значенія этому пропедевтическому искус-

1) ἦν γοῦν ἐθέλης ἐν τῇ παροντι γινῶναι τὸν ἔρον περὶ πᾶσαν τὴν Ἀριστοτέλους σοφίαν εὐστραφὸν τῆς τε διανοίας καὶ γλώττης, πάντα χεῖρειν εἰπὼν ὅσα τε μετ' αὐτὴν καὶ ὅσα προ ταύτης πεφύκασι μαθηήματα, ἐνταῦθα μοι τὰς ἐρωτήσεις πρόβαλλε. Ἀριστοτέλης γὰρ οὐτε γραμματικῆς οὐτε ῥητορικῆς; τὸ παράπαν ἀψαθῆαι κέκρικε δεῖν ἀνδραποδωθεῖ γὰρ ταῦτα καὶ ψευδοῦργα.

2) μόνην δὲ τὴν τῆς φύσεως θεωρίαν ἐσκέλετο καὶ ταύτη μόνην το πᾶν τῆς σχολῆς ἐδεδώκει ἅτε ἀληθὲς καὶ βέβαιον ἐχούση τὸ ὑποκείμενον.

3) γραμματικῆς γὰρ περὶ καὶ ποιητικῆς βιβλία καὶ ἐτι ῥητορικῆς οὐ μέμνημαι οὐτ' ἰδῶν οὐτ' Ἀριστοτέλους οὐτ' ἀκηκώς.

4) ἔχω δ' ἄλλως ἔγωγ' ἐπὶ σου ποιήσασθαι τὴν ἐπίδειξιν ἐπιστημονικῶς διὰ συλλογισμῶν διαλεκτικῶν τε καὶ ἀποδεικτικῶν συμπεραίνων ἕκαστα τῶν φυσικῶς ἐν τοῖς πράγμασιν ὑπ' Ἀριστοτέλους ἀποφανθέντων.

5) χαμηροῦς διανοίας ἐπίκτητα ἐπεφύκει καὶ νόθα ἐγκαλλωπίσματα. ὄργανα γὰρ τινα ταῦτα πεφύκασιν ἄλλου χάριν οἰκονομούμενα.

6) οἱ δ' ἰταλοὶ καὶ ὅσοι κατ' ἐκείνους τῶν τῆς παιδείας προθύρων ἀκρῶ δακτύλῳ γευόμενοι καὶ μηδ' ὅλως ἐπὶ νοῦν ἀναβιβασίμενοι ὅσοο χάριν τι τῆς τέχνης προπαιδεύεσθαι χρῆ, τοῦτοις μόνοις ἐνέμεναν οἰηθέντες ἐνταῦθεν ἔχειν το πᾶν.

ству, все свое вниманіе устремили на силлогизмы, думая при помощи ихъ усвоить все.

Ксенофанъ обращаетъ вниманіе своего противника на строгую послѣдовательность Аристотеля и предлагаетъ ему указать хотя бы одно мѣсто, которое бы или находилось въ противорѣчій съ другими, или явно опровергалось элементами физики ¹⁾). Никагоръ какъ будто ожидалъ этого вызова и дѣлаетъ рѣзкое нападеніе на Аристотеля. Въ первой книгѣ Аподиктики, говоритъ онъ, Аристотель утверждаетъ, что діалектическій силлогизмъ не есть наука, такъ какъ послышки его сомнительны и не однородны. Ибо какъ назвать наукой то, что съ одинаковымъ правомъ можетъ быть прилагаемо для доказательства истинн и лжи ²⁾). Такимъ образомъ, еслибы тебѣ потребовалось научно доказать какую либо мысль, то тебѣ не помогъ бы таковой силлогизмъ. Что касается аподиктического силлогизма, то и вмѣ нельзя пользоваться съ полною убѣдительностью. Элементы его сами по себѣ не аподиктического свойства, но состоятъ изъ нѣкоторыхъ индуктивныхъ положеній, даваемыхъ уму внѣшними чувствами чрезъ наблюденіе частныхъ и отдѣльныхъ признаковъ; эти послѣдніе, составляющіе продуктъ опыта (эмпирию), обобщаются въ нѣкоторые мысленныя и сверхчувственные виды и составляютъ въ собственномъ смыслѣ элементъ аподиктическихъ силлогизмовъ и знанія ³⁾). Въ это время поднимается нѣкто изъ друзей Ксенофана и предлагаетъ перейти къ тому, что Аристотель говоритъ объ элементахъ природы. Никагоръ отвѣтилъ: не потому здѣшніе философы молчали о физикѣ, что мало знали ее, а потому, что она достаточно уже опровергнута какъ самымъ существомъ дѣла, такъ и самимъ авторомъ ея. Начинается разсужденіе о физикѣ и объ основныхъ элементахъ: водѣ, воздухѣ. Никагоръ доказываетъ, что противники его не хорошо знакомы съ физикой Аристотеля, и, сдѣлавъ ссылку на 2-ю книгу *περί γενέσεως καὶ φθορᾶς*, приходятъ къ слѣдующему заключенію: Аристотель часто

¹⁾ ἀλλ' οὐκ ἂν ἔγοις οὐδαμῆ δεῖξαι τὸν Ἀριστοτέλην οὐδ' ἑαυτὸν ἀναίρουντα, οὐτα τὰ τῆς φύσεως τῶν ὄντων μαχόμενον ἐναργέα.

²⁾ ἐν τῷ πρώτῳ τῆς ἀποδεικτικῆς δείκνυσαι... μὴ εἶναι τὸν διαλεκτικὸν συλλογισμὸν ἐπιστήμην, ἀτε ἐνδοξοὺς καὶ ἀμφιβόλους ἔχοντα τὰς προτάσεις καὶ οὐκ ἀφωρισμένους περὶ ἐν τι καταγιγόμενον γένος. πῶς γὰρ ἂν καὶ εἴη ἡ ἐπιστήμη ἢ ἐφ' ἑκάτερα ἴσῃ τὴν ἰσχύον ἔχουσα, πρὸς τὰ τὴν τῆς ἀληθείας καὶ τοῦ ψεύδους ἀνατροπῆν.

³⁾ ἀρχὰς γὰρ αὐτοῦ μὴ εἶναι, φησὶν, ἀποδεικτικὰς, ἀλλ' ἐπαγωγικὰς τισὶ κοίμῃσι, τῆς αἰσθησεὺς προβαλλούσης τῷ νῷ τὰ μερικὰ καὶ καθ' ἕκαστα, γίνεσθαι πείραν καὶ ἐμπειρίαν καὶ καθόλου συναθροισμὸν εἰς εἶδη τινὰ νοητὰ καὶ ὑπὲρ τὴν αἰσθησιν, καὶ ταῦτ' εἶναι συλλογισμῶν ἀποδεικτικῶν καὶ ἐπιστήμης ἀρχὴν.

непоследовательны и въ собственныхъ сочиненiяхъ и противорѣчить то самому себѣ, то истинѣ; въ тѣхъ же частяхъ, гдѣ онъ оказывается въ несогласiи съ Платономъ, особенно грѣшитъ невниманiемъ къ своему учителю ¹⁾. Но, чтобы ты не почелъ насъ не основательными, что мы нападаемъ на древняго мудреца, унаслѣдовавшаго съ давняго времени великую славу, то замѣтимъ, что онъ далеко не пользуется безупречнымъ именемъ, такъ какъ противорѣчитъ многимъ и еще болѣе древнимъ мужамъ, какъ пользующимся почетной извѣстностью съ давняго времени, такъ и согласнымъ со всѣми другими мудрыми мужами. Вотъ, на примѣръ, Платонъ: онъ пользуется великой извѣстностью въ Египтѣ, и самъ по себѣ человекъ весьма добросовѣстный, однако и онъ ссылается на свидѣтельство Гомера, который въ этомъ случаѣ говоритъ согласно съ большинствомъ другихъ, и въ своемъ діалогѣ Федонъ утверждаетъ, что земля ²⁾ имѣетъ полости.

Состязанiю положилъ конецъ Димаратъ, увѣщавъ Никагора и объявивъ его побѣдителемъ. Ксенофанъ былъ этимъ очень опечаленъ и не зналъ, куда дѣваться отъ стыда. Онъ умеръ бы съ тоски, если бы его не поддержали нѣкоторые изъ его приверженцевъ. Затѣмъ онъ удалился въ одинъ изъ эссалійскихъ городовъ ³⁾.

Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ этого любопытнаго памятника, позволимъ себѣ обратить вниманiе на хронологическiя данныя, по которымъ можно сдѣлать нѣсколько соображенiй относительно времени предполагаемаго состязанiя между Варлаамомъ и Григорой. Самымъ важнымъ указанiемъ нужно признать то, что состязанiе имѣло мѣсто при жизни Θ. Метохита, а такъ какъ послѣднiй умеръ въ 1332 году, то мы получаемъ въ этомъ приблизительную дату для одного событiя въ жизни Варлаама. Второе обстоятельство, дающее основанiе къ хронологическимъ выводамъ, заключается въ томъ намекѣ, что пребы-

¹⁾ ὁ μὲν Ἀριστοτέλης, ὃ φίλε, φησὶ, Ξενοκράτης, ὅποτε καὶ καθ' αὐτὸν ἀγωνίζοιτο, περιτρέπεται καὶ περιπέτης γίνεται ποτὲ μὲν αὐτοῦ, ποτὲ δὲ ἀληθεία, ὅποτε δὲ πρὸς Πλάτωνα μάχοιτο, τότε μᾶλλον ἀμαρτανεῖν δοκᾷ διὰ τὴν πρὸς τὸν διδασκαλὸν ἀγωνισίαν.

²⁾ καὶ τῷ Φαίδωνι φησὶ διατρητὸν εἶναι τὴν γῆν. Πлатὼν ἐν διαλόγῳ Φεδωνъ говоритъ: κοίλα τῆς γῆς (ed. Astius, I, p. 598, 600). Слово же διατρητός позднѣйшаго происхожденiя. Григора имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующее мѣсто діалога Федонъ (ed. Astius, p. 604): Ἐν τι τῶν χασμάτων τῆς γῆς ἄλλως τε μέγιστον τοῦχάναι ἔν καὶ διαπύρος πατριμενὸν δι' ὅλης τῆς γῆς, τοῦτο ἔπερ Ὅμηρος εἶπε, λέγων αὐτὸ Τῆλε μᾶλ', ἧχ' βαθίστον ὅπο χιθόνος ἔστι βέρεθρον (то-есть, тартаръ).

³⁾ По всей вѣроятности, въ Солунь, ἐς πόλιν Θεσσαλικὴν τινὰ λόγου καὶ παιδείας; τρέφον.

ваніе Варлаама въ Константинополѣ и самый диспутъ совпадалъ съ недавнимъ возвращеніемъ Григоры и Метохита изъ ссылки, что уазывается на 1330 годъ. Въ виду того, что научная и публичная дѣятельность Варлаама главнѣйше сосредоточивалась въ Солуни, ибо здѣсь начался и тотъ богословскій споръ¹⁾, который занималъ византійское общество въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, здѣсь же были главные приверженцы и противники Варлаама,—можно догадываться, что пребываніе его въ Константинополѣ на этотъ разъ было не продолжительное и что онъ дѣйствительно послѣ 1330 года снова переселился въ Солунь.

Диалогъ Григоры имѣетъ важное историко-литературное значеніе и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Онъ рисуетъ литературные обычаи XIV вѣка и показываетъ направленіе главнѣйшихъ научныхъ и литературныхъ теченій того времени. Имъ устанавливается культурно-историческій фактъ научнаго общенія между Востокомъ и Западомъ, въ немъ намѣчаются философскія воззрѣнія, раздѣлявшія еллинскій и романскій міръ наканунѣ эпохи возрожденія. Научныя проблемы, затронутыя въ діалогѣ, несомнѣнно были живыми вопросами времени, волновавшими общество и раздѣлявшими мыслителей на партіи.

Однимъ изъ ярко освѣщенныхъ фактовъ въ діалогѣ представляется то, что Варлаамъ имѣетъ весьма скудныя свѣдѣнія въ астрономіи и математикѣ, и что эта скудость познаній объясняется его латинскимъ происхожденіемъ и италіанской школой. Если отправляться изъ тѣхъ данныхъ, которыя сообщены въ діалогѣ, то можно бы вслѣдъ за Григорой прямо заключать къ превосходству греческой школы передъ современной италіанской. Но это заключеніе едва ли будетъ справедливо. Дѣло въ томъ, что весь отдѣлъ діалога, выставлющій превосходство еллинскихъ знаній по астрономіи и математикѣ передъ латинскими, слишкомъ грубъ и каррикатуренъ и похожъ на сатиру. Оказывается, что Григора разъ былъ задѣтъ Варлаамомъ именно на этомъ предметѣ и что въ діалогѣ онъ свелъ личные счеты съ своимъ ученымъ критикомъ. Само собой разумѣется, если намъ удастся освѣтить подразумѣваемую часть діалога съ точки зрѣнія личныхъ ученыхъ счетовъ между Григорой и Варлаамомъ, то отсюда легко будетъ составить сужденіе и о прочихъ частяхъ интереснаго документа.

Что астрономія была изучаема въ XIV вѣкѣ, объ этомъ можно

¹⁾ *Migne, Patrologia, t. CLII, col. 665: εν Θεσσαλονίκη γάρ ο πολέμος ελαρβαν τήν αρχήν.*

судить потому, что ученый Θ. Метохитъ создалъ школу въ этой области, оставивъ многихъ извѣстныхъ учениковъ¹⁾. Разъ царь спросилъ Григору, какъ могло случиться, что Метохитъ сдѣлалъ громадныя успѣхи въ астрономіи, и получилъ въ отвѣтъ: это не удивительно, ибо отъ небольшого свѣтильника можно зажечь большой костеръ²⁾. Изъ этого большого костра, вѣроятно, позаимствовался свѣтомъ и Григора, когда онъ рѣшился сдѣлать добавленіе къ сочиненію Клавдія Птолемея о Гармоніи³⁾, именно дополнить двѣ несохранившіяся главы. Случилось, что Варлаамъ долженъ былъ подвергнуть критикѣ эти добавленія къ Птолемею⁴⁾, при чемъ не пощадилъ автора, не называя, впрочемъ, его по имени. Онъ приступилъ къ вопросу посредствомъ изученія той части, которая несомнѣнно принадлежитъ Птолемею, и старался опредѣлить, на сколько соотвѣтствуютъ вновь присоединенныя главы той теоріи небесныхъ тѣлъ и гармоническихъ системъ, которая усвоена Птолемеємъ. На основаніи критики текстовъ Птолемея онъ пришелъ къ заключенію, что двѣ изъ присоединенныхъ главъ принадлежатъ новому времени, „такъ какъ ихъ нѣтъ въ старыхъ рукописяхъ“, что же касается послѣдней, то она хотя и принадлежитъ старому писателю, но не самому Птолемею. Уже сказанное достаточно убѣждаетъ, что Варлаамъ трактуетъ свой предметъ какъ мастеръ, а не какъ неучъ, какимъ рисуется онъ въ діалогѣ. Самая критика составленныхъ Григоромъ главъ еще болѣе подтверждаетъ это. Указавъ шесть основныхъ положеній Птолемея, Варлаамъ доказываетъ, что авторъ добавленій не далъ себѣ въ нихъ отчета и потому погрѣшилъ противъ истины. Излагая систему Птолемея, Варлаамъ подробно останавливается на зодіакѣ и на примѣненіи астрономическихъ данныхъ и къ гармоніи и вездѣ находитъ недоразумѣнія и путаницу у автора присоединенныхъ главъ⁵⁾. Итакъ, не мо-

¹⁾ Σαῖτα, Μετατομικὴ Βιβλιοθήκη I, 19, 79.

²⁾ Καντακουζηνός I, p. 56.

³⁾ Авторство Григоры засвидѣтельствовано рукописями: Ватиканской № 176, p. 100, и Оксфордской; см. *J. Franzius, De musicis graecis commentatio*, p. 10 (Bergolini, 1810).

⁴⁾ *Franzius*, p. 14: Ἀναγινῶν εἰς τὰ προσθεθέντα τρία κεφάλαια ταῖς τελευταίαις ἐπιγραφαῖς τοῦ τρίτου τῶν τοῦ Πτολεμαίου ἁρμονικῶν Βαρλαάμ (ἔγραψεν).

⁵⁾ *Franzius*, p. 22: ὅτι δὲ τὸ παραπαν οὐχ ἤφατο τῆς περὶ ταῦτα τοῦ Πτολεμαίου διανοίας οὐδαμῶς ἐκ τῶν εἰρημένων συμπραίνεσθαι... κατὰ πάντα φαίνεται ἡμαρτανῶς ταῦτα τε τοῖς πρότερον λέγων καὶ ἐπίσης καθόλου μῆτε τήρησαι προσχωμένος, μῆτε οὐκείαν ποιούμενος τὴν παραβολὴν, μὴδ' ὅπως ἀπαγγέλλων μῆτε περὶ ὧν εἶσιν αἱ ἐπιγραφαὶ τὸν λόγον ποιούμενος.

жетъ быть сомнѣнія, что занимающее насъ мѣсто діалога представляеть карикатуру на Варлаама и далеко не свидѣтельствуеть объ его скудныхъ познаніяхъ въ астрономіи. Впрочемъ, и самъ Григоръ въ концѣ діалога говоритъ, что Варлаамъ потомъ сблизился съ однимъ ученикомъ его и подъ его руководствомъ изучилъ астрономію. Но такъ какъ во главѣ тогдашней астрономической школы стоялъ Метохитъ, то и это послѣднее утвержденіе Григоры нужно принимать съ ограниченіемъ.

Но главная мысль діалога и, безъ сомнѣнія, наиболѣе интересная часть его сосредоточивается въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: а) еллинская философія имѣеть несравненные преимущества передъ латинской, то-есть, западно-еропейской, ибо на Западѣ знакомы не со всѣми сочиненіями Аристотеля, и при томъ не въ оригиналѣ, а въ передѣлкахъ и сокращеніяхъ; б) авторитетъ Аристотеля, твердо стоящій у латинянъ, поколебленъ уже въ Византіи, гдѣ ему противопоставлена философія Платона. Еслибы нужно было кратко обозначить основную мысль діалога, то мы бы не колеблясь сказали, что это есть тенденція подорвать значеніе Аристотеля. Остановимся на основной мысли діалога и попытаемся выяснить ее съ точки зрѣнія литературной исторіи того времени.

Состояніе изученія философскаго движенія въ средніе вѣка не находится еще на той высотѣ, чтобы можно было показать преемственную связь между отдѣльными философскими теоріями. Мыслима ли эта преемственность идей между Западомъ и Востокомъ, возможна ли общая исторія философскаго движенія въ Византіи и на Западѣ, — вотъ проблема, которую можно поставить относительно изученія занимающаго насъ памятника. На основаніи положенія Прантля ¹⁾, что теоретическія построенія среднихъ вѣковъ находятся въ зависимости исключительно отъ запасовъ матеріала, приобретаемаго извнѣ, можно бы думать, что наука вполне овладѣла этимъ виѣшнимъ матеріаломъ и намѣтила стадіи развитія философскаго самосознанія. Но оказывается, что этого далеко еще нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Такъ какъ въ приложеніи къ занимающей насъ эпохѣ, какъ и вообще къ среднимъ вѣкамъ, рѣчь можетъ идти исключительно о постепенномъ ознакомленіи Запада съ Аристотелемъ, и такъ какъ въ діалогѣ „*Florentinii*“ также главную роль играетъ изученіе Аристотеля въ оригиналѣ

¹⁾ Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, II, S. 263 (2-e Auflage, Leipzig, 1885 г.).

и переводахъ, равно какъ полное и неполное знакомство съ этими философами, то ничто бы не препятствовало прийти къ заключенію, что Григора былъ именно представителемъ полнаго знанія Аристотеля, а Варлаамъ неполнаго. Но противъ этого заключенія могутъ быть приведены довольно важныя соображенія.

Оказывается, что въ половинѣ XII вѣка стали уже извѣстны на Западѣ существенныя части *Органона Аристотеля* ¹⁾; въ началѣ XIII вѣка матеріалъ для изученія увеличился посредствомъ знакомства съ византийскими философскими сочиненіями, съ произведеніями арабской письменности, наконецъ, съ открытіемъ сочиненій по метафизикѣ и *de anima*. Въ особенности важная роль выпала на долю философскаго сочиненія Михаила Пселла: *Σύνοψις εἰς τὴν Ἀριστοτέλου; λογικὴν ἐπιστήμην*. Прантль установилъ и подтвердилъ рукописнымъ матеріаломъ очень любопытный культурно-историческій фактъ, имѣющій общенсторическое значеніе, что Аристотелевская логика въ упомянутой передѣлкѣ Пселла имѣла громадное и продолжительное вліяніе на Западѣ, ставъ основой всѣхъ школьныхъ руководствъ. Извѣстный ученый второй половины XIII вѣка Петръ Испанскій (папа Іоаннъ XXI, умершій въ 1277 г.) своимъ переводомъ Пселлова сокращенія надолго утвердилъ его господство въ западной наукѣ. Но это былъ не первый и не единственный переводъ: ранѣе его логику Пселла переводили на латинскій Ламбертъ Оксерскій и Вильгельмъ Ширесвудъ. Въ настоящее время это воздѣйствіе Византіи на Западную Европу посредствомъ логики Пселла можно считать прочно установленнымъ фактомъ, который вызываетъ на новые поиски въ области литературнаго объѣма между Византіей и Западомъ въ средніе вѣка. Прантль, отмѣтившій указанный литературный фактъ, понятно, наведень былъ на мысль—прослѣдить въ теченіе XII и XIII вѣковъ воздѣйствіе на Западѣ того вишняго византийскаго матеріала, который на ряду съ арабскимъ приводилъ въ движеніе философскую мысль среднихъ вѣковъ ²⁾. Въ XIII вѣкѣ въ научный оборотъ, кромѣ логики, вступила метафизика, физика, этика и политика. Но въ частности прослѣдить дѣйствіе византизма ему не удалось.

Какъ и какими путемъ выступали на Западѣ въ научный оборотъ разныя части произведеній Аристотеля, объ этомъ есть спеці-

¹⁾ *Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie*, II. S. 124 (5-e Auflage, Berlin, 1876).

²⁾ *Prantl*, II, Ss. 267—270; III, Ss. 1—5; 129 и сл.

альное изслѣдованіе француза Журдена ¹⁾. По его выводамъ оказывается, что къ 1220—1225 годамъ всѣ сочиненія Аристотеля стали доступны на Западѣ въ латинскихъ переводахъ. Въ 1232 году Бонциевъ переводъ главныхъ частей Органона, почти забытый, замѣненъ былъ новымъ переводомъ, сдѣланнымъ для императора Фридриха II. Во вторую половину XIII вѣка переведены были и комментаторы на Органонъ: Симплицій, Аммоній и Θεμισцій. Для конца XIII и XIV вѣковъ представляются совершенно темными пути, которыми шло на Западѣ расширеніе философской мысли.

Итакъ, въ общемъ нельзя утверждать, что византійская ученость въ первой половинѣ XIV вѣка не могла представить, въ сравненіи съ западной, нѣкоторыхъ существенныхъ преимуществъ. Григора имѣлъ основаніе указывать на то, что его соперникъ изучалъ Аристотеля не въ оригиналѣ, а въ переводахъ и въ передѣлкахъ, ибо извѣстно, что знаніе греческаго языка на Западѣ распространялось очень медленно, и въ XIV вѣкѣ можно было пересчитать по пальцамъ италянскихъ еллинистовъ. Имѣлъ ли такое же основаніе греческій философъ упрекать своего оппонента въ томъ, что онъ знакомъ не со всѣми сочиненіями Аристотеля, это должно быть рѣшено скорѣй въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ, если только не принимать во вниманіе того соображенія, что Варлаамъ могъ быть представителемъ какой либо школы аристотеликовъ.

Любопытнѣйшій тотъ упрекъ, что Варлаамъ часто находится въ противорѣчій съ Аристотелемъ. Этотъ упрекъ имѣетъ общее значеніе и касается очень важной стороны схоластической философіи. Въ XII и въ особенности въ XIII столѣтіи схоластика занята была задачей установить согласіе между церковнымъ ученіемъ и разумомъ, иначе говоря, между христіанской догматикой и аристотелевской философійю. Окончательно эта задача разрѣшена Томомъ Аквинатомъ. Предполагаемое согласіе между богословіемъ и разумомъ обуславливалось тѣмъ предположеніемъ, что Аристотеля слѣдуетъ понимать именно въ томъ церковномъ смыслѣ, какъ объясняетъ его Тома. Но Тома Аквинатъ изучалъ Аристотеля по латинскимъ переводамъ, которые, какъ извѣстно, проникнуты были сильно неоплатоническими элементами и не могли дать понятіе о настоящемъ Аристотелѣ. Теперь представлялся къ разрѣшенію вопросъ о выдѣленіи изъ Аристотеля

¹⁾ Jourdain, Recherches critiques sur l'âge et l'origine des traductions latines d' Aristote, Paris, 1843. p. 212.

навязаннаго ему чуждаго смысла, заимствованнаго изъ новоплатониковъ ¹⁾).

Но Варлаамъ, знакомый съ сочиненіями Θомы Аквината, не былъ его приверженцемъ. Это доказывается сочиненіями его, направленными противъ нѣкоторыхъ положеній Θомы ²⁾. Слѣдовательно, упрекъ Варлааму въ томъ, что онъ не понимаетъ Аристотеля или находится съ нимъ въ противорѣчій, можетъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что та якобы латинская школа, которую проходилъ онъ, не знала Аристотеля.

Григора оказывается, далѣе, такимъ тонкимъ знатокомъ Аристотеля, что поражаетъ своего противника длиннымъ перечнемъ неточностей и противорѣчій у этого философа. Цѣль этой части діалога, какъ сказано выше, направляется къ подрыву Аристотеля и къ возвышенію Платона. Здѣсь византійскій философъ стоитъ на твердой почвѣ, которая для него подготовлена была предыдущимъ развитіемъ. Весьма вѣроятно, что значительной частью своей учености Григора обязанъ былъ въ этомъ отношеніи Θ. Метохиту, который долженъ быть почитаемъ предшественникомъ и подготовителемъ византійскаго платонизма XV вѣка ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, возрожденіе платонизма въ XV вѣкѣ оказалось бы весьма неожиданнымъ явленіемъ въ исторіи мысли, еслибы не открылось слѣдовъ его подготовки на византійской почвѣ. Находимыя въ діалогѣ данныя, въ связи съ философскими сочиненіями Метохита, открываютъ намъ этотъ подготовительный періодъ. Какъ можно судить по приводимымъ у Саеи даннымъ и по темамъ, развиваемымъ Θ. Метохитомъ, въ началѣ XIV вѣка въ Византіи уже довольно строго поставленъ былъ вопросъ о недостаточности Аристотеля ⁴⁾. Въ связи съ намѣченнымъ здѣсь вопросомъ

¹⁾ *Ueberweg*, II, 119.

²⁾ Визская дворцовая бібліотека, cod. theolog. 101, f. 297, τοῦ αὐτοῦ (то-есть, Варлаама) κατὰ Θωμᾶ λεγόντος ὅτι κατὰ τι μόνη τα πρὸς τι διαφεροσιν ἀλλήλων τὰ θεία πρόσωπα. Начало: Θωμᾶς μὲν οὐδένα τρόπον διαφορᾶς ἐν τῇ τριάδι οἰεταί εἶναι πρὸς τὸν κατὰ τὴν πρὸς ἀλλήλα σχέσιν νοούμενον, ὅτι δε τοῦτο οὐκ ἀληθὲς γένοιτ' ἂν οὕτω καταβηλὸν λαβεῖσθαι ἀρχὴν τοιαύτην. F. 298: τοῦ αὐτοῦ κατὰ Θωμᾶ λεγόντος ὅτι μόνη ἡ πατρότης ζουστατικόν ἐστί τῆς ὑπεστάσεως τοῦ πρώτου αἰτίου, τὸ δὲ ἀγέννητον οὐ δικαίως.

³⁾ Много прекрасныхъ соображеній объ этомъ можно находить у Саеи въ томъ I его греческой бібліотеки (pp. 63, 121 и др.). Въ Визской бібліотекѣ, cod. philolog.-philosoph. 8, находится обширное философское сочиненіе Метохита, состоящее изъ 118 главъ.

⁴⁾ Кроме рукописныхъ матеріаловъ, указанныхъ Саеи (I, p. 121), позволяемъ себѣ привести еще слѣдующія статьи по Визскому списку № 8 (philosoph.).

позволимъ себѣ привести нѣсколько данныхъ изъ, новѣйшей литературы.

Нѣмецкій ученый Шульце въ первомъ томѣ сочиненія по исторіи философіи Ренессанса пытается отыскать предшественниковъ Плинона между мыслителями XIV вѣка и называетъ, между прочимъ, Варлаама и ученика его Леонтіа Пилата ¹⁾). Извѣстная доля вліанія, обнаруженная этими греческими учеными на знаменитыхъ италіанцевъ Петрарку и Боккачіо, уже сама по себѣ позволяетъ догадываться о томъ, что Варлаамъ былъ немаловажнымъ представителемъ учености своей эпохи. Но предыдущее изслѣдованіе показываетъ, что предшественникомъ Плинона скорѣй слѣдуетъ назвать Метокхита. Точно также въ смыслѣ постановки любопытной историко-литературной проблемы слѣдуетъ отиѣтить соображеніи ученаго біографа Петрарки Кертинга ²⁾ о томъ, что бы могло случиться съ исторіей европейскаго просвѣщенія, еслибы Петрарка имѣлъ счастье больше времени пользоваться обществомъ и уроками Варлаама. Онъ говоритъ: „Петрарка не могъ пойти далѣе элементарныхъ свѣдѣній въ греческомъ языкѣ, такъ что сокровища еллинской мудрости не могли раскрыться передъ нимъ. Но совершенно иной оборотъ получило бы развитіе Ренессанса, еслибы ему удалось углубиться въ духовную жизнь елліновъ; ибо нельзя сомнѣваться, что онъ понялъ бы безконечное превосходство еллинскаго духа передъ римскимъ и увидѣлъ бы, что римская литература, въ особенности поэзія, находилась въ рабской зависимости отъ греческой, а это, безъ сомнѣнія, побудило бы его дать еллінизму преобладающую роль въ культурѣ возрожденія и даже построить его на еллінизмѣ. Въ дѣйствительности же произошло иначе. Гордое зданіе образованности и искусства Ренессанса воздвиглось почти только на римскихъ основаніяхъ и надолго сохранило римскій характеръ, хотя бы и привнесены были потомъ еллинскіе камни. По существу Ренессансъ удержалъ римскій характеръ, и до сихъ поръ

philolog.), подъ общимъ заглавіемъ Θρηνοι. 1) Θρηνοι επί τῆ τῶν ῥωμαϊκῶν πραγμάτων ἐλαττώσει καὶ μεταβολῇ τῆς μεγάλης ἐκείνης εὐδαιμονίας; 2) Θρηνοι τῶν κατὰ τὴν ἔω τῆς ῥωμαίων ἀρχῆς κακῶς πραξάντων; 3) Θρηνοι ἐπὶ περὶ τῶν αὐτῶν καὶ ὅτι καὶ τὰ τῶν μοναχῶν ἐκεῖσε βέλτιον εἶχεν ἢ ἄλλοθι π; 4) ὅτι τῶν φιλοσοφῶν οἱ πλείους ἢ πάντες σχεδὸν περὶ το λέγειν διέτρεψαν μόνον μὴ χρησιμοι γινόμενοι ταῖς περὶ τὸ πολιτικὸν θεωρίαις; 5) περὶ τῆς Ἀθηναίων πολιτείας. Всего въ этой рукописи 118 статей Метокхита.

¹⁾ Schultz, Geschichte der Philosophie der Renaissance, I, Ss. 18—19.

²⁾ Koertling, Petrarka's Leben und Werke, Leipzig, 1878, Ss 153—154.

греческіе элементы составляютъ въ немъ болѣе или менѣе наружную пригласу. Что Ренессансъ былъ возрожденіемъ романизма, а не еллінизма, это имѣло громадное значеніе для всего культурнаго развитія. Грекъ Варлаамъ своимъ поспѣшнымъ удаленіемъ изъ Авиньона, лишивъ Петрарку возможности основательнѣе узнать еллінскій языкъ и образованность, тѣмъ разрушилъ гордое зданіе будущаго и на цѣлыя столѣтія опредѣлилъ судьбу народовъ Европы. Малая причина, великія послѣдствія!“

Приведенныя мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ весьма энергично выдвигаютъ вопросъ о степени образованности и о философскомъ направленіи Варлаама. Дѣйствительно, выясненіе этого вопроса тѣмъ настоятельнѣй, что, какъ будемъ имѣть случай убѣдиться, вліяніе Варлаама на дѣятелей итальянскаго возрожденія далеко не ограничивалось ознакомленіемъ ихъ съ элементами греческаго языка, а шло гораздо глубже. И если, не смотря на то, еллінизмъ не легъ въ основаніе зданія Ренессанса, то это, конечно, не зависѣло отъ тѣхъ малыхъ причинъ, о которыхъ говорятъ Кертингъ.

Въ разсужденіи философской дѣятельности Варлаама можно достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ посредствомъ изученія упомянутой выше литературной полемики на греческой почвѣ. Еслибы удалось подмѣтить отличительныя черты его міровоззрѣнія въ его ли собственныхъ сочиненіяхъ, или въ сочиненіяхъ его учениковъ и почитателей, то эти черты до нѣкоторой степени опредѣлили бы его нравственную личность, степень его образованности и значеніе его, какъ философа. Не можетъ быть сомнѣнія, что Варлаамъ явился въ Византію если не съ готовымъ и вполне сложившимся міровоззрѣніемъ, то во всякомъ случаѣ уже подъ вліяніемъ той школы, какую онъ прошелъ на Западѣ. Слѣдовательно, весьма можетъ статься, что тѣ отличительныя черты, которыми характеризовали греки его міровоззрѣніе, найдутъ себѣ объясненіе въ западномъ мышленіи той эпохи. Во всякомъ случаѣ только такимъ путемъ можно пытаться разрѣшить выставленную Кертингомъ проблему.

Мы нашли нѣкоторыя данныя для нашей цѣли въ діалогѣ Григоры, поищемъ другихъ указаній. Въ довольно скупыхъ и часто бездѣйствныхъ характеристикахъ другихъ писателей нельзя не обратить вниманія на научныя симпатіи Варлаама и на указаніе излюбленныхъ имъ писателей. Едва ли не лучшее въ этомъ отношеніи свидѣтельство имѣемъ въ похвальномъ словѣ Ніла Григорію Паламѣ¹⁾.

¹⁾ *Migne, Patrologia graeca, t. 151, col. 663—664.*

„Въ то время какъ Палама подвизался въ лаврѣ великаго Аванасіа, на наше испытаніе воздвигнуть былъ пагубный Адеръ, начавшій тѣсную осаду церкви Христовой и пытавшійся взять ее машинами, окованими и всякими способами. Говорю о хорошо извѣстномъ лицѣ, изъ Калабріи происходитъ это зло, пусть назовутъ его тифономъ или молніей поражающей и истребительной, или бурей, все уносящей и приводящей въ сматеніе, или пусть придадутъ какое угодно имя. Этого бѣдствіе, на вредъ и на пагубу вселенной зародившееся, подняло такой пламень нечестія и воздвигло такую важную и знатную брань, что не только привело въ сматеніе нашу страну и наполнило ее униженіемъ и смущеніемъ, но и перенесло къ сосѣднимъ народамъ пагубу: цѣлыя острова подвергло пожару нечестія, распространилось на восточныя и западныя области и не пощадило ни одного уголка вселенной. Онъ полагалъ, что нѣтъ ничего выше и больше еллинской мудрости и *обязательной силы силлогизмовъ*, и той истины, которая уловляется ими какъ добыча, и что ничто другое не въ состояніи привести къ знанію причинъ всего сущаго ¹⁾. А вотъ это и еще безуміе и превосходить всякую воображаемую нелѣпность, что, по его мнѣнію, и съ самимъ Богомъ никто не можетъ соединиться, если не пройдетъ прежде этого пути; что только тотъ, кто вступитъ въ общеніе съ Пивагоромъ, Аристотелемъ и Платономъ и изучитъ изъ нихъ естественные законы природы, пойметъ происхожденіе вещей и неизбежность послѣдующаго затмѣнъ уничтоженія ²⁾, только тотъ можетъ придти къ воспріятію истины. Ибо, говорилъ онъ, если Богъ есть истина, то незнаніе истины есть незнаніе Бога; всякій же, кто не изучилъ вѣдѣній мудрости и не ознакомился съ тѣмъ, что изобрѣли еллинскіе мудрецы о движеніи небесныхъ тѣлъ или природы, не знаетъ истины, а это одно и то же, что не звать Бога; невѣдѣніе же есть не что иное, какъ тьма душевная, какъ, напротивъ, просвѣщеніе души есть знаніе всего. Если же это такъ, то никто не можетъ быть просвѣщеннымъ, не изучивъ вѣдѣній мудрости. Такое безуміе, или, лучше, умопомраченіе, *свойственно было не ему, впрочемъ, одному, но распространилось во всемъ латинскомъ племени съ давнихъ*

¹⁾ Ὡρθὴ μὴδὲν ἔχεινος τῆς ἐλληνικῆς σοφίας, καὶ τῶν συλλογισμῶν τῆς ἀνάγκης καὶ τῆς ἐκ τούτων οἰοεὶ θεραπειομένης ἀληθείας μείζον εἶναι καὶ ὀφηλοτέρου, μᾶθ' ἢ τίς ἄν μᾶλλον ἐν περινοίᾳ γενόιτο τοῦς τῶν ὄντων εἶδεναι λόγους.

²⁾ καὶ φυσικῶς ἀνάγκης ἔκειθεν καὶ γενέσθαι τῶν ὄντων καὶ φθορᾶς ἀκολουθεῖν μετὰ τῆρας, οὕτως ἐπὶ τὴν κατάληψιν εἶναι τῆς ἀληθείας.

юрь и до настоящаго времени, такъ что у нихъ для философовъ-ющихъ о божественномъ и для пустынниковъ нѣтъ ничего важнѣе и ничто не кажется болѣе ведущимъ къ совершенству, какъ упражненіе въ этихъ глухостяхъ. И случается у нихъ нѣчто смѣшное и слезъ достойное. Зрѣлаго возраста люди собираются въ дѣтскія школы, изучаютъ тамъ внѣшнюю мудрость, свысока трактуютъ возвышенные предметы, себя же въ безуміи превозносятъ и, думая, что дѣлаютъ важное дѣло, оставляютъ въ полномъ пренебреженіи по истинѣ прекрасное и то, что къ Богу приближаетъ и можетъ просвѣтить душу... Такое онъ не только внушилъ слушающимъ его юношамъ, но излагалъ письменно ¹⁾ свой взглядъ на заблужденіе исихастовъ, всѣми средствами пытаясь отклонить ихъ отъ этого заблужденія и привлечь къ изученію еллинскихъ мудрецовъ и при помощи ихъ очистить себя отъ незнанія".

Ясно, что въ дѣятельности Варлаама былъ значительный періодъ, когда на первомъ планѣ стояло у него преподаваніе философіи, и что въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ онъ разошелся съ тѣмъ направленіемъ, котораго придерживались туземные мыслители. Въ другомъ похвальномъ словѣ въ честь Паламы, составленномъ Филовеемъ ²⁾, также находимъ указанія на философскіе взгляды Варлаама. „Этотъ калабриецъ, тогда только что прибывшій въ Ромѣйскую землю на зло себѣ и раздѣляющимъ его мысли, притворяясь философомъ и монахомъ и выдавая себя приверженцемъ православія, начинаетъ писать противъ догматовъ своихъ латинянъ и вести философскіе диспуты о происхожденіи Св. Духа, поддерживая при этомъ мнѣнія нашихъ богослововъ и защищая символъ вѣры и слова Христовы. Но коварство его не могло укрыться передъ столпомъ богословія и тайноводителемъ высшей мудрости, божественнымъ Григоріемъ. Онъ изучаетъ его сочиненія и ясно обнаруживаетъ скрытое въ нихъ коварство противъ истины. Какъ всѣмъ извѣстно, латиняне въ ученіи о происхожденіи Св. Духа принимаютъ вопреки всякой необходимости два начала божества; обличая эту нелѣпость, Варлаамъ оказался самъ допустившимъ новую: ибо, пропустивъ философскія доказательства мудрыхъ богослововъ, онъ называетъ еллинскихъ мудрецовъ, то-есть, Аристотеля и Платона и ихъ послѣдователей, божественными и Богомъ про-

¹⁾ ταῦτα οὐ μόνον τοῖς αὐτῶ φασίμασι διετέλετο παρὰ τοῖς, ἀλλὰ καὶ λογογραφῶν ἦν (ibid., col. 666).

²⁾ *Μέγας*, t. 151, col. 584.

святенными существами. Это было для Григорія преддверіемъ къ будущимъ и величайшимъ его подвигамъ за благочестіе ¹⁾).

Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ сообщаются весьма неудовлетворительными данными о раннемъ періодѣ жизни Варлаама. Объ его высшей научной тенденціи говорить едва-ли не самый близкій къ нему человекъ, царь І. Кантакузинъ, называя его вообще весьма острымъ мыслителемъ и хвала его способность объяснять свои теоріи. Знание ятность Варлаама онъ полагаетъ въ глубокомъ изученіи писателей Евклида, Аристотели и Платона ²⁾).

Нѣсколько болѣе живыми чертами рисуется значеніе Варлаама въ предисловіи къ словамъ Христофуды противъ ереси Варлаама и Азиндіана ³⁾. „Нѣкто монахъ изъ Калабріи, по имени Варлаамъ, отличавшійся трудолюбіемъ съ дѣтскихъ лѣтъ и хорошими способностями, достигъ большаго научнаго образованія, особенно изучивъ Ораторію и нѣкоторыя другія сочиненія и едва вкусивъ отъ другихъ наукъ“. Этими достигнувъ почета въ Константинополь, онъ продолжалъ и здѣсь упражняться въ занятіяхъ съ обычнымъ честолюбіемъ и неустойчивостью и скоро сдѣлался извѣстнымъ. Будучи слѣдуетъ къ вѣдѣній мудрости, онъ полагалъ въ ней чистоту души и умеренность, что безъ нея трудно, даже невозможно соединиться съ Богомъ. Онъ въ такихъ силлогизмахъ высказывалъ свою мысль: если Богъ есть истина, мудрость же изслѣдуетъ истину, то тотъ, кто не предастся изученію мудрости, не достигнетъ истины: не достигшій же истины никакъ не найдетъ Бога. Напротивъ, тотъ, кто позналъ мудрость, позналъ истину; познавшій же истину позналъ Бога и находится, слѣдовательно, съ нимъ во вседневномъ общеніи. Посему-то со всею ревностью прилежалъ къ бесплодной еллинской мудрости, а что исцелится чрезвычайнаго дѣла исцелити и возвышенія ума къ Богу чрезъ умную молитву, то не только не далъ ей цѣны и не хвалилъ, но подвергалъ осмѣянію какъ бесполезную суету. Проведя не малое

¹⁾ Ibidem, col. 584: καὶ γίνονται προαγώνες οἰοεὶ τῶν μελλόντων ταῦτα ἐν Γρηγορίῳ, καὶ τῶν ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας μεγίστων ἐς ὑστερον ἄθλων.

²⁾ I. Cantacuzeni (ed. Bonn) I. p. 643 (lib. II, c. 39): ἄλλως δὲ νοήσαι τὰ ὀρθὰ καὶ τὰ νοηθέντα ἐξηγήσασθαι ἰκανώτατος, καὶ τὰ Εὐκλείδου καὶ Ἀριστοτέλους καὶ Πλάτωνος ἐκμελετήρας καὶ διαβόητος περὶ ταῦτα ὄν.

³⁾ Bandini, S. Iohannis Chrysostomi II, p. 128 (cod. Mediceo-Laurenz. VIII, plut. 8).

⁴⁾ ὀργάνου μὲν καὶ τινῶν ἑτέρων Ἀριστοτελικῶν ὑπῆρχε γεγενησμένος, τῶν δὲ λοιπῶν μαθημάτων οὐδ' ἄκροισ δακτύλοις, ὃ φασί, γεγενημένος.

время въ столицѣ, онъ вошелъ въ честь у царей, и всѣ искавшіе образованія и науки стекались къ нему учиться. Не стоа даже въ преддверіи монашеской жизни и не бывъ никогда въ монастырѣ, такъ какъ велъ жизнь вольную, перемѣная мѣста, неожиданно онъ захотѣлъ быть учителемъ и монашеской жизни и образцомъ другимъ, повинаясь въ этомъ случаѣ внушенію чelовѣконенавистныхъ демоновъ. Что же онъ дѣлаетъ? Притворившись ученикомъ, вступаетъ въ сношенія съ однимъ монахомъ, только за шесть передъ тѣмъ мѣсяцевъ освободившимся отъ мірскихъ заботъ и тщетной суеты, ибо жилъ съ женой и имѣлъ дѣтей. Выспрашиваетъ у него и допытывается смысла неизреченной тайны молчальничества (исихіи). Этотъ же, точно и самъ принадлежа къ циклу корифеевъ, какъ Антоній или Арсеній или другой кто изъ образцовъ добродѣтели, очень добродушно сообщаетъ Варлааму, что самъ зналъ. Наслушавшись его, Варлаамъ вооружается противъ исихіи и ея приверженцевъ, утверждая, что она представляетъ собой путь къ гибели, а не ко спасенію, что нѣтъ никакой надежды на спасеніе живущему вопреки Евангельскому ученію, какъ будто именно возлюбившіе исихію шли противъ Божественнаго Евангелія. Итакъ, онъ нанесъ *исихастамъ много оскорбленій, называя ихъ массалианами, обманщиками* и другими подобными именами. Когда это стало извѣстно вѣрному слугѣ Божію, іеромонаху Григорію Паламѣ, онъ рѣшился побесѣдовать съ Варлаамомъ, *такъ какъ и прежде еще былъ близокъ съ нимъ*¹⁾. Итакъ онъ всячески увѣщаль его и просилъ и даже порицалъ такими словами: какъ ты могъ довѣриться какому-то легкомысленному и только что со вчерашняго дня произведенному въ монахи и позволилъ себѣ отъ него учиться высокими и божественными предметамъ, когда онъ и самъ ихъ не понимаетъ и мало смыслить въ монашеской жизни? Ужъ если тебя такъ занимали эти вопросы, то тебѣ слѣдовало позаботиться отыскать мужей, съ дѣтства воспитанныхъ въ добродѣтели и усовершенствовавшихся въ подвигахъ исихіи, и отъ нихъ узнать желаемое. А если сказать правду, то и у нихъ нельзя прямо спрашивать того, что составляетъ вѣнецъ совершенства и большаиству неизвѣстно, а можно развѣ узнать нѣчто подготовительное и вводное къ таковой политіи и отсюда направляться къ дальнѣйшему.

¹⁾ Ibid., p. 130: Γωάρμων δὴ τοῦτο τῷ τοῦ Θεοῦ γνησίῳ θεράποντι Γρηγορίῳ τῷ Πалаμῇ ἱερομοναχῷ τοῦχάροντι χάρακτιν, ὁμιλήσαι περὶ τοῦ Βαρλαάμ ἐν συνηθείᾳ καὶ πρότερον αὐτοῦ. На основаніи этого мѣста можно бы заключать даже о сожитіи жителяхъ Паламы и Варлаама.

Ибо не только неопытнымъ трудно знаніе такихъ вещей, но и для самихъ усовершенствовавшихся не такъ легко спрашивать другъ друга и давать отвѣты. Возьмемъ примѣръ изъ твоей науки, какъ болѣе тебѣ ясный. Допустимъ, что къ тебѣ пришелъ кто нибудь изъ простыхъ людей, земледѣлецъ или огородникъ, или землекопъ, и потребовалъ бы у тебя посвятить его въ философію Платона или Аристотеля или научить его геометріи и астрономіи, — что бы ты сказалъ ему, не посмѣялся ли бы ты надъ его наивностью? Такъ относись и къ вопросу объ исихіи. Нельзя ознакомиться съ этимъ возвышеннымъ дѣломъ отъ непосвященныхъ и чрезъ нихъ достигнуть знанія, но только бесѣдуя съ мужами мудрыми и подвижниками, по мнѣнію которыхъ исихія есть равноангельное житіе. Итакъ, отстань отъ несчастнаго предпріятія, предай огню написанное противъ монаховъ: пользы тебѣ это не принесетъ никакой, а вредъ несомнѣнный. Къ подобнымъ совѣтамъ калабріецъ остался глухъ, какъ аспидъ, затыкающій уши. О чемъ прежде говорилъ онъ осторожно и какъ бы сквозь зубы, теперь сталъ бесѣдовать открыто и публично, порицая исихастовъ за избранный ими странный путь къ спасенію, не одобренный Господомъ и его учениками и апостолами, называя еретической ихъ молитву и богохульственнымъ ученіе ихъ о саворскомъ свѣтѣ. Не довольствуясь этимъ, составлялъ книгу противъ Паламы и исихастовъ и представилъ ее патриарху и собору*.

Въ обличительныхъ словахъ Филовея противъ Григоря находится весьма богатый матеріалъ для характеристики богословскихъ новшествъ, введенныхъ Варлаамомъ и Акиндиномъ. Въ настоящемъ случаѣ для насъ представляетъ интересъ XII слово, написанное въ защиту исихастовъ ¹⁾. Филовей старается здѣсь объяснить, между прочимъ, происхожденіе ереси Варлаама и говорить объ этомъ слѣдующее: „Варлаамъ, рожденный и воспитанный въ латинской церкви, отторгшейся уже отъ православія, впиталъ въ себя и понятія латинянъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, изучивъ языческихъ мудрецовъ, онъ не занимался церковными писателями. Что касается Григоря, то и онъ по происхожденію былъ варваръ. Происходя изъ Пафлагоніи, онъ тамъ получилъ образованіе и приобщился елликской музы, но, страхнувъ съ себя варварскіе нравы и языкъ, онъ не могъ освободиться отъ варварскаго образа мыслей и поведения; напротивъ, приложилъ еще въ худшимъ качествамъ варваровъ другія.

¹⁾ *Migne*, 151, col. 1110.

Будучи варварами по языку и правамъ, тѣ воспринимаютъ, однако, отъ своихъ отцовъ доброе поведеніе, нравственную чистоту и добродѣтель, являются ревнителями благочестія и хранителями апостольскихъ и святоотеческихъ догматовъ, такъ что ради нихъ готовы бываютъ пожертвовать жизнью; онъ же возсталъ противъ вскормившей и воспитавшей его церкви и дерзко неслыханнымъ образомъ оскорбилъ невѣсту Христову. Слѣдуя Варлааму, напавшему изъ дурныхъ побужденій на священную исихію и ревнителей ея, онъ, какъ ученикъ и преемникъ его заблужденія, наноситъ тяжкое оскорбленіе іереямъ Божиимъ и пастырямъ и учителямъ, оскорбивъ черезъ нихъ самого Бога. Слѣдуя грубое нападеніе на исихастовъ и вмѣстѣ на подвижниковъ и аскетовъ, онъ сталъ попирать ногами и всю добродѣтель въ теоріи и на практикѣ, имѣя цѣлью священный Аѳонъ, общее виѣсталище всякой добродѣтели, этотъ сонмъ, избранный во всей вселенной, гдѣ хранятся по истинѣ олимпійскія доблести. На этомъ-то Аѳонѣ Григора не нашель даже и слѣда добродѣтели, для него и его приверженцевъ остался невидимымъ тотъ блескъ всаческой добродѣтели, который, какъ зажженный костеръ, освѣщаетъ землю и море, острова и города, который свѣтитъ еллинамъ и варварамъ и доходить до отдаленныхъ предѣловъ вселенной. Не будучи въ состояніи возвыситься до уразумѣнія высшихъ качествъ жизни святогорцевъ, Григора собираетъ противъ нихъ обвиненія въ ожорствѣ и чревоугодіи, въ объяденіи и пьянствѣ, въ чрезмѣрной праздности и вообще въ такихъ порокахъ, которые не всегда можно находить даже между мірскими людьми. Не удовлетворяясь этимъ, присоединяетъ еще и другія нелѣпости: сновидѣнія, возношенія въ высшіи степени, видѣнія какихъ-то чувственныхъ огней, ложныя предсказанія и обманы⁴. Съ точки зрѣнія патріарха Филооея ересь Варлаама и его приверженцевъ есть привнесенное явленіе, объясняемое, съ одной стороны, варварскими восточными элементами, съ другой—своеобразными особенностями въ духовномъ развитіи Запада. Какъ, однако, сближались восточные элементы развитія съ западноевропейскими, почему Григора и Варлаамъ оказались сродными одинъ другому мыслителями, это остается невыясненнымъ. Вообще точки зрѣнія Филооея является выраженіемъ общаго и ходячаго мнѣнія партіи, что противцерковныя мнѣнія въ Византіи составляютъ чуждое еллинамъ и привносное явленіе. Но односторонность этого взгляда достаточно уже опровергается тѣмъ, что самаго сильнаго напряженія борьба достигаетъ послѣ удаленія со сцены Варлаама,

что она находитъ себѣ питательные матеріалы въ образованныхъ классахъ византійскаго общества и въ условіяхъ гражданской и церковной жизни.

Независимо отъ общихъ характеристикъ, находимыхъ у Палами и его почитателей, воззрѣнія Варлаама, Акиндина и другихъ представителей отверженнаго церковью ученія выясняются изъ подлинныхъ пьесъ, приведенныхъ въ соборныхъ опредѣленіяхъ, изъ полемическихъ и оправдательныхъ сочиненій, принадлежащихъ Варлааму, Акиндину, Григорѣ, Прохору, наконецъ, изъ официальныхъ актовъ, издающихся на время патриаршества Іоанна Калеки. Весь этотъ довольно обширный матеріалъ не былъ еще достаточно исчерпанъ. Но въ немъ, кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе одна сторона, которая совсѣмъ не была замѣчена: это—философская основа, проходящая черезъ всѣ стадіи борьбы и объясняющая противоположные богословскіе выводы. Чтобы не останавливаться на мелочахъ, укажемъ на одно мѣсто въ актахъ собора 1348 года ¹⁾, которое прямо сводитъ къ философскому началу занимающую насъ борьбу богословскихъ партій. Церковная партія требуетъ доказательствъ отъ священнаго писанія, а партія варлаамитовъ стоитъ за доказательства отъ разума, основанныя на аристотелевскихъ силлогизмахъ. При этомъ монахъ Прохоръ, противъ котораго и составленъ соборъ 1368 года, такими доказательствами отстаиваетъ свою точку зрѣнія. „Тѣхъ, которые обвиняютъ меня за употребленіе силлогизмовъ, скажу слѣдующее. Такъ какъ всякая истина есть или силлогизмъ, или элементъ силлогизма, то какъ мнѣ, такъ и моимъ противникамъ при изложеніи истины неизбѣжно пользоваться этимъ средствомъ. Да и почему бы въ самомъ дѣлѣ, имѣя знаніе и владея законами его, намъ не пользоваться этимъ средствомъ для опроверженія тѣхъ, кто преступаетъ законы мышленія. Итакъ, я хвалю это искусство и считаю его всего болѣе необходимымъ въ наше время“. Ясно, что монахъ Прохоръ являетъ приверженцемъ Варлаама не столько по практическимъ выводамъ по отношенію къ богословію, сколько по теоретическимъ приемамъ мышленія, по философскимъ основамъ, изъ которыхъ исходилъ онъ.

Никакъ нельзя думать, что партіи, бросавшія одна другой упрекъ въ еретическомъ образѣ мыслей, выступили въ полномъ вооруженіи уже на первомъ соборѣ въ 1341 году, или что взгляды Варлаама и

¹⁾ *Migne*, 151, col. 699.

Паламы ясно и неопровержимо доказывали еретичество одного и православие другого. Напротивъ, была извѣстная доля убѣдительности какъ въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя формулировалъ Палама, такъ и въ тѣхъ, которыя выставлялъ Варлаамъ, что доказывается и нѣкоторой нерѣшительностью соборнаго постановленія, не удовлетворившаго Паламу. Дѣло въ томъ, что обѣ партіи выступали съ неодинаковымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ логическихъ положеній и расходились въ способѣ заключеній изъ первыхъ посылокъ, принимаемыхъ одинаково представителями обѣихъ партій. Если Палама и его приверженцы имѣли свои основанія обвинять противниковъ въ измѣнѣ церковному ученію и въ многообразныхъ еретическихъ заблужденіяхъ, проистекающихъ изъ оказываемаго ими предпочтенія къ внѣшней мудрости и къ еллинской философіи, то нельзя не видѣть также искренности и глубокаго убѣжденія въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя формулируетъ Варлаамова партія. Она собрала противъ Паламы 19 тезисовъ ¹⁾, обвиняя его, между прочимъ: 1) въ еллинскомъ многобожій; 2) въ манихейскомъ двоебожій; 3) въ пифагорейзмѣ; 4) въ увлеченіи аристотелевскимъ ученіемъ о безначальности и безконечности міра; 5) наконецъ, въ принадлежности ко всѣмъ отвергнутымъ церковью еретическимъ ученіямъ, начиная съ аріанства и кончая богомилствомъ. Ясное дѣло, что всѣ эти обвиненія не могутъ быть признаны за ученія, высказанныя Паламой, но составляютъ выводъ, сдѣланный противниками изъ его посылокъ.

Всматриваясь въ эти первоначальныя послылки и въ характеръ полемики, мы пришли къ заключенію, что по существу борьба между Паламой и Варлаамомъ сводится къ исторіи философскихъ школъ въ Византіи. Но должно сознаться, что къ возстановленію исходныхъ моментовъ мировоззрѣнія той и другой партій встрѣчаются весьма важныя препятствія. За отсутствіемъ изложенія философскихъ воззрѣній Варлаама, необходимо обращаться къ сочиненіямъ его учениковъ, о которыхъ, однако, нельзя съ увѣренностью утверждать, что они воспроизвели лишь ученіе своего учителя, не присоединивъ и собственныхъ мнѣній и заключеній. Изданные матеріалы по исторіи полемики о еаворскомъ свѣтѣ выставляютъ монаха Акиндина однимъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Варлаама. А такъ какъ во всей обличительной литературѣ Варлаамъ и Акиндинъ ставятся рядомъ, и опроверженія ревнителей православія направляются одинаково

¹⁾ *Migne*, 150, col. 865, 871.

противъ одного, какъ и противъ другаго, то можно бы считать основательнымъ заключеніе къ тождеству ихъ философскихъ и богословскихъ воззрѣній. Но на основаніи неизданной переписки Акиндина¹⁾, которая восстанавливаетъ въ надлежащемъ свѣтѣ значеніе и снмнатіа этого общественнаго дѣятеля, нужно принять, что ревнители чистоты православнаго ученія были довольно несправедливы, приписывая Акиндину то, чего онъ не говорилъ и чему не сочувствовалъ. Оказывается, что Акиндинъ занималъ совершенно самостоятельное положеніе въ спорѣ и, полемизируя противъ Паламы, не раздѣлялъ въ то же время убѣжденій Варлаама. Только съ точки зрѣнія философскаго метода, со стороны пріемовъ мышленія—мы находимъ сближеніе между Варлаамомъ и Акиндиномъ.

Какъ философъ, Варлаамъ настойчиво проводилъ мысль, что логика есть одно изъ лучшихъ средствъ къ постиженію истины, въ схоластикахъ онъ видѣлъ главнѣйшую силу доказательности при изслѣдованіи причинъ всего сущаго. Знаніе онъ считалъ выше всего и преклонялся передъ изслѣдованіемъ и изученіемъ, видя въ немъ единственный и надежнѣйшій путь къ достиженію истины. Стремленіе же къ истинѣ было для него не отвлеченнымъ началомъ, а живымъ и дѣятельнымъ стимуломъ, ибо стремленіе къ истинѣ есть стремленіе къ божеству, такъ какъ Богъ есть истина. Въ то время, какъ противники его выставляли на видъ, что соединеніе съ божествомъ невозможно безъ сверхъестественнаго озаренія, Варлаамъ настаивалъ на возможности постигнуть истину, то-есть, божество, посредствомъ науки, посредствомъ изученія древнихъ философовъ. Что этотъ взглядъ на методъ познанія раздѣляемъ былъ въ то время многими греками, не бывшими въ числѣ учениковъ Варлаама, въ этомъ легко убѣдиться изъ горячей, на примѣръ, защиты метода познанія посредствомъ логическихъ умозаключеній у монаха Прохора. Что все значеніе жаркой полемики XIV вѣка находитъ себѣ ключъ въ этомъ отношеніи къ методу познанія, можно видѣть изъ послѣдующаго изложенія, когда мы будемъ разсматривать способы примѣненія этого метода къ философскимъ и богословскимъ построеніямъ.

Сохранился весьма важный для нашей цѣли трактатъ Акиндина „περί οὐσίας καὶ ἐπερὶ οὐσίας“, въ которомъ вопросъ о существѣ и о свой-

¹⁾ Въ Мюнхенской библіотекѣ cod. graecus 223. Объ этой перепискѣ будемъ говорить въ приложеніяхъ. Несогласіе Акиндина съ Варлаамомъ отмечено и въ изданныхъ текстахъ (*Migne*, 150, col. 875).

ствахъ божества рѣшается съ философской точки зрѣнія ¹⁾. „Есть возможность (δύναμις) страдательная и есть возможность дѣятельная (ἡ παθητικὴ, ἡ ποιητικὴ). Страдательной возможности противоположно то осуществление (ἐνέργεια), которое называется формой (εἶδος) и первой энтелехией; ибо все, по скольку страдательно, способно къ воспріятію свойственной (ему) формы, по отношенію къ которой называется возможностью; дѣятельной же возможности противоположно дѣятельное осуществление, ибо началомъ всякаго осуществленія, принимаемаго въ смыслѣ дѣятельности, служитъ дѣятельная возможность. И подобно тому, какъ осуществление въ смыслѣ формы есть исполненіе (τελειότης) страдательной возможности, такъ и осуществленіе въ смыслѣ дѣйствія есть исполненіе дѣятельной возможности. Ибо всякая возможность, разсматриваемая по отношенію къ противоположному ей осуществленію, есть нѣчто неисполненное. Одинъ изъ видовъ осуществленія, разсматриваемаго въ смыслѣ дѣятельности, есть исполненіе самаго дѣятеля, а не какого нибудь вѣшняго совершенія ²⁾... другой же видъ дѣятельнаго осуществленія есть исполненіе вѣшняго совершенія“. „Разсмотримъ теперь, можно ли и въ какомъ смыслѣ говорить, что сущность божія отлична отъ осуществленія (ἐνεργείας). И прежде всего скажемъ объ осуществленіи въ смыслѣ формы и первой энтелехіи ³⁾. Ибо это осуществленіе есть первое и основное въ родѣ осуществленій (ἐν τῷ τῶν ἐνεργειῶν γένει)... Еслибы было доказано, что въ Богѣ нѣтъ ни страдательной возможности, ни матеріи, которой бы присуще было осуществленіе, какъ форма веществу ⁴⁾, но что Богъ есть форма, сама по себѣ существующая, то совершенно необходимо было бы признать, что осуществленіе въ Богѣ есть его сущность“.

Разобравъ свойства Божія, Акиндинъ въ заключеніе приходитъ къ постановкѣ вопроса: какимъ образомъ разныя осуществленія, возможности и качества составляютъ въ Богѣ одну субстанцію? Нѣко-

¹⁾ *Migne*, 151, col. 1192 и слѣд. При переводѣ этого отрывка мы пользовались совѣтомъ и помощью Н. Н. Ланге, которому и приносимъ искреннюю благодарность.

²⁾ Col. 1193: Τῆς δὲ ἐνεργείας τῆς ὡς δράσεως λεγομένης ἢ μὴ εἶναι τελειότης τοῦ ἔχοντος καὶ οὐδενὸς ἐξωθεν ἀποτελέσματος.

³⁾ Col. 1196: καὶ πρῶτον περὶ τῆς ἐνεργείας, τῆς τοῦ εἶδος καὶ τῆς ἐντελέχειας δηλούσης.

⁴⁾ Ἐὰν ταῦτον δεχθῆι μὴ εἶναι δύναμιν τίνα ἐν τῷ Θεῷ παθητικῆς, μὴτε ὄντι, ἐν ἣ εἶη ἂν αὐτῇ ἡ ἐνέργεια, ὡς εἶδος ἐν ὄντι, ἀλλ' εἶναι εἶδος κατ' αὐτὸν ὑφ' ἑαυτοῦ ἀνάγκη πᾶσα ομολογεῖν τὴν ἐνέργειαν τοῦ Θεοῦ εἶναι τὴν οὐσίαν αὐτοῦ.

торы стараются доказать, что Богъ есть существо простое, хотя и состоитъ изъ столь многого. Августинъ въ сочиненіи *кери тѣс ἀληθείας ἀχαιας* говоритъ, что одна только простота Божія сложна, ибо въ немъ находится не только простота сущности, но и возможности, что его сложность проста, ибо въ немъ сущность и возможность и всё остальное составляетъ нѣчто одно и простое. Это положеніе могло бы имѣть значеніе для упомянутыхъ лицъ, еслибы они признавали все это не за *реальности*, а за *простыя понятія*, какъ то утверждали нѣкоторые изъ такъ называемыхъ древнихъ богослововъ объ отличительныхъ признакахъ, говоря, что эти признаки не суть *реальности*, а *представленія нашего ума*, совершенно также, какъ говорится о *родахъ и видахъ* ¹⁾. Нынѣ же трудно, даже невозможно признавать Бога и простымъ, и сложнымъ изъ столькихъ реальныхъ свойствъ, такъ что онъ будетъ единымъ по основѣ, множественнымъ по признакамъ, единымъ въ цѣломъ, множественнымъ въ частяхъ, что не значитъ быть вообще единымъ и простымъ, а лишь известнымъ образомъ и въ известномъ отношеніи ²⁾.

Возврънія Акиндина рисуетъ еще другое его сочиненіе, написанное ѡмбическимъ размѣромъ и направленное противъ Паламы. О происхожденіи и распространеніи этого сочиненія имѣемъ весьма любопытное мѣсто въ похвалѣ Филовея Григорію Паламѣ ³⁾. Такъ какъ это мѣсто хорошо рисуетъ литературныя нравы эпохи, то находимъ не излишнимъ привести его. „Назначенъ былъ тогда стратигъ въ Целопоннись, человекъ прекрасный, благорасположенный къ правительству, другъ благочестія и защитникъ православія. Когда онъ приготовлялся отправиться къ новому мѣсту назначенія, къ нему ежедневно являлись посѣтители: одни потому, что имѣли сопутствовать ему въ качествѣ административныхъ чиновъ на разныя подчиненныя ему мѣста, другіе изъ дружескаго къ нему расположенія и ради бесѣды. Между ними былъ нѣкто изъ друзей и приверженцевъ

¹⁾ Col. 1241: Συνέβαινε δ' ἐν αὐτοῖς το λεγόμενον, εἶπεο μὴ πράγματα ταῦτα ὑπεκρίνεσθαι, ἀλλὰ λόγους μόνον, ὅπερ τινές τῶν ἀρχαίων θεολόγων καλούμενοι καὶ τῶν διαφορῶν ἔλεγον, οὐ πράγματα εἶναι ταῦτα: διαβεβαίουμενοι, ἀλλ' ἐκ τῶν ἡμετέρων νοητῶν· οἷον τὰ γένη καὶ τὰ εἶδη φησιν.

²⁾ Ἔσται γὰρ ἐν μὲν τῷ ὑποκειμένῳ, πολλὰ δὲ τοῖς συνβεβηκόσι· καὶ ἐν μὲν τῷ ἔλαφ, πολλὰ δὲ τοῖς μέρεσι. Ὅπερ ἐστὶ μὴ ἐν καὶ ἀπλῶς ἀπλοῦν εἶναι, ἀλλὰ πῆ, καὶ κατὰ τὴν.

³⁾ *Migne*, 151, col. 608. Подразумываемое здѣсь сочиненіе *μετρος ѡμβικοις ἡρμοσμένον* издано въ 150 т. *Патрологіи Мниа*, col. 843, и начинается словами *Ἐποῦδῃ Παλαμῶν εὐσεβῆς πᾶς φευγέτω.*

Акиндива, зачисленный на службу къ стратигу. Вручивъ ему самое главное свое сочиненіе противъ православія, написанное ямбическимъ разиѣромъ, Акиндивъ внушаетъ распространять его въ Пелопоннисѣ. Спрятавъ у себя за пазухой рукопись, онъ сталъ питать странные замыслы и вести нелѣпные разговоры, въ особенности не зналъ мѣры въ хуленіяхъ противъ Григорія, защитника благочестія, спорилъ съ тѣми, кто защищалъ его, и надобѣдалъ противорѣчіями своему господину стратигу. Но Богъ, пекущійся о спасеніи всѣхъ, въ одну ночь дивно исхитилъ какъ всѣхъ пелопоннисцевъ, такъ и его самого изъ душевредной заразы. Разъ онъ спалъ на кровати, ямѣи у себя на груди упомянутое сочиненіе, и приснилось ему, будто пришли царскіе копьеносцы и требовали по царскому указу, чтобы онъ сейчасъ же всталъ и шелъ въ темницу. Въ страхѣ онъ поднимается съ кровати, полный смущенія и безпокойства, но, повемногу придя въ сознаніе и приписавъ испытанное воображенію, снова растаялся на ложѣ и заснулъ. Но тотъ же сонъ повторился снова: опять будто пришли царскіе люди и отдали прежній приказъ. Онъ снова вскочилъ въ большемъ еще смущеніи, такъ какъ недавно передъ тѣмъ отвѣдалъ темницы и зналъ тягость заключенія, и долго волновался и недоумѣвалъ. Но, опять приписавъ это сповиднью и воображенію, заснулъ. А сонъ черезъ нѣкоторое время опять повторился, будто опять пришла царская стража и еще строже прежняго повторяетъ свое требованіе. Онъ же, еще находясь во снѣ, будто выражалъ свое недоумѣніе и спрашивалъ о причинѣ царскаго гнѣва, а ему указали пальцемъ на хранящееся у него на груди еретическое сочиненіе и тѣмъ объяснили причину царской немилости, говоря: „ты везешь съ собой болтовню нечестиваго Акиндива и хочешь распространять ее въ Пелопоннисѣ на развращеніе и гибель многихъ людей; если сейчасъ же не бросишь этого сочиненія, то не избѣжишь угрожающаго гнѣва царскаго“. И снилось ему далѣе, что убѣжденный этими словами онъ съ готовностію обѣщалъ исполнить совѣтъ. Пробудившись отъ сна, онъ счелъ нужнымъ поступить согласно обѣщанію, ибо усматривалъ въ этомъ божественное внушеніе. Итакъ, съ проклятіемъ отвергнувъ еретическое сочиненіе, онъ съ спокойной совѣстью проспалъ остатокъ ночи. На другой же день, явившись по обычаю въ домъ предводителя, началъ передъ всѣми проповѣдывать противоположное тому, что говорилъ прежде, и просилъ у всѣхъ прощенія за прежнія мысли, явившись такимъ образомъ громкимъ глашатаемъ чудесъ Божіихъ. Старшій сынъ стратига слышалъ его рѣчи

отправился къ великому мужу (разумѣется Палама), заключенному въ царскихъ палатахъ, и возвѣстилъ о пагубныхъ козняхъ еретика и о чудесномъ и дивномъ разоблаченіи оныхъ, показавъ въ подтвержденіе своихъ словъ это злое и нечестивое сочиненіе¹⁾.

Заключеніе приведеннаго отрывка поясняетъ обстоятельства, при которыхъ сочиненіе Акиндина *χρητὴ τῶν ἀπέσεων Γρηγορίου τοῦ Παλαμά* попало въ руки паламитовъ и, конечно, сдѣлалось важнымъ противъ него уликой. Оно начинается слѣдующими словами: „Тщательно избѣгай Паламы всякій благочестивый, ибо онъ, развѣ преступивъ границы правильнаго мышленія и отвергнувъ отеческія наставленія и, что еще хуже, утративъ свѣтъ ума, безъ всякаго стѣсненія привноситъ нечестивыя ученія“. Изложивъ свое ученіе о Троицѣ, Акиндинъ такъ характеризуетъ ученіе Паламы¹⁾: Онъ перевернулъ все вверхъ дномъ и не оставилъ на мѣстѣ ни одного догмата. Духъ же его изворотливаго умствования—эллинскій свыше мѣры. Ибо дѣлится на части монада и измѣряется не лицами, но степенями реальныкъ проявленій; разсѣкается на части то, что нераздѣльно, да и самыя эти части снова подвергаются дѣленію, какъ будто составленныя изъ безчисленныхъ чуждыхъ элементовъ: тутъ есть и Демокритово множество, и Эмпедоклова вражда, и Платоновы формы, и боги Эллады, и заблужденія Арія и Савелія“.

Подводя итогъ сказанному, мы должны признать, что въ литературной дѣятельности Варлаама и его приверженцевъ отиѣчается прежде всего опредѣленное отношеніе къ тому кругу идей, въ которомъ вращается все средневѣковое мышленіе. Не спеціальныя вопросы догматики стояли на первомъ мѣстѣ и не практическія соображенія, а лишь страстная любовь къ истинѣ и желаніе опредѣлить отношеніе познающаго ума къ изслѣдуемой причинѣ всего сущаго. Уму было открыто лишь поле философскихъ проблемъ и на этомъ полѣ ведется дѣятельная борьба между сторонниками номинализма и реализма. Споръ между Варлаамомъ и Паламой сводится къ толкованію Аристотеля, рѣшаемыя въ этомъ спорѣ проблемы относятся къ области философіи: вожди партій начали борьбу изъ-за простой логической формулы, изъ-за выясненія, можно сказать, одного словечка! По воззрѣнію Варлаама, который является представителемъ довольно ясно выраженнаго рационализма, умъ человѣчскій можетъ постигать природу вещей, потому что представленія ума тождественны

¹⁾ Col. 849.

съ реальными вещами. Самым безошибочнымъ средствомъ къ познанию сущаго служитъ логика; разъ дано одно положеніе, при правильномъ пользованіи силлогизмами оно ведетъ къ правильнымъ заключеніямъ и выводамъ. Существуетъ такая тѣсная связь между стремленіемъ духа къ истинѣ и познаниемъ высочайшей истины—Бога, что одно безъ другаго немислимо, такъ что соединеніе съ Богомъ тождественно съ постиженіемъ истины. Но какъ человѣкъ достигаетъ познанія Бога? Можетъ ли человѣкъ видѣть существо Божіе и утверждать его существованіе, какъ онъ можетъ утверждать реальность видимыхъ предметовъ? Здѣсь и оказалось существенное различіе воззрѣній Варлаама и Паламы. По мнѣнію перваго, познаніе Бога не нуждается въ чувственныхъ органахъ, но сообщается какъ актъ особеннаго просвѣщенія тѣмъ, кто чистъ сердцемъ и исполняетъ заповѣди Божіи, это есть актъ сообщенія высшаго знанія. То, что называется блаженнымъ созерцаніемъ Бога, есть мысленное воспріятіе божества или осиніе, доступное избраннымъ, но не приобщеніе человѣку существа Божіа, которое недоступно внѣшнимъ чувствамъ. Палама же и аеонскіе монахи, не признавая за логикой и вообще за внѣшней мудростью могущественнаго орудія къ познанию причины всего сущаго, ссылались на авторитетъ церковнаго преданія и святоотеческихъ писаній, какъ на единственно надежный путь къ познанию сущаго. Должно, однако, замѣтить, что школа Паламы ограничивала значеніе логики въ дѣлѣ постиженія истины не въ томъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, Вильгельмъ Оккамъ, борившійся противъ злоупотребленій силлогизма во имя проверки кажущагося и дѣйствительнаго, то-есть, во имя опыта, а лишь въ смыслѣ превосходства откровеннаго ученія передъ данными, добытыми усилиями человѣческой мысли. Принятое паламитами положеніе есть то же самое, которое церковная партія въ Византіи отстаивала въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка: не преступать предѣловъ, установленныхъ въ богословіи святыми отцами.

Еслибы мы захотѣли опредѣлять мѣсто, занимаемое Варлаамомъ въ исторіи средневѣковаго мышленія, то необходимо пришлось бы искать точекъ соприкосновенія между его ученіемъ и современными ему западными философами. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что не случайна у Варлаама и его учениковъ теорія знанія, опирающаяся на логикѣ и силлогизмахъ. Въ исторіи развитія западной схоластики самыми крайними выразителями этой теоріи служатъ Рай-

мундъ Луллъ и Дунсъ Скотъ ¹⁾. Такъ какъ дѣятельность обоихъ упомянутыхъ философовъ падаетъ на конецъ XIII и начало XIV вѣка, то въ этомъ получился бы выводъ, что въ ученіи Варлаама мы имѣемъ случай воздѣйствія западнаго мышленія на византійское. Но на самомъ дѣлѣ на этомъ выводѣ нельзя остановиться. Прантль ²⁾ указываетъ въ произведеніяхъ Д. Скота и Р. Лулла матеріалъ для изученія новой стадіи развитія логики, но какимъ путемъ западные мыслители восприняли этотъ матеріалъ, онъ не берется рѣшить, хотя не сомнѣвается, что онъ заимствованъ изъ Византіи. Слѣдовательно, по отношенію къ Варлааму приходится пока остановиться на томъ заключеніи, что онъ является въ Византіи выразителемъ философскаго мышленія сходнаго съ западно-европейскимъ конца XIII и начала XIV вѣка.

Гораздо удовлетворительнѣе тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ о способѣ примѣненія философскихъ возрѣній къ догматамъ. Оно и понятно. Главнѣйше на богословской почвѣ велась борьба; изъ способа примѣненія философскихъ основъ къ ученію о божествѣ заимствуемы были обвиненія въ еретичествѣ, бросаемыя представителями одной партіи противъ другой. Имѣется обширная полемическая литература, выясняющая взгляды Паламы и Варлаама. Изъ этой литературы неоднократно дѣлаемы были извлеченія, сводившія къ краткимъ положеніямъ сущность ученія той и другой партіи. Достаточно сослаться на краткое изложеніе монаха Давида ³⁾, на матеріалъ, находящійся въ синодикѣ въ недѣлю православія ⁴⁾ и, наконецъ, на 19 пунктовъ обвиненій противъ Паламы, собранныхъ противниками его ⁵⁾. Благодаря этому матеріалу, мы можемъ безъ дальнѣйшихъ объясненій прямо войти въ сущность вопроса.

Основная мысль Варлаама заключалась въ томъ, что божественное озареніе есть наука и знаніе, это озареніе дается въ удѣлъ тѣмъ, кто чистъ сердцемъ и исполняетъ заповѣди Божіи. Таково именно было осіяніе учениковъ свѣтомъ Господнимъ во время преображенія на горѣ Фаворѣ; оно имѣло цѣлью сообщеніе высшаго знанія апостоламъ и не было по природѣ своей чѣмънибудь невещественнымъ или изліаніемъ самаго существа Божія, но только призракомъ, мы-

¹⁾ *Hauréau*, De la philosophie scolastique, II, pp. 237, 309; *Ueberweg*, II, S. 225.

²⁾ *Prantl*, Geschichte der Logik, III, Ss. 129, 225.

³⁾ Московская патріаршая бібліотека, № 290, л. 1.

⁴⁾ Тамъ же, № 93, л. 551, на Варлаама и Акиндина главизны.

⁵⁾ *Migne*, 150, col. 865, 871.

сленнымъ образомъ созданнымъ именно для этой цѣли ¹⁾. Палама же и аеояскіе монахи отстаивали то мнѣніе, что возсіявшій на Фаворѣ свѣтъ, по ученію отцовъ церкви и церковному мнѣнію, хотя и не есть самое существо Божіе, но и не призракъ и не мысленный образъ: это есть неразлучно присносущное Божественному существу проявленіе и осуществленіе, иначе говоря, это есть естественное свойство и энергія Божества. Принятое Паламой положеніе было въ высшей степени трудно отстоять съ логической стороны; эта трудность легко замѣчается и теперь, если сопоставить редакцію основнаго положенія паламитовъ по Синодику и въ изложеніи монаха Давида ²⁾. Хотя Палама не утверждалъ, что свѣтъ фаворскій есть истеченіе существа Божія, но изъ его словъ можно было вывести это заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если осіяніе учениковъ на Фаворѣ было дѣйствиємъ сообщенія имъ Божественнаго существа, то какъ бы ни называть акта этого сообщенія — *φωσική χάρις* или *ἐνέργεια*, все же возникалъ вопросъ о томъ, какъ представлять себѣ свойства существа Божія, можетъ ли Богъ по существу быть доступенъ человѣку и приходитъ съ нимъ въ общеніе. Варлаамъ и напалъ на эту сторону положенія Паламы. Если, говорилъ онъ, допустить ваше мнѣніе о фаворскомъ свѣтѣ, то слѣдовало бы заключать, что тотъ свѣтъ тождественъ съ существомъ Божіимъ и что существо Божіе можетъ сообщаться человѣку, доступно человѣческимъ чувствамъ. Не существо, отвѣчали паламиты, а энергія Божественная, благодать и слава, удѣляемая отъ существа Божія святымъ. А если такъ, возражалъ Варлаамъ, то необходимо заключать, что вы допускаете двоебожіе: ибо съ одной стороны принимаете существо Божіе невидимое и непричастное людямъ, съ другой энергію Божества и благодать, сообщаемую святымъ, то-есть, высшую и низшую природу въ Богѣ. На это Палама, однако, указывалъ, что энергія Божественная нераздѣльна отъ существа Божія, а потому нѣтъ въ его ученіи мысли о двоебожии. Мысль свою онъ доказывалъ слѣдующимъ образомъ: какъ въ видимомъ солнцѣ дискъ его самъ по себѣ недоступенъ осязанію и

¹⁾ Монахъ Давидъ: οὐκ ἦν ἕκαστο το φῶς αἰεῖ, ἀλλὰ τότε ἐγένετο ἐκ τῆς εἰδωσῆς καὶ μαθηταὶ ἰδόντες οὐτως καὶ παρὰ τῶν αἰώνων; Синодикъ: εἶνα: ἰνδάλμα καὶ κτίσμα καὶ φάσμα ἐπὶ βραχίῳ στήθων καὶ διαλόθεν παραουρήμα.

²⁾ ἢ ἢ τῆς κτίσμα εἶναι το θεϊοτάτων ἕκαστο φῶς, ἢ ἢ τῆς οὐσίας Θεοῦ, ἀλλ' ἢ κτιστον καὶ φωσικῆν χάριν καὶ ἐλλάμψιν καὶ ἐνέργειαν ἐξ αὐτῆς: τῆς θείας οὐσίας ἀχωριστως καὶ προσοῦσιν; у Давида θεῖον καὶ ἀπρόσκατον, ἄχρονον, ἄκτιστον καὶ αἰδῖον ἐλλάμψιν καὶ χάριν καὶ λαμπρότητα Θεοῦ καὶ θεοτετα παρὰ τῶν ἁγίων καλοῦμενον.

неотдѣлимъ для глазъ, и еслибы кто, приблизившись къ нему, захотѣлъ отнять частицу видимой его силы, то былъ бы обращенъ въ пепель, между тѣмъ какъ лучи его сходятъ къ намъ и освѣщаютъ весь міръ, и тѣмъ не менѣе, говоря о солнцѣ и дискѣ и о лучахъ, мы не признаемъ два солнца, но одно, хотя оно посылаетъ безчисленныя лучи; такъ и по отношенію къ Богу, мысленному солнцу, хотя признаемъ не дѣлящуюся на части сущность его и считаемъ невидимой, и дѣлимой или сообщаемой энергію его и благодать, мыслимъ одно Божество, имѣющее сущность и энергію. И еслибы кто сталъ утверждать, что есть много солнцевъ на основаніи того, что много лучей, то явно утверждалъ бы нелѣпность, такъ точно неправильно бы судилъ и тотъ, кто заключалъ бы къ многобожію изъ признанія многихъ энергій божества. Неотдѣлима энергія отъ существа, какъ неотдѣлимъ Сынъ отъ Отца или Духъ святой, или какъ неотдѣлимъ лучъ отъ солнца и теплота отъ огня. И подобно тому, какъ говоримъ, что существо солнца, то-есть, дискъ его, какъ недѣлимыйъ, выше лучей и сіянія, посылаемаго нашимъ глазамъ, ибо въ немъ источникъ и начало и корень и проводникъ сіянія, точно такъ же, согласно ученію святыхъ, принимаемъ, что божественное существо, какъ недѣлимое и невидимое, выше посылаемыхъ имъ осіяній и энергій и благостей, которыя сообщаетъ святымъ Святая Троица.

На этой стадіи былъ вопросъ, пока въ немъ принималъ личное участіе Варлаамъ. Послѣ его удаленія изъ Константинополя, восточныя моменты разногласія между партіями снова были пересмотрѣны Акиндиномъ съ философскою точкою зрѣнія какъ въ трактатѣ περί οὐραίων καὶ ἐνεργειῶν, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ. Можно думать на основаніи свидѣтельства монаха Давида, что Акиндинъ развили дальше положенія Варлаама, высказавъ пантеистическія теоріи¹⁾. Но мы не находимъ нужнымъ здѣсь входить въ изложеніе подробностей борьбы партій на догматической почвѣ, считая свою задачу исполненной въ томъ отношеніи, что поставили внѣ сомнѣнія философскія основы въ спорѣ о еаворскомъ свѣтѣ и объ энергіи Божіей, и предполагая изложить догматическій споръ въ отдѣльной главѣ.

1) τὴν οὐρανὸν τοῦ Θεοῦ ἀνεκτίκην πᾶσι ποιεῖ τοῖς κτιστάσι λογικοῖς τε καὶ ἀλόγοις, ἀψύχουσι τε καὶ ψυχούσι, ὅτις πᾶσις ἀρεταῖς ἐστὶν ἀπαιεῖται.

2. Миссія на Западъ. Роль Варлаама въ возбужденіи интереса въ греческимъ занятіямъ въ Италиі.

Царь Андроникъ Младшій раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими мыслью о возможности новой попытки организовать крестовый походъ съ цѣлью освобожденія изъ-подъ власти мусульманъ Святой земли. Поэтому онъ не прочь былъ вступить въ переговоры съ католическими государями относительно жертвъ, какія можетъ принести Византія въ пользу крестоваго похода ¹⁾. Посредникомъ въ сношеніяхъ византійскаго двора съ католическими государями въ этомъ вопросѣ былъ монахъ Варлаамъ. Получивъ секретныя порученія отъ Андроника къ папѣ и королямъ сицилійскому и французскому, онъ энергично принялся за дѣло и выполнилъ возложенное на него порученіе съ искренностью и достоинствомъ истиннаго патриота. Матеріалы касающіеся дипломатической миссіи Варлаама, весьма хорошо рисуютъ его нравственный обликъ и служатъ лучшимъ опроверженіемъ изводимыхъ на него нѣкоторыми греческими писателями обвиненій въ двоедушіи и лицемеріи.

Византійскіе писатели почти не даютъ и подозрѣвать, что Варлаамъ имѣлъ порученіе вести переговоры о такомъ важномъ вопросѣ, который затрогивалъ существенные интересы Греческой имперіи. Весьма глухо и кратко у нѣкоторыхъ ²⁾ упоминается объ его посольствѣ въ Италию, но ни одинъ не говоритъ о цѣли посольства. По всей вѣроятности, данное Варлааму порученіе держалось въ большомъ секретѣ, и такимъ образомъ свѣдѣнія о немъ почерпаются исключительно изъ латинскихъ источниковъ. Это суть официальные акты, извлеченные изъ архива консисторіи папы, обнимающіе дѣлопроизводство по случаю представленія папѣ Бенедикту XII византійскихъ пословъ: монаха Варлаама и венеціанскаго дворянина Стефана Давдоло. Въ нихъ заключаются слѣдующіе документы: 1) письмо папы къ сицилійскому королю Роберту; 2) протоколы засѣданія коллегіи кардиналовъ; 3) рѣчь Варлаама; 4) отвѣтъ на нее папы; 5) докладная записка Варлаама; 6) отвѣтъ на эту записку; 7) дру-

¹⁾ О попыткахъ оживить крестоносную идею въ XIV вѣкѣ см. прекрасную монографію *Delaville le Roulx, La France en Orient au XIV siècle. Paris. 1886.*

²⁾ Такъ у Филоеенъ въ похвалѣ Паламъ, *Migne, t. 151, col. 586: ἐπεί δε Βαρλαάμῳ ἐπιστρέψας ἐκ τῆς προέξουσης...*

гая записка Варлаама по поводу окончательнаго мнѣнія папы и кардиналовъ ¹⁾). Уже изъ перечня статей можно видѣть, что здѣсь имѣемъ хорошій и подлинный материалъ для ознакомленія съ воззрѣнiями Варлаама на предметъ первостепенной важности и для оцѣнки его симпатiй и антипатiй не по чужимъ словамъ, а по его собственнымъ признанiямъ. Содержанiе означенныхъ документовъ заключается въ слѣдующемъ.

Прежде всего помѣщено письмо папы Бенедикта XII къ королю сицилійскому Роберту. „Явившiйся къ намъ аббатъ монастыря Искупителя въ Константинополѣ Варлаамъ, называющiй себя посланцемъ своего государя Андроника, предложилъ на обсужденiе вопросы о воссоединенiи грековъ со святой римской церковью, о чемъ мы подробно извѣщаемъ ваше королевское величество. Горячо рекомендуемъ названнаго аббата вашей благосклонности. Дано въ Авиньонѣ, 3 кал. septembrii. anno 5" ²⁾). Затѣмъ слѣдуютъ протоколы съ приложенiями.

Въ лѣто 1339 отъ Р. Х. къ его святѣйшеству папѣ Бенедикту XII представился въ Авиньонѣ аббатъ монастыря св. Искупителя въ Константинополѣ Варлаамъ вмѣстѣ съ дворяниномъ Стефаномъ Дандоло, венецианскимъ рыцаремъ. *Они представили письма короля Филиппа французскаго и Роберта сицилійскаго, въ которыхъ заключаются, между прочимъ, что Варлаамъ съ названнымъ рыцаремъ посланъ въ сiя страны отъ великаго князя Андроника, греческаго государя, съ цѣлью переговоровъ о воссоединенiи греческой церкви съ римской. Предъ его святѣйшествомъ и коллегией кардиналовъ онъ сдѣлалъ слѣдующiя предложенiя: чтобы на вселенскомъ соборѣ, имѣющемъ быть созваннымъ папой, статья символа о происхожденiи Св. Духа изложена была примѣнительно ко взгляду грековъ и римлянъ, которымъ предоставлена будетъ для того свобода публичныхъ пренiй и состязанiй, и чтобы прежде всего оказано было вспоможенiе со стороны папы и церкви и названныхъ королей и другихъ вѣрныхъ къ возвращенiю трехъ или четырехъ большихъ городовъ, которые отняты турками у имперiи Греческой. Спрошены были Варлаамъ и рыцарь: имѣютъ ли они вѣрительную грамоту какъ относительно означенныхъ предложенiй, такъ и другихъ подлежащихъ*

¹⁾ Въ эти документы перепечатаны аббатомъ Мимемъ, *Patrologia graeca*, 151. col. 1331: *Varlaami oratio pro Unione*.

²⁾ Бенедиктъ XII избранъ 20-го декабря 1334 г., умеръ 25-го апреля 1334 г. да. Дата падаетъ на конецъ августа 1339 года.

обсужденію вопросовъ или отъ патріарха константинопольскаго, или императора, или отъ вельможъ того государства свѣтскихъ или духовныхъ, ибо иначе всё разсужденіе были бы излишни и не имѣли бы никакого значенія, какъ это видно изъ прежнихъ актовъ. Давно уже заключались торжественные трактаты объ единеніи церквей, и соглашеніе не разъ было достигаемо; такъ, патріархъ Іоаннъ и императоръ Михаилъ Палеологъ чрезъ своихъ чрезвычайныхъ апокрисіаріевъ дали согласіе на Діонскомъ соборѣ ¹⁾ присоединиться къ тому ученію, которое держитъ святая римская церковь, но потомъ снова отвергли это единеніе, посягнувшись надъ римскою церковью. На этотъ вопросъ Варлаамъ и рыцарь отвѣчали, что у нихъ нѣтъ ни вѣрительной грамоты, ни приказа. Тѣмъ не менѣе папа и коллегія кардиналовъ, желая воссоединенія, изъ котораго несомнѣнно

¹⁾ *Hefele, Conciliengeschichte, VI (2-e Auflage), Ss. 136* и слл. Діонскій соборъ состоялся въ 1274 г. Соборъ уже былъ открытъ, когда прибыли греческіе послы (24-го іюня): бывший патріархъ Германъ, митрополитъ никейскій Феофанъ, сенаторъ и логоветъ Георгій Акрополитъ и др. Чтобы обезпечить успѣхъ дѣлу униі, царь Михаилъ Палеологъ въ мартѣ 1274 года подвергъ временному заключенію въ монастырь Перивлента тогдашняго патріарха Іосифа на тотъ конецъ, что если униа не будетъ провозглашена, то патріархъ снова получитъ свободу и возвращенъ будетъ на патріаршій тронъ; въ противномъ же случаѣ, чтобы лишить его возможности противодѣйствія, предположено было держать его въ монастырѣ. Независимо отъ сего царь потребовалъ отъ константинопольскаго духовенства согласія на слѣдующія статьи: призваніе папскаго примата, право апелляціи къ Риму и провознесеніе имени папы на литургіи. Это требованіе возбудило сильное волненіе, и съ большими трудомъ духовенство согласилось исполнить его, когда царь далъ торжественное обѣщаніе, что символъ вѣры ни на іоту не пострадаетъ. Въ звезданіи 6-го іюля приняли участіе греческіе послы. Здѣсь прочитаны были письма отъ царя, духовенства и отъ Андроника Палеолога, въ которыхъ высказывалось, что греки принимаютъ ученіе католической церкви, признаютъ приматъ папы. Оговорка сдѣлана по отношенію къ символу, который греческая церковь приняла въ той формѣ, какъ она была выражена до раздѣленія церквей, и еще относительно обрядовой стороны богослуженія. По возвращеніи греческаго посольства съ собора, ими папы было принято въ дѣптахъ церковные, и 16-го января 1276 г. въ торжественномъ богослуженіи апостолъ и евангеліе читались и на латинскомъ языкѣ, ими папы Григорія провозглашено съ присоединеніемъ титула „военскій патріархъ“. На мѣсто патріарха Іосифа избранъ былъ хартофилакъ Іоаннъ Веклъ. Но дѣло при званіи униі встрѣчало сильныя препятствія, обещанный же папой походъ на востокъ все откладывался. Со смертію Михаила (11-го декабря 1282 г.) и вступленіемъ на престолъ Андроника униа была отвергнута, и греческія церкви стали освящать и пропитъ святой водой, чтобы очистить ихъ отъ временной скверны.

воспослѣдуетъ спасеніе многихъ душъ, рѣшили допустить къ разсмотрѣнію предложенія Варлаама и венеціанскаго рыцаря.—Далѣе приводится рѣчь Варлаама. „Получивъ разрѣшеніе вашего святѣйшества изложить способы, какими, по моему мнѣнію, возможно достигнуть единенія восточной и западной церкви, я прежде всего умоваю ко Всевышнему молитву, чтобы онъ внушилъ святой душѣ вашей такіа мысли, которыя относятся къ славѣ и похвалѣ вашей, къ уничтоженію нечестивыхъ и къ совершенству и единенію всѣхъ христіанъ. Могутъ быть два способа къ достиженію униі. Одинъ способъ насилія, если Востокъ присоединится къ единенію съ Римомъ противъ воли, уступая силѣ; другой способъ свободнаго согласія, когда Востокъ добровольно присоединится къ вамъ, наученный и смиренный увѣщаніями и поученіями. О первомъ я не буду говорить. Второй можетъ имѣть двоякій видъ: одними средствами можно примирить съ вами нашихъ ученыхъ, другими простой народъ. Средства для образованнаго класса совершенно просты и легки: пусть придутъ къ вашему святѣйшеству изъ нашихъ мудрецовъ 30 или 40, и я очень хорошо увѣренъ, что они весьма легко придутъ въ согласіе съ вами. Почему? Да просто потому, что какъ вы, такъ и они ищутъ истины. Итакъ, уже въ силу того, что обѣ части желаютъ истины, должно думать, что скоро найдутъ ее и придутъ къ согласію. Но когда они, согласившись съ вами, возвратятся на Востокъ, то не будутъ въ состояніи побудить нашъ народъ вѣровать такъ, какъ соглашено было съ вами. Найдутся такіе люди, которые или изъ зависти, или изъ тщеславія, а, можетъ быть, и изъ чистыхъ побужденій, будутъ внушать толпѣ противоположныя мысли и скажутъ: „братья! берегитесь соблазна и не слушайте ихъ, они подкуплены подарками и почестями, не отступайте отъ старинны“. Такія внушенія подѣйствуютъ на толпу, и мудрымъ, пришедшимъ съ вами къ согласію, придется подвергнуться опасности жизни отъ толпы. Вслѣдствіе этого указанный способъ достаточенъ для ученыхъ, для толпы же не пригоденъ. Какой же способъ можетъ привести къ униі и образованныхъ людей, и толпу? Простой народъ привыкъ къ мысли, что вселенскіе соборы имѣютъ обязательную силу, что постановленія этихъ соборовъ правильны и святы. Итакъ, если и нынѣ соберется вселенскій соборъ по поводу тѣхъ разностей, какія вы имѣете съ греками, то весь Востокъ охотно приметъ постановленія такого собора, и никто не будетъ противорѣчить имъ: такъ установится единогласіе и униі. Если бы кто возразилъ, что уже былъ Ліонскій соборъ, на которомъ при-

существовали и греки для обсуждения тѣхъ разностей въ вѣрученіи то я скажу, что никто не можетъ принудить грековъ принять тотъ соборъ безъ другаго собора. Почему? Да потому, что тѣ греки, которые присутствовали на этомъ соборѣ, не были послами ни отъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, ни отъ народа, но были уполномочены однимъ императоромъ, который не добровольно, а насиліемъ былъ приведенъ къ униі съ вами.

Если ваше святѣйшество согласитесь назначить по этому вопросу вселенскій соборъ, то поступите слѣдующимъ образомъ. Пошлите къ восточной церкви легатовъ, людей вѣрующихъ и богобоязненныхъ, полныхъ духа смиренія и терпѣнія, и дайте имъ грамоту такого содержания. Братія! вы знаете, что общій врагъ нашъ, діаволь, положилъ соблазнъ между нами и раздѣлилъ насъ: и часть, и васъ не можетъ не печаливать это, ибо наше раздѣленіе одинаково для насъ вредно. Итакъ, просимъ васъ, патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, какъ братьевъ во Христвъ, и другихъ епископовъ и избранныхъ мужей, соберемъ въ какомъ либо мѣстѣ и разсудимъ сообща о главныхъ предметахъ ученія и, что внушитъ намъ Духъ Святой, то постановимъ, и надѣмся въ милосердіи Божіемъ устранить соблазнъ и возстановить между нами единодушіе и любовь. Святѣйшій отецъ! если Востокъ услышитъ такіа кроткіа слова, то возрадуется императоръ и патріархи и народъ, и немедленно примутъ мѣры согласно съ этимъ предложеніемъ и назначать по согласію съ вашими нунціями время и мѣсто для вселенскаго собора, на которомъ, безъ всякаго сомнѣнія, провозглашена будетъ униа. Послѣ этого всѣ тѣ, которые принимали участіе въ этомъ соборѣ, скажутъ, простому народу: братья! святой вселенскій соборъ вотъ что опредѣлялъ, вамъ слѣдуетъ принять его опредѣленіе. И повѣрьте, что всѣ примутъ. Таковъ, святѣйшій отецъ, единственный способъ для проведенія униа. Умоляю еще взвѣсить и слѣдующія соображенія. Есть четыре большіе и богатые города, которые были греческими и которые по грѣхамъ нашимъ подпали власти нечестивыхъ турокъ; вышшіе правители и оберегатели этихъ городовъ были христіанами и посредствомъ василія перешли въ турецкую вѣру. Желая, однако, вновь обратиться къ христіанству, они дали знать моему императору, что, еслибы онъ пошелъ къ нимъ съ войскомъ, то они передали бы ему означенные города. Императоръ же, не полагаясь на одинъ свой народъ, послалъ васъ къ христіаннѣйшему королю французовъ просить его помощи. Ибо, еслибы отвѣты были

эти города, то турки немедленно утратили бы свое морское могущество и прекратились бы бѣдствія, испытываемыя христіанами съ моря и намъ бы предались тѣ страны и города, которые находятся между вами и прежде упомянутыми городами, и открылась бы *широкая дорога для крестоваго похода*. И вотъ, французскій король послалъ посланца къ вамъ, чтобы узнать ваше мнѣніе. Поэтому, умоляемъ васъ, свѣтѣйшій отецъ, благоводите послать помощь въ тѣ страны или прежде послать вашихъ легатовъ, или вмѣстѣ съ ними. Два побужденія представляютъ меня настаивать на этомъ. Первое то, что всѣмъ людямъ естественно подчиняться своимъ доброжелателямъ, а не врагамъ. Ибо и іудеи, самые неблагодарные между людьми, готовы были поставить Христа королемъ своимъ, когда онъ напиталъ ихъ въ пустынѣ широкимъ хлѣбомъ. Если и греки увидятъ оказанную имъ вами помощь, то охотнѣе расположены будутъ внимать словамъ вашихъ легатовъ и исполнить ихъ, и намъ, приверженцамъ уніи, съ большей увѣренностью въ успѣхѣ можно будетъ готовить народъ, и императору данъ будетъ этимъ прекрасный случай сказать патриарху и другимъ епископамъ: смотрите, какъ латиняне расположены къ намъ и какъ заискиваютъ у насъ полезными дѣлами и ласковыми словами, и намъ слѣдуетъ любить ихъ и изыскивать способы къ соглашенію съ ними. Второе побужденіе слѣдующее. Императоръ не можетъ принимать мѣры къ устройству вселенскаго собора прежде, чѣмъ не кончатъ борьбы съ турками, ибо не въ состояніи, находясь въ войнѣ, онъ созвать на соборъ четырехъ патриарховъ и другихъ епископовъ, не принять участія въ соборѣ, и поэтому необходимо прежде всего отогнать непріятелей отъ границъ имперіи, чтобы дать ему возможность, пользуясь спокойствіемъ, принять надлежащія мѣры.

А какъ нѣкоторые изъ васъ держатся того мнѣнія, что сначала слѣдуетъ привести грековъ въ унію, а потомъ уже идти войной на турокъ, то я нахожу это мнѣніе несправедливымъ, и вотъ почему. Первое. Турки вредятъ не однимъ грекамъ, но еще армянамъ и жителямъ Кипра и Heroditis ¹⁾, нашимъ подданнымъ, населяющимъ острова. Итакъ, если не находите нужнымъ оказать помощь грекамъ, то нельзя по тѣмъ же соображеніямъ оставлять безъ помощи несчастныхъ армянъ и другихъ христіанъ, подданныхъ нашихъ. Второе. Турки враждуютъ противъ грековъ не потому, что они греки, а не потому, что они отличаются отъ васъ, а потому, что они суть

¹⁾ Родоса?

христіане; слѣдовательно, главнѣйше они воюють противъ креста, греки же тутъ случайность. Итакъ, если вы вооружаетесь противъ турокъ, то этимъ оказываете помощь не грекамъ, но кресту, общему спасенію всѣхъ христіанъ. Справедливо, чтобы и вы были защитниками креста, какъ и греки. Третье. Латвиянамъ легче сокрушить турокъ въ союзѣ съ греческимъ императоромъ, пока еще стоитъ Греческая имперія со всѣмъ своимъ авторитетомъ. Почему?—потому что греческое войско опытомъ научилось вести войну съ турками, потому что по всей турецкой и сарацннской землѣ разсѣяны многіе христіане или ренегаты, приверженцы греческой власти. Если они узнають, что императоръ приближается къ нимъ съ войскомъ, они сейчасъ же предадутся ему. Но если, отъ чего упаси Богъ, турки сокрушатъ Греческую имперію, они такъ этимъ усилятся, что вамъ почти невозможно будетъ бороться съ ними. Поэтому слѣдуетъ пользоваться благоприятными обстоятельствами и не дожидаться такого времени, когда для васъ будетъ задачей не измысканіе способа идти на нихъ, но принятіе мѣръ къ прикрытію себя отъ нихъ. Четвертое. Еслибы турки обратились къ вамъ съ такими словами: Латиняне! просимъ васъ соединиться съ нами и напасть вмѣстѣ на татаръ и сарацннъ и сокрушить ихъ, вы бы, конечно, приняли это предложеніе? А почему? Потому что вамъ въ союзѣ съ турками гораздо полезнѣй побѣдить татаръ и сарацннъ, чѣмъ однимъ бороться со всѣми тронми. Пятое. Знайте, что грековъ отдѣляетъ отъ васъ не столько различіе догматовъ, сколько та ненависть, которая вѣдрилась въ нихъ по причинѣ многихъ бѣдствій, испытанныхъ ими въ разныя времена отъ латинянъ и доселѣ ежедневно испытываемыхъ, и нельзя надѣяться на унію, пока не изгладится эта ненависть. Вслѣдствіе чего, если вы не окажете имъ предварительно крупнаго благодѣянія, то не изгладится вышеуказанная ненависть, и никто не посмѣетъ говорить съ ними по вопросу объ уніи. Шестое. Слѣдуетъ вамъ знать, что я пославъ просить у васъ помощи и уніи не народомъ греческимъ, а однимъ императоромъ, и при томъ секретно; прежде чѣмъ не будетъ послана помощь въ тѣ страны, императоръ не могъ бы открыться своему народу, что онъ ищетъ уніи съ вами. Я высказалъ вамъ свою мысль, остальное пусть будетъ, какъ угодно Богу.

Объяснивъ вамъ этотъ способъ уніи, я уважу и другой, хотя и не столько вѣрный, но при помощи Божіей могущій вести къ уніи. Я сказалъ выше, что великая ненависть вѣдрилась въ душу грековъ противъ латинянъ по причинѣ великихъ бѣдствій, испытанныхъ пер-

выми отъ послѣднихъ, и что прежде чѣмъ взглянуть эта ненависть никто не можетъ проповѣдывать грекамъ идею уни. Дабы взглянуть эту ненависть, умоляемъ, благоволите исполнить слѣдующія три просьбы: во первыхъ, прикажите королю французскому послать туда вспомогательный отрядъ; во вторыхъ, дайте индульгенцію всѣмъ, которые согласятся жертвовать на святое дѣло своимъ имуществомъ и которые умрутъ въ борьбѣ съ турками; въ третьихъ, сдѣлайте распоряженіе, чтобы освобождены были все греки, проданные латинянами въ рабство, и чтобы они ни находились, и чтобы впредь прекратилась торговля плѣнными греками, а если кто уличенъ будетъ въ продажѣ или покупкѣ, тотъ пусть подвергнется отлученію. Но прежде чѣмъ сдѣланы будутъ эти распоряженія, пошлите въ тѣ страны ученыхъ богослововъ, которые, получивъ опасную грамоту отъ императора, будутъ готовить народъ. И очень можетъ быть, что народъ, увидѣвъ знаки вашего благорасположенія, устыдится и согласится даже безъ вселенскаго собора принять унию. Въ заключеніе прошу ваше святѣйшество, если найдете другой способъ достигнуть уни, покажите намъ его, дабы мы съ своей стороны могли содѣйствовать его осуществленію⁴.

Папа и коллегія кардиналовъ подвергли зрѣлому обсужденію вышеприведенныя соображенія и отвѣчали вкратцѣ, что на Ефесскомъ соборѣ, равно какъ на Толедскомъ, Лионскомъ и другихъ различныхъ соборахъ, католической церковью торжественно опредѣлено, что Духъ Святый изъ вѣка исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала и согласія, и всякое противоположное ученіе отвергнуто и осуждено; что поэтому несогласно съ достоинствомъ папы и съ авторитетомъ святой церкви Божіей и съ собраніемъ вѣрныхъ мыслѣ свое подвергать сомнѣнію и дѣлать предметомъ споровъ и пререканій столь ясно опредѣленный членъ символа вѣры, который греки исповѣдывали въ древнѣйшее время при блаженной памяти папѣ Ормнадѣ и патриархѣ константинопольскомъ Іоаннѣ, во время императора Іустина, и объ исповѣданіи котораго, по истеченіи длиннаго періода времени, патриархъ константинопольскій Іоаннъ и императоръ Михайлъ Палеологъ послали торжественное посланіе блаженной памяти папѣ Іоанну XXI; что апостольскій престолъ въ своихъ поступкахъ и мѣропріятіяхъ, касающихся православной вѣры, усвоившій обычай не отступать отъ стези правоты и истины, поступилъ бы вопреки своимъ обычаямъ, еслибы по внушенію схизматиковъ и еретиковъ сдѣ-

дѣль предметомъ споровъ и пустыхъ разсужденій то, что мудро и торжественно установлено и опредѣлено вселенской церковью.

Вышеназванные Варлаамъ и рыцарь, по выслушаніи этого отвѣта, сказали: „въ томъ случаѣ, если относительно' этой статьи греки не согласятся уступить, можно было бы достигнуть уніи при томъ условіи, чтобы грекамъ разрѣшено было исповѣдывать подразумеваемый членъ символа вѣры посвоему, между тѣмъ латиняне держались бы католическаго ученія, по которому Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына“. Послѣдовалъ отвѣтъ, что невозможно допустить этого, ибо это значило бы католическую церковь, въ которой одна вѣра, представлять церковь съ двойной вѣрой; это имѣло бы далѣе видъ, что папа, не воспротивившійся такому отступленію, далъ на него свое согласіе.

Для уничтоженія какъ этого, такъ и другихъ заблужденій грековъ и для приведенія ихъ къ уніи, святѣйшій отецъ сообщилъ въ свѣдѣнію Варлаама и рыцаря другой способъ, болѣе легкой и удобной. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы патріархъ константинопольскій и императоръ, созвавъ представителей церкви александрійской, антиохійской и іерусалимской и главнѣйшихъ членовъ влира тѣхъ странъ и дворянъ и старшинъ народа на соборъ, приказалъ выбрать нѣсколько ученыхъ и послать ихъ на Западъ, снабдивъ ихъ полномочіями. Съ своей стороны папа назначить для этой цѣли депутатовъ изъ мужей мудрыхъ, свѣдущихъ въ законѣ Господнемъ, которые, однако, имѣютъ не спорить и не состязаться съ греками, но стараться просвѣтить ихъ умъ и усовершенить въ спасительныхъ началахъ, какъ относительно вышеуказаннаго члена вѣры, такъ и другихъ вопросовъ, по которымъ они имѣютъ сомнѣнія, дабы такимъ образомъ греки, усвоивъ истины католической вѣры и страхнувъ съ себя помраченіе, возвратились въ стало Христово, у котораго одинъ пастырь и вѣкъ котораго нѣтъ ни благодати, ни спасенія. Созваніе же вселенскаго собора, требующее длиннаго періода времени и издержекъ и утомительныхъ хлопотъ и предполагающее обращеніе къ западнымъ прелатамъ и чинамъ церковнымъ, въ королямъ, князьямъ и другимъ лицамъ, не представляется возможнымъ въ особенности въ настоящее смутное и безпокойное время.

Названный Варлаамъ настаивалъ затѣмъ на необходимости немедленно оказать грекамъ военную помощь и другіе знаки благорасположенія и подкрѣплялъ свою мысль слѣдующими доводами, изложенными въ докладной запискѣ. „Нѣкоторые высказываютъ мнѣніе,

будто есть нѣкоторое неудобство въ томъ, чтобы снова подвергать изслѣдованію достаточно уже выясненные вопросы. Я думаю объ этомъ совершенно иначе. Очень важно подвергать новому изслѣдованію и самое ясное, если относительно его существуютъ у нѣкоторыхъ сомнѣнія; это важно по нѣзаслѣдующимъ соображеніямъ. Вопервыхъ, вы исповѣдуете, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына и отъ Отца, греки же въ этомъ сомнѣваются. Если ваше ученіе истинное, то предложите его на общее изслѣдованіе: то, что для васъ ясно, будетъ тогда ясно и грекамъ. Ибо, какъ аромать, который чѣмъ больше подвергается тренію въ рукахъ, тѣмъ больше даетъ пріятныя запахи, такъ и истина тѣмъ больше выигрываетъ въ ясности и чистотѣ, чѣмъ больше изслѣдуется. Изслѣдованіе не дѣлаетъ сомнительнымъ того, что было прежде ясно, а совсѣмъ наоборотъ то, что было прежде сомнительнымъ, посредствомъ изслѣдованія становится бесспорнымъ. Итакъ, то, что было само по себѣ яснымъ, чрезъ изслѣдованіе пріобрѣтаетъ болшую ясность. Вовторыхъ, вы ссылаетесь на архидіаконы святыхъ отцовъ. Они полагали яснымъ, что Сынъ имѣетъ ту же субстанцію, что и Отецъ. Но, такъ какъ ариане сомнѣвались въ томъ, то, дабы спасти круглыхъ, святые отцы подвергли этотъ вопросъ изслѣдованію; подобнымъ же образомъ и на другихъ соборахъ православные отцы считали истиннымъ то, въ чемъ сомнѣвались еретики, но это не помѣшало имъ подвергать на общее обсужденіе ясные предметы вѣроученія. Втретьихъ, я самъ хорошо знаю латинякъ и не позволю себѣ сказать о нихъ дурное: они ученые и мудрые мужи; но тѣ греки, которые не знаютъ ихъ также хорошо, какъ я, могутъ сказать, что они изъ трусости не соглашаются на общее обсужденіе, боясь, чтобы не обнаружилось, что греки ближе къ истинѣ, чѣмъ они. Ибо тотъ, кто увѣренъ въ себѣ и считаетъ себя держащимъ истину, не избѣгаетъ изслѣдованія, а кто уклоняется отъ изслѣдованія, внушаетъ подозрѣніе въ трусости. Если продавецъ золотыхъ вещей не соглашается подвергнуть предметъ изслѣдованію на камнѣ, когда покупатель требуетъ опыта, то, естественно, онъ внушаетъ подозрѣніе, что самъ не вѣритъ въ чистоту металла: точно также позванный въ судъ для дачи показанія по какому нибудь дѣлу и уклонившійся отъ явки внушаетъ подозрѣніе, что онъ не увѣренъ въ себѣ и не надѣется доказать истину. Вчетвертыхъ, никакъ не слѣдуетъ опасаться, что этотъ соборъ будетъ имѣть слѣдствіемъ какой либо ущербъ для церкви Божіей: достаточно для этого вспомнить, что всякій вселенскій соборъ сопровождался возвышеніемъ и честью церкви и уврѣ-

плениемъ истины; все заставляеть вѣрить, что и настоящій соборъ будетъ имѣть слѣдствіемъ возвышеніе церкви Божіей. По поводу того соображенія, что дѣло созванія собора требуетъ продолжительнаго времени и большихъ издержекъ, скажу, что оно не только стоитъ большихъ средствъ и времени, но за него можно съ охотой пролить и кровь, если нужно. *ибо большаго дѣла подѣ небомъ нельзя себѣ и вообразить, чѣмъ уніа грековъ съ латинянами.*

Мнѣ остается еще сообщить о другомъ способѣ уніи, хотя съ увѣренностью не могу сказать, приведетъ ли онъ къ желанному единенію; но, такъ какъ я увѣренъ, что Богу все возможно, то предложу его на ваше усмотрѣніе. Вы могли бы послать легатовъ своихъ къ четверемъ патріархамъ восточной церкви и къ императору, снабдивъ ихъ такою грамотой: „Братья! Какъ вы, такъ и мы исповѣдуемъ въ Божествѣ единую субстанцію и тринность лицъ въ единомъ началѣ; ни вы, ни мы не допускаемъ въ Божествѣ ни тождества лицъ, ни раздѣленія субстанцій: этого достаточно, чтобы быть намъ въ уніи. Ученіе о происхожденіи Св. Духа пусть не будетъ причиной раздѣленія; пусть объ этомъ разсуждаютъ ученые съ нашей и вашей стороны, но это не послужитъ поводомъ къ раздѣленію: исповѣдуйте этотъ членъ по вашему ученію, а мы по своему, но не будемъ отлучать другъ друга изъ-за этого вопроса. Вы окажете римской церкви подобающую честь, какую воздавали ей прежніе патріархи во время единенія и какая причлещуется ей по законамъ императоровъ и по правиламъ святыхъ отцовъ, больше того мы не требуемъ отъ васъ. Съ своей стороны мы готовы дать и утвердить за восточной церковью и въ частности за константинопольской и за имперіей Византійской всѣ права, присущія ей по древнему обычаю, или предоставленныя ей законами императоровъ и правилами святыхъ отцевъ“. Святѣйшій отецъ, если съ такими словами вы обратитесь къ грекамъ, то хотя я не могу завѣрить васъ, что всѣ примутъ ихъ, но съ увѣренностью скажу, что примутъ весьма многіе, и, можетъ быть, такимъ способомъ Богъ дастъ намъ унію. Умоляю ваше святѣйшество, не отошлите только насъ безъ всякаго знака вашей милости въ моему императору, дабы этимъ подогрѣть его расположеніе къ единенію съ нами“.

На это папа и коллегія кардиналовъ отвѣчали, что хотя сами по себѣ указанныя въ запискѣ Варлаама соображенія не представляютъ ничего невозможнаго, но въ общемъ предложеніе его нельзя принять. Ибо апостольскій престолъ укрѣпляетъ грековъ, обогащаетъ и возвысилъ,

но они обратили спину къ римской церкви. Больше чѣмъ вѣроятно, что папа, церковь и другіе вѣрные сдѣлаются предметомъ поруганія и насмѣшекъ, если окажется, что они поддерживали непріятелей и враговъ и участвовали съ ними въ соблазнительныхъ дѣлахъ. Но, если при помощи того, кто просвѣщаетъ всякаго человѣка, градушаго въ міръ, сердца грековъ просвѣщены будутъ наліяніемъ благодати и они постараются тѣмъ путемъ, какой Господь укажетъ, возвратиться къ повинновенію, единенію и почтенію римской церкви, тогда съ великою радостью и расположеніемъ самъ Господь и апостольская вѣра примутъ ихъ въ радостныя объятія, и тогда не только нынѣшняя ихъ просьба будетъ удовлетворена, но и относительно другихъ ихъ потребностей оказано будетъ вспоможеніе, совѣтъ и расположеніе.

Послѣ этого Варлаамъ передъ отправленіемъ своимъ въ Грецію заявилъ, что, хотя онъ не можетъ не признать даннаго ему отвѣта справедливымъ и резоннымъ, тѣмъ не менѣе находятъ труднымъ и даже невозможнымъ осуществленіе той части римскаго проекта, которая касается послышки изъ Греціи ученыхъ мужей, развѣ только Господь, для котораго нѣтъ невозможнаго, благоволитъ дать къ тому возможность. Эту мысль онъ изложилъ въ запискѣ слѣдующаго содержанія: „Святѣйшій отецъ! Хотя я имѣю уже вашъ отвѣтъ, но умоляю оказать вниманіе еще немногимъ моимъ словамъ, которыя необходимо мнѣ изложить, и вамъ знать. Ваше святѣйшество выразили мнѣніе по дѣлу объ униі восточной церкви, что изъ восточныхъ странъ должны явиться легаты, снабженные императорскими грамотами и соборными постановленіями. Молю Бога, чтобы онъ сдѣлалъ это возможнымъ, но само по себѣ это весьма трудно по многимъ причинамъ. Прежде всего, *императоръ не посмѣетъ никому открыться, что онъ замышляетъ унию съ вами*; поелику, еслибы онъ открылъ кому свое намѣреніе, то многіе изъ его вельможъ и даже изъ народа стали бы искать случая убить его, дабы не испытать того же, что сдѣлалъ для нихъ Мыхайль Палеологъ. Кромѣ того, константинопольская церковь не можетъ послать своихъ легатовъ безъ согласія патріарховъ александрійскаго, антиокійскаго и іерусалимскаго, поэтому нужно будетъ и ихъ пригласить на соборъ, что оказывается невозможнымъ по причинѣ войнъ. Далѣе, можно сомнѣваться еще и въ томъ, какъ примутъ они предложеніе явиться на соборъ. Наконецъ, допустимъ, что они явились и пришли къ единодушному рѣшенію послать легатовъ, но никакъ уже нельзя ожидать, чтобы они дали своимъ легатамъ полномочія на унию, или чтобы общались безъ всякихъ его-

ворокъ и условій принять и утвердить все то, что сдѣлають легаты; а развѣ вы согласитесь принять эти оговорки? Поэтому я думаю, что легаты не будутъ посланы уже потому, что на Востокѣ увѣрены, что вы никакъ не допустите условнаго соглашенія. Въ концѣ концовъ, если случится, что къ вашему святѣйшеству придутъ легаты, смотрите на это, какъ на дѣйствіе Промисла Божія, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго; но, если случится, что они не придутъ, не ставьте этого въ вину императору и не думайте, что это зависело отъ его нерадннн, ибо онъ давно уже одушевленъ желаніемъ уніи". Затѣмъ Варлаамъ присоединилъ на словахъ, что, не смотря ни на что, какъ бы ни казалось труднымъ, или почти невозможнымъ дѣло уніи, онъ самъ будетъ усердно трудиться въ его пользу.

Затѣмъ Варлаамъ ушелъ въ Грецію.

Приведенные документы весьма хорошо характеризуютъ Варлаама и даютъ идею объ его политическомъ и нравственномъ направленіи. Они характеризуютъ также цѣлую партію византійскихъ западниковъ, которая согласна была сдѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу латинской церкви, лишь бы получить отъ Запада благовременную помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ. Напрасно было бы подозрѣвать Варлаама въ излишней преданности латинству. Въ Авиньонѣ онъ былъ искреннимъ и преданнымъ слугою императора и защищалъ до послѣдней крайности интересы Греческой имперіи. Онъ при томъ хорошо сознавалъ, что главное препятствіе для уніи представляетъ народная масса, которую трудно будетъ убѣдить въ томъ, въ чемъ легко сговориться съ интеллигентнымъ классомъ. Что на первомъ планѣ были у него интересы Византіи, видно изъ того, какъ онъ настаивалъ на важности посылки вспомогательнаго отряда и вообще на выраженіи вниманія къ грекамъ, которое бы хотя сколько нибудь разсѣяло причины недовѣрія грековъ къ латинянамъ. По всему видно, что онъ глубоко вѣрилъ въ возможность соглашенія между Востокомъ и Западомъ въ дѣлахъ вѣры, вѣрилъ, что возможно еще спасти многое, если сдѣланы будутъ взаимныя уступки. Очень любознательна его точка зрѣнія на догматическія разногласія. Унія, по его взгляду, была бы возможна и въ томъ случаѣ, еслибы объ церкви остались каждая при своемъ мнѣніи по отношенію къ ученію объ исхожденіи Духа Святаго. Весьма въ симпатичномъ свѣтѣ рисуетъ его и та часть рѣчи, гдѣ онъ касается торговли христіанскими невольниками.

Положеніе, принятое папой и кардиналами, далеко не соответствовало воззрѣніямъ и ожиданіямъ Варлаама. Римская курія не со-

гласна была ни на какія уступки и твердо стояла на требованіи, чтобы сначала греки приняли унию, а потомъ уже могли ожидать всякаго содѣйствія со стороны государей Европы и римской церкви. Такъ какъ точка зрѣнія коллегіи кардиналовъ на опасность, которой подвергалась Византія и которая уже въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ угрожала и всей Западной Европѣ, представляетъ для насъ особенный интересъ по отношенію къ изученію Восточнаго вопроса, то мы дополнимъ эту часть переговоровъ Варлаама.

Съ половины XIV вѣка и до самаго паденія Константинополя римская курія ни на волосъ не отступила съ своей позиціи по вопросу о помощи христіанской имперіи на Востокѣ. Въ нашемъ распоряженіи есть документъ, составленный въ Римѣ, въ декабрь 1452 года ¹⁾, касающійся того же самаго вопроса, который защищалъ Варлаамъ въ Авиньонѣ. Не извѣстный авторъ пишетъ трактатъ на тему: *Должны ли христіане помочь грекамъ?* Вопросъ этотъ рѣшается различно, — говоритъ онъ. Есть сильная партія, держащаяся того мнѣнія, что никоимъ образомъ грекамъ не слѣдуетъ оказывать помощи, и есть партія противоположнаго взгляда на дѣло, которая доказываетъ, что непременно нужно оказать грекамъ содѣйствіе. Я, — продолжаетъ авторъ, — изложу мнѣніе той и другой партіи и представлю ихъ на усмотрѣніе святѣйшаго отца нашего. Изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, что нашъ документъ имѣетъ официальный характеръ и выражаетъ дѣйствительное положеніе партій въ Римѣ въ несчастную годину паденія Константинополя.

Свою тему авторъ рѣшаетъ посредствомъ постановки слѣдующихъ вопросовъ: 1) обязаны ли христіане по долгу любви подать помощь грекамъ въ угрожающей имъ опасности?; 2) обязаны ли христіане помогать грекамъ, пренебрегающимъ своими духовными и временными благами, въ неминуемой для нихъ опасности?; 3) обязаны ли къ вышеуказанному папа преимущественно передъ другими королями и князьями христіанскими?

Первое положеніе рѣшается сначала въ отрицательномъ смыслѣ. Имѣя въ виду, что греки суть еретики и схизматики и отлученные отъ общенія съ церковью, имъ не только нельзя оказывать помощи, но нельзя входить съ ними и въ общеніе. Эта мысль подтверждается частью отдѣльными доказательствами; нѣкоторыя изъ нихъ весьма интересны. Таково третье доказательство. Греки самые небла-

¹⁾ Рукопись находится въ Римѣ, *Biblioteca Casanatensis*, D. I. 20, fol. 5.

годарные люди; хотя они получили много благодѣній отъ латинской церкви и отъ королей и князей христіанскихъ въ древнія и новыя времена, но всегда были и нынѣ оказываются глухими и неблагоприятными. Еще лучше пятое: такъ какъ турки въ рукахъ Промысла могутъ служить орудіемъ Божественной справедливости, подобно элементамъ и дикимъ животнымъ, то Промыслъ Божій можетъ избрать турокъ исполнителями своего гнѣва на грековъ.—Слѣдуютъ возраженія на эти положенія. Но христіанинъ обязанъ любить ближняго, какъ самого себя; итакъ, грекамъ слѣдуетъ оказать помощь, хотя бы они были и схизматиками. Эта мысль подтверждается также отдельными доказательствами. Нужно помочь грекамъ, потому что изъ двухъ волъ слѣдуетъ выбирать меньшее, а греки меньше намъ опасны, чѣмъ турки. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что по завоеваніи Константинополя турки нанесутъ большой ущербъ сосѣднимъ странамъ. А потому лучше терпѣть грековъ, подобно тому, какъ церковь терпѣть дурныхъ женщинъ для избѣжанія большаго бѣдствія. Хотя утверждается, что греки схизматики и еретики, но между ними есть и хорошіе люди, ради которыхъ слѣдуетъ помочь и остальнымъ.

Второй вопросъ рѣшается также сначала рго, потомъ contra. Итакъ, обязаны ли христіане помочь грекамъ, хотя бы они пренебрегали своимъ спасеніемъ, то-есть, не просили помощи? Все же слѣдуетъ помочь по слѣдующимъ основаніямъ. Нужно спасти греческое племя и городъ. И при томъ, если просить о помощи представители ихъ, то остальныхъ слѣдуетъ спасти даже противъ ихъ воли. Итакъ, нужно оказать помощь изъ уваженія къ городу, въ которомъ почиваютъ тѣла святыхъ, изъ-за церкви и священныхъ сосудовъ, изъ почтенія къ памяти основателя города, который оказалъ много услугъ церкви.

Третій вопросъ также разсматривается и въ отрицательномъ, и въ положительномъ смыслѣ. Папа и церковь должны даже не падать священныхъ предметовъ, чтобы приобрѣсть средства на освобожденіе грековъ отъ бѣдствія. Предшественники ваши ¹⁾ на римскомъ престолѣ принимали энергическія мѣры къ освобожденію грековъ (приводятся бреве Григорія XII и Евгенія IV). Изъ чего видно, что, не смотря на прегрѣшенія грековъ, ихъ слѣдуетъ спасти. Меньше опасности переносить грековъ, чѣмъ турокъ, ибо изъ турокъ никто не обратится, изъ грековъ же многіе. Турки преслѣдуютъ грековъ не

¹⁾ Докладъ предназначался для папы Каликста III (1445—1458).

потому, что они греки, а потому, что они христіане. И такъ, въ лицѣ ихъ преслѣдуются всѣ христіане. Для чего же и дана папѣ высшая власть на землѣ, какъ не съ тѣмъ, чтобы проявлять ее въ различные эпохи. А турки не только не хотятъ отдать силой отнятыхъ у христіанъ городовъ, но замышляютъ похитить и другіе и самое христіанство вырвать съ корнемъ. Папа долженъ обуздать ихъ, на то у церкви есть сокровища, на то у папы свѣтская власть, къ этому побуждаютъ его примѣры предшественниковъ. Турки заняли всю Азію и часть Европы, населенную греками, то-есть, провинціи Фригію, Македонію, Иллирію, Эпиръ, Болгарію и большую часть Албаніи, продаютъ въ рабство христіанскихъ невольниковъ, обращаютъ христіанскихъ дѣтей въ войско янычаръ. Папѣ необходимо во что бы то ни стало достигнуть всеобщаго перемирія и затѣмъ совершить походъ на Востокъ ¹⁾.

Фактически миссія Варлаама не имѣла никакихъ послѣдствій, ибо на Западѣ не расположены были къ новому крестовому походу и во всякомъ случаѣ требовали отъ грековъ предварительно безсловнаго присоединенія къ униі. Для частной исторіи Варлаама, въ особенности же для характеристики его научнаго значенія и для провѣрки отзывовъ о немъ со стороны греческихъ писателей, миссія на Западъ имѣетъ весьма важный интересъ. Варлааму удалось завязать въ Италіи такія знакомства въ литературномъ мірѣ, которыя уже сами по себѣ оправдываютъ тотъ почетъ, какому онъ пользовался въ Константинополѣ въ придворномъ кругу. Историкъ эпохи Возрожденія не можетъ обойти молчаніемъ имя Варлаама уже потому, что онъ оставилъ въ Италіи довольно замѣтные слѣды, что къ нему съ уваженіемъ и благодарностью относились выдающіеся дѣятели той эпохи: Петрарка, Боккаціо, Перуджано и Леонтиій Пизанъ. Слѣдовательно, есть много основаній, заставляющихъ вѣжливо остановиться на путешествіи Варлаама на Западъ, хотя бы главная цѣль этого путешествія и осталась невыполненной.

Новѣйшіе изслѣдователи по эпохѣ Возрожденія выдвинули очень любопытную въ культурно-историческомъ отношеніи проблему: какую форму развитія получила бы эпоха Возрожденія и западно-европейская культура послѣднихъ трехъ вѣковъ, еслибы италіанское Возрожденіе

¹⁾ Въ заключеніе авторъ говоритъ: *supplico prefato sanctissimo domino nostro cuius est ista corrigere et emendare, pro cuius gloria et honore coram Deo et hominibus sic insulse hec scripta sunt zelo meo licet forte non secundum conscientiam si in aliquo erravi indulgere dignetur.*

прерывнато было болѣе глубокимъ изученіемъ еллиназма, то-есть, елиби еллиназмъ, а не романизмъ, лежалъ въ основаніи европейскаго Возрожденія? Проблема, безусловно заслуживающая вниманія, какъ скоро плоды эпохи Возрожденія мы будемъ оцѣнивать съ точки зрѣнія преобладанія романизма или еллиназма въ западно-европейской культурѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ западно-европейскій романизмъ получилъ преобладающее значеніе, элементы же еллиназма (искусство, государственность и т. п.) сравнительно слабѣй примѣнены были къ жизни.

Если принять во вниманіе не прерывающійся во всѣ средніе вѣка обменъ сношеній между Италіей и Византіей, если судить по признаніямъ византійскаго правительства считать Италію своей провинціей, если вспомнить, какъ много грековъ жило въ южной Италіи и сколько калабрійцевъ и сицилійцевъ дѣйствовало въ Византіи, то можно бы принять за несомнѣнное, что греческій языкъ и греческія занятія составляли въ Италіи не чуждую область. Но, если обратимся къ фактическимъ даннымъ, то найдемъ, что романцы также пренебрегали въ средніе вѣка греческимъ языкомъ, какъ еллины латинскимъ. Довольно извѣстенъ тотъ фактъ, что на вселенскихъ соборахъ, а равно при дипломатическихъ сношеніяхъ, греки обмѣнивались рѣчами съ италянцами посредствомъ переводчиковъ, что въ этихъ послѣднихъ, порядочно знающихъ тотъ и другой языкъ, былъ большой недостатокъ въ Римѣ и Византіи, что переводъ актовъ съ одного языка на другой часто былъ далеко не вѣрный. Вообще, въ дѣйствительности весьма немногіе греки учились латинскому языку, точно также весьма немногіе италянцы знали греческій языкъ. Ученѣйшій патріархъ Фотій не зналъ латинскаго языка, бібліотекаръ Анастасій дѣлаетъ большія погрѣшности противъ греческаго въ своихъ переводахъ на латинскій языкъ. Въ XIV вѣкѣ во всей Италіи можно было назвать наперечетъ понимающихъ по-гречески.

Петрарка и Боккачіо оба одинаково чувствовали важность греческой литературы и сожалѣли о томъ, что не могутъ владѣть греческимъ языкомъ, вслѣдствіе чего передъ ними закрытъ былъ богатый источникъ, изъ котораго древніе не успѣли вычерпать все живое и полезное. Еслибы соединить,—говоритъ Боккачіо¹⁾,—латинскія занятія съ греческими, этимъ много бы можно приобрѣсть намъ. На греческомъ остается еще много такого, что не извѣстно Западу и что помогло бы намъ далеко двинуться въ просвѣщеніи. Ревность

¹⁾ Genealogia deorum, lib. XV, cap. 7.

и усердіе, съ которыми Петрарка и Боккачіо заботились о разнѣніи и покупкѣ греческихъ рукописей, любви, съ которой они отнеслись къ рѣдкимъ еллинистамъ, бывавшимъ тогда въ Италиі, свидѣтельствуютъ, что, по крайней мѣрѣ, лучшіе дѣятели того времени, подготовлявшіе возрожденіе, понимали важное значеніе еллинизма. На сколько фактически слабо было въ Италиі знаніе греческой литературы, видно изъ того, что первое знакомство съ Гомеромъ итальянцы получили изъ латинскаго перевода, сдѣланнаго по внушенію Петрарки и на средства Боккачіо ученикомъ Варлаама, грекомъ Леонтіемъ Пилатомъ. Изъ сказаннаго можно видѣть, какъ почетна роль нашего Варлаама, являющагося въ Италиі первымъ сѣятелемъ еллинизма, урокамъ котораго непосредственно или посредственно обязаны были Перуджино, Петрарка и Боккачіо.

Исправляя миссію императора Андроника въ Италиі, Варлаамъ, какъ образованный человекъ, обладавшій богатыми литературными знаніями, вездѣ завязывалъ тѣсныя дружескія сношенія съ людьми, интересующимися литературой. Такъ, въ Неаполѣ онъ свелъ дружбу съ бібліотекаремъ короля, Перуджино. И любопытно, что произведеніе Перуджино *Collectiones* не только обилуетъ цитатами, взятыми отъ Варлаама, но едва ли не обязано ему лучшими учеными своими частями¹⁾.

Collectiones Перуджино есть то произведеніе, которое по содержанию своему соприкасается съ *Genealogia deorum* Боккачіо и о которомъ нѣкоторые писатели высказывали мнѣніе, что оно легло въ основаніе труда Боккачіо. Если въ настоящее время и нельзя болѣе отстаивать эту мысль, то можетъ не подлежать сомнѣнію, что основною ученою фонъ въ томъ и другомъ сочиненіи данъ ученымъ греческимъ монахомъ, многія изъ теорій и объясненій котораго нашли себѣ мѣсто и въ знаменитомъ сочиненіи Боккачіо.

Петрарка, можетъ быть, живѣе другихъ сознававшій, что латинская наука и литература есть дочь греческой, и что нельзя прійдти къ сущности вещей, если не обратится прямо къ греческимъ источникамъ, считалъ для себя особенно благоприятнымъ обстоятельствомъ, что могъ лично познакомиться съ Варлаамомъ въ Авиньонѣ и одѣннить его обширныя познанія.

Въ письмахъ Петрарки, равно въ сочиненіяхъ Боккачіо²⁾, нахо-

¹⁾ Paolo singulari amicitia Barlaam junctus, quae a latinis habere non poterat, eo medio (то-есть, Варлаама) innumera extraxit a graecis.

²⁾ Fracassetti, Lettere di Francesco Petrarca, Firenze, 1862—1867, 5 томовъ. Boccaccio, Genealogia deorum; Corazzini, G. Boccaccio, Le Lettere edite e inedite Firenze, 1877; Attilio Hortis, Study sulle opere latine del Boccaccio, Trieste, 1887.

дѣльмъ любопытный матеріалъ для освѣщенія просвѣтительной роли монаха Варлаама въ Италіи и выясненія разнообразныхъ научныхъ вліяній, которыя шли отъ него. Изученіе этого матеріала приводитъ къ выводу, что Варлаамъ не только лично участвовалъ въ распространеніи греческихъ знаній посредствомъ уроковъ своихъ Петраркѣ, но еще больше посредствомъ своихъ учениковъ, между которыми выдѣляются Церуджино и Пилать.

Петрарка познакомился съ Варлаамомъ въ Авиньонѣ и сталъ учиться у него греческому языку. Извѣстно, что пребываніе Варлаама при дворѣ папы продолжалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ; 30-го августа 1339 года онъ долженъ былъ снова отправиться въ Неаполь, а потомъ въ Константинополь. Могло случиться, что Петрарка воспользовался и вторичнымъ прибытіемъ Варлаама въ Авиньонъ въ 1342 году для продолженія ранѣе начатыхъ занятій. Часто упоминая въ своихъ письмахъ о Варлаамѣ и о греческихъ съ нимъ занятіяхъ, Петрарка, однако, ни разу не даетъ предполагать, что онъ дважды принимался за изученіе греческаго языка, при томъ же единственной причиною перерыва своихъ занятій онъ указываетъ возведеніе Варлаама въ епископское достоинство и назначеніе его на кафедру въ *Geraci*, въ Калабріи. Нельзя думать, что Петрарка достигъ большихъ свѣдѣній въ краткій срокъ, да онъ, впрочемъ, и самъ не выдаетъ себя за знатока греческаго языка, высказывая не разъ горькое сожалѣніе по случаю перерыва своихъ занятій съ Варлаамомъ. Такъ, въ письмѣ, написанномъ *Homero Graie Musae principi*, гдѣ между прочимъ, пересчитываетъ немногихъ эллинистовъ въ Италіи, Петрарка говоритъ и о своемъ учителѣ: „былъ еще мой учитель, который, возбудивъ во мнѣ сладчайшую надежду, оставилъ меня на начаткахъ ученія (*in ipso studiorum lacte*), будучи похищенъ смертью; хотя я и самъ болѣе заботился о немъ, чѣмъ о себѣ, способствовалъ возведенію его въ епископское достоинство, вслѣдствіе чего лишился его руководительства“. Въ другомъ письмѣ къ Николаю Сигеру²⁾, извѣстному государственному дѣятелю въ Византіи, благодаря его за любезную присылку кодекса Гомера, съ котораго и сдѣланъ былъ потомъ первый латинскій переводъ этого поэта, Петрарка говоритъ, между прочимъ, о своихъ недостаточныхъ познаніяхъ въ эллинскомъ языкѣ и о своемъ учителѣ. „Что теперь могу я предпринять? Ты, счастливо соединившій знаніе того и другаго языка, находишься

¹⁾ *Fracassetti*, De reb. famil., lib. XXIV, ep. 12 (vol. III, p. 293).

²⁾ *Ibidem*, lib. XVIII, lett. 2.

отъ меня въ чрезмѣрномъ отдаленіи, а Варлаама отняла у меня смерть, или, правильнѣе, я самъ лишилъ себя его общества, когда, предпочитая честь его своей личной потерѣ и возвышая его въ епископскій санъ, я потерялъ въ немъ учителя, съ которымъ началъ проходить съ успѣхомъ науку (*sub quo militare coeregam magna cum spe*). Ты мнѣ оказалъ большую услугу, я же не знаю чѣмъ могу отблагодарить тебя. Между тѣмъ какъ Варлаамъ ежедневными занятіями со мною приносилъ мнѣ много пользы, не знаю чистосердечно ли, или только изъ вѣжливости онъ высказывалъ, что въ свою очередь и самъ извлекаетъ громадную выгоду изъ нашей совмѣстной жизни (*licetum ingens ex convictu nostro se recipere fateatur*). Это былъ человѣкъ, столько же обладавшій прекраснымъ даромъ греческаго словеснаго искусства, сколько лишенный этого дара въ латинскомъ языкѣ; будучи богатъ идеями и отличаясь острымъ умомъ, онъ затруднялся въ выраженіяхъ, способныхъ передать его мысли. Такимъ образомъ, оказывая взаимную помощь, я подъ его руководствомъ несмѣльными шагами направился въ область, гдѣ онъ господствуетъ; онъ же, пользуясь моими указаніями, шелъ твердымъ шагомъ въ нашу область. И здѣсь между нами было другое различіе: онъ больше зналъ по-латыни, чѣмъ я по-гречески. Я только что начиналъ греческія записки, онъ же въ латинскихъ не былъ совсѣмъ новичкомъ, такъ какъ родился въ италіанской Греціи, былъ старше меня лѣтами, жилъ въ обществѣ, говорящемъ на латинскомъ языкѣ, и проходилъ латинскую школу; такимъ образомъ ему легче было возвратиться къ прежней привычкѣ ¹⁾). Итакъ, его отняла у меня смерть, тебя же даль, подобная смерти. Но какъ бы то ни было, мнѣ пріятна мысль имѣть такого друга, хотя до слуха моего не доходитъ живой твой голосъ, который могъ бы или воспламенить, или умѣрить мою жажду къ ученію, вслѣдствіе чего твой Гомеръ остается явнѣ для меня, и я глухъ по отношенію къ нему. Но мнѣ пріятно и видѣть его, и часто обвиняя его, я говорю со вздохомъ: о, великій мужъ! какъ бы желалъ я послушать тебя! Но одно мое ухо заложила смерть, другое неавистная отдаленность мѣсть" ²⁾).

¹⁾ Ego tibi primum inchoabam. obsequendum ille processerat, ut qui italica natus esset in Graecia, et qui licet aetate provector, latinorum conversationem magisteriumque sensitus, ad naturam propriam facillime remearet.

²⁾ Далѣе Петрарка сообщаетъ, что у него есть теперь въ библиотекѣ Платонъ и Гомеръ; excois proprio in habitu spectare et t. forte non prosit, certe juvat. Проектъ поправки для него Гесіона и Варлаама.

Это прекрасное письмо къ Н. Сигеру, съ которымъ Петрарка познакомился также въ Авиньонѣ, весьма любопытно въ исторіи пробужденія греческихъ занятій въ Италиі. Оно также даетъ достаточную характеристику отношеній Варлаама къ Петраркѣ и позволяетъ заключать, что греческій монахъ посѣлалъ добрыя сѣмена въ душѣ Петрарки. Этимъ, впрочемъ, не исчерпывается благодарная память ученика къ учителю ¹⁾. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ ²⁾: я всегда горѣлъ желаніемъ изучать греческую литературу, и еслибы фортуна не позавидовала моимъ начинаніямъ и смерть не лишила меня прекраснаго учителя, теперь бы я былъ уже намѣренное не начинающій еллинствъ. Наконецъ, въ трактатѣ *De contemptu mundi*, написанномъ въ 1343 году, онъ влагаетъ въ уста блаженнаго Августина слѣдующія слова: „ты утверждаешь, что недавно тщательно занимался Платономъ? — Да, — отвѣчаетъ Петрарка, — занимался тщательно и съ надеждой на успѣхъ, но новость иностраннаго языка и послѣднее удаленіе учителя не позволили осуществиться моему желанію“.

Вліяніемъ на Петрарку и благодарными воспоминаніями ученика къ учителю далеко не исчерпываются результаты дѣятельности греческаго монаха на пользу италіанскаго Возрожденія. Петрарка, самъ не успѣвъ узнать греческій языкъ на столько, чтобы читать въ оригиналѣ греческихъ авторовъ, безъ сомнѣнія, обязавъ былъ Варлааму живой любовью къ греческой литературѣ и сознаніемъ важности ея для Запада. Въ своихъ сношеніяхъ съ литературными людьми эпохи, Петрарка нерѣдко указываетъ на греческихъ писателей, поощряетъ переводы ихъ и содѣйствуетъ своими совѣтами и влияніемъ къ правильной постановкѣ греческихъ занятій. Съ другой же стороны, собственное вліяніе Варлаама не ограничивалось только тѣмъ, что онъ успѣлъ внушить Петраркѣ любовь къ этимъ занятіямъ.

Продолжателемъ дѣла Варлаама былъ ученикъ его, тоже калабрійскій уроженецъ, Леонтій Пилать. Благодаря поощренію Петрарки и содѣйствію Боккачіо, Италія увидѣла первый латинскій переводъ Гомера, сдѣланный упомянутымъ ученикомъ Варлаама. На пути изъ Венеціи въ Авиньонъ въ 1360 году Боккачіо повстрѣчался съ Л. Пилатомъ, уговорилъ его оставить намѣреніе ѣхать въ Авиньонъ и взялъ съ собой во Флоренцію. Собственно этому болѣе счастливому

¹⁾ Въ сочиненіи *De sui ipsius et aliorum ignorantia* онъ называетъ Варлаамомъ *magnum graecae specimen philosophiae*.

²⁾ *Variae* № 25.

ученику Варлаама отводится обыкновенно главная роль въ пробужденіи греческихъ занятій въ Италиі, хотя, несомнѣнно, онъ былъ гораздо ниже Варлаама какъ въ умственномъ, такъ и въ научномъ отношеніи. Л. Пилатъ три года провелъ подъ одной кровлей съ Боккачіо, который съ большимъ усѣхомъ, чѣмъ другъ его Петрарка, воспользовался знакомствомъ съ еллинастомъ. Боккачіо такъ обозначаетъ въ *Genealogia deorum* свои заслуги въ дѣлѣ пробужденія еллинскихъ занятій: „я первый изъ латинцевъ слушалъ Илиаду у Леонтія Пилата и первый содѣйствовалъ тому, что сочиненія Гомера сдѣлались предметомъ публичнаго преподаванія. Хотя самъ я не вполне научился греческому языку, но я сдѣлалъ, что могъ, я, конечно, усвоилъ бы его вполне, еслибы побольше пробылъ у насъ этотъ непосидчивый человекъ“ (то-есть, Пилатъ). Собственно Боккачіо считается въ Италиі основателемъ греческаго изученія; ему первому обязана Италиа знакомствомъ съ еллинскими писателями ¹⁾.

Нельзя считать слова Боккачіо относительно Гомера преувеличеніемъ. Дѣйствительно, въ 1363 году составленъ первый полный латинскій переводъ Гомера. Хотя у средневѣковыхъ писателей до XIV вѣка находимъ нерѣдко цитаты изъ Гомера, но они обличаютъ знакомство не съ полнымъ Гомеромъ, а лишь съ компендіями, или сокращеніями, приписываемыми Авсонію и Пиндару Фивскому. Собственно изученіе мѣологическаго и литературнаго содержанія пѣсенъ Гомера начинается съ Боккачіо, который въ своей *Genealogia deorum* передаетъ комментарий къ Гомеру, главнымъ образомъ заимствованный изъ уроковъ своего учителя. Боккачіо открываетъ собой также новую эру въ изученіи Платона. Въ библіотекѣ Петрарки было 16 рукописей этого философа; Боккачіо желалъ начать переводъ нѣкоторыхъ діалоговъ, но ему отсовѣтовалъ это Петрарка, указавъ, что въ одно и то же время браться за Гомера и Платона было бы обременительно.

Петрарка принималъ самое живое участіе въ занятіяхъ Боккачіо съ Л. Пилатомъ. Онъ предоставилъ имъ въ распоряженіе свой кодексъ Гомера, усматривая въ предпріятіи Боккачіо не частное дѣло,

¹⁾ Современникъ его Манетти говоритъ: totum hoc quidquid apud nos graecum est, Boccaccio nostro feratur acceptum, qui primus praecceptorem et libros graecos a nobis per longa terrarum marisque spatia distantibus propriis sumptibus in Etruriam seduxit (Attilio Hortis, p. 367).

а общественное¹⁾. Онъ живо интересовался ходомъ дѣла и просилъ не оставлять его безъ извѣстій о продолженіи перевода, заранѣе обещая полное свое содѣйствіе. Давая совѣты относительно перевода, Петрарка указываетъ образцы хорошаго дословнаго перевода съ иностраннаго языка на латинскій въ переводѣ хроники Евсевія Кесарійскаго на латинскій языкъ. Петрарка предупреждаетъ, что слишкомъ буквальный переводъ можетъ повредить поэту. Когда переводъ сталъ близиться къ концу, Петрарка заказалъ лично для себя копій съ этого перевода²⁾ и, извѣщая о полученіи этой копій въ 1364 году, писалъ³⁾: „эта посылка наполнила радостью и удовольствіемъ меня и всѣхъ какъ грековъ, такъ и латинянъ, которые посѣщаютъ мою бібліотеку“. Владѣя копіей перевода Гомера, Петрарка могъ, наконецъ, съ полной гордостью сознавать, что ему удалось осуществить свою завѣтную мечту и имѣть въ своей бібліотекѣ греческаго поэта, который не былъ больше нѣмымъ для него.

Л. Пилатъ былъ хорошій еллинистъ, но плохой латинистъ. Боккачіо говоритъ о немъ⁴⁾: *latinarum non satis adhuc instructus* У *Hortis* приведены образчики его перевода, который можетъ быть признанъ довольно точнымъ, но не изящнымъ.

Приведенные факты не оставляютъ сомнѣнія, что Варлаамъ непосредственно на Петрарку и Леонтія Пилата, посредственно же на Боккачіо оказалъ безспорное вліяніе въ смыслѣ оживленія греческихъ занятій въ Италіи. Тотъ живой интересъ къ изученію еллинской литературы, который мы замѣчаемъ у Петрарки, бывшаго въ свою очередь вдохновителемъ Боккачіо, несомнѣнно, долженъ быть относимъ къ бесѣдамъ и урокамъ Варлаама, обладавшаго большимъ даромъ пропаганды и умѣвшаго увлекать своихъ собесѣдниковъ.

Если мы, далѣе, всмотримся внимательно въ произведенія первыхъ италіанскихъ еллинистовъ, то просвѣтительная роль Варлаама представится намъ еще болѣе осазательною. Ученый аппаратъ, которымъ поражаетъ Боккачіо въ своей *Genealogia deorum*, мнѣологическія и литературныя свѣдѣнія, которыя онъ пускаетъ въ оборотъ, главнѣйше идутъ отъ нашего Варлаама. Прослѣдить это научное преемство въ

¹⁾ *Fracassetti*, V. *Variae*, XXV (pp. 303—305).

²⁾ *Rerum. senil.*, lib. III, ep. 6.

³⁾ *Ibid.* lib. VI, ep. 2.

⁴⁾ *Geneal. deorum* lib. XV, c. 6.

высшей степени интересно, и мы не лишены къ этому средству. На собраніи ученыхъ матеріаловъ Боккачіо многимъ обязанъ былъ своимъ ученымъ друзьямъ. Не говоримъ здѣсь о Петраркѣ, которому всѣ сочиненія цитуетъ Боккачіо и которому онъ многимъ обязанъ за своей литературной карьерѣ; для насъ по преимуществу важны тѣ вліянія, которыми Боккачіо пользовался вмѣстѣ съ Петраркой и которые одинаково должны были дѣйствовать на того и другаго.

Мы уже упоминали выше о бібліотекарѣ неаполитанскомъ Пастор Перуджино, о которомъ Боккачіо отзывался съ большою похвалою¹⁾.

Если сравненіе прозведенія его *Collectiones* съ сочиненіемъ Боккачіо *de Genealogia deorum* не можетъ оправдать мнѣнія, что послѣдній рабски слѣдуетъ первому²⁾, то во всякомъ случаѣ Боккачіо многимъ обязанъ знакомству съ Перуджино, какъ хорошимъ бібліофиломъ и человѣкомъ, имѣвшимъ обширныя ученныя сношенія. Черезъ него, конечно, Боккачіо познакомился съ Варлаамомъ, когда этотъ иезуитъ появлялъ въ Неаполѣ свою миссію. Въ сочиненіяхъ Боккачіо находимъ весьма сочувственныя упоминанія о Варлаамѣ. Такъ, онъ называетъ его человѣкомъ громаднхъ знаній³⁾, который отличался выходящею изъ ряда вонъ ученостью: „императоры, князья и греческіе ученые говорятъ о немъ въ своихъ грамотахъ, что ни въ нынѣшнее время, ни даже въ теченіе многихъ столѣтій не было у грековъ человѣка, одареннаго такой обширной и блестящей ученостью“. „Какъ же мнѣ не положиться, — заключаетъ Боккачіо, — на его авторитетъ, въ особенности по вопросамъ еллинской науки. Я не имѣлъ случая ознакомиться съ его сочиненіями, хотя слышалъ, что ему принадлежитъ нѣсколько трудовъ“.

Ученость этого-то монаха Василианскаго ордена и лежитъ каково въ основаніи сочиненія Перуджино, такъ и Боккачіо. Что Перуджино много позаимствовалъ при составленіи своихъ *Collectiones* отъ Варлаама, объ этомъ прямо говоритъ Боккачіо, какъ сказано выше. Но, въ свою очередь, и самъ Боккачіо при посредствѣ Перуджино воспользовался многими свѣдѣніями, идущими отъ Варлаама. Стоитъ со вниманіемъ отнестись къ *Genealogia deorum*, чтобы убѣдиться, какъ обширно было вліяніе Варлаама на автора этого сочиненія, въ

1) *Gen. d.* XV, c. 6; Et si usquam curiosissimus fuit homo in perquirendis peregrinis undique libris, historiis et poeticis operibus, iste fuit.

2) *Hortia*, p. 490 и слѣд.

3) *Genealogia deorum*, lib. XV c. 6; corpore pusillum, praegrandem tamen scientiam.

которомъ весьма не рѣдки, впрочемъ, и прямыя ссылки на греческаго ученаго¹⁾. Едва ли мы преувеличимъ дѣйствительное положеніе дѣла, сказавъ, что отъ Варлаама главнѣйше идутъ свѣдѣнія Боккачіо по греческой мѣологіи. Какъ можно заключать изъ цитатъ того же Боккачіо, самъ Варлаамъ заимствовалъ мѣологическія и историко-литературныя свѣдѣнія изъ древнѣйшихъ греческихъ лѣтописцевъ (*avvales*)²⁾.

Посредникомъ въ передачѣ италіянамъ ученыхъ свѣдѣній Варлаама, кромѣ Перуджино, могъ быть еще и упомянутый выше Л. Пилать.

По своему характеру Л. Пилать рисуется въ сочиненіяхъ Боккачіо весьма несочувственными чертами. Имѣя въ виду отзывы о немъ Петрарки и Боккачіо, удивляешься, какъ они могли дарить его своимъ вниманіемъ и дружбой. Не только внѣшность его была не привлекательна³⁾, характеръ его былъ не уживчивый, вѣчно не довольный, безпокойный и раздражительный; онъ въ Италиі ругалъ италіянецъ и хвалилъ грековъ, а въ Греціи находилъ болѣе симпатичными италіянецъ. Поживъ нѣсколько времени съ Петраркой, онъ съ грубыми ругательствами оставилъ его, а потомъ писалъ къ нему жалкія письма, прося снова принять къ себѣ. Что дѣлалъ въ немъ италіанскіе дѣятели эпохи Возрожденія, это были его знанія: онъ, по свидѣтельству Боккачіо, представлялъ собой неисчерпаемый архивъ греческихъ исторій и мѣническихъ сказаній⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Леонтія взялся вполнѣ за посильное для него дѣло, когда онъ сталъ объяснять Боккачіо Гомера. Занятія ихъ велись методически: учитель говорилъ, а ученикъ записывалъ его объясненія⁵⁾. На основаніи сообщеній Пилата выросъ богатый научный матеріалъ, котормъ щеголяетъ Боккачіо. Л. Пилать далъ богатые свѣдѣнія по мѣологіи, литературѣ и критикѣ. Отъ него, между прочимъ, узнавъ

¹⁾ *Genealogia deorum*, lib. I, c. 11; lib. IV, c. 47; XIII, c. 48; lib. I, c. 20; lib. VII c. 11: *asserit Barlaam rei hujus veritatem fuisse...*

²⁾ *Genealogia deorum*, lib. IV c. 7: *dicebat enim se legisse in graecorum antiquissimis annalibus*; lib. IX, c. 7: *dixit Barlaam in annalibus graecorum legisse.*

³⁾ *Geneal.*, XV, c. 6: *aspectu horridus homo, turpi facie, barba proluxa, moribus incultus, nec satis urbanus homo.* Сравн.: Петрарка, *ep. senil.*, III, 6.

⁴⁾ *Graecarum historiarum aut fabularum archivium in exhaustum.*

⁵⁾ *Geneal.*, XV, c. 6: *Nam cum legentem Homerum et mecum singulari amicitia conversantem, fere tribus annis audivi, nec infinitis ab eo recitatis, vergente etiam alia cura animum, acrior suffecisset memoria, ni schedulis commendassem.*

къ нему въ сочиненіяхъ Пеграрки и Воккачіо, а равно многочисленныя цитаты и ссылки на его авторитетъ, оправдываютъ достаточно то заключеніе, что Варлаамомъ посѣяна была въ Италіи мысль о важности изученія греческихъ писателей и что общія свѣдѣнія по эллинизму, циркулировавшія въ XIV вѣкѣ на Западѣ, имѣютъ въ немъ свой главный источникъ. Личность Варлаама получаетъ совершенно новое освѣщеніе съ точки зрѣнія сношеній его съ Западомъ, но съ этимъ вмѣстѣ выигрываютъ въ историко-культурномъ отношеніи тѣ факты, которые касаются его судьбы въ Византіи.

3. Философскія проблемы въ приложеніи къ догматикѣ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, касающихся богословской полемики между Варлаамомъ и Григоріемъ Паламой, мы прежде всего остановимъ вниманіе на результатахъ этой полемики, нашедшихъ себѣ выраженіе въ Синодикѣ.

При нѣкоторомъ вниманіи нельзя не замѣтить, что редакція статей противъ Варлаама составлена по образцу основной части Синодика, излагающей ученіе иконоборцевъ: каждая статья редактирована такъ, что сначала изложено еретическое, потомъ церковное мнѣніе. Затѣмъ, какъ это проведено и въ статьяхъ противъ иконоборцевъ, всѣ главы распределены на два отдѣла: въ одномъ предаются осужденію противоцерковныя ученія, въ другомъ увѣнчиваются провозглашеніемъ вѣчной памяти тѣ, кто защищалъ принятое церковью ученіе. Такая форма редакціи необходимо обуславливаетъ повторяемость основныхъ положеній, которыя приведены то въ положительной, то въ отрицательной формѣ. Само собой разумѣется, такая двойная форма редакціи облегчаетъ изслѣдователя, ибо даетъ возможность провѣрки одного положенія другимъ.

Анаэмаатствованія изложены въ шести отдѣльныхъ статьяхъ, къ которымъ присоединяется еще одно общее отлученіе и одно спеціальное противъ Исаака Аргира. Статей же съ провозглашеніемъ „вѣчная память“ всего четыре, что показываетъ, что распределеніе предметовъ догматическаго спора по категоріямъ не вполне достигнуто, такъ что нѣкоторыя спорныя положенія можно было то раздѣлять по категоріямъ, то подводить подъ одну. Но, сокративъ до четырехъ статьи положительнаго ученія, составитель пространной редакціи въ замѣнъ того довелъ до четырехъ статьи спеціальнаго

характера, присоединивъ сюда же провозглашенія вѣчной наказанности: 1) царю Михаилу и Θεодорѣ; 2) царю Андронику; 3) Паламѣ; 4) всѣмъ о православіи подвизавшимся.

Этимъ достигается равенство главъ въ положительной и отрицательной части, но вмѣстѣ съ тѣмъ сущность догматическаго спора, нашедшая себѣ выраженіе въ Синодикѣ, сводится только къ шести или даже къ четыремъ положеніямъ. Весь жгучій предметъ спора сосредоточивается на вопросѣ о существѣ и энергіи божества (ἡ θεοῦ οὐσία καὶ ἐνέργεια): есть ли энергія самое существо Божіе, или нѣтъ. Къ постановкѣ этого вопроса пришли посредствомъ другаго: что такое былъ свѣтъ Господня Преображенія на Фаворѣ, существо Божіе или нѣтъ. Въ сущности всѣ статьи Синодика исходятъ изъ этого краеугольнаго вопроса и къ нему возвращаются.

1) Анаеема тѣмъ, которые принимаютъ возсіявшій отъ Господа свѣтъ при Божественномъ Его Преображеніи то за образъ и тварь и призракъ, то за самое существо Божіе, и которые не исповѣдаются, что Божественный тотъ свѣтъ не есть ни существо Божіе, ни тварь, но несозданная и физическая благодать и осіаніе и энергія, всегда происходящая изъ самаго существа Божія.

2) Анаеема тѣмъ, кто принимаетъ, что Богъ не имѣетъ физической энергіи, а одно только существо, и что нѣтъ никакого различія между существомъ Божіимъ и энергіей, кто не хочетъ думать, что какъ соединеніе Божественнаго существа и энергіи неслѣдственно, такъ и различіе неизмѣнно.

3) Анаеема тѣмъ, кто принимаетъ, что всякая физическая возможность и энергія Божества есть созданіе.

4) Анаеема тѣмъ, которые говорятъ, что если допустить различіе въ существѣ и энергіи Божества, то значить мыслить Бога существомъ сложнымъ.

5) Анаеема тѣмъ, кто думаетъ, что одному только существу Божію свойственно имя Бога, а не энергіи.

6) Анаеема тѣмъ, кто принимаетъ, что существо Божіе можетъ быть приобщаемо (то-есть, людямъ) и кто не хочетъ допустить, что приобщеніе свойственно благодати и энергіи.

Приведенныя положенія всѣ направляются къ одному: къ различенію возможностей и проявленій Божества отъ сущности Его. Въ томъ видѣ, какъ эти положенія изложены въ Синодикѣ, они складываются къ рѣшенію философской проблемы о свойствахъ сущности

Вожества. Въ статьѣ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти Паламѣ, гдѣ нужно было съ невозможной краткостью обозначить его заслуги и характеризовать ученіе его противниковъ, читаемъ: „Вѣчная память святѣйшему митрополиту солунскому Григорію, который низвергъ еретиковъ Варлаама и Акиндіна, дерзнувшихъ назвать физическую и нераздѣльную энергію и возможность Вожества, а равно и всѣ физическія свойства Св. Троицы — созданными“. Что Палама и его противники были представители двухъ враждебныхъ философскихъ лагерей, это отмѣчено въ той же самой статьѣ: противники Паламы *„дерзнули приносить ученіе о Платоновскихъ идеяхъ и аллинскіе мифы“*. Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ ставится внѣ сомнѣнія источникъ занимающей насъ полемики: это новый эпизодъ борьбы аристотеликовъ съ приверженцами Платона, это продолженіе спора, нашедшаго себѣ выраженіе въ статьяхъ Синодуса XI и XII вѣковъ.

Ясно такимъ образомъ, что комментировать статьи противъ Варлаама и Акиндіна—значить излагать исторію философскаго движенія въ Византіи въ XIV вѣкѣ. Первостепеннымъ источникомъ для этого служатъ матеріалы по исторіи полемики, къ ознакомленію съ которыми и обращаемся теперь. Можно бы, казалось, ожидать полного и всесторонняго освѣщенія возгорѣвшейся между Паламой и Варлаамомъ борьбы, такъ какъ она занимала общество цѣлыя десятилѣтія, породила обширную литературу, потребовала сильнаго напряженія умовъ и вмѣшательства свѣтской и духовной власти. Однако же эта литература, свидѣтельствующая о страстной борьбѣ и раздраженіи партій, далеко не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ запросамъ критики, ибо отличается односторонностью и умолчаніями. Прежде всего, далеко не въ одинаковой степени полноты представлены мнѣнія той и другой партій: больше сохранилось извѣстій, принадлежащихъ представителямъ восторжествовавшаго мнѣнія, сочиненія же еретиковъ или утрачены, или остаются въ рукописяхъ. Затѣмъ, встрѣчаются иногда такія противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей и очевидцевъ, которыя не могутъ быть провѣрены справками въ официальныхъ актахъ. Что касается этихъ послѣднихъ (разумѣемъ соборныя дѣянія), то, какъ увидимъ ниже, большинство ихъ сохранилось въ изложеніи, а не въ подлинномъ видѣ. Такимъ образомъ, состояніе источниковъ должно побуждать исследователя быть крайне осторожнымъ даже въ тѣхъ выводахъ, которые.

повидному, наиболѣе подкрѣпляются современными свидѣтельствами.

Уже самый первый и несомнѣнно важнѣйшій вопросъ о ближайшихъ причинахъ, побудившихъ Варлаама и Паламу перенести свои философскія разномыслія на богословскую почву, не можетъ быть удовлетворительно выясненъ на основаніи сохранившихся матеріаловъ. Господствующее, хотя и не всѣми раздѣляемое, мнѣніе состояло въ томъ, что Варлаамъ и прибылъ въ Византію съ тайною дѣлюю осмѣять греческую вѣру и церковь, что онъ искалъ только поводовъ привести къ осуществленію свой злокозненный умыселъ. Согласно этому воззрѣнію, такой поводъ дали Варлааму нѣкоторые монахи, въ простотѣ сердца вѣровавшіе, что существо Божіе можно видѣть тѣлесными очами. Но мы знаемъ, что Варлаамъ писалъ въ православномъ духѣ противъ латинства и что въ сношеніяхъ съ папой заявилъ себя самымъ искреннимъ греческимъ патриотомъ. При томъ же и не всѣ греческіе писатели рѣшаются бросать противъ Варлаама обвиненіе въ предательствѣ и лжецѣркви. Напримѣръ, Каптакузинъ значительно видоизмѣняетъ этотъ упрекъ и признаетъ Варлаама дѣйствовавшимъ по подстрекательству діавола, общаго врага церкви ¹⁾. Наконецъ, есть совершенно иное мнѣніе, высказываемое тоже не друзьями Варлаама, по которому причины борьбы между Варлаамомъ и Паламой скрывается совсѣмъ не въ вѣроученіи, а въ ненависти къ Варлааму, какъ человѣку не греческаго происхожденія, какъ пришельцу изъ латинствующаго Запада. Согласно этому послѣднему воззрѣнію, Варлаамъ нашелъ поводъ въ сочиненіи Паламы начать съ нимъ литературный споръ. Это мнѣніе принадлежитъ извѣстному уже намъ сопернику Варлаама, Никифору Григорѣ, автору діалога „Флорентій“, и заслуживаетъ того, чтобы привести его вполнѣ ²⁾.

„Поелуку Палама всегда выставляетъ калабрійца Варлаама виновникомъ своего богохульства и тебя даже (царя І. Каптакузина), убѣдилъ говорить это, то выслушай мои объясненія. Палама пользуется именемъ Варлаама, какъ приманкой для легковѣрныхъ, такъ какъ это имя ненавистно всему ромѣйскому народу изъ-за латинской вѣры. Палама *болѣе уже эту болѣзнь до появленія Вар-*

¹⁾ *Migne*, 153, lib. II, c. 39.

²⁾ *N. Gregorac*, IX, I (ed. Bonn., p. 918 и слѣд.).

лаама между византийцами и утверждалъ въ присутствіи моемъ и многихъ другихъ, что онъ видитъ тѣлесными очами существо Божіе, и не онъ одинъ, но и сомнительный его ученикъ Григорій Дрими. И тогда же порицалъ ихъ и доказалъ изъ священнаго писанія нелѣпость ихъ словъ. . . . Съ теченіемъ времени поселился между греками Варлаамъ и сталъ здѣсь извѣстенъ государямъ и удостоенъ былъ ими особеннаго расположенія ради его чрезвычайной мудрости. Въ особенности ты, государь, какъ человекъ, издавна любившій филологію и приобретавшій многи и разнообразныя книги и высоко цѣнившій бесѣды съ умными людьми, обласкалъ его передъ всѣми. Скуета нѣкоторое время, громкая молва дошла и до насъ, что Варлаамъ въ Солуни завелъ литературный споръ съ Паламой изъ-за того, что этотъ говорилъ и писалъ, что видитъ тѣлесными очами существо Божіе. Всѣмъ извѣстно и подтверждающее то же самое сочиненіе, которое Палама выставляетъ въ свое оправданіе. Итакъ, если существуетъ много доказательствъ, что Палама уже болѣлъ тою болѣзнію прежде еще появленія Варлаама въ еллинскихъ предѣлахъ, то какую выгоду имѣетъ онъ такъ часто прибѣгать къ этой слабой опорѣ, то-есть, къ имени Варлаама? Конечно ту, что, такъ какъ имя это покрыто позоромъ и подверглось гоненію изъ-за ивѣры, то онъ надѣялся найти въ немъ нѣкоторую поддержку противъ меня, имѣющаго также подвергнуться клеветѣ. . . . Ибо, какъ оказывается изъ словъ и книгъ Паламы, *не Варлаамъ внесъ въ церковь Божію нечестивую эту массалианскую ересь вмѣстѣ съ двубожіемъ и многобожіемъ*, но онъ, напротивъ, указалъ того, кто былъ виновникомъ ереси* . . . .

Быть можетъ, что Григора, какъ заинтересованное въ дѣлѣ Варлаама лице, имѣлъ основанія очистить его память; но по отношенію къ тому вопросу, который насъ теперь занимаетъ, едва ли въ словахъ его не слѣдуетъ видѣть полной правды. Онъ ссылается, между прочимъ ¹⁾, на сочиненія Паламы и на основаніи его собственныхъ словъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что Варлаамъ вооружился именно противъ ученія, исповѣдуемаго учениками Паламы. Для ознакомленія съ взглядомъ Григоря, отличающимся особенной оригинальностью, мы должны еще нѣсколько продолжить начатую изъ него выписку. „Мнѣ не столько важенъ Варлаамъ,—говоритъ онъ царю,—сколько

¹⁾ Книга XIX, гл. I, р. 921.

тебѣ. Ты самъ хорошо знаешь, какъ дружественно принялъ ты этого пришельца и какими довѣрjemъ одарилъ его. Не я чрезвѣчными почестями сдѣлалъ его надменнымъ и гордымъ. Не я избралъ его тебѣ и черезъ тебя другимъ въ широковѣщательные учителя божественнаго Діонисія и вмѣстѣ въ истолкователи таинственныхъ догматовъ церкви и тайнъ нашего богословія и тѣмъ побудилъ его перемѣнить отечественную землю на сію чуждую. Не я своимъ покровительствомъ довелъ его до того, что онъ возсталъ противъ всякой другой ромейской мудрости. Я, напротивъ, былъ тотъ, который такъ блистательно сокрушилъ кедры надменности его, какъ сильная рука дровосѣка обнажаетъ отъ листвы дубъ, кедръ и кипарисъ. Я тотъ самый, который въ тишинѣ сердца и съ скромностію твердаго знанія совратилъ его и отбросилъ, какъ морской песокъ сметаетъ свирѣлствующее море. . . . И тогда, и нынѣ я порицаю его за то, въ чемъ онъ полемизировалъ со мной. Я настаиваю, что по отношенію къ еллинской рѣчи и высшей наукѣ этотъ мужъ хромалъ изрядно. Ты имѣлъ его другомъ, когда онъ былъ живъ, мертваго же считаешь врагомъ; а мнѣ какъ тогда былъ врагъ, такъ и теперь не другъ. . . . Да и какъ вновь поднимать уже разѣ достаточно разъясненное дѣло, когда Палама въ ежедневныхъ сочиненіяхъ присоединяетъ новыя обвиненія? Мы совсѣмъ не съ со-
стоимъ спросить мертваго (Варлаама), что онъ говорилъ тогда и что бы сказалъ теперь“.

Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что Варлаамъ нашолъ въ Византіи радушный пріемъ и пользовался отиѣннымъ вниманіемъ царя Андроника, который далъ ему важное порученіе на западъ, и царя І. Кантагузина, какъ о томъ убѣдительно свидѣтельствуетъ рѣчь Григоры. Значительная доля вліянія въ объясненіи ожесточенной борьбы противъ Варлаама должна быть приписана иноземному его происхожденію и тому предпочтенію, которое оказывали ему цари и вельможи. Изъ разбора миссіи его на западъ слѣдуетъ вывести заключеніе, что никакой задней мысли при поселеніи въ Византію у него не могло быть, и что въ сочиненіяхъ его, написанныхъ противъ латинства, нельзя подозрѣвать никакой ипокрисіи. Напротивъ, надо думать, что Варлаамъ былъ въ душѣ идеалистъ и вѣрилъ вполне искренно въ возможность уніи запада съ востокомъ. Придерживавшихся подобныхъ же взглядовъ въ Византіи было много, въ особенности въ высшихъ придворныхъ кругахъ, и всѣ державшіеся такихъ

возвратившіе могутъ быть названы латинствующими или западниками. Итакъ, въ борьбѣ Паламы съ Варлаамомъ нужно видѣть одинъ изъ моментовъ борьбы національной византійской партіи съ западной или латинствующею.

Что касается въ частности того обвиненія, будто Варлаамъ переселился въ Византію съ тайной цѣлью работать въ пользу униі, оно опровергается, между прочимъ, его же сочиненіемъ противъ латинской церкви, или собственно противъ папства, которое по своему общему тону и направленію вполне выражаетъ мнѣніе національной греческой партіи, и подъ нимъ могъ бы подписаться любой изъ византійскихъ патриотовъ. Латиняне ¹⁾, говоритъ онъ, отставляютъ то мнѣніе, что папа въ силу своего примата имѣетъ право по своей волѣ устанавливать догматы (καὶ ὁποῦν βουλομένῃ ἐστὶν αὐτῷ δογματίζειν) и что его постановленіямъ никто не вправе противорѣчить. И, говоритъ на это Варлаамъ, также признаю, что Петръ былъ пастыремъ и учителемъ вселенской церкви, но не одинъ онъ, а въ той же степени и съ одинаковой честью и каждый изъ 12 апостоловъ. Христосъ общалъ вѣрить Петру ключи царства небеснаго. Что подъ этимъ подразумѣвается единственно власть вязать и рѣшить, объяснено въ послѣдующихъ затѣмъ словахъ, но эту власть получили отъ Господа и другіе апостолы. Какъ же случилось, что Петру усвоится названіе корифея и первопрестольнаго апостола? Разматривая выдающуюся роль Петра при избраніи Матея и въ первую проповѣдь въ праздникъ Пятидесятницы, Варлаамъ приходитъ къ заключенію, что примать Петра основывался на томъ, что остальные апостолы уступили ему право первой рѣчи. Далѣе, согласно всѣмъ грехамъ, писавшимъ противъ латинства, онъ обращается къ авторитету вселенскихъ соборовъ и спрашиваетъ: если патриархъ константинопольскій по каноническимъ постановленіямъ равенъ во всемъ римскому, то гдѣ основанія къ тому, что греки должны подчиняться папѣ? Идя далѣе, Варлаамъ утверждаетъ, что въ Римѣ было уже много еретическихъ папъ, и ссылается, между прочимъ, на папу Іоанна. Блаженный Климентъ не былъ рукоположенъ апостоломъ Петромъ во епископа вселенской, а только римской церкви, какъ и всякій дру-

¹⁾ *Migne*, 151, col. 1276—1278; *Fischer*, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident, München 1864, I, Ss. 362—363; *Недѣлюскій*, Варлаамитская ересь (*Труды Кіевской духовной академіи*, 1872, стр. 319).

гой епископъ рукополагается только въ известную епархію. Епископскій престолъ въ Римѣ не былъ ни первымъ, ни послѣднимъ, но сдѣланъ былъ первымъ впоследствии, по узаконенію святыхъ отцовъ и благочестивыхъ царей, которые возвеличили въ церковныхъ дѣлахъ престолъ новаго Рима, также какъ и престолъ древняго. Нѣтъ ни закона, ни обычая, которымъ бы требовалось, чтобы патріархи были рукополагаемы папой, чего на самомъ дѣлѣ никогда и не бывало. Папа не выше соборовъ, такъ какъ соборы сами предписывали законы церкви. Непозволительно никому изъ патріарховъ, равно и папѣ, прибавлять новыя догматы безъ вѣдома и согласія всей церкви. Тому папѣ, который твердо соблюдаетъ ученіе святыхъ отцовъ, должно воздавать честь, определенную священными канонами. Несоблюдающаго же этого ученія слѣдуетъ избѣгать, какъ волка и пагубнаго врага церкви. Такимъ образомъ, нѣтъ частной церкви, а есть только вселенская и католическая; вѣрующіе въ частную церковь суть отсѣченные и мертвые члены единого тѣла церкви Христовой.

Несомнѣнно уже вполне свободный и искренній взглядъ на сравнительныя достоинства западной и восточной церкви находится въ письмахъ Варлаама къ друзьямъ, оставшимся въ Греціи. Въ одномъ изъ этихъ писемъ ¹⁾ Варлаамъ проводитъ параллель между строемъ западной и восточной церкви, при чемъ схватываетъ самыя существенныя и, нельзя не признаться, реальныя стороны. Здѣсь было бы уместно выразиться тѣмъ нападкамъ и скрытой неприязни противъ грековъ, о которой такъ любятъ говорить враги Варлаама. Между тѣмъ, мы не можемъ указать ни одной сколько нибудь преувеличенной и пристрастной черты. Такъ, онъ противопоставляетъ строгую дисциплину въ латинской церкви случайнымъ капризамъ патріарховъ или царей въ греческой; централизующее начало папства противопоставляетъ раздвоенности и отсутствію такого объединяющаго начала на востокѣ. Въ особенности стоитъ обратить вниманіе на двѣ слѣдующія черты. У латинянъ ученіе евангельское крѣпнеть, растетъ и распространяется, слово Божіе ревностно проповѣдуется по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ. Здѣсь каждому христіанину сообщается все то, что питаетъ благочестіе и побуждаетъ къ добродѣтели, здѣсь христіанство глубоко вошло въ жизнь. Между тѣмъ у грековъ очень мало людей искусныхъ въ словѣ, а

¹⁾ *Migne*, 151, col. 1258—1264.

еще менѣе такихъ, которые бы съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ занимались священнымъ писаніемъ, чѣмъ сочиненіями свѣтскихъ писателей. Что касается непросвѣщенной массы народа, то она остается совершенно не причастною спасительнаго слова Божія. На одного человѣка, знающаго существенно необходимое для спасенія души, приходится здѣсь цѣлыя тысячи такихъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сущности христіанскаго ученія. Все это весьма неблагоприятно вліяетъ на характеръ и жизнь грековъ.—Затѣмъ Варлаамъ касается еще общей черты греческой набожности. „Нѣкогда христіане горячимъ и смѣлымъ исповѣданіемъ своей вѣры обращали въ христіанство даже жесточайшихъ гонителей своихъ. Теперь же мы видимъ на востокѣ противоположное этому явленіе: восточные христіане въ безчисленномъ множествѣ обращаются въ магометанство“.

Приведенныя данныя должны значительно ослабить тѣ извѣстія, по которымъ Варлаамъ выставленъ ненавистникомъ и врагомъ греческой церкви и въ которыхъ сочиненіямъ его противъ латинской церкви приданъ характеръ умышленности и притворства. Нужно, наоборотъ, допустить, что сначала онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ писалъ, и совершенно убѣжденъ былъ въ ирактической силѣ логическихъ доказательствъ. Перемена въ немъ произошла послѣ путешествія на западъ; но всѣмъ вѣроятіямъ, завязавшаяся у него борьба съ Григоріемъ Паламой имѣла не послѣднее значеніе въ переходѣ его къ латинству.

Въ богословской споръ съ Паламой Варлаамъ вступилъ по возвращеніи изъ миссіи на западъ. По словамъ Н. Григоры¹⁾, этотъ споръ продолжался около трехъ лѣтъ, когда, наконецъ, Варлаамъ донесъ патриарху константинопольскому на своего соперника, обвиняя его въ омфалонсизмѣ, въ неправильной молитвѣ и въ богословскихъ заблужденіяхъ. Изъ похвалы Паламы, принадлежащей Филоею²⁾, узнаемъ нѣкоторыя другія подробности по хронологіи этого спора. Палама написалъ девять словъ противъ Варлаама, раздѣляющихся на три триады. Первая составлена до появленія сочиненій Варлаама; вторая, названная имъ послѣднею, написана уже въ опроверженіе письменнаго изложеннаго мнѣнія Варлаама. Но ей не суждено было остаться послѣднею, ибо на *второе сочиненіе* Варлаама, появившееся, очевидно,

¹⁾ Historia, I, p. 557.

²⁾ Migne, Patrologia, 151, col. 589.

вслѣдъ за этой триадою, Палама еще составилъ новую триаду въ опроверженіе и втораго сочиненія Варлаама. Такимъ образомъ, названная Паламою послѣднею, въ дѣйствительности же вторая по порядку и по времени составленія триада, написана Григоріемъ Паламою *по выходѣ въ свѣтъ первую сочиненія Варлаама*, когда этотъ послѣдній путешествовалъ по Италіи ¹⁾. Въ этомъ весьма важномъ для насъ сообщеніи мы получаемъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о началѣ богословской борьбы. Повидимому оно приводитъ къ заключенію, что нападающею стороною былъ Палама, Варлаамъ же защищающагося. Первая триада написана имъ противъ Варлаама, когда еще онъ не читалъ его сочиненія, а только слышалъ объ его ученіи. Вторая триада, составленная во время миссій Варлаама (1338—1339), направлена была уже противъ сочиненія этого послѣдняго, съ которымъ Палама успѣлъ тогда ознакомиться. Слѣдовательно, первое сочиненіе Варлаама могло быть составлено около 1337—1338 г.; этимъ оправдывается указаніе Н. Григоры на трехлѣтній періодъ борьбы. Возвратившись изъ путешествія, на западъ предпринятаго, какъ мы знаемъ, по порученію императора, Варлаамъ, по словамъ Филоаса, передѣлалъ во многихъ частяхъ свое сочиненіе, съ тѣмъ, чтобы избѣжать обвиненій ²⁾, давъ ему даже другое надписаніе (κατὰ Μασσαλασίου). Это побудило Паламу написать свою третью триаду противъ Варлаама. Нужно думать, что это послѣднее сочиненіе и было поводомъ къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя Варлаамъ представилъ патриарху константинопольскому.

Въ большинствѣ византійскихъ изложеній хода борьбы и въ сборныхъ грамотахъ мы напрасно стали бы искать хронологическихъ датъ. Во всѣхъ упомянутыхъ изложеніяхъ выдвинуть тотъ фактъ, что Варлаамъ, желая осмѣять греческую вѣру, притворился ученикомъ, ищущимъ ознакомленія съ монашеской жизнью и воспользовался простодушіемъ одного калогера, который въ безыскусственной формѣ и передалъ ему, что каждый вѣрующій можетъ удостоиться тѣлесными очами видѣть свѣтъ Божій и созерцать природу Божію. Этими словами онъ воспользовался съ тѣмъ, чтобы представить въ смѣшномъ видѣ монашескую жизнь и вѣру. Не можетъ быть сомнѣ-

¹⁾ *Migne*, 151, col. 589: τοῖς γούν ὑστέροις τούτοις τρισὶ καὶ ἑσπετέροις ὁ μέγας εὐρήσατο κατ' αὐτῶν ἑκείνων τῶν τοῦ Βαρλαάμ φημι πρῶτων λόγων... εἰς Ἰταλίαν ἐποδησάμενος ἐκείνου.

²⁾ *Ibid.*: καταπλάσσει μὲν καὶ μεταποιεῖ τὰ πλεῖστα τῶν αὐτοῦ λόγων, τοὺς ἐλέγχει καὶ τῆς ἰστορίας ὀφθαλμὸν ἀκροφύγων.

ня, что эта точка зрѣнія не соответствуетъ дѣйствительному положенію дѣла, обличая въ упомянутыхъ изложеніяхъ извѣстную степень тенденціозности.

Богѣ фактическихъ данныхъ о ходѣ литературной борьбы находимъ въ неизданномъ еще изложеніи, принадлежащемъ монаху Давиду, одному изъ дѣятельныхъ сторонниковъ Паламы, и Акиндину.

Первый ¹⁾ въ своей „краткой исторіи происхожденія злой ереси Варлаама и Акиндина“, сводя ученіе Варлаама о свѣтѣ къ философскому принципу, пытается послѣдовательно изложить весь ходъ литературной полемики. По словамъ Давида, Варлаамъ прежде всего выступилъ съ возраженіемъ противъ ученія греческихъ монаховъ о божественномъ осіяніи и богоявленіяхъ и написалъ сочиненіе въ доказательство того положенія, что свѣтъ, возсіявшій на горѣ Ѡavorѣ, былъ вещественный и тѣлный и созданный на тотъ конецъ, чтобы озарить знаніемъ учениковъ Христовыхъ, бывшихъ доселѣ простецами ²⁾). Сочиненіе Варлаама произвело волненіе между монахами, которые и обратились къ Паламѣ съ просьбой, чтобы онъ поговорилъ съ Варлаамомъ, усвоивъ его и удержалъ отъ подобныхъ словъ и писавій, оскорбительныхъ для монашествующихъ. Палама же зналъ его и бесѣдовалъ съ нимъ часто и обличалъ его, но какъ ничего не могъ достигнуть, то и рѣшился письменно опровергать его заблужденія ³⁾). Затѣмъ подробно сообщается ходъ и развитіе полемики, какъ она перешла отъ вопроса о свѣтѣ или осіяніи къ вопросу о существѣ и энергіяхъ божества.

Независимо отъ всего прочаго, въ изложеніи монаха Давида слѣдуетъ отмѣтить двѣ черты: 1) нападающею стороною признается Варлаамъ; 2) указывается однако, что оба знаменитые соперника были и ранѣе знакомы между собой и часто бесѣдовали по поводу вопроса о свѣтѣ и богоявленіяхъ.—Если же дѣйствительно таковы были лич-

¹⁾ Vana, Cod. theol. graecus, № 210, F. 358. Τοῦ τιμιωτάτου καὶ σοφιστάτου μοναχοῦ κ.τ.ρ. Δαβὶδ (ιστορία διὰ βραχείας ὡς ἀρχὴν συνέστη ἢ κατὰ τὸν Βαρλαάμ καὶ Ἀκινδίνου πονηρὰ αἵρεσις. Томе въ Московской Синод. Библиотека, № 290, л. 1.

²⁾ ἀπελθὼν πρὸς ἀνατροπὴν τῶν καλοτέρων ἔγραψε λόγους κατὰ τοῦ τοιοῦτου φαινοῦ θέλων δείξαι αὐτοῦ ὀλιχὸν καὶ φθαρτὸν, λέγων ὅτι οὐκ ἦν ἐκεῖνο τοῦ φῶς αἰεὶ, ἀλλὰ τότε ἐγένετο, ἵνα εἰδῶσιν οἱ μαθηταὶ ἰδῶσθαι ὄντες καὶ θαυμάσασθαι.

³⁾ εἶδε τοῦτον καὶ ομιλήσας πολλὰ ἤδη ὁ Παλαμάς καὶ παρεκάλεσε καὶ ἤλεγξε καὶ ἀνέτρεφεν ἀπὸ σπύματος, οὐκ ἠδυνήθη, δε μεταπέσειαι οὐδόλως... ἀναγκασθεὶς λοιπὸν ἐπὶ τετραπλῶν ὁ Παλαμάς... ταῦτα ἰδὼν ὁ Βαρλαάμ ἀντεγράφηκε...

ныя отношенія Паламы и Варлаама, то становится понятнымъ, почему первый могъ принять на личный счетъ часть тѣхъ обвиненій, которыя Варлаамъ выставилъ противъ монаховъ въ своемъ первомъ сочиненіи.

Свидѣтельство Акиндина ¹⁾, не противорѣча по существу сообщеніямъ монаха Давида, выдвигаетъ на первый планъ тотъ фактъ, что нападеніе Варлаама на греческихъ монаховъ послѣдовало еще въ Константинополѣ и что Акиндинъ *прежде всего* обратилъ вниманіе патріарха на высказанныя имъ заблужденія. Такимъ образомъ, Варлаамъ удалился въ Солунь, уже находясь въ немилости у патріарха. Здѣсь онъ встрѣтилъ Паламу и между ними сначала завязались соствязанія, а потомъ литературная полемика ²⁾. Тотъ же Варлаамъ перенесъ потомъ въ Константинополь свой споръ съ Паламой, предложивъ рѣшеніе вопроса на судъ духовной власти. Акиндинъ выставляетъ далѣе на видъ, что начала этой полемики скрываются во враждѣ Варлаама къ Паламѣ и въ желаніи досадить ему ³⁾. Можно считать не подлежащимъ сомнѣнію то, что оба соперника хорошо знали одинъ другаго еще до начала полемики и что между ними были какіе-то личные счеты.

Не говоря о томъ, что матеріалы для исторіи борьбы Варлаама съ Григоріемъ Паламой не всѣ извѣстны, большія трудности представляетъ распредѣленіе по категориямъ и очищеніе критикой уже напечатанныхъ изложеній этой борьбы и относящихся къ ней документовъ. По всему видно, что приверженцы той и другой партіи употребляли всевозможныя усилія оправдать своихъ вождей, и такъ какъ побѣда не разъ склонялась то на сторону Варлаама, то его противника, то и въ литературныхъ памятникахъ, имѣющихъ по большей части полемическій характеръ, не достааетъ надлежащей объективности и безпристрастія. Страстность не пощадилла даже самыя официальные акты, которые подвергались передѣлкѣ въ угоду одержавшему побѣду направленію. Такъ, когда Варлаамъ былъ отлученъ церковью, и ученіе его признано еретическимъ, для православнаго большинства, принявшаго сторону Паламы, стоило немалого труда свести счеты

¹⁾ Главнымъ образомъ имѣемъ въ виду его записку, представленную патріарху Іованну (Мюнхень, cod. graecus 223, f. 51), которую ниже приводимъ вполнѣ.

²⁾ μετὰ δὲ ταῦτα πάντων ἐπειδὴ γενόμενος ἐν τῇ Θεσσαλονίκῃ τῷ Παλαμῇ ἐντετατούμενος καὶ συνεπλάκησαν ἀλλήλοις τοῖς κατ' ἀλλήλων λόγοις.

³⁾ ἐκ τῆς γενομένης αὐτῷ πρὸς τοῦτον ἐρίδος καὶ φιλονεικίας ἐκ τοῦ ταῦτα λέγειν ἱκανόν κατὰ τοῦτον προῆχθαι.

съ противоположнымъ направленіемъ, которое также могло сослаться въ свою пользу на соборныя постановленія. Борьба между приверженцами Паламы и Варлаама, сведенная на почву богословскаго ученія, по своей горячности напоминаетъ самыя выдающіяся эпохи возбужденія умовъ въ Византіи; въ XIV вѣкѣ повторяется та же страстная полемика и та же крайняя нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, какая характеризуетъ періодъ иконоборчества или вѣкъ Фотія. Официальныя акты при изображеніи такихъ эпохъ сами по себѣ не ругаются еще за полную достовѣрность ихъ и объективность и нуждаются всякій разъ въ доказательствахъ и подтвержденіяхъ ихъ цѣлости и неповрежденности. Такимъ образомъ, преимущество все же остается на сторонѣ частныхъ матеріаловъ, то-есть, изложеній, записокъ и замѣтокъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ борьбѣ или бывшихъ ея современниками. Что въ этомъ отношеніи можно ожидать еще значительныхъ дополненій, доказывается ниже-слѣдующимъ.

Въ рукописи Лаврской бібліотеки на Аѳонѣ помѣщено, между прочимъ, нѣсколько писемъ Паламы, проливающихся свѣтъ на македонскій періодъ жизни Варлаама ¹⁾. Эти письма прежде всего открываютъ, что Палама не только былъ хорошо знакомъ съ Варлаамомъ и его приверженцемъ Акиндиномъ, но считалъ ихъ нѣкогда друзьями и состоялъ съ ними въ перепискѣ. Первый поводъ къ разногласію между ними подало сочиненіе Варлаама противъ латинянъ о происхожденіи Св. Духа. Какъ мы уже видѣли изъ похвалы Филовея ²⁾, Варлаамъ допустилъ неосторожность, говоря о двухъ началахъ божества, и далъ слишкомъ высокое значеніе еллинскимъ мудрецамъ передъ отцами церкви: въ письмахъ Паламы именно указывается на эти стороны сочиненія Варлаама, но предметъ разногласія обсуждается въ мягкихъ выраженіяхъ, не допускающихъ мысли, чтобы авторъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ, какъ на ересь. Упрекнувъ Варлаама, что онъ скорымъ шагомъ обходитъ боговсныхъ отцовъ, какъ неизвѣстныхъ, а сократистовъ и платонистовъ рисуетъ какъ боговидцовъ и осіянныхъ ³⁾, онъ добродушно подсмѣивается надъ

¹⁾ *Porphyria*, Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри и скиты. Часть I. Отдѣленіе I. Кіевъ. 1877, стр. 229. Речь идетъ о рукописи въ Лаврѣ, переписанной въ 1708 г. по повелѣнію Николая Маврокордата и заключающей важныя для нашего предмета документы.

²⁾ *Migne*, 551, col. 584.

³⁾ Первое путешествіе, стр. 232: τοὺς τε θεοφόρους πατέρας ἀληθῆτος δικαιοσύνης καὶ τοὺς κατὰ Σωκράτην τε καὶ Πλάτωνα θεόπτας καὶ πεφωτισμένους ἀναγράφει.

этими пресловутыми философами и указываетъ въ христіанскомъ богумудрїи (*θεωσοφία*) идеаль, въ которому слѣдуетъ стремиться. „Это внушай, брате,—заключаетъ Палама,—любящимъ мірскую мудрость болѣе чѣмъ должно“.

Болѣе рѣзкій тонъ обнаруживается въ тѣхъ цисьямахъ и сочиненїяхъ, которыя посвящены защитѣ *исихастовъ* или священно-безмолствующихъ. Здѣсь Палама уже задѣтъ былъ лично и не считалъ нужнымъ щадить противника. Но какъ возгорѣлся споръ объ исихастахъ? Едва ли не распоряженіемъ церковной власти Варлаамъ посланъ былъ изъ Солуни на Аѳоны, гдѣ, повидимому, и обнаружались его несогласїя съ монашествующими. Это можно заключать изъ слѣдующихъ словъ Паламы: „я радовался, видя Варлаама, посланнаго къ монахамъ, и безмолвники радовались и говорили, что этотъ кичникъ будетъ для насъ какъ сокровищница, выдающая старое и новое“. Писалъ ли что Варлаамъ противъ исихастовъ, или только ограничился словесными заявленїями, объ этомъ трудно сказать. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнїя въ томъ, что сношенїя между Паламой и Варлаамомъ не прекратились и послѣ того, какъ послѣдній окрестилъ направленїе монашествующихъ именемъ *омфалонсихити* (пупоумїе). Какъ вмѣшался въ это дѣло Палама, объ этомъ передастъ изложенїе, составленное монахомъ Давидомъ. Оказывается, что исихасты обратились къ Паламѣ съ просьбой *поговорить* съ Варлаамомъ и *убѣдить* его *прекратить словесныя и письменныя на него нападки* и не оскорблять святыхъ мужей, поклоняющихся божественному огню. Но словесно или письменно излагая Варлаамъ свой взглядъ на религиозное направленїе монашествующихъ, этотъ взглядъ тѣмъ не менѣе выражался въ слѣдующихъ опредѣленныхъ чертахъ. Монахи священное писанїе считаютъ бесполезнымъ, а науку вредною, и думаютъ, что существо Божїе можно видѣть тѣлесными очами и что для достиженїя того нужны нѣкоторыя чувственныя воздѣйствїя и приемы. Между тѣмъ Варлаамъ думалъ, что высшее усовершенствованїе челоуѣка зависитъ отъ упражненїя духовнымъ силамъ: какъ здоровье, хотя и дается отъ Бога, но поддерживается собственной внимательностію, такъ и философія. Ее далъ Богъ пророкамъ и апостоламъ и ученымъ мужамъ, и при помощи изученїя оставленныхъ имъ сочиненїй мы можемъ искать и обрѣтать мудрость ¹⁾.—Здѣсь сталкивались два противоположныя направленїя, которыя еще могли уни-

¹⁾ Черное путешествїе, стр. 235—236.

ваться на теоретической почвѣ, но въ выводахъ и практическихъ примѣненіяхъ никакъ не могли идти рука объ руку. Скоро оба направленія бросятъ упрекъ одно другому въ еретичествѣ и безбожін.

Въ высшей степени любопытно въ исторіи борьбы Варлаама и Паламы намѣтить процессъ обостренія отношеній между партіями. Мы знаемъ въ этомъ отношеніи порядокъ происхожденія триадъ Паламы; знаемъ также, что Варлаамъ, по возвращеніи изъ миссіи на западъ, устранивъ обвиненіе исихастовъ въ омфалопсихіи, намѣтилъ болѣе ясными чертами ихъ направленіе, назвавъ ихъ *massalianami*. Съ этихъ поръ борьба уже не могла ограничиться тѣсной областью Македоніи или Аѳона, она переходитъ въ Константинополь, и въ ней принимаетъ участіе свѣтское и церковное правительство. Почему же поднятый въ Солуни или на Аѳонѣ вопросъ получилъ такое важное политическое значеніе?

Нѣтъ сомнѣній, что объясненіе того должно видѣть въ имени массалианства, которымъ Варлаамъ обозначилъ защищаемое Паламой направленіе. Это значило, что аѳонскіе подвижники и македонскіе монахи суть еретики, зараженные богомилствомъ, что ихъ ученіе о состояніи полнаго безстрастія, въ которомъ человѣкъ способенъ соединиться съ Божествомъ, напоминаетъ ученіе евхитовъ, — секты, соединившейся съ богомилствомъ въ славянскихъ земляхъ. Словомъ, этимъ дѣлался намекъ на очень извѣстное и распространенное на Балканскомъ полуостровѣ ученіе. Другой вопросъ — на сколько Варлаамъ былъ правъ, бросая противъ исихастовъ и защитника ихъ Паламы этотъ упрекъ. Для сужденія объ этомъ имѣется весьма мало данныхъ. Мы должны, однако, извѣстить то обстоятельство, что начало борьбы истекаетъ изъ Македоніи, и что тамъ же черпала главнымъ образомъ свои силы и подкрѣплялась приверженцами партія Паламы. Такимъ образомъ, съ нѣкоторой вѣроятностью можно думать, что Варлаамъ попалъ въ цѣль, употребивъ приведенное выраженіе. На сколько этимъ затронутъ былъ самъ Палама, можно судить на основаніи свидѣтельства Никифора Григоры. Какъ извѣстно, его никакъ нельзя причислить къ сторонникамъ Варлаама; поэтому взглядъ его на полемику во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, какъ взглядъ лица, одинаково не расположеннаго къ представителю той и другой партіи. Григора ¹⁾ отстаиваетъ ту мысль, что Палама уже до прибытія Варлаама въ византійскіе предѣлы болѣлъ массалианской

¹⁾ *Historia*, IX. I, p., 918 и слѣд.

ересью, и что заслуга послѣдняго именно въ томъ и состоитъ, что онъ назвалъ виновника ереси. По мнѣнiю Григоры, и вся полемика, въ которой Палама заставилъ принять участiе правительство и церковь, всецѣло падаетъ на отвѣтственность его. Эта полемика въ концѣ концовъ до того озлобила Паламу, что онъ *насилъно заставлялъ государя скрѣплять своей подписью соборные акты*. Въ сообщаемыхъ преосвященнымъ Порфирiемъ выпискахъ изъ Маврокордатовой рукописи ¹⁾ есть, между прочимъ, горячая реплика на это обвиненiе. „Ты говоришь, пустыньскiй мудрецъ Григора, что государь по принужденiю подписалъ соборный томъ, противный правой вѣрѣ! Государь, который, еще не достигши совершеннолѣтiя, самъ по себѣ не могъ благосклонно смотрѣть на Варлаама, — который, будучи еще отрокомъ, повелѣлъ изгнать акиндивовцевъ изъ царскихъ палатъ! Такой государь подписалъ принужденно!“ Легко понять, что это весьма слабое опроверженiе противъ высказаннаго Григорой обвиненiя, ибо откровенное нерасположенiе царя къ варлаамитамъ, если бы оно и было вѣрно само по себѣ, ничего не доказываетъ по отношенiю къ подписи соборныхъ протоколовъ. А что въ этомъ случаѣ допускались значительныя нарушенiя, это будетъ видно при разсмотрѣнiи соборныхъ актовъ. Переходя затѣмъ къ опроверженiю того обвиненiя, что Палама есть виновникъ церковныхъ нестроений, ссоръ и разногласiй, постигшихъ церковь послѣ собора 1347 года, Палама ограничивается въ своей защитѣ чисто формальною стороною и какъ хорошiй адвокатъ старается держаться на почвѣ закона. „Соборные протоколы, — говоритъ онъ, — утверждены тремя царями и скрѣплены печатами трехъ патрiарховъ. Итакъ, ежели соборный актъ, утвержденный такими и столбами лицами, произвелъ ссоры, то какъ тутъ виновенъ Палама? Сей томъ служитъ поводомъ къ разногласiю, но только для тѣхъ, кто не покоряется истинѣ“. Если принять во вниманiе, что соборъ 1347 года составленъ былъ въ интересахъ Паламы, то нельзя не признать слишкомъ неудовлетворительными высказанныя здѣсь оправданiя. Наконецъ, на замѣчанiе, что царь, хотя и сознавалъ богохульства Паламы какъ должно, но только не высказался, Палама отвѣчаетъ слѣдующимъ. „Царь, находясь въ Солуни, присутствовалъ при богослуженiи Паламы, а въ Константинополѣ слушалъ литургiю, которую совершалъ патрiархъ вмѣстѣ съ Паламою и послѣ литургiи цѣловалъ руку его въ присутствiи всего народа“. Понятно, что и

¹⁾ Первое путешествiе, стр. 237—238.

эти знаки вниманія царя далеко не ослабляютъ намека Григоря на силу и вліяніе партіи Паламы, сдѣлавшей изъ правительства орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Не будемъ пока настаивать на томъ, что Григоря сообщаетъ безпристрастное мнѣніе; въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется возвратиться къ этому вопросу. Можно остановиться на заключеніи, что до миссіи въ Авиньонъ Варлаамъ и Палама не только были знакомы, но и состояли въ перепискѣ, что хотя Варлаамъ не раздѣлялъ направленія Паламы и не скрывалъ этого въ бесѣдѣ съ учениками, но не называлъ его еретическимъ.

Ближайшія обстоятельства, давшія означеннымъ недоразумѣніемъ характеръ публичности и перенесшія ихъ изъ Солуни въ Константинополь, раскрыты въ похвальномъ словѣ Филоея, гдѣ онъ говоритъ о порядкѣ составленія знаменитыхъ триалъ своего героя ¹⁾. Именно, во время италіанской миссіи Варлаама Палама составилъ вторую триаду, въ которой показалъ заблужденія своего противника, выяснивъ, что истинное и спасительное знаніе состоитъ не въ изученіи вѣдшей мудрости, а въ тайной умственной молитвѣ и въ духовномъ служеніи Богу. Здѣсь же онъ описалъ качества и признаки этого духовнаго служенія и объяснилъ божественное и неизреченное озареніе священнымъ огнемъ, доступное избраннымъ Божиимъ слугамъ. Варлаамъ, возвратившись изъ путешествія на западъ, прежде всего и занялся этими сочиненіями Паламы, разборъ которыхъ привелъ его къ выводу, поставленному въ оглавленіи его отвѣта: κατὰ Μητρίανων. Когда солунская полемика сдѣлалась весьма гласною и обратила на себя общее вниманіе, когда Палама составилъ свою третью триаду, которую отправилъ въ Константинополь къ царю ²⁾, тогда положеніе Варлаама сдѣлалось въ Солуни весьма затруднительнымъ, и онъ рѣшился отправиться въ Константинополь, „расчитывая на поддержку патріарха и на дружбу тѣхъ, которые раздѣляли его мнѣнія и неблагосклонно относились къ всихастамъ“. По этому поводу составитель похвалы дѣлаетъ весьма для насъ важную вставку, рисующую Константинополь съ точки зрѣнія провинціала ³⁾. „Я не могу не превозносить Ковстантинополь за его величіе, красоту, богатство, просвѣщеніе и подобныя тому качества, но мнѣ не нравится въ немъ одно, что константинопольцы весьма легкомысленно относятся къ

¹⁾ Migne, t. 151, col. 589.

²⁾ Ibid., col. 589: ὁ δὲ καὶ μᾶλλον Γρηγόριον—εὐρέθειαν καὶ τρέφασθαι κατὰ κράτος καὶ τὸ τροπαίον κατ' ἐκείνων ἐντελεῖς ἀναστῆσαι τοὺς τελευταίους τρεῖς...

³⁾ Ibid., col. 595.

божественнымъ предметамъ, они занимаются священными вопросами, какъ игрой въ камешки или въ мячики, и любятъ выставять таинственные вещи на позорище, какъ на сценѣ или въ драмѣ". Варлааму удалось здѣсь съ большой легкостью привлечь на свою сторону ученыхъ и философовъ и посѣять недовѣріе къ своему противнику, набросавъ на него подозрѣніе въ богохульствѣ, обманѣ и ереси¹⁾. Прямымъ послѣдствіемъ перенесенія дѣла въ Константинополь было то, что Палама съ своими приверженцами и Варлаамъ должны были явиться на соборъ.

Въ такомъ свѣтѣ представляется дѣло по извѣстнымъ доселѣ матеріаламъ. Нельзя сказать, что вопросъ о началѣ полемики этотъ вполне исчерпывается. По всей вѣроятности, онъ можетъ быть съ успѣхомъ изучаема съ другихъ сторонъ по матеріалахъ, еще не напечатаннымъ. Въ особенности блѣдно пока намѣчена роль того лица, которое въ синодикѣ вездѣ стоитъ рядомъ съ Варлаамомъ, разумѣется *Акиндина*. Откуда онъ происходилъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ Варлааму, когда принялъ участіе въ богословской полемикѣ, — все это оставалось и для насъ не яснымъ, пока намъ не удалось напастъ на рядъ писемъ Акиндина и другихъ официальныхъ актовъ, проливающихъ обильный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ²⁾.

Мюнхенская рукопись № 223 заключаетъ въ себѣ слѣдующіе матеріалы: во первыхъ, переписку Акиндина—письма къ Героею, Липію, Максиму, Гаврѣ, патриарху Іоанну; во вторыхъ, полемическія статьи—сокращенное изложеніе еретическихъ мнѣній Паламы, опроверженіе исповѣданія вѣры Паламы, возраженія на письмо Паламы; въ третьихъ, слово къ патриарху Іоанну и синоду о происхожденіи спора между Варлаамомъ и Паламой; исповѣданіе вѣры Акиндина; изложеніе и опроверженіе ереси Паламы, четыре трактата въ опроверженіе нечестивыхъ догматовъ Паламы. Всего въ рукописи 363 листа. Уже этотъ перечень статей показываетъ, какой важный источникъ приобрѣтается въ мюнхенской рукописи для пополненія исторіи богословской борьбы между Варлаамомъ и Паламой. Не исключая и писемъ, всѣ перечисленныя статьи посвящены главнѣйше одному и тому же вопросу и бросаютъ новый свѣтъ на участниковъ борьбы и

¹⁾ *Cantacuzeni*, *Historiarum* II, 40 (ed. Bonn., p. 550): Ἰωάννη τῷ πατριάρχῳ οὕτως τότε τὰ κατὰ τῶν μεναχῶν συγγραμμάτων ἐχρηρίσθη καὶ εὐνοδοῦν εἰκότο συναθροίσαντας αὐτῶν.

²⁾ Это мюнхенскій cod. graecus № 223.

ва ихъ взаимныя отношенія. Не останавливаясь на частностяхъ, укажемъ въ этомъ смыслѣ самыя существенныя данныя.

Григорій Акиндивъ, ученый константинопольскій монахъ, принялъ дѣятельное участіе въ богословской борьбѣ не потому, что онъ раздѣлялъ мнѣнія Варлаама или былъ его ученикомъ, а потому, что патріархъ Іоаннъ Калека, зная его за образованнаго и начитаннаго богослова, сдѣлалъ ему порученіе защищать церковную точку зрѣнія противъ новшествъ, привнесенныхъ Паламой и Варлаамомъ. Акиндивъ представлялъ въ себѣ среднюю партію, былъ непричастенъ къ тѣмъ личнымъ счетамъ и недоразумѣніямъ, которыя обострили отношенія между Паламой и Варлаамомъ еще во время совмѣстнаго ихъ жителства въ Солуни. Съ большой горячностью принявшись за опроверженіе мнѣній Паламы и Варлаама, Акиндивъ съ замѣчательною энергіей распространялъ свои сочиненія по всѣмъ окраинамъ еллинскаго міра, стараясь удержать въ послушаніи церкви тѣхъ, кто колебался въ выборѣ, къ какой партіи примкнуть. Почти всѣ его письма проникнуты духомъ пропаганды и подстрекательства вооружиться противъ Паламы. Онъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ пишетъ и самому патріарху, указывая, что слабость и попустительство въ церковныхъ дѣлахъ не простительны, что партія Паламы черпаетъ свою силу именно въ нерѣшительности церковной власти. Акиндивъ приобрѣлъ своей полемикой большую славу въ патріаршество Іоанна Калеки, который высоко цѣнилъ его и готовъ былъ дать ему епископскую кафедру.

О происхожденіи богословской борьбы Акиндивъ подробнѣй сообщаетъ въ запискѣ, поданной патріарху и собору, которую и приводимъ здѣсь ¹⁾. «Святѣйшій владыко и вселенскій патріархъ и священный синодъ Христовой церкви! Будучи воспитаны въ простыхъ и всѣми исповѣдуемыхъ догматахъ церкви и въ общеобязательныхъ правилахъ благочестія, установленныхъ святыми отцами, мы до самаго послѣдняго времени жили въ мирѣ и тишинѣ, съ довѣріемъ и въ простотѣ сердечной принимая слово вѣры и благочестія, когда завистью діавола и дерзостью собственнаго разума попущенъ былъ вѣкшій Варлаамъ противъ пребывающихъ въ молчаніи и проводящихъ въ простотѣ сердца чистую и къ Богу приближающую жизнь. Тогда,

¹⁾ Cod. 223, fol. 51. Λόγος πρὸς τὸν μακρομίσθαιον πατριάρχην καὶ Σύνοδον καὶ τὴν περί τούτων συνοδικήν διεξίτην ὁμιλίαν ἃ τοῦ Παλαμῆ καὶ Βαρλαάμ φιλωνετικῆ τῆν ἀρχὴν συνέστη.

и прежде всѣхъ другихъ, и выступилъ противъ него и съ сокрушеніемъ доложилъ о томъ вашему святѣйшеству; сдѣлали то же и при томъ въ одноврѣмя и другіе, что и побудило его оставить Константинополь и переселиться въ Солунь. Ваше святѣйшество пригрозило ему съ своей стороны дурными послѣдствіями, если онъ будетъ упорствовать въ своихъ начинаніяхъ. Но, проживая въ Солуни, онъ вступилъ въ сношенія съ Паламой и между ними завязался литературный споръ. Не буду говорить о подробностяхъ, напомнимъ только, что Варлаамъ явился затѣмъ сюда и представилъ вашему святѣйшеству и собору свои сочиненія противъ Паламы и противъ аеонскихъ монаховъ. Явился онъ и ко мнѣ съ тѣми же самыми обвиненіями противъ Паламы и всихастовъ, предлагая мнѣ поддержать его въ важной имъ полемикѣ. Я же подумавъ, что, еслибы и заблуждались не чѣмъ Палама и всихасты, то не дѣло Варлаама изслѣдовать это и исправлять, а церковной власти, пригласивъ съ собой нѣкоторыхъ монаховъ, пришелъ просить вашихъ указаній, святѣйшій владыко. По обсужденіи этого дѣла вы пришли къ тому же заключенію, какъ и мы, что настоящая причина нападковъ Варлаама на Паламу скрывается во взаимной распрѣ и зложелательствѣ одного къ другому¹⁾. Я же, одобрявъ Паламу, какъ намъ извѣстно, и по вашему приказанію прочитавъ книгу Варлаама, нашелъ достойными порицанія его мнѣнія о божественномъ преобращеніи и о священной молитвѣ и затѣмъ и словесно и въ нарочито составленныхъ запискахъ я опровергалъ его и дѣлалъ это съ такой внимательностью, что не только избѣгъ всѣхъ новшествъ, но, смѣю думать, значительно ограничилъ его дерзость и отвагу касаться такихъ предметовъ. Ссылаюсь въ этомъ отношеніи на судъ вашего святѣйшества, да и самыя мои сочиненія, противъ него написанныя, сами по себѣ ясно могутъ свидѣтельствовать, какъ я относился къ Варлааму и къ Паламѣ. Но Варлаамъ сталъ распространять въ столицѣ свои мысли и привлекать къ себѣ многихъ приверженцевъ, кромѣ того, публично заявлялъ и доносилъ вашему святѣйшеству, что Палама устраиваетъ противныя канонамъ собранія на Святой горѣ и въ Солуни. Этотъ послѣдній доносъ многихъ привелъ въ раздраженіе противъ Паламы, такъ что они стали дѣлать настойчивыя представленія о томъ, чтобы ваше святѣйшество выра-

¹⁾ Οὐδὲ γὰρ οὐ θεῖα γυναικὶ οὕτως ἤματις τον ἀληθῆ ταῦτα λέγειν ἤρρασιμεθα κατὰ τὸ Πалаμά, ἀλλ' ἐκ τῆς γενομένης αὐτῷ προς τοῦτον ἔριδος καὶ φιλονεικίας εἰς τὸ ταῦτα λέγειν ἔκείνον κατὰ τούτου προῆλθει.

или Варлааму посредствомъ соборнаго акта, что онъ не подлежитъ отвѣтственности за упомянутыя слова и сочиненія, а что Палама напротивъ подлежитъ. Вы, однако, не приняли подобнаго предложенія, а приказали отправить грамоту къ солунской церкви съ требованіемъ послать сюда Паламу для объясненій по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ обвиняется онъ Варлаамомъ. Правда, грамота была составлена далеко не въ мягкихъ выраженіяхъ, что и понятно, ибо шла рѣчь о сборищахъ и сходбахъ, противныхъ канонамъ и церковной дисциплинѣ. Имѣвъ случай ознакомиться съ этою соборною грамотой и пожалѣвъ Паламу, я, забывъ мое ничтожество и принявъ на себя роль властнаго лица въ синодѣ, дерзнулъ обратиться лично къ вамъ, владыко. Для этого я составилъ докладную записку на ваше имя, въ которой изложилъ, что несогласно съ вашей кротостью и человеколюбіемъ то обстоятельство, что означенная грамота адресована не лично къ Паламѣ съ предложеніемъ явиться, а послана къ другимъ съ требованіемъ послать его, какъ будто онъ исполнѣ осужденный. Что же на это отвѣчалъ ты, владыко! Ты не поразилъ меня преце-ніемъ, не сказалъ: кто поставилъ тебя судьей надъ нами? Напротивъ, выслушавъ меня, ты строго потребовалъ отъ Варлаама, чтобы онъ отдалъ назадъ ту грамоту. А когда Варлаамъ сталъ утверждать, что грамота уже послана, ты ни минуты не колебался сомнѣніями, что трудно поправить дѣло, но немедленно приказалъ составить на имя Паламы такое письмо, какого только могъ желать онъ, и поручилъ мнѣ отправить его по назначенію. Спусти нѣсколько дней, прибылъ Палама и остановился въ моемъ жилищѣ. Когда я сталъ его разспрашивать по поводу высказанныхъ противъ него Варлаамомъ обвиненій, находившихъ себѣ подтвержденіе и въ сочиненіяхъ, недавно присланныхъ мнѣ самимъ Паламой, то онъ призналъ, что дѣйстви-тельно употреблялъ нѣкоторые изъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ обвиняетъ его Варлаамъ, но что въ нихъ нѣтъ ничего неумѣстнаго, въ чемъ старался убѣдить и меня. Но такъ какъ я ставилъ ему на видъ, что эти выраженія смущаютъ и волнуютъ, то онъ пытался выяснить ихъ, хотя и не убѣдилъ меня. Наконецъ, онъ просилъ меня, по крайней мѣрѣ, не говорить объ этомъ предметѣ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ безвреднымъ Варлаама, который в помимо того оказывается неумолимымъ врагомъ всего нашего сословія, что, когда это удастся, онъ уничтожитъ въ своихъ сочиненіяхъ мѣста, возбуждающія въ насъ печаль и волненіе. Такъ я явился съ нимъ къ тебѣ, божественная глава, и къ вамъ, святѣйшіе владыки, защищая его,

какъ только могъ. Я не обнаружилъ передъ вами тѣ его выраженія въ надеждѣ на то, что онъ исполнить обѣщанное мнѣ, освободившись отъ Варлаама, самъ же онъ не говорилъ объ нихъ изъ опасенія быть обличеннымъ въ ереси и ссылался въ оправданіе свое только на то, что у него нѣтъ тѣхъ словъ, въ которыхъ обвиняется, тѣ-естъ, о молитвѣ, добродѣтели, слезахъ и словахъ и тѣхъ выраженій о святѣхъ которыхъ нельзя было касаться¹⁾. Такъ какъ всѣ были согласны со мной, то Варлаамъ лишенъ былъ права внести обвиненіе. Итакъ, ваше святѣйшество не подвергли разсмотрѣнію обвинительныхъ пунктовъ противъ Паламы и отвергли Варлаама. Мы же, зная боголюбивую склонность вашу не допускать изслѣдованія догматовъ безъ особенной и настоятельной необходимости, съ своей стороны рѣшились спокойно наблюдать въ надеждѣ, что вы найдете средства сократить дерзость Паламы. Но онъ до такой степени обольщенъ былъ прощедшимъ, что не въ состояніи былъ сдержаться, и позволялъ себѣ смѣло защищать тѣ новшества, которыя насъ возмущали и которыя прежде обѣщаль намъ уничтожить въ своихъ сочиненіяхъ. Когда выступили мы съ обличеніями противъ него, ваше святѣйшество приказали перестать ему вводить новшества: ваше желаніе было примирить насъ и привести къ прежнему согласію. Но приверженцы Паламы строили мнѣ всякія козни и даже подуцали убить меня. Когда же твой божественный голосъ повелѣлъ мнѣ явиться, я не колебался и не откладывалъ, не просилъ того или другаго прихода на соборъ, не собиралъ толпу, которая бы защищала меня, и вообще не употребилъ никакихъ средствъ, но явился послѣдно, имѣя собою одну защиту въ истинѣ и во вселенскомъ исповѣданіи вѣры и въ точномъ охраненіи православія со стороны нашего святѣйшества и собора. Излишне было бы говорить, что было сказано и что произошло на этомъ соборѣ. Когда стало ясно, что они не достигнутъ своей цѣли, поднялся шумъ, они избили двухъ преданныхъ мнѣ новаторовъ, и если бы не поднялись на защиту ихъ нѣкоторые изъ добрыхъ христіанъ, то навѣрное бы убили ихъ. Потомъ напустились и на меня съ криками: бейте его, варлаамата! Между тѣмъ извѣстно, что никто больше меня не полемизировалъ съ Варлаамомъ. Хотя вы были этии весьма недовольны, но по свойственной вамъ и прирожденной добротѣ не отказали дать имъ грамоту во свидѣтельство того, что они не отлучены отъ церкви. Въ этомъ смыслѣ составлено и соборное опре-

¹⁾ Въ этихъ выраженіяхъ Акиндинъ передаетъ Дѣянія собора 1341 года.

дѣленіе, при чемъ въ концѣ его безъ вашего вѣдома вкралась прибавка: „ни письменно, ни словесно отнюдь не поднимать этихъ вопросовъ“. Пользуясь этимъ соборнымъ опредѣленіемъ, Палама передъ всѣми хвалился, что соборъ оправдалъ и подтвердилъ своимъ авторитетомъ написанное имъ и осудилъ тѣхъ, кто иначе объ этомъ думаетъ. Не довольствуясь этимъ и не обращая вниманія на запрещеніе, онъ составилъ затѣмъ нѣсколько словъ, извращающихъ ученіе вселенской церкви о тринностасномъ божествѣ. Не вынося этого джеученія, развращающаго многихъ и всѣхъ волнующаго, мы опять рѣшились обратиться къ вашей святости. И хотя вы заняты были другими важными заботами, однако не оставили безъ послѣдствія моего представленія, но сначала частнымъ образомъ потребовали отъ него прекратить распространеніе своего джеученія, а когда это не помогло, позвали его на соборный судъ. Онъ же, зная, что его сочиненія таковы, что не могутъ не вызвать прещенія со стороны вашего благочестія, тайно скрылся изъ Константинополя, чѣмъ ясно доказавъ, что вводимыя противъ него обвиненія не клевета, но чистая правда. Но на соборѣ этомъ былъ Исидоръ, двойникъ Паламы, который старался защитить и отстоять его. Тогда твоя святость и члены собора выразили мнѣніе—предать огню и совсѣмъ уничтожить возмутительныя и скандальныя сочиненія Паламы. Пока его разыскивали и долго не могли найти, снова собрался соборъ, чтобы положить конецъ соблазну, то-есть, осудить еретическія его сочиненія. Послѣ этого Палама вытребованъ былъ имъ Ираклія и заключенъ въ обители Аваталипта. Но и это его не образумило, такъ какъ приверженцы его продолжали водновать населеніе столицы, смущали архіереевъ, монаховъ и свѣтскихъ людей, что могутъ засвидѣтельствовать и многіе другіе, и между прочимъ митрополитъ Тенедосскій. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до васъ, святѣйшій патріархъ, вы потребовали, чтобы Палама предалъ проклятiю свое еретическое ученіе. Но онъ самъ не явился, а сдѣлалъ объясненіе черезъ своихъ единомышленниковъ, на время удаленнаго изъ города, потомъ опять возвратился и живетъ здѣсь въ безопасности. Еслибы мнѣнія его не были извѣстны, еслибы были сомнѣнія, что они противны православнымъ опредѣленіямъ святыхъ отцовъ, тогда еще была бы необходимость въ длинныхъ доказательствахъ, но какъ дѣло совсѣмъ ясно, то мы ограничимся немногими словами“....

Приведенный документъ, очевидно, представляетъ собой записку, подавную Акивдиномъ на одинъ изъ соборовъ, бывшихъ въ патріар-

шество Іоанна XIV Калекі. Онъ въ высшей степени любопытенъ для исторіи первыхъ годовъ полемики и, безъ сомнѣнія, гораздо лучше знакомить съ отношеніями главныхъ участниковъ полемики, чѣмъ всѣ другіе матеріалы. Изъ него вытекаетъ, что всѣ главныя лица находились между собой въ близкихъ отношеніяхъ и что въ періодъ между 1341 и 1347 годами дѣло Паламы далеко не было выиграно. Успѣхъ его въ 1347 году исключительно объясняется тѣмъ, что Іоаннъ Калека, не принявъ противъ него тѣхъ мѣръ строгости, какія рекомендовалъ Акиндинъ, выпустилъ изъ своихъ рукъ направленіе дѣла: ниѣмъ и далъ Паламѣ время организовать сильную партію, которая въ 1347 году свергла уступчиваго патріарха.

Фактическая сторона занимающей насъ полемики выражена въ цѣломъ рядѣ документовъ, имѣющихъ officialный характеръ. Церковь въ концѣ концовъ должна была высказать свое мнѣніе по поводу спора между Варлаамомъ и Паламой. Эти officialныя памятники суть соборныя дѣбанія, которыя и подлежатъ теперь нашему разсмотрѣнію.

Первый соборъ происходилъ въ іюнѣ 1341 года. Подлинныхъ актовъ этого собора пока еще не разыскано, ибо то, что издано въ Патрологіи Мина ¹⁾ подъ именемъ *συνδικός τόμος*, не можетъ быть признано протоколами, а есть изложеніе происходившаго на соборѣ. Точно также нельзя считать протоколами и того акта, который изданъ у Миклошича ²⁾; впрочемъ оба упомянутые текста представляютъ дословное сходство за исключеніемъ даты и прибавки на концѣ въ изданіи Мина. Что это не officialный соборный актъ, видно уже изъ оглавленія (у Мина): на мѣсто *τόμος ὑψιμαρμένος* ожидалось бы *τόμος συνθετικός* или *ὑπόμνημα*, далѣе въ оглавленіи упомянуть Акиндина, а объ немъ на первомъ соборѣ не было рѣчи. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть объ уtratѣ подлинныхъ протоколовъ, что безъ нихъ почти невозможно возстановить того, что въ дѣйствительности происходило на этомъ соборѣ, такъ какъ историкъ Григора и Кантакузину противорѣчатъ одинъ другому въ самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ. Съ точки зрѣнія приверженцевъ Паламы, Варлаамъ заблаговременно успѣлъ расположить въ свою пользу патріарха и значительную партію духовенства, такъ что для него казался обезпеченнымъ благоприятный исходъ дѣла, но въ дѣйствительности выходитъ совсѣмъ иное, ибо соборъ кончился осужденіемъ Варлаама.

¹⁾ *Migne*, t. 151, col. 679.

²⁾ *Miklosich et Müller*, *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, I, p. 202.

Согласно изложеніямъ, находимымъ у Мивя, Мивлошича и у Порфирія Успенскаго, передающаго дѣянія собора по Маврокордатовой рукописи, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Варлаамъ, донося на Паламу, просилъ созванія собора, но когда соборъ состоялся, на него не явился самъ обвинитель, ссылаясь на то, что онъ не хочетъ признавать собора, на которомъ вѣтъ царя. Потомъ, когда прибылъ царь и открылись засѣданія, Варлааму, какъ и слѣдовало, предоставлено было обвинительное слово противъ исихастовъ ¹⁾. Но онъ, какъ бы забывъ о главномъ предметѣ, уклонился въ догматическіи тонкости, почему и былъ прерываемъ вѣсколько разъ. Когда всѣ попытки обратить его къ существу вопроса оказались тщетными, председательствующій предложилъ къ слушанію каноническіи правила, коими воспрещается толковать о богословскихъ предметахъ лицамъ, не получившимъ учительскаго достоинства ²⁾. Затѣмъ представлены были и прочтаны донесенія Варлаама на монаховъ, послѣ чего приглашенъ говорить Григорій Палама. Далѣе читались сочиненія Варлаама противъ массалианъ, гдѣ у него изложено, между прочимъ ученіе о еаворскомъ свѣтѣ. Направленныя противъ этого сочиненія опроверженія, очевидно, заранее приготовленныя, занимаютъ главную часть изучаемаго памятника, которая заключается слѣдующими словами: „каковыми мѣстами и словами Варлаамъ изобличенъ былъ, какъ безбожно нападающій на священное, и постыжденъ“ ³⁾. Въ заключеніе заявлено было обвиненіе противъ Варлаама, что онъ нападаетъ на обычай безмолвниковъ и порочить молитву: Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помядуй меня. По мнѣнію Варлаама, въ этой молитвѣ наставникъ безмолвниковъ, то-есть, Палама, по примѣру богомиловъ, внесъ измѣненіе: вмѣсто Сыне Божій, Боже нашъ. Итакъ, Варлаамъ оказался виновнымъ въ ереси, а монахи признаны свободными отъ обвиненія, какъ соблюдающіе преданія святыхъ отцовъ, „какъ они сами признали и подтвердили“. Вслѣдствіе чего единодушнымъ соборнымъ опредѣленіемъ признанный злобно нападающимъ на божественное, онъ сталъ просить у собора прощенія. Осужденіе противъ него произнесено въ условной формѣ: если раскаявіе его искреннее, и онъ не будетъ болѣе писать еретическихъ сочиненій, то благо ему;

¹⁾ Miklosich, I, p. 203: καὶ ὁ αὐτὸς Βαρλαάμ προτραπεί εἰπεῖν καὶ ἀποδείξει κατὰ τὴν κατ' ἡσυχίαν ζώντων μοναχῶν παρόντων ἡδὴ καὶ αὐτῶν τῇ συνέδῳ.

²⁾ 64 правило 6 вселенскаго собора и 19 правило халкидонскаго собора.

³⁾ Miklosich, I, p. 212; Migne, t. 151, col. 688.

въ противномъ же случаѣ ему угрожаетъ отлученіе отъ церкви. Документъ оканчивается угрозой такого же наказанія и другимъ лицамъ и запрещеніемъ обсуждать догматическіе вопросы, волнующіе церковь: „Ради чего и въ предупрежденіе другихъ отъ опасности впасть въ подобное заблужденіе составлено *настоящее письмо*, которое утверждаемъ своими подписями“¹⁾.

Что приведенный документъ не есть соборный протоколъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Прежде всего, своею формою онъ противорѣчитъ понятію о протоколахъ, представляя во многихъ мѣстахъ субъективный элементъ, выражающійся въ изъясненіи симпатій автора, въ выводахъ и заключеніяхъ его по отношенію къ приводимымъ текстамъ и ученіямъ. Далѣе, изъ заключительныхъ словъ документа явствуетъ, что это не *только требованіе*, а *урядка*, слѣдовательно, изложеніе дѣяній соборныхъ; въ этомъ смыслѣ нужно признать за нимъ нѣкоторые преимущества предъ другими изложеніями, такъ какъ авторъ, очевидно, имѣлъ подъ руками соборные акты и въ нѣсколькихъ случаяхъ дословно ими воспользовался. Но въ общемъ все дѣло представлено далеко иначе, чѣмъ оно происходило на соборѣ. Варлаамъ представленъ здѣсь обвиняемымъ и защищающимся, на самомъ же дѣлѣ онъ долженъ былъ выступить обвинителемъ. Что наши сомнѣнія въ подлинности приведеннаго изложенія основываются не только на предположеніяхъ и догадкахъ, подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ изданіи Мина²⁾ находимъ любопытную прибавку къ изложенію дѣяній этого собора, изъ которой видимъ, что одинъ изъ отцовъ, именно митрополитъ кизическій Аванасій, счелъ нужнымъ заявить нѣкотораго рода протестъ противъ этого собора, отказавъ дать свою подпись. Впослѣдствіи, приложивъ, однако, руку къ соборнымъ актамъ, онъ сдѣлалъ слѣдующее объясненіе. „Я не приглашенъ былъ ознакомиться съ содержаніемъ дѣла до собора, а на самомъ соборѣ не допущенъ былъ къ прочтенію нѣкоторыхъ бумагъ, которыя у меня были. Послѣ приговора меня опять не пригласили къ рассмотрѣнію соборнаго акта, поэтому я отказался подписать его. Но, имѣя въ виду, что мнѣ случайно попались такіа части

¹⁾ *Mellissich*, I, p. 216: *ἵνα ἡμεῖς καὶ οἱ ἄλλοι πατέρες τὰς ἐκκλησίαις πληρώσῃμεν τὴν ἐπιτομήν τῆς ἐκκλησίας, καὶ τὸ παλαιὸν ἐκ ἀσφαλείας ἐκείνης ἐκ τῆς ἐκκλησίας, καὶ τὸ παλαιὸν ἐκ ἀσφαλείας ἐκείνης ἐκ τῆς ἐκκλησίας, καὶ τὸ παλαιὸν ἐκ ἀσφαλείας ἐκείνης ἐκ τῆς ἐκκλησίας*.
²⁾ *Patrologia graeca*, t. 151, col. 692.

нвъ сочиненій честнѣйшаго іеромонаха Григорія Паламы, которыя оказались неподлинными, и что впоследствии, прочитавъ настоящія его произведенія, я позналъ истину и увидѣлъ, что они во всемъ согласны со священнымъ писаніемъ, убѣдившись, кромѣ того, изъ его церковныхъ рѣчей въ согласіи его съ церковнымъ ученіемъ, я, во свидѣтельство и утвержденіе истинны словъ и писаній іеромонаха Паламы и прочихъ монаховъ, собственноручно подписываюсь⁴. Въ этому присоединены еще 6 подписей, можетъ быть, также принадлежащихъ опротестовавшимъ дѣланіа собора лицамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ скрѣпа: „съ подлинника переписанъ настоящій актъ, что подтверждено въ удостовѣреніе и на случай сомнѣнія, что это не подлинный протоколъ“. Признаемъ, мы находимъ довольно странной и повдѣйшую подпись Аванасія, утверждающую истинность ученія Паламы, и притязаніе скрѣпы доказать, что это есть вѣрная копія съ подлинника. Византійскіе акты скрѣплялись не такимъ образомъ, подписи протоколовъ соборныхъ точно также не нуждались въ такой пространной мотивировкѣ, каковую находимъ у Аванасія.

Что соборныя дѣланія въ приведенныхъ изложеніяхъ потерпѣли значительныя поправки и измѣненія и не соответствуютъ дѣйствительному ходу дѣлъ, это доказывается изложеніями дѣланій того же собора, сохранившимися у историковъ Григоры и Кантакузина. По извѣстію Никифора Григоры¹⁾, на соборѣ прежде всего рѣшено было не допускать публичнаго обсужденія богословскихъ вопросовъ; этимъ распоряженіемъ имѣлось въ виду, съ одной стороны, охранить возвышенныя богословскія тайны отъ толпы непосвященныхъ слушателей, съ другой же, предостеречь Варлаама и Паламу отъ лишнихъ словъ, которыя они могли позволить себѣ въ увлеченіи. Итакъ, предметъ совѣщаній ограниченъ вопросомъ о молитвѣ, обвиненіе же въ масалианской ереси отложено на нѣсколько дней. „И еслибы не случилась неожиданная смерть цари, продолжаетъ Григора, то, конечно, Варлаамъ достигъ бы своего въ спорѣ съ Паламой, то-есть, вырвалъ бы съ корнемъ еще только нарождавшуюся ересь“. Послѣ этого Григора совсѣмъ неожиданно перемѣняетъ тонъ и, выкинувъ подробности, прямо заявляетъ, что Варлаамъ обличенъ былъ на основаніи другихъ его сочиненій въ злоумышленности и дерзости и искательствѣ народной славы. Правда, историкъ не скрываетъ, что онъ не присут-

¹⁾ Historia, XI, 10 (p. 558).

ствовавъ самъ на засѣданіяхъ и вообще относится весьма недружелюбно къ самому собору, называя его театральнымъ представленіемъ ¹⁾. Въ изложеніи Кантакузина ²⁾ также имѣются черты несходныя съ содержаніемъ приведенныхъ выше извѣстій. Самая интересная особенность состоитъ въ томъ, что Варлаамъ выставленъ здѣсь въ роли обвинителя, какъ и должно было происходить на самомъ дѣлѣ; но уже во время соборныхъ засѣданій онъ замѣтилъ, что дѣло пойдетъ не въ его пользу, посему, подошедши къ великому domestikъ, сидѣвшему рядомъ съ царемъ, онъ просилъ у него помощи и совѣта. Великій domestikъ посовѣтовалъ ему публично сознаться въ злоупотребленіи и объявить ученіе монаховъ правильнымъ. Когда Варлаамъ послѣ нѣкотораго колебанія сдѣлалъ это, соборъ простилъ его. Последовавшее затѣмъ удаленіе Варлаама въ Италію объясняется здѣсь не осужденіемъ на соборѣ, но смертью царя.

Въ виду такого состоянія извѣстій о первомъ соборѣ, потерянныя въ главныхъ источникахъ, было бы весьма трудно съ точностью возстановить ходъ соборныхъ совѣщаній. Возникаютъ даже сильныя сомнѣнія по отношенію къ результату соборныхъ дѣланій: осужденъ былъ Варлаамъ, или прощенъ? Эти колебанія не были бы умѣстны, еслибы не существовало не подлежащихъ сомнѣнію доказательствъ, что дѣяніями собора остался недоволенъ Григорій Палама. О ближайшихъ вслѣдъ за соборомъ обстоятельствахъ по отношенію къ Паламѣ можно дѣлать заключеніе на основаніи грамоты патріарха Іоанна XIV къ монахамъ Аѳонской горы отъ ноября 1344 года ³⁾. Эта грамота отвѣчаетъ на вопросъ монаховъ о томъ, что рѣшилъ соборъ по дѣлу Паламы и какъ къ нему отнесся. Давъ не оставить монаховъ въ невѣдѣніи по этому вопросу и не предоставлять ихъ въ жертву ложнымъ слухамъ, патріархъ сообщаетъ имъ вкратцѣ все дѣло. Въ общемъ, это изложеніе совершенно сходно съ такъ называемымъ соборнымъ опредѣленіемъ, приведеннымъ выше. Особенный интересъ представляетъ въ немъ та часть, которая касается соборнаго опредѣленія. Изъ этой части видно, что Палама подавъ на соборѣ встрѣчный искъ противъ Варлаама, вслѣдствіе чего усложнялась задача собора: ему предстояло, во первыхъ, принять или отвергнуть право истца, въ данномъ случаѣ Варлаама; во вторыхъ,

¹⁾ Historia, I, p. 559. ἑσπέρας γὰρ μὴν ἰούλιου τοῦ θεατροῦ δεικνύσθαι.

²⁾ Historia, p. 551 (II c. 40).

³⁾ Miklosich, I, p. 238.

поставить рѣшеніе по встрѣчному иску отвѣтчика, то-есть, Паламы. Въ порядкѣ обсужденія дѣла, повидимому, дано было предпочтеніе отвѣтчику передъ истцомъ, вслѣдствіе чего сначала вынесень приговоръ противъ мнѣній Варлаама о еаворскомъ свѣтѣ и о молитвѣ, а потомъ поставлень вопросъ о правѣ его быть обвинителемъ Паламы и монаховъ. Патріаршая грамота позволяетъ ясно отличить эти двѣ стороны дѣла и проливаетъ свѣтъ на соборное опредѣленіе съ канонической точки зрѣнія. Соборъ, признавъ богохульными и неправильными мнѣнія Варлаама о еаворскомъ свѣтѣ и молитвѣ и осудивъ ихъ ¹⁾, уже предрѣшилъ этимъ приговоръ о правѣ Варлаама быть обвинителемъ монаховъ. Ясно, что такая постановка дѣла, если и не была неправильной съ точки зрѣнія формальнаго дѣлопроизводства, во всякомъ случаѣ могла представляться не безпристрастной для Варлаама, ибо на основаніи ранѣе представленныхъ имъ документовъ могло подлежать спору право Паламы быть обвинителемъ его. Соборъ постановилъ, впрочемъ, довольно мигкое рѣшеніе по второму вопросу, какимъ нельзя не признать также и первое рѣшеніе, ибо имъ Варлаамъ отнюдь не отлученъ былъ отъ церкви. Ссылаясь на 4 правило Халкидонскаго собора, которымъ признавы не компетентными обвиненія противъ епископовъ или клириковъ со стороны такихъ лицъ, которыя сами не оправдались противъ предъявленныхъ къ нимъ обвиненій, соборъ воспользовался правомъ отвода по отношенію къ Варлааму и не призвалъ его компетентнымъ для свидѣтельства противъ клириковъ ²⁾. Что всего любопытнѣй, это—послѣдующая затѣмъ ссыла въ патріаршей грамотѣ на соборное опредѣленіе, въ которомъ, однако, мы напрасно стали бы искать соотвѣтствующаго мѣста. Точно также въ соборномъ опредѣленіи нѣтъ и дальнѣйшаго мѣста, читаемаго въ патріаршей грамотѣ: „Мы убѣждали и Паламу на будущее время не писать и не говорить о богословскихъ вопросахъ, дабы не вводитъ соблазнъ въ церковь“. По ходу дѣла оказывается, что соборъ, запретивъ на будущее время обсужденіе богословскихъ вопросовъ, удержался отъ произнесенія церковнаго отлученія на Варлаама и не высказался въ пользу Паламы. Мало того, послѣдующіе поступки этого послѣдняго, о кото-

¹⁾ Miklosich, I, p. 240—241, ἐκρίθη τοίνυν καὶ ἀμφοτέρω ταῦτα... βλασφημίας καὶ κακοδόξως εἰρηθεῖσαι παρ' αὐτοῦ... χάνταῦθεν καταψηφίσθη παρ' ἡμῶν κοινῆ καὶ συνοδικῆ ψήφῳ...

²⁾ οὐδὲ εἰς κατηγορίαν ὅπως ἐκρίθη δεκτός.

рыхъ далѣе говорить грамота, внушаютъ серьезныя подозрѣнія, что онъ принималъ мѣры къ порчѣ соборныхъ актовъ. „Узнавъ же потомъ, что Палама поступаетъ вопреки соборному постановленію и что онъ перетолковываетъ нѣкоторыя изъ соборныхъ опредѣленій несогласно съ преданіемъ и общимъ смысломъ догматовъ церкви, жиды приказали ему явиться къ намъ, чтобы узнать, дѣйствительно ли это такъ. Онъ же, вѣроятно, чувствуя свою вину, не явился къ намъ, а отправился въ Гераклею, откуда опять намъ доведено было, что онъ продолжаетъ упорствовать въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда отъ него потребовано было объяснить, почему онъ пренебрегаетъ отлученіемъ отъ церкви, онъ не сдѣлалъ этихъ объясненій и не далъ никакихъ оправданій, а продолжалъ попрежнему писать и говорить. Наконецъ, чтобы положить конецъ этому, державная государыня моя и архонты присудили заключить его подъ стражу и такимъ образомъ лишить его сношеній съ людьми, пока не докажетъ своего правосудія и не подчинится церкви, предлагающей ему спасительныя средства“. Въ заключеніе патріархъ проситъ содѣянія афонскихъ монаховъ, чтобы они просили Паламу уступить требованіямъ церковной власти, и повторяетъ вины его ¹⁾.

Такимъ образомъ, соборное постановленіе не могло быть вполнѣ благопріятнымъ для Паламы, иначе бы не было причины возставать ему противъ собора, вносить толкованія къ нѣкоторымъ частямъ протоколовъ и вообще ставить себя въ такое ложное положеніе, въ какомъ рисуется его патріаршая грамота. Соборъ, съ другой стороны, призналъ заслуживающими осужденія нѣкоторыя сочиненія Варлаама, что доказываетъ, между прочимъ, циркулярное предписаніе патріарха Іоанна XIV, которымъ повелѣвалось всѣмъ духовнымъ и мірянамъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, доставить въ патріархію находящіяся въ частныхъ бібліотекахъ сочиненія Варлаама противъ исихастовъ ²⁾.

Послѣ всего сказаннаго едва-ли можно питать надежду возстановить дѣйствительное положеніе партій на соборѣ по изложеніямъ почитателей и учениковъ Паламы. Между ними нѣсколько оригинальныхъ чертъ находимъ въ предисловіи къ словамъ монаха Хри-

¹⁾ ὄψε τοῦ λέγειν, ὄψε τοῦ γράφειν ἐπιστολὰς καὶ μετὰ τῶν ἐπιστητῶν, μικρὰ τοῦ ἀφορισμοῦ φρονήσας, ἀφωραδὴ δὲ ἐπιστὰ καὶ τινὰ τοῦ τόμου παρεμπνευσίων καὶ λέγων καὶ γράφων παρα τὰς βασίλειους τῶν ἁγίων παρθένων τε καὶ ῥωνάς.

²⁾ Miklosich, I. p. 201.

стодула противъ еретиковъ Варлаама и Акиндина ¹⁾. Здѣсь передана довольно правдоподобно послѣдовательность дѣлопроизводства на соборѣ. Сначала прочитано донесеніе Варлаама, которое вызвало шумные беспорядки ²⁾; по восстановленіи тишины предоставлено слово монахамъ, затѣмъ снова говорилъ Варлаамъ. Замѣтивъ, однако, что мнѣніе собора склонялось не въ его пользу, онъ *притворяется раскаявшимся*. Соборъ охотно принимаетъ его къ общенію и прощаетъ съ радостью, что найденъ (погибшій) братъ. Скоро послѣдовала смерть царя, 15-го іюня 1341 года. Варлаамъ же, воспользовавшись этой смертію, составилъ себѣ партію въ городѣ, всемѣрно порицая исихастовъ и распространяя свое мракобѣсіе; онъ не зналъ границъ въ хулѣ на соборъ и монаховъ; когда же это надоѣло, отправился изъ Константинополя.—Все приведенныя свѣдѣнія должны быть признаны соответствующими дѣйствительному положенію дѣла. Но снова все запутывается нижеслѣдующими заключительными словами: „божественный же соборъ съ патриархомъ Іоанномъ Калекой, осудивъ ересь Варлаама и сообщниковъ его, составляетъ противъ нихъ опредѣленіе, которое все подробно объясняетъ“. Что обозначаетъ это заключеніе? Авторъ только что сказалъ, что соборъ принялъ Варлаама къ общенію, такъ какъ онъ изъявилъ раскаявіе: какии же образомъ соборный актъ могъ осудить ересь Варлаама и его сообщниковъ? Не говоря о явномъ противорѣчьи, въ которое впадаетъ авторъ съ самимъ собой, мы должны вспомнить, что на самомъ дѣлѣ соборъ 1341 года, во первыхъ, не осудилъ Варлаама въ еретичествѣ, во вторыхъ, не имѣлъ сужденія объ его приверженцахъ.

Предыдущія изложенія того, что послѣдовало на соборѣ 1341 г., ясно показываютъ, какъ много неточностей, умолчаній и намѣренныхъ искаженій вкралось въ исторію борьбы между Паламой и Варлаамомъ. Весьма вѣроятно, что въ общемъ болѣе правильный взглядъ представляетъ изложеніе Акиндина. Мы видѣли, что ему удалось предрасположить патриарха въ пользу Паламы, который и явился на соборъ, заручившись содѣйствіемъ ученыхъ константинопольскихъ монаховъ. Акиндинъ бросаетъ также вѣрный взглядъ на характеръ патриарха, который готовъ былъ многое простить Варлааму и Паламѣ, лишь бы прекратилъ споръ и возстановилъ церковный миръ. Такимъ

¹⁾ Рукопись Медгцейской библ. во Флоренціи, cod. VIII, plat. VIII. См. *Bandini, S. Iohannis Chrysostomi, etc. II, p. 133—134.*

²⁾ ἀπὸ τῶν δὲ αὐτῶν ἀπὸ τῶν βασιλικῶν τῶν ἀποστόλων; οὐκ ἔστι τοῦτον ἄρτιον ἔργον.

образомъ, соборъ 1341 года едва ли высказался рѣшительно въ обвиненіе Варлаама или въ оправданіе Паламы. Это видно изъ того, что сейчасъ же по окончаніи собора оба противника, пользуясь полной свободой, начали истолковывать соборное постановленіе каждый въ свою пользу и оба находили себѣ многихъ приверженцевъ; это доказывается также и тѣмъ, что паламиты домогались и послѣ собора, чтобы имъ выдана была грамота, изъ которой бы видно было, что они не отлучены отъ церкви.

Умершій 15-го іюня 1341 года царь Андроникъ Младшій былъ, какъ извѣстно, покровителемъ Варлаама. Судя по тому вліянію, какимъ пользовался при Андроникѣ великій домашній Іоаннъ Кантакузинъ, можно полагать, что и послѣдній былъ на сторонѣ ученаго калабрійца. Это, впрочемъ, подтверждается свидѣтельствомъ Н. Григоры ¹⁾, который ставитъ Кантакузину въ упрекъ, что онъ прежде такъ былъ расположенъ къ Варлааму и отличалъ его своимъ вниманіемъ, а потомъ совершенно измѣнился и сталъ вѣрить клеветѣ соперника его Паламы. Въ упрекахъ Григоры тѣмъ больше основательность, что онъ защищаетъ въ этомъ случаѣ память Варлаама и протестуетъ противъ вновь подыскиваемыхъ обвиненій, которыя провѣрить было трудно за смертію обвиняемаго. Соборомъ 1341 года не разрѣшался вопросъ, поднятый Варлаамомъ и Паламой, напротивъ, онъ вступилъ въ новую стадію развитія, сдѣлался знаменемъ политическихъ партій и на долгіе годы приковалъ къ себѣ вниманіе общества. Казалось бы, что съ удаленіемъ Варлаама на западъ, гдѣ онъ по ходатайству Петрарки получилъ епископскую кафедру въ южной Италіи, враждебная ему партія въ Византіи могла успокоиться, тѣмъ болѣе, что открытымъ переходомъ въ латинство онъ подрывалъ вѣру въ искренность его убѣжденій и давалъ противъ себя сильное оружіе своимъ противникамъ. Если, не смотря на то, имя Варлаама сдѣлалось достояніемъ исторіи и не одинъ разъ подвергалось анаемѣ на церковныхъ соборахъ въ Византіи, когда уже самого Варлаама не было въ живыхъ, то объясненія тому нужно искать въ положеніи церковныхъ и политическихъ партій послѣ смерти Андроника Младшаго.

Андроникъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій объ оцѣкѣ ²⁾. За

¹⁾ Historia, II, IX (p. 919, ed. Bonn.).

²⁾ Т. Д. Флоринскій, Южные славяне и Византія, выпускъ 1, стр. 58 и слѣд. Авторъ прекрасно характеризуетъ политическія партіи времени, но церковныя вопросы не касается.

малолѣтствомъ наследника престола Іоанна Палеолога, которому едва исполнилось 11 лѣтъ, великій domestikъ Іоаннъ Кантакузинъ принялъ на себя роль опекуна и верховнаго правителя дѣлами государства. Устраненная отъ дѣлъ вдовствующая царица Анна, вмѣстѣ съ тогдашнимъ патріархомъ Іоанномъ Калеккой, составили оппозицію Іоанну Кантакузину и старались образовать враждебную ему партію. Интрига созрѣла въ октябрѣ 1341 года, когда Кантакузинъ объявленъ былъ государственнымъ измѣнникомъ и приверженцы его подверглись систематическому преслѣдованію. Находясь въ то время въ Димотикѣ, Кантакузинъ 26-го октября отвѣчалъ на сдѣланный ему вызовъ тѣмъ, что провозгласилъ себя императоромъ. Такимъ образомъ началась пятилѣтняя междоусобная война въ Византіи, въ которой суждено было играть немаловажное значеніе церковнымъ партіямъ. Весьма вѣроятно, что непродолжительное время, проведенное Варлаамомъ въ Константинополѣ, совпадаетъ съ періодомъ отъ іюня по октябрь 1341 года, когда и ему стала угрожать опасность какъ приверженцу бунтовщика І. Кантакузина; весьма можетъ быть, что Варлаамъ потому и не удался изъ Константинополя къ Кантакузину, что положеніе послѣдняго на первыхъ порахъ было не надежно, что многіе города Фракіи и Македоніи отказали ему въ признаніи его императоромъ. Съ теченіемъ времени, однако, Кантакузинъ приобрѣлъ твердое положеніе и именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сильна была партія Паламы. Имѣя въ виду, что константинопольское правительство съ патріархомъ и царицей Анной во главѣ постоянно было на сторонѣ противниковъ Паламы и покровительствовало ученикамъ и почитателямъ Варлаама, можно думать, что І. Кантакузинъ, стремясь ослабить правительство, нашелъ нужнымъ подать руку противоправительственной партіи Паламы. Въ связи съ исторіей политическихъ партій является возможнымъ объяснить до нѣкоторой степени судьбы церковныхъ партій.

Уже въ февралѣ 1342 года І. Кантакузинъ вступилъ въ сношенія съ протомъ Св. горы Исаакомъ и умолялъ его принять на себя посредничество между нимъ и константинопольскимъ правительствомъ. Старцы афонскіе дѣйствительно стали на сторону Кантакузина и отправили въ Константинополь пословъ хлопотать за него. Какъ и слѣдовало ожидать, тамъ недоброжелательно отнеслись къ ихъ ходатайству и старались различными мѣрами разстроить союзъ монаховъ съ Кантакузиномъ. Одного изъ пословъ, игумена лавры Макарія, назначили митрополитомъ въ Солунь, поручивъ ему дѣйствовать здѣсь противъ

І. Кантакузина ¹⁾, другихъ же задержали въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе, партія Кантакузина въ Македоніи и на Аѳонѣ постоянно усиливалась, претендентъ на царскій престолъ жилъ въ большой дружбѣ съ Аеономъ и не разъ заявлялъ намѣреніе поселиться тамъ и принять вѣческій санъ. Нѣтъ сомнѣній, что, благодаря этому союзу съ аеонокимъ монашествомъ и поддержкѣ, оказанной Григорію Паламѣ, Кантакузинъ выигралъ въ борьбѣ съ правительствомъ царицы Анны.

Развитіе борьбы Григорія Паламы съ учениками Варлаама имело много перипетій и съ большими трудностями поддается анализу. Нужно идти съ крайними предосторожностями, постоянно рискуя попасть въ непроходимыя дебри, чтобы хотя до нѣкоторой степени ориентироваться въ этомъ запутанномъ дѣлѣ. Составлялись многочисленныя соборы приверженцами Паламы и Варлаама; чѣмъ дальше шла борьба, тѣмъ больше раздражительности и рѣзкости позволяли себѣ вожди партій. Но такъ какъ партія Паламы въ 1347 году стала правительственною и овладѣла господствующимъ положеніемъ, то она имѣла интересъ и располагала для того средствами—представить все время, протекшее отъ 1341 года, какъ періодъ господства демонской силы, какъ время случайнаго умопомраченія, память о которомъ лучше стереть, чѣмъ освѣтить. Хотя, какъ мы сказали, борьба рѣшалась соборами, но сохранились далеко не все соборныя акты, и еслибы въ сохранившихся изъ нихъ не было исторіи вопроса, то мы бы оказались въ невозможности отнести критически къ извѣстіямъ лѣтописцевъ и къ изложеніямъ, оставленнымъ приверженцами Паламы. Напечатанныя въ патрологіи Миня акты относятся къ соборамъ 1351 и 1368 годовъ, при томъ второй соборъ долженъ быть перенесенъ на третье мѣсто, а третій на второе ²⁾. Десятилѣтній періодъ отъ 1341 года пополняется дѣяніями собора 1347 года, напечатанными у Миклошича ³⁾. Но помянутыми соборами не исчерпывается исторія горячей борьбы, было и еще нѣсколько соборовъ, актовъ которыхъ уже не сохранилось.

Собору 1347 года предшествовала упорная борьба партіи Паламы противъ патріарха. Объ этой борьбѣ можно судить по документу. по-

¹⁾ Пользуемся здѣсь корректурными листами III тома Исторіи Аѳона пресвященнаго Порфирія, стр. 177.

²⁾ *Migne*, 151, col. 693—акты собора 1368 г., col. 717—акты 1351 года.

³⁾ *Acta patriarchatus*, I, 243.

данному правительству Анны Палеологъ шестью епископами въ сентябрѣ 1347 года ¹⁾). Эти шесть епископовъ, повидимому, сосланные патриархомъ на покой ²⁾), обвиняютъ его въ своемъ донесеніи въ слѣдующихъ проступкахъ. Объятый страстью сребролюбія, онъ ведетъ себя какъ наемникъ въ церкви Божіей: собираетъ серебро и золото для сыновей и дочерей своихъ, открыто торгуетъ свободными каведрами, титулами экзарха и игуменствами, пристрастно рѣшаетъ церковныя дѣла, часто издавая два противоположныхъ указа по одному и тому же дѣлу; страшно и сказать, какъ онъ обращается съ церковной утварью. Освященные на церковное употребленіе сосуды дерзко обращаетъ въ собственное употребленіе и извлекаетъ изъ нихъ доходы посредствомъ продажи ихъ. Изъ чрезмѣрнаго любочестія пренебрегаетъ церковью и проводитъ время въ царскихъ палатахъ. Вслѣдствіе чего соборъ церковный, остающійся безъ поддержки и попеченія, обратился въ жалкій видъ. Его ложь, обманъ и притворство, которое онъ обнаруживаетъ ежедневно, можно ли передать словами? Находясь въ нуждѣ и стѣсненіи, мы просимъ Господа, чтобы Онъ открылъ святому царству твоему дѣла его. Нынѣ же этотъ жалкій человѣкъ впалъ въ самое крайнее зло и, покинутый Богомъ, уклонился отъ православія въ ересь, подвергъ себя анаемѣ, такъ какъ дерзнулъ опровергать миѣнія и рѣшенія того собора, который былъ подъ предсѣдательствомъ треблаженнаго и святаго государя нашего и царя, и вступилъ въ согласіе съ учениками и преемниками Варлаама. Отрицаа, съ одной стороны, божественныя и творческія энергіи и утверждая различіе ихъ отъ существа Божія, мыслить существо Божіе обнаженнымъ отъ промысла, справедливости, благости и другихъ свойствъ; съ другой же стороны представляетъ упомянутыя творческія энергіи созданными, и самый блескъ божественной природы, которымъ Христосъ возсіалъ на горѣ, считаетъ отличнымъ отъ существа Божія, разсѣкая такимъ образомъ божественное на двое. Поставляетъ въ священники и архіерея такихъ, кто раздѣляетъ его нечестивыя воззрѣнія, преслѣдуетъ же и отлучаетъ несогласныхъ съ нимъ. Итакъ, просимъ святое царство твое, да освобождена будетъ церковь отъ опасности ради одного человѣка, и при томъ осужденнаго. Ибо какъ соборъ противъ Арія осудилъ всѣхъ, кто когда либо будетъ раздѣлять его миѣнія, такъ и соборъ противъ Варлаама. Сей же открыто

¹⁾ *Migne*, 151, col. 767.

²⁾ οἱ καθεζόμενοι ἐν τοῖς κελλίαις ἤτοι ἀποκεκλητισμένοι.

говорить и писать въ защиту послѣдователей Варлаама, хитроискуеть его учениковъ, дѣлаеть въ пользу ихъ соборныя опредѣленія: ему вѣтъ части съ православными, его слѣдуетъ отогнать отъ стада Христова, какъ волка, змѣи и кровожаднаго льва; или пусть предадутъ его суду, если онъ можетъ что сказать въ свое оправданіе. Многіе христіане умирають по винѣ его безъ причащенія святыхъ таинъ, многіе не входятъ въ церковь. Многіе священники перестали совершать службу Божию.

Соборный актъ 1347 г. начинается обширнымъ изложеніемъ исторіи вопроса и краткой характеристикой школы Варлаама по отношенію къ ученію о свойствахъ Божества. Богъ, будучи по природѣ существомъ несозданнымъ, пребываетъ таковымъ же и по свойствамъ своимъ: волю, силу энергіи и пр., которыя ничѣмъ не отличаются отъ несозданнаго существа Его; если же бы они въ чемъ либо различались отъ существа Божія, то необходимо были бы созданными Божества. Такимъ образомъ, послѣдователи Варлаама истолковывали блистаніе Божественнаго существа, образъ котораго ученики Христа видѣли собственными глазами на Фаворѣ, то въ смыслѣ существа Божія, впадая прямо въ массалианскую ересь ¹⁾, то въ смыслѣ созданія, такъ какъ принимали это блистаніе за энергію и несобственный свѣтъ. Подобнымъ толкованіемъ они вводили безбожіе и многобожіе, аріанизмъ и савелліанизмъ. Виновицомъ и защитникомъ подобнаго безбожнаго и многобожнаго ограниченія божественной природы былъ калабриецъ Варлаамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуеть опредѣленіе честнѣйшаго іеромонаха Григорія Паламы ²⁾, словами и сочиненіями опровергавшаго таковое его нечестіе. Итакъ, вызывается Палама на соборъ. „На соборѣ Варлаамъ изобличенъ названнымъ Паламой на очной ставкѣ въ томъ, что онъ мыслить, говорить и писать вопреки мнѣніямъ отцовъ церкви и православію, обвиняя его, Паламу, и монаховъ; объ этомъ буквально записано и въ состоявшемся тогда соборномъ опредѣленіи. Итакъ, будучи осужденъ на соборѣ, Варлаамъ заявилъ раскаяніе, а скоро затѣмъ удалился бѣгствомъ“. Прежде чѣмъ продолжать изложеніе текста, мы должны остановиться на приведенной части, ибо въ ней передается ходъ

¹⁾ Miklosich, I, p. 244. Припомнимъ, что Варлаамъ обвинялъ Паламу въ массалианской ереси.

²⁾ Ως καὶ ὁ τῶνος διὰ τὴν ἐκείνην τὴν περίστασιν ἐν ἱερομοναχῷ κτρ Γρηγορίῳ τοῦ Παλάμᾳ. Какой тутъ разумѣется актъ Паламы, весьма трудно сказать. Τῶνος есть соборный актъ, а не частное мнѣніе.

дѣла далеко не точно и безпристрастно. Вопервыхъ, выставляя противъ Варлаама обвиненіе въ массаліанствѣ, соборное опредѣленіе употребляетъ противъ противника его же собственное оружіе; повторныхъ, неосновательно преувеличиваетъ значеніе Паламы на первомъ соборѣ, приписывая ему даже соборное опредѣленіе; третьихъ, преувеличиваетъ смыслъ соборнаго опредѣленія въ той части, которая касалась Варлаама, и умалчиваетъ о томъ, что Варлаамъ послѣ принесенія раскаянія былъ принятъ отцами въ общеніе. Несомнѣнно, все это весьма небезразличныя обстоятельства, которыя при томъ же будутъ все рѣзче и настоятельнѣе выставляться въ дальнѣйшихъ изложеніяхъ обстоятельствъ борьбы Паламы съ учениками Варлаама.

Далѣе, занимающій насъ актъ касается положенія партій послѣ собора. Ученики Варлаама и въ особенности ближайшій его послѣдователь Акиндинъ начинаютъ производить смуту и многихъ уловляютъ въ свои сѣти. Палама обличалъ Акиндина и заставлялъ его дать собственноручную записку, свидѣтельствующую, что онъ признаетъ слова и сочиненія Паламы по всемъ согласными съ отеческими писаніями. Но такъ какъ Акиндинъ и послѣ того не успокоился, то составилъ новый соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ тотъ, кто и при жизни царя вводилъ и выводилъ Израиля и мудро управлялъ ромѣйскими дѣлами и кто нынѣ милостію Божіей облекся на счастье ромѣевъ въ царское достоинство и соцарствуетъ съ сыномъ требоженнаго государя нашего ¹⁾. На этомъ соборѣ произнесено осужденіе Акиндину, какъ единомышленнику Варлаама, такъ что онъ призванъ отлученнымъ не только этимъ вторымъ соборомъ, но и тѣмъ первымъ, ибо какъ соборъ противъ Арія осудилъ и тѣхъ, кто впоследствии имѣлъ раздѣлать его мнѣнія, такъ и осудившій Варлаама подразумѣвалъ какъ настоящихъ, такъ и будущихъ его соумышленниковъ. Составленное на этомъ соборѣ опредѣленіе, хотя и въ краткихъ чертахъ, обо всемъ упоминаетъ: съ одной стороны, оно утверждаетъ согласіе съ христіанскимъ ученіемъ мыслей Паламы и монаховъ, съ другой—подвергаетъ страшнымъ клятвамъ Варлаама, если онъ не раскается, и угрозамъ отлучить его отъ святой церкви и отъ христіанскаго общества, а равно и всѣхъ тѣхъ, кто дерзнетъ нападать на православіе Паламы и единомышленныхъ съ нимъ монаховъ.

¹⁾ Разумѣется ближайшее за смертію Андроника Младшаго время, когда І. Кантакузинъ еще не объявленъ былъ бунтовщикомъ, то-есть, до октября 1341 г. Соцарствующимъ І. Палеологу Кантакузинъ объявленъ въ февралѣ 1347 года.

Но послѣ подписанія актовъ этого собора не прошло еще полныхъ двухъ мѣсяцевъ, какъ Ромейская имперія сдѣлалась жертвой бунта и смятенія.

По поводу изложенныхъ обстоятельствъ также необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Оказывается, что второй соборъ составленъ былъ не позднѣе августа 1341 года, то-есть, черезъ два мѣсяца послѣ перваго. Имѣя въ виду, что изложеніе перваго собора, помѣщенное у Мина, помѣчено августомъ девятаго индикта, мы едвали ошибемся, если скажемъ, что второй соборъ, по существу присоединившись къ актамъ перваго, не имѣлъ цѣли составлять новаго соборнаго опредѣленія, а лишь измѣнить нѣсколько редакцію его противъ Варлаама и въ пользу Паламы. На сколько удалось это, трудно судить; но что изложеніе дѣла въ актѣ 1347 года не безпристрастно, это видно изъ тѣхъ чертъ, которыя касаются Паламы, и изъ тенденцій—доказать во что бы то ни стало, что Акиндий осужденъ не только вторымъ, но и первымъ соборомъ. Съ точки зрѣнія редакціи этого акта мы находимъ чрезвычайное совпаденіе находящихся въ немъ оборотовъ и выраженій съ похвальными словами въ честь Паламы, напримѣръ, Филоея ¹⁾. Сообщаемыя здѣсь данныя могутъ быть проверены свидѣтельствомъ Акиндина.

Послѣдующая часть соборнаго акта восхваляетъ подвиги Паламы, который употреблялъ всѣ усилія во время наступившей смуты дѣйствовать ко благу христіюбиваго рода и образумить патріарха, но, когда онъ понялъ, что ничего нельзя сдѣлать, удалился изъ Константинополя. Патріархъ же весьма сблизился съ Акиндиномъ, часто съ нимъ бесѣдовалъ, проводя вмѣстѣ дни и ночи, и, наконецъ, началъ вмѣстѣ съ нимъ словами и писаніями преслѣдовать только что передъ тѣмъ на соборѣ оправданныхъ, сдѣлавшись гонителемъ Паламы и монаховъ и всего православія. Не довольствуясь этимъ, онъ задумалъ посвятить Акиндина въ іерен, чтобы потомъ возвести его въ епископию, но благовременно вмѣшалась въ это дѣло царица и предупредила посвященіе Акиндина въ санъ діакона ²⁾. Тогда патріархъ началъ писать противъ Паламы и монаховъ, или лучше противъ самой церкви и въ опроверженіе соборнаго опредѣленія и соборныхъ мнѣній и рѣшеній ³⁾. Когда же освободилась солунская кathedра, онъ назначилъ

¹⁾ Migne, 151, col. 601; сравни Miklosich, I, p. 246.

²⁾ Miklosich, I, p. 248; сравни Похвалу Филоея ap. Migne, 151, col. 686.

³⁾ p. 248: ὑπάρματα συνήθησι — εἰς ἀναθέσειν τοῦ συνοδικοῦ τόμου καὶ τῶν ὑπὲρ εὐσεβείας συνοδικῶν βιβλίωνων τε καὶ ἀποφάσεων.

одного из друзей Акиндина кандидатом на эту кафедру, только внимательство царяца остановило его отъ исполненія этого дѣла ¹⁾. Затѣмъ идетъ рѣчь о соборѣ 1347 года. Патріархъ Іоаннъ былъ судимъ собравшимися отцами за то, что отрицалъ соборныя опредѣленія, что притѣснялъ оправданныхъ соборами, сочувствовалъ же ученикамъ и преемникамъ Варлаама и признавъ недостойнымъ „части“ православныхъ. Благочестивая царяца неоднократно приглашала насъ на совѣщаніе съ членами сената и учеными мужами, чтобы рассмотреть божественныя догматы, и, прочитавъ соборное опредѣленіе, заключающее мнѣнія отцовъ о православіи и опровергаемое на словахъ и на письмѣ патріархомъ, потребовала наказанія тѣмъ, кто не признаетъ этого опредѣленія, и *подтверженія его авторитетности*. Итакъ, созываетъ ихъ въ богохранимый дворецъ на соборъ, въ которомъ принялъ участіе противъ святой горы со старцами, и приказываетъ прежде всего прочесть *соборное опредѣленіе*, потомъ предлагаетъ на рассмотрѣніе записку патріарха, въ которой онъ, подъ предлогомъ толкованія того опредѣленія, сдѣлалъ ложное объясненіе и опроверженіе и полное его уничтоженіе: нѣкоторыя его части и при томъ главнѣйшія считалъ второстепенными, другія же безстыдно отвергалъ вполне ²⁾, при чемъ по вопросу объ энергіяхъ божіихъ оказался явно богохульствующимъ. Въ этомъ сочиненіи и въ присоединенныхъ къ нему запискахъ его единомышленниковъ произносится анаѳема на все православіе и на всѣхъ святыхъ только потому, что они писали согласно съ Паламой ³⁾.

Соборъ пришелъ въ единогласному рѣшенію признать эти сочиненія отреченными, Акиндина же, если не раскается и не отречется отъ своихъ мнѣній посредствомъ акта собственноручно подписаннаго, подверженнымъ анаѳемѣ, согласно *опредѣленію прежняго собора, который исполнилъ отступаетъ отъ всякаго общенія съ православными не только Варлаама, но и всѣхъ, кто оказался бы, подобно ему, напад-*

¹⁾ Здѣсь текстъ соборнаго опредѣленія воостановляется по похвальному слову Филовея, col. 611: καὶ τινὰ τῶν ὁμιλητῶν τε καὶ σπουδαστῶν Ἀκινδύνου... ψηφίσταται πρέσβρον.

²⁾ Miktonich 1. p. 250 ἐν ᾧ βιβλίῳ ἐν ὑποκρίσει καὶ προφασί τοῦ ἐξηγεῖσθαι τὸν τόμον παρεξηγησάν αὐτοῦ καὶ ἀνατροπὴν καὶ κατάλυσιν παντελῆ συνεγράψατο τὰ μὲν αὐτοῦ καὶ ταῦτα κοινώτατα τῆς ὑποθέσεως ἐκ τοῦ παρήκοντος γεγράφαται λέγων, τὰ δὲ καὶ τελέως ἀναίδην ἀνακελεύσων.

³⁾ Ibid., p. p. 250—251 любопытныя выдержки изъ соборнаго опредѣленія противъ паламатовъ, состоявшагося въ 1345 г.

дающимъ на вышеозначенныхъ монаховъ, подвергаетъ такому же отлученію ¹⁾). Кроме того, соборъ призналъ недѣйствительными составленныя имъ и его послѣдователями сочиненія, направленные противъ Паламы и его единомышленниковъ. Отлучивъ отъ церкви Акиндина, соборъ на этотъ разъ съ особенною энергіей настаиваетъ на той мысли, что это отлученіе простирается и на всѣ послѣдующіе подобныя же случаи: „если кто другой окажется также думающимъ или говорящимъ или пишущимъ противъ честнѣйшаго іеромонаха Григорія Паламы и единомышленныхъ съ нимъ монаховъ, то такое же отлученіе произносимъ и противъ него; а самого честнѣйшаго іеромонаха Григорія Паламу признаемъ въ мнѣніяхъ и писаніяхъ его нисколько не отступившимъ отъ боговдохновенныхъ мужей, напротивъ, провозглашаемъ его и послѣдователей его борцами за православію вѣру и церковное преданіе, стоящими выше завлеченныхъ противъ нихъ извѣтовъ, какъ объ этомъ сказано въ прежнемъ опредѣленіи, защитниками и столпами православія. Такимъ образомъ *мы не получимъ утвержденіе и авторитетъ составленное на тѣхъ соборахъ опредѣленіе*“ ²⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что главная цѣль собора 1347 года была въ восстановленіи авторитета Паламы; отцы собора съ особенною энергіей выдвигаютъ значеніе предыдущаго собора, стараюсь истолковать его въ томъ смыслѣ, что онъ осудилъ уже Акиндина, въ этомъ отношеніи допущены значительныя натяжки и, можно догадываться, кое-какія прибавки. Такъ какъ соборъ имѣлъ въ виду воздѣйствовать противъ толкованій на тотъ же соборъ патріарха Іоанна, то можно думать, что фактическое положеніе дѣла дѣйствительно представляло возможность толкованій надвое. Вопросъ, очевидно, сосредоточивается на томъ, что паламиты стояли на прибавкахъ, внесенныхъ въ дѣянія собора послѣ іюньскаго собора 1341 года, варламиты же держались на почвѣ дѣяній перваго собора. Патріархъ Іоаннъ въ 1345 году дополнилъ дѣянія собора 1341 года въ интересѣ партіи Варлаама; теперь же, въ 1347 году, другая партія толкуетъ акты этого собора въ интересѣ партіи Паламы.

¹⁾ р. 253: οὐ μόνον τὸν Βαρλαάμ, ἀλλὰ καὶ εἴ τις ἕτερος φανεῖται τι τῶν ὑπ' αὐτοῦ κατὰ τῶν μοναχῶν ῥηθέντων τούτων αὐτῆς κατηγορῶν... αὐτὴν γὰρ ἐκείνην τοῦ τόμου καταδικῆν ἐφ' ἑαυτὸν ἐπέσπασατο.

²⁾ οὗτο γὰρ καὶ ὁ ἐπὶ ταῖς συνόδοις ἐκείναις προβάς τόμος ἔχει, καθάπερ οὖν ἔχει, τὸ ἀσφαλές τε καὶ βέβαιον.

Вслѣдъ за этимъ соборомъ вступившій въ Константинополь Іоаннъ Кантакузинъ издалъ указъ, въ которомъ заявлялъ свое согласіе съ постановленіями собора ¹⁾. Документъ помѣченъ мартомъ 1347 года. Въ немъ вложены нѣкоторыя дополненія къ событіямъ, послѣдовавшимъ за соборомъ. Царь извѣщаетъ, что по вступленіи въ столицу онъ нашелъ патріарха Іоанна Калеку низверженнымъ, а Акиндина отлученнымъ. Дѣянія помѣстнаго собора были подтверждены согласіемъ іерусалимскаго патріарха и другихъ епископовъ, которые на своемъ соборѣ также осудили патріарха Іоанна и лишили священства Акиндина. Между тѣмъ царь узналъ по прибытіи въ столицу, что Акиндинъ выставляетъ противъ собора возраженія и именно указываетъ на заочность рѣшенія по его дѣлу, хотя онъ готовъ явиться и дать оправданіе. Тогда царь далъ ему знать, что онъ можетъ явиться на судъ собора подъ его предсѣдательствомъ. Но оказалось, что Акиндинъ коварно ссылаясь на заочное рѣшеніе, ибо не посмѣлъ лично явиться, хотя за нимъ послали четыре раза. Посему соборъ вновь осудилъ его, какъ и прежній соборъ; къ этому мнѣнію присоединился и царь. Таково значеніе указа.

Въ 1351 году составленъ новый соборъ противъ приверженцевъ Варлаама ²⁾. Соборному акту предпослана исторія вопроса, которою мы не можемъ пренебрегать. Въ ней изложены слѣдующіе факты. Варлаамъ вооружился противъ истины и обвинилъ въ двоебожій тѣхъ, которые признавали тріипостасное существо Божіе несозданнымъ, за что обличенъ на соборѣ и отлученъ отъ христіанской церкви ³⁾. Спусти нѣкоторое время, когда къ его мнѣнію присталъ Акиндинъ, котораго не образумило осужденіе учителя, составилъ противъ него второй соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ пинѣ царствующій Іоаннъ Кантакузинъ; на этомъ соборѣ Акиндинъ, признанный раздѣляющимъ мнѣнія Варлаама, присужденъ къ такому же наказанію. Соборное опредѣленіе, излагающее богохульства Варлаама, отсѣкаетъ его отъ общенія съ христіанами какъ за другія вины, такъ и за то, что онъ свѣтъ Христова Преображенія, явившійся ученикамъ и апостоламъ, называетъ созданнымъ и описуемымъ и ничѣмъ не отличающимся отъ воспринимаемаго чувствами свѣта. И не только Варлаамъ отлученъ этимъ опредѣленіемъ, но и всякій другой, кто, слѣдуя ему,

¹⁾ *Migne*, 151, col. 769.

²⁾ *Migne*, 151, col. 717; Московская Синод. Библіотека, № 290.

³⁾ Уже совѣтъ не упоминаетъ о раскаяніи Варлаама.

будетъ враждовать противъ монаховъ и церкви Божіей. Но лукавый драконъ начинаетъ дѣйствовать черезъ патріарха Іоанна, который, сошедшися въ мысляхъ съ Акиндиномъ, много писалъ и дѣйствовалъ противъ православія, воспользовавшись внутреннею смутой, за что и получилъ достойное возмездіе. Ибо обличенный низвергается съ престола и соборнымъ опредѣленіемъ осуждается, какъ раздѣляющій мысли Акиндина и враждующій противъ христіанъ. Это соборное опредѣленіе, утвержденное подписями тридцати архіереевъ, къ которымъ присоединился потомъ и патріархъ іерусалимскій, отмечаетъ отъ общенія съ христіанами не только Акиндина и бывшаго патріарха, но и всѣхъ имѣющихъ быть единомышленниковъ ихъ ¹⁾.

Но діаволъ привлекаетъ на свою сторону, чрезъ сторонниковъ Варлаама и Акинדיна, — занимающихъ епископскія кathedры въ Ефесѣ и въ Ганѣ Грвгору и Дексію, которые составили партію и подняли смуту въ церкви Божіей, ища въ этомъ себѣ славы. Итакъ, составленъ новый соборъ во Влахернскомъ триклиніи, называемомъ Алексіакъ ²⁾. Были призваны производящіе смуту и разсѣивающіе Божіи церкви и спрошены: ради чего дерзнули они посягать на таковое. Они указали, во первыхъ, на нѣкоторую прибавку, привнесенную въ хиротонію архіереевъ; во вторыхъ, упомянули про епископа солунскаго, что ихъ соблазняютъ нѣкоторыя мѣста его опроверженій Варлаама и Акиндиана. На эти послѣднія слова солунскій епископъ (это былъ Палама) сказалъ: „такъ вы раздѣляете ихъ мнѣнія“. Они же, подражая Акиндину, отрицавшему свое согласіе съ Варлаамомъ, отделились отъ единомыслія съ обоими еретиками. Но Палама замѣтилъ: такъ какъ тѣ, которые несогласны съ нами, въ большинствѣ сунъ приверженцы Варлаама и Акиндиана, то и вы, очевидно, становитесь на ихъ сторону, являетесь представителями ихъ догматовъ. Тогда соборъ сказалъ: „что касается прибавки, на которую вы выражаете неудовольствіе, то это не есть собственно прибавка, а развитіе положеній 6-го вселенскаго собора, примѣнительно къ осужденію Варлаама и Акиндиана; кто недоволенъ этою прибавкою, тотъ какъ бы признаетъ себя сочувствующимъ означеннымъ еретикамъ“. Но упомянутые выше епископы снова отрицали свою солидарность съ ними. Когда же они стали развѣвать мысль о томъ, что соблазняетъ ихъ

¹⁾ Слѣдуютъ подлинныя мѣста изъ приведеннаго выше опредѣленія 1347 г.

²⁾ *Migne*, 151, col. 721. Здѣсь мы въ первый разъ замѣчаемъ дѣйствительную протокольную форму, которой нѣтъ въ предыдущихъ изложеніяхъ раннихъ соборовъ.

въ обличительныхъ сочиненіяхъ Паламы на Варлаама и Акиндина, то оказалось, что они повторяли мысли этихъ еретиковъ, высказанныя противъ Паламы. Когда изъ ихъ словъ стало ясно, чѣмъ они заражены, святой соборъ рѣшилъ разобрать весь вопросъ съ начала до конца: на это изъявилъ согласіе и солунскій епископъ, но противники его высказались противъ.

На второмъ засѣданіи рѣчь предоставлена была противникамъ Паламы. За ними была очередь Паламы. Когда онъ сталъ говорить, то они прерывали его и устремились вонъ изъ засѣданія, но ихъ остановили и едва вынудили обѣщаніе прибыть на слѣдующее засѣданіе. Палама въ своей рѣчи подробно изложилъ догматическую часть вопроса и присоединилъ къ этому слѣдующее: „нужно дѣлать различіе между спорами о православіи и исповѣданіемъ вѣры, въ спорахъ нельзя гоняться за точностью выраженій, въ исповѣданіи же вѣры требуется прежде всего точность, посему въ составленныхъ мною обличительныхъ словахъ на Варлаама и Акиндина я изложилъ и мое исповѣданіе вѣры, чтобы всякій могъ провѣрять имъ цѣль спора“. Послѣ этого царь затребовалъ исповѣданіе вѣры и приказалъ прочесть его. Соборъ единогласно одобрялъ исповѣданіе вѣры Паламы.

На третьемъ засѣданіи должны были прочесть свое исповѣданіе вѣры противники Паламы. Въ концѣ оказалась слѣдующая прибавка: „по отношенію къ Варлааму и Акиндину раздѣляемъ мнѣніе церкви“. Послѣ обмѣна жаркихъ мнѣній, протестанты изложили свои обвиненія противъ Паламы, которыя заключались въ томъ, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ онъ часто говоритъ о двухъ и многихъ божествахъ высшихъ и второстепенныхъ. Такъ какъ главное обвиненіе сосредоточивалось въ этихъ словахъ, то царь предложилъ имъ яснѣе высказаться: ставятъ ли они въ вину самыя слова, или смыслъ, обозначаемый этими словами, или же то и другое вмѣстѣ. Нужно разбирать смыслъ и толковать его по ученію богослововъ, если же противъ смысла ничего не имѣете, то зачѣмъ нападать на выраженія? Не ради преній о словахъ мы собрались сюда. Солунскій епископъ сказалъ: „за выраженіями мы не гоняемся, ибо, какъ говоритъ Григорій Богословъ, не въ словахъ, но въ дѣлахъ истина и благочестіе. Мы состязаемся о догматахъ и о дѣлахъ. Пусть будемъ согласны въ дѣлахъ, на слова я не буду обращать вниманія“. Рѣчью его закончилось засѣданіе.

На четвертомъ засѣданіи протестанты опять начали выставлять нѣкоторыя возраженія противъ Паламы. Но царь и соборъ, желая

заниматься не словами, а дѣлами, постановили обратиться къ соборному опредѣленію на Варлаама. Чтеніе его доказало, что протестанты во всемъ раздѣляютъ еретическія мнѣнія Варлаама. Ибо солунскій епископъ, спрошенный, какъ онъ думаетъ о божественномъ свѣтѣ, своими объясненіями и выдержками изъ своихъ сочиненій обнаружилъ согласіе съ ученіемъ богослововъ, протестующіе же и на основаніи объясненій ихъ и сочиненій обличены были какъ раздѣляющіе на двое божество Отца и Сына и Св. Духа на созданное и несозданное. Слѣдуютъ тексты изъ отцовъ церкви, мѣста изъ протоколовъ 6 вселенскаго собора. Въ изложеніи этой послѣдней части встречаемъ очень любопытное мѣсто для исторіи Синодика. „По повелѣнію царскому прочитано было мѣсто *изъ читаемаго обычно въ недѣлю православія Синодика*, которое начинается такъ: τοῖς ἀποβαλλομένοις τὰς τῶν ἁγίων πατέρων φωνάς ¹⁾. За прочтеніемъ святоотеческихъ мѣстъ отцы собора предложили заблуждающимся покаяться, но они отказались отъ этого предложенія. Поэтому, по приказанію царя и патріарха, *прочитано опредѣленіе прежняго собора* о низверженіи епископовъ Ефеса и Гаия и другихъ за приверженность ихъ къ ереси Варлаама и Акиндина: ибо исполненія по этому опредѣленію еще не состоялось въ ожиданіи обращенія ихъ и раскаянія. По прочтеніи этого опредѣленія, честнѣйшій великій хартофилакъ и ипать философовъ началъ по церковному обычаю спрашивать каждого объ его мнѣніи по поводу разсмотрѣнныхъ догматическихъ вопросовъ. И они все единодушно и какъ бы по внушенію одного Духа признали вѣрность съ соединеніемъ дивное различіе божественнаго существа и энергій. Затѣмъ патріархъ обратился къ упорствующимъ съ новымъ увѣщаніемъ и увѣжденіемъ присоединиться къ мнѣнію церкви. Когда же увидѣлъ, что они далеки отъ уступчивости, то съ ревностью, достойной его добродѣтели и трона, онъ лишаетъ ефесскаго и ганскаго епископа архіерейскаго сана и священства. На этомъ окончилось засѣданіе.

Прошло нѣсколько дней, царь желалъ дать время одуматься упорствующимъ, но такъ какъ они не измѣнили своихъ мыслей, то *рѣшено было собрать другой соборъ* ²⁾, чтобы новымъ изслѣдованіемъ вопроса яснѣе показать истину. Протестанты не пожелали явиться отвѣтчиками на соборъ, царь приказалъ изъ многихъ подлежащихъ

¹⁾ Ibid., col. 727.

²⁾ Ibid., col. 732.

обсужденію главъ поставить слѣдующія: 1) есть ли въ Богѣ различіе существа и энергіи; 2) энергія создана или нѣтъ; 3) если божественная энергія признана будетъ несозданною, то не будетъ ли необходимо отсюда заключеніе о сложности природы божественной; 4) прилагается ли богословами слово божество не только къ существу, но и къ энергіи божественной; 5) дѣйствительно ли богословы утверждаютъ, что существо выше энергіи; 6) когда говорится объ участіи въ божествѣ, подразумѣвается ли участіе въ существѣ или въ энергіи.—Соборъ занялся разъясненіемъ всѣхъ этихъ предложеній. Какъ оказывается, послѣдній вопросъ направленъ былъ противъ теорій пантеизма ¹⁾. Такъ какъ враги церкви вселенную наполнили существомъ Божиимъ, не различая существа отъ энергіи, то соборъ поставилъ противъ нихъ слѣдующее соображеніе. Хотя существо Божіе нераздѣльно отъ физической энергіи, ибо нѣтъ энергіи внѣ производящей ее сущности, но по отношенію къ твореніямъ Божиимъ отъ вѣка не можетъ быть сомнѣнія, что всякое созданіе участвуетъ въ энергіи творца, а не въ сущности. Ибо ясно, что домъ есть произведеніе искусства и энергіи архитектора, а не сущности его; разнѣмъ образомъ и святые, удостоиваясь единенія съ Богомъ, участвуютъ не въ существѣ его, а въ энергіи. Когда собраны были голоса, императоръ, обратился къ собору съ рѣчью въ которой восхвалялъ ревность по вѣрѣ солунскаго митрополита и признавалъ православіе его мыслей, въ заключеніе благодарилъ Бога за то, что истина утверждена, и что смута церковная, *продолжающаяся уже четырнадцать лѣтъ*, можетъ считаться прекращенною ²⁾. По случаю собранія этого собора послано было приглашеніе къ старцамъ святой горы принять участіе въ засѣданіяхъ. Они же, не имѣя возможности прибыть, послали двухъ іеромонаховъ съ донесеніемъ, что они представляютъ собору письменно свое мнѣніе. Итакъ, встали афонскіе уполномоченные старцы и передали собору изложеніе мнѣнія всей святой горы, составленное *еще жившимъ между ними митрополитомъ Иракліи Филоеемъ*. Представили вмѣстѣ съ тѣмъ и присланное оттуда общее опредѣленіе, которое было прочитано и оказалось согласнымъ съ ученіемъ митрополита солунскаго.

Итакъ, продолжается далѣе, соборъ, засѣдавшій во Влахернскомъ триклиніи Алексіакѣ, разобрать предложенные ему вопросы и утверждая

¹⁾ Что видно изъ той части дѣяній, гдѣ разрѣшается этотъ вопросъ, col. 748.

²⁾ *Migne*, 151, col. 757.

прежнія соборныя опредѣленія, подвергъ анаемѣ Варлаама и Акиндина. Нынѣ же обнаруженныхъ и обличенныхъ на соборѣ еднотомни-ленниковъ ихъ подвергъ отлученію отъ Христовой церкви, если не раскаятся, и лишилъ священнаго сана. Тѣхъ, кто увлеченъ въ ересь и не раскаялся, присудилъ къ такому же наказанію, раскаявшіеся же и подвергшихъ анаемѣ ересь не только принялъ въ обществѣ съ церковью, но и оставилъ въ священномъ званіи. Но соборъ сдѣлалъ оговорку по отношенію къ тѣмъ, кто бы осмѣлился въ будущее время говорить или писать противъ Паламы: таковыя подвергаются вышесказанному осужденію. Точно также соборъ замѣтилъ торжественно похвалу ученію и ревности по вѣрѣ солунскаго митрополита.

Послѣ этого отцы, „озабоченные тѣмъ, чтобы отнять всякій поводъ у желающихъ вновь заявлять обвиненія и чтобы не оставить безъ разсмотрѣнія тѣхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Паламы, которыя издали поводъ врагамъ церкви къ нападкамъ на него, по предложенію царя, приступили къ разбору записокъ, поданныхъ противниками Паламы. Для этого отцы собора на собраніяхъ въ великой церкви подыскивали и изслѣдовали каждое мѣсто въ книгѣ Паламы и собирались для этого не однажды, а многократно. При чемъ оказалось, что митрополитъ солунскій и въ приводимыхъ его противниками мѣстахъ совершенно согласенъ съ священными богословами, а что противники его впадаютъ въ многочисленныя еретическія мнѣнія. Посему и съ этой стороны осужденіе ихъ получило новое подтвержденіе“. Слѣдуютъ подписи.

Въ апрѣлѣ 1368 года состоялся соборъ противъ Прохора Нидонн, приверженца Варлаама и Акиндина ¹⁾). Изъ исторической части акта узнаемъ слѣдующее объ этомъ еретикѣ. Онъ принадлежалъ къ монашествующимъ въ Афонской лаврѣ и былъ уже въ священномъ санѣ, когда поднялось волненіе въ церкви, вызванное ученіемъ Варлаама и Акиндина. Какъ большинство людей, преданныхъ суетнымъ еллинскимъ наукамъ, Прохоръ заразился еретическими мнѣніями. Онъ занималъ среди другихъ выдающееся мѣсто какъ по своимъ дѣламъ, такъ и по превосходству въ нечестіи, ибо присоединялъ къ ихъ нечѣпостамъ новыя и худшія. Вслѣдствіе этого, а также ради сочувствія, которое онъ оказывалъ преслѣдуемому церковью, онъ не могъ оставаться спокойнымъ въ Лаврѣ. Слыша часто, какъ онъ за-

¹⁾ Ibid., col. 693.

щипаль Варлаама и Акиндина, какъ противорѣчалъ принятымъ догматамъ церкви, монахи потребовали отъ него публичнаго заявленія своего исповѣданія вѣры. Онъ же, боясь осужденія, далъ притворно согласіе съ ученіемъ церкви, хотя въ сердцѣ былъ далекъ отъ того. Ученіе его произвело большое смущеніе и породило раздѣленіе между монашескимъ чиномъ, такъ что многіе изъ ревнителей благочестія и добродѣтели, какъ въ самой лаврѣ, такъ и въ другихъ святогорскихъ монастыряхъ, понемногу стали отдѣляться отъ церковнаго общенія съ лавріотами, о чемъ и сообщали церковной власти, ссылаясь на одно мѣсто соборнаго опредѣленія. Настоятель и игуменъ лавры киръ Іаковъ, ревнуя о благѣ церкви Божіей, старался всецѣпно убѣждать его оставить заблужденіе и присоединиться къ церковному ученію; когда же увѣщанія его остались безуспѣшны, сдѣлалъ обо всемъ этомъ донесеніе. „Главы противъ Варлаама и Акиндина, внесенныя въ священный Синодикъ, ежегодно читаемый въ недѣлю прославія ¹⁾), въ которыхъ предаются анаемѣ какъ упомянутые еретики, такъ и всѣ раздѣляющіе ихъ ученіе и защищающіе ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прославляются тѣ, кто обличаетъ ихъ и словомъ и дѣломъ ратуетъ за церковь,—эти главы отправлены были и въ священную лавру, дабы ихъ вписать въ читаемый тамъ Синодикъ и прочитывать въ установленное время, какъ бы въ успокоеніе монаховъ и во утверженіе колеблющихся между ними. Получивъ эти главы, лавріоты заставили Прохора въ собраніи прочесть ихъ и подписать. Хотя онъ и далъ свою подпись, но скоро сталъ говорить противное тому, что собственноручно утвердилъ. Наконецъ, удалось схватить его съ поличнымъ: въ кельѣ его найдены сочиненія тѣхъ еретиковъ. Тогда, исполненные гнѣва и ревности, старцы лишаютъ его общенія, а сочиненія посылаютъ къ нашему смиренію. Такъ какъ объ этомъ не могло не быть извѣстнымъ Прохору, онъ дѣлаетъ отъ себя донесеніе, доказывая, что все это есть несправедливый доносъ; что онъ слишкомъ далекъ не только отъ превратнаго богословствованія, но и вообще отъ богословствованія, такъ какъ онъ совсѣмъ простой человѣкъ. Великое таинство богословія Богъ сдѣлалъ недоступнымъ для людей, чувственнымъ же небомъ завладѣли мелкіе торговцы, повара и актеры, то-есть, новоявленные догматисты: поему онъ предпочитаетъ скромную долю и молчаніе изъ благоговѣнія къ богословію. Спустя короткое время,

¹⁾ Ibid., col. 695. Все это мѣсто интересно для исторіи Синодика.

вынужденный притѣсненіями со стороны монаховъ и позоромъ, онъ явился къ нашему смиренію и представилъ сочиненія свои. Когда еще мы не успѣли разсмотрѣть ихъ, снова явился Прохоръ и я сталъ у насъ митрополита ефесскаго; тогда мы спросили его: какъ онъ думаетъ о церковныхъ догматахъ и объ осужденіи Варлаама и Акиндина и о церковномъ по этому поводу опредѣленіи?—На это онъ отвѣчалъ, что обо всемъ этомъ онъ имѣетъ колебаніе въ душѣ и сомнѣнія, но, однако, не дерзаетъ положиться на себя и предпочитаетъ слѣдовать мнѣнію святой церкви. Мы сказали ему, что прежде всего нужно принять безъ всякихъ оговорокъ соборное опредѣленіе, какъ излагающее безошибочно смыслъ священнаго писанія и отношенія церкви, ибо здѣсь не умѣстны сомнѣнія, и ничто не нуждается въ толкованіи и объясненіи; что, впрочемъ, послѣ его чистосердечнаго признанія и заявленія о согласіи съ церковнымъ ученіемъ, мы готовы заняться разрѣшеніемъ его недоразумѣній. Такъ я говорилъ ему и нимъ, не читая еще его сочиненій. Но, когда черезъ нѣсколько дней я посмотрѣлъ въ нихъ, то уже по заглавію увидѣлъ, что они полны всякаго нечестія. Это было „Опроверженіе на неправильныя цитаты текстовъ въ соборномъ опредѣленіи противъ епископа ефесскаго и Григоря“. Въ предисловіи авторъ говоритъ слѣдующее. Поелюку, по словамъ апостола Павла, борьба наша не съ кровью и плотью, а съ всякой надменностью, поднимающеюся противъ познанія Христа, то намъ брѣвася говорить о злоупотребленіяхъ текстами священнаго писанія въ соборномъ опредѣленіи на епископа ефесскаго и Григоря, мы считаемъ излишнимъ приводить мнѣнія автора и тѣхъ лицъ, которыми онъ пользовался. Будучи со многими изъ нихъ знакомы и дружественны при ихъ жизни, считаемъ справедливымъ чтить ихъ и по смерти, тѣмъ болѣе, что наша цѣль не порицать людей, а богословствовать. Да будетъ это произведеніе въ защиту какъ умершихъ такъ и еще живущихъ: первые на праведномъ судѣ получать свое воздаяніе, вторые, очистившись отъ неправого мнѣнія и живя въ вѣдрахъ апостольской и отеческой вѣры, удостоятся своей награды. Это насъ побудило къ написанію сего труда, да еще ревность къ Богу. Еще можно кое-какъ бороться съ ложью, когда въ образованіи ея участвуютъ человѣческія соображенія, которыя по самому существу не могутъ быть тверды и устойчивы; но кто въ состояніи выдержать борьбу съ такою ложью, которая выставляетъ самого Бога доносчикомъ на себя и которая злоупотребляетъ его чистѣйшими золотомъ словами?—Таково предисловіе, а то, что затѣмъ слѣдуетъ, пре-

исследовать по нечестію самаго отвратительнаго богохульства Варлаама и Акиндина. Ибо, погрузившись въ глубану богословія, этотъ почитатель діафрагмы неба прежде всего объясняетъ, кого считаетъ желанными торговцами и поварами и обнаруживаетъ крайнюю степень нечестія. Обвиняя насъ въ неоравильномъ употребленіи текстовъ, онъ поднимъ себя своими силлогистическими доказательствами, обнаруживая, что поднимъ борьбу не противъ насъ, но противъ самихъ святыхъ. Ибо, приводя отеческіе тексты, не слѣдуетъ св. отцамъ въ объясненіи ихъ, но безстыдно придаетъ имъ другой смыслъ ¹⁾. Такъ, напримеръ, толкуя мѣсто Златоуста на слова: „Господи, покажи намъ Отца и довольно намъ“, говоритъ: что Филиппъ желаетъ видѣть—мудрость ли Отца, благость ли?—Нѣтъ, онъ желаетъ видѣть все, что есть Богъ, то-есть, существо Божіе. Я утверждаю, говоритъ нашъ богословъ, что званіе мудрости Божіей есть именно знаніе существа Божія, ибо тотъ, кто видѣлъ мудрость Божію, знаетъ существо Божіе, на сколько мудрость Божія даетъ идею о существѣ Божіемъ; точно также и благость Божія не есть какое либо свойство божества, но существо его. И все это онъ доказываетъ не мѣстами священнаго писанія, но собственными соображеніями и доказательствами, основанными на *аристотелевскихъ силлогизмахъ* ²⁾. Между прочимъ, есть у него такое мѣсто. „Тѣмъ, которые обвиняютъ меня за употребленіе силлогизмовъ, въ которыхъ я вижу какъ бы оркулъ богословія, скажу слѣдующее. Такъ какъ всякая истина есть или силлогизмъ, или элементъ силлогизма, то очевидно, что и мнѣ, и противникамъ моимъ нельзя избѣгать силлогизмовъ, когда мы излагаемъ истину. Почему бы въ самомъ дѣлѣ, имѣя знаніе и владея законами его, намъ не пользоваться ими для опроверженія тѣхъ, кто преступаетъ законы мышленія, и не употреблять этого метода въ изслѣдованіи истины какъ надежный руководитель, указывающій вѣрный путь для сужденія и для практической дѣятельности? Еслибы вѣра была сообщаема намъ откровеніемъ, какъ ее получали вожди православія, или еслибы ее можно было подвергать изслѣдованію, или еслибы мы не обязаны были давать отчетъ по общему къ намъ довѣрію, оправдываемому либо жизнью нашею, либо способностью сверхъестественными дѣйствіями подтверждать свои

¹⁾ Ibid., col. 698, примѣры толкованія словъ I. Дамаскина и Златоуста.

²⁾ Ibid., col. 699: οὐ ῥητὰ προφερῶν ἄριστων, ἀλλὰ τοῖς ἰδίαις λογισμοῖς καὶ ταῖς ἀποδείξεσι χριστιανῶν ὅθεν τοῖς Ἀριστοτελικαῖς συλλογισμοῖς...—и ниже: καὶ τοῦτο διὰ πολλῶν ἀποδείκνυσιν τῶν τοῦ Ἀριστοτέλους συλλογισμῶν.

слова, то и въ этомъ случаѣ не было бы излишне пользованіе силлогизмами, какъ общепринятымъ средствомъ къ нахожденію истины, даваемымъ посредствомъ откровенія слова и къ тому же открывающимъ легкій техническій пріемъ къ устраненію тяжелыхъ заботъ и доставляющимъ пріятное занятіе благочестивому уму. Но такъ какъ и до насъ дошла клятва іудейская и ослѣпились очи наши и не видать и такъ какъ Господь не даетъ слова благовѣствующимъ силою многою, то какое основаніе имѣемъ мы выпускать изъ рукъ единственное оставшееся у насъ средство къ нахожденію истины? Итакъ, я хвалю это искусство и считаю его болѣе всего необходимымъ въ наше время, какъ единственную помощь и свѣтъ для насъ, покинутыхъ Богомъ.

Таковыя нелѣпости видя въ его сочиненіи, мы приказали снова позвать его и сказали ему: мы прочитали нѣкоторыя части сочиненія и нашли ихъ полными всякаго печестія. Когда затѣмъ предложили ему подписать соборное опредѣленіе противъ Варлаама, онъ отказался, сказавъ: я не могу опровергать то, что написалъ самъ; писалъ же я, какъ думалъ. Тогда мы, оставивъ его въ Константинополѣ, посовѣтовали ему читать священныя книги и въ особенности протоколы 6-го вселенскаго собора и догматику I. Дамаскина. Но онъ притворно принявъ нашъ совѣтъ къ исполненію, на самомъ же дѣлѣ высказывался объ этомъ съ другими такъ: „на что мнѣ далъ патріархъ эти книги, какъ будто я не знаю ихъ“!

Такимъ образомъ дѣло Прохора перенесено на соборное рѣшеніе ¹⁾. Приглашенный въ засѣданіе, онъ началъ утверждать, что затѣянное дѣло объясняется завистью лавріотовъ, и вмѣсто того, чтобы просить у собора извиненія и присоединиться къ мнѣнію церкви, требовалъ, чтобы были представлены и прочитаны его сочиненія. Когда желаніе его было исполнено и прочитаны нѣкоторыя части, онъ настойчиво требовалъ разрѣшить указываемыя имъ сомнѣнія, подобно тому, какъ учитель его Варлаамъ съ такимъ же требованіемъ обращался къ судившему его собору. Но мы отвѣтили ему, что, пока онъ будетъ упорствовать въ ложныхъ мнѣніяхъ, никакихъ объясненій ему не будетъ дано, ибо какъ бы стали мы рѣшать его сомнѣнія, когда онъ отрицаетъ авторитетъ святыхъ учителей вѣры? На основаніи всего этого онъ заслуживалъ бы анаѳематствованія, но соборъ, поль-

¹⁾ Ibid., col. 704.

зуюсь обычнымъ церкви челоѣколюбіемъ и ожидая обращенія его, дозволилъ ему продолжать свое оправданіе. Было предложено собору письмо Прохора къ игумену лавры, въ которомъ онъ говоритъ о своихъ надеждахъ оправдаться на соборѣ и о покровительствѣ, будто бы оказываемомъ ему царемъ и патриархомъ. Затѣмъ прочитана апологія и вмѣстѣ обвиненіе противниковъ его; она заключается въ слѣдующемъ: „Соглашаюсь и принимаю, что Богъ дѣйствительно и по истинѣ приобщается людямъ въ Духѣ, поэтому люди становились пророками и сынами божіими и богами, какъ и Богъ дѣйствительно и по истинѣ сдѣлался Человѣкомъ; но предаю анаемѣ тѣхъ, кто говоритъ, что Богъ мыслимъ и воображаемъ, какъ въ загадкѣ только по отношенію и подражанію и вналогіи, наблюдаемой въ созданіяхъ мудрости. Принимаю и соглашаюсь съ тѣми, которые говорятъ, что благодатию Божіей и исполненіемъ заповѣдей очищается сердце челоѣка и такимъ образомъ уготовляется въ немъ обитаніе Бога и, какъ свѣтъ, доступно зрѣнію достойныхъ, свѣтъ же этотъ дарство небесное и божественное осіяніе называется; но анаематствую тѣхъ, кто порицаетъ и издѣвается надъ исповѣдующими такое ученіе, давая имъ прозваніе втусіастовъ и омфалопсиховъ и поклонниковъ ложнаго свѣта. Принимаю за дѣйствительныя и истинныя происшествія бывшія нѣкогда святымъ мужамъ явленія: Исаи, Анвакуму, Павлу; но анаематствую тѣхъ, кто думаетъ, что это были призрачныя видѣнія. Вѣрю и принимаю, что свѣтъ Господня Преображенія на Фаворѣ есть несозданный и вѣчный, что онъ есть безначальное и вѣчное Божество, физическій лучъ, существенная и Божеская энергія, осіяніе и блескъ и красота Божества Бога-Слова; но анаематствую тѣхъ, которые утверждаютъ, что этотъ свѣтъ есть созданный и несозданный, видимый и невидимый, смертный и бессмертный или еще символъ чувственный, слабый призракъ и образъ мысленный. Прохоръ, когда его спросили объ этомъ Божественномъ свѣтѣ, чтобы онъ объяснилъ, какимъ образомъ онъ называетъ одно и то же вещество созданнымъ и несозданнымъ, отвѣтилъ: потому, что и Христосъ есть созданный и не созданный, будучи двоекимъ по природѣ, то-есть, Богомъ и челоѣкомъ: онъ не созданъ какъ Богъ, но какъ челоѣкъ есть твореніе. Такимъ образомъ, и свѣтъ исходящій отъ Христа, существа созданнаго и не созданнаго, долженъ быть созданный и несозданный.—Слѣдуетъ прекрасное мѣсто объ установленіи празднованія памяти Григорія Паламы. До собора 1368

года почитали Паламу только въ нѣкоторыхъ церквахъ, официально онъ еще не былъ канонизованъ¹⁾).

По разсмотрѣніи дѣла, отцы собора высказали слѣдующее мнѣніе. Такъ какъ сочиненія Прохора показываютъ, что онъ зараженъ многими еретическими мнѣніями и что не только является послѣдovателемъ Варлаама и Акиндина, но изобрѣтателемъ новыхъ ересей, то въ случаѣ раскаянія ограничиться анаематствованиемъ его сочиненій, самого же его принять въ общеніе съ церковью, только не какъ іерея, а какъ простаго христіанина; въ случаѣ же нераскаянія, низвергнувъ его изъ священнаго сана, подвергнуть анаемѣ. Прохоръ, спрошенный, имѣетъ ли онъ что сказать на это мнѣніе собора, просилъ отсрочки на одинъ день, чтобы подумать и завтра дать отвѣтъ. Но на слѣдующій день Прохоръ не явился, когда же на третій день послали къ нему патріаршихъ нотаріевъ, онъ не только не согласился прибыть, но упорно держался своего мнѣнія и говорилъ: „пусть дѣлаютъ со мной патріархъ и соборъ, что хотятъ“. Послѣ этого на одномъ изъ засѣданій, посвященномъ разсмотрѣнію другихъ церковныхъ вопросовъ, поставлено было и дѣло Прохора. При этомъ по прочтеніи мѣстъ, касающихся предстоятелей церкви, которыхъ Прохоръ называетъ торгашами и поварами,—соборъ проинтерпретировалъ противъ него отлученіе снова, какъ и въ первый разъ, и хотѣлъ анаематствовать его торжественно съ амвона. Но на этотъ разъ удержался, въ ожиданіи его раскаянія. Но когда всѣ принятые мѣры оказались тщетны, мы вмѣстѣ съ соборомъ низвергли названнаго Прохора изъ священнаго сана и предали анаемѣ. А то соборное опредѣленіе, которое онъ хотѣлъ опровергнуть, мы принимаемъ какъ столпъ православія и какъ канонъ непоколебимый здравыхъ догматовъ вѣры и видимъ въ немъ развитіе и истолкованіе евангельскаго ученія и символа вѣры. Послѣ обычной во всѣхъ разсмотрѣнныхъ соборныхъ опредѣленіяхъ похвалы инокамъ Свѣтой горы, слѣдуетъ еще нѣсколько словъ о Прохорѣ: „А упомянутаго Прохора, дерзнушаго утверждать, что плоть принятая Богомъ-Словомъ не могла никонимъ образомъ быть безъ грѣха, и что не была совершенна въ вочеловѣченіи, а лишь способна къ усовершенствованію²⁾, мы снѣ-

¹⁾ Ibid., col. 710—711.

²⁾ Ibid., col. 715: μη ὁπωσούν εἶναι χωρὶς ἁμαρτίας τὴν σάρκα ἣν ὁ Θεὸς Ἀβρᾶμ ἀνέλαβετο, μηδὲ τελείαν ἐξ αὐτῆς τῆς προλήψεως ἀλλὰ τελειωτήν. Место напоминаетъ ученіе школы I. Итали.

твѣмъ отверженнымъ отъ всей церкви, какъ виновника новыхъ и странныхъ ересей, какихъ не дерзалъ вводить ни одинъ изъ еретиковъ послѣ тѣлеснаго воплощенія Христа.

Въ дѣяніяхъ собора 1368 года обращаетъ на себя вниманіе одно мѣсто, гдѣ упоминается о главахъ противъ Варлаама и Акиндина, внесенныхъ въ священный Синодикъ и сообщенныхъ на Аѳонскую гору. Нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ объ извѣстныхъ 14 главахъ Синодика, излагающихъ въ положительной и отрицательной формѣ какъ принятое, такъ и осужденное церковью ученіе о сущности и энергіяхъ Божества. Въ разсмотрѣнныхъ доселѣ соборныхъ дѣяніяхъ мы не встрѣчали той редакціи отлученія Варлаама и Акиндина, какая читается въ Синодикѣ, и это тѣмъ любопытнѣе, что соборы 1347 и 1351 годовъ главнѣйше были созваны для окончательнаго установленія церковнаго ученія и, слѣдовательно, имѣли настоятельную потребность формулировать то мнѣніе, котораго держалась церковь. Если на соборѣ 1351 года „главы“ противъ Варлаама и Акиндина не были еще отредактированы въ окончательной формѣ, а на соборѣ 1368 г. уже дѣлается ссылка на эти главы, то слѣдуетъ заключить, что въ промежутокъ между этими соборами церковь еще разъ разбирала этотъ вопросъ и пришла къ окончательной постановкѣ формулы анаематствованія.

Случайно познакомившись съ корректурными листами III тома „Исторіи Аѳона“, издаваемого Императорскою Академіей Наукъ по рукописямъ преосвященнаго Порфирія, мы нашли дѣйствительно существенный пропускъ въ изданныхъ матеріалахъ. Оказывается, что въ іюлѣ 1352 года созванъ былъ новый соборъ для рѣшенія того же вопроса, и на этомъ-то соборѣ выработаны тѣ главы, которыя внесены въ Синодикъ ¹⁾. Такъ какъ текста соборнаго опредѣленія пока мы не имѣли подъ руками, то не можемъ сказать, почему потребовалось созвать этотъ новый соборъ, и чѣмъ онъ занимался. Но здѣсь будетъ уместно замѣтить, что редакція главъ противъ Варлаама и Акиндина, по всей вѣроятности, принадлежала Филовею, вскорѣ затѣмъ занявшему патріаршій престолъ. Уже и ранѣе мы имѣли случай указать, что многія мѣста похвалы его въ честь Паламѣ напоминаютъ выраженія Синодика. Теперь это подтверждается рукописными матеріалами. Существуютъ также анаематствованія на Варлаама и Акин-

¹⁾ Корректурные листы, стр. 260—261.

дня въ видѣ отдѣльныхъ пьесъ съ именемъ патріарха Филоея ¹⁾. Здѣсь все вѣроученіе еретиковъ разсматривается въ 14 отдѣльныхъ положеніяхъ, которыя легко, впрочемъ, могли быть сокращены на сборѣ въ шесть главъ ²⁾. Вообще дѣятельность Филоея, сначала аеонскаго моваха, потомъ митрополита Иракліи, наконецъ, патріарха константинопольскаго, этого ревностнаго защитника ученія Паламы, который не задумался признать его святымъ, когда еще не успокоилось волненіе умовъ и церковный раздоръ былъ въ разгарѣ, заслуживала бы спеціальнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, многія его сочиненія остаются въ рукописяхъ, такъ что его значеніе въ политической и церковной жизни эпохи представляется весьма блѣднымъ. Едва ли не лучше другихъ дѣятелей этого смутнаго времени онъ понималъ и выразилъ ту мысль, что вся борьба XIV вѣка имѣетъ философскую основу и коренится въ мировоззрѣніяхъ партій. Широкое распространеніе такъ называемыхъ варлаамовскихъ взглядовъ побудило церковную власть требовать съ посвящаемыхъ въ епископы лицъ особой присяги, въ которой бы они заявляли о согласіи съ господствующимъ ученіемъ по предмету спора Паламы и Варлаама. Составленная Филоеемъ присяга представляетъ собою очень интересный документъ съ точки зрѣнія умственныхъ движеній времени ³⁾. „Отрицаюсь и отвергаю, говоритъ онъ, вышн. вселенской Христовой церковью отверженныхъ и апавемѣ преданныхъ Варлаама и Акиндина и спослѣшниковъ и единомышленниковъ ихъ, которые то утверждаютъ безразличіе въ Богѣ природы и энергіи, то учатъ, что естественная сія св. Троицы возможность и энергія и благодать, присущія Божеству естественно и нераздѣльно, сотворены и имѣютъ происхожденіе во времени ⁴⁾. Посему и свѣтъ отъ лица Господня, возсіявшій апостоламъ на горѣ, эту естественную славу и блескъ Божества, держатъ называть призракомъ и подрываютъ такимъ образомъ всецѣло Божественную приобщаемость, уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ великую тайну возрожденія нашего крещенія и благодать св. Духа, чудесно

¹⁾ Мюнхень, cod. graecus 505, f. 2 v. 1. 6. *Ἐπιτομὴ τῆς ἀποφαστικῆς καὶ ἀποφαστικῆς πατριάρχου Φιλοθέου τῆς ἱερατικῆς τῆς ἁγιωτάτης Ἀγιολογίας καὶ Βασιλικῆς.*

²⁾ Что будетъ наглядно показано при изданіи текста Синодика.

³⁾ Мюнхень, cod. graecus 508, fol. 123. *Ὁμολογία τῆς ἀποφαστικῆς πύλας ἐκτεταταί πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Ἰρακλίου Φιλοθέου.*

⁴⁾ Fol. 137. Сущность вопроса сводится къ ученію объ универсальности. По взгляду противниковъ, различіе сущности и энергіи божества заключается въ различіи божіихъ тождествъ. См. ученіе П. Игала и его школы.

сообщаемую святымъ, кратко сказать, все таинство Христова домо-
строительства, уничтожая въ корнѣ ученіе о царствѣ небесномъ и
жизни вѣчной. Ожидаю воскресенія мертвыхъ, суда и воздаянія за
содѣянное въ сей жизни, вѣрую въ царство небесное для праведныхъ
и въ наказаніе грѣшныхъ. Вѣрую, что сей видимый міръ созданъ изъ
ничего Богомъ и будетъ имѣть конецъ, что человѣческія души, со-
зданныя также изъ ничего, безсмертны и что по всеобщемъ воскре-
сеніи соединятся каждая со своимъ тѣломъ. Принимаю поклоненіе
святымъ иконамъ ¹⁾. Поклоняюсь и цѣлую икону Христа, сына Божія,
описуемаго по человѣчеству, не описуемаго по Божественной природѣ,
описуемаго же на иконѣ по человѣчеству, возводя умъ чрезъ икону
къ прототипу и воздавая ему приличествующее поклоненіе и служе-
ніе, иконѣ же отдавая не служебное (τὴν δουλικήν), а относительное
(τὴν κατὰ οὐχέειν) поклоненіе ²⁾.

Въ этомъ исповѣданіи вѣры Филоеѣ кратко обозначаетъ всѣ
пункты вѣроученія, занимавшіе церковь во время иконоборческой
эпохи, въ періодъ дѣятельности I. Итала и его школы и, наконецъ, въ
его собственное время. Можно догадываться, что эти вопросы ни-
когда не умирали въ жизни византійскаго общества, какъ вопросы,
тѣсно связанные съ философскимъ движеніемъ. Въ терминахъ, употре-
бленныхъ Филоеемъ какъ для выраженія церковнаго ученія о покло-
неніи св. иконамъ, такъ ученія о твореніи міра и о душѣ, мы усма-
триваемъ почти дословное сходство съ тѣми литературными памят-
никами, въ которыхъ этимъ ученіямъ дана была окончательная фор-
мула въ IX и XI вѣкахъ.

Кромѣ Варлаама и Акиндина, Синодикъ подвергаетъ въ отдѣль-
ной статьѣ отлученію монаха Исаака Аргира. „Исааку, нарицающе-
муся Аргиру, чрезъ все житіе болѣзновавшему болѣзнію Варлаамовою
и Акиндиновою... злѣ душу свою во исповѣданіи ереси извергшему,
анаѐма“. Къ сожалѣнію, матеріалы по исторіи полемики между Па-
ламою и Варлаамомъ не позволяютъ сдѣлать никакихъ заключеній о
жизни и направленіи Исаака Аргира. Имени его не находимъ и въ
соборныхъ дѣяніяхъ, и въ обличительныхъ сочиненіяхъ сторонниковъ

¹⁾ δέχομαι γυνάσις τὴν τῶν σεπτῶν εἰκόνων προσκύνησιν, τὸν ὡς ἄνθρωπον περι-
γραπτόν Χριστόν τὸν υἱὸν τοῦ Θεοῦ τὸν κατὰ τὴν θεῖαν φύσιν ἀπερίγραπτόν τε καὶ ἀνερ-
μήνευτον ἐν εἰκόνι περίγραπτον κατὰ τὸ ἀνθρώπινον...

²⁾ ἀσπαζόμενος τε καὶ προσκύνησιν ἀπονέμων αὐτῇ οὐχ ὡς Θεῷ τὴν δουλικήν, ἀλλὰ
τὴν κατὰ οὐχέειν, τὴν κατὰ διάθεσιν ἀγαπητικὴν... καὶ γυναισίτῃτα...

Паламы. Но довольно обильный материал¹⁾, находящийся въ рукописяхъ, подтверждаетъ, что Исаакъ не оставался чуждъ тѣхъ вопросовъ, которые волновали мыслящихъ людей въ XIV вѣкѣ. Именно, извѣстно опроверженіе царя Кантакузина²⁾, направленное противъ ученія Исаака „о семи духахъ, то-есть, о божественныхъ энергіяхъ св. Духа“. Такъ какъ вопросъ объ энергіяхъ былъ жгучимъ вопросомъ полемики, то не можетъ быть сомнѣнія, что Исаакъ Аргиръ сталъ въ немъ на сторону Акиндина противъ Паламы. Можно также предполагать, что осужденіе его послѣдовало послѣ собора 1368 года. Исаакъ обладалъ широкимъ научнымъ образованіемъ, писалъ по разнымъ специальнымъ вопросамъ: по астрономіи, геодезій, геометріи, по риторикѣ и философій. Изъ приписки въ одномъ изъ его сочиненій видно, что въ 1372 году онъ былъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ, и что въ молодости проживалъ во еравійскомъ городѣ Эносѣ.

Но характеръ и направленіе дѣятельности Аргира трудно возстановить при скудости сохранившихся данныхъ. Мы имѣли случай ознакомиться съ однимъ изъ его философскихъ трактатовъ: „о силахъ души“, изъ котораго можно до нѣкоторой степени судить о томъ, какое принадлежитъ ему мѣсто между мыслителями XIV вѣка³⁾. Погрѣшность Исаака Аргира главнѣйше состояла въ томъ, что онъ придерживался Платоновскаго взгляда на душу. Слѣдовательно, мы можемъ съ полной смѣлостью утверждать, что въ Синодикѣ послѣдовательно проходитъ одна и та же черта: борьба аристотелизма и платонизма. Церковь усвоила себѣ аристотелевское направленіе и съ конца XI до конца XIV вѣка поражала анаемой тѣхъ, кто осмѣливался стоять за Платона.

---

1) Объ немъ можно судить по указаніямъ *Фабриція-Гарлеса*, *Bibliotheca Graeca*, XI. p., 126.

2) Вѣна, *cod. theolog.* 210, f. 388. Ἐπιτομὴ τῶν κεφαλαίων τῶν πρὸς τὸν μοναχὸν Ἰσαὰκ τὸν Ἀργυρῶν. Περὶ τῶν ἑπτὰ πνευματικῶν ἢ τοῦ τῶν θεῶν ἐνεργειῶν τοῦ παναγίου πνεύματος ἅπερ οἱ ἀντιλέγοντες τῇ ἐκκλησίᾳ κτισμάτα φασιν εἶναι.

3) Мюнхенъ, *cod.* 27, f. 269. Περὶ τῶν τῆς ψυχῆς δυνάμεων Ἰσαὰκ μοναχοῦ τοῦ Ἀργυροῦ. Ἦνυχο δαὶ δὲ καὶ τοῦτο γινώσκειν ὅτι τῶν ψυχικῶν δυνάμεων αἱ μὲν εἰσὶ φυσικαί..

V.

Пропаганда противцерковныхъ идей и ученій. Происхождение ереси стригольниковъ.

Византійскія церковныя партіи въ XIV вѣкѣ. — Характеристика паламитовъ въ полемическихъ сочиненіяхъ той эпохи. — отождествленіе паламитовъ съ богомилами. — Пропаганда антицерковныхъ ученій въ Македоніи и Болгаріи. — Житіе Θεодосія Терновскаго. — Палама и царь сербовъ Стефанъ Душанъ. — Пропаганда антицерковныхъ ученій въ Россіи. — Значеніе термина „стригольничъ“. — Взгляды на происхождение ереси стригольниковъ. — Обличенія ереси. — Догматическія, метафизическія и обрядовыя черты въ ученіи стригольниковъ объясняются изъ системы вѣроученія богомиловъ.

Отринутыя церковью ученія представляютъ собою благодарный матеріалъ для провѣрки и обоснованія весьма важной въ культурно-историческомъ отношеніи проблемы о степени и области вліянія Византіи на южныхъ и сѣверо-восточныхъ славянъ. Въ общемъ, конечно, никто не будетъ отрицать этихъ вліяній въ сферѣ богословско-церковной и литературной, но въ частности, по отношенію къ отдѣльнымъ ученіямъ и идеямъ, остается много неяснаго и гадательнаго въ разсужденіи способовъ и путей передачи плодовъ византійской духовной производительности. Въ особенности это имѣетъ значеніе относительно тѣхъ ученій и идей, которыя для своего распространенія по отдаленнымъ окраинамъ нуждались въ посредничествѣ, то-есть, разносились не самими греками, а непосредственными учениками ихъ изъ южныхъ славянъ. Весьма вѣроятно, что при посредствѣ этихъ послѣднихъ византійскія идеи доходили и до Россіи. Мы предполагаемъ здѣсь прослѣдить пропаганду византійскихъ антицерковныхъ движеній XIV вѣка и намѣтить слѣды ихъ на сѣверѣ Россіи въ ереси стригольниковъ.

Начиная съ конца тридцатыхъ годовъ XIV столѣтія, въ Византійской имперіи происходило весьма живое философское и богословское движеніе, взволновавшее всѣ классы общества и породившее расколъ въ церкви. Мало по малу образовались три партіи, которыя оспари-

вали одна у другой главенство въ церкви; попережънное господство и паденіе этихъ партій необходимо сопровождалось смутой и потрясеніями, слѣдствіи которыхъ давали себя знать до самаго конца XIV вѣка. Чтобы не повторять здѣсь подробностей, изложенныхъ въ предыдущей главѣ, ограничимся самымъ существеннымъ. Возгорѣвшійся между Варлаамомъ и Григоріемъ Паламоу споръ о существѣ Божіемъ и объ энергіяхъ раздѣлилъ церковь на два лагеря: варлаамитовъ и паламитовъ. Прежде чѣмъ партіи варлаамитовъ и паламитовъ окончательно организовались и формулировали свои церковныя богословскія воззрѣнія, выдѣлилась средняя умѣренная партія, которая съ одной стороны не одобряла увлеченій Паламы, съ другой же, хотя и отвергала принципы Варлаама, но считала возможнымъ войти въ соглашеніе съ однимъ изъ представителей партіи варлаамитовъ Акинданомъ. Эта средняя умѣренная партія господствовала въ періодъ съ 1340 по 1347 годъ и группировалась около патріарха Іоанна Калита.

Важнѣйшій интересъ для насъ сосредоточивается въ партіи Григорія Паламы. Этой партіи суждено было въ концѣ концовъ возобладать надъ двумя другими; съ 1347 года она уже не была партіей, но главенствовала въ церкви; члены ея заняли высшія церковныя каведры, расположеніемъ ея дорожила свѣтская власть. Чтобы понять значеніе этой партіи, достаточно указать на то обстоятельство, что рука объ руку съ побѣдой паламитовъ надъ соперниками идетъ постепенное подчиненіе I. Кантакузину Балканскаго полуострова и окончательное рѣшеніе въ его пользу пятилѣтней борьбы его съ правительствомъ I. Палеолога¹⁾. Важная историческая роль, выходящая на долю Паламы, вытекаетъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Григорій Палама былъ не только представителемъ національной греческой тенденціи въ борьбѣ съ западничествомъ, но, что еще важнѣе, онъ стоялъ во главѣ монашескаго движенія, опирался на Асоу и зависямые отъ него монастыри на Балканскомъ полуостровѣ; кроме того, имя его пользовалось громаднымъ авторитетомъ среди могущественной и весьма распространенной секты богомилловъ. Все это давало Паламѣ такое преимущество передъ его противниками, что I. Кантакузинъ не могъ пренебречь паламитами въ своихъ стремленіяхъ къ верховной власти.

Но для насъ прежде всего предстоитъ выяснить значеніе оснѣ-

¹⁾ Изложеніе византійской политической смуты въ сочиненіи Т. Д. Флоринскаго, Южные славяне и Византія, выпускъ I, стр. 58 и сл., и кн. II, стр. 66 и сл., будучи дополнено фактами изъ исторіи церковной борьбы, получило болѣе широкій историческій смыслъ.

ченыхъ церковныхъ партій въ самой Византіи, такъ какъ несомнѣнно, что нестроениями въ вѣдрахъ господствующей церкви могли съ успѣхомъ пользоваться разныя противоцерковныя партіи и ученія. Благодаря обширной полемической литературѣ того времени и соборнымъ дѣяніямъ, мы имѣемъ въ распоряженіи достаточный матеріалъ, чтобы охарактеризовать главнѣйшія церковныя и литературныя направленія. Занимающій насъ періодъ не уступаетъ самымъ напряженнымъ и критическимъ эпохамъ церковной исторіи, онъ можетъ быть сравниваемъ, на примѣръ, съ IX вѣкомъ, когда было двѣ церкви: господствующая и гонимая, покровительствуемая свѣтской властью и только терпимая. Какъ въ IX вѣкѣ, во время борьбы Игнатія и Фотія, такъ и въ изучаемый періодъ достигшая преобладанія партія закрѣпляла свое положеніе соборными опредѣленіями, подвергавшими анаемѣ враждебную партію, при чемъ эта послѣдняя съ своей стороны бросала анаему противъ господствующей партіи. Какъ тогда, такъ и теперь, одна партія отрицала за другой право на церковный авторитетъ и подвергала сомнѣнію благодатный характеръ рукоположеній и священнодѣйствій.

Не будемъ слишкомъ настаивать на томъ обвиненіи, которое выставлено было противъ Паламы его главнымъ соперникомъ Варлаамомъ и поддержано Н. Григоріемъ,—обвиненіи въ приверженности къ *массалианской ереси*, въ которой въ XIV вѣкѣ всѣ единогласно усматривали опасное *богомилское ученіе*. Охотно допускаемъ, что здѣсь была значительная доля преувеличенія, легко объяснимая горячностью и страстностью полемики. Поищемъ чертъ для характеристики партіи Паламы изъ сочиненій, появившихся изъ другого лагеря. Выше указана была средняя умѣренная партія I. Калекі. Сохранилось соборное дѣяніе ¹⁾, составленное нѣсколькими епископами этой партіи, въ которомъ такъ характеризуются паламиты: „На соборѣ (1341 года) отклонено было сужденіе объ ученіи паламитовъ, и они сначала стѣснялись открыто обнаруживать свои богохульства, но потомъ... рѣшились явно выступить самозванными учителями въ столицѣ и стали сѣять новыя заблужденія, вопреки прямому распоряженію церкви, коимъ запрещалось имъ проповѣдывать или учить о вѣрѣ подъ страхомъ отлученія ²⁾. Простираясь далѣе въ своей

¹⁾ *Migne*, 150, col. 879.

²⁾ Πρώτος μὲν κρυφῶς, εὐτα καὶ φανερώς ἀγὰν διδάσκοντες καὶ ὑποκρίνοντες τῆς πόλεως διδασκάλους, καὶ τὰς μὲν πλάνας, οἷα τινὰ πονηρὰ ἐπιτήδεον τολμηρῶν ἀνθρώπων φουὰς ἐπιλείποντες, καὶ τὰὐτὰ παρὰ τῆς ἐκκλησίας καταφρονησέντες, μὴτε τοῦ ἁγίου πνεύματος ἀποστρέφοντες, μὴτε διδάσκοντες ἢ γινώσκοντες καὶ ἀκούοντες ὅτις ἐπὶ ἀραῖς καὶ ἀφορισμοῖς.

злюбъ, она наложили руку на брачны узмы и дерзко разлучали молодыхъ женщинъ отъ ихъ мужей и дѣтей посредствомъ своихъ стрижныхъ и днѣхъ внушеній; къ этому присоединили еще безсмысленное и необдуманное стрижение малыхъ дѣтей. И все это они позволяли себѣ, усвоивъ власть пастырей и право дѣлать, что имъ заблагорассудится ¹⁾.

Приведенное мѣсто выставляетъ противъ приверженцевъ Паламы слѣдующія обвиненія: 1) они, не подчиняясь власти патріарха и собора, допустили себѣ въ Константинополѣ совершать требы и полагаться правомъ учительства для совращенія въ свое ученіе; 2) ихъ ученіе заключалось въ новыхъ заблужденіяхъ: въ отрицаніи брака и въ стриженіи, чинимомъ надъ малыми дѣтьми. Ниже мы постараемся выяснять смыслъ этихъ обвиненій, падающихъ на партію паламитовъ, теперь же остановимъ вниманіе на одной сторонѣ, рассуждающей паламитовъ какъ отщепенцевъ отъ церкви, не признающихъ учительства и священства. Патріархъ I. Калека, въ посланіи монахамъ Аѳонской горы ²⁾, съ особенной силой выясняетъ характеръ сего званства и узурпаціи, усвоенный паламитами: вопреки прямымъ запрещеніямъ каноновъ они присвоили себѣ право учительства, отвергнувъ чинъ іерархическій, такъ что овца стала на мѣсто пастыря, простой воинъ стремится занять положеніе стратига ³⁾. Эти черты допитаются обвиненіями паламитовъ въ томъ, что они продолжали священнодѣйствовать послѣ отлученія ихъ отъ церкви и ливо восставали противъ авторитета церковнаго суда ⁴⁾.

Для характеристики взглядовъ на партію Паламы имѣемъ еще любопытный документъ: это письмо митрополита Сиды къ своему хартофилаку ⁵⁾, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: Да будетъ тебѣ извѣстно, что изъ Константинополя посланы письма

¹⁾ Ἐυχεύομαι καὶ γὰρ αἰς ἀνθρώπων νέας γυναῖκας ἀνδρῶν τε καὶ παῖδων ἁδελφίστατοντας ταῖς ζήναις αὐτῶν καὶ ἀλλοκότοις διδασκαλίαις προστιθέσαι τῷ τολμήματι τῶν ἁλόγους καὶ ἀπειρηκίτους νέων παίδων, τοῦ πρώτου θεηλαθῆ γένους τῶν κατ' ἑμῶν. Ἄρθαι δὲ καὶ ταῦτα ὁρατοὶ κατὰ ποιμένας πρωτοκότους τῆς πόλεως, καὶ ἐξόν αὐτοῖς τὸ βούλευτο κατ' ἐξουσίαν ποιῆν.

²⁾ Miklosich, Acta, I, 238.

³⁾ Рядомъ съ этимъ патріархъ приписываетъ паламитамъ употребленія Исусовой молитвы по богомильской редакціи (ibid., p. 240).

⁴⁾ Migne, 150, col. 880.

⁵⁾ Miklosich et Müller, Acta Patriarchatus Constantinopolitani, I, p. 292. Митрополія Сиды находилась въ Памфиліи, см. Le Quien, Oriens christiana, I, p. 996.

къ тремъ патриархамъ антиохійскому, александрійскому, іерусалимскому и суда на Кипръ о безбожныхъ и многобожныхъ паламитахъ. Прочитавъ ихъ, мы сочли полезнымъ переписать нѣкоторыя изъ нихъ и отправить къ вамъ, дабы кто нибудь изъ придерживающихся этой ереси не пришелъ и къ вамъ и не совратилъ съ пути истины. Итакъ, еслибы кто пришелъ къ вамъ, монахъ, или священникъ, или епископъ, бѣгите отъ нихъ и изгоняйте ихъ изъ своихъ предѣловъ. Указавъ существенные пункты богословскаго ученія Паламы, обличитель характеризуетъ его какъ манихейское, массалианское и иконоборческое ¹⁾.

Нельзя думать, чтобы напряженная и ожесточенная борьба византійскихъ партій въ XIV вѣкѣ имѣла свои главные основанія въ оталеченномъ принципѣ, каковымъ представляется толкованіе свѣта Господня Преображенія на Фаворѣ. Вопросъ о фаворскомъ свѣтѣ, какъ можно заключать изъ приведенныхъ обвиненій противъ паламитовъ, былъ только виѣшнею формулой, сущность же заключалась въ дѣйствительной или мнимой связи паламитовъ съ богоидами. Такимъ образомъ, упрекъ, брошенный противъ Паламы со стороны Варлаама, Н. Григоры, патриарха І. Калекы, митрополита Сиды Кирилла и собора епископовъ, очевидно, имѣлъ за собою нѣкоторыя основанія. Мы не беремся утверждать, что враждебная Паламѣ партія была безпристрастна въ оцѣнкѣ направленія его. Весьма можетъ быть, что самъ Палама не повиненъ въ увлеченіяхъ тѣхъ лицъ, которыя прикрывались его именемъ и авторитетомъ. При изученіи этой смутной эпохи никакъ нельзя терять изъ виду того любопытнаго явленія, что главная сила партіи паламитовъ черпала на почвѣ, зараженной богомильствомъ. Впослѣдствіи, будучи уже въ милости при дворѣ и занимая содунскую митрополицію каѳедру, Палама на соборѣ 1351 года далъ такое объясненіе по поводу взведенныхъ на него обвиненій въ ереси ²⁾. „Не въ словахъ, а въ дѣлахъ я полагаю истину и благочестіе, я веду борьбу изъ-за догматовъ и дѣлъ; пусть согласятся со мной въ существѣ, о выраженіяхъ я не буду спорить. Въ спорахъ нельзя гоняться за точностью выраженій, таковая требуется въ исповѣданіи вѣры. Посему въ составленныхъ мной обличительныхъ словахъ я вложилъ и мое исповѣданіе вѣры, дабы всякому можно было провѣрить главное основаніе спора“. Признаемся, такое заявленіе еще

¹⁾ Miklosich, p. 401: ὁ τῶν Μανιχαίων καὶ Μασσαλιανῶν ἑστὶ καὶ ἰκονομαχῶν.

²⁾ Migne, 151, col. 725.

свое имя! Онъ уже и прежде былъ подвергнутъ изверженію за святотатство, когда въ обители Перивлента этотъ воръ ободралъ ризы со святыхъ иконъ и воспользовался сосудами изъ-подъ елея, чтобы подобно Іудѣ приобрести сребренники. Онъ, несчастный, не устыдился въ святую пятницу на страстной недѣлѣ принимать ванны для врачеванія своего тѣла и пользоваться пищей и питьемъ вопреки канонамъ и въ соблазнъ бывшихъ тому свидѣтелями монаховъ“.

Не будемъ приводить дальнѣйшихъ образцовъ этой рѣзкой полемики, въ которой обѣ партіи одинаково повинны въ чрезмѣрной страстности. Эта полемика скорѣй похожа на памфлетъ и, строго говоря, не можетъ служить хорошимъ матеріаломъ для характеристики партій. Но мы должны вспомнить, что борьбою партій живо интересовалось тогдашнее общество, что обличительныя сочиненія быстро распространялись по всѣмъ областямъ имперіи и что читающая публика усвоила себѣ взгляды обличительной литературы. Партіи, попеременно достигавшія власти, слишкомъ безцеремонно обращались съ тѣми, кому было недоступно знаніе истинныхъ причинъ, возбудившихъ и поддерживавшихъ смуту. Для большинства было ясно одно, что патріархъ неправильно поставленъ, что соборы погрѣшаютъ, въ результатѣ получалось общее осужденіе существующаго церковнаго строя.

Полемическая литература, обвинявшая цѣлую партію въ неправоуславіи, въ неправильныхъ посвященіяхъ, въ захватѣ церковной власти насиліемъ и тиранніей, въ сребролюбіи и святотатствѣ, несомнѣнно должна была дать сильный толчокъ существовавшимъ въ Византіи антицерковнымъ ученіямъ. Между этими ученіями первое мѣсто занимала весьма распространенная между греками и славянами Балканскаго полуострова ересь богомиловъ. Пользуясь протестомъ паламитовъ и борьбой церковныхъ партій, въ которой подрывался авторитетъ церковной іерархіи, богомилы, прикрываясь популярнымъ именемъ Григорія Паламы, успѣли дать новое движеніе дѣлу пропаганды и привлекли на свою сторону громадныя массы приверженцевъ.

Для исторіи пропаганды антицерковныхъ ученій въ XIV вѣкѣ сохранились довольно важныя указанія въ греческихъ и славянскихъ памятникахъ. При изученіи относящихся сюда фактовъ мы не могли не остановиться вниманіемъ передъ слѣдующимъ довольно любопытнымъ явленіемъ. Такъ называемая Варлаамова ересь коснулась только верхнихъ слоевъ, то-есть, болѣе образованныхъ классовъ общества,

пониманію которыхъ рационализмъ калабрійскаго монаха могъ быть доступенъ. Что же касается массы необразованныхъ людей и монаховъ, являющихся дѣятельнымъ органомъ пропаганды еретическихъ мнѣній, то здѣсь о философскихъ и богословскихъ элементахъ ученія Варлаама не могло быть и рѣчи. Послѣ 1347 года варлаамитамъ часто называли тѣхъ, кого прежде обозначали именемъ паламитовъ, или, правильнѣе говоря, кто воспользовался этимъ именемъ ради популярности его.

Уже давно было замѣчено, что аѳонскіе энтузіасты, захиты или омфалопсихи, взятые подъ защиту Паламы и подавшіе поводъ къ спору между нимъ и Варлаамомъ, имѣли связь съ богомилами ¹⁾, откуда объясняется оглавленіе обличительнаго сочиненія Варлаама: „противъ массаліанъ“. Вѣтъ ничего удивительнаго, что враждебная Григорію Паламѣ партія окрестила именемъ массаліанства или богомильства ²⁾ его направленіе, такъ какъ уже вскорѣ послѣ собора 1341 года оказались такіе приверженцы Паламы, которые проповѣдывали расторгненіе брака и вводили стригеніе дѣтей; съ другой же стороны, на Македоніи, на Аѳонѣ, въ Болгаріи и Сербіи стали появляться проповѣдники новыхъ ученій, увлекавшіе массами простой народъ. Житіе Θεодосія Терновскаго, представляя прекрасный матеріалъ для исторіи богомильскаго движенія въ XIV вѣкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ тѣсную связь и постоянный обмѣнъ мыслей и направленій между Аѳономъ, солунскими и болгарскими монастырями. Даже лучшіе подвижники рѣдко живутъ по-долгу на одномъ мѣстѣ, большинство же переходитъ изъ монастыря въ монастырь, и всего чаще тѣ, которые были заподозрѣны въ еретическомъ образѣ мыслей. Таковъ монахъ Θεодоритъ, пришедшій изъ Константинополя въ Терновъ, таковы Лазарь и Кириллъ. Инокіяиа вѣкал, говорится въ житіи, именемъ Ирина, живя въ Солуни, заражена была массаліанскою ересью и со- вращала многихъ въ это ученіе. Обращенные ею въ свой толкъ иноки ушли на Аѳонскую гору и „на лики раздѣльшеса по всю святую гору, и зѣло оскорбляху иже тамо сущіи монастыри“. Когда старца святой горы предали ихъ отлученію, двое изъ нихъ отправились въ Болгарію и явились въ Терновъ. Живнеописатель передаетъ далѣе весьма

¹⁾ Это выяснено, между прочимъ, въ изслѣдованіи *Левинскаго*, Богомильство— болгарская ересь (*Христіанское Чтеніе*, 1870, № 1, стр. 99).

²⁾ Тождественность терминовъ доказывается Службою Святыхъ Седьмочисленникамъ (*Русская Бесѣда*, 1859, II, стр. 131) и Житіемъ Θεодосія Терновскаго *Чтеніи въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей*, 1860, кн. 1).

любопытныя свѣдѣнія объ этихъ еретикахъ. Лазарь былъ скопецъ и открыто обнаруживалъ свое физическое уродство ¹⁾). Кириллъ, по прозванію Босота, распространялъ противоцерковное ученіе: хулилъ святыхъ иконы и святыхъ угодниковъ, попиралъ животворящій крестъ. Кромѣ того, „сонная мечтанія боговидѣнія быти учаше, женамъ же и мужемъ законнаго брака отступати, и иная таковая многа, скверна же и хульна“. Сотрудникомъ Кирилла является скверный полкъ Стефанъ и монахъ Θεодосій; послѣдній, „обходя горы же и холмы“, проповѣдывалъ безбрачіе, разлучалъ женъ и мужей и всѣхъ возстановлялъ противъ церковныхъ уставовъ.

Если мы дадимъ себѣ отчетъ въ главныхъ пунктахъ ученія этихъ проповѣдниковъ массалианской ереси, разносившихъ ее изъ Солуни на Аѳонъ и съ Аѳона въ Болгарію, то найдемъ, что обрѣзаніе дѣтородныхъ органовъ, отрицаніе поклоненія святымъ и изображеніямъ ихъ, безбрачіе и противленіе уставамъ церковнымъ—суть болѣе выразительныя внѣшніе признаки ереси. Эти признаки могутъ быть дополнены той частью житія, въ которой излагается преніе Θεодосія съ еретиками на соборѣ. Именно вопросы преподобнаго Θεодосія имѣютъ важный интересъ съ точки зрѣнія догматическихъ и метафизическихъ основъ вѣроученія еретиковъ. Такъ, Θεодосій спрашиваетъ: „что есть новое сіе и внѣ церковнаго чина наше ученіе“? Еретики отвѣчаютъ: „мы проповѣдуемъ не нами изобрѣтенное ученіе и не внѣ церковнаго чина, но основываемся на евангельскомъ и апостольскомъ ученіи“. Слова „внѣ церковнаго чина“ имѣютъ здѣсь главное значеніе, что объясняется послѣдующими мѣстами состязанія. Еретики выставляютъ, что они возлюбили нищету и молитву и хранятъ слово жизни. Θεодосій, сводя споръ къ конкретнымъ фактамъ, перечисляетъ противоцерковныя дѣянія еретиковъ: 1) самовольное принятіе на себя священническаго и діакоискаго сана помимо епископскаго рукоположенія; 2) усвоеніе себѣ права учительства; 3) проповѣдь о безбрачій и обрѣзаніи ²⁾). Но всего любопытнѣй мѣста состязанія, касающіяся метафизическихъ воззрѣній еретиковъ. Сюда относятся признаніе двухъ началъ въ твореніи или дуализмъ манихеевъ

¹⁾ Ходящи нагъ въ весь градъ, на сранихъ же удѣхъ тмиву ношаше, тоу подрывашесе, страневъ и гровевъ позоръ всѣмъ зрящимъ, и дѣтороднымъ удомъ, ихъ же чадородіа ради Богъ человекомъ дарова, самъ казнитель.

²⁾ Кто повелѣи вамъ учити отступати людемъ законнаго брака, ниже ручнаго дѣла двлати и дѣтородныи уди обрѣзовати? Кто насъ научи сонныи мечтанія боговидѣнія творити?

и павликианъ ¹⁾, отверженіе церковнаго строи и таинствъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „который бѣсъ научи васъ пошарати святыя иконы и животворящій крестъ и прочіе священныя сосуды; еще же и святымъ тайнамъ яко просту причащася хлѣбу“...

Приводимыя въ житіи Θεодосія данныя къ характеристикѣ еретиковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что съ Аеопа и изъ Македоніи принесено было въ Болгарію подновленное ученіе богомиловъ, а это въ свою очередь вновь подтверждаетъ ту мысль, что нестроениями византійской церкви всего больше воспользовались богомилы ²⁾. Впрочемъ, и въ сознаниі составителя житія Θεодосія главное зло того времени было именно въ богомильствѣ, что видно изъ предсмертныхъ словъ преподобнаго къ своимъ ученикамъ: „бѣгати яко же лѣпо есть богомильскія, сирѣчь массалианскія ереси, по сихъ же варлаамовой и акавдиновой, и сгорановой, и аеанасіевой ереси“. Не можемъ не рекомендовать особенному вниманію приведенную редакцію обличенія болгарскихъ еретиковъ, потому что она во многомъ напоминаетъ обличенія, составленныя вскорѣ затѣмъ противъ появившихся въ Россіи еретиковъ.

Другой путь распространенія противоцерковныхъ ученій намѣчается изъ Аеопа и Македоніи въ Сербское царство. Здѣсь на помощь богомильству шли политическія притязанія царя Стефана Душана; въ связи съ этими притязаніями проливается яркій свѣтъ на роль Григорія Паламы въ политической жизни южныхъ славянъ.

Лѣтомъ 1345 года Стефанъ Душанъ взятіемъ города Сереса проложилъ себѣ путь къ господству въ Македоніи; съ этихъ поръ замѣтно у него опредѣленное направленіе распространить свою власть по всему Балканскому полуострову и провозгласить себя царемъ Ромэевъ ³⁾. Въ апрѣлѣ 1346 года произошло вѣнчаніе на царство и

¹⁾ „Откуда дерзаете глаголати: два начала суть, едино убо благо, другое же зло... который убо бѣсъ пошепта вамъ естественнымъ страстямъ даяти вѣщаніе; или естество наше рабу быти басомъ“? Что текстъ въ этомъ мѣствѣ неспорченъ, можно видѣть изъ опроверженія преподобнаго Θεодосія: „тѣмъ же небу и земли и всей твари хитрецъ и содѣтель есть Богъ“. Сравни прѣвіе Иларіона Меглянскаго (Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, IX, 145).

²⁾ Позволимъ себѣ сдѣлать догадку, что и такъ называемая жидовскія ересь въ Болгаріи, о которой говоритъ житіе (стр. 7—8), не представляетъ никакихъ чертъ, по которымъ бы можно было видѣть въ ней отличное отъ богомильства ученіе.

³⁾ *Т. Д. Флоринскаго*, Южные славяне и Византія въ XIV в., II, стр. 106 и слѣд.; *Сретенковичъ*, Исторія српскаго народа, II, стр. 483, 487.

принятіе титула царя сербовъ и грековъ. Дополненіемъ къ этому политическому дѣянію была организація сербской церкви въ независимый отъ Византіи патріархатъ. Предпринимая эти политическія и церковныя реформы, Стефанъ Душанъ долженъ былъ искать опоры въ греческомъ духовенствѣ и въ старцахъ Аѳонской горы. Обиліе выданныхъ имъ въ это время жалованныхъ грамотъ показываетъ, какъ онъ щедро вознаграждалъ своихъ приверженцевъ. Въ декабрѣ 1347 года Душанъ лично посѣтилъ Аѳонъ и провелъ здѣсь четыре мѣсяца, всюду расточая знаки вниманія и дѣлая богатыя приношенія въ монастыри. Несомнѣнно, что сербскимъ царемъ руководила въ этомъ отношеніи политическая цѣль поколебать на Балканскомъ полуостровѣ авторитетъ греческой власти и утвердить симпатіи къ основанному имъ Сербскому царству и патріаршеству ¹⁾. Популярное на Аѳонѣ и въ Македоніи имя Григорія Паламы имѣло извѣстное значеніе въ планахъ Душана. Въ похвалѣ, принадлежащей Филоею ²⁾, есть любопытное мѣсто, посвященное сношеніямъ Душана съ Паламой. Оказывается, что послѣдній былъ также на святой горѣ въ 1347 году. „Аѳонскіе монахи радостно приняли давно желаннаго и отъ источника рѣчей его ежедневно утоляли жажду, какъ бы отъ нѣкоего божественнаго нектара, и очень желали удержать его у себя, да и самъ онъ не чуждъ былъ этой мысли въ ожиданіи, пока не утихнетъ смута и не устранена будетъ аномалія. Тогда же и сербскій король Стефанъ, пришедши на Аѳонскую гору, — ибо междоусобная ромейская смута дала возможность тому королю завладѣть небольшою частью имперіи, — и увидѣвшись съ великимъ архіереемъ, вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Давно уже наслышавшись объ немъ, теперь при свиданіи онъ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы привлечь къ себѣ этого мужа и побудить его къ переходу въ свою имперію ³⁾. И чего только ни говорилъ, какихъ обѣщаній ни давалъ, чтобы достигнуть своей цѣли! Когда же всѣ его убѣжденія не привели ни къ чему, приступилъ къ нему съ другою настойчивою просьбой, чтобы онъ отправился въ Константинополь въ качествѣ посла его къ царямъ. Но это было только предлогомъ для достиженія другой тайной цѣли, ко-

¹⁾ Срецьковичъ, II, 516.

²⁾ *Migne*, 151, col. 614.

³⁾ *Ibid.*, col. 615: ὁ τῶν Τριβάλων ἄρχων Στέφανος... δεσποτικῶς καὶ τοῦ θεοῦ ἐπιβὰς ὄρους τότε, ἐπεὶ καὶ τῇ μεγάλῃ τῷδε ἀρχιερεὶ συγγεγονῶς εἰς ὀμιλίαν ἦλθε καὶ λόγους, πάσαι ποθῶν ἐκ τῆς φήμης, πρῶτα μὲν εἰθεῖτο καὶ παντοδαπὸς τις ἦν εἰς αὐτὸν ἐφελκυσσάσθαι, καὶ πρό: τὴν ἰδίαν ἀρχὴν μεταθεῖναι τὸν ἄνδρα.

торая заключалась въ томъ, чтобы удалить Паламу изъ новоприобрѣтенной имъ области имперіи, такъ какъ зналъ его за членомъ преданнаго Ромейскому царству и могущаго легко снова вознестись въ тамошнихъ жителяхъ пламя расположенія къ царямъ ¹⁾... Употребляя всѣхъ средствъ привлечь къ себѣ этого великаго мужа, король сербскій къ упомянутымъ доводамъ присовокуплялъ и другіе, что греки постыдно преслѣдуютъ его, не позволяя ему вступить на его кафедрѣ, если же бы онъ согласился на его предложенія, то ему предоставлены будутъ во власть города и церкви и цѣлыя области и онъ обогащенъ будетъ громадными съ нихъ доходами²⁾.

Въ той же похвалѣ Филоея ³⁾ отмѣченъ эпизодъ, относящійся къ 1351 году и еще разъ свидѣтельствующій о сношеніяхъ Паламы съ Душаномъ. Подразумѣваемый эпизодъ подробно излагается въ современныхъ историческихъ трудахъ Кантакузина ⁴⁾ и Н. Григорія ⁵⁾ съ той лишь особенностью, что ни у того, ни у другаго нѣтъ намека на Паламу. Въ началѣ 1351 года подготовлялась междоусобная война между І. Кантакузиномъ и зятемъ его царемъ І. Палеологомъ. Послѣдній находимъ тогда въ Солуни занятымъ организаціей своей партіи. Между Палеологомъ и Душаномъ состоялось тайное соглашеніе, важности котораго можно судить уже по тому, что послѣдній для этого лично прибылъ въ окрестности Солуни. Во первыхъ, дѣло шло о брачномъ союзѣ между домами І. Палеолога и Стефана Душана; во вторыхъ, о политическомъ и военномъ союзѣ противъ Кантакузина. Предполагалось, что Палеологъ разведется съ женой своей Еленой, дочерью Кантакузина, и женится на свояченицѣ Душана, болгарской царевнѣ. Во время этихъ переговоровъ и случился эпизодъ, отмѣченный въ похвалѣ Григорію Паламѣ. Тогда онъ прибылъ на кораблѣ въ Солунскую гавань, но царь І. Палеологъ не нашелъ возможнымъ впустить его въ городъ, такъ что святой принужденъ былъ отплыть обратно на Афонъ ⁶⁾. Составитель похвалы даетъ этому такое

¹⁾ Ibid.: οὐδὲ γὰρ ἐβούλετο νεοπαγῆ καὶ κραδαίνουμένην ἐπὶ τῆς τῶν Ρωμαίων γῆς τὴν ἀρχὴν κεκτημένος, τὸν μέγαν ἐκείνον παρ' ἐκείνη κεκτηθεῖναι, ζῶπον οἶον τῆς βασιλείας ὄντα Ῥωμαίων, καὶ ῥάστα δυναμένον τὴν πρὸς ἐκείνους τῆς σύνοιας τῶν οὐκ αὐτῷ αὐθις ἀνάσαι φλόγα...

²⁾ Migne, 151, col. 623.

³⁾ III, p. 201—209, lib. IV, c. 27.

⁴⁾ p. 148, lib. XLVII, c. 27.

⁵⁾ Migne, 151, col. 623: ὡς γὰρ τῷ τῆς πόλεως προσέσχον λιμένα, κακείνης ἤδους ὡς ἂν αἶποις ἀρελλὸν ἐπιβαίνειν, ὁ βασιλεὺς τὴν εἰσοδὸν ἐκείνοισι ἀπαίρει.

объясненіе, что присутствіе Паламы могло бы стѣснить Палеолога, такъ какъ хотя онъ и велъ со Стефаномъ какіе-то переговоры, но на самомъ дѣлѣ замышлялъ противъ него обманъ и боялся, чтобы его тайныя намѣренія не разоблачились раньше времени ¹⁾. Въ дѣйствительности этотъ домыселъ о притворствѣ и намѣренномъ желаніи обмануть въ данномъ случаѣ Душана ничѣмъ не можетъ быть подтвержденъ. На самомъ дѣлѣ соглашеніе имѣло мѣсто, и планъ возстанія противъ Кантакузина не только серьезно обдумывался въ Солуни, но и возбуждалъ большія опасенія въ Константинополѣ. Если онъ не осуществился, то не вслѣдствіе двойной игры Палеолога, а энергичныхъ мѣръ Кантакузина, который заставилъ отправиться въ Солунь царицу Анну, мать Палеолога, чтобы остановить замышляемое междоусобіе. И только благодаря вмѣшательству послѣдней, не состоялся задуманный планъ союза съ Душаномъ ²⁾. Итакъ, приводимое авторомъ похвалы объясненіе, почему Палеологъ не впустилъ Паламу въ Солунь, не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Вдумываясь, однако, въ слова его, мы должны припятъ, что съ его точки зрѣнія присутствіе Паламы въ Солуни могло повредить именно успѣху той двуличной политики, которую велъ Палеологъ. А это могло случиться при томъ предположеніи, о которомъ, впрочемъ, авторъ умалчиваетъ, что Палама могъ отдать предпочтеніе интересамъ Душана и пожертвовать выгодами Палеолога. Если наше заключеніе можетъ быть безъ натяжки выведено изъ словъ Филофея, то въ этомъ получится новое доказательство значенія Паламы въ славянскихъ земляхъ.

Пропаганда противодерковныхъ ученій, получившая новый внѣшній матеріалъ и благопріятную почву для своего распространенія въ византійскихъ церковныхъ партіяхъ, не останавливалась въ Болгаріи и Сербіи. Тѣ же самые посредники изъ бродячаго монашества, которые разносили массалианскую или богомилскую ересь по Аѳону, Македоніи, Болгаріи и другимъ славянскимъ землямъ, могли распростра-

¹⁾ τῆς μὲν πρὸς τὸν κηδεστὴν τε καὶ βασιλέα διαστάσεως ἤδη μελετωμένης, συνθηκῶν δὲ τιῶν καὶ λόγων οὐκ οἶδ' ἄντινωνοῦν ἄν καὶ φαίην πρὸς τὸν προρῆθέντα τὸν τριβαλλῶν ἄρχοντα Στέφανον τμηκαῦτα τῷ βασιλεῖ κοινουμένων, δι' ἃ ἴθπου καὶ τῷ τοῦ Θεοῦ ἀρχιερεῖ τὴν πάροδον ἀποκλείει... μὴ καὶ δόξῃ πλάττεσθαι τὰς συνθήκας τὰς πρὸς ἐκεῖνον καὶ ἀπίτην τινὰ συσκευάζειν, ὃ δὴ καὶ πρὸς ἀλήθειαν ἦν...

²⁾ col. 624: μνησὼν γὰρ μεταξὺ παραρρούέντων τριῶν, καὶ ἡ θαυμαστὴ καὶ φιλόχριστος βασιλεὺς ἐπιστάσα φρονήματι γενναίῃ τε καὶ βασιλικῇ, καὶ τὰς τοῦ υἱοῦ καὶ βασιλέως πρὸς τὸν Στέφανον διαρρηγυσι: συνθήκας ἐκείνας, μᾶλλον δὲ τὰ τῶν συνθηκῶν ἰνδάλματα καὶ τὰς προσηγορίας.

нить ее и далѣе. То обстоятельство, что на первых порахъ имя Пиславы связано было съ протестомъ противъ церковнаго строя и существующей іерархіи и что оныя выступалъ въ защиту искusstвъ и омифалонскиховъ, въ которыхъ можно было усматривать видъ боготинства снаго толка,—такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Варлаамъ и партія І. Кадлеки,—придало особенную силу и напряженіе антицерковному движению. Перенесено ли было это движение прямо на сѣверъ Россіи, объ этомъ судить не беремся; мы предполагаемъ доказать лишь тожество того антицерковнаго движениа, которое извѣстно подъ именемъ ереси стригольниковъ, съ разсмотрѣннымъ выше византийскимъ и болгарскимъ, оставляя пока открытымъ вопросъ о средствахъ и путяхъ перенесенія его въ Псковъ и Новгородъ.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на самомъ имени еретиковъ русскихъ. У насъ принято объяснять названіе „стригольники“ итд. мастерства и занятія Карпа, основателя ереси. Въ Просвѣтителѣ Иосифа Волоколамскаго сказано: „нѣкто бо бысть человекъ гнусный и скверныхъ дѣлъ исполненъ, именемъ Карпъ, художествомъ стригольникомъ“. Какъ бы мы ни толковали означенное слово, во всякомъ случаѣ было бы весьма рѣдкимъ въ исторіи религіозныхъ ученій и сектъ явленіемъ, чтобы названіе занятія или ремесла, какому предавался ересееучитель, перешло на основанную имъ секту. Предвѣтное и по существу не оправдываемое ближайшими къ тому времени памятниками толкованіе термина стригольники въ смыслѣ ремесла Карпа объясняетъ многое въ состояніи господствующихъ у насъ взглядовъ на самую ересь, на основныя воззрѣнія еретиковъ и на происхожденіе вѣроученія ихъ. Если отрѣшиться отъ обыкновеннаго толкованія слова стригольникъ и взглянуть на него не какъ на ремесло или занятіе, а какъ на отличительный и наиболѣе характерный признакъ секты, тогда значительно расширится поле изслѣдованія и получатся опредѣленныя точки сопоставленія между загадочной русской ересью и антицерковными ученіями, которыми мы доселѣ занимались.

Въ немногочисленныхъ русскихъ извѣстіяхъ объ ереси употребленіе термина стригольникъ должно быть толкуемо въ смыслѣ характеристики секты, а не художества или ремесла Карпа, что, повидимому, и было доказываемо на второмъ археологическомъ сѣздѣ проф. М. И. Горчаковымъ по поводу реферата о томъ же предметѣ Н. С. Тихоурава¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, такія выраженія, какъ „смотрѣть

¹⁾ Труды II Археол. Сѣзда, вып. 2, стр. 39. Говоримъ, повидимому, потому что въ протоколахъ мысль проф. Горчакова изложена довольно темно.

же стригольницы, но паче еретицы¹⁾, или еще: „завистію бо стрѣжаеми вы, стригольницы, востаете на святителя и на поповъ“²⁾, не могутъ не ввухать мысли, что здѣсь стригольникъ употреблено въ другомъ смыслѣ. чѣмъ, напримѣръ, портной, рыбакъ, кузнецъ или названіе какого либо другаго мирнаго и полезнаго въ обществѣ занятія, иначе бы теряло смыслъ сопоставленіе выраженій еретикъ и востающій противъ церковной іерархіи съ обозначеніемъ самаго безобиднаго ремесла. Значеніе слова стригольникъ, по нашему мнѣнію, вполне удовлетворительно объясняется изъ слѣдующаго мѣста грамоты новгородскаго архіепископа Геннадія³⁾. (А по Захара есми посылалъ того для: жаловались мнѣ на него чрънци, *перестригль* ихъ отъ князя Федора отъ Бѣльскаго, да причастія три годы не давалъ. И какъ азъ его призвалъ да почалъ спрашивать: ты о чемъ же еси *перестригль* дѣтей боярьскихъ, да отъ государя еси ихъ отвелъ, а отъ Бога отлучилъ? И онъ ту свою ересь явилъ⁴⁾). И азъ позналъ, что *стригольникъ*, да велѣлъ есми послати его въ пустыню... А вѣдь то о немъ нѣхто печаловался: а чему *тотъ стригольникъ* (вѣдомъ) великому князю?)⁵⁾ Приведенное мѣсто въ высшей степени важно для рѣшенія поставленнаго нами вопроса: по употребленію словъ „перестригль“ и потому, что Геннадій убѣдился въ принадлежности Захара къ сектѣ стригольниковъ тогда, когда послѣдній *явилъ ему ту свою ересь*, то-есть, изложилъ взглядъ свой на церковную іерархію. Отсюда мы должны заключать, что стригольники получили свое имя *отъ обряда посвященія въ ересь*, отъ способа приведенія въ вѣру, усвоеннаго этою сектой⁶⁾. Если же псковскіе и новгородскіе стригольники отличались такимъ выразительнымъ вѣшнимъ признакомъ, то естественно поискать сближеній между ними и *византійскими и болгарскими стригольниками*.

Какъ ни скудны извѣстія о русскихъ стригольникахъ, въ нихъ

1) Поученіе русскаго епископа Стефана, въ *Русской Историч. Библ.*, т. VI, стр. 216, 218.

2) Русская Историч. Библиотека, VI, стр. 779—780.

3) Захаръ не признаетъ церковной іерархіи, отрицаетъ законность рукоположенія поповъ, митрополита и патриарха.

4) Въ посланіи патриарха Антонія (Акты историческіе, I, № 6) занятіе и положеніе Карпа опредѣляется совершенно иначе: „завеже соблазнитеся въ время оною Карпа, *діакона* отлученаго отъ службы, *стригольника*“. Итакъ, Карпъ изъ діаконовъ сдѣвался стригольникомъ. Слѣдовательно, ересь могла бы усвоить себѣ имя діаконовцевъ, еслибы въ названіи ея играло роль предыдущее занятіе или положеніе ересіарха.

все же можно находить достаточныя указанія въ подтвержденіе представленнаго нами положенія. Прежде чѣмъ перейти къ анализу обрядовыхъ и догматическихъ чертъ, подмѣченныхъ у стригольниковъ, позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Характеризующія стригольниковъ черты, отмѣченныя въ источникахъ, не могутъ претендовать на строгую точность, такъ какъ не составляютъ результата изученія еретическихъ обрядовъ и вѣроученій. Еретикизъ естественно было скрывать свое ученіе, и потому въ современныхъ памятникахъ обличительнаго характера могли остаться или вытѣсненныя черты ереси, или вообще случайно подмѣченныя церковной властью. Главныя и основныя черты не отдѣлены отъ такихъ, которыя составляютъ логическое заключеніе или практической выводъ изъ первыхъ.

Весьма вѣроятно, что немногочисленность и случайность наблюдений, относящихся къ ереси стригольниковъ, служатъ причиной того обстоятельства, что въ нашей литературѣ эта ересь остается довольно блѣднымъ и мало выясненнымъ явленіемъ до такой степени, что неизвѣстно ни существо ея въ смыслѣ вѣроученія, ни обстоятельства происхожденія.

Относительно происхожденія ереси большинство нашихъ церковныхъ историковъ держится того мнѣнія, что это есть туземное русское явленіе, и видятъ причины распространенія ереси въ особенныхъ обстоятельствахъ церковной жизни Новгорода и Пскова. Таковъ взглядъ Руднева ¹⁾ и преосвященнаго Филарета ²⁾. Точно такъ и преосвященный Макарій говоритъ о стригольникахъ, какъ о плодѣ своего времени и произведеніи русской почвы ³⁾. При такомъ взглядѣ естественно переносить центръ тяжести изученія въ мѣстныя церковныя безпорядки и нестроенія или даже искать поводовъ къ обнируженію ереси въ личныхъ отношеніяхъ діаконовъ Карпа и Никиты ⁴⁾. Нѣсколько расширяется взглядъ на предметъ въ монографіяхъ профессора Никитскаго, посвященныхъ внутренней исторіи Пскова и Новгорода ⁵⁾. Въ очеркѣ по исторіи Пскова, авторъ ста-

¹⁾ Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, Москва, 1838, стр. 86; по его мнѣнію, исторія не представляетъ намъ никакихъ слѣдовъ чужеземнаго вліянія на образъ ученія стригольниковъ.

²⁾ Исторія Русской церкви, Харьковъ. 1849, II, стр. 70.

³⁾ Исторія Русской церкви, изд. второе, IV, стр. 160.

⁴⁾ У преосв. Макарія, IV, стр. 161—162.

⁵⁾ Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, С.-Петербургъ, 1873, стр. 228 — 231; Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, С.-Петербургъ, 1879, стр. 146.

вить ересь стригольниковъ нъ связь съ богомилствомъ,—мысль счастливая, но, не будучи обставлена историко-литературными доказательствами, она не оказала вліянія на дальнѣйшее развитіе вопроса о стригольникахъ. И что въ особенности любопытно, тотъ же авторъ, возвращаясь къ стригольникамъ во второй своей монографіи, не сопоставляетъ ихъ уже съ богомилами, а удовлетворяется анализомъ мѣстной церковной жизни, которая вызвала къ бытію ересь. „Ближайшимъ исходнымъ пунктомъ ереси стригольниковъ послужилъ собственно только одинъ изъ видовъ владычныхъ поборовъ... а именно мзда за ставленіе“. Но какъ строгій изслѣдователь, проф. Никитскій не могъ не замѣтить, что вѣроученіе стригольниковъ не объясняется изъ указаннаго имъ исходнаго пункта, почему оно и осталось для него совершенно темнымъ ¹⁾, какъ можно видѣть въ приведенномъ подѣ строкой мѣстѣ.

Новую точку зрѣнія въ разсматриваемый вопросъ привноситъ взглядъ проф. Н. С. Тихонравова ²⁾. Впервые, въ разсужденіи мѣстныхъ и временныхъ условій происхожденія ереси онъ приписываетъ важное значеніе посѣтившему Русскую землю мору. „Язва, говоритъ онъ, извѣстная подѣ именемъ черной смерти, особенно сильно свирѣпствовала въ Новгородѣ и Псковѣ; въ этихъ же мѣстахъ появилось и развилось ученіе стригольниковъ“. Вовторыхъ,—и въ этомъ оригинальность теоріи,— проф. Тихонравовъ находитъ параллель между стригольниками и нѣмецкими крестовыми братьями. „Въ 1349 году черная смерть страшно опустошала Германію. Въ томъ же самомъ году по всей Германіи тянутся толпы еретиковъ, которые призываютъ всѣхъ къ круговому общественному покаянію. Эти еретики извѣстны подѣ именемъ крестовыхъ братьевъ. Сущность ученія нѣмецкихъ еретиковъ совпадаетъ во всѣхъ рѣшительно пунктахъ съ русскими стригольниками... Какъ и рускіе стригольники, нѣмецкіе крестовые братья проповѣдывали равенство и ненависть къ духовенству, падали на корыстолюбіе духовенства“. Наконецъ, Д. И. Иловайскій ³⁾, объясняя ересь стригольниковъ мѣстными условіями, ука-

¹⁾ Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 146—147: „въ дальнѣйшемъ замѣчается склонность къ мудрствованію въ вопросахъ чисто религіозныхъ. Сюда относятся критическое обращеніе съ евангеліемъ, апостольскими и отеческими свидѣтельствами и какъ бы признаніе чистой деизма (?), ибо стригольники называли своимъ отцомъ Бога, который на небесахъ“.

²⁾ Труды II Археологическаго Съезда, выпускъ 2, стр. 35 и слѣд.

³⁾ Исторія Россіи, т. II, стр. 407—408.

зываетъ и другую струю въ нихъ вѣроученіи. „Въ своихъ религиозныхъ умствованіяхъ они, на подобіе саддукеевъ, дошли до отрицанія будущей жизни. Такимъ образомъ, въ ихъ ученіи отразилась примѣсь разныхъ греко-восточныхъ сектъ, въ томъ числѣ, вѣроятно, и болгарскаго богомилства“.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что вопросъ о происхожденіи ереси стригольниковъ остается въ русской наукѣ не разрѣшеннымъ. Если нестроеніи въ новгородской и исковской церкви и мѣстными условія владычяваго суда, пошливъ и мзды за ставленіе дѣйствительно подкупають въ пользу такой простой и натуральной мысли, что въ стригольникахъ выразился протестъ противъ безпорядковъ мѣстной церковной администраціи, то весь вопросъ сводился бы къ тому, чтобы отысканія современниками черты ученія стригольниковъ объяснить изъ этихъ временныхъ и мѣстныхъ условій. Что далеко не все, однако, можно объяснить такимъ путемъ, видно уже изъ попытокъ искать аналогій на западѣ и на юго-востокѣ. Позволяемъ себѣ думать, что въ литературѣ о стригольникахъ недостаточно обследованы основные источники, изъ которыхъ заимствуются свѣдѣнія.

Самой выразительной чертой въ ученіи стригольниковъ несомнѣнно нужно признать протестъ противъ существующаго церковнаго строя. Но при обсужденіи этой стороны дѣла мало обращено было вниманія на то обстоятельство, что русскіе еретики протестуютъ не противъ московской или новгородской церковной власти, но вообще противъ церкви и,—что въ особенности нельзя оставлять безъ вниманія,—противъ вселенской церкви. Слѣдуетъ думать, что мѣстными нестроеніи и безпорядки могли бы сопровождаться протестомъ частнаго и болѣе конкретнаго характера, здѣсь же мы видимъ протестъ по принципу, протестъ, абсолютно отвергающій церковную іерархію. „Вся еретики мнѣе святители и священники и вся клирики и прочая люди христіанн, себе же токмо правовѣрныхъ мнѣе“¹⁾. Въ этихъ словахъ отрицаніе идетъ гораздо глубже, чѣмъ это обыкновенно принимается: не только церковная іерархія, но и само христіанство подвергается здѣсь колебанію. И, конечно, такое принципиальное отрицаніе никакъ не можетъ быть истолковано, какъ протестъ противъ мѣстныхъ церковныхъ нестроеній. Въ поученіи епископа Стефана²⁾ тотъ же самый принципъ отрицанія выраженъ такъ:

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, VI, стр. 191 (Грамота патріарха Нила).

²⁾ Русская Историческая Библіотека, VI, стр. 214.

„и оклеветалъ (то-есть, стригольникъ) весь вселенскій соборъ, патриарховъ и митрополитовъ, и епископовъ, и игуменовъ и поповъ, и весь чинъ священническій, яко не по достоянію поставляемі“¹. Нельзя не согласиться, что это былъ бы слишкомъ большой скачокъ, еслибы псковскій діаконъ изъ-за мѣстныхъ безпорядковъ вооружился на вселенскій соборъ, на патриарховъ, то-есть, не противъ мѣстныхъ и временныхъ ненормальныхъ явленій въ новгородской или московской церкви, а противъ вселенской церкви. А между тѣмъ главное положеніе нашихъ еретиковъ именно и заключалось въ непризнаніи общихъ принциповъ: „недостоянъ есть патриархъ, недостойни сѹтъ митрополити“¹). Нельзя далѣе сказать, что еретики ничего не давали на мѣсто отрицаемаго ими церковнаго строя. Въмѣсто официальнаго священства они выставляли начало правоспособности каждаго быть учителемъ, полагая въ учительствѣ всю задачу священства. И это начало довольно рельефно выставлено въ обличеніяхъ на ересь. „Завистію бо стрѣбаемі²) вы, стригольницы, востаете на сватителя и на поповъ, сами себѣ хотяще прехватити честь. Изучисте словеса книжная, яже сѹтъ сладка слышати хрестьяномъ, и поставистесь учителя народомъ“. (Если мы отладимъ себѣ отчетъ въ той принципиальной мысли, которой держались стригольники, то-есть, если поймемъ, что они отрицали хрестіанскую церковную іерархію, то въ нашихъ глазахъ получаютъ второстепенное значеніе тѣ черты, которыми въ обличительныхъ сочиненіяхъ рисуется современное духовенство.) Что духовныя лица сѹтъ пьяницы, ядятъ и пьютъ съ пьяницами, взимаютъ отъ нихъ злато и серебро и порты, отъ живыхъ и отъ мертвыхъ, что они любостяжательны и корыстолюбивы,—развѣ это не общія черты, которыя примѣнимы ко всякому мѣсту и времени? И развѣ неимѣніе подобныхъ недостатковъ обратило бы къ духовенству симпатіи стригольниковъ?

Хотя и не такъ отчетливо, въ обличительныхъ сочиненіяхъ намѣчается, однако же, мотивъ самаго протеста еретиковъ противъ церковной іерархіи. Этотъ мотивъ коренится въ метафизическихъ воззрѣніяхъ и можетъ быть выведенъ на основаніи сопоставленія нѣкоторыхъ мѣстъ поученія епископа Стефана и посланія митрополита Фотія³). Въ послѣднемъ, между прочимъ, читается слѣдующее мѣ-

¹) Тамъ же, стр. 217.

²) Тамъ же, стр. 218.

³) Тамъ же, стр. 484—485.

сто: „А какъ ми пишете о тѣхъ помянутыхъ, что како тѣ стригольници отпадоуше отъ Бога и на небо взирающе блгу, тамо Отца собѣ нарицають, а понеже бо самыхъ того истинныхъ евангельскихъ благовѣстей и преданей апостольскихъ и отеческихъ не вѣрующе, во како смѣють, отъ земли къ воздуху зряще, Бога Отца собѣ нарицающе, и како убо могутъ Отца собѣ нарицати... И которія тѣ стригольници отъ своего заблужденія не имуть чистѣ вѣровати православія истиннаго, ни къ Божымъ церквамъ, къ небу земному, не имуть быти прибѣгающе, и на покаяніе къ своимъ отцемъ духовнымъ не имуть приходить... удалите себе отъ тѣхъ“... Въ этомъ свидѣтельствѣ затронута весьма существенная черта догматика стригольниковъ, но затронута вскользь, поверхностно, такъ что лишь въ нѣкоторыхъ случайныхъ выраженіяхъ аргументаціи митрополита Фотія можно догадываться о сущности вопроса. (Стригольники признавали Богомъ не творца неба и земли, а только небеснаго отца), что видно какъ изъ подчеркнутыхъ нами словъ, такъ и изъ опроверженія на нихъ Фотія „и се паки и по божественному писанію вѣсте отъ апостоль, еже Богъ нашъ на небеси и на земни“. (Называя Богомъ творца высшаго надземнаго мира, стригольники, очевидно, приписывали земное строительство не Богу, а другому началу, отсюда отрицательное отношеніе ихъ къ земной церкви, также отиженіе у Фотія въ слѣдующихъ словахъ: „ни къ божимъ церквамъ, къ небу земному, не имуть быти прибѣгающе“. Аргументація Фотія направлена, конечно, противъ опредѣленной дуалистической системы, признающей два начала въ твореніи) и при томъ эта аргументація вполнѣ напоминаетъ споръ Θεодосія Терновскаго съ болгарскими богимилами, который также противъ еретиковъ выставляетъ положеніе: „тѣмъ же небу и земли и всей твари хитрецъ и содѣтель есть Богъ“. Въ житіи Иларіона Меглинскаго ¹⁾ такъ формулируется занимающее насъ воззрѣніе: „како убо мы благаго Бога глаголюще содѣтеля быти небеси, земли же и иже на ней много быти творца лукава мудрствующе, вы же не покараетесь?“

Намѣченныя въ посланіи Фотія черты находятъ себѣ однородныя указанія въ поученіи епископа Стефана. Этотъ послѣдній документъ несомнѣнно долженъ быть признанъ лучшимъ источникомъ для ознакомленія съ ересью стригольниковъ. Метафизическія основанія ереси выдвинуты въ немъ на передній планъ. Какъ въ древности чрезъ

¹⁾ Полное Собраніе Русскихъ Летописей, IX, стр. 145.

посредство змїа діаволомъ введена была клевета на Бога предъ Адамомъ, что Богъ изъ зависти и по зложелательству воспретилъ вкушеніе древа разумнаго ¹⁾, такъ и нынѣ ересеучитель Карпъ оталекаетъ людей отъ вкушенія древа животнаго, то-есть, причащенія: „стригольники противно Христу повелѣваетъ, яко отъ древа животнаго отъ причащенія удалитися, яко древо разумное показавъ имъ писаніе книжное, еже и сниса на помощь ереси своей“. Главный пунктъ, на который направлено начало поученія Стефана, есть ученіе о таинствѣ причащенія: это ясно усматривается изъ приводимыхъ текстовъ и изъ опредѣленія словъ „древо животное“ и „древо разумное“. Отрицаніе таинства причащенія мотивируется у стригольниковъ не тѣми же причинами, какими непризнание церковной іерархїи и обрядности. Можно догадываться, что стригольники давали иное толкованіе извѣстнымъ словамъ установленія таинства евхаристїи, почему въ поученіи Стефана и приведены выраженія стригольника вслѣдъ за текстомъ: *ядїи мою плоть...* и еще ли не снїсте плоти Сына человѣческаго... Если стригольники на мѣсто древа животнаго выдвигали древо разумное и подъ этимъ послѣднимъ разумѣли писаніе книжное, то едва ли мы ошибемся, сказавъ, что существо дѣла заключалось здѣсь въ пониманіи словъ установленія евхаристїи не въ смыслѣ тѣла и крови, а въ смыслѣ ученія Христа. Вообще относящїяся до таинства причащенія мѣста облаченїи нужно толковать въ связи съ богомнѣскимъ на этотъ вопросъ взглядомъ ²⁾.

Если въ основѣ метафизическихъ воззрѣній стригольниковъ было начало дуализма, слѣды котораго сохранены въ посланїи Фотїа, то нельзя не обратить вниманія на тѣ выраженія поученія епископа Стефана, гдѣ мотивомъ противоцерковныхъ мѣръ предстаетъ *зависть*. Какъ извѣстно, начало зависти при актѣ творенія играетъ главную роль въ дуалистическихъ сектахъ. Въ особенности хорошо объясняются изъ метафизическихъ воззрѣній тѣ отношенія стригольниковъ къ церкви и ея обрядамъ, въ которыхъ по преимуществу принято усматривать черты времени и мѣста. Сюда относится слѣдующее: „педостоить надъ мертвыми пѣти, ни поминати, ни службы

¹⁾ „Не того дѣла возбранялъ тебя Богъ ясти отъ древа разумнаго, дабы еси умерлъ, но того дѣла возбранялъ тебя Богъ, дабы еси не разумѣлъ ни добра, ни зла. Послушай мене: не имъ отъ древа животнаго, но имъ отъ древа разумнаго“.

²⁾ Какъ это, напримѣръ, видно изъ Житїя Θεодосїа Терновскаго; ср. *Dollinger, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, I, 18* и др.

творити, не притомъ же умренихъ приносилъ въ церковь, не широкъ творити, не величавъ даяти за душу умренихъ". Нельзя, конечно, думать, что это учение есть логическое послѣдствіе отчаянія церковной іерархіи, ибо у строгольниковъ на нѣско офіціально сформировавшихся своихъ учителяхъ, какъ нельзя прийти къ мысли объяснить, что строгольники выступили съ этимъ учениемъ, чтобы не сказать еще бороться адские учения, какъ умренихъ былъ послѣднимъ инстинктомъ и памяти церковники. Дѣло объясняется тѣмъ, что, во время строгольничества, все почитается тѣлеснымъ существованіемъ человека, что они отлучали неспросивъ изъ церквей и захоронили ученика¹⁾. Въ объясненіи противъ строгольничества обращать на себя вниманіе довольно характерной чертой рационализма, православной миссіи ереси; обыкновенно эта черта квалифицируется какъ энциклопедіе и космополитизмъ. Правильнѣе смотрѣть на нее, нѣмѣя съ проф. Тихомировымъ, какъ на стремленіе освободить разумъ отъ оковъ²⁾. Вообще нужно признать, что русскія мнѣнія крайне скудны, ограничены и неоригинальны. Объяснители случайно скланивали иногда существенную черту вѣроученія или поведенія еретиковъ, но не могли дать необходимыхъ объясненій и не подвержали системы, изъ которой одна черта вытекаетъ изъ другой. Такъ, если ли не самая характерная и во всякомъ случаѣ слишкомъ быстрая въ главѣ черта—непривлеченіе церкви—представляла въ объясненіи блѣдно и не выдвинута на подобающее мѣсто: „Молитися Христосъ въ тайнѣ сердца, вславо тѣлеснаго и високоушнѣ убѣжати, не молитися на распутіяхъ и на ширинѣхъ градныхъ, ни воститися словеса книжнична³⁾“. Комментарій къ этому мѣсту нужно вѣдѣть въ словахъ митрополита Фотія: „не въ божиинѣхъ церквахъ, къ небу земному, не шнуть бже пребѣгающе“. Несомнѣнно, что строгольники побѣгали христіанскими дверями, не считали согласными съ духомъ своихъ возвращеній манити въ церкви, но едва ли основанія къ тому были въ тѣлесномъ и въ отсутствіи духа свиренія. Мы думаемъ, что (въ объяснительныхъ сочиненіяхъ замѣченъ внѣшній фактъ, но не раскрыты его истинны. Между тѣмъ эти мотивы даны въ вѣроученіи богомысливъ: если строг-

¹⁾ Русскія Историческая Библиотека, VI, стр. 476: а такъ по сличенію смыслу, или это салукъень оцнвъ проклятыи подрознюще суть, или это и неспросивъ же вадѣюще быти мнѣху; ср. 479.

²⁾ Труды II Археоло. Съѣзда, стр. 38: „мисли ихъ можно вѣдѣть въ заплюнотомъ посланіи, которое заключало въ себѣ, между прочимъ, такое положеніе, что разумъ человѣческій самонаставляетъ и его стѣсняетъ только вѣра“.

гольницы, какъ и богомилы, признавали только небснаго Бога, а въ земныхъ созданіяхъ усматривали дѣло злаго начала, то и церкви они должны были разсматривать какъ жилище демоновъ, откуда ихъ стремленіе совершать свои молитвы подѣ открытымъ небомъ.)

Къ подобнымъ же вѣшнимъ и формальнымъ признакамъ стригольнической ереси, отмѣченнымъ въ обличеніяхъ и вызвавшимъ разнообразныя толкованія наслѣдователей, относится покаяніе въ грѣхахъ землѣ¹⁾. Намъ кажется совершенно излишнимъ усматривать въ этой яко бы формѣ исповѣди миеологическій смыслъ значенія матери сырой земли. Здѣсь мы должны видѣть одинъ изъ вѣшнихъ признаковъ исповѣди, который могли наблюдать всѣ желающіе, такъ какъ и исповѣдь совершалась публично подѣ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ, православные могли замѣтить вѣшную форму безъ вниманія ко всему прочему. У богомиловъ отмѣчена слѣдующая форма исповѣди²⁾. Въ присутствіи діакона одинъ изъ кающихся провозносилъ слѣдующую формулу: „мы пришли исповѣдаться наши грѣхи передѣ Богомъ и передѣ тобой, ибо мы много согрѣшили словомъ, дѣломъ, зрѣніемъ, мыслями“; при произнесеніи этой формулы всѣ кающіеся склонялись къ землѣ. Затѣмъ діаконъ провозносилъ освобожденіемъ отъ грѣховъ слова. Весьма вѣроятно, что въ нашихъ обличительныхъ сочиненіяхъ правильно переданъ вѣшній обрядъ преклошенія къ землѣ, но неправильно отождествленъ съ исповѣдью.

Если согласиться, что догматическая часть ученія стригольниковъ не была изучена современниками и что изъ обрядовой стороны схвачены въ обличительныхъ сочиненіяхъ лишь немногія и при томъ бросающіяся въ глаза черты, то мы поймемъ, почему выводы объ этой ереси въ современной русской литературѣ должны носить характеръ неопредѣленности и незаконченности. Привносимая нами въ изученіе этого вопроса мысль состоитъ въ указаніи системы, изъ которой въ сохранившихся противъ стригольниковъ обличеніяхъ уцѣлѣло вѣсколько отдѣльныхъ и случайно взятыхъ положеній. На основаніи этихъ положеній, которыя сами по себѣ слишкомъ не характерны и могутъ быть толкуемы въ разныхъ смыслахъ, мы предполагаемъ возсоздать нѣкоторыя черты богомилскаго ученія. Говоримъ вѣкоторыя, потому что нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что

¹⁾ Русская Историч. Библиотека, VI, стр. 223: еще же и сію ересь прилагаете стригольницы, ведите земли клятися чловѣку.

²⁾ Döllinger. Beiträge zur Sektengeschichte, I, S. 235.

пропаганда не могла располагать стройной и весьма обширной системой, съ другой же стороны, потому, что допускаемъ развитіе и усовершенствованіе въ самомъ ученіи стригольниковъ. Можетъ быть, намъ удалось бы отыскать и другія звенья предполагаемой цѣпи, если бы стали слѣдить далѣе за исторіей стригольниковъ и приняли къ разсмотрѣнію обличенія на ересь жидовствующихъ: въ самомъ дѣлѣ, только что названная ересь можетъ оказаться лишь стадіей развитія той, которую мы занимаемся. Но не будемъ заходить такъ далеко, сведемъ полученные уже результаты.

(Въ названіи „стригольники“ мы обратили вниманіе на то обстоятельство, что подъ этимъ словомъ нужно понимать не ремесло или занятіе Карпа, а отличительный признакъ секты, способъ или обрядъ посвященія въ вѣру. Нашедши въ византійскихъ и болгарскихъ извѣстіяхъ, касающихся богомиловъ или массалианъ, указаніе, что они для посвященія въ свою вѣру употребляли обрядъ стриженія, иначе обрѣзанія, мы наведены были на мысль, что и русскіе стригольники обязаны своимъ именемъ тому же обряду, и что послѣдніе представляютъ собой богомильскую секту, перенесенную въ Россію при посредствѣ вѣжнихъ славянъ.) Приступивъ съ указанной точки вѣрнія къ изученію небогатаго матеріала о стригольникахъ, мы нашли въ немъ слѣдующіе недостатки, совершенно, впрочемъ, объяснимые въ обличительной литературѣ: главные пункты переижданы съ второстепенными, существенныя стороны замѣнены вскользь, а формальныя и бросающіяся въ глаза выдвинуты на передній планъ, основы вѣроученія смѣшаны съ логическими изъ нихъ выводами и т. п. Но при всѣхъ недостаткахъ сохранившагося матеріала все же можно было отыскать слѣдующіе подлинныя признаки ереси стригольниковъ: 1) отрицаніе церковной іерархіи; 2) усвоеніе права учительства всякому посвященному въ ученіе стригольниковъ; 3) уклоненіе отъ причащенія или пониманіе подъ евхаристіей не причащенія тѣла и крови Христовой; 4) отрицаніе храмовъ, молитва подъ открытымъ небомъ и публичная исповѣдь; 5) дуалистическій взглядъ на мірозданіе; 6) отрицаніе воскресенія изъ мертвыхъ (и будущаго воздаянія). Въ виду указанныхъ наблюденій, передъ которыми отступаютъ на задній планъ черты, имѣющія отношеніе къ русской средѣ и современнымъ церковнымъ нестроеніямъ, мы приходимъ къ выводу, что стригольничество есть богомильскій отпрыскъ.)

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ И ВЫРАЖЕНІЙ ¹⁾

- Абелярь** 175, 181, 182, 188.
(св.) Августинъ 179, 276.
Аверроесъ 182, прим. 2.
Адеръ 266.
Акаталипта обитель 331.
Аквилинъ, Григорій, 6, 113, 123, 124
212, 247, 248, 268, 270, 273—278
282, 311, 319, 320, 321, 326—332
339, 345—351, 354, 355, 361, 362.
Акоминать, Никита, 14, 155, 156, 157,
171 прим. 3, 175 прим. 2, 186, 187
прим. 1, 2; 191, 194, 195, 196, 199.
213, 214, 217, 224, 225, 226, 227,
228, 229, 230, 231, 236, 239, 242
прим., 243.
Акрополить, Георгій, 285 прим.
Алексіакъ, триклиній, 350.
Алексій, патриархъ, 92, 244.
Аллацій, Левъ, 130.
Амалърикъ 182, 183.
Амартолъ, Георгій, 74, 77.
Анастасій библіотекарь 299.
Анастасій, патриархъ, 52.
Ангелы:
    Алексій III—213, 238, 241, 242.
    Исаакъ—90, 213, 214, 238.
- Анжело-Ман** 214, 218, 219, 225.
Ансельмъ Гавельбергскій 228.
Аптовій, епископъ Силейскій, 62, 68.
Автовій, патриархъ, 101.
Аргиръ, Исаакъ, 123, 212, 309, 363,
364.
Аристотель 152, 153, 158, 159, 176,
182, 183, 188, 197, 222, 251, 252, 255,
256, 260, 261, 262, 263, 267, 268, 273,
278, 364.
Арменіакъ, тема, 22, 76.
Армяне 149, 190, 191, 192, 193, 194.
Арсавиръ, патрицій, 24, 58.
Арсакій 41, 43, 46, 47, 53, 55.
Арсакъ 190.
**Асвеста Григорій, архіепископъ Сици-
лійскій**, 69, 86, 88.
Ахметъ, царь, 114.
Аевнасіѳ, митрополить Княжескій,
334, 335.
- Бароній** 55, 56.
Бенедиктъ XII, папа, 283, 284.
Бернардъ Шартрскій 180.
Богомилы 149, 191, 204—211, 323, 333,
366, 367, 369, 371, 372, 374, 381, 384,
385, 397, 388.

¹⁾ За составленіе указателя приношу сердечную благодарность приватъ-доценту Новороссійскаго университета Ф. В. Режабеку.

- Боккачю 264, 298, 299, 300, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309.
 Босота, Кирилъ, 372, 373.
 Бозній 166, 167, 262.
 Вавудикъ, Константинъ, 58.
 Вакъ, епископъ Пафа, 240, 241.
 Варда, патрицій, 20, 22, 23, 25, 28, 43, 46, 57 прим., 58.
 Варлаамъ 6, 7, 113, 123, 124, 212, 246 сл.
 Василиаи, Никфоръ, диаконъ, 211, 215, 218, 219, 223, 224.
 Василій II Болгаробойца, царь, 92, 102, 135.
 Василій, врачъ, 206.
 Василій, епископъ Амасійскій, 140.
 Векъ, Иоаннъ, патриархъ, 285 прим.
 Вира, обитель, 238.
 Владиміръ, великій князь Киевскій, 135.
 Владиміръ, князь Пермскій, 118, 128, 129.
 Влахернитъ 191.
 Влеммида, Н., 159 прим. 1.
 Врійскій дворець 64.
 Всеволодъ, князь Новгородскій, 127.
 Вулисма, архіепископъ Корфу, 232.
 Галень 170.
 Гарида, Евстратій, патриархъ, 154, 156.
 Гости, Феодоръ, 103, 164.
 Генесій 17, 18, 19 прим. 1, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 28, 59, 74, 75, 77.
 Геннадій, архіепископъ Новгородскій, 379.
 Геннадій, патриархъ, 55, 56.
 Георгій, лѣтописецъ, 9, 11, 12, 13, 14, 15: — продолжатель Георгія. логоветъ, 16, 17.
 Гергенрестеръ 100.
 Георгій, митрополитъ Никейскій, 229, 230.
 Германъ, патриархъ, 51, 52, 101, 142.
 Германъ, сербинъ, 133, 140.
 Геронтія 123.
 Гиршъ 13, 16, 26, 78.
 Гомеръ 301, 302, 303, 304, 305, 307.
 Григора, Никфоръ, 249, 250, (251, 252, 253, 254, 255, 256), 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 270, 271, 272, 312, 313, 314, 317, 318, 323, 324, 325, 332, 335, 340, 376.
 Григорій, епископъ Неокесарійскій, 37.
 Григорій, папа, 285 прим., 297.
 Гросоланос, архіепископъ Миланскій, 196 прим. 1, 197 прим. 4.
 Грыдня, Іосифъ, архимандритъ Печерскій Киевскій, 51 прим. 1.
 Давидъ, монахъ, 280, 281, 319.
 Дамаскинъ, Иоаннъ, 133, 139, 142.
 Давлоло, Стефанъ, 283, 284.
 Декартъ 176.
 Дексій, епископъ Ганскій, 350, 352, 356.
 Delaville de Roulx 283 прим. 1.
 Дмитракопуло, архимандритъ, 192 прим. 2, 3; 194, 197 прим. 1, 221.
 Дмитріевъ 129.
 Дмитрій, диаконъ и скевофилакъ, 35.
 Дмитрій изъ Лампы 232, 233, 234, 235.
 Дмитрій (XII в.) 7.
 Дрезеке 223.
 Дрими, Григорій, 313.
 Дриновъ, М. С., 125.
 Дю-Буаъ 178.
 Евгеній IV, папа, 297.
 Евландъ 268.
 Евсевій Кесарійскій 305.
 Евсевій, епископъ Самосатскій, 133, 139, 140.
 Евстаѳій, митрополитъ Драча, 211, 215, 217, 218.
 Евстаѳій, патриархъ, 92, 102.
 Евстаѳій Солунскій 223, 231.
 Евстратій, архіепископъ Никейскій, 185, 186, 187 прим. 1, 189, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 223.
 Евфросинія, царица, 90, 91, 242.
 Евхиты, см. массалиане.
 Евоаній, епископъ Новопатрскій, 226, 229, 235, 237.
 Епифавій, диаконъ, 37, 80.

- Збѣдѣдующіе** 120, 374 прим. 2, 388.
- Журданъ** 262.
- Захаръ, стригольникъ,** 379.
- Зигавинъ, Евемій,** 149, 197.
- Зиликъ, см. Дивикъ.**
- Зонара** 44.
- Зоя, царица,** 109.
- Иванъ Белаграцкій** 118.
- Иванъ, перьскій царь,** 118.
- Игнатій, митрополитъ Клавдіопольскій,** 145.
- Игнатій, патриархъ,** 45, 46, 66, 84 прим. 2, 88.
- Иларіонъ Меглинскій** 384.
- Ираклій, царь,** 135.
- Ирина, инокиня,** 372.
- Ирина, сестра царицы Θεодоры,** 58.
- Ирина, царица,** 30, 34, 35, 46, 52, 57 прим., 71, 72, 76, 107 прим. 1, 108.
- Ириниъ, Іоаннъ.** 122, 211, 228, 230, 231, 232, 233.
- Исаакъ, протъ Св. горы,** 341.
- Исаакъ, севастократоръ,** 154.
- Исаія прелодобный** 41, 43, 47, 53, 55.
- Исентъ (I)** 119.
- Исидоръ, митрополитъ русскій,** 118, 121.
- Исидоръ, патриархъ,** 370.
- Искупителя монастырь** 284.
- Исхасты** 267, 268, 269, 270, 322, 323, 328, 333, 339, 379.
- Италъ, Іоанпъ,** 7, 115, 122, 124, 146 прим., 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 178, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 201, 202, 362 прим. 4, 363.
- Іаковъ, игумень,** 356.
- Іаковъ, патриархъ Антиохійскій,** 76.
- Іаситы** 154.
- Іеронимонъ, Іоаннъ, патриархъ,** 102.
- Іоаннѣкій пророчественный** 40, 41, 43, 45 прим. 1, 46, 47, 48, 53, 55, 56, 83, 84.
- Іоаннъ Грозный** 112 прим., 116.
- Іоаннъ, діакопъ,** 37.
- Іоаннъ XIV Калека, патриархъ,** 320 прим. 1, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 336, 338, 339, 341, 342, 343, 344, 346, 347, 348, 349, 350, 366, 368, 370.
- Іоаннъ, князь Пермскій,** 129.
- Іоаннъ Ларисскій** 226, 229.
- Іоаннъ IX, папа,** 102.
- Іоаннъ XXI, папа,** 163, 164, 166, 167, 169, 261, 290.
- Іоаннъ VII, патриархъ,** 10, 12, 14, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 30, 31, 33, 39, 43, 53, 61—65, 68, 81, 85.
- Іоаннъ Трапійскій, епископъ,** 103.
- Іоаннъ Оиванскій** 226, 229.
- Іосифъ, патриархъ,** 285 прим.
- Ісавалинъ** 62.
- Каликстъ III, папа,** 297 прим.
- Каломарія, сестра царицы Θεодоры,** 58.
- Каматиръ, Іоаннъ, патриархъ,** 241, 242.
- Камуліанская икона** 36.
- Кантакузинъ, Іоаннъ,** 123, 249, 253, 268, 312, 313, 314, 332, 335, 336, 340, 341, 342, 345 прим., 349, 364, 366, 376, 377.
- Катыхѣонъ** 76 прим. 3.
- Карпъ, стригольникъ,** 378, 379 прим. 4, 385, 388.
- Касситера, Θεодотъ, патриархъ,** 32, 80.
- Катакиль, стратегъ,** 76.
- Кедринъ** 26.
- Кертангъ** 264, 265.
- Кивнамъ, Іоаннъ,** 214, 226, 232, 233, 237.
- Киприанъ, митрополитъ,** 127.
- Кириллъ, митрополитъ Сяды,** 368, 369.
- Кириллъ, священнодіакопъ,** 144.
- Кируларій, Михаилъ, патриархъ,** 102, 103, 103, 109.
- Клидій** 10.
- (св.) Климентъ, папа,** 315.
- Козма, пресвитеръ,** 209, 210, 211.

Комнины:

- Алексѣй I—6, 26, 90, 91, 148, 149, 151, 154, 155, 171, 174, 190, 191, 196 прим. 1, 197 прим. 4, 198, 199, 200, 204, 206, 214.
Алексѣй II—213, 236, 237, 245.
Авровиць—90, 170, 172, прим. 2, 213, 236, 237.
Анна—148, 149, 151, 156, 157, 158, 160, 161, 171, 172, 174, 185, 189, 190, 191, 199, 206.
Мануилъ—6, 90, 91, 148, 204, 211, 213, 214, 215, 220, 221, 223, 225, 226, 229, 230, 231, 234, 235, 236, 245.
Константинъ Армянинъ 17, 18, 20.
Константинъ Болгарскій, митрополитъ Беркирскій, 122, 211, 228, 230, 232, 233.
Константинъ, друнгарій вглы, 22, 25, 39.
Константинъ Исавръ 62.
Константинъ Копронимъ 52, 68.
Константинъ, митрополитъ русскій, 217.
Константинъ Порфирородный 17, 18, 21, 167.
Константинъ, хартофилактъ, 36.
Константинъ VIII, царь, 92, 135, 244.
Босьма, діаконъ, 36.
Крестовые братья 381.
Кривень, Феодоръ, 103, 104.
Крумбахеръ 167, 174 прим. 1.
Ксифилинъ, Георгій, патриархъ, 240, 241.
Ксифилинъ, Іоаннъ, 160.
Ксифилинъ, Константинъ, друнгарій вглы, 158.
Клеваріевы царскія врата 49.
Лазарь, монахъ, 372, 373.
Лалудій, Леонтъ, 103.
Ламбертъ Оксеррскій 166, 167, 261.
Левъ Адрианопольскій 226, 229.
Левъ V Армянинъ, царь, 32, 33 прим., 52, 57, 62, 67, 68, 69, 71.
Левъ, аскричь, 37.
Левъ Грамматикъ 16, 17, 18, 26.
Левъ, епископъ Фокейскій, 36.
Левъ Исавръ 51, 68.
Левъ, кандидатъ, 73.
Левъ, митрополитъ Халкидонскій, 105, 198, 199, 200, 201.
Левъ VI Мудрый, царь, 14, 57 прим., 101.
Левъ Охридскій, архіепископъ, 103.
Левъ Родосскій 226, 229.
Леонтиъ, секретарь, 36.
Леонъ, первый митрополитъ русскій, 135.
Лизикъ (Зиликъ) 86, 87.
Лимонарь, князь, 36.
Лионскій соборъ 285, 286, 287.
Лотаръ III, императоръ, 223.
Лука, патриархъ, 228, 234.
Луль, Раймундъ, 280.
Людвикъ Благочестивый, императоръ, 71.
Мавроподъ, Іоаннъ, 161.
Магарій, митрополитъ Солунскій, 341.
Макарій, пресвященый, 360.
Максимъ Исповѣльникъ 161.
Манихен 148, 149, 273, 373.
Машіакъ, Георгій, 151.
Мануиловъ дворець 226.
Мануиль, магистръ, 19, 21, 22, 25, 27, 39, 45, 59, 61.
Маркъ Ефесскій, 118, 197, 198.
Массалиане 205, 206, 248, 269, 313, 318, 323, 325, 333, 344, 367, 372, 373.
Матеей, князь Пермскій, 128, 129.
Megacosmus 180.
Метафрастъ, Симеонъ, 26.
Метохитъ, Феодоръ, 250, (251, 252, 253), 257, 258, 259, 260, 263, 264.
Меодій, патриархъ, 10, 12, 13, 20, 21, 23, 24, 28, 29, 30, 33, 34, 39, 41, 43, 46, 47, 48, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 61, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 74, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 101.
Миклошичь 332, 333, 342.
Милить, Стефанъ, 103, 104.
Мистивъ, Николай, патриархъ, 101, 102.
Митрофанъ, епископъ Тавроменскій, 56.

Михаилъ VII Дука, царь, 152, 162.
 Михаилъ, князь Пермскій, 128, 129.
 Михаилъ Святоградецъ 41, 48, 53
 Михаилъ Солунскій 211, 215, 217, 218,
 224, 233.
 Михаилъ, ессудоточецъ, 133, 140.
 Михаилъ II, царь, 71, 72, 73, 74, 75,
 76, 77, 78, 79, 80.
 Михаилъ III царь, 5, 8, 9, 10, 11, 12,
 15, 17, 18, 42, 46, 70, 106, 107.
 Мисгосовшис 180.
 Моисеонъ 93, 105, 106, 108.
 Мортагонъ, болгарскій вожь, 77, 79.
 Мотасинъ, калифъ, 62, 63, 64.
 Мунтанъ, Никита, 238.
 Муральтъ 11, 13, 14, 15.

■ Начертанные, Θεοδору и Θεοфанъ, 24,
 37, 41, 42, 48, 53.

Невѣсты царской выборъ 57 прим.

Несторій 216.

Никита, клирикъ, 103.

Никита Маронейскій 226, 229.

Никита, митрополитъ Мирликійскій,
 72.

Никифоръ, патриархъ, 29, 30, 31, 32,
 33, 41, 56, 65, 68, 69, 70, 79, 86, 101,
 200.

Николай Меоонскій 197, 198, 221, 222,
 223.

Николай III, патриархъ, 191.

Николай I, папа, 70.

Ниль, монахъ, 172, 185, 189, 190, 191,
 198, 201.

Ниль 266.

Нонтъ, епископъ, 140.

● Оккамъ, Вильгельмъ, 279.

Олвианъ, стратигъ, 76.

Ольгердъ, великій князь, 118.

Смфалопсикх 322, 359, 371, 379.

Оорифъ, начальникъ гвардіи, 60.

Овсикій, тема, 76.

Орео (Haugéau) 176, 178 прим. 3, 179,
 183.

Оригенъ 133, 140, 186 прим. 3.

Отлбѣй, Георгій, исповѣдникъ, 121
 прим.

■ Павелъ Самосатскій 186 прим. 3.
 Павликіане 149, 191, 204, 205, 374.

Пажи 56.

Палама, Григорій, 6, 7, 113, 119, 123,
 246—249, 265—270, 273—281, 309—
 314, 317—348, 350—354, 359, 360, 362,
 366, 367, 369, 370, 371, 374—378.

Палеологи:

Авдроникъ — 123, 245, 283, 284,
 285 прим., 310, 314, 339, 340.

Анна—341, 343, 346, 347, 370, 377.

Іоаннь—341, 345 прим., 366, 367,
 377.

Константинъ XI—113.

Михаиль—245, 285, 290.

Пантеогенъ см. Сотирихъ.

Пантехни, Іоаннь, 229, 231.

Паскалисъ, папа, 70, 80.

Патраки, патрицій, 64.

Перивлента монастырь 285 прим., 371.

Перуджино, Павелъ, 298, 300, 301, 306.

Пестрый, Θεοδοуъ, воевода, 128.

Петрарка 264, 265, 298, 299, 300, 301,
 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309,
 340.

Петрона, братъ царицы Θεοдоры, 58,
 60.

Петръ, архіепископъ Миланскій, 192.

Петръ Испанскій см. Іоаннь XXI, папа.

Петръ, царевичъ, 118.

Пиги, монастырь, 152.

Пилатъ, Леонтій, 264, 298, 300, 301, 303,
 304, 305, 307, 308.

Питра 85.

Платонъ 152, 153, 158, 160, 161, 180,
 181 прим. 1, 182, 185, 187, 188, 222,
 252, 257, 260, 263, 267, 268, 304, 364.

Платонъ, епископъ, 143.

Плионъ 264.

Порфирій 153, 158, 177.

Порфирій, преосвященный, 321 прим.
 1, 333, 342 прим. 1, 361.

Правтъ 162, 163, 164, 166, 167, 168,
 169, 170, 178 прим. 3, 260, 261, 280.

Прицианъ 166, 167.

Прокъ 223.

Προκόλανος см. Γροσολάνος.

- Прохоръ, монахъ, 272, 274, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360.
 Пселъ, Михаилъ, 146 прим., 151, 152, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 163, 164, 166, 167, 168, 169, 170, 174, 176, 182, 205, 224, 261.
 Психа, помѣстье, 23.
 Птоломей, Клавдій, 259.
 Рггель, В. Э., 41, 47, 50, 106.
 Робертъ Гвискаръ 198, 204.
 Робертъ, король Сицилійскій, 284.
 Росцеллинъ 178, 179, 180, 181, 185.
 Руссело 176 прим. 3, 181.
 Савва Іерусалимскій 142.
 Самуилъ, діаконъ, 229.
 Селимъ, султанъ, 231 прим.
 Серваліи 154, 156.
 Сергій, братъ патріарха Фотія, 58.
 Сергій, патріархъ, 102.
 Сигерь, Николай, 301, 302, 303.
 Сіда 368.
 Сикидитъ, Михаилъ, 214, 238, 239, 240, 241, 243.
 Симеонъ магистръ 16, 17, 18, 26.
 Симеонъ „новый богословъ“, 103 прим. 1.
 Синаксари 50, 51, 56.
 Сисивій, патріархъ, 102.
 Скилица, Георгій, протокурпалать, 230.
 Скилица, Іоаннъ, 26, 27, 28, 31, 44.
 Склиръ, Снѣъ, 243, 244.
 Скоть, Дуасъ, 280.
 Сократъ 181, 188.
 Сотрихъ 91, 211, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223.
 Софія, сестра царицы Θεодоры, 58.
 Спиридоній, епископъ Севастійскій, 133, 140.
 Стефанъ, діаконъ и нотарій, 39.
 Стефанъ Душанъ 374, 375, 376, 377.
 Стефанъ, епископъ, 382, 383, 384, 385.
 Стефанъ, король угорскій, 118.
 (св.) Стефанъ, первосвятитель Пермскій, 128.
 Стиниютъ, Левъ, патріархъ, 91.
 Стенать, Никита, 103.
 Стригольники 365, 378—388.
 Студитъ, Николай, 45, 46.
 Студитъ, Θεодоръ, 29, 40, 41, 44, 45, 46, 48, 51 прим. 1, 56, 67, 69, 70, 79, 80, 81, 87, 200.
 Суаретская епископія 91.
 Схоларій, Георгій, 164.
 Схоластики 6, 173, 174, 176, 177, 183, 184, 185, 201, 203, 269, 279.
 таума Персѣонъ 60 прим. 1.
 Тарасій, патріархъ, 30, 34, 36, 52, 86, 101.
 Тафель 186 прим. 3, 196.
 Тигранъ 190, 194.
 Тиховраховъ, Н. С., 378, 381, 386.
 тобрыи Персѣонъ 60 прим. 1.
 Троицкая книга 111, 115.
 Трумъ, дворецъ патріарха Іоанна, 14.
 Тюро 164, 165, 166.
 Федераты 76.
 Филаретъ, пресвященный, 380.
 Филвипъ (VI Валуа), король французскій, 284.
 Филоея, патріархъ, 267, 270, 271, 276, 325, 346, 347 прим. 1, 353, 361, 362, 363, 376, 377.
 (св.) Фоки обитель 24.
 Фртувать, архіепископъ Венеціанскій, 73.
 Фотій, митрополитъ, 333, 334, 385, 386.
 Фотій, патріархъ, 39, 66, 84 прим. 2, 100, 101, 102, 103, 145, 155, 299.
 Фридрихъ II, императоръ, 262.
 Фурни, Іоаннъ, игумень, 197, 198.
 Жалкопратійскія двери 198.
 Хинолакка, обитель, 67.
 Христодулъ 263, 339.
 Христофоръ Мирскій 226, 229.
 Щамискій, Іоаннъ, 204.
 Чашы умывальныя 63.
 Ширесвудъ, Вильгельмъ, 163, 167, 261.

Щигль, посадникъ, 131, 135.

Эксавулій, Иоаннь, логоветъ дрома, 78.

Эксувты 20.

Энтузіасты 191, 359, 372.

Юстиніанъ I 171 прим. 2.

Имвлихъ 153, 158.

Фекла, первомученица, 130, 135, 143.

Феодора, царица, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 30, 39, 40, 41, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 106, 107, 134.

Феодоригъ, монахъ, 372.

Феодоръ, протоспаарій и сгратигъ, 72.

Феодосій, монахъ, 373.

Феодосій, преподобный, 373, 374.

Феодосій Терновскій 372, 333.

Феокиста, мать цар. Феодоры, 58.

Феокистъ, канцлеръ п логоветъ, 10, 19, 21, 22, 27, 40, 42, 43.

Феофанія, супруга Льва Мудраго, 57 прим.

Феофанъ, законовѣдъ, 103.

Феофанъ, исповѣдникъ, 41, 46 прим. 4, 48, 53, 120.

Феофанъ, гѣгоцисецъ, 9, 13.

Продолжатель Феофана 16, 17, 18, 21, 22, 24, 25, 26, 74, 75, 77.

Феофанъ, митрополитъ Никейскій, 235 прим.

Феофанъ, пресвитеръ и препозитъ, 30.

Феофилъ, законовѣдъ, 103.

Феофилъ, царь, 5, 10, 14, 17, 22, 23, 24, 25, 30, 37, 40, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 59, 60, 64, 71, 81, 82, 134.

Феофозъ 58 прим. 2, 59, 60.

Фессальская зала 23.

Фома Аквинатъ 176, 188, 262, 263.

Фома, самозванецъ, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79.

Нар. Библиотека, София.

Оглавление.

СТРАН.

I. Константинопольскій соборъ 842 года и утверждение православія 3

Введение: Синодикъ въ недѣлю православія, задачи изучения его.—Исторіографія собора 842 года: Г. Амартоль, Генесій, Продолжатель Теофана, Симеонъ Метафрастъ и Левъ Грамматикъ, I. Скилица.—Слово на перенесеніе мощей патріарха Никифора.—Акты VII вселенскаго собора. Выводы изъ разсмотрѣнія источниковъ.—Литература житій: житіе царицы Теодры, Ѡ. Студита и его учениковъ; основные мотивы, развиваемые въ житіяхъ.—Отдѣльныя сказанія.—Повѣствованія сиваксарныя.—Матеріалы въ анналахъ Баронія.—Взаимное отношеніе иконоборческой и православной партій по смерти Теофила.—Восточный (армянскій) элементъ при дворѣ и въ администраціи.—Протестъ противъ усиленія этого элемента, исторія Теофона, опасеніе Теофила за судьбу династіи.—Участіе политическаго элемента въ возстановленіи православія.—Патріархъ Іоаннъ VII, какъ представитель восточныхъ вліяній; легенды.—Патріархъ Меодій: западное и національное византийское направленіе.—Отношенія Меодія къ Риму.—Дѣло самозванца Ѡмъ: этнографическій принципъ.—Протестъ противъ иконоборства.—Политическая окраска Меодія при Теофилѣ.—Нестроенія въ недрахъ православной церкви при Меодіи.—Житіе Іоанникія.

II. Синодикъ въ недѣлю православія. Составъ и происхожденіе частей его. 7

I. Списки греческаго синодика: Эскуріальскій, Вѣпскій, Мадридскій, Монфоконовскій.—Разновременность происхожденія частей синодика древнѣйшей редакціи.—Анализъ пролога и некоторыхъ частей синодика.—Время внесенія въ синодикъ имени патріарха Фотія.—Статья о Ѡ. Крепнѣ и его товарищахъ.—Употребленіе двухъ редакцій синодика въ XI в., изъ коихъ позднѣйшая возобладава надъ древнѣйшею.—Утраченная редакція и протоколы VII вселенскаго собора.—Происхожденіе сохранившейся редакціи.

2. Списки русскаго переводнаго синодика: Московскій синодальный, Новгородскій Императорской Публичной Библиотеки, Московскій Патріаршей Библиотеки.—Болгарскій синодикъ царя Бориса.
3. Историко-литературные матеріалы въ русскомъ оригинальномъ синодикѣ-помянникѣ.—Виды русскыхъ помянниковъ.—Историческій матеріалъ для областной исторіи.—Литературные сюжеты, обрабатываемые въ помянникахъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ.—Повѣсти и сказанія.—Синодична смѣшаннаго содержанія.—Синодикъ изъ библиотеки графа Уварова.

18. Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ . . .

146

Обіиде статей, внесенныхъ въ Синодикъ при царяхъ Алексѣѣ I и Мануилѣ Комнинахъ.—Главы противъ I. Итала, какъ выраженіе философскаго мышленія въ концѣ XI вѣка.—Извѣстія объ Италѣ: а) Авыи Комнины; б) Н. Акомината.—Разборъ этихъ извѣстій и сопоставленіе съ письмами М. Псела.—Философское направленіе I. Итала.—Культурное взаимодействіе между западомъ и востокомъ: Пратль и его мнѣніе о логикѣ Псела.—Разборъ возраженій Туро.—Антицерковное направленіе въ философскомъ движеніи.—Внесенныя въ Синодикъ положенія противъ Итала представляютъ собой разрозненныя звенья метафизической системы.—Возможно ли восстановить эту систему.—Освѣщеніе ученія Итала съ точки зрѣнія метода и содержанія схоластической философіи: а) вопросъ о родахъ и видахъ (универсалии); б) представители номинализма и реализма на западѣ и метафизическія системы ихъ.—Отреченныя мнѣнія, внесенныя въ Синодикъ, гожественны съ продуктами западной философствующей мысли.—Разность философскихъ принциповъ въ главахъ противъ Итала.—Платоновскій реализмъ какъ въ богословскихъ выводахъ, такъ въ космологическихъ и психологическихъ настроеніяхъ Итала.—Школа I. Итала: а) монахъ Нилъ; б) Евстратій Никейскій, сочиненія его; с) М. Ефесскій и др.; д) Левъ Халкидонскій.—Ученіе Льва, объясняемое изъ діалога Евстратія.—Философскія основы въ школѣ, онтологическое начало.—Пять главъ противъ богмиловъ, космологическая система на началахъ дуализма.—Сравненіе этихъ главъ съ Бесѣдой пресвитера Козмы.—Точки соприкосновенія богомильскаго ученія съ ученіями иконоборцевъ.—Распространеніе Синодика поэими статьями при царѣ Мануилѣ.—Илюженіе исторіи соборовъ.—Диалогъ Сотиріахъ.—Соборъ 1166 года, разборъ соборныхъ актовъ.—Новые матеріалы, почерпаемые въ сочиненіяхъ Николая Мевопскаго.—Философская основа въ антицерковномъ движеніи: номинализмъ и реализмъ.—Никифоръ Василан.—Соборъ 1166 года: разборъ актовъ.—Выводы къ сравнительной важности матеріаловъ, сообщаемыхъ Синодикомъ противъ изложеній соборныхъ дѣяній.—Епископъ Керкирскій и Юванъ Приникъ, изслѣдованіе архіепископа Вулисми.—Дмитрій изъ

Лампы.—Отрывокъ незаданной части сочиненія Н. Авоината о богословскихъ спорахъ въ концѣ XII вѣка.—Михаилъ Сикидеть и Свѣтъ Силверь.—Замѣчаніе о статьяхъ политическаго характера въ Синодикѣ.

IV. Философское и богословское движеніе въ XIV вѣкѣ (Варлаамъ, Палама и приверженцы ихъ) 246

Заключительный отдѣлъ Синодика.—Общій взглядъ на полемику между Г. Паламой и Варлаамомъ. 1) *Философское направленіе Варлаама*: діалогъ „Флорентій“.—Хронологическія данныя.—Значеніе діалога.—Изученіе астрономіи.—Византійская и западно-европейская философія.—Подрывъ авторитета Аристотеля.—Состояніе изученія философскаго движенія въ средніе вѣка.—Характеристики направленія и ученія Варлаама: Нила, Филовея, Кавтакузина, Христодула и др.—Связь философскихъ ученій съ догматикой.—Мнимый ученикъ Варлаама Акиндия.—Трактатъ о „существовѣ и энергіи“.—Общія заключенія о направленіи Варлаама.—2) *Миссія Варлаама на Западъ и переговоры объ умѣ*.—Политическіе взгляды Варлаама, на основаніи его рѣчей и записокъ, представленныхъ папѣ.—Увидъ съ точки зрѣнія римской курии: документъ 1452 года.—Сношенія Варлаама съ учеными италянцами Перуджино и Петраркой.—Роль Варлаама въ возбужденіи интереса къ еллинскимъ занятіямъ: Л. Пилатъ и Боккаччо.—3) *Философскія проблемы въ приложеніи къ догматикѣ*.—Недостаточность и односторонность извѣстій о началѣ богословской полемики: свидѣтельства Н. Григоры.—Хронологическія данныя къ исторіи полемики.—Письма Паламы.—Авоинскіе исихасты, мессалиане.—Переписка Акиндия, бросающая новый свѣтъ на отношенія между партіями.—Изложенія дѣиной собора 1341 года.—Положеніе партій послѣ собора.—Значеніе политическихъ интересовъ въ полемикѣ.—Соборы 1347, 1351 и 1388 гг.

V. Пропаганда противъцерковныхъ идей и ученій. Происхожденіе ереси стригольничества 365

Византійскія церковныя партіи въ XIV вѣкѣ.—Характеристика назамптовъ въ полемическихъ сочиненіяхъ той эпохи.—Отождествленіе накамитовъ съ богомилами.—Пропаганда антицерковныхъ ученій въ Македоніи и Болгаріи.—Житіе Θεодосія Теравскаго.—Палама и царь сербовъ Стефанъ Душанъ.—Пропаганда антицерковныхъ ученій въ Россіи.—Значеніе термина „стригольникъ“.—Взгляды на происхожденіе ереси стригольничества.—Обличенія ереси.—Догматическія, метафизическія и обрядовыя черги въ ученіи стригольниковъ объясняются изъ системы вѣроученія богомиловъ.